Клара Хафизова

Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках

Нур-Султан
2019

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Каз)
Х 26

Рекомендовано к печати Ученым Советом
Казахстанского института стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан

Автор:
Клара Хафизова

Хафизова К.Ш.
Х 26 Степные властители и их дипломатия в XVIII–XIX веках. Монография. – Нур-Султан: КИСИ при Президенте РК, 2019. – 476 с.

ISBN 978-601-7972-15-8

Монография посвящена истории дипломатии Казахского ханства (XVIII-XIX вв.). Через жизнеописание трех поколений казахских правителей раскрывается их дипломатия на протяжении двух столетий. На сложном фоне международных отношений показаны их неустанные усилия по сохранению казахской государственности, территориальной целостности и национального единства, но большей частью после упразднения Россией ханства. Одновременно вносятся коррективы в биографии известных политических деятелей, открываются новые имена и новые страницы истории. Большое внимание уделено роли батыров и других старшин в дипломатической деятельности ханства. Привлечены архивные материалы и документы России, КНР, Тайваня (впервые в казахстанской историографии), а также казахские исторические предания и родословные – шежире.

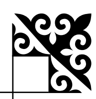
Книга предназначена для ученых, преподавателей, студентов и всех интересующихся историей Казахстана, а также международными отношениями в регионе Центральной Азии.

УДК 94(574)
ББК 63.3(5Каз)

ISBN 978-601-7972-15-8

© КИСИ (KAZISS) при Президенте РК, 2019
© Хафизова К.Ш., 2019

СОДЕРЖАНИЕ



ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

В истории дипломатии Казахского ханства есть несколько имен, в биографии которых наиболее ярко отразилось то время, в которое они жили. Сведения о жизни этих деятелей помогают понять многообразную и сложную систему международных связей казахских ханств, привольно раскинувшихся между тремя центрами силы: Российской, Цинской империями, а также исламским миром. Исламский мир в XVIII-XIX вв. представляли Кокандское, Бухарское и Хивинское ханства, Иран и Турция. В судьбе исторических лиц отразились все переплетения судьбы ханств, передача ими отдельных представительных прерогатив власти для сохранения суверенитета, а затем окончательная потеря независимости. Однако этот процесс, благодаря их усилиям, длился удивительно долго, почти 200 лет, несмотря на своеобразие казахской государственности того периода, экономическую отсталость, военную слабость и навязываемую державами разрозненность родо-племенных союзов – жузов.

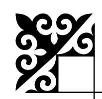
Среди деятелей большинство составляют представители «белой кости», что вполне закономерно, так как дипломатия была привилегией ханов и их ближайших родственников – султанов. Исключением является Толе би из Старшего жуза, который реально правил родами этого жуза, прикрываясь именами чингизидов. Среди послов мы встречаем также и батыров, биев из «черной кости», но они также в своем большинстве относились к казахской феодальной знати, находились в родственных связях с домами правителей, которым они служили. Характеристики деятелей будут связаны с их внешней политикой и дипломатической деятельностью, выполнением ими посольских миссий в Джунгарском ханстве, России, Китае и среднеазиатских ханствах.

Главными персонажами являются ханы Абулмамбет, Абылай, султан Абулфаиз и их потомки: султаны Урус, Алтынсары, Жошы, Сарт Ючин, Кенесары, Губайдулла, Али Адилев, Сюк – сын Абылай хана, Тезек, Чокан Валиханов, джунгарский хан Даваци, Толе би, а также батыры Кабанбай, Кожаберген, Бердыкожа и многие другие.

Полные переводы автором цитируемых документов читатель найдет в сборниках ЦИКХ, «Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана», «Восточная дипломатия на стыке цивилизаций (сокращенно ВД).

Отдельные Разделы монографии публиковались в 2013-2016 годах в журнале «Мысль» (главный редактор С. Куттыкадам). Приношу свою признательность составителям Именного и Географического указателей – сотрудникам Центра сближения культур Министерства культуры и спорта РК Э. Есполовой и сотруднику КИСИ при Президенте РК Г. Бимаганбетовой.

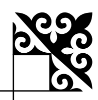
Выражаю глубокую благодарность коллегам и руководству Казахстанского Института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан за подготовку и издание данной книги.



ВВЕДЕНИЕ.
Цели и задачи исследования.
Периодизация казахской дипломатии.

В казахской истории нет работы, специально посвященной истории дипломатии древних и средних веков. Есть лишь исследования, изучающие отношения Казахского ханства с различными странами, а также сборники документов и материалов по международным отношениям. Автор рассматривает все переведенные ею документы и данное исследование как вспомогательный материал для написания необходимой обобщающей работы. В данном исследовании автор пытался собрать факты о международных связях властителей степей и их дипломатии. В истории дипломатии Казахского ханства есть несколько имен, в биографях которых наиболее полно и ярко отразилось то время, в которое они жили. Сведения о жизни этих деятелей помогают понять многообразную и сложную систему международных связей казахских ханств, привольно раскинувшихся между тремя центрами силы: Российской, Цинской империями, а также исламским миром (Кокандским, Бухарским и Хивинским ханствами, а также Турцией и Ираном). Через жизнеописание трех поколений казахских правителей раскрывается их дипломатия протяженностью в два столетия. На сложном фоне международных отношений показаны их неустанные усилия по сохранению казахской государственности, территориальной целостности и национального единства, как при самостоятельности и суверенности, так и после упразднения Россией ханства. Одновременно вносятся коррективы в биографии известных политических деятелей, открываются новые имена и новые страницы истории. Большое внимание уделено роли батыров и других старшин в дипломатической деятельности ханства.

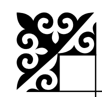
Дипломатию Казахского ханства можно разделить на два этапа. К первому этапу относится время с основания в начале XV до конца первой четверти XIX века. Даты образования кочевых империй Джунгарского в 1635 г. [Златкин, 1964] и Казахского ханства в период не ранее 1465 г. [Атыгаев, 2015, 149–164] являются условными. В это время ханы вели относительно самостоятельную внешнюю политику, а международные силы мало вмешивались в процессы выборов ханов. Ко второму периоду относится время с 20-х годов почти до конца XIX столетия. Единство государства осознавалось и после упразднения ханства Российской империей, когда правителями вла-



дений – уделов в отдельных регионах Казахстана – страны казахов были чингизиды. В Семиречье правители уделов являлись представителями одной династии чингизидов – абылаевичей (абулаидов). Традиционное право на управление казахами, право властвовать над ними чингизидов признавалось во всех регионах Казахстана, а также в соседних странах неоспоримым фактом. Времена правления ханов Нурали, Абулмамбета, Абылая являлись сложными в связи с прямым вмешательством в казахские дела Джунгарского ханства и Российской империи. Мировоззрение кочевых народов относительно внешних связей и дипломатии имело много общих черт, освященных Яссами Чингисхана и производных от него законоположений, продолжавших эффективно действовать в кочевом обществе. Однотипность взглядов на международные дела, обусловленная кочевым образом жизни и общим типом административно-хозяйственного устройства, почти не влияла на дипломатические принципы и институты казахов и джунгар, закрепленные в обычном праве, а также их дипломатические церемониалы, что отражено в книге автора «Диалог цивилизаций на Шелковом пути» [Хафизова, 2015, 221–265]. Степные властители выделяли уделы членам семьи, представителям своего рода, которые являлись родственными вассалами. Китайские историки применительно к Монгольской империи называют их *цзунфань* (宗藩). Известно, что Чингисхан выделил уделы своим четырем сыновьям, Казахстан и Средняя Азия составляли центр удела Джучи. Ханы на этой огромной территории являлись действительными и мнимыми потомками старшего сына Повелителя Вселенной.

В Джунгарском ханстве сохранялось равновесие сил между кочевничеством и оседло-земледельческим хозяйством, между Степью и городами-оазисами, между исламом и буддизмом. Понятие административного аппарата применительно к этому государству можно применять без кавычек, в отличие от Казахского ханства. Однако, в международных делах приоритет сохранялся за ханами.

В России, несмотря на безжалостное искоренение Петром I (царствовал в 1682–1728 гг.) «татарского» церемониала, а в цинском Китае дольше, там и тут продолжали проявляться рудименты «татарской» дипломатии. При Екатерине II и Александре I русская дипломатия все более европеизировалась, а внешняя политика России в Центральной Азии продолжала проводиться в русле эпизодически возникающих русско-турецких войн: в 1733–1735, 1768–1774, 1787–1791, 1806–1812, 18218–1829, 1853–1878 гг. Они отвлекали Россию от

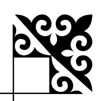


казахских дел, но помогали совершенствованию ее внешней политики, поддерживаемой военным превосходством. Интересы державы в Азии не уменьшались, а подпитывали ее имперские амбиции. В обеих столицах России казахским послам демонстрировали трофеи турецких войн, их приглашали на военные смотры. Аналогично поступали в Пекине – послов из Центральной Азии водили в Галерею боевой славы Цзыгуангэ, а также на пышные парады войск в столице и провинциальных центрах.

В Цинской империи европейцев относили к экзотическим народам, как реальную силу их осознали лишь с развязыванием европейскими державами Опиумных войн (1840-1842 и 1856 – 1860 гг.). Цинская империя превратилась в полуколониальное государство, но и в этих условиях она продолжала конкурировать с Российской империей в Центральной Азии. Господство над Кашгарией（回部Мусульманией), которое Китай поддерживал всеми силами, а также конкуренция с Россией, требовали его присутствия в регионе Центральной Азии.

После гибели Джунгарского ханства Казахское ханство испытывало давление с запада и юга, со стороны глобальных международных сил и мощных мировых цивилизаций. И в этих условиях поддержанию казахами статуса владений – уделов помогали традиционные способы управления кочевыми образованиями. На сохранение единства народа и страны положительное влияние оказывал институт старшего среди правителей. Правда, общая территория их правления значительно сузилась, тем не менее, этот институт сохранялся и в урезанном виде. Султаны также по-прежнему придерживались традиционных методов ведения международных дел. Старшим представителем высшей власти признавался тот, кто сел на трон раньше всех, подобно тому как дуайеном становится посол, раньше всех прибывший в страну послом и успевший первым вручить верительные грамоты. Старшим ханом считался тот, кто ранее всех был избран ханом и принадлежал к старшей ветви династии. Статус старшего хана позволял так или иначе контролировать и унифицировать международные связи казахских правителей. Он являлся символом государства и официально созывал советы султанов и старшин, а также председательствовал на них. С другой стороны, борьба за место старшего хана постоянно вызывало междоусобицы в казахской элите.

С отменой титула «хан», чингизиды устремились в гонку за должность ага-султана. Эта креатура, умело подброшенная Россией для внедрения в степи новой административной системы, внесла еще



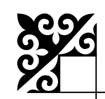
больший разлад в отношения между правящими домами и внутри них. Более того, среди ага-султанов появились и представители «черной кости». По прошествии короткого времени возмущение чингизидов, обусловленное потерей ханства, стало проявляться сильнее. Наиболее энергично протестовали члены семьи султана Касыма, одного из сыновей Абылай хана. К ним присоединялись другие, однако, не в едином порыве и не исходя из единых тактических соображений. Силы казахов и России были неравными. Тем не менее, борьба казахов за относительную самостоятельность в разных формах длилась с 1824 г. почти до конца столетия, до времени завоевания Российской империей среднеазиатских ханств.

Казахских ханов объединяло понимание необходимости иметь старшего хана, хотя бы для председательствования на ханских советах, для обсуждения насущных внешнеполитических вопросов и достижения консенсуса. Старший хан должен был быть знатного происхождения, и, в силу своей знатности, обладать авторитетом. Если он уступал по знатности, как, например, хан Абулхаир (уб. в 1748 г.), то по меньшей мере, должен был завоевать этот авторитет своим вкладом в дело безопасности ханства, отличившись в крупных военных сражениях и дипломатических переговорах с соседними государствами.

Ханы делили между собой обязанности по встрече и проводам чужеземных посольств. Абулмамбет хлопотал о возвращении Абылая из джунгарского плена и отправке сына с «белым домом», т.е. в почетный плен к Галдан-Цэрену. Поэтому он отвечал за переговоры с Джунгарией. А дела, относящие к русским и каракалпакам, были в ведомстве хана Абулхаира в виду территориальной близости Младшего жуза к России, именно им были сделаны первые шаги по установлению отношений с нею. Однако, ни один из ханов и султанов не отказывался от сепаратных переговоров с чужим правительством, если это отвечало его личному возвышению и интересам семьи.

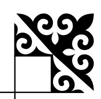
Русская администрация устами И. Неплюева высказала свое отношение к старшинству среди ханов: «В киргизском народе между протчими особливо главному хану быть не только не полезно, но и вредительно быть может» [КРО 1, 401]. Однако, за 200 лет истории Казахского ханства были периоды,когда в тактических целях, для обеспечения безопасности своих пограничных территорий, Россия старалась в тактических целях примирить враждующих феодалов.

Один из девяти принципов управления государством в Китае провозглашался в главе «Учение о середине в «Ли цзи» **(**禮記



– Книга ритуалов**)**: «любезное обращение с людьми издалека», потому что, «Любезное обращение с людьми издалека обратит на сторону (китайского правителя, китайского государства. – *К.Х.*) людей отовсюду». Потому что, «устраивать проводы при отъезде и встречу при приезде, хвалить (то хорошее), что им присуще и, проявлять сочувствие (по поводу того, что они в чем-то) неспособны, – в этом состоит (путь) любезного обращения с людьми издалека», – писали авторы этой «Книги об установлениях». Согласно этому конфуцианскому канону об обрядах следует «посылать (богатые) дары, приветствовать скромные (подношения)» [Древнекитайская философия, т. 2, 1973, 127–128]. Китайские императоры старались придерживаться этих правил как для своих князей, так и для посланцев иностранных правителей до самой гибели Цинской империи. Китайские философы считали, что лишь при правильном справедливом управлении собственным государством можно добиться уважения других народов. Они разрабатывали правила для идеального государя при идеально дружественных международных отношениях. Мэн-цзы (III век до н. э.) призывал к соблюдению 5 пунктов, регулирующих государственное управление: привлечение к службе и возвышение «достойных и нравственных», справедливое взимание налогов с земледельцев (но не требовать их от безземельных) и пошлин. Справедливый досмотр на таможнях. «Если (князь) сможет исполнить эти 5 пунктов, то народ соседних стран будет взирать на него, как на отца и мать» [Попов, 1998, 56]. Этот идеал практически был недостижим, хотя на пропаганду его философы не жалели сил. Кроме того, он не являлся универсальным правилом и применялся в комплексе с другими практическими приемами изощренной китайской дипломатии. Тем не менее, наставления философов никогда не забывались, по крайней мере, их часто использовали в пропагандистских целях.

Цинская империя, учитывая все противоречия казахских ханов, в целом, хотела бы вести дела с ограниченным кругом правителей, с одним признанным ими ханом. При жизни этого хана она официально отклоняла притязания на ханский трон со стороны других султанов. Так, признав хана Абылая, она отклонила просьбу Болата, сына Абулмамбета, признать и подтвердить его ханское достоинство. Султану Абулфеизу был присвоин титул «ван», означавший «князь». Этот титул был достаточно высоким, но уступал титулу «хан», был ниже его по рангу. Для того, чтобы политика империи была более приближенной к политической культуре народов Центральной Азии, император Цяньлун за-



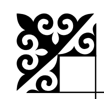
претил администрации Синьцзяна и чиновникам внешнеполитических ведомств использовать китайские и цинские титулы типа *ван*, вместо казахских, а пользоваться исконными тюркскими и монгольскими титулами и званиями. «Мы (император)являемся *ханом* и объединителем всей Поднебесной, а они являются маленькими *ханами* всего лишь одного рода, надо ли избегать этого (названия) и фальсифицировать (его)», – отмечалось в одном из указов [ВД, 2015, 191–192]. В данном случае император маньчжурской династии показывает фактически разницу между статусами *кагана* и *ханов*. Мы видим в этом память о древнем институте старшего хана у тюрко-монгольских народов, «степных» и «лесных» народов. Одновременно, цинское правительство поощряло приезд послов казахской титулованной знати под главенством посла их главного хана. Тем самым, оно учитывало его приоритет перед другими казахскими ханами, избранными их подвластными и сторонниками, а также султанами. Верховенство главного посла главного хана подчеркивалось на дворцовых церемониях местом, на которое его сажали, церемониалом первым принять чашу вина из руки императора, а также получением подарков, соответствующих иерархии его хана. Подарки при цинском дворе и выдача содержания во время пребывания в Китае всегда были строго регламентированы. Казахские ханы также ревниво следили, чтобы подарки при их титуловании соответствовали статусу их хана и старшего хана.

Позиция цинского правительства в отношении старшего среди ханов и султанов объяснялось, помимо принятых правил, также меньшей степенью его вовлеченности в казахские дела по сравнению с русским правительством.

Одним из важных факторов казахских правителей была необходимость признания их легитимных прав на ханство, на владение уделом и закрепление этих прав за своим наследником.

Молодые султаны и дипломатия

В кочевом обществе представители родовитых домов, официальные наследники включались в политическую жизнь в молодости, а порой и в отрочестве. По достижении 16–17 лет они постепенно привлекались в «карательные» и военные походы, затем могли возглавить небольшие военные отряды, выполняя поручения ханов и старших султанов по наказанию непокорного рода. Другой школой были соревнования и военные игры, а также

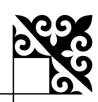


охота. К дипломатии царевичи приобщались достаточно рано, они присутствовали на приемах в честь чужеземных послов, где знакомились с этикетом, учились умению вести беседы. Их назначали формальными – в силу возраста – главами посольств в Джунгарию, Цинскую империю. Султан Абулфеиз специализировал сына Жошы с детства по цинско-китайскому направлению международных связей. Жошы лично доставил цинским властям двух казахов, которые в погоне за вором из Тарбагатая нарушили границы. Илийский генерал-губернатор Илэту доложил императору об этом событии, а также о том, что третий нарушитель все еще не пойман. Двух пойманных решено было заковать в кангу на шесть месяцев, а затем отправить обратно Абулфеизу. Довольный поступком Абулфеиза, император указом от 4 октября 1783г. (47 год правления Цяньлун 8 луна, день синмао) распорядился, чтобы обоих казахов освободили от тяжкого наказания, а третьего – простил [Восточная дипломатия, 2015, 234–235]. Сын Абылая Вали хан по поручению отца с юности занимался вопросами скотокрадства и угона в плен людей на границе с Россией. Султаны с детства включались в международные дела, как гаранты со стороны их отцов и других властителей.

Хан Валисултан, отправляя делегацию по случаю 80-летнего юбилея императора Цяньлуна, поставил младшего брата Амиртая во главе посольства. Так как тот был совершенным ребенком, император указом от 3 апреля 1791 г. повелел не везти его с большой скоростью [Восточная дипломатия, 2015, 264]. Возможно, юный султан передвигался верхом, не был приучен ездить в повозках.

Кроме того, молодые султаны регулярно занимались торговыми делами. Им поручалось организация проезда международных купеческих караванов через подвластные ханам кочевья, опека над ними до достижения ими владений следующего правителя. Личное участие Айшуака (Аучувака) султана, сына хана Абулхаира в торговле привело к тому, что число казахских торговцев с 30 человек возросло сначала до ста человек, а затем и двухсот торговцев, к ним присоединились бухарцы и хивинцы «с их разным товаром и серебром на двадцати трех верблюдах» [Сулейменов, Басин, 1981, 195]. Караваны среднеазиатских купцов доходили до 300 и более нагруженных товарами верблюдов (например, в 1830 г.).

История дипломатии казахских правителей раскрывает их индивидуальность, пристрастия, родственные отношения, а также повседневный быт, грамотность и культуру.



У них стало больше знаний о тибетской, китайской, другой восточной и европейской медицине, о различных специях и их лечебных-оздоровляющих свойствах. Ханы, султаны зачастую заказывали у пограничной администрации лекарства и специи, чай, табак, имеющие лечебные свойства.

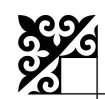
Хан Абулмамбет на просьбы, что ему прислать в ответ на его подарки, отвечал: «Мне, Абулмамет-хану, что потребно, сим письмом представляю: для сердечной болезни пожаловать прислать лекарств, перцу и инбирю от грудной болезни и от лихоратки, да купоросу, еще десть бумаги…» [ЭНКПЭ, 1, 255].

Лечение в пограничных городах, крепостях и редутах Сибири, Синьцзяна стоило достаточно дорого. Абылай султан пожаловался по этому поводу генерал-майору А. Тевкелеву в 1758 г. на произвол пограничных командиров. Его подвластного по имени Рай жестоко избил некий поручик. Тому пришлось лечиться у российского лекаря в редуте. Лекарь взял с него за лечение 4 лошади и 20 баранов. Для сравнения, Рай лечился также у казахского лекаря и расплатился с ним одним верблюдом и лошадью-иноходцем [КРО 1, 567].

Участие султана, хана в судьбе старшин и простых скотоводов являлось взаимовыгодным. Переписка ханов и султанов по поводу угнанных и задержанных в Синьцзяне беженцев, колодников, пастухов, купцов – достаточно обширная. Она характеризует эпоху, двусторонние отношения и место правителя в казахском обществе.

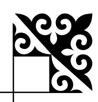
Абылай султан в 1858 г. просил возвращения 200 коней подвластных ему батыров Кулеке, Кулсары и намеревался поручить донести об этом до сведения царицы через посла Жолбарыс султана (ЭНКПЭ 1, 294). В том же году он писал в Оренбург, что не просит убежавших российских подданных башкиров, мещеряков и русских, но требовал возвращения бежавших от него двух калмыцких наложниц, одна из которых родила от него двух сыновей и дочь, а также остальных калмыков, сартов и других пленников [ЭНКПЭ 1, 292].

Вали султан во время своего первого визита в Китай в 1969 г. просил возвращения отцу из рода байджигит его сына Ерали, бежавшего в Тарбагатай (Восточная дипломатия, 2015, 194–195). За скот, угнанный у старшины Актамберды, хлопотал султан Абулфеиз, между тем, основную часть – 900 голов из 1100 – казахи у цинских конокрадов отбили [Восточная дипломатия, 2015, 197–195]. В 1760–1769 гг. император Цяньлун придерживался жесткой политики в отношении казахов, чтобы оторвать их от России. В особенности большое давле-



ние оказывалось на Абылая – до того времени, пока он не отправил в Пекин своего наследника Валисултана. Оба соседних государства действовали на султана методами «кнута и пряника», а в конце жизни от него отвернулись потомки Абулфеиза султана и влиятельного гусиноголосого Казбек би.

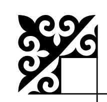
Регулярная переписка с администрациями соседних стран, с другими восточными правителями способствовала поддержанию связей. Стороны знакомились с обстановкой и внутренним состоянием и намерениями друг друга. Переписка с претензиями была настолько обычной, что зачастую курьеры с письмами посылались под их предлогом обеими сторонами для разведки. Ханы и султаны часто предпочитали поручать подобные дела своим сыновьям, что было для них своеобразной школой дипломатии. Кроме того, они на практике изучали законы своей страны по наказаниям и возмещению ущерба. Царевичи знакомились с особенностями менталитета, культуры соседних народов, их политико-административным устройством и хозяйственными структурами. Суровой школой для молодых султанов, их старшин и батыров было пребывание в соседней стране аманатами. Помимо всего прочего, они изучали языки и письменность других народов. Наследники набирались опыта в международных отношениях, некоторые из них, как уже отмечалось выше, специализировались по странам. Но, в целом состояние делопроизводства при ханах было проще, нежели при султанах-правителях после присоединения Казахстана к России. В 1848 г. статский советник Н. Любимов писал в Азиатский департамент МИД: «Вся канцелярия у султанов-правителей состоит из одного письмоводителя, из какого-нибудь писца и из наемного толмача» [Сулейменов, Басин, 1981, 212]. У хана одно лицо могло быть и писарем, и толмачом, и учителем детей. Причем, если находился подходящий человек, он исполнял обязанности временно, в связи с текущими потребностями. Но все больше возникала потребность в фиксации писем. У хана Кенесары писарь, как правило, он же мулла, учитель ханских детей, был еще и его управляющим, подсчитывавшим наличие сарбазов, скота, вооружения и другого имущества. Ханы в основном полагались на своих посланцев, могущих устно передать их распоряжения и секретные предложения. Писари чаще всего были эмиссарами среднеазиатских ханов, русской и цинской администраций. Корреспонденция хана помещалась в один сундук, который он возил с собой при перекочевках. Писари при первой возможности тайно снимали копии



писем других стран. Благодаря этому, некоторые документы или пересказы их содержаний становились известны в соседних странах и дошли до нас.

Часто встречающимися делами у кочевников были: скотокрадство внутри враждующих родов; ограбление караванов; захваты в плен и сокрытие беглых чужеземцев. Особенно тяжелое наказание грозило пограничным казахам за угон казенных лошадей. На территории Илийского края к 1777 г. было выставлено более 20 караулов, близко подходящих к казахским кочевьям, но в цинских гарнизонах не хватало воинов для надлежащего их объезда. Пользуясь этим, казахские батыры тренировались в краже коней. Особенно много докладов пограничных чиновников скопилось на маньчжурском языке в фондах Военного Совета (Цзюньцзичу). Обоюдная кража скота существовала внутри кочевых государств и между ними. Законы, наказывающие за это, были схожи, так как основывались еще на Яссы Чингисхана, со временем они уточнялись и дополнялись. Но эти исправления и дополнения не меняли сути статей обычного права кочевых народов, действовавших веками. Кража скота у населения, казенных конезаводов и военных гарнизонов каралась в России и Китае по более жестоким, чем у кочевников, законам этих соседних стран.

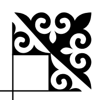
Конокрадство усиливалось в периоды восстаний окраинных народов империй. Это не всегда означало, что казахи примыкали к восстаниям этих народов, хотя и сочувствовали им. Чаще они хотели воспользоваться сложившейся ситуацией в свою пользу. Восставшие также угоняли лошадей у казахов. В 1758 г. Абылай султан был занят на востоке установлением торговых отношений с создающимся на территории Джунгарии Илийским округом, в это время у него хотели угнать табуны. Его люди успели отбить большую часть у самой границы с Россией, у Иртыша. Абылай долго переписывался с русскими властями по этому поводу. В письме султана к Сибирскому губернатору Ф.И. Соймонову говорится о семи тысячах голов. Цинским властям торговцы Абулфеиза, в частности, батыр Отарши, говорили о четырех тысячах голов. Такой крупной кражи больше не было, безусловно, это не могло произойти без ведома командиров русских крепостей. В период разгрома Джунгарского ханства конокрадство усилилось. Захваченный казахами калмык заявил: «…русские господа-де приказали з голоду не умирать, киргиз-кайсацкие табуны отгоняйте и ешьте» [ЭНПКЭ 1, 293]. Оренбургские власти на запросы казахов не



раз уклончиво отвечали, что кража их лошадей произведена башкирами, или калмыками в ответ за подобный же поступок казахов. А между тем, те и другие относились к давним подданным Российской империи.

На Яике кражи скота усиливались в период башкирского восстания 1755 г., в период восстания Пугачева в 1773–1775 гг. В это время правительства соседних стран усиливали связи с казахскими правителями, требовали и просили их сдерживать своих подвластных и помочь возвращению угнанного скота. Зачастую тогда же происходил обмен пленными.

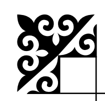
Сибоский гарнизон войск в Илийском крае находился к югу от реки Или на границе кочевий султанов Абылая (Кунана), имеющего титул «гун», Али и Абулфеиза, а также других абылаевичей второго и третьего поколений в Семиречье. В Первом историческом архиве КНР хранятся большие сводки скотокрадства на границе, охватывающие периоды с 1805 по 1841, с 1818 по 1832 г., составленные командирами пограничных гарнизонов и Илийского генерал-губернатора [ПИА КНР, фонд «Донесения» Цзюньцзичу. См.: Сибо. Энциклопедия, 145–147 и 493–496]. На эти годы приходятся крупные восстания уйгуров во главе с религиозными лидерами – ходжами, находившимися за рубежом. Казахские султаны Адиль, Абылай (Кунан), Абулфеиз и Али, старшины Конысбай (агалыкшы) и др. оказали содействие цинским пограничным в возвращении крупного рогатого скота и лошадей, в ряде случаев передавали воров в руки пограничных властей. По законам военного времени их жестоко наказывали, приговаривали к ношению колодки (канга) на шее, могли и казнить. Понятно, что все старались подчеркнуть гражданский факт воровства у частных лиц, умаляли или скрывали политические мотивы. Для нас этот документ важен как свидетельство о наличии международных отношений казахских султанов в период отсутствия их государственности. Каждый из султанов считал себя ответственным за своих подвластных. При признании этнической общности султаны вели себя как князья отдельных княжеств. Они устанавливали самостоятельные связи с Кульджой и Омском. Однако, при этом соблюдалось старшинство по возрасту этих князей, связанных близким родством, единством менталитета и культуры. Это является уникальным этапом в жизни казахского общества и его государственности при наличии слабости политического и экономического единства, общих структур принуждения. Оно сохранялось благодаря сильно



выраженному чувству этнического единства и сложившемуся равновесию внешних сил.

Несмотря на все противоречия, наиболее понятными для казахов были ойраты и калмыки, такие же кочевники. Навыки кочевого хозяйства, многовековое общение оставили неизгладимый след в их истории. У тюркских и монгольских народов был общий богатый опыт в ветеринарии, накопленный веками. Об уровне ветеринарии говорит уже то, что одни и те же болезни назывались по-разному у лошадей, крупного рогатого и мелкого скота.

Сильнее всего кочевников разделяла религия. Распространение ислама у казахских и других тюркоязычных кочевников все более отдаляло их от монголов. Шаманизм, шаманы-баксы почитались у тех и других, несмотря на распространение среди них разных мировых религий. В то же время, ойраты и казахи имели много общих политических и военных терминов, в их языках имелось немало заимствований из языков друг друга. В Цинской империи функционировало четыре государственных языка: маньчжурский, китайский, монгольский. После завоевания Восточного Туркестана к ним добавился уйгурский язык и чагатайское письмо. Последние, преимущественно, применялись в цинской дипломатии при переписке с казахами, кыргызами, а также среднеазиатскими ханствами. В маньчжурском языке сохранились слова, имеющие тюркские корни. Не нужно забывать, что их языки некоторые лингвисты относят к алтайской семье. Не случайно лучшими переводчиками казахской классической литературы являются представители сибо, к примеру, переводчиком стихотворений и прозы Абая на китайский язык является сибо Ха Хуаньчжан (1928 г. рождения), уроженец г. Тарбагатая. Он также перевел роман М. Ауэзова «Путь Абая». Его литературный псевдоним – Хабай. Это объясняется также тем, что после переселения в 1764 г. сибо в Синьцзян сибо и казахи жили рядом с тюркскими народами. В то же время, кочевники имели разную посадку в седле, они разводили тот же скот, но следы казахских лошадей являлись более крупными, так как в то время они их не подковывали. Опытный глаз всегда отличал следы животных у казахов и маньчжур. Маньчжуры после завоевания Китая более близко прикоснулись к кочевой культуре тюркских народов и воспринимали ее их легче и лучше ханьцев. Хань традиционно делили Центральную Азию на кочевую и оседлую части. Территорию Средней Азии и Южную часть Синьцзяна они относили к «Мусульмании» (回 部 – huibu), а ойратов и казахов – к



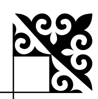
Чжуньбу (準部). Границы «Мусульмании» были расплывчатыми, но цинская администрация достаточно легко ориентировалась в общей географии региона.

Расширение переписки повысило потребность в бумаге. Довольно часто ханы и султаны просили оренбургские власти прислать этот не выделываемый в Казахстане дорогой товар. Абулмамбет в 1743 г., а Барак султан в 1744 г. просили прислать сорок листов [ЭНКПЭ 1, 255 и 264]. Когда бумаги не было, султаны писали на оборотных сторонах писем, присланных из русских и китайских крепостей. Кроме того, этим подтверждалось получение письма и подлинность ответа. После установления отношений с Цинской империей, у ханов возросла потребность в бумаге, китайский рынок давал возможность получать русскую, самаркандскую, китайскую и кашгарскую бумагу. Во многих письмах ханов и султанов встречаются просьбы присылать бумагу также русским наместникам.

В Китае также старались удовлетворить потребность в печатях для ханов, исполняя их в привычной для казахских правителей форме. Таким образом у ханов накапливались письменные архивы, но в результате кочевого образа жизни, не способствующего их хранению, они постепенно терялись. Однако, некоторые оригиналы документов попали в архивы двух соседних держав.

Для писем казахские ханы использовали калмыцкий «тодо бичиг» – «ясное письмо», тюркское чагатайское письмо, персидский, уйгурский языки на арабской графике, а также маньчжурский язык и маньчжурское письмо. Чаще всего на русских официальных документах есть пометки: «перевод с татарского письма», «на подлинном татарском письме», на «подлинных татарских письмах». Встречаются также слова: вели разговоры «на татарском диалекте» и т.п. замечания. Известные переводчики писали о себе «татарского языка переводчик», они собирали сведения в стойбищах устно, затем рассказывали о них чиновникам или писали обширные отчеты командировавшим им ведомствам. Если везло, то старались заполучить и переписать письма других правителей, адресованные ханам. Нередки были случаи запоминания, копирования и похищения писем, адресованных казахским властителям из других стран. Легче всего это было делать муллам, которые знали арабскую графику и тюркские языки и которых в ставках принимали с почетом.

В китайских архивах сохранились пометки на письмах: «на чужом (варварском) языке, варварским письмом», что чаще означает араб-

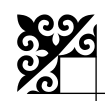


скую графику, так как монгольский и маньчжурский языки им были хорошо знакомы.

Разнообразие языков объясняется наличием у казахских ханов писарей со знанием того или другого языка. Сами они предпочитали писарей из татар, башкир, мишаров (старин. мещеряки), бухарцев (таджиков, уйгуров), в экстренных случаях временно брали монголов и маньчжур. Мишар в писари зачастую отправляли сибирские и оренбургские власти, так как они были причислены к казачьему сословию, некоторые из них были крещенными. Мишары были полезны казахам в силу знания русских обычаев и русского языка [см. Таблицу писарей в кн. ЭНКПЭ, 1. 615–616]. В целях демонстрации прозрачности своей политики казахские правители просили оренбургских губернаторов направить в их ставки переводчиков татарского языка «для исправления дел и для обучения детей».

Грамотные татары, башкиры, сарты, таджики, уйгуры ценились у ханов высоко, они настойчиво требовали у русских их возвращения, если те попадали к ним в плен. Аргументом являлось то, что писари и муллы в своем большинстве не участвовали в набегах и вооруженных стычках. Расхожее мнение о том, что ханы должны были знать семь языков, если понимать это выражение в прямом смысле, на практике подтверждалось редко. Сохранились лишь очень короткие неофициальные собственноручные записки от Абылая хана сугубо практического характера [Линь Юнкуан, Ван Си, 1991]. В русской и цинской администрациях существовала разница в оплате просто устных переводчиков и тех, кто владеет письмом. Татарские и русские переводчики зачастую сами записывали сказанное устно, а в конце письма удостоверяли перевод подписью вышестоящего чиновника.

Ранее уже приходилось отмечать, что дипломатические переговоры Казахского ханства с Россией и цинским Китаем не редко велись на монгольском языке [Хафизова. Китайская дипломатия…,1995]. Император Цяньлун отметил в указе, что неудачи с торговым обменом с торговцами казахских ханов в 1759 г. объяснялись тем, что ответственный за это чиновник в урочище Урумчи, где открылась казахо-цинская торговля, не знал монгольского языка. Он приказал офицерам гвардии Нусаню и Юндэ после возвращения из похода против уйгуров заняться торговыми делами Урумчи [Линь Юнкуан, Ван Си, 1991, 144]. Следовательно, после завоевания Джунгарского ханства в Степь направлялись офицеры, знающие монгольский язык, им были ведомы приблизительные цены на коней разного возраста и их каче-



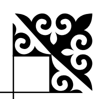
ства. Кроме того, что это были боевые командиры, они отличались близостью к императору, он доверял им. Они же отвечали за доставку послов в столицу и в летние и зимние резиденции императора.

Расширение и углубление международных связей влияло на расширение цивилизационных рамок сотрудничества, обогащало политическую и культурную жизнь кочевников.

Казахская иконография

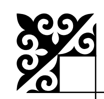
От XVIII–XIX вв. нас отделяют всего два века. Однако мы мало знаем, как выглядели наши исторические деятели. Образы некоторых из них мы узнали во второй половине XIX в., с изобретением фотографии и с укреплением связей казахских правителей с Россией. С середины XIX в. их облики предстают перед нами из портретной живописи западно-европейских, русских и китайских художников. Автором владела надежда отыскать портреты деятелей Казахского ханства в Музеях Гугун Пекина и Тайбэя, в Первом историческом архиве КНР. Надежда подпитывалась тем, что в источниках встречались сведения о заказах придворным живописцам портретов нарисовать портреты джунгарских ханов: Даваци, Амурсаны, дербетских трех князей, перешедших к Цинам в 1754 г. Обычно портреты и жанровые сценки писались в летней резиденции в Чэндэ Бишу шаньчжуан (Деревушка, скрывающаяся от зноя). Кроме того, рисовали членов посольств из разных стран Центральной Азии, удостоившихся высочайших аудиенций в столицах. Для начала следовало составить Список придворных художников второй половины XVIII в., среди которых было несколько европейских миссионеров. Эти миссионеры при поступлении на службу получали китайские имена и должны были ходить в одежде цинских чиновников соответствующего ранга.

В Китае издревле развита живопись тушью. Ею рисовали мифических и любимых прирученных животных и птиц, пейзажи, жанровые сцены, портреты знатных людей. Кроме того, уже в III в. до н.э. на улицах городов размещали словесные и живописные портреты преступников. Во II в. до н. э. придворные художники, а также художники храмов и монастырей изображали сценки из дворцовой жизни, аудиенции китайских правителей иноземным гостям. На фресках монастырей и монастырских гротов изображались караваны из стран Западного края, а также чужеземцы. Все эти картины писались монохромной и полихромной тушью в стиле китайской живописи. В



конце XVII – середине XVIII в.в. китайцы через католических миссионеров-художников китайцы познакомились с европейской масляной живописью. Некоторые из итальянских, немецких и голландских художников, приглашенных ко двору, получали заказы на изображение портретов императоров и сцен придворной жизни. Цинские императоры были уверены, что китайская живопись несравненно выше европейской масляной, поэтому западные художники иногда старались воспринять технику китайской живописи, либо пытались заимствовать некоторые ее приемы. В музее Гугун Запретного города в Пекине, музеях Нанкина, а также других городов хранятся картины, изображающие дворцовые приемы и развлечения с присутствием иностранных гостей. На картинах XVIII в. можно без труда узнать казахских послов – по их одежде и чертам лица. Предстоит огромная работа по идентификации исторических лиц по этим картинам, в особенности послов, которыми были приближенные казахских ханов и султанов, их дети, племянники и другие известные в истории лица. Также следует выяснить имена послов, как и точные сроки их пребывания в Китае. Известно, что на приемах гостей рассаживали по степени их знатности, поэтому при наличии картин и их четкой хронологии возможно определить изображенных персон. Однако большинство картин еще лежит еще в запасниках, а китайская сторона не очень охотно раскрывает все свои сокровища. Главная причина заключается в том, что в Китае еще нет собственного исследователя этой проблемы, а предоставлять первичные материалы зарубежным исследователям без их апробации на родине, не любит никто.

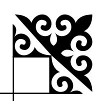
Китайские императоры поощряли живопись. При хане Хубилае в эпоху Юань (1271–1368 гг.) быди впервые созданы официальные портреты Чингис-хана и его сыновей. Цинские императоры также придерживались этой традиции. Картины хранились в императорских дворцах и у знатных частных лиц. В летних и зимних дворцах цинских императоров создавались галереи портретов лиц, отличившихся в военном и гражданском делах. Кроме того, императоры заказывали придворным художникам рисунки подаренных правителями Центральной Азии коней, ловчих птиц и т. п. – в знак внимания, доброжелательности и высокой оценки подарка. Кроме того, они приглашали иностранных художников, среди которых были и миссионеры, владеющие кистью, чтобы те писали портреты также масляной краской. Императоры Канси, его внук Цяньлун заказывали портреты представителей знати Центральной Азии, подчинившихся монголь-



ских князей, дарили их на новогодних приемах, торжествах, проводимых в летних и зимних резиденциях, на охоте и соревнованиях. Или передавали портреты через послов. Император Цяньлун часто велел своим, а также служившим при дворе европейским миссионерам-живописцам писать с натуры портреты правителей Центральной Азии, перешедших к нему на службу феодалов и знатных пленных. Так, император Цяньлун велел пригласить «заморских» (европейских) художников, чтобы нарисовать портреты трех Цэренов и других, «дабы их облик дошел до их потомков». В январском указе 1755 г. в связи с торжествами по случаю дня рождения матери – вдовствующей императрицы, Цяньлун велел привезти художников в летнюю резиденцию, чтобы запечатлеть это торжество, а также зимние охотничьи сцены [Гаоцзун шилу, 476, 1–2]. Есть целая коллекция запечатленных на шелке и бумаге празднеств в Летней резиденции «Бишу шаньчжуан» в провинции Жэхэ, а также батальных сцен в Джунгарии и Восточном Туркестане. Следовательно, где-нибудь можно обнаружить портреты казахских ханов и казахских послов, других деятелей. В Китае известны альбомы с картинами, на которых изображались известные им этносы, попарно – мужчины и женщины, одетые в национальные костюмы. Это были покоренные народы и, как принято писать в официальной литературе – народы вассальных владений. Есть множество официальных и других портретов императора Цяньлуна (царствовал в 1736–1796 гг.), на коне и за столом, на охоте и торжественном приеме, на торжествах и в домашней обстановке, а также в других жанровых сценках. Этот император восхищался уровнем китайской культуры и высоким мастерством своих художников, но признавал также достоинства европейских мастеров кисти. Император был уверен в том, что китайская традиционная живопись стоит гораздо выше живописи маслом.

В Галереях славы разных эпох запечатлены портреты не только маньчжурских и китайских деятелей, но и представителей других народов империи, которые участвовали в крупных баталиях и приложили свои усилия для прославления страны (см. специальный раздел книги). В Цинской империи иноземцев также часто рисовали в одежде маньчжурских чиновников с наградами и знаками ранга и титулов.

Существует счастливое сочетание, когда путешественники берут с собой в степь художников, либо сами обладают навыками художника. Среди них следует назвать Томаса Витлама Аткинсона [Томас В. Аткинсон. Восточная и Западная Сибирь // История Казахстана в

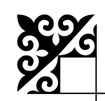


западных источниках XII–XX вв. Т. 8. – С. 61–194]; и его жены [Люси Аткинсон. Воспоминания о степях Татарии и их обитателях. – С. 195–310], П. Семенова-Тяньшаньского, взявшего с собой в путешествие по Тяньшаню художника П. Кошарова, чингизида из Казахстана, Ч. Валиханова, написавшего несколько портретов маньчжуров, уйгуров, монголов, казахов и др.

Однако, не каждый казах и монгол в XVIII-XIX вв. соглашался позировать. В этом сказывалось влияние ислама и более древних верований кочевников, так как считалось, что можно нагнать порчу на человека через его портрет. Известный в Китайском Туркестане своими набегами разбойничий предводитель Кубалдос не захотел, чтобы Томас В. Аткинсон писал его портрет. А выглядел он живописно – в своем черном бархатном халате, малиновой шапке, отороченной мехом, и сатиновым платке, повязанном вокруг пояса. В данном случае этот Кубалдос, возможно, просто боялся наказания властей за свои разбои, которые могли опознать его по портрету.

Не все представители тюркских народов придерживались строгого мусульманского правила, по которому запрещались изображения людей. Коллекционированием казахской иконографии занимался академик А. Маргулан (1904–1985 гг.). Портреты и другие картины из его коллекции были опубликованы при финансовой помощи Фонда Сорос-Казахстан лишь в начале нашего века [Казахи. Лики народа, 2001]. Среди картин мы видим портреты, жанровые сценки, написанные также Т.В. Аткинсоном со словесными портретами, данными им и его супругой Люси. Альбом и тексты дневников путешествий удачно дополняют друг друга. К сожалению, иллюстрации в альбоме являются, в отличие от оригиналов, черно-белыми, кроме того, допущены ошибки при идентификации особ. Аткинсон восхищался необычным для европейского глаза сочетанием красок в одежде и обуви казахов, часто любовался ими наряду с чудесными видами гор, рек, озер и степей, а также закатом и восходом солнца, бурями и землетрясениями.

Среди картин Т.В. Аткинсона есть портреты неизвестных и неопознанных лиц, а также потомков Абылай-хана, кочевавших в Восточном и Юго-Восточном Казахстане на границе с Китаем. Сведения английского художника ценны тем, что живописуют территорию и ее обитателей до начала территориального разграничения между Российской и Цинской империями на центрально-азиатском участке. Крупной крепостью России в то время был Копал, который отстоял на

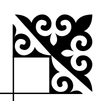


тысячу верст как от китайского города Кульджи, так и от российского Барнаула.

Несмотря на барымту казахов друг против друга, путешествие англичан прошло благополучно – благодаря рекомендательным письмам русских властей и казахских султанов. Путешественникам покровительствовал сам русский царь Николай I. Однако из китайской Татарии их быстро выдворили, так как европейцам не разрешалось ее посещать. Тем не менее, Аткинсон оставил прекрасные портреты казахских вождей, живших как на территории, на которую претендовала Россия, так и в Китайском Туркестане (Татарии).

Достоверный портрет Абылай хана до нас не дошел, мы имеем лишь изображения его прямых потомков, сыновей и внуков. Более всего повезло его внуку султану Тезеку, сохранились два его портрета, написанные П. Кошаровым, один портрет, написанный Ч. Валихановым, и подробное описание его облика П. Семеновым.

Из султанов самым знатным из упоминавшихся англичанами был сын Абылая (Сюк, Сөк - Пшено). Он был и самым старым, в 1849 г. ему перевалило за 80 лет. Он родился в один из последних двух лет жизни Абылая, в удел ему достались от отца земли в Семиречье. Как художник, так и его жена весьма нелестно отзываются о султане: участвует в разбойных набегах, в том числе и на аулы казахов Среднего жуза. Также он «...Получал пенсию от российского императора, продав ему свою землю, и обманывал Его Императорское Высочество. Во время одной барымты боевым топором ему повредили нос. И он у него был искривлен». Султан очень просил рисовать его прежний прямой нос, а не нынешний кривой. Аткинсон отмечает, что «На портрете он изображен сидя, одетый в ярко-красное пальто. С золотой медалью и саблей, присланной Александром I, чем он чрезвычайно гордился» [Первые английские путешественники в Казахской степи, 2006, 185–186]. На картине Сюк изображен сидящим скрестив ноги, в окружении трех женщин и одного мужчины. На коленях у него лежит подаренная царем сабля в ножнах (Казахи. Лики народа, 2001, рис. 55). Султан всегда с любопытством смотрел на свое изображение в зеркале Люси. Судя по этому факту, зеркала в степи были большой редкостью. Султан, несмотря на преклонный возраст, был достаточно крепок здоровьем. Он отличался большим любопытством, вел активный образ жизни, организовывал набеги на аулы родов Старшего и Среднего жузов. Люси Аткинсон также характеризует его не очень лестно в своем разделе «Гримасы султана» [Первые английские пу-



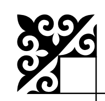
тешественники в Казахской степи, 2006, 256–257]. Султан часто посещал чету англичан в Капале, чтобы видеть их маленького сына, названного Алатау, а также полюбоваться на свое изображение в зеркале. По всему видно, что он был неплохим семьянином, обожал детей, преклонялся перед Люси за то, что она хорошо владела иглой.

Султан Ямантук характеризуется Т. Аткинсоном как «самый прекрасный человек», он отмечает, что сам султан и его семья являются самыми интеллигентными людьми из всех, кого он встречал в Азии [Первые английские путешественники в Казахской степи, 2006, 179–180]. На портрете изображен крупный мужчина в халате и шапочке с несколько острым верхом, рядом с ним молодая женщина, а напротив молодой человек (дети?). У Ямантука правильные черты лица, красиво изогнутые брови, большие глаза, густая черная борода.

Султан Бек назван самым крупным человеком и самым богатым. У него только лошадей было более 10 тысяч голов, не говоря уже об овцах. На портрете он изображен рядом с тайказаном, предназначенным для вкушения ритуальной пищи, посвященной духам предков – аруахам. Он кормит своего беркута. У него были две прехорошенькие дочки, старшая - настоящая богатырша. Акын восхвалял набеги его и его предков. Очевидно, в Альбом вкралась ошибка, судя по вспыльчивому характеру, Беком скорее всего мог быть человек на портрете № 58. А у казана – Али султан, который заявлял, что происходит от хромого Тимура.

Большим влиянием в Семиречье обладал султан Булания, портрет которого также написан Т. Аткинсоном, однако он не приведен в часто цитируемом Альбоме «Казахи. Лики народа». Булания выдавал «паспорта» Аткинсону для безопасного проезда по кочевьям как Старшего, так и Среднего жуза [Первые английские путешественники в Казахской степи, 2006, 184]. Таким образом, по портретам, написанным английским художником, мы можем представить образы героев данной монографии.

В Китае с древности была распространена портретная живопись. Художники писали изображения людей так, как они представляли себе исторических героев. Мы не можем сказать точно, когда художники начали писать портреты с натуры. В то же время, в древнем Китае составляли портреты преступников на основании сведений свидетелей преступления, словесные портреты знакомых и родственников людей, нарушивших общественное спокойствие. Эти портреты вывешивались на рынках и площадях, на улицах и дорогах



(См. известные китайские романы «Троецарствие» («Саньго янь и») и «Речные заводи» (Шуйху чжуань)).

Портретная живопись в современном значении, получила развитие под влиянием европейской живописи. Есть портреты и жанровые сцены с изображениями современников, написанные европейскими миссионерами и китайскими живописцами.

В Китае в официальных дворцах императоров создавались галереи героев, в которых развешивали портреты известных деятелей. Среди них были представители не только *хань*, но и других народов Китая, проявивших ратные и гражданские подвиги.

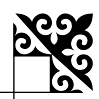
Размещались и портреты женщин, монгольских княгинь, уйгурской наложницы императора Цяньлуна (правил в 1735–1795 гг.). Наложница изображена в молодости в красивом наряде и с нефритовыми украшениями. На втором портрете она изображена в военных доспехах. Но лица на портретах разительно отличаются [Цяньлун хуанди цюань чжуан, 2002].

Портрет турфанского правителя Эмина ходжи (额敏和卓), лично участвовавшего в военных действиях в Джунгарии и Кашгарии, организовавшего разведку для сбора сведений в Афганистане, Пакистане, а также первые тайные цинские посольства к казахам из турфанцев, утерян.

В Галерее воинской славы в Палате пурпурного блеска среди других героев тюркского происхождения вывешен портрет самого знатного представителя уйгуров. В надписи к портрету Цяньлун написал: «Турфанец, (еще) в молодости встал на путь справедливости (на правильный путь). Удостоился наград за военную доблесть. Понимает психологию мусульман (уйгуров). (Когда) знает, то непременно поделится. (Если) говорит, то всегда по делу. Его сердце не камень, оно не подвергается изменениям (обработке)» [ЦХСТ, 4, 44].

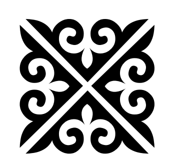
Эмин ходжа достиг чина цанцзань дачэня, выше которого только *цзянцзюнь* (генерал). В действующей армии *цзянцзюнь* является командующим войсками, а *цанцзань дачэнь* – его заместителем и советником. Кроме того, Эмин Ходжа получил титул долоского *цзюньвана* (князя второй степени).

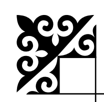
Китайские ученые Пань Чжипин и Мяо Пушэн приводят его краткую биографию. По их сведениям, Эмин ходжа происходил из рода ходжей, дед и прадед были ахунами в Караходжо. Отец – Нияз ходжа, являлся главным ахуном в Люкчине Турфанского округа, все его предки имели звания супи (суфий), ходжа, вали, но они не относи-



лись к кашгарским ходжам. Сам Эмин ходжа был ахуном Люкчина. В 1720 г. он – хаким города Бичжан, в 20-е гг. XVIII века подчинился династии Цин. В 1731 г. джунгары напали на Люкчин, Эмин ходжа успешно организовал оборону города. В 1732 г. удостоился титула князя *фугогун*. Возглавив 10 тысяч уйгурских крестьян, откочевал в маленькую крепость Гуачжоу в Ганьсу. В 1754 г. его подвластных разделили на роты (знамена). В 1755 г. Эмин ходжа во главе отряда из 300 человек участвовал в войне против Джунгарского ханства, в походах цинских войск против Амурсаны и Даваци. После покорения Джунгарского ханства в 1756 г. со своими уйгурами переехал на родину в Люкчин. Когда Амурсана выступил против Цинов, турфанский старшина Мангелик примкнул к нему и попытался склонить на свою сторону Эмин ходжу, но тот решительно отклонил предложение. За это цинское правительство наградило его, присвоив княжеский титул третьей степени *бэйцзы* и передало в его управление Люкчин. В 1758 г. назначен *цанцзань дачэнем* и направлен для борьбы с братьями ходжами – Бурхан ад-Дином (Болониду) и Ходжа Джаханом (Хоцзицзян), за заслуги получил титул долоского князя 2-й степени *цзюньван* и служил главноуправляющим (*баньши дачэнь*) города Яркенд. Официальная цинская историография высоко оценивает вклад Эмина ходжи в дело объединения страны. По другим сведениям, Эмин ходжа был тюркского происхождения, но не уйгуром.

В Галерее пурпурного блеска помещены портреты шести представителей уйгурской знати, которых удостоили этой чести. Но власть никому из них, кроме Эмина ходжи, не доверяла, и ограничивала их связи с родиной. Она содержала их в золотой клетке в столице, по существу, в заложниках, в Пекине. Как, впрочем и хана Даваци, который числился в свите императора – победителя. Пока не обнаружены казах, или кыргыз, отличившиеся при покорении Джунгарии и Яркендского ханства и портреты которых были бы выставлены в Цзыгуангэ.



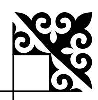


1. ТРАДИЦИОННАЯ ДИПЛОМАТИЯ КОЧЕВЫХ ГОСУДАРСТВ

1.1. Борьба за сохранение казахской государственности в XVIII–XIX веках

Реформы по упразднению царской Россией статуса хана и Казахского ханства в 1821 г. вызвали недовольство степняков. Части феодальной верхушки новые административные структуры давали возможность сохранить власть над подвластными им племенами в качестве старших султанов (ага-султанов) и других должностных лиц. Это на какое-то время заняло умы наиболее знатных из них и направило их усилия на то, чтобы не быть обойденными. Представители ханских династий втянулись в конкурентную предвыборную борьбу, которой управлял Омск. Они стремились сохранить влияние на соотечественников при помощи новых инвеститур власти, показать свою значимость в глазах царского правительства и народа. Таким образом, недовольство сибирских казахов на время было приглушено и направлено в более управляемое и безопасное для царского правительства русло. Сохранив власть, пусть даже сильно урезанную, потомки ханов надеялись сохранить видимость государственности под усилившимся патронажем России. Случаев, когда чингизиды сообща пытались выбрать из своей среды одну кандидатуру на трон, не было и в лучшие времена.

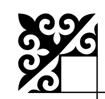
В 20–60-х гг. XIX в. активным противником реформ Российской империи был цинский Китай, со второй половины XVIII в. установивший традиционные политические связи с ханскими семьями. Среди них были потомки хана Абулмамбета – с центром в г. Туркестане, султана Барака – с центром в юго-восточных, южных и центральных районах и Абылая – в северных и центральных районах ханства. Известно, что император Цяньлун после смерти Абылая безоговорочно поддержал права его сына Валисултана, отказав всем остальным претендентам. В то же время, цинское правительство не намеревалось прерывать связи с другими феодалами на границе беспокойного Синьцзяна. Поэтому оно смягчило свой отказ, дипломатично мотивировав его тем, что получило «прошение» от Валисултана раньше, чем от всех других претендентов и император уже «утвердил» указом титул хана за первенцем хана Абылая, т. е. отговаривалось техническими причинами. При этом, большинство представителей семьи Абылая, боровшихся за титул хана, также никогда не отказывались от сюзеренитета царя.



Они не ставили целью полное отделение от Российской империи, предпочитали оставаться в ее составе, но в качестве властителей полузависимого владения. К их числу относится и наиболее радикальный из них – хан Кенесары, десять лет воевавший, как он сам заявлял, не с царем, а с злоупотреблениями его пограничных властей. Действия абылаевичей были направлены против административных мер и реформ, ущемляющих их права, как наследников хана. Губайдулла (Абайдильда) не считал, что совершил предательство, когда, после принесения присяги России в качестве ага-султана, откликнулся на инициативу цинских властей признать его ханом. Быть ханом отвечало личным амбициям властителей, но главным было то, что титул хана предполагал существование суверенного ханства, что объективно отвечало сохранению казахской государственности. Губайдулла не счел нужным скрывать от омских властей свое намерение получить ярлык (письменный документ с печатью) императора Даогуана (храмовое имя – Сюаньцзун, время правления – 1822–1849 гг.) [ЦГА РК, фонд 338, оп.1, д. 659 «О происках Китайской империи в казахской степи»]. Но это, вопреки его ожиданиям, навлекло на него преследование омских властей.

Окруженный отрядом казаков, срочно отправленных для пресечения его встречи с цинскими послами, привезшими патент на ханство, спасая от наказания своего сына Болата, находящегося в это время в Омске, Губайдулла написал отказ от получения цинского патента на титул хана и приписал: «Во уверение чего к писанному по татарски отзыву Губайдулла подписался» [ЦИКХ, ч. 2,140–141]. Нарушение клятвы на аль-Коране перед русской администрацией сошло его предкам – Абылаю и Валисултану, что, может быть, и показывает их отношение к религии. Как говорится: «Париж стоит мессы». Но более оно доказывает принужденность подобной клятвы, на исполнении которой настаивала русская сторона, а также своеобразное понимание подданства кочевниками. В глазах степных властителей подданство предусматривало отказ от неприятельских действий и ожидание защиты в случае вооруженных действий со стороны других государств. С точки зрения русской стороны, Губайдулла, согласившись на пост ага-султана, т. е. приняв инвеституру власти России и дав ей присягу, не имел права принимать титул от третьей стороны и тем самым нарушил закон. Поэтому русская администрация приговорила его впоследствии к ссылке.

Мы точно не знаем, по какой причине, но Губайдулла не приложил к отказному письму свою личную печать, потому ли, что ее не



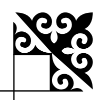
было в то время под рукой, или он не успел ее заказать, или с умыслом. Обычно в документах фиксируется факт наличия на нем печати. (Примечание автора: К слову сказать, цитируемый документ приведен в переводе того времени, а оригинал хранится в ЦГА Республики Казахстан. Со дня обнародования в 1989 г. полного перевода этого документа ни один специалист по истории Казахстана не заинтересовался оригиналом, не переложил его с арабской графики на кириллицу, не проверил его подлинность. Удивляет, что никто сегодня системно не занимается оригиналами документов на «татарском» языке, но упрекают тех, кто изучает их переводы и изложения на других языках).

Российская и Цинская империя постепенно превращали титулы хан, султан, тайджи, бек и др. в названия чиновных должностей и затем постепенно изымали их из обращения. В Китае этот процесс затянулся до периода Чжунхуа миньго, до установления народной власти в 1949 г.

Ликвидация ханства, ссылка Губайдуллы в Березово возмутила многих старшин и были одной из причин восстания Кенесары. Недовольство народа выразил известный акын Орынбай, сочинивший песню о Губайдулле. В ней он передает радость по случаю возвращения его из края, «где запрягают собак», воспевает подвиг его жены Альбобек, бесстрашно отправившейся за мужем в ссылку [Жапекова, 2014]. Акын выражает надежду, что с возвращением хана злопыхатели замолкнут, а Казахская орда возродится (Янушкевич, 1966). Орынбай передал чаяния народа и его элиты о возрождении единого Казахского ханства.

Безусловно, Губайдулла (А-ба-ла-да, Абайдильда) согласился на предложение омской администрации быть избранным на должность ага-султана, чтобы не лишиться остатков власти.Он являлся старшим сыном хана Валисултана и в глазах степной элиты после смерти его старшего брата султана Габбаса (А-ба-сы) его право наследования титула было неоспоримым.

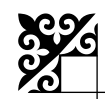
Выбор и обеспечение прав наследника является важным государственным делом**.** Все казахские ханы еще при жизни пытались защитить права своих преемников. (См. раздел монографии «Молодые султаны и дипломатия»). Права на наследование трона в степи традиционно оставалось за старшим сыном, рожденным от старшей жены. Нарушение этого права было крайне редким. Например, хан Абылай (ум. в 1780 г.) сумел обойти Болата – сына Абулмамбета, опи-



раясь на древнее тюркское право передачи власти брату умершего кагана, или старшему в клане. Это косвенно подтверждается письмом султана Даира – сына Барака султана (убийцы хана Абулхаира). Абылай якобы заверял Даира, своего старшего зятя, что после смерти власть должна будет перейти ему. Оригиналы писем Даира на тюрки хранятся в Архиве внешней политики Российской империи и в Первом историческом архиве КНР. Среди претендентов на место умершего Абылая Цинская империя рассматривала также султана Уруса (О-ло-сы), сына Салтамамета (Султанмухаммеда), ближайшего родственника Абылая, возглавлявшего их посольство в Китай в 1759 г. В реальности, Абылай всегда хлопотал перед русскими и цинскими властями о признании наследственных прав только своих сыновей. В письме императору Цяньлуну (правил в 1736–1796 гг.) он указал своим наследником Габбас султана. Богдыхан признал это право и пожаловал Габбасу титул кронпринца ***гун.*** Но до получения ханства тот не дожил [ЦИКХ, ч. 2, 126]. Цинское правительство практику титулования наследников начало с детей Абылая. Первый ритуал вручения ханского ярлыка был совершен в отношении Валисултана. В последующем в подобных случаях цинское правительство поступало на основании прецедента, который является немаловажным в международных отношениях. В 1769 г. Валисултан во главе посольства Абылая посетил Пекин с целью укрепления своего положения, а также распространения власти семьи на Семиречье и соседние казахские племена. Султан совершил на аудиенции все принятые при цинском дворе церемониалы, как и при вручении ему грамоты с признанием его ханского титула на своей родине (Алтан-Очир, У Юаньфэн. ж. Чжунго бяньцзян ши ди яньцзю [ж. История и география пограничных районов Китая). – Пекин, 1998. – № 3. – С. 52–58].

Казахские послы в Санкт-Петербурге также исполняли формальности русского двора. Это было своеобразной платой за то, чтобы соседние государства признали хана официально и внутренней оппозиции пришлось смириться с их статусом. Казахи одновременно укрепляли торговые отношения со всеми соседними странами. Россия также удовлетворилась реальным положением дел, отвлеченная войной с Францией и Турцией, она также признала сына Абылая ханом Среднего жуза.

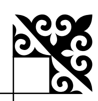
Российская и Цинская империи не могли долго мириться с этой двусмысленностью, каждая из них искала и находила новые рычаги воздействия на хана, выискивала потенциальных конкурентов абы-



лаевичей и выражала им знаки благоволения. Противостояние царской России и цинского Китая в регионе Центральной Азии ограничивалось дипломатическими методами, не считая отдельных военных выступлений.

Первое двадцатилетие XIX столетия династия Цин находилась на вершине могущества. Новые подданные оставались в целом спокойными. Потомки религиозных лидеров уйгуров находились за рубежом, они вынашивали идеи возвращения к власти, но еще не накопили сил, достаточных для вторжения в Синьцзян. Западные державы были заняты европейскими проблемами, а время опиумных войн западных держав в Китае еще не наступило. Император Цзяцин (время правления – 1796–1820 гг.) проводил время на охоте, дворцовых приемах во Дворце сохранения гармонии (Баохэдянь) за воротами сада Сиюань и Сихуа Запретного города Гугун, в театральных представлениях. Устраивались встречи «настоящих внешних вассалов (真外藩 чжэн вайфань). К ним относились вожди племен ойратов, хошутов, перекочевавших с Волги торгутов, дэрбетов, чахаров, уйгурских беков Кашгарии, Турфана и Хами. Император угощал их из своих рук чаем и вином, жаловал титулами и подарками. Но они сильно отличались от уделов – владений родовичей *цзунфань чжи го* 宗藩之國 периода Монгольской империи и империи Юань, основанной внуком Чингисхана Хубилаем (царствовал в 1271–1294 гг.). Хан Нурхаци (1559–1626 гг.), основатель Маньчжурского ханства, строил свою политику на принципах родственных владений (宗藩之國), провозгласил родственный союз с монголами, но одновременно создавал из них знаменные войска, подчиняющиеся ему непосредственно. Их права были урезаны его потомками после завоевания китайцев, они являлись номинальными правителями, обладали лишь символическим престижем.

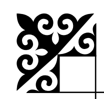
Не оставались без внимания в Цинской империи и номинальные, «внешние вассалы» (外藩), к которым относились правители киргизов, казахов. Они присутствовали на военных учениях, смотрах и парадах в летней резиденции Юаньминьюань, в специально предназначенном месте «Шань гао, шуй чан» (山高水長Высокие горы, длинные реки). Командиры четырех гарнизонов чахаров, сибо, солонов и ойратов (*линьдуй дачэнь* на кит.яз.) на границе с их землями старались регулярно проводить объезды границ. К дозорным отрядам командировались тюркоязычные переводчики, среди них были и казахские старшины Илийского, Тарбагатайского, Кобдоского



округов. Тщательно собирались и анализировались сведения о состоянии внутри ханств и отношениях между их правителями. С тем или иным интервалом от времени избрания казахами хана Илийский генерал-губернатор (*цзянцзюнь*) и находящиеся под его началом наместники (*цанцзань дачэнь* на кит. и *хэбэй-амбань* на маньчж. яз.) Тарбагатая, Монгольского Алтая, Кашгарии узнавали о смерти правителя. Цзянцзюнь докладывал обо всех важных событиях Военному Совету, императору и поощрял наследников подавать «прошения» об утверждении богдыханом их достоинств.

С конца XVIII в. Валисултан был озабочен тем, чтобы оставить трон своим потомкам. В 1800 г. он послал в Китай своего брата Бегали, через которого получил грамоту императора Цзяцина, датированную 23 мая (5 год правления Цзяцин, 5 луна, день гуймао) с объявлением его наследником Габбаса султана. Для ее торжественного вручения в кочевье хана была командирована делегация, с которой ему полагалось отправить другого из сыновей, переболевшего оспой [ЦИКХ, ч.2, 126]. Присутствие сына Валисултана в цинском посольстве обеспечивало безопасность возвращавшихся цинских послов, а его пребывание в Китае – гарантию от неприятельских поступков казахов. Тем не менее, в сентябре 1809 г. (14 год правления Цзяцин, 8 луна, сычоу) император признал ханом Тогума (То-хо-му), сына Болата сына Абулмамбета. Отдельно в тот же день был издан приказ о присвоении сыну Тогума Алтынсары титула кронпринца [Жэньцзун Жуйхуанди щилу, цз. 68, л. 8, 217,1]. Оба приказа были приурочены к 50-летнему юбилею императора Цзяцина, на празднование которого прибыл Алтынсары, как и делегация Валисултана из 16 человек во главе с братом Досали (До-со-ли) и сыном Сарбаем (Са-эр-бай) [Жэньцзун Жуйхуанди щилу, цз. 68, л. 8, 217,11]. Эти указы о титуловании Болата, который не был в свое время признан Китаем ханом и одновременно его сына Алтынсары показывают, что Китай намеревался вступить в борьбу с Россией и Кокандским ханством за влияние на казахские дела.

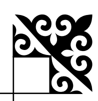
Противостояние России и Китая начало постепенно накаляться – после смерти Валисултана, а также в связи с агрессией Кокандского ханства. Наиболее ярким примером является случай с титулованием ханом султана Губайдуллы в 1823 г. Документы, повлиявшие на русско-казахские отношения первой четверти XIX в., были переведены и впервые опубликованы автором данных строк в 1989 г. (При этом была допущена ошибка с идентификацией имени младшего брата



Губайдуллы, который был транскрибирован как Пирали, но это мог быть и Бегали). Кроме того, до сих пор не выявлены причины, заставившие Губайдуллу объявить наследником не своего первенца Болата, а племянника – султана Абылая, известного больше под именем Кулан. Этот султан обладал диким нравом, безраздельно властвовал над своими братьями и племенами Семиречья. Продолжая практику титулования, но представителя другой семьи, Цины показывали свое отношение к ликвидации Казахского ханства и к усилению влияния России в Семиречье. Династия Цин внешне не вступала в открытую конфронтацию с Россией, не выдавала ярлыки на ханство потомкам Абылая и Валисултана после инцидента с Губайдуллой и в то же время не собиралась отказываться от своих позиций в Центральном Казахстане и Семиречье.

После смерти хана Валисултана Цинская империя выискивала в своих архивах все материалы о практике титулования крупнейших правящих фамилий в Северном, Центральном и Южном Казахстане и старалась придерживаться ее до территориального разграничения с Россией на участке от Алтая до Или. Это видно из содержания инициируемых ею «прошений» от казахских султанов, высочайших грамот и указов, всего механизма их внедрения в жизнь, а также принятых обрядов и церемоний. Методы присвоения титулов низших рангов крупным и авторитетным чингизидам восточных и южных казахов были аналогичными.

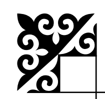
Осенью 1826 г. (6-й год правления Даогуан, 9 луна, куйцзи) в связи со смертью от болезни хана Тогума династия Цин выдала ханский ярлык его сыну Алтынсары. Алтынсары (А-ле-тань-ша-ла сообщил в письме илийскому генерал-губернатору о смерти отца, о том, что его хотят избрать ханом (он был уже поднят на белой кошме). Он просил совета, как ему поступить. В 1826-1828 гг. Синьцзян был частично завоеван сторонниками ходжи Джахангира, а г. Туркестан завоеван Кокандом. Обращение Алтынсары, доставленное в Кульджу его младшим братом Жангиром (Цзян-си-эр) с конями, предназначенными в подарок императору, было как нельзя кстати [Дай Цин Сюаньцзун Чэнхуанди шилу», 105, 42 об. – 43]. Затем *гун* Алтынсары исчезал из поля зрения Цинов, которые дважды предпринимали его поиски и в результате обнаружили на севере Казахстана. Этот казахский феодал, очевидно, был бедным, не имел крупных стад скота, не пригонял их на торговый обмен в русские крепости, не был замечен неприятельскими поступками и потому не был известен русским властям.



Цинские власти упорствовали в поисках хана, его детей, безусловно, не без инициативы китайских казахов. Это было еще одной попыткой привлечь на свою сторону пограничные народы. На церемониале титулования вместо благодарности Алтынсары выказал недовольство тем, что был нарушен порядок в части причитающегося в подобных случаях количества императорских подарков. Правами Алтынсары пытался воспользоваться правитель племени найман Тарбагатайского и Алтайского округов Синьцзяна, а также на их границах. Возникло судебное дело, но, в конечном итоге, Цинам в политических интересах пришлось примириться с фактом мошенничества этого старшины и согласиться на присвоенный им самовольно титула хана, о чем будет подробно рассказано ниже в специальном разделе.

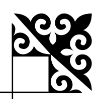
Конфирмация Алтынсары оказалась совершенно неожиданной для русских пограничных властей. Обычно, ханы имели большое потомство, наследников среди них был достаточно. Цинская династия ввела в замешательство соседнюю державу, официально признав ханом одного из потомков Абулмамбета, о котором забыли, и и сумела внести раскол в ряды своих восставших мусульман. Кочевники, владевшие пастбищами по обе стороны устанавливаемой границы между Российской и Цинской империями, группировались вокруг потомков чингизидов для сохранения собственной идентичности и привычного образа жизни. Богатейшие скотоводы стремились занять их место, чтобы выступать от их имени перед провинциальным и центральным правительствами. Титулование Алтынсары являлось запоздалой реакцией династии Цин на восстание Кенесары и ответом на политику распространения власти России на Центральную Азию.

Конкуренция Российской и Цинской империй в первом двадцатилетии носила, преимущественно, политический характер. Ликвидация ханского звания в Среднем жузе вызвала недовольство представителей казахских властителей, спровоцировала их вооруженное сопротивление, наиболее ярким представителем которого был Кенесары. Отношение к нему цинского правительства в это время не определилось. Можно выдвинуть в качестве рабочей гипотезы, что зажатый в тиски Кенесары, просил разрешения укрыться в пределах Китая. Цинское правительство не было готово ссориться с Россией, укрыв у себя его противника. Но его сарбазов можно было бы использовать для подавления восстания уйгуров и сочувствующих им киргизов. Ходжей вдохновляло и поддерживало Кокандское ханство



(андижанцы). Вражда семьи Касыма с Ташкентом, убийство здесь отца и братьев Кенесары, объявленная им в 1840–1847 гг. война против Кокандского ханства устраивала Китай, как, впрочем, и Россию. Синьцзян еще не оправился от четырех походов ходжи Джахангира в 1820–1828 гг., Юсуфа в 1830 г. В 1847 г. в Кашгарию вторглись объединенные ополчения семи ходжей. В такой ситуации Пекин не мог полностью игнорировать просьбу потомка Абылая. Но было решено делать ставку на потомков Абулмамбета, среди которых дети и внуки султана Абулфеиза обладали реальной властью над алтайскими и тарбагатайскими казахами.

Многие из ханов и в лучшие времена не имели крепкой власти над всеми казахскими племенами. Энергия ханов и султанов терялась в безбрежных просторах страны, угасала в преодолении феодальной раздробленности, подобно тому, как реки на их землях терялись в песках. Среди властителей были те, кто хотел лишь сохранения своего привилегированного положения, возможности господствовать над родовыми кочевьями. Не было также никого, кто бы мог долго держать в узде других больших и малых степных властителей и старшин родов и в мирное время. Борьба султанов Касыма, его сыновей Саржана, Кенесары в 1824–1847 гг. отсрочила исполнение царских реформ. Титул хана в единичных случаях продолжал применяться, а при вручении Цинами султанам титула «ван» – в отношении потомков султана Абулфеиза, Омск лишь настаивал на присутствии своего чиновника. Ханы и претенденты на ханский титул в своей борьбе прибегали к политическим демаршам и дипломатическим маневрам, к поддержке внешних сил. Титул хана, как единого правителя, оставался в памяти казахских кочевников и в новое время. Оно было еще настолько сильным, что отдельные представители феодальной знати продолжали настаивать на сохранении титулов *хан* и *султан.* Отдельные представители *кара суйек* также не оставляли попыток получить этот титул, а их приверженцы соблюдали древний ритуал купания избранных в молоке кобылицы, поднятия их на белой войлочной кошме и принесения в жертву Небу лошади белой масти [Обухов, 2007]. Все эти шаги были направлены на сохранение в XIX – первой половине XX вв. своего государства и остатков его суверенитета.



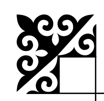
1.2. Абулмамбет хан и его дипломатия

Международные отношения и внешняя политика Казахского ханства остаются важными индикаторами государственности и его суверенности. Они входили в компетенцию правителя, являлись его прерогативой, бесспорно признаваемой всеми внутри страны и соседними странами.

Имеющиеся документы свидетельствуют, что с 30-х гг. XVIII в., после трагической смерти хана Жолбарыса 5 апреля 1749 г., внешнюю политику Казахского ханства направляли ханы Абулхаир, Абулмамбет и Толе би. К 40-м годам контроль семейных кланов ханов охватывал почти всю территорию расселения казахов. Правители поддерживали между собой постоянную связь по важным внешнеполитическим делам, по мере сил старались сгладить противоречия, возникающие между их собственными интересами. Но они не всегда могли их преодолеть – в силу различных этно-социальных, экономических и политических приоритетов. Кочевья племен в центральной и восточной части Казахстана, подвластных ханам и султанам Младшего и Среднего жузов, располагались в непосредственной близости от России. Некоторые правители родов Старшего жуза, как неоднократно утверждал Абулмамбет, находились в зависимости от Джунгарского ханства или перед угрозой потери зависимости. Политика ханов была подчинена поискам сильных союзников и покровителей на внешней арене. Внешнеполитические вопросы решались на ханских советах, на которые старались собраться все значимые правители от ханов до старшин и известных батыров родов.

В 30-х гг. XVIII в. на историческую арену выступает хан Абулмамбет (Абу-л-Мухаммад-Бахадур-хан), а с ним вместе султан Абылай. Достоверная биография деятеля такого крупного масштаба, как Абулмамбет интересна сама по себе. Ее изучение необходимо также для более верного понимания достаточно длинного отрезка времени истории казахского государства, выявления специфики управления ханством, механизма принятия внешнеполитических решений.

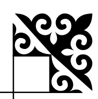
Год рождения хана Абулмамбета – предположительно 1690-й. (К. Абуев). Называют также разные годы избрания его в ханы: 1730, 1734, 1739, 1748 гг.. Эти четыре даты отражают повышение властных и представительских полномочий внука хана Тауке. В традиционном кочевом обществе в титул «хан» вкладывался разный смысл. Вначале он означал право на руководство во время войны войском, набира-



ющемся из ополчений от имени родов и племен всех трех родо-племенных союзов-жузов. Участие в сражениях с джунгарами во главе отряда объясняют даты – 1730 и 1734 гг. в биографии Абулмамбета. С этого времени хан имел право завести себе личную печать с вырезанным на нем полным официальным именем, данным муллой, с провозглашением *азана* и прибавлением к имени слов «бахадур хан».

На следующей стадии карьеры при удачных обстоятельствах этот войсковой *хан* избирался правителем, наряду с военными вопросами решавшим внутренние вопросы управления родами, за которыми были закреплены определенные территории. При этом, эти роды располагали достаточно устойчивыми сезонными кочевьями, а их правители – зимними ставками. Ставкой Абулмамбета на протяжении его ханства являлся Туркестан, хотя в отдельные годы он терял его или владел лишь какой-то его частью. Подвластные роды расширялись за счет брачных и других союзов казахской верхушки. Абулмамбет управлял *кыпчаками, конрат, уак, керей* (в русских источниках – мелкогиреевские орды) и подразделениями рода *атыгай* племени *аргын*, доставшимися ему в качестве приданого его *байбише* (старшей жены), а также *найманами* и *абак-кереями*. С взрослением сыновей, согласно традиции, Абулмамбет выделил им уделы. Своему первенцу Болату он передал *атыгаев* в Северном Казахстане, но здесь усиливался преданный Абулмамбету, но, отнюдь, не его сыновьям султан Абылай. За Болатом традиционно был закреплен Туркестан, он достался ему в наследство после смерти отца.

К этому периоду биографии Абулмамбета относится третья дата – 1739 год. Последняя дата – 1748–1749 гг., объясняет формальное верховенство Абулмамбета над другими казахскими ханствами, оно, скорее, вызвано долгой жизнью, более ранним и долгим пребыванием на ханском троне, хозяйственно-экономическим и политическим опытом управления. Это верховенство традиционно признавалось другими правителями с разными титулами и прозваниями, удостоенными ими позже, чем Абулмамбет. Но оно было неустойчивым, так как не подкреплялось экономическими и политико-административными системами, централизованным государственным аппаратом. Тем не менее, иерархическая система кочевников поддерживала этническое и территориальное единство казахов. Оно способствовало сохранению своеобразной кочевой государственности до проведе-

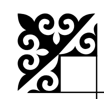


ния державами репрессивной политики ликвидации этой государственности в первой половине XIX ва.

Однако, процесс ликвидации не завершился, так как титул хана продолжал использоваться казахами как символ государственности до конца этого века, а его анахронизмы проявлялись и в XX веке. В течение всей жизни, отношения Абулмамбета с Российской империей, а в конце жизни – с Цинской империей существенно не поколебали его внешнеполитическую стратегию, направленную на сохранение Туркестана и его округа как центра ханства.

Сведения об Абулмамбете и Бараке как о влиятельных правителях (ханов) Санкт-Петербург получил от послов Абулхаира и из его писем в 1730 г. Среди казахских правителей на территории от долин рек Сырдарья, Сарысу, Торгай до гор Кичитау и Улытау названы несколько человек и среди них хан Абулмамбет. Под их властью названы 3 города: Ташкент, Туркестан и Сайрам [КРО1, 38]. В лучшие времена Абулмамбет получал доход и от большинства туркестанских кентов: Сауран, Отрар, Сыгнак, Суза и др.

По информации батыра Джанибека тархана, приведенной в журнальных записях князя В. Урусова за август 1740 г., с которым Абулмамбет вел прямые переговоры: «Абулмамбет – сын бывшего Пулата (Болата) хана, и будучи-де он в прошлом году в Туркестанте, от знатнейших киргис-кайсацких родов, яко Аргинское, Актайского и Уваккерейского и от других удостоен в ханы, и по прибытии в орду от многих родов поднят на епанче…лутчими людьми» [КРО1, 148]. Согласно этой информации, церемониал избрания Абулмамбета состоял из двух этапов: сначала он был избран правителем вилайета Туркестан, а потом уже поднят на белой накидке из войлока в орде, т. е. в местах расселения подвластных ему *аргынов*, *уак-кереев*. Указан еще актайский род, возможно, речь идет о поколении *алтай-аргын*, к которому принадлежала старшая жена Абулмамбета, мать его первенца султана Болата. Естественно, и при самых благоприятных обстоятельствах требовалось время на организацию и проведение двух актов. Правлению Абулмамбета в Туркестане до конца его жизни сопротивлялись потомки хана Семеке [Шемяка хана, см. о нем ЭНКПЭ 1, 410]. Избрание произошло после того, как Абулмамбет возглавлял ополчение из своих подвластных в войне с ойратами в 1730 г., а также в связи со смертью его дяди Семеке, последовавшей, предположительно, в 1738 г. Батыр Нияз лично способствовал воцарению Абулмамбета в Туркестане и некоторых ханов до него.

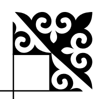


Он имел большую силу еще при его дяде Семеке. На вопрос князя Урусова в присутствии самого хана батыр говорил : «…ханы их всегда по наследству и по ближней линии избираются, разве-де когда ближней салтан к ханскому правлению исключим будет, то избирают другаго, хотя и не так блиского, да достойного» [КРО1, 155]. Очевидно, батыр считал более подходящей кандидатурой Абулмамбета (хан – в 1739–1770 гг.), а не прямых потомков Семеке и, его поддержка, безусловно, была решающей в деле выбора хана.

Приоритет политики всей жизни хана Абулмамбета скрывался в одном коротком слове – Туркестан. В 1740 г. его кочевья находились на севере Казахстана на расстоянии одной-двух недель пути от Оренбурга, а Абылая – в 20 днях пути [КРО1, 155].

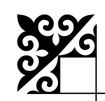
Международное положение Казахского ханства в 30-х гг. XVIII в. осложнилось в связи с активной политикой Российской империи, которая довела самого влиятельного казахского хана Абулхаира до принесения присяги (шерта) о верности. Абулхаир не допускал мысли о потере самостоятельности ханства, его ослабления и, тем более, раздробления на части. Его целью было укрепление ханства, расширение своего влияния на все казахские племена при поддержке внешних сил: Российской империи и Джунгарского ханства. Абулхаир со своими сыновьями и старшинами принял дважды присягу верности России, вторично 3 августа 1738 г. [Ерофеева, 1999, 226–227]. На переговорах с тогдашним командиром Оренбургской экспедиции В.Татищевым обсуждались те же вопросы, которые должны были обсуждаться на этот раз с ханом Абулмамбетом и его вассалами. За два года ни одна из договоренностей не была соблюдена обеими сторонами. А они не были сняты с повестки дня и оставались главными в казахско-русских двусторонних отношениях. Поэтому, для Абулхаира не было смысла толочь воду в ступе. Его присутствие осложнило бы переговоры с новыми партнерами, так как, естественно, стали бы выискиваться причины невыполнения соглашений. Это привело бы стороны к взаимным обвинениям и оправданиям. Кроме того, обнаружились бы непримиримые противоречия, существующие между самими казахами. А Абулхаир в тот год явно желал успешного хода ритуалов принесения присяги Абулмамбетом при условии его приоритетного положения в политике России и сохранения за ним статуса старшего хана.

Расстановка внутриполитических сил при Абулмамбете была сложной. Хан Абулхаир сближался с Россией, Барак султан, прави-



тель многочисленного рода *найман,* при всех его дипломатических маневрах с Оренбургом, не собирался и реально не мог окончательно порвать с Джунгарией. В то время никто из казахских правителей не снимал со счетов Джунгарское ханство, остававшееся крупным центром силы в международных отношениях региона и одним из главных партнеров казахов. Механизм управления внешней политикой и международными отношениями в Казахском ханстве с некоторыми сбоями, но продолжал действовать. Тон во внешних делах продолжал задавать Абулхаир, который все еще не терял надежды получить военную и моральную поддержку России, собрать жузы под свою руку. Отсюда следует, что Абулхаир все еще признавался старшим ханом и потому большинство пошли вслед за ним по пути сближения с Россией. Именно он приложил немало усилий к тому, чтобы добиться приезда в Оренбург своего политического соперника и влиятельного хана – Абулмамбета с его вассалами. Абулхаир был также посредником в установлении связей Толе би и старшин Старшего жуза с Россией в 1733 г. Поэтому, неверно думать, что казахские феодалы, проживающие в Сарыарке, Семиречье, сами по себе вдруг пожелали искать покровительства Российской империи. Джунгарские послы приезжали в Оренбург на встречу с русскими властями также при содействии Абулхаира, и с согласия и ведома других казахских правителей, оповещенных им. Старший хан обеспечивал достойное сопровождение русским послам, например, он отправил своего сына Ерали в поездку с К. Миллером к джунгарам в 1742 г. Таким образом, Абулхаир оставался авторитетным старшим ханом до его убийства Бараком султаном в 1748 г. Он держал в своих руках посольские связи казахов с главными фигурантами региона. Старшинство Абулхаира подкреплялось признанием его лидерства в военных предприятиях казахов. Немаловажное значение имели также его экономическое положение, количество подвластных ему родов и площадь контролируемой им территории [Ерофеева,1999, 232].

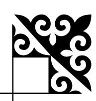
Безусловно, у Абулхаира в ханстве были противники, которые не хотели мириться с его старшинством, стремились перехватить этот высокий статус. Они использовали в пропаганде против него признание им протектората России, хотя и сами стремились к нему. В конечном итоге, отдача Абулхаиром сына в аманаты России, не укрепила, а, напротив, намного ослабила моральные позиции старшего хана. Того, чего жаждал и в чем нуждался – военной помощи от России, Абулхаир не дождался, Туркестана – традиционной ставки казахских



ханов, в котором он имел еще влияние перед откочевкой на запад и находящегося вне досягаемости России, тем более.

Ханов и султанов Среднего и Младшего жузов связывала общая борьба с ойратами, роль в ней Абулмамбета была подчиненной общим задачам, возможно, представительной, но скромной. Вероятно, Абулмамбет, как и большинство казахской знати, не видел более достойного и подходящего человека, чем Абулхаир, могущего возглавить казахские войска и организовать отпор внешним врагам. Во время переговоров с командиром Оренбургской экспедиции генерал-лейтенантом князем В. Урусовым он не позволил себе ни одного отрицательного замечания в адрес хана Абулхаира. В то время, как правителей Старшего жуза он называл плутами и утверждал, что обычно не приглашает их на ханские советы. Абулмамбет стремился договориться с Абулхаиром, а также с его сыновьями по важным моментам его строящихся отношений с Россией. Однако, Абулхаир на встречу в августе 1740 г. не приехал, так как он ясно видел двойственную позицию русской стороны, которая и не предполагала укрепления его положения в ханстве. Командир Оренбургской экспедиции был настроен на ослабление его позиций и показал это достаточно ясно перед новыми казахскими правителями. Тем не менее, Абулхаир не хотел оставаться в изоляции от важных переговоров, которым он лично способствовал и отправил на встречу Абулмамбета с командиром Оренбургской экспедиции двух своих старших сыновей. На встрече состоялись переговоры Абулмамбета с молодыми султанами Нурали и Ерали, но они привели к еще большему разобщению между правителями. В стратегическом плане Абулмамбет соглашался с основными направлениями русской политики Абулхаира, поэтому он следовал им. Но его тактика была направлена на то, чтобы не настраивать против себя склонных к вольности казахских старшин и не лишать себя пространства для маневрирования внутри Казахстана и на международной арене.

Абулмамбет прибыл на встречу с русским сановником в сопровождении большой свиты в количестве 128 человек, наиболее доверенными среди них были имевший перед ним заслуги батыр Нияз и честолюбивый султан Абылай. Все они принесли присягу России вслед за ним [КРО1, 153]. Абылай султан отвечал за безопасность посольства, подтверждением тому является то, что он не опасался каждый раз брать в свою юрту русские подарки и откровенно похвалялся этим. Между тем, как Нурали и Ерали султаны, сам Абулмамбет

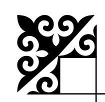


старались положить их в недоступное место, чтобы не подвергнуться обычаю *хан талау*. По этому обычаю ближайшее окружение правителей, его батыры и старшины разбирали посольские дары зарубежных делегаций согласно своему положению.

Хан Абулмамбет хорошо подготовился к переговорам. После пышных церемоний, он первым начал разговор о делах. Большинство их касалось всех трех жузов:

1) возвращение или возмещение товаров разграбленного казахами в 1738 г. каравана, отправленного из Оренбурга в Ташкент;
2) возвращение пленных, причем Джаныбек батыр первым подал список угнанных казаками и калмыками казахов и их скота, тогда как он сам увел из-под Астрахани и Оренбурга, в отместку за угон казахов, русских и подданных России из *татаров, ногаев, калмыков*, которые уже были проданы им в рабство в Хиву и Бухару;
3) о подготовке нового русского каравана и условиях его сопровождения и охраны казахской стороной, казахи брались за обеспечение его безопасности, однако, оплату купцами с одного вьюка на верблюде по 2 куска кожи они считали недостаточной. В итоге, договорились об оплате ташкентскими *тыинами*;
4) Абулмамбет выразил желание отправить к двору императрицы небольшое посольство, примерно, из двух-трех доверенных лиц. Русская сторона предлагала отправить наиболее знатных людей (намек отправить сына в заложники), чтобы государыня не отклонила аудиенцию. Между тем, Абулмамбету было известно, что в Оренбурге задержали первого посла хана Абулхаира, отправленного в 1732 г. в Россию. Это был Ерали султан, когда ему было 11–12 лет, впоследствии хан добровольно-принудительно заменил его на другого сына. Русская сторона не знала другого надежного способа предостеречься от недружественных действий казахов, кроме получения от них заложников, и стремилось держать в аманатах братьев, детей, родителей и других близких родственников от возможно большего количества правителей: ханов, султанов, старшин и батыров. Это касалось также и тех лиц, которые брались за договоренную плату сопровождать и охранять торговые караваны, комплектуемые в Оренбурге. Они должны были содержаться в ближайших города-крепостях. О присылке *аманатов* Урусов говорил тайно со всеми, с кем считал нужным встретиться отдельно.

Султаны Младшего, хан и султаны Старшего жуза ни разу не оказались вместе на приемах оренбургского командира. Абулхаир под

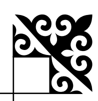


благовидным предлогом не участвовал в переговорах с российской стороной, хотя, как уже говорилось выше, приложил немало усилий для обеспечения их приезда. Казахские правители не могли придти к единому мнению по важнейшим вопросам переговоров и обсуждения предложений. Русская сторона также придерживалась политики разобщения казахских правителей.

Абулхаир просил русскую сторону построить крепость на Сырдарье где он в это время он находился. Стремился заменить заложника из своей семьи *аманатом* от Среднего жуза. Абулмамбет не мог согласиться ни на то, ни на другое. Он не рассчитывал на реальную военную помощь России в борьбе с Джунгарским ханством, русская сторона также поддерживала в нем надежду на его защиту лишь дипломатическими методами. Абулмамбет предлагал Абулхаиру отправить заложником в Россию его первенца и наследника Нурали султана. Тем самым он явно хотел тем самым ослабить авторитет старшего хана, который и без того болезненно воспринимал попреки за то, что якобы отдал своего сына в Россию «за кармазинное сукно». Главное препятствие установлению их союза заключалось в том, что ни при каких обстоятельствах Абулмамбет не хотел терять Туркестан, передавать этот город Абулхаиру. При этом, Абулмамбет предлагал русским, не называя имени казахского аманата, держать его не в Оренбурге, а подальше – в Самаре, и под видом официальной его службы.

Попробуем понять, чем вызвано это его предложение. По большому счету, хан не был против института аманатства в международных отношениях, знал, что это является единственной гарантией исполнения взятых казахскими правителями обязательств, а также условием поддержки со стороны сильных соседей. Он также понимал, что заложничеством следует охватить всех своих вассалов, чтобы связать их общей ответственностью. Только так он мог удержать от враждебных действий трудно контролируемых казахских старшин. Заложничество предоставляло также возможность сохранения собственного влияния на подвластных хану султанов и старшин, так как вопрос о заложниках решался сторонами на общем съезде, проводимого во главе с ним - ханом. И он мог влиять на отбор заложников от подвластных ему глав старшин, которые должны были составить свиту ханским детям.

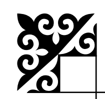
На западе и севере Казахстана были сильны позиции России, а на юге и востоке – Джунгарского ханства. Ханы Старшего жуза находились под протекторатом Джунгарского ханства, о чем Абулмамбет



не раз заявлял на переговорах под Оренбургом. Он осознавал, что лишь при посредстве Джунгарии сможет оставить за собой Туркестан и подвластные ему кенты. В этом он имел возможность убедиться уже через полгода после формального принесения им русской присяги. Главный урок заключался в том, что Абулмамбет в последующие свои годы старался не попадать больше в такое положение, в каком он оказался в Оренбурге, когда фактически его принудили к присяге. Это была его первая и последняя личная встреча на территории, подконтрольной России. После этого он принимал послов только на своей земле. Его послы не доехали в столицу России, но связь с Оренбургом хан поддерживал и не оставлял без ответа письма русских наместников. Предварительное согласие об отправке официального посольства в Санкт-Петербург в целях подтверждения принятия им русского подданства он получил при переговорах под Оренбургом, но ни одно его письмо о подданстве не соответствовало принятым формам.

В недрах Коллегии иностранных дел сохранились копии писем Абулмамбета императрицам Анне Иоанновне и Елизавете Петровне. Первое письмо от августа 1740 г. было записано со слов хана, поставлена была и печать с ремаркой переводчика: «При подлинном оного Абулмамет-хана на татарском диалекте разговорах чернильная печать». Но дальнейшего хода оно не получило. В связи с восшествием на престол, хан отправил поздравительное письмо Елизавете Петровне, ожидая, но не очень желая, чтобы его посланцев отправили в Санкт-Петербург. В письме он четко написал: «А по прибытии оных посланцев отправлены быть имеют от меня вторично нарочные и настоясчие посланцы, с которыми по совету нашего народа, где угодно будет строить город, заподлинно объявим» [КРО 1, 186]. Однако, проставленная на этом письме печать вызывала сомнение опытного переводчика Р. Уразина: «В конце приложена чернильная печать, а что во оной изображено, того разобрать неможно», – честно отметил он. Итак, хан Абулмамбет обещал отправить настоящее, т. е. официальное посольство, но джунгарские дела были для него на тот момент важнее по конкретным результатам.

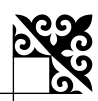
Уже в следующем году, после личных переговоров с российской стороной, в феврале 1741 г. казахи подверглись вторжению ойратов, а вскоре скоропостижно скончалась императрица Анна Иоанновна. Она бездарно правила 10 лет (1730–1740 гг.), но именно при ней начался процесс присоединения Казахстана к России, большей частью



происходивший дипломатическими маневрами. Поход джунгар на казахов изменил расстановку сил в пользу Джунгарского ханства. Русская аристократия была занята распрями и дворцовыми переворотами в пользу детей и внуков Петра I, родившихся от первого и второго браков. Затем, в августе 1741 г. Швеция объявила войну России. Война длилась до 1743 г. и носила ограничительный характер, тем не менее, она отвлекла ее силы от Востока. Воспользовавшись этой ситуацией, Джунгарское ханство возобновило нападения на казахов и восстановило с ними вассальные отношения, традиционных для этих кочевых государств.

Россия тогда же предприняла недружественный шаг, запретив казахам указом от сентября 1742 г. переходить Яик, в противном случае грозила расправляться с ними «яко с неприятелем». Казахи могли кочевать лишь на степной стороне реки и не должны были приближаться к русским крепостям. Между тем, Оренбург был построен в свое время в том числе по просьбе хана Абулхаира. К тому же, на юго-западе в долину Сырдарьи двинулись войска персидского шаха Надира.

Между тем, конкуренция между Абулхаиром и Абулмамбетом усилилась. И хан Абулхаир решил написать откровенное письмо новой русской императрице Елизавете Петровне о состоянии дел в Казахстане. Он писал, что «устраиваются тайные совещания нашего *йурта*, и братья наши младшие отвернулись от нас и ведут себя вызывающе… Абулмамбет-султан и Барак-султан мне заявили: мы, подобно Абулхаиру-хану, отдав русским своих и покорившись им, не можем превратиться в русских сыновей… (они, а также Батыр-султан говорят. – *К.Х.*). Лучше отдать калмыкам своих сыновей и *алман*» [ЭНПКЭ 1, 144]. Оренбург получил достоверное сведение о том, что три султана уговаривают казахов дать джунгарам «белый дом и алман». Он также сообщил, что торговый караван из Оренбурга был разграблен по наущению Абулмамбета. Абулхаир хан написал это письмо в марте 1742 г. Кроме того, он сказал и о скрываемой до того своей обиде, что во время встречи Урусова с Абулмамбетом тот оказывал больше почета Абулмамбету и Абылаю, а не его ханским детям – Нурали и Ерали султанам. Через месяц хан написал, что делегации казахов и джунгар по 40 человек с каждой стороны заключили мирный договор. Казахскую сторону возглавляли Абулмамбет хан и Барак султан. Туркестан остался в ведении Абулмамбета, а Восточный Казахстан обезопасил себя от вторжений джунгар. Абулхаир хан



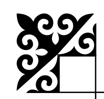
остался в стороне от этих важных событий, он и его дети навсегда потеряли Туркестан – духовный и важный экономический центр Казахского ханства.

Абулмамбет установил связи с калмыцким Дундук-Даши и предлагал ему восстановить дружеские отношения между собой, каковые были при Аюке-хане. «А ежели вы от нашей стороны изволите спрашивать, мы со всею ордою состоим по сю сторону Яика по милости божией благополучно, а вам по ту сторону Яика желаем пребывать со все народом в благополучии ж. Между обеих орд надлежит нам воровских людей накрепко запрещением удержать, а от нашей стороны никакого воровства и воинства чинимо не будет, чего ради надлежит и вам по тому же поступать и войну вовсе оставить» [цит. по ЭНКПЭ 1, 254].

Это письмо каким-то образом попало в руки русской администрации, а потому дошло до нашего времени. Оно доказывает, что степные властители решили установить между собой согласие, границу между своими владениями. Абулхаир не прекращал попыток овладеть кочевьями между Яиком и Волгой, но соглашение между калмыками и казахами на то время отвечало их интересам, в том числе и Абулхаир хана, так как русский запрет переходить на правый берег Яика, более всего бивший по интересам казахов Младшего жуза, приводил к вооруженным столкновениям. Абулмамбет вскоре отправил послов к тайному советнику И.И. Неплюеву, а также к Астраханскому губернатору В.Н. Татищеву с заверением, что казахи не будут чинить воровства на Яике. В 1743 г. хан Абулмамбет обещал отправить в Россию своих настоящих послов «в предбудущую весну» [Сулейменов, Басин, 1981, 174–175].

Оренбургский губернатор И.И. Неплюев в 1745 г. продолжал придерживаться политики предшественников, он также оказывал больше почета послам ханов Среднего жуза, очевидно, считая, что от них может больше исходить опасности в связи с их отношениями с джунгарским ханом, нежели от Абулхаира. «Абулмамед-солтан, Барак-солтан, верхния калмыки выше нас почитаются, а я уже ниже их нахожуся, а сначала так не бывало», – не удержавшись, приписал Абулхаир хан в письме императрице за 20 июня 1747 г. [ЭНПКЭ 1, 192].

В июне 1742 г. к хану Абулмамбету был командирован мурза Р. Уразин – переводчик, чтобы убедить Средний жуз отправить посольство для поздравления с восшествием на престол Елизаветы Петровны (время правления – 1741–1762 гг.). Русской стороне это было

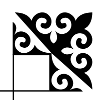


необходимо для того, чтобы казахи повторили свою присягу новой правительнице. Оренбург собирался предъявить потом документы на переговорах с ойратами, а также информировать Галдан-Цэрена через К. Миллера, направлявшегося в *ургу* ойратского хана, в числе задач было и требование освобождения из плена Абылая, как подданного России. В 1742 г. Абулмамбет просил императрицу Елизавету, чтобы не задерживали более его послов: батыров Айтима Баймурата (Айтым батыр), Карабаша, Болата, Карамана. Они были отправлены для принесения поздравлений Елизавете Петровне по случаю ее восшествия на престол и подтверждения верноподданнических чувств хана. После возвращения с переговоров из-под Орска русское верноподданичество казахских правителей подверглось большим испытаниям. В 1741 г. в Казахстан вторглись войска Галдан-Цэрена, султан Абылай попал к нему в плен. Послы Абулмамбета сообщили о состоянии казахско-джунгарских дел, просили защиту от ойратов, об установлении торговли и намерении провожать и охранять среднеазиатские и русские торговые караваны. Последовала грамота Елизаветы от 23 июня 1742 г., об отпуске домой Айтима с товарищами [КРО1, 216–217]. Казахские послы были «кормовыми удовольствованы» на обратную дорогу и «награждены особливым жалованьем» императрицы. Возможно, казахские послы присутствовали на приеме по случаю коронации русской императрицы, на которой впервые приветствовали послов цинского императора к калмыкам, заехавшим в Санкт-Петербург.

В это время, по сведениям Оренбурга, Абулмамбет кочевал в вершинах реки Илек – левого притока Яика, т.е. на западе Казахстана [КРО1, 216–217]. В инструкции Оренбургской комиссии переводчику Уразлину (правильная дата – 7 июля 1742 г. – *К.Х.*) поставлена задача склонить Абулмамбета к приезду в Оренбург для свидания с тайным советником Неплюевым и чтобы получить сведения из первых рук об отношениях Среднего жуза с Джунгарией [КРО1, 217].

Содержание Инструкции показывает, что Оренбургу как нельзя было кстати предложение Абулхаира вызвать и задержать в аманатах самого владетеля Среднего жуза. Наряду с Абулмамбетом, переводчик вез отдельные грамоты султанам Бараку и Батыру, в случае их приезда на ожидаемый ханский совет. Но вручить их он должен был каждому в отдельности, не ставя в известность о грамотах к другим.

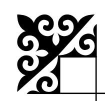
Все свои силы Урзалин должен был направить на то, чтобы «отвратить» владетелей от намерения дать *аманатов* Галдан-Цэрену.



Подарки владетелям были отпущены от казны, но должны были вручаться якобы лично от имени послов ввиду их скромности и нежелания показывать интерес правительства. Урзалина сопровождал сибирский крестьянин Иван Лапин, который долгое время жил среди казахов и «татарскому языку доволен». Позиция России была противоречивой, с одной стороны, она должна была защищать интересы казахов, как своих новых подвластных, а, с другой стороны – постоянно удерживать их от согласия между собой и установления ими мирных отношений с ойратами.

После неудачи с приездом Абулмамбета, Оренбург начал обхаживать Барака султана. Однако тот, рассердившись на то, что при русском посланце не было ни официальной грамоты, ни полагающейся при вручении грамоты сабли (все в степи знали, что Абулмамбету были направлены именная сабля и панцирь), не принял писем Неплюева и удалил посланца от себя. «От него, салтана, никакого ответствия на то не получили и не надеюся, – писал Неплюев в Правительствующий Сенат, – чтоб он, будучи пребезмерно горд и величав, ныне для свидания со мной приехал, он же по известиям, поступает с Абулмамбет – ханом заодно, и акиб сына своево на смену Абулмаметеву к зюнгорскому владельцу послать намерен» (КРО1, 285). Отсюда видно, что Абулмамбету удалось сохранить хрупкое согласие с Бараком, который не соглашался пойти в угоду России на вражду с новым джунгарским ханом, воцарившимся после Галдан-Цэрена.

Факты свидетельствуют, что Абулмамбет в продолжение своей жизни обычно советовался с Бараком, Абылаем, а также с другими не менее влиятельными султанами. И не они поручали хану дела, а хан им. Так, с его согласия, Абылай занимался вначале его охраной, а затем международными делами. В то же время, Абулмамбет и сам не мог обойтись без поддержки этих двух влиятельнейших правителей. Он нуждался в исполнительности Абылая и в согласии с Бараком, имевшем наибольшее число подвластных ему родов на востоке и юге Казахстана и прямые связи с ургой джунгарского хана. Султаны также имели сильных сторонников, в особенности Барак. Ни одно мероприятие с джунгарами не могло решаться без согласия этого султана. Абылай и Барак часто приезжали к хану, регулярно устно и письменно сообщали ему через посыльных обо всех значительных событиях внутреннего и внешнего порядка на подвластных им территориях. Во все годы своей жизни хан не терял контактов с своими главными вассалами. Также не прерывались связи хана с правите-

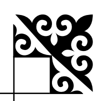


лями Старшего и Младшего жузов, их влиятельными старшинами и странствующими, подобно европейским рыцарям, батырами.

Исполняющий обязанности Оренбургского губернатора А.И. Тевкелев и его помощник П.И. Рычков докладывали в Коллегию иностранных дел, что хан вышел из Средней Орды в 1743 г. и «жил в Туркестанте, имея в овладении сей город и другие тамошние местечки (где сарты, то есть купцы и пахотные люди жительствуют)», в 1758 г. он возвратился в Орду, так как его изгнал из города родной племянник. Но хан не был намерен мириться с этим и собирается отвоевать город [11, 1, 188]. Но в августе 1758 г. Тевкелев писал, что Абулмамбет давно вышел из Орды и пребывание имеет в Туркестане [6, 1758, д. 4, 162]. Это означает, что он обосновался в ставке старшего хана и к тому времени вновь достиг статуса, имевшегося у него в течение десятилетия с августа 1748 г. после убийства Абулхаира до августа 1758 г. Абулмамбет не одобрял никакого поощрения и поддержки казахскими султанами конкурентов законного наследника Галдан-Цэрена. Он понимал стратегическое и экономическое значение присырдарьинских городов для казахов, а править там можно было лишь при согласии джунгарского хана. Туркестан являлся ставкой при царствовании знаменитого деда Абулмамбета – Тауке хана. И Абулмамбет, стремясь удержать город в своих руках, не раз шел на политические уступки – вплоть до признания им временного вассалитета джунгарских ханов и дележа части доходов от города и Туркестанского вилайета со среднеазиатскими правителями и внутренними конкурентами. Все приоритеты внешней и внутренней политики хана Абулмамбета были сконцентрированы в слове «Туркестан». Однако, и при временной потере Туркестана соперники и явные противники хана не могли вычеркнуть хана из политической жизни страны. Все перипетии судьбы хана не приводили к игнорированию статуса Абулмамбета как правительствами двух держав, так и влиятельными старшинами племен.

Положение Абулмамбета оставалось прочным и на внешней арене. Ойратское и среднеазиатские ханства, Российская и Цинская империи не сомневались в его ханском статусе, признавали его *a priori*, и в таком бесспорном статусе с ним общались. Для этого достаточно обратиться к документам, отдаленным друг от друга промежутком в 25 лет:

1) к «Журнальной записи переговоров оренбургского губернатора с ханами и султанами Младшего и Старшего жузов» в августе 1740 г. и,
2) к документам о встрече послов, прибывших в Китай в 1764 г. от

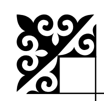


имени Абулмамбета, ответного письма Цяньлуна на письмо хана, возможно, последнего в своей жизни к этому адресату.

Хан часто неспешно ездил по аулам Туркестана и не менее половины года проводил в Северном, Центральном и Восточном Казахстане. По мере необходимости он созывал совет в Туркестане и в степи при каждом выезде. Подобный метод правления являлся оптимальным для кочевого государства, раскинувшегося на огромном пространстве и при Абулмамбете он стал обычным. Хан был приверженцем традиций в личной жизни и в своей государственной деятельности. Некоторые ученые отмечают проявления у него слабоволия, безынициативности, но хан умел прислушиваться к мнениям своих вассалов, осознавал и принимал ограниченность своей власти. С другой стороны, консерватизм хана давал какую-то гарантию устойчивости политики, надежду на умеренность его решений и предсказуемость его действий.

Абулмамбет придавал большое значение съездам казахской знати. Им проводились советы в узком кругу аристократических семей, представителей одного, двух, а в ряде случаев всех трех жузов. Некоторые советы с участием старшин – би и странствующих батыров – старшин проводились как народные собрания. Среди доверенных лиц хана с начала 60-х гг. XVIII в. были пасынок Абулфеиз, султан Абылай, сын Болат, Казбек би и сыновья этого би – Бекболат и Сырымбет, батыры – отец и сын Кулеке и Кулсара, сын Жанибека – Даутбай тархан и другие. Хан умел заставить прислушиваться к себе двух самых амбициозных султанов – Абылая и Барака, но одновременно способствовал укреплению положения сыновей: Болата – на севере, Абулфеиза – на востоке страны. Султаны при нем всегда могли открыто высказать свое мнение лично хану и отстаивать свои взгляды на ханских советах. И хан прислушивался к мнению большинства, даже в тех случаях, когда сам был с ним не согласен.

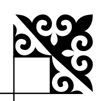
Так было в 1753 г., когда решение совета оказать помощь ойратским претендентам на престол не совпадало с ханским. С тех пор, как в 1740 г., султан Абылай взялся сопровождать Абулмамбета на запад и разделить его участь, между ними не возникало открытой вражды. Султан, чтобы защититься от давления русских властей, ссылался на старшего хана Абулмамбета, которого он «и за отца себе почитает». И аналогично, при давлении на него Цинов – на старшинство среди казахских правителей хана Нурали. Вполне может быть по той простой причине, что первый оставался, по меньшей мере,



территориально недоступным для Санкт-Петербурга, а второй – для Пекина. Молодой Абылай понимал свое место в иерархии власти и необходимости коллективной ответственности за принятие международных актов ханства.

В 1758 г., несмотря на изгнание Абулмамбета из Туркестана, решение отправить султана Жолбарыса в Санкт-Петербург Абылай «учинил по согласию с ним, ханом» [ЦИКХ 1, 189]. Лишь в экстраординарных случаях он поддавался давлению внешних сил, но оставлял себе лазейку. Рано или поздно, султан непременно оповещал о своих действиях Толе би, Абулмамбет хана и Нурали хана. Одним словом, Абылай осознавал реальную, моральную и символическую зависимость от старшего хана. Посольства в соседние страны он отправлял с ведома и одобрения хана, но в конце жизни честолюбие, стремление занять трон после смерти Абулмамбета толкали его на самостоятельные игры и интриги. Некоторую вольность Абылая в общении с ханом можно объяснить небольшой разницей в их возрасте, по моим предположениям, от 1-го до 6-ти лет, а также обычной фамильярностью приближенного человека.

Обратимся к Указу Коллегии иностранных дел оренбургскому губернатору, основанному на блестящем анализе ситуации 60-х гг. в Казахстане. Здесь пишется, что ханом в Средней орде почитается хан Абулмамбет, «которого не токмо киргис-кайсаки и протчие их солтаны и старшины, но и сам он, Аблай-солтан, придерживаются и советам его следуют. Ибо, хотя он, Абулмамет-хан пребывание имеет в городе Туркестанте, однакож, в летния время, и в ту орду приезжает в Алтай-Аргинский род и, будучи тут чрез несколько времяни знатные их киргис-кайсацкия дела производит, каковых Аблай-солтан без него собою решить не может». Отмечалось, что хан «немалую силу имеет…что при таковых обстоятельствах никакой пользы не было бы со здешней стороны стараться учредить в оной орде другаго хана, пока сей Абулмамбет-хан в живых находиться будет». Коллегия лишь предлагала, чтобы после избрания его преемник обратился с просьбой подтвердить свое ханское достоинство от его императорского величества [7, 1, 607–610]. Таким образом, не может быть и речи о потере Абулмамбетом влияния на важные решения ханства, однако следует признать, что его власть ограничивалась Советом (Сеймом, по определению Ч. Валиханова). Хану приходилось соглашаться с этой особенностью своего статуса. В то время не было хана, который был бы в силах управлять всеми казахскими племенами и родами от

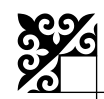


Иртыша до Жаика и подчинить себе «административными» способами всех султанов и старшин. У каждого из них была, так сказать, своя вотчина и свой круг обязанностей, согласованных со старшим ханом. Одновременно, в менталитете казахов того времени существовали устойчивые символы. Это – сознание безоговорочной принадлежности к единому народу (*элю, алашу*) и несомненной необходимости в старшем хане, который смог бы сдерживать центробежные силы, объединить и защитить их.

Перейдем к другим главным событиям международных отношений Казахского ханства и доказать фактами участие в них старшего хана. В 1762 г. Цинская империя в одностороннем порядке установила границы с кочевьями казахов и кыргызов, осуществила несколько военных операций по очистке пограничных территорий. Она намеревалась построить крепости на реке Или в урочище Кульджа и в Тарбагатае по территории пастбищных угодий ойратов и казахов, затем связать их сетью караулов. Первые удары приняли на себя племена, кочевавшие в Восточном и Юго-Восточном Казахстане от Иртыша до Или под управлением Абулфеиза и его детей, Казбек би, Кабанбая, Кожаберген батыров и др. Были захвачены в плен одна из жен Абулфеиза и батыр Кожаберген.

Одновременно Цины отказались от политики преследования ойратов, начали приглашать и прельщать льготами возвращение ойратских беженцев на опустевшие и опустошенные земли. В 1763 г. пограничные власти России запрещали казахам занимать пастбищные угодья на правобережье Яика и Иртыша. Кроме того, они всячески уклонялись выдавать феодалам казахских и ойратских беженцев и пленных. Русские поощряли переход этих несчастных в христианство, чтобы иметь законное основание оставить их в Сибири. В отношении ойратов политика насаждения веры применялась уже более 10 лет, так как средств для их вывоза на запад в Калмыцкое ханство не находилось. Мусульмане Средней Азии со своей стороны также принимали ойратов в ислам.

Теперь Цинская империя изменила свое отношение к ойратам и объявила себя покровительницей ламаизма, т. к. казахские феодалы, формально не отказывались от русского подданства. Завоевание Цинской империей Восточного Туркестана, обращение потомков уйгурских ходжей за защитой к главам мусульманских стран, привели к обострению религиозного фактора в международных отношениях. Правитель Бадахшана, выдавший Цинам не то голову, не то отре-



занные уши одного из братьев ходжей, убитого на территории его страны, подвергся в мечетях проклятию. Не было единства в этом вопросе и между среднеазиатскими ханами Бухары, Ташкента, Хивы и Коканда. У казахов возникли серьезные вооруженные конфликты с кокандским Ирдана беком, кыргызами, каракалпаками, но державы отказали Абылаю в военной помощи.

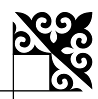
Кроме того, распространился «мор» на Сырдарье, а в Прииртышье возникли вспышки сибирской язвы. Обострение проблем из-за джунгарских кочевий с Цинской империей, запреты России о занятии кочевий в привольных долинах Яика на западе и Иртыша на востоке, природные катаклизмы поставили казахских ханов в тяжелейшее положение. «Такова неспокойства суетности между киргизцами не было», – отмечается в одном из русских документов [АВП РИ, 1763, д. 2, л. 13 об.].

Не было и не могло быть помощи и от единоверных правителей. Шах державы Дуррани Ахмад решил создать антицинскую коалицию. С этой целью он направил посольства в среднеазиатские ханства и просил передать письмо в Туркестан Абулмамбет хану с предложением присоединиться к *газзавату* против неверных *чурчутов*.

Хан поспешил направить курьеров к другим ханам и султанам для ознакомления с содержанием письма Ахмад-шаха. Затем приехал в степь с письмом шаха для конкретного обсуждения со старшинами вопроса об антицинской коалиции и других проблем. Из последующих свидетельств источников о действиях хана и его вассалов вырисовывается следующая картина (при этом, попробуем абстрагироваться от противоречивых объяснений причин и мотивов действий всеми сторонами):

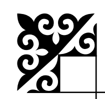
– оповестить о сложившейся ситуации и согласовывать все шаги с Нурали и Каип ханами. При помощи них и среднеазиатских ханов связаться с Ахмад-шахом;
– отправить письма к русским и цинским наместникам России и Китая с требованием возвратить захваченных людей и угнанный скот, а также сообща подготовить и отправить посольства в столицы этих государств.

Осознавая невозможность самостоятельно отразить удары с какой бы то ни было стороны, ханы и султаны решили опираться на политические маневры и дипломатические шаги. Они пришли к решению, что, если *чурчуты* не откажутся от набегов на тарбагатайских и илийских казахов, а русские – от притеснений сибирских и



западных казахов, им не остается ничего другого, как откликнуться на призыв Ахмад-шаха и примкнуть к священной войне. Казахские ханы считали необходимым предупредить Китай о предложениях афганского шаха, добиться прекращения набегов цинских отрядов на границе и освобождения из плена сородичей. Абулмамбет начал подготовку представительного посольства всего семейного клана в Пекин. Разумеется, не без ведома хана оказались в Пекине также послы Младшего жуза в компании послов султанов Абулфеиза и Ханбабы (брата Барака султана). Шах Дурранийского государства переоценил свои возможности на то, что он сможет объединить народы Центральной Азии, что правящей верхушке ханств поневоле придется примкнуть к *джихаду*. Тем не менее, в Илийском крае распространились тревожные слухи, которые могли воодушевить его население. Например, о том, что между правителями Центральной Азии достигнуто соглашение – ни при каких случаях не передавать противникам участников и сочувствующих мусульман. Не прекращались также крупные и мелкие вооруженные стычки на границе. Казахи отбивали своих сородичей, скот, имущество, в погоне за обидчиками вторгались на пограничные территории двух государств. В 1767 г. привоз товаров из Восточного Туркестана и Средней Азии в Семипалатинскую крепость сократился в 2,5 раза по сравнению с 1765 г. и в 3 раза по сравнению с 1765 г., и в 3 раза – по сравнению с 1766 г. [Аполлова, 1976, 325]. Русское правительство морально поддерживало мусульман и со своей стороны пыталось связаться с афганским шахом. Обстановка на границе дестабилизировалась, что мешало укреплению власти Цинов в Восточном Туркестане.

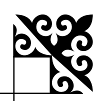
На письмо Абулмамбета от 8 апреля 1762 г. с жалобой на самоуправство пограничных командиров император Цяньлун ответил: «Цзинэли доложил: «Казахские торговцы привезли письмо Абулабамубитэ, написанное на *тотэ*. Основной смысл письма – просит возвратить людей и скот, захваченные нашими отрядами, а потом уже драться. Недавно Агуй докладывал, «(что) отправил отряд во главе с Илэту для изгнания казахов, перешедших границу. Он еще не возвратился. Поступаем так, как в прошлом году, продолжаем начатое дело. Хотя они (казахи) и просят (не захватывать их людей и скот), тем не менее, в этом году снова намерены изгонять их, (чтобы) еще более устрашить (их)». Повелеваем передать Агую возвратить Абулмамбету захваченных людей и скот, (для чего) командировать Фэнаня и двух шивээв (офицеров гвардии). При этом, объявить ему (Абулмам-



бету): «Поскольку вы, казахи, нарушаете запрет и переходите границу (со скотом на зимовку), илийские командиры доложили об этом великому императору, (а так как вы) продолжаете совершать серьезное преступление, (они) просили снова строго наказать (вас). Но поскольку вы подчинились недавно, император повелел простить вас, возвратить вам захваченных людей и скот. В дальнейшем, держите в узде ваш народ, живите спокойно на своей земле. Если снова безрассудно прикочуете, поступим так, как предлагают генералы». Также приказать Цзинэли, если еще приедут торговцы, объявить им: «Великий император уже рассмотрел дело и вновь проявил милосердие. Вы должны быть благодарны проявленной монаршей гуманности и не создавать конфликты с переходом границы» [9, Маньчжурский фонд Военного Совета, архив исходящих писем № 03-129-3-039]. От издания указа о возвращении награбленного до его исполнения требуется достаточно продолжительное время и воля пограничных властей.

Тем временем, в 1765г. вспыхнуло восстание уйгуров в Уч-Турфане, их беки смогли установить контакт с потомками погибших ходжей, объявивших о намерении освободить Кашгарию от Цинов. Несмотря на войну Абылая с кокандцами и кыргызами, вдруг в их сопровождении появились казахи под видом торговцев в неспокойных городах: Кашгаре и Уч-Турфане. Рассмотрев все варианты, Цины решили утвердиться в Восточном Туркестане и ослабить давление на казахов. Они перебросили войска от границы с казахами в Восточный Туркестан, отказавшись от набегов на казахских скотоводов на границе. В 1766 г. они передумали строить крепость в районе Урджара под предлогом неблагоприятных климатических условий и перенесли ее строительство в урочище Чугучак. Казахским кочевникам было дано разрешение за минимальную арендную плату занимать под зимовки угодья на территориях, подведомственных Илийскому генерал-губернаторству. Планы Ахмад-шаха провалились вследствие многих объективных причин, но все же, по мнению русских ученых (В. Кузнецов, Б. Гуревич), они возымели свое действие. Документы китайских архивов за декабрь 1762 – февраль 1763 г. подтверждают это мнение [Восточная дипломатия, 2015, 177–187].

В последней трети XVIII в. поведение султанов и старшин на международной арене меняется. Это можно объяснить обострением конкуренции семейных кланов Абулмамбета, Барака и Абылая за трон. При этом, потомки Абулмамбета и Барака выступают на меж-

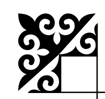


дународной арене согласованно, Абылай остается в одиночестве. Не дождавшись возвращения из Китая послов во главе с султаном Даулеткереем (Дулаткереем), Абылай в 1767 г. отправляет султана Жолбарыса. Просит у императора Цяньлуна и Екатерины II 20-тысячное войско и пушки для осады городов кокандского Ирдана би, для войны с кыргызами, а также с внутренними врагами. Что он может обещать державам взамен? Зимой 1768 г. султан отправляет в Пекин «воспитанника» и «приемного сына» – ойрата Чоноци.

В декабре 1769 г. оренбургский губернатор генерал-майор И.А. Рейнсдорп получает письмо Абылая, адресованное на имя Екатерины II, о его желании отправить в аманаты одного из сыновей и перечисляет свои пожелания по условиям его содержания. Это письмо было написано во второй половине 1768 г., его содержание совпадает с содержанием письма к Цяньлуну. Абылай высказывал императорам одни и те же просьбы, давал им одинаковые обещания и шел в своих обещаниях дальше других султанов. Это заметили его сторонники.

В конце 1767 г. в Китай приезжает внушительное посольство семейного клана Абулмамбета: его старшего сына Болата, султанов Абулфеиза и Даира (сына Барака и зятя Абылая). Законные наследники Абулмамбета, его сын султан Болат, Даир и дети Абулфеиза обвинили Абылая в коварстве. Тот не спорил о законности их прав на наследование места старшего хана, но сам развернул активную деятельность, писал письма русским и цинским пограничным наместникам, отправлял посольства в столицы империй. Причем предлагал взять его наследника на службу к царским дворам обеих держав. Возымело действие то обстоятельство, что в 1769 г. он отправил в Пекин своего первенца Валисултана. На подобный шаг до Абылая не шел ни один казахский хан, они отправляли в аманаты младших сыновей.

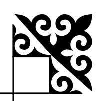
В начале 1769 г. цинский императорский двор отдельно от посольства Абылая принимает посла султана Абулфеиза – его сына Чжолаци (Жошы). Он еще ребенок, пугается вида маньчжурских военных, их парадов и фейерверков, часто плачет. Императору пришлось сделать наместникам внушение, что это не тот случай, когда следует устрашать чужеземцев демонстрацией мощи цинских войск. Очевидно, цинские пограничные командиры устраивали парады, военные учения со стрельбой, чтобы «развлечь» ребенка. Вслед за Жошы, в том же 1769 г., Абылай направил в Китай прямого своего наследника Валисултана (ему исполнилось 28 лет) в сопровождении би Жарылгапа



и других верных ему людей. Судя по всему, Абылай опережал в политической игре своих конкурентов. В это же время сын влиятельнейшего Казбек би Сырымбет принял русскую присягу в Омске. Все эти действия являются признаками того, что их патрон Абулмамбет либо был при смерти и недееспособен, либо его уже не было в живых. Абулмамбета давно мучило недомогание. Еще в 1747 г. он просил Оренбург прислать ему лекарство от сердечной болезни [АВП РИ, ф. 122, 1747, д. 3]. В 1766–1769 гг. об Абулмамбете попадаются лишь редкие и формальные упоминания. Представляется, что казахи лишились старшего хана и несколько лет скрывали это обстоятельство – в связи с неустойчивым внутренним положением страны и ухудшением внешнеполитической обстановки.

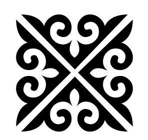
Вкупе с оживлением политической активности Абылая, имевшего больше контактов с внешним окружением по сравнению с другими представителями и теперь воспользовавшегося своим преимуществом, напрашивается версия о том, что Абулмамбет скончался в 1766/1767 гг.

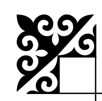
Приводим еще один документ, на этот раз китайский, в подтверждение того, что Абулмамбет несомненно умер ранее общепринятой даты - 1771 года. В ноябре 1769 г. заведено уголовное дело на пограничного командира Ао Цзиня. Он тайно содержал собственную конюшню, а коней набирал путем обмана кочевников, подлогов и злоупотреблений своим служебным положением. Ао Цзинь пользовался отдаленностью границы от столицы и своей безнаказанностью. У нас нет документов о ходе следствия над этим военным чиновником. В нашем распоряжении имеется лишь указ императора Цяньлуна от 5 ноября 1769 г. (34 год правления Цяньлун, 10 луна, день имао): «Высочайшее повеление. Юн Гуй доложил: «Ао Цзинь использовал более двухсот казенных коней для проведения поминок по Абулабамубитэ». Поездка Ао Цзиня (с целью) проведения поминок является всего лишь обычной служебной командировкой. Разве для этого необходимо столько коней? Это совершенно не соответствует делу. К тому же, Ао Цзинь (служит) в системе военного командования (в системе фудутуна) и в его обязанности докладывать (и испрашивать разрешения вышестоящего командира). Он же не подал даже рапорта (кому следует) о своем отъезде. В донесении к Юн Гую также не соблюдена субординация. В конце концов, (хотя) он (Ао Цзинь) и командует офицерами дворцовой гвардии (шивэями), все же должен подчиняться генерал-губернатору (цзянцзюню). Совершенное



незнание дела (явное нарушение дисциплины)! Приказываем начать судебное расследование (действий по делу Ао Цзиня). Передать императорское повеление сановникам всех уйгурских городов, чтобы в дальнейшем докладывали обо всех делах по инстанциям, дабы каждый знал свое место в структуре командования» [Гаоцзун шилу, 844, 27].

Этот документ важен тем, что дает возможность рассчитать более верную дату смерти хана Абулмамбета. К сожалению, пока не знаем ответов на вопросы: когда именно и кто официально оповестил о смерти хана? По прошествии какого времени после скорбного события был издан приказ императора от 1769 г. о поминках по Абулмамбету? Где и когда они были проведены? Следует предпринять поиск уголовного дела Ао Цзиня и любых других документов, проливающих свет на последние годы жизни правителя. Однако, можно не сомневаться, что Абулмамбет хан скончался не позже ноября 1769 г. И что в течение двух лет казахи скрывали факт смерти своего старшего хана и свои разногласия о выборах нового.



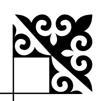


1.3. Внешнеполитическая деятельность Толе би

Толе би – крупный владелец, не относящийся к чингизидам, но приобретший авторитет и добившийся власти в Семиречье. Би был одним из представителей «черной кости», которого почитали наравне с чингизидами, а те порой искали его покровительства, в их числе, влиятельные султаны: Среднего жуза – Барак и Абылай, Младшего жуза – хан Нуралы и султан Ералы и др.

Би происходил из рода жаныс племени дулат. Это древнее и сильное племя, традиционно занимавшее как по численности, так и по территории большую часть региона. Толе би был крупнейшим собственником в Старшем жузе, владел многочисленными стадами овец, коз и верблюдов, которые находили сбыт на рынках среднеазиатских городов, главным из которых для Толе би был Ташкент, власть над которым он осуществлял через своих ставленников. Пастбища многочисленных верблюдов Толе би находились между Ташкентом и Чимкентом. Главная ставка би находилась под самым Ташкентом в районе реки Чирчик, ее притока Кендиртау, от которой отходит арык Бозсу. Сын Толе би Ниязбек основал под Ташкентом крепость, через которую семья могла регулировать подачу воды в этот крупнейший среднеазиатский город. Основная деятельность Толе би ограничивалась среднеазиатскими ханствами и их городами, отношения с которыми порой осложнялись вплоть до вооруженных столкновений. Тем не менее, он сам и роды, подчинявшиеся ему, продолжали обитать на территории от Ташкента до Тараза. Согласно русским источникам, в 1758 г. Толе би правил девятью родами Старшего жуза [1, опись 113/1, л. 3, 1759 г. лл. 32–35]. Толе би на протяжении своей жизни прилагал все усилия, чтобы Ташкент находился под контролем казахских феодалов, которые обзавелись крепостями – усадьбами в городе и вблизи него.

Источники называют его то *би*, то *бай*, вероятно, потому, что он занимался торговыми делами и был одним из богатейших людей своего времени, имевшим гужевой транспорт, скот, здания, землю, водоканалы, лавки и денежный капитал. Семья Толе би была связана родственными узами с влиятельными семьями казахов, киргизов, каракалпаков и сартов (как тогда называли узбеков и таджиков). За годы своей долгой жизни (вариации от 83 до 92 лет) он видел многих казахских и джунгарских ханов, расцвет, междоусобицу и уничтожение Джунгарского ханства, ослабление Казахского ханства после

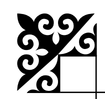


смерти Тауке хана. Есть много предположений о возрасте би. Согласно китайским источникам, годом его рождения является 1675 г., так как в августе 1758 г. он вел переговоры с цинскими офицерами. Таким образом, если Толе би действительно сам вел переговоры, а не кто-то другой от его имени, то он сомкнул навеки глаза не ранее августа этого года.

Би встречался с представителями различных цивилизаций и показал себя доброжелательным, открытым, толерантным человеком с широким кругозором. Он имел большой опыт дипломатических переговоров с джунгарами и среднеазиатскими феодалами.

Толе би приобрел авторитет среди казахских правителей и простого народа. В судебных процессах он умело разрешал возникавшие распри среди своих сородичей. Это говорит о прекрасном знании степных законов и присущем ему чувству справедливости. Слава об этом распространилась по всему Казахстану, постепенно она обросла легендами, живыми и сегодня. Толе би участвовал также в судебных делах, относящихся к общегосударственным делам и находившим международный отклик. Среди них – ограбление батыром Койгельди русского каравана, направлявшегося в Ташкент, и убийство хана Абулхаира. О роли Толе би как правителя и судьи писали известные дореволюционные чиновники и исследователи. Не иссякает к нему интерес и сегодня, что ведет к выявлению новых фактов его биографии и переосмыслению его деятельности. О Толе би и его разносторонней деятельности писали, и будут писать филологи, историки, юристы. В данной статье упор делается на международную деятельность Толе би, которая менее обеспечена историческими материалами. Среди русских документов следует назвать известные письма Толе би и старшин Старшего жуза, направленные в Санкт-Петербург, копию ответного письма русской императрицы, письмо Абулхаира с упоминанием о Толе би. Кроме того, имеются несколько китайских документов о посольстве Толе би с его сторонниками, впервые опубликованных в 1771 г., а также документы из Тайваньского архива о конях, подаренных Толе би и другими казахскими феодалами императору Цяньлуну (время правления – 1736–1796 гг.).

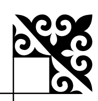
Ключом к пониманию международной деятельности владетеля и его политических шагов, которые недостаточно подкреплены документами, является слово «Ташкент». Если мы будем постоянно помнить о его стремлении при любых обстоятельствах не терять контроль над городом, или его частью, нам станут понятны подлинные при-



чины и мотивы его поведения в сложнейших международных условиях первой половины и середины XVIII столетия. Согласно китайским документам, вопрос о правлении Ташкентом последний раз казахи вели с джунгарским ханом Даваци и параллельно с претендентом на его место Амурсаной в 1755 г. Очевидно, в качестве условия для оказания им военной помощи, казахи Старшего жуза добивались отмены системы управления Ташкентом, введенным Галдан-Цэреном, по которому назначался один хаким из местных жителей и один хархан из джунгар. От имени Старшего жуза переговоры вел, несомненно, Толе би.

Сочетание двух факторов – богатства и знания законов (казахского обычного права, шариата, джунгарских юридических установлений) постепенно привело к тому, что Толе би оттеснил ханов Старшего жуза в решении международных проблем. Начиная с середины XVIII в. в донесениях русских разведчиков, послов и посланцев о состоянии дел в Старшем жузе указывается имя Толе би (Толебая). «Большая киргизская орда состоит ныне под владением Тюляби, которой кочует близ бухарского города Сайрама и имеет у себя под властию бухарские городки, лежашие к Оренбурху…». – сообщал в Оренбургскую канцелярию Мурзалей Шихов, специально направленный в Казахстан под видом купца с торговым караваном [8,1 кн., 171–172]. О власти Толе би казахи сообщали и после его смерти, что видно из этнографических записок Христофора Барданеса 1771 г.: «Вся сия Большая орда своими кочевьями располагается около городов Ташкента и Туркестана, которых обывателей она за подданных своих считает, и из сей орды главнейшой начальник живет в городе Ташкенте, которого начальника они и ханом именуют, а называли его по имени Тюлебий-хан» [13, 1Y, 167–168].

Ханам пришлось отойти на второй план и в 1758 г., когда цинская военная экспедиция летом 1758 г. подступила к Ташкенту. О влиянии би прямо говорится в докладе генерала, Чжао Хоя. Таким образом, влияние Толе би, известное нам большей частью из казахских исторических преданий и русских документов, подтверждается китайскими источниками, переведенными автором данной статьи. Сведения столь разнообразных источников делают бесспорным тот факт, что Толе би имел реальную власть в жузе и она была на уровне ханской. Но он никогда не пытался быть избранным на ханство и соблюдал внешние формальности в отношении ханских домов Средней Азии и Казахстана. Хотя ему, конечно, по-человечески льстило, что его

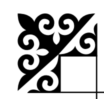


называют ханом. Старое название применяется подобострастными людьми и сегодня в отношении современного руководителя страны. Независимость Толе би от России и Китая сохранялась на протяжении всей его жизни. Кочевья его были одинаково недоступны России и Китаю, но их безопасность зависела от среднеазиатских ханств и Джунгарского ханства. Поэтому его внешняя политика ориентировалась на сохранение дружеских отношений с этими владениями.

В 1755 г. Толе би поддерживал отношения с ханом Даваци (ум. в начале 1760 г. в цинском почетном плену). С изменением политической обстановки в Центральной Азии, вторжением цинских войск на территорию Старшего жуза, би начал устанавливать контакты с Пекином. Однако, он пытался сохранить прежнее политическое равновесие, лишь заменив место Джунгарии Цинской империей, а место джунгарского хана – шуршутским (маньчжурским) ханом.

В торговом отношении это было намного привлекательнее и перспективнее, так как за счет китайских товаров значительно расширялся их ассортимент, устранялась конкуренция со стороны джунгарских скотовладельцев. С гибелью Джунгарского ханства Толе би начал действовать на внешней арене согласно привычной для него схеме отношений.

Толе би со своими батырами писал в Россию и цинский Китай письма почти одинакового содержания, но эти шаги долго не имели последствий. В 1733 г. Тюля би, Коадарби, Сатай батыр, Кангильды батыр и Буляк батыр отправили письмо якобы с согласием признать русское подданство [2, 101–103]. С этим письмом в Орск отправились батыры Аралбай и Арасгельди. Правители Старшего жуза сообщали, что они одновременно отправили к Галдан-Цэрэну Буляк батыра (по мнению Ж. Дадебаева, Болеке батыр и Толекей батыр являются одним лицом). В нашем распоряжении нет указанного письма казахов к Галдан-Цэрэну, но можно с уверенностью заверить, что его содержание идентично письму к русским властям. В них одинаково речь шла о Ташкенте, Туркестане и о торговле в других городах. Старшины прозрачно намекали, что признают власть того, кто поможет им свободно торговать в крупных среднеазиатских городах вместе с русскими и джунгарскими караванами. Только при этом условии они готовы были присягать чужеземному правителю [2, 101]. Ответ императрицы Анны Иоанновны был подготовлен, нам не известно [2, 118–119], была ли грамота доставлена по адресу, но главное требование, безусловно, до них дошло. Императрица признала недо-

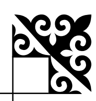


статочным приезд послов Аралбая и Арасгельди в Санкт-Петербург, а судя по письму, они были «допущены к ее руке». Для принятия русского подданства все поименованные в письме казахские старшины должны были прибыть самолично к Ивану Кириллову и мурзе Тевкелеву в Орск. Сведений о том, что феодалы Старшего жуза совершили дальнюю поездку на границу России, не имеется. Дело о подданстве само собой заглохло. В переговорах с цинскими командирами, во всяком случае, казахи ни словом не обмолвились о русских. В то время как, например, султан Абылай, хотя и поздно, но все же уведомил цинские власти о характере своих отношений с Россией.

В 1742 г. был заключен мир между казахами и нижними калмыками (джунгарами). С каждой стороны присутствовало по 20 представителей, среди казахской делегации во главе с ханом Абулмамбетом упомянут и Тюля батыр. Об этом сообщили орским властям хан Абулхаир и Исет батыр в письме от 21 мая 1742 г. (дата получения) [2, 201]. В данном случае трудно определить, этот Исет является батыром Аблая, которого он посылал в 1749 г. с письмом к И. Неплюеву, или его тезка. Кстати, в неоднократно цитируемом Сборнике документов по русско-казахским отношениям в именном указателе упоминается один человек с по-разному написанными именами: Тюля би и Тюля батыр [2, 201]. Между тем, это были разные люди, не говоря уже о том, что известен Тюля батыр, который относился к роду каракерей племени найман, что и Кабанбай батыр [2, 498].

В 1748 г. Барак султан, который почитался в Казахстане наравне с ханом, после убийства хана Абулхаира, был вынужден скрываться от мести его детей в Старшем жузе. Как известно, Толе би участвовал в суде над ним, он не мог быть против прикочевки Барака, однако не соглашался с его притязанием на ханское звание [2, 434–435]. Отсюда видно, что Толе би по-своему оценивал все события, происходящие в степи, и не поддерживал разногласия среди правящей верхушки. Как показывают его взгляды и поступки, би выступал за единство Казахского ханства.

В 1749 г. Толе би вновь отправляет письмо в Россию, на этот раз оренбургскому генерал-губернатору И. Неплюеву. Его должен был доставить сын би по имени Айтбай с сопровождавшим его Юлдаш батыром. В письме приведены все гиперболы, которыми восточные владельцы уснащали свои послания восточным владыкам. Об Екатерине II он пишет, что она «высокостью богатством подобна великой горе и быстрой глубокой реке, гневом – высочайшему небу, поступ-

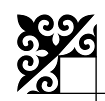


ками – бывшему великому царю Ямшиду, высокосиянием – царю Кяивану, правосудием – великим царям Баграму и Навширвану, храбростию – высокославному богатырю Рустяму, милосердием – славному бывшему царю Хатяму, бедствующих и неимущих и сирот, яко матерь, призирающая…» [2, 484]. Главной информацией письма было то, что убийца хана Абулхаира Барак султан принят владельцем в Старшем жузе, но не высказывает своего отношения к этому факту. Возможно, он догадывался и о двойной игре Оренбурга в отношении Абулхаира и Барака султана.

Ответ И. Неплюева Толе би последовал в том же году 26 сентября. Генерал-губернатор заверял, что он передаст императрице его желание принять ее покровительство. И, наконец, через 13 лет после первого письма из Старшего жуза, он по существу ответил на главную инициативу старшин. Он просил, чтобы Толе би и другие помогали безопасно пройти через казахские земли купеческим караванам из Средней Азии и дальних стран: Балха, Бадахшана, Ирана и др., равно как и русским караванам в эти страны, если таковые последуют. [2, 490–491]. Владетели Старшего жуза письмом 1733 г. в Санкт-Петербург преследовали цель играть посредническую роль в торговле России с Ташкентом, Самаркандом, Бухарой, Хивой, Туркестаном и с другими городами [3, 291]. Они писали, что такое же предложение из Старшего жуза повез в Джунгарию Болек батыр.

В 1733–1734 гг. Толе би еще не был первым человеком в жузе. Ибо имена старшин написаны (орфография сохранена – *К.Х.*) в следующем порядке: Кодарби (искаженное имя его деда?), Толебий, Кангилди батыр, Куляк батыр, Ибуляк батыр. Они были готовы торговать с Россией и Джунгарией и взять на себя ответственность за безопасность международных торговых караванов в Средней Азии.

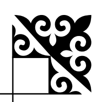
Казахские и среднеазиатские народы являлись мусульманами, и с уважением относились к мусульманской культуре, средоточием которой для них были Бухара, Ташкент, Туркестан, Кашгар и Тегеран. Эти города были одновременно крупными торгово-ремесленными и культурными центрами. Толе би придерживался всех мусульманских ритуалов и этикета в отношениях с мусульманскими деятелями. Он также уверенно и свободно вел себя с русскими и цинскими посланцами. Би вступил в контакт с представителями других цивилизаций: в 30–40-х гг. встречался с джунгарами, русскими, а в преклонном возрасте – с цинскими. Документы показывают, что этот глубоко религиозный человек, как в зрелом, так и в преклонном возрасте не



был скован предрассудками и косностью взглядов, вел себя с чужеземцами естественно и доброжелательно, с уважением к их обычаям. Он умело вел нелегкие переговоры и, обладая большой властью, находил пути для решения проблем. В год встреч с цинскими командирами летом 1758 г. как он сам заявил, ему было 83 года, но он неустанно вел переговоры, быстро вник в замыслы Цинов и старался отстаивать политические и торговые интересы казахских феодалов.

Толе би встретился с цинскими командирами в течение нескольких дней минимум три раза. При этом хан Абляз и другие не хотели начинать переговоры в его отсутствие, отговариваясь тем, что должны посоветоваться с ним. Встречи эти были кратковременными, в последующем не имели продолжения для него лично, но они оставили след в истории казахско - китайских отношений.

Цины были осведомлены о правящей верхушке Старшего жуза, хорошо знали об их намерении после гибели Джунгарского ханства полностью овладеть Ташкентом. В 1755 г. командующие цинской армией, возглавлявшие джунгарский поход – маньчжур Баньди и монгол Сарал впервые встретились с казахскими послами, привезшими письмо, подписанное Толе би, батырами Койгельди и Толекеем, Сасык би и др., которые требовали упразднить административные должности Джунгарского ханства в Ташкенте [5, 126–140]. Цинская сторона до 1758 г. уклонялась от конкретного ответа на требование старшин под предлогом того, что нельзя нарушать устоявшиеся традиции. В 1758 г., когда была предпринята военная экспедиция под командованием цанцзань дачэня Фу Дэ, который подчинялся генералу – цзянцзюню Чжао Хою. Фу Дэ точно знал, что казахи вновь вернутся к вопросу о владении Ташкентом. И этот вопрос был главной приманкой Цинов для того, чтобы правители Старшего жуза оказали помощь в походе в Кашгарию и отправили свое посольство в Пекин. Цинский отряд под командованием Фу Дэ приблизился к землям, подвластным Толе би. Он вступил в кочевья Старшего жуза под предлогом погони за джунгарскими руководителями восстаний, среди которых был крупный феодал Казак-Сары рожденный от казашки. По сведениям цинской разведки, неприятели Буку-Чаган и Казак-Сары бежали к западным казахам (так в одно время Цины называли казахов Старшего жуза, проживавших к западу от реки Или), причем Буку-Чаган якобы подчинился Ханбабе, а Казак-Сары – Тэлюкэ [9, 58, 3 об]. Император считал, что вытребовать Казак-Сары у Старшего жуза будет сложнее, чем у Абылая, с которым уже была

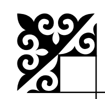


достигнута договоренность о джунгарских пленных. Кроме того, Фу Дэ имел другие задачи, которые выявляются путем анализа и сопоставлений фактов с последующими событиями, в его обширном докладе на имя императора эти моменты не акцентируются. Они состояли в следующем:

1) добиться выдачи казахами и ташкентцами Казак-Сары и других знатных джунгар, которые могли найти здесь прибежище или находились в плену;
2) закупить знаменитых с древности породистых «даваньских» коней для императора, и добиться торгового обмена для регулярного получения казахских коней для цинской конницы;
3) отсечь казахов и киргизов от возможного их выступления на стороне мусульман Кашгара и добиться союза для совместного выступления против них. Кроме того, цинская армия должна была открыть и использовать маршруты в Кашгарию с неожиданной для уйгуров стороны, а именно – с севера. Вскоре выяснилось, что на территории родов Старшего жуза Казак-Сары не было, во всяком случае, Толе би, хан Аблаяз и другие заверили их в этом;
4) одновременно цины решили связаться с султаном Ерали – братом хана Младшего жуза Нуралы, который был одной из кандидатур на ханство в Старшем жузе [6, 34–41].

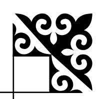
Фу Дэ, собрав все свежие сведения о казахах, киргизах и их отношениях с кашгарцами, принялся устанавливать связи с наиболее влиятельными из их правителей. Владения Толе би оказались первыми на пути цинского отряда. Его соратник Сасык би (Сасыкбай) вызвался быть посредником в переговорах с ханом Аблязом, бием и ташкентцами, сам взялся проводить и охранять посланцев Фу Дэ. В итоге, Фу Дэ сумел взять у Толе би и его ставленника в Ташкенте письма на имя императора Цяньлуна, в котором тот сокрушался о своем почтенном возрасте и обещал быть лояльным к могущественному победителю джунгар. С этим письмом Толе би отправил в отряд своего родственника, обнадеженный Фу Дэ в том, что тот предстанет пред очи императора. Письмо Толе би помещено в цинском сборнике документов почти полностью. Это письмо и доклад цинского генерала не только представляют большой интерес как свидетельство казахско-китайских связей, но и проливают свет на некоторые туманные страницы истории казахов, дают новые факты о их борьбе за владение над Ташкентом.

Толе би был осведомлен о вооруженных действиях султана Абылая в Джунгарии в 1756–1757 гг., но прямых сведений о том,



что он выставил свой отряд ему в помощь, не имеется. Когда цинские войска действовали против ополчений Среднего жуза, би был озабочен упрочением своего положения в Ташкенте. После смерти джунгарского хунтайджи Галдан-Цэрэна, сумевшего в свое время посадить одного своего чиновника (хархана) и одного ташкентского бека для сбора налогов в Ташкентском вилайете, казахи решили дипломатическим путем вернуть власть над городом. Очевидно, этот вопрос они вначале предполагали обсудить с Амурсаной, возможно, предлагая ему военную поддержку. Но Амурсана, вступивший в Джунгарию в авангарде цинских войск, к тому времени выступил против императора. Он планировал при помощи Цинской империи сесть на джунгарский трон. А Цины использовали его просьбу о помощи для завоевания всей Джунгарии. Казахские послы оказались в лагере цинского командования, дислоцированного в районе Кульджи. События приобрели неожиданный оборот. По китайским источникам можно понять, что казахи просили командующего доложить цинскому императору об их планах на Ташкент и, возможно, тогда же представители Старшего жуза написали ему свое первое письмо. Все фигуранты 1755 г. вели двойную или тройную игру. В 1755 г. в борьбу за Ташкент вступили казахи: хан Абулмамбет, Толе би, султан Абылай, ташкентские феодалы и победоносный завоеватель Джунгарии – Цинская империя. Но и джунгары, находясь в отчаянном положении, в 1757 г. пытались собрать налог с Ташкента и Кашгара. Разрозненные силы джунгар в 1758 г. мало принимались в расчет Цинами, они сумели привлечь на свою сторону обещаниями Абылая, затем – Толе би и Ералы султана. В это время, пользуясь ослаблением джунгар и представителей ханского дома в Старшем жузе, Толе би сумел взять под свою власть часть Ташкента и близлежащих к этой части земель. В этом своем предприятии он столкнулся с сопротивлением узбекских и киргизских феодалов. Цинский отряд в 1758 г. застал Толе би в тот момент, когда борьба за этот крупный культурный и торговый центр в очередной раз обострилась.

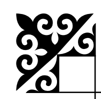
Мэнгулдай – посланник Фу Дэ в Ташкенте, в ходе беседы собрал ценные сведения о состоянии правителей Старшего жуза, об их отношениях с городскими феодалами и между собой. Главным ханом казахов являлся в то время Абилисы (Абляз). А Ташкентом правили двое владетелей - каждый своей частью: Мола (Молда?) Самуши – ставленник Толе би, Шада (киргиз Садык?) и Турчжан. С казахами воевал один Турчжан. Непонятно, почему в стороне от борьбы остался



Шада. Возможно, он придерживался нейтралитета, выжидая, которая сторона победит. Мэнгулдай попросил Сасакэбая проводить его в ставку Абляза.

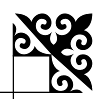
Цинский командир решил выступить арбитром между противоборствующими сторонами, попытаться привести их к примирению и, тем самым, укрепить позиции империи. Это было необходимо также для создания военной коалиции против будущего серьезного противника - Восточного Туркестана, составляющего единый конфессионально-культурный регион со Средней Азией. Это осознавало и цинское правительство, в цинских источниках народы Восточного Туркестана и Средней Азии выступают под одним именем «хуэй-цзы» («мусульмане»), в отличие от бурутов и казахов. Поэтому, перевод этого коллективного этнонима как «узбеки» или «уйгуры», как и перевод китайского географического термина «Хуэйбу» буквально «Мусульмании» как Уйгуристан или Восточный Туркестан применительно к тому времени является весьма условным. На самом деле, «Хуэйбу» – это общее название Южного Притяньшанья (Кашгарии) и Средней Азии, где превалировало мусульманское население.

1. Большой интерес для историков Узбекистана и Казахстана представляет изложение событий лета 1758 г. в пространном докладе цинского полководца Фу Дэ, ответственного за операции в Казахстане и Киргизии. Этот документ был помещен в Сборник «Высочайше утвержденные стратегические планы умиротворения джунгар» [9, цз. 61, лл. 10–14]. Указанный Сборник был перепечатан фотолитографическим способом в 4-х томах в 1990 г. Академией общественных наук Тибетского Автономного района. В нем помещены изложения документов, оригиналы которых пока не обнаружены. В маньчжурском варианте доклада Фу Дэ, оказавшемся в ПИА КНР, не имеется писем Толе би и Молдо Самуши, хотя в нем сказано, что письма были доставлены. Пока не нашлись в этом архиве и оригиналы писем, как, впрочем, и других писем с выражением верноподданнических чувств центрально-азиатских владетелей с их подлинными подписями и печатями. Иначе, их бы поместили в двухтомный «Сборник документов по истории казахско-китайских отношений цинского периода», куда вошли документы на китайском и маньчжурском языках [7, 2007]. В этом Сборнике помещены подлинные документы и записки, относящиеся к торгово-экономическим проблемам и очень мало – к внешнеполитическим. К тому же, тома не соответствуют



правилам публикации документов, которые требуют обширных комментариев, индексов имен, географических наименований, терминов и т.п. Сборник не соответствует академическим требованиям отечественной историографии к подобным изданиям. Он выпущен на китайские средства и, конечно, для китайских ученых. Его материалы может использовать на пространствах СНГ лишь очень узкий круг китаеведов и маньчжуроведов с классическим образованием, которых в Казахстане, к сожалению, не готовят.

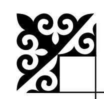
1. Цинское правительство не соглашалось представить подданство в тех рамках и в том значении, которые предлагались кочевыми правителями, в их числе, и казахскими феодалами;
2. Крупные казахские правители избегали ставить свои печати и подписи под заявлениями о принятии покровительства цинского императора до выполнения своих условий;
3. Они говорили о подданстве лишь в привычной для них устной форме;
4. Письма написаны при ставках цинских командующих и пограничных наместничеств из уст султанов и их торговцев в традиционной форме, присущей цинским дипломатическим документам;
5. Ни один из правителей не имел полномочий говорить о подданстве всего Казахстана другому государству не только от имени всех трех жузов, но и от имени своего ханства. Он мог говорить об этом лишь от своего имени и от имени своего семейного клана, что часто происходило под давлением;
6. Тем более не имели права подписывать документы любого характера их посланцы. Они могли лишь обещать отвезти проекты писем, заявлений своему владетелю для официального подтверждения подписями и печатями;
7. Подлинные письма государственного содержания не выявлены, затеряны, или не публикуются по неизвестным пока нам точно причинам;
8. Подлинные письма казахских ханов политического характера пока не обнаружены в недрах ни Первого исторического архива КНР (Пекин), ни Второго исторического архива КНР (Нанкин), ни в Архивном отделе Тайбэйского музея Гугун (г. Тайбэй, Тайвань), поскольку архивистики в феодальном цинском Китае в современном научном значении этого слова не было;
9. Подлинные письма казахских правителей многообещающего характера могут обнаружиться за рубежом, в связи с государ-



ственными потрясениями XIX и XX вв., вывозом значительной части китайских архивных документов за рубеж, необработанностью их, а также потерей значительной их части;

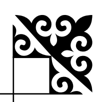
10. Наконец, подлинных писем ханов, официально касающихся статуса Казахскогоханства, согласованного с ханским советом и принятого им официально, также не найдено;
11. Интересующие нас документы синьцзянских архивов, архивов провинций Ганьсу, Тибета совершенно недоступны, или целенаправленно уничтожены, как противоречащие официальной трактовке отношений Цинской империи с государствами Центральной Азии. До выяснения всех этих важных обстоятельств приходится довольствоваться письмами, обнаруженными в известных сборниках цинского периода. Они так или иначе отражают подлинные события или обстоятельства. Среди них, для XVIII в. по-прежнему остается Сборник «Высочайше утвержденные стратегические планы усмирения джунгар» под редакцией Фу Хэна. Он был закончен в 1771 г., в год откочевки волжских калмыков в Джунгарию, полностью находящуюся уже под властью Цинской империи. Возвращение калмыков цинское правительство рассматривало как окончательный подрыв джунгарской государственности. В этом вопросе взгляды и действия казахской элиты тех лет часто совпадали с мнением цинских стратегов;
12. Письма ханов и старшин Старшего жуза, переведенные в свое время толмачами разного уровня грамотности с казахского языка, также требуют академического перевода.

Насколько мне известно, письма Толе би и Турчжана в любом их варианте еще не переводились на русский язык. Между тем, они проливают свет на последние годы жизни Толе би, в которой Ташкент занимал первое место. В связи с сопутствующим этому письму пространному докладу Фу Дэ, известному в маньчжурском варианте из Первого исторического архива КНР и несколько отличающемуся от него китайскому варианту, возникают вопросы относительно ханов Абляза, Абулмамбета, султана Абулфеиза, а также значения Ташкента в международных отношениях в Центральной Азии.



Доклад цанцзань дачэня Фу Дэ о подчинении казаха Правого отдела (Старшего жуза) Толи бая и ташкентского мусульманина Турчжана.

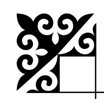
«Фу Дэ докладывает: Вашим покорным рабом (мною) были отправлены к казахам Правого отдела Мэнгулдай и Хэшань (для того, чтобы) захватить Казак - Сары. Также нам стало известно, (что) казахи и ташкентские мусульмане совершают нападения друг на друга, поэтому велел передать им приказ прекратить воевать и всем вместе прибыть и подчиниться нам. Сам я двинул войска вперед следом (за отрядом Мэнгулдая и Хэшаня) и после того, (как) расположился лагерем на расстоянии двух переходов от города Мангэтэ (Манкент), в 24 день 7 луны (27 августа 1758 г.) получил донесение Мэнгулдая. Он разведал: «Правители Правого отдела Тулибай, Куйгельди и Сасакэбай все находятся в Ташкенте, где воюют с мусульманами. А Тэлюкэ (Толекей) уже умер от болезни, ставка же его сына Ямубалакэ расположена относительно недалеко, (я – Мэнгулдай) велел и ему передать приглашение явиться в наш лагерь. Узнал о расположении Сасакэбая, он вскоре прибыл на встречу в сопровождении 40 человек. (Казахи) сообщили, что Правый отдел казахов возглавляет хан Абилисы. Ташкентом раздельно управляют Молдо Самуши, Шада и Турчжан. С казахами воюет лишь Турчжан. В 13 день 7 луны (16 августа 1758 г.) состоялась встреча с Абилисы, (к которому нас) проводил Сасакэбай. Стали расспрашивать о Казак-Сары, все отвечали, (что о нем) им ничего не известно. Говорили о необходимости посоветоваться после приезда Тулибая. В 15 день 7 луны (18 августа) встретились с Тулибаем. 16 числа 7 луны (19 августа 1758 г.) прибыл со своей свитой Абилисы. (Он) сказал: «Мы – казахи Правого отдела давно имели желание подчиниться, но были отрезаны Джунгарией. Ныне стало известно, (что) Великая армия усмирила Джунгарию, казах нашего Левого отдела Абылай покорился и удостоился щедрой милости великого императора, (известно) также (и то, что) буруты одни за другим начали подчиняться (вам). Я рад слышать, (что император) распространяет благодеяния и заботу (и на меня, искренно желал бы удостоиться августейшей аудиенции. Но поскольку я старый, не могу далеко путешествовать, поэтому отправляю сына Тулибая по имени Чжолань, младшего брата из дома Куйгельди (по имени) Босурман. Передаю в дар трех коней, также по обычаю в знак первой встречи



дарю одного коня цанцзань дачэню (Фу Дэ) и т. д.». (Я - Мэнгулдай) подарил казахам каждому в отдельности куски приготовленного шелка. Затем объявил им, что (с этого дня) они стали подданными (великого императора). Но им все же лучше воспользовавшись этим (обстоятельством) и разойтись (по-мирному, (чем) воевать с ташкентскими мусульманами.

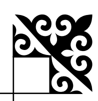
На это Тулибай сказал: «Вначале у нас не было подозрений и вражды с ташкентскими мусульманами. Но Турчжан испытывает неприязнь и ссорится с моим беком Молдо Самуши. Теперь действительно хотели бы прекратить войну». Тогда я (Мэнгулдай) отправил солона (в звании) линъцуй Туэрсуна, гиринца линъцуя Лю Бао, мацзя Эссентэдэ Буху и других, всего (отряд из) 21 солдата. (Они застали тот момент, когда), казахи и ташкентцы выстроившись по обе стороны реки перестреливались, обороняя реку и борясь за воду. (Мы) стали громко объявлять приказ: «Посланцы великого государства прибыли специально для прекращения войны между вами. Сообщили, какими это грозит бедами, призывали Турчжана встретиться с Тулибаем. (Чужеземцы) искренно пожелали с этого времени остановить войну и всем вместе подчиниться великому императору. Эти мусульмане издавна платили казахам подати, за что казахи отпускали воду в ташкентские каналы. Турчжан не мог сдержать чувства признательности, также обещал непременно отправить свое посольство к императору.

Затем (мы двинулись в ставку Фу Дэ) взяв с собой казахских послов Чжоланя и Босурмана, посла Молдо Самуши (по имени) Мониясы, Посол Турчжана так и не явился (в лагерь)». (Здесь заканчивается доклад Мэнгулдая и далее следует продолжение доклада Фу Дэ – К.Х.) Судя по всему, делами Правых казахов, а также Ташкента управляет Тулибай. В 29 день (7 луны – 1 сентября 1758 г.) вышеназванные послы прибыли в мой лагерь. Ваш преданный раб (Фу Дэ) подробно объяснил им высочайшее повеление. Обдумываю вопрос о том, как распорядиться, чтобы отправить (послов) вместе с прибывшими из Пекина офицерами. Кроме того, Мэнгулдай будучи у Молдо Самуши, обнаружил у него сына родного старшего брата Амурсаны Батэма-Цэрэна (по имени) Иши-Чжабу. Всех передал под охрану Мэнгулдаю (для) препровождения в Пекин. (Мэнгулдай с казахами и пленником) тронулись в Пекин 4 дня 8 луны (4 сентября 1758 г.). Все письма Тулибая и его заявления отправляю (с ними) на высочайшее рассмотрение. Доклад подан императору. Последовал указ».



Как это ни покажется странным, Фу Дэ вскрыл письма казахского правителя, но якобы не нашел в своем лагере человека, который смог бы перевести или познакомить его с общим содержанием текстов грамот. Послы также отнекивались тем, что не знают, о чем в них написано, так как их передали им запечатанными в последний момент. Следует ли понимать так, что Жолан и Босурман, дети крупных феодалов, выросшие в Ташкенте, были неграмотными? Известно, что сын Сарта Койгельди учился какое-то время в медресе Бухары, но оставил его, чтобы сражаться с джунгарами. Мог ли остаться совершенно неграмотным младший член его семьи? К сожалению, в источнике не указаны возраст Босурмана и имена его родителей, чтобы утверждать, что он был заурядным аманатом. Это было бы более вероятным, если бы мы знали, что он относился к побочной линии Койгельди. Жолан, как глава небольшого посольства, не мог быть избран Толе би для выполнения важной миссии, если бы был неграмотным. Посол должен был впервые вести в Пекине переговоры от имени правителей всего Старшего жуза. Возможно, послы были недовольны тем, что письма правителей, предназначенные императору, вскрыл, пусть и высокородный и высокопоставленный, но все же не прямой адресат. Обратимся еще к одному источнику того периода, на этот раз – русскому. Это весьма интересные и надежные сведения, сообщенные в Оренбурге приказчиком татарского купца Усеина Сеюшева, оказавшегося в Восточном Туркестане и Средней Азии в 1752–1759 гг. [1, опись 113/1, л. 3, 1759 г. лл. 32–35]. Приказчик прибыл в Ташкент с послами Ходжа-Джахана, возглавившего вооруженное сопротивление против цинского нашествия. Он сообщил, что был «отдан… и уведен китайским войском в аманаты киргиз-кайсацкой Большой Орды знатного и главного от девяти родов старшины Тюлябия сын, рожденный им, Тюлябием, от холопки, ибо ташкенцы по разорении зюнгорских владельцов ныне покоряются и дань дают Большой Киргиз-кайсацкой Орде, реченному Тюля бию с протчими, однако же, от совершенного китайцам подданства отвергаются. А означенного, выданного китайцам в аманаты, Тюлябиева сына они, киргиз-кайсаки, ни во что поставляют, потому что он рожден, как выше значит, от холопки, а не от законной жены и, хотя он возвращен не будет, в том нужды и обиды не признавают». По мнению многоопытного купца, Жолан был отправлен в Китай, скорее, как незначительный заложник в знак начала переговоров.

Итак, казахи Старшего жуза не оказали серьезного сопротивления войскам Фу Дэ, поэтому их следует считать военными экспедиция-

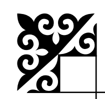


ми. Цинские отряды с самого начала не хотели обострения отношений со Старшим жузом и жителями среднеазиатских городов, они стремились прорваться через их земли в Кашгарию. Фу Дэ, по-видимому, обещал Толе би многое, чтобы не случилось здесь никакого конфликта. Главное, оставить за казахами владение Туркестаном и сбор податей в Ташкенте. Нахождение в его отряде казахских, киргизских и узбекских представителей выдавалось Цинами как участие их в походе против уйгуров. О желании отправить посольство от имени правителей Старшего жуза и составе посольства Мэнгулдаю объявил сам хан Абляз. Примечательно однако, что в этом посольстве не было представителя его фамилии. Почему же в таком случае он не подкрепил свои слова о желании подчиниться цинскому императору документом с собственной подписью? Все эти обстоятельства говорят о том, что письма Толе би и Молдо Самоши были лишь пробным камнем для выяснения позиции цинского правительства на формат их связей. Вопрос о вассалитете не мог решаться без согласия хана Абляза, но он не счел возможным отправить в Китай своего официального посла. Это противоречит словам хана, переданным Мэнгулдаем в донесении Фу Дэ, а Фу Дэ – императору. Из соображений безопасности, или точно зная, что послы бека Турчжана не приедут, Фу Дэ не стал их дожидаться. Он отправил в Пекин тех, кто уже был в его руках, а сам на некоторое время остался на месте. Документы молчат о том, сколько времени цинский генерал ждал Турчжана, удалось ли добиться встречи с ним и с Шада (киргизом Садыром).

Тем не менее, после получения доклада Фу Дэ о подчинении Правого отдела казахов, император, учитывая его многолетнее усердие на службе, император писал: «Мы (император) тотчас распорядились представить его к награде. Остальных офицеров: Мэнгулдая, Хэшаня решили также наградить, но после того, как они доставят казахских послов на аудиенции. Фу Дэ сам должен решить вопрос о награждении остальных членов отряда Мэнгулдая и доложить соответствующему ведомству. Письма Толе би и ташкентского Молдо Самуши были отправлены для перевода» [9, 61, 13 об.].

Письмо Тулибая:

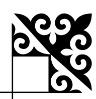
«Слуга из Правого отдела казахов коленопреклоненно повергает к стопам великого императора свою благодарность (за то, что) вспомнили его. Снизойдите до послания слуги, давно желавше-



го подчиниться, но живущего далеко на окраине земли. Я и Абылай из Левого отдела казахов управляем каждый своей землей. Из-за препятствия со стороны джунгар не могли свободно общаться (с Китаем). Недавно до нас дошла весть (о том, что) Левый отдел подчинился могущественному владыке и удостоился (его) щедрых благодеяний. Благоговейно думали, (что и к нам) милостиво будет направлен небесный посланник, (который) доставит наставления (мудрейшего) к великой и искренней радости всех подчиненных, слуг и рабов. С почтением отправляю сына и младших братьев - Чжоланя и других предстать пред небесные очи и удостоиться прекрасных нравоучений. Священная особа находится высоко наверху. Слуга желает служить (ему) изо всех своих дряхлых сил, не допуская двуличия. Передаем на высочайшее рассмотрение нижайшую просьбу (заботиться о нас) наравне с казахами Левого отдела».

Письмо Толе би написано в общепринятом в Средней Азии велеречивом стиле. Суть его просьбы заключалась в том, чтобы Цинская империя строила свои отношения с владетелями Старшего жуза на тех же условиях, что и с владетелями Среднего жуза, в частности, с Абылаем. Это означало предоставление цинским правительством торговых и политических льгот, а также не вмешиваться в традиционное управление их улусами. Преимущества цинского подданства были, как кажется, неумеренно расписаны цинскими командирами, встречавшимися с ханом Аблязом и Толе би. А вопрос о Ташкенте, Толе би, очевидно, считал уже решенным: ташкентцы согласились продолжать платить налоги за воду. Турчжан не захотел отправить своих послов вместе с казахскими. Письмо Толе би является единственным дошедшим до нас документом в его китайской редакции. И в нем нет прямо и твердо выраженного Толе би желания принять цинское пода:нство. Письмо, возможно, передано на китайском, и переведено здесь на русский язык не совсем в тех самых выражениях, которые использовал би. Однако, основное политическое содержание его понятно: Толе би, а с ним вместе и хан Абляз, были готовы установить посольские связи с Цинской империей на кондициях, предоставленных Аблаю.

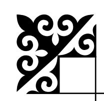
Письмо Молдо Самуши более приземленное по своему содержанию, его статус вассала не позволял ему толковать о высокой политике.



Письмо Молдо Самуши:

«Ташкентский мусульманский слуга Молдо Самуши простершись ниц вручает прошение Великому, гуманному, заботящемуся обо всех, могущественному императору. С благоговением восприняли приезд небесного посланца на нашу землю. Получив высочайшее повеление, слуга не мог сдержать своей радости. Готов вечно служить. Передаю Его величеству всех купленных ойратов (вместе) с Иши – Чжабу. Почтительно отправил младшего брата, дабы он благоговейно выслушал священные наставления. А по возвращении на свои кочевья, оповестил бы о них все наши племена. Опасаемся лишь, что слова нашего письма не удостоятся высочайшего внимания. Действительно со страхом, трепетом и почтением передаю свое прошение. Прошение подано (императору)».

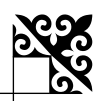
Следует обратить внимание на то, что письма среднеазиатских владетелей дошли до цинского двора, поэтому мы знаем о них, и их содержании. Письма были доставлены императору до приезда казахских послов. Это вытекает из приказа императора, который велел наградить офицеров Мэнгулдая и Хэшаня лишь после того, как они доставят в столицу самих послов. Не следует забывать, что летом и осенью 1758 г. сопротивление уйгуров и джунгар цинскому нашествию не было сломлено. Они также добивались союза с единоверцами Центральной Азии. Этим объясняется осторожность Толе би в деле подготовки посольства в Пекин. Посольство Старшего жуза по дороге в Пекин и обратно везли с большой пышностью. О приеме императором первого посольства Старшего жуза в том же году сказано в «Высочайше утвержденном историко-географическом описании Западного края» [11, цз. 44]. Членам посольства император дал обед в резиденции «Паньшань цзиньцзи шаньчжуан», затем сопровождал их в заповедник Наньюань (на современной территории Пекинского университета, в то время – пригорода Пекина), где были устроены большой парад войск и фейерверк. Члены посольства успешно провели покупку товаров в Китае, им, по мнению императора, было выделено неоправданно большое количество коней для возвращающихся казахов, цель которых «только получить выгоду…» [Кузнецов, 1983, 27]. Этот приказ императора последовал в феврале 1759 г. Судя по этой дате, послы хана Абляза и Толе би были зрителя-



ми новогодних торжеств в Пекине. Цинские императоры старались приурочить приезд послов народов Центральной и Восточной Азии к Новому году, который праздновался до 15 числа первой луны, до праздника фонарей.

Цинские командиры, в целях снижения стоимости, тщательно скрывали, что они старались приобрести овеянных легендами «даваньских коней» лично для императора. Цинские чиновники долгое время принимали казахские степи за упоминаемый в эпоху Хань (II в. до н.э. – II в. н.э) Давань, славившийся своими породистыми скакунами. Кони, подаренные ханом Аблязом и Толе би, были доставлены в императорские конюшни, возможно, их заранее успели описать Фу Дэ, а также командиры отрядов, доставивших ценных скакунов в Китай. Во всяком случае, из дворцовых записок ведомства внутренних дел известны их масть и другие параметры. Конь от Абляза имел имя или был назван заново в Китае «Сюэтуаньхуа» (Белопятнистый), высота его от холки до передних копыт составила 1 м 60 см, а длина – 2 м 40 см. От Толе би – «Синвэньлинь» цвета таволги, размером соответственно – 1 м 60 см и 2 м 21 см, от Абилисы (Абляза) – снежнобелой масти, 1 м 31 см и 2 м 21 см. Известен и подарок батыра Койгельди. Это был конь, названный «Минюэти» (с луноподобным , т.е. белым пятном на лбу) размером 1 м 31 см и 2 м 10 см. В вышеприведенном докладе Фу Дэ не упоминает о подарке от Койгельди батыра. Возможно, конь подарен в другое время и в другом месте. Слово «подарок» здесь используется согласно терминологии, принятой в китайской дипломатии. На самом деле, коней обменяли на шелка и джунгарских пленных, а сам процесс обмена тщательно обсуждался при каждой встрече с казахскими правителями. Посольства и коней доставляли в цинские лагеря, далее до Баркуля по строгим законам военного времени, как важный стратегический, а не просто коммерческий товар. Перед всеми полководцами была поставлена задача – добыть как можно больше этого товара. Кони, предназначенные в подарок императору, имели важное политическое значение, как знак доброжелательности и покорности вождей.

Как уже говорилось выше, целью вторжения цинского отряда во главе с Фу Дэ на территорию Южного Казахстана была объявленая погоня за предводителем восстания, знатным ойратом Казак-Сары и другими джунгарскими князьями, оказавшими яростное сопротивление Цинам. На самом деле, это было одной из причин или поводов выступления цинских войск на территорию Туркестанского и



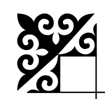
Ташкентского вилайетов. Находясь с небольшим отрядом в глубине Казахстана, Фу Дэ подчеркнуто демонстрировал дружелюбие, он заверял, что поход не направлен против казахов и ташкентцев. Поход был тщательно подготовлен полководцами, а его политические задачи продуманы со всех сторон. Цинское правительство не хотело усиления в Ташкенте роли ни казахов, ни «мусульман». Оно планировало сохранение джунгарской системы управления, согласно которой, в среднеазиатские города назначались двое управляющих для регулярного сбора податей: один из местных мусульман, а второй – хархан, т.е. представитель джунгарского хана.

В то время Китай не обладал возможностями для вооруженного завоевания Ташкента и Семиречья. Войск было явно недостаточно, нельзя было также настроить против себя казахов всех трех жузов, киргизов, а также среднеазиатских мусульман, дабы не вести войну в нескольких направлениях. В то время цинские войска во главе с Ярхашанем безуспешно вели осаду г. Кучара в Кашгарии, кроме того, им приходилось сражаться с повстанцами, скрывавшимися в горных районах от Ирен-Хабирги до Сарыбеля.

В этих условиях Цины стремились избежать противодействия мусульман Центральной Азии, чтобы не сорвать вторую фазу войны в Центральной Азии, направленную на завоевание оазисов Восточного Туркестана. Поход в Центральную Азию должен был носить, по возможности, мирный характер, так как имел в 1758–1760 гг. второстепенное и вспомогательное значение. Здесь пока следовало уничтожить сражавшиеся против Цинов отряды различных племен, а пока – отложить объявление своих прав на наследство джунгар в Средней Азии и Казахстане.

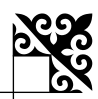
В целях безопасности в восточных районах Джунгарии, на юге и востоке Казахстана находились отряды Чжао Хоя, Фу Дэ и Хэшици. Их поддерживали отряды, дислоцированные в Урянхае (Тыве) под командованием Цэбудэн-Чжабу и в Монголии – под командованием А Гуя.

Казахские правители Толе би, Абылай, другие владетели, каждый со своей стороны, стремились с помощью Цинов подчинить себе Ташкент. Для цинской дипломатии в 1755–58 гг. создалось широкое поле дипломатических маневров: между правителями «мусульман» (так называются народы Восточного Туркестана и Центральной Азии в цинских источниках), киргизами и казахами. Некоторые среднеазиатские владетели надеялись добиться цели путем демонстра-



ции своей лояльности к императору Цяньлуну, как ранее – джунгарскому хану. Толе би имел большой опыт дипломатических связей с Галдан-Цэрено (ум. в 1745 г.) и с его потомками: Цэван Доржи Намучжаром (Аджа-ханом, уб. в 1749 г.). Лама-Доржи (Лама-Эрдени Батур-хунтайджи – уб. в 1753 г.). Он бдительно следил за ситуацией в Кульдже, за джунгарскими междоусобицами. Толе би сам лично не участвовал в ханском совете 1753 г., где решался вопрос об отношении Казахского ханства к джунгарской борьбе за престолонаследие. Тем не менее, его письмо к Абылай хану с обоснованием причин, по которым следует оказать моральную, материальную и военную помощь отступившим в Казахстан знатным князьям Даваци, Амурсане и Баньчжуру, оказалось решающим. Тем самым, Толе би поддержал активную позицию султана Абылая, оказался с ним одного мнения – в противовес мнению Абулмамбет хана. После завоевания Цинской империей Джунгарского ханства, Толе би фактически одобрил установление торговых отношений с новым соседом.

Углубиться на дальнее расстояние от Баркульского лагеря и Кульджи отряды Фу Дэ могли лишь при поддержке этого предприятия правителями киргизов или казахов. Без их помощи, без киргизских и казахских проводников и переводчиков, он едва ли осмелился бы проникнуть в незнакомые места, населенные враждебными племенами. Известно, например, что проводниками цинских отрядов до владений Толе би служили монгольские киргизы. Фу Дэ также, несомненно, запасся охранной грамотой или устным согласием Абылая, султан заранее предупредил хана Абулмамбета и Толе би о незваных гостях. Абылай часто посвящал в свои дела старейшего и весьма уважаемого им би, ставил Толе би выше всех других биев своего времени. Толе би, по казахским устным историческим преданиям, был посвящен в тайну происхождения и жизни султана в молодости. Абылай регулярно сообщал другим казахским правителям о ходе своих переговоров с цинами. Это видно и из того, что Толе би упоминает Абылая в своем письме к цинскому императору. Что касается ташкентского Абляза (Абулфеиза, Абильпеиса), хотя он фигурирует также и в русских источниках, но сведения о нем весьма лаконичны. Кроме того, на исторической арене в то время выступало несколько султанов с таким именем. Был Абулфеиз（阿布拉毕斯）– потомок хана Турсуна, по линии: Турсун – Кучук – Адиль, у последнего были сыновья Самен и Абулфеиз. Очевидно, что ханом Аблязом русские источники называют этого Абулфеиза, потомка

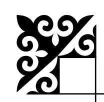


Турсун – хана, правившего в Ташкенте и близлежащих к нему землях. Заметим, что в это же время жил другой Абулфеиз – сын влиятельнейшего султана Барака, который после смерти отца был усыновлен ханом Абулмамбетом. После убийства Абулхаира в 1747 г., Барак перекочевал к Ташкенту. Подвластная Бараку община найманов правила ¼ частью Ташкента по названию Чинас. Этому султану, а после смерти – его детям подчинялась также большая часть городков Туркестана и казахские роды Восточного Казахстана и Монгольского Алтая. Источники дают об Аблязе середины XVIII в. настолько расплывчатые сведения, что его можно спутать с Аблязом (Аблесом, Абулфеизом) – сыном султана Барака, который закрепился во второй половине XVIII в. в Восточном Казахстане, а его потомки – в Монгольском и Китайском Алтае.

В сочинении Курбангали Халида сын хана Абулмамбета по имени Абулфеиз (Абилпеис) назван ханом [Тауарих хамса, 104]. Упомянутые Абулфеизы были самыми знатными чингизидами Южного Казахстана, они имели основные права на дипломатические переговоры и на заключение международных договоров. Однако Абляз по линии Турсуна имел, по-видимому, преимущество в старшинстве возраста, а потому формально выступал главным лицом в переговорах с цинским офицером гвардии – Мэнгулдаем.

Русские и китайские источники не приводят свидетельств о том, что цинские полководцы посетили ставку Абулмамбета, которая находилась в то время в Туркестане близ Ташкента. Хан был готов к переговорам, т.к. годом раньше он вызывал на совет для обсуждения проблем установления связей с Китаем известных правителей Среднего жуза: Абылая, Кулеке, Кулсары [8, 195–196]. Толе би говорил русским, что хан Старшего жуза, как правило, обосновывался близ Ташкента во время ханских советов, которые традиционно созывались осенью каждого года и продолжались месяц-полтора. Место расположения хана на это время приобретало имя «ханабад». Удельные правители других жузов на это время располагались близ Туркестана. Отсюда пошла по свету поговорка «Күлтөбенің басында күнде кеңес». Позиция Толе би в строительстве внешних связей была уравновешенной, доводы – весомыми, чингизиды не могли ее игнорировать.

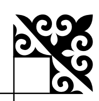
В составе посольства Толе би в Китай отправился его родственник младшего поколения – Чжолань (Жолан). В некоторых казахских сказаниях Жолан упоминается как родной сын Толе би. Как уже го-



ворилось выше, по сведениям орского приказчика Усеина Сеюшева – это был сын би, рожденный от холопки. В любом случае, это был близкий и доверенный родственник би. Мэнгулдай скоро понял, что, несмотря на то, что в Старшем жузе было несколько знатных правителей, Толе би оставался фактическим правителем части Ташкента и окружающих его казахских кочевий. С его выводом согласился помощник главнокомандующего Фу Дэ и доложил об этом императору Цяньлуну. Он четко указал, что 16 августа 1758 г. хан Абляз не стал вести переговоры с цинами, сказав им, что ждет приезда Толе би, чтобы предварительно посоветоваться с ним.

Встреча цинского командира с би произошла через 2 дня после этого заявления – 18 августа. И только на следующий день хан Абляз (Абулфеиз) прибыл со своей свитой. Его слова запечатлены в китайском документе. Нам не известны другие письменные свидетельства о поступках и словах этого престарелого хана и о его отношении к Толе би. В китайских документах этот хан выступает под именем Абилисы, обычно так называют все известные нам китайские документы султана Абулфеиза – пасынка хана Абулмамбета. У этого султана был сын по имени Жошы (китайскими иероглифами пишется как Чжолаци или Чжоэрци), который с 1758 г. неоднократно выезжал в Китай как посланец отца. В докладе Фу Дэ упоминается сын хана Абилисы по имени Ямубалакэ, возможно, одно из искаженных имен: Жанбарак, Жанболат. Старшим сыном Абулмамбета был султан Болат, правивший после смерти отца Туркестаном. Болат отправлял письмо в Китай в 1772 г., в котором оповещал, что наследовал ханский трон отца Абулмамбета [10, цз. 12]. Неизвестно, имел ли Абляз – потомок хана Турсуна – сына с похожим именем.

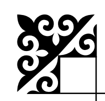
Из вышеприведенных документов понятно, что Толе би умер не в 1756 г., как указано во многих книгах и учебниках. В августе 1758 г. он был еще жив и вел переговоры с цинскими командирами близ Ташкента. То, что имя нашего героя сопровождается словом «бай», а не «би», не должно вызывать какие-либо сомнения, так как он был одним из богатейших старшин Старшего жуза. В китайских и русских документах не говорится о том, что би объединил и правил всеми тремя жузами. Безусловно, он был сторонником единства казахов. Но в своем письме цинскому императору Толе би ясно указывает на то, что он и Абылай правят своей частью казахов. При этом, он ни словом не упоминает Младший жуз. Кроме того, из его поведения на встрече с цинскими командирами и из его письма видно, что он



никак не протестовал против того, что Абылай самостоятельно «подчинился императору». Если бы он был единым правителем, он дал бы почувствовать китайцам, что недоволен своевольством младшего правителя за превышение своих полномочий. Напротив, он выражает свое желание по примеру Абылая установить точно такие же отношения с Китаем.

Упомянутый в докладе Шада – это, возможно, Садыр из киргизского рода саяк, в народных киргизских преданиях его порой называют ханом. В 50-х гг. XVIII в. он пытался вытеснить казахов из долины реки Талас и верховьев реки Или, нападал на казахские города Шолаккурган, Сузак. Он требовал, чтобы Абылай признал его своим ханом, а также посягал на часть Ташкента. В цитируемом цинском документе он представлен как один из ташкентских правителей. По преданиям, когда Абылай султан находился в Южном Казахстане, он решил наказать Садыра в связи с многочисленными жалобами уйсунов на него и оскорбительными высказываниями киргиза о нем как «сарте Аблае, рабе Аблае». В конце концов, Абылай захватил Садыра в плен и велел казнить того через повешение [12, 109]. Такой вид казни у казахов применялся в то время крайне редко. Это событие могло случиться в начале 60-х гг. XVIII в.

Другая фигурирующая в докладе персона – батыр по имени Саса-кэ-бай прибыл в ставку цинского командира в сопровождении своего отряда из 40 человек. В документе не указана его этническая принадлежность и, о нем известно меньше, чем о Койгельди батыре - из рода Шымыр племени Дулат. Шымырам традиционно принадлежал Чимкент и его окрестности, а Койгельди батыр был верным приверженцем Толе би, сыном его близкого друга Сарта. Известно несколько казахских деятелей с именем Сарт, среди них внук султана Абулфеиза, сын Жошы (Ючи, отсюда фамилия в русских документах этого Сарта пишется Ючин – *К.Х.*). Есть несколько мнений о том, кого казахи и узбеки называли сартами. Казахи называли так людей, занимавшихся земледелием и торговлей, а также всех жителей Ташкента. Несомненно, это имя дано в знак дружбы или родственных связей казахских правителей и старшин с выходцами из Центральной Азии. В 1758 г. Койгельди достиг бы 70 лет. В Ташкенте при жизни Толе би был известен деятель Сасык би – каракалпак, в цинских документах и Толе би и Сасык би называются «баями». По мнению известного филолога Дадебаева Жангары, Сасык би был одним из шести достаточно известных батыров и судей того времени. Если он является тем



самым Сасакэбаем (би и батыром), упомянутом в документе, то он со своим отрядом выступал на стороне Толе би в деле управления Ташкентом. Следовательно, он также получал прибыль от торговых операций в этом мегаполисе. Он был приближенным человеком хана Аблеса и имел, по-видимому, настолько доверительные отношения с ним, что предложил цинским командирам встретиться с ними и сам взялся сопровождать неожиданных гостей. А Койгелди батыр к тому времени умер.

Толекей, о котором расспрашивали цинские командиры, умер за два года до этих событий. Следовательно, мы можем предположить, что этот батыр умер около 1756 г. Интерес цинских командиров к этим деятелям объясняется тем, что еще в 1755 г. их послы вели переговоры о Ташкенте с командующими войсками по умиротворению Западного края – генералами Баньди и Саралом. Остальных персон: Ямубалакэ, Мониясы, Босурмана сегодня трудно надежно идентифицировать с известными нам историческими лицами. Представители младшего поколения в последующем никак в документах не упоминаются. Во всяком случае, такие документы сегодня не известны. Историкам предстоит восстановить события из жизни Жолана, Мониясы и Босурмана после 1758 г.

Жизнь Толе би была долгой, она охватывает большой отрезок истории Казахстана. На основании китайских источников можно предположить, что он умер не в 1756 г. [4, 360], в августе 1758 г. он был еще жив.

Анализ совокупности имеющихся документов позволяет нам уточнить казахскую политическую персоналию. Мы можем лучше понять политику мирных инициатив Толе би по расширению торговых отношений казахов в Центральной Азии. Доказательством этого является то, что на его пастбищах больше всего паслось верблюдов, которые применялись в то время для перевозки грузов.

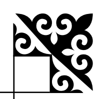
Подведем итоги дипломатической деятельности Толе би, которая заключалась в следующем:

1) соблюдение правил юридических установлений и традиций кочевых народов, относящихся к международному праву;

2) поиски мирных решений в интересах Казахского ханства, в целях сохранения населения и территории;

3) подготовка международных соглашений о заключении мира, размене пленными, возвращении награбленного;

4) участие в международных переговорах;

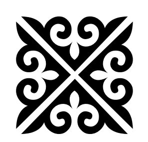


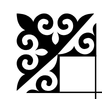
5) отстаивание интересов в деле сохранения казахских и среднеазиатских торговых и ремесленных центров, городов и кентов;

6) усилия за владение Ташкентом и контролем его рынков;

7) расширение географии и масштабов международной торговли Казахского ханства.

Письма казахских феодалов помогают нам представить официальный эпистолярный стиль, принятый в то время среди восточных правителей, они также точно отражают традиционную иерархию феодальной верхушки. Международные связи Толе би с представителями других государств, а также с крупными казахскими феодалами уточняют хронологию их жизни. Они вносят существенные коррективы в историческую хронологию, помогают понять время, в которое они жили и все его сложности, а также цивилизационные особенности казахского общества и казахского менталитета.





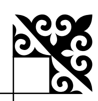
1.4. Джунгарский хан Даваци

Басшылары келіспеген ел жетім

Даваци (Дабачи, Дебача) (ок. 1723 г. – не позже середины января 1760 г.), был последним ханом Джунгарии, правившим около трех лет страной, охваченной агонией. Судьба была милостива к нему, позволив ему сесть на трон могущественной кочевой империи и, одновременно, безжалостна, заставив быть свидетелем ее гибели. Его удел находился на территории Восточного Казахстана по соседству с казахскими кочевьями и севернее удела его сторонника, превратившегося во врага – Амурсаны. По инициативе Даваци Казахское ханство стало активным участником политической жизни Джунгарского ханства.

В исторической науке достаточно подробно изучены (Златкин И.Я и многие другие) обстоятельства воцарения Даваци при помощи хошутских и хойтских князей. При этом, основными источниками были русские и маньчжурские архивные материалы. Мусульманский историк Зийа ад-Дин Мухаммад Имин Садик Кашгари подтверждает многие их сведения, но он приводит дополнительные факты периода завоевания Цинской империей Джунгарского ханства и Восточного Туркестана. Мухаммад Имин обращался к неизвестным нам сочинениям и расспрашивал участников событий, бежавших в Бадахшан и Коканд. Его сведения использованы и сопоставлены со сведениями, содержащимися в одном из списков сочинения Ци Юньши (1751–1813 гг.) «Цинчао фаньбу яолюе» (Описание вассальных владений династии Цин), хранящемся в Пекинской библиотеке. В свое время его просматривал и вносил свои правки признанный специалист по истории монголов Чжан Му (1805–1849). Очень важно, что Ци Юньши приводит те документы, которые не вошли в официальные сборники цинского периода, или записаны в них кратко. Они впервые вводятся в научный оборот в нашей статье и вносят существенные коррективы в историю завоевания Джунгарского ханства.

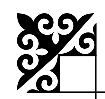
Выяснение основных событий жизни Даваци и их хронология представляют большой интерес для понимания истории региона, а также внешней политики Казахского ханства. География деятельности Даваци и его семьи охватывает Джунгарию, Восточный Туркестан, Монголию, Казахстан, Россию, Цинский Китай и среднеазиатские ханства. Даваци в середине XVIII в. последовательно оказывался в



эпицентре казахско-джунгарских, казахско-русских, а также джунгарско-цинских отношений. Реакция казахских правителей на действия Даваци демонстрирует их политические интересы, а также проясняют внешнеполитическую ситуацию, в которой оказались ханы Абулмамбет, Нурали, султан Абылай, Толе би, влиятельные старшины и батыры. В его время наступил конец могуществу Джунгарского ханства, начался закат кочевой цивилизации, навсегда было покончено с ослабевшим и противоречивым крупномасштабным тюрко-монгольским союзом. Ойраты подверглись геноциду, лишились своего государства, две трети населения погибли в междоусобицах, от эпидемий, в войнах с Цинской империей и стычках с Казахским ханством. Казахи оказались лицом к лицу с новыми вызовами времени в лице европейской и китайской цивилизаций.

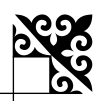
Согласно ойратским преданиям, Даваци относился к потомкам одиннадцатого поколения тайджи Эсымотэ дархана, жившего при Чингисхане, и пятому потомку джунгарского хана Батура хунтайджи. Даваци является сыном Намучжар-Даши, внуком знаменитого ойратского полководца старшего Цэрена-Дуньдобу и правнуком Буму – младшего брата хана Галдана (погиб в 1697 г.). На основании своей родословной Даваци считал, что имеет больше прав на трон, чем побочный сын Галдан-Цэрена Лама-Дарчжа (убит 12 января 1753 г.). Дед Даваци Цэрен-Дуньдобу был влиятельным феодалом времен правления Цэван-Рабдана (ум. в 1727 г.) и его наследника Галдан-Цэрена (ум. в 1745 г.). Его кочевья располагались в северных пределах восточной части Семиречья и верховьях реки Иртыш по соседству с Россией и Казахским ханством. Среди подвигов Церэна-Дуньдобу можно назвать разгром и разорение экспедиции Петра 1 под командованием Бухгольца в 1715 г., организацию и осуществление похода в Тибет через Гималаи в 1717 г., захват священной Лхасы. Церэн-Дуньдобу, по существу, положил конец правлению хошутов в Тибете, несколько лет воевал с цинскими, халха-монгольскими войсками. Он отличался талантом в разработке стратегических планов, личной храбростью, ратовал за объединение всех монгольских племен. Символично, что великий ойратский полководец умер одновременно с гибелью Джунгарского ханства, в могущество которого он внес весомый вклад, как представитель клана Батура-хунтайджи племени чорос.

Мать Даваци не известна, несомненно, однако, что она принадлежала к ойратской аристократии. Если бы происхождение Даваци



не было безупречным, он не стал бы конкурировать с сыном самого Галдан-Цэрена, рожденным, правда, от наложницы. Предполагаю, что она происходила из племени хошут – на основании того, что князья из этого племени Амурсана и Баньчжур в источниках называются его племянниками, и того, что Даваци отказался возглавить поход против хошута Сарала из Кукунора (Цинхая), перешедшего на сторону Цинов. У Даваци было два брата: старший по имени Дарба и младший – Яманкул [Ма Дачжэн, Чэн Цзундэ, 2006, 736]. Мы не знаем, были ли они родными или сводными, т.к. о судьбе их мало что известно. Яманкул (Жаманкул) – тюркское слово, в переводе на русский означает «плохой раб». У ойратов встречается немало тюркских и мусульманских имен, в их обычае выбора имени ребенку много общего с казахами. Возможно, также, что мать Яманкула происходила из тюркской семьи. Как бы то ни было, несколько поколений семьи Даваци поддерживали добрые отношения с феодалами соседних народов, а не тольки воевало с ними. Хан Лама-Дарчжа передал Яманкулу часть имущества и подвластных Даваци, когда тот присоединился к борьбе против его брата после убийства наследника Галдан-Цэрена. После отступления Даваци в Казахстан вся его семья была захвачена ханом и содержалась в заключении в Кульдже. Эти и другие факты свидетельствуют о нежелании Лама-Дарчжа восстановить против себя членов могущественной семьи. Этот бастард был умнейшим сыном Галдан-Цэрена.

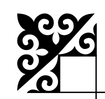
У Даваци было два сына: Лобучжа и Фучуньси (Фу Наси) и один внук Фурна, рожденный от старшего сына Лобучжа. Второй сын Даваци, возможно, судя по имени, родился в китайском плену от маньчжурской княжны, его имя в переводе с китайского языка означает «Весенняя радость, приносящая счастье», или «Счастье от весенней радости». Можно предположить, что Фучуньси родился в неволе весной 1757–1758 гг. Его отцу тогда было около 33-34 лет. Дети и единственный внук Даваци разделили с ним плен в Пекине, участь их на чужбине была незавидной, но об этом речь впереди. Старший сын, вероятно, в 1751 г. был в плену у Лама-Дарчжи, и тот не лишил его жизни. В русских источниках говорится, что, когда Даваци осенью 1755 г. отступал от цинско-ойратских войск в Восточный Туркестан, ему, якобы, пришлось оставить на произвол судьбы своих жен и детей. В мусульманском источнике повествуется, что Лобучжа не покидал отца, проявил храбрость во время коварного захвата их в плен слугами правителя Уч-Турфана.



Итак, Даваци не был прямым наследником Галдан-Цэрена, который умер в 1744–1745 гг. Об этом сказано в отчете Павлуцкого, который прибыл в ставку нойона Даваци 12 июля 1745 г. и записал: «Зенгорский прежний владелец Галдан – Чирин (по довольным чрез их разных людей известиям) в минувшем сентябре месяце умре…» (Потанин, Наши сношения…378).

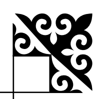
Даваци стал ханом в результате междоусобной войны ойратов и служил лишь орудием в руках Амурсаны (ум. в 1758 г.). Вначале он правил наследственными родами по течению реки Эмиль, в окружении ойратских племен *дэрбет, тортул и хойт*. На востоке от него проживали тыва, алтайцы, а на севере от них – казахи племени *уак, керей и найман*. Даваци приходилось дважды скрываться от своих врагов: у казахов и уйгуров, и оба раза места для отступления он выбирал сам. В последние годы правления Галдан-Цэрена он владел кочевьями в районе реки Чаргурбан, в этой же долине располагались аулы батыра Хоцзибоэргена (Кожабергена), которого некоторые русские эмиссары называют ойратом. Даваци охранял северные районы Джунгарского ханства, отвечал за пропуск русских караванов из Сибири в Кульджу [Потанин, Наши сношения…377]. Бежать Даваци к казахам не стоило особого труда – из-за близости кочевий и нормальных отношений с ними.

Характеристику личности Даваци мы находим у представителей разных этносов из различных социальных слоев. Вырисовывается образ человека слабовольного, порой простодушного, поддающегося влиянию сильных личностей. В то же время, нельзя сказать, что он не понимал окружающих его людей и происходящее перед его глазами. Он покинул казахов до конца ноября 1753 г. и, зная истинные причины их помощи ему, не захотел прибегать к ней вторично. Он постиг характер Амурсаны, знал цену его дружбе, видел, что его поступками движет неуемное честолюбие. Поэтому, завладев троном, Даваци пытался опередить союзника в своих действиях и, как можно скорее, ослабить его, избавиться от его сторонников. Порой он поступал жестоко, но непоследовательно. В результате, он приобрел врагов в лице дербэтских феодалов – Цэрена, Цэрена-Убаши, Цэрена Мэнке и некоторых других вождей ойратов. Дэрбеты отличались от остальных ойратов тем, что успешно занимались земледелием в долине Иртыша, были весьма сведущими в ирригации. Джунгарские перебежчики при Даваци спасались от голода и нескончаемых внутренних распрей в России, Китае, Восточном Туркестане, Куку-норе, Халха-Монголии, Казахстане.



Кокандский ученый Зийа ал-Дин Мухаммад Имин Садр Кашгари достаточно резко характеризовал Даваци. Можно найти несколько причин этого. В цинской историографии утвердилось, что Даваци был передан в руки Цинов мусульманским правителем из Восточного Туркестана. В итоге так и получилось. Однако, уйгурский правитель намеревался передать Даваци в руки Амурсаны, в надежде стать правителем края в случае захвата им джунгарского трона. Зийа ал-Дин Мухаммад Имин осуждает передачу доверившегося этому хакиму ойратского хана как с моральной, так и с политической точки зрения. В то же время, этот историк в унисон с маньчжурскими, китайскими и русскими авторами признает, что как полководец и политик Амурсана был искуснее Даваци: «…трон царства стольного города ойротов по закону, в особенности (благодаря) старанию и вниманию великого нуйана, то есть Амурсанана, по наследству достался Дабачи-хану, по той (причине), что вышеназванный был падишахом, по натуре человеком непоследовательным, вспыльчивым, слабоумным, излишне скрытным и не собранным, жадным, упрямым, гордым, проявившим чудеса в кровопролитии и бесстрашии. Несмотря на все это, он обладал характером, который придавал (его) лицу важность» [Асар ал-Футух, л. 118]. Перед тем, как обратиться за помощью к Китаю, а затем, в период подготовки совместного похода с цинскими войсками в Джунгарию, Амурсана успел связаться и направить письма многим правителям соседних народов, склоняя их к себе. Император Цяньлун высоко оценил Амурсану, когда тот прибег к его покровительству в 1754 г. и дважды пожаловал ему княжеский титул первой степени «цинь ван», первый раз – на приеме в летней резиденции в Бишу шаньчжуан, а вторично – после пленения Даваци. Но император не доверял своему временному союзнику. Назначенный заместителем командующего западной группировкой цинских войск и командиром передового отряда, Амурсана имел возможность рассылать повсюду курьеров, беседовать с пленными. И все же, решительное выступление Амурсаны против Цинов тотчас после пленения Даваци, уничтожение командования группировок обеих колонн цинских войск осенью 1755 г., было для императора Цяньлуна неожиданным. В связи с бунтом Амурсаны, император смягчил свое отношение к пленному Даваци. Но об этом речь впереди.

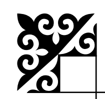
Судя по тональности высказываний спасшихся уйгуров, рассказывавших сочинителю «Асар аль-Футух» о давних событиях, хакимы городов – полисов Восточного Туркестана поверили этим обещаниям.



Уйгур Шараф ад-Дин Йусуф (в кит. источнках Хоцзисы – искаженное от Ходжасы – *К.Х.*) надеялся стать наместником всего Восточного Туркестана, он встречался с Амурсаной в ставке цинского главнокомандующего в 1755 г. и имел с ним тайные переговоры [Бао Вэньхань, 1997, 250]. Хоцзисы фактически передал Даваци в руки Амурсане, поверив заверениям о том, что цинский император намеревается посадить его на джунгарский трон. Хаким Уч-Турфана просто менял одного ойратского покровителя на другого, более сильного и обещавшего сделать его своим наместником в Уйгуристане. Поэтому он предал Даваци, забыв благодеяния его деда, некогда возвысившего их семью. Официальная китайская историтография преподносит этот его поступок желанием покориться Цинам.

1.4.1. Даваци в стране казахов

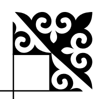
Начиная со времен войны Цинской империи с Галданом в конце XVII в., а также во времена Цэван-Рабдана при проведении разграничения территории между Джунгарией и Халхой, некоторые феодалы и старшины со своими подвластными откочевали на территорию, подконтрольную Цинской империи. Императоры Канси (ум. в 1722 г.), его сын Юнчжэн (ум. В 1735 г.) и внук Цяньлун принимали ойратских и монгольских беженцев и устраивали их близ Чжанцзякоу, в провинции Ганьсу, Монгольском Алтае и других пограничных территориях империи. Среди перекочевавших был крупный феодал Сарал (Салар), а также три вышеупоминавшихся дэребетских князя. Сарал являлся зайсаном Даши-Дава, крупного феодала, приближенного и душеприказчика Галдан-Цэрена. Он перешел на территорию Цинской империи через Кукунор, Газколь, с ним была 81 кибитка его сородичей. Вначале у него числилось более 380 человек, из которых он потерял за время скитаний около ста человек [ПИА, Маньчжурский фонд, доклад Баньди от 30 окт 1750 г.; Гаоцзун шилу, 373,10–11об.; Ма Дачжэн, Чэнь Цзундэ, 2006, 118]. От Сарала Цины получили первые достоверные сведения о начавшихся распрях в семье Галдан-Цэрена после его смерти. Об этом была внесена запись на неделю раньше доклада Баньди под датой 23 октября 1750 г. Даши-Дава, сын младшего дэрбетского князя Цэрена-Дуньдобу, согласно воле Галдан-Цэрена, защищал и нтересы его второго сына наследника Цэван-Доржи Намучжара, титулованного как Аджа-хан (1745 – май 1750). Но 14-летний хан своей жестокостью и необузданным нравом



оттолкнул от себя многих влиятельных феодалов, которые решили, что только один человек – Лама-Дарчжа – достоин трона. Русские и китайские источники среди главных заговорщиков против юного хана называют следующие имена: Саин-Болек – зять Галдан-Цэрена, Гумьу, Эрчжуйин, Оулэчуй (Олдзо), Оулошиху (Олдзоришео), Бахаманьцзи (Сэха-Маньцзи? Сары-Манджи?), Бохээрдай (Боголдай). Однако Даваци поддерживал юного хана, посылал своих зайсанов к нему в 1750 г., когда тот был ослеплен и сослан сторонниками Лама-Дарчжи в Аксу. Лама-Дарчжа, вначале щадивший жизнь юному хану, приказал убить его вместе с двумя зайсанами – посланцами Даваци (Ма Дачжэн, Чэнь Цзундэ, 2006, 118). Естественно, после этого, Даваци и Амурсана побоялись участвовать в коронационных пиршествах Лама-Дарчжи в урге.

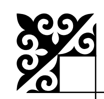
Сарала переправил в Пекин «управляющий делами варваров Цинхая» в чине фудутуна, а также этнический монгол Баньди (монгол рода боржигит). Сановники Военного Совета расспрашивали знатного ойрата на протяжении нескольких дней и из его уст услышали о Даваци. Заслуживающие внимания сведения о Даваци стали поступать цинскому и русскому правительствам почти одновременно с русскими с осени 1750 г. А через год в дела Даваци был вовлечен казахский султан Абылай, батыр Кожаберген и другие старшины.

Цинское правительство тщетно ожидало, что после того, как был убит ан Цэван-Доржи Намучжар, Даваци обратится к нему за помощью или перейдет на территорию Китая, вопреки ожиданиям, в 1752 г. Даваци отступил в Казахстан. Об этом императору доложил командующий восточной группировкой войск (динбянь цзо фуцзянцзюнь) князь Энгуньчжабу на основании заявления зайсана Мамута, бросившегося вдогонку за Даваци. Зайсан, подойдя близко к монгольским караулам, чтобы не насторожить их, должен был объяснить причины появления его отряда на границе. Ни один из джунгарских претендентов на трон после смерти Галдан-Цэрена, не желал портить отношения с Китаем ни в период борьбы за власть, ни после достижения вожделенной цели – трона. Напротив, все они хотели заручиться поддержкой могущественного соседа. Поэтому, начав джунгарский поход, Цяньлун не мог найти основательных причин для обоснования вторжения в страну ойратов. Он лицемерно выдвинул гуманные мотивы: прекращение братоубийственной войны джунгар, а также заботу о безопасности соседних народов. Вернемся к докладу Чэнгунь-Чжабу, в котором говорится, что Даваци с 12 приближенными



потерпел поражение в местности Налинь (Нарын) Булур и отступил в неизвестном направлении. Лама-Дарчжа приказал трем алтайским зайсанам преградить ему путь к халхаским границам в семи местах и велел сообщить китайской стороне причины сосредоточения его отрядов столь близко к владениям Цинской империи. Командующий написал также о том, что направил в Урянхай (Туву) офицера для сбора достоверных сведений. Он привел показания джунгарского разведчика следующего содержания: «В 9-й луне прошлого года (между 19 октября и 17 ноября 1751 г. – *К.Х.*) произошел конфликт Даваци с ханом Лама-Дарчжа. Говорят, тайджи Даши, Амурсана, Баньчжур, Цэрен, Шакэдур (старший брат Амурсаны) и др., посовещавшись, пришли к мнению, что следует подчиниться великому императору. Но потом, Даши и Шакэдур отказались от своих слов и доложили об этих планах Лама-Дарчже. Тот отправил отряд, (который) потерпел поражение от Даваци и (вынужден был) возвратиться обратно. Даваци вновь советовался с Амурсана, Баньчжуром и другими. Куда податься. Дорога в Китай через Монгольский Алтай была преграждена отрядами (Лама-Дарчжи), (а горные) проходы, как известно, узкие и труднопроходимые. Они решили, что намного безопаснее отступить в направлении Иртыша, чтобы скрыться у казахов» [Гаоцзун шилу, 407, 1–9]. Доклад монгольского командующего был подан на рассмотрение императору. В цинской хронике этот документ вместе с резолюцией императора приведен под датой 17 года правления Цяньлун, 1 луна, день цзяшэнь (8 марта 1752 г.). Отсюда следует, что джунгарские князья перешли к казахам приблизительно в феврале 1752 г. Согласно русским источникам, в марте 1752 г. Даваци при трехстах кибитках стоял у реки Или (Моисеев, 1998, 128–129). Следовательно, у него было около 1000 подвластных. Вооруженная стычка с ханом произошла осенью того же года [Гаоцзун шилу, 407, 1–9].

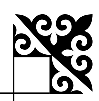
Нелишне здесь рассказать и о других фигурантах заговора против хана Лама-Дарчжи. Шакэдур принадлежал к племени хойт и являлся сводным, а Баньчжур – хошутский тайцзи – родным братом Амурсаны. Итак, Амурсана относился к племени хошут, но являлся тайджи хойтов. Император Цяньлун опасался провокаций со стороны джунгар и приказал принять меры предосторожности и, если необходимо, переселить приграничных монголов вглубь страны. Но прошел год, а из Джунгарии не поступало никаких вестей. Из перебежчиков в Китай упоминается лишь один по имени Ниясы (Нияз?). Во второй луне 18-го года правления Цяньлун (27 марта 1753 г.) им-



ператор обратил внимание сановников Военного Совета на то, что Лама-Дарчжа несколько раз обращался с просьбой о торговле и пропуске его паломников в Тибет. Но он неизменно отказывал ойрату в этой просьбе. Император не исключал, что джунгарским паломникам все же удалось проехать в Тибет тайно. Поэтому он решил помешать этому и приказал отправить послов в Лхасу к Далай-ламе, ознакомить его с джунгарскими делами и своими мнениями на их [Гаоцзун шилу, 439, 8 об. –9]. Наконец, в июне 1753 г. от Чэнгуньчжабу пришло донесение о том, что Лама-Дарчжа отправил отряд к казахам с требованием выдать перебежчиков, но якобы его воины перешли на сторону Даваци. Что отряды Даваци, Амурсаны и Баньчжура вместе с казахскими союзниками планировали захватить хана в плен и посадить на трон Даваци» [Гаоцзун шилу, 433, 14]. В середине июля 1753г. командующий Чэнгуньчжабу доложил об убийстве Лама-Дарчжи и воцарении Даваци. Кроме того, стало известно об отправке Даваци посольства в Пекин с извещением об этом. Император послал в Хами своих доверенных лиц, чтобы встретить и привезти посла согласно установленным ранее правилам. Среди офицеров гвардии назван Нусань, которого впоследствии Цяньлун не раз командировал к Абылаю султану и который ведал установлением торгового обмена с казахами в 1758 г. [Гаоцзун шилу, 440, 26 об. –27]. Если полагаться на точность датировки этого доклада Чэнгуньчжабу, то Даваци объявил себя ханом не позже 14 июля 1753 г. Итак, в живых не осталось ни одного из прямых наследников Галдан-Цэрена. Своим воцарением Даваци фактически проложил дорогу к трону побочным родственникам Галдан-Цэрена, коим был и он сам.

Обратимся к материалам, которые освещают прибытие и пребывание Даваци в Казахстане. Прежде всего, это русские сведения, полученные сибирскими и оренбургскими властями, которые одного за другим отправляли в Казахстан офицеров, переводчиков, купцов, башкирских старшин, чтобы добыть достоверные сведения о знатных беглецах и о переменах, произошедших в казахско-джунгарских отношениях за 1751–1755 гг. Цинским разведчикам было труднее проникнуть к казахам через объятые волнениями ойратские кочевья. Основную информацию они получали от перебежчиков.

Среди 12 сторонников Даваци наиболее знатными были хойтский тайджи Амурсана (мать, нося его под сердцем, вышла замуж за хойта, но его биологическим отцом был князь племени хошут), ближайший родственник Амурсаны хошут Баньчжур тайджи, которые назва-

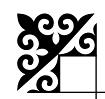


ны в донесениях русских посланников к казахам его племянниками. «...когда они (Даваци и Амурсана – *К.Х.*) вознамерились (выехать) с божьей помощью из облости казахов в ставку (Урда), он много пообещал Амурсанану. Было решено, что дело похода будет вверено на ум и проницательность вышеназванного: Дабачи-хан без его совета и согласия не предпримет ни одного дела, ни крупного ни малого» [Асар ал-Футух, л., 118].

Даваци управлял 5 тыс. кибиток, Баньчжур – 990. Они покинули Джунгарию осенью 1751 г., и прибыли в аул старшин кереев Дусумбека, Казибергена (Кожабергена) и Каипа. Даваци направил письмо к Абылаю, в котором сообщил о своем положении и выразил готовность встретиться с ним в его ставке, или там, где султан пожелает. Даваци рассматривал несколько выходов для себя: 1) остаться в Казахстане; 2) перебраться к волжским калмыкам; 3) собрать силы для борьбы с Лама-Дарчжой и возвратиться в Джунгарию. Он остановился на третьем варианте и решил бороться за трон при помощи казахов и Амурсаны. Нойоны «доставили свою жизнь и благополучие к казаху Абулай-хану, который в ту пору был главным хаканом Дешт-и кипчака», – заметил автор «Асар ад-Футух» (л. 118 об.). Кожаберген и Абылай, непонятно, вместе или каждый в отдельности, отправили послов к хану Лама-Дарчже с сообщением о прибытии нежданных гостей.

К Даваци стали стекаться ойраты, недовольные правлением Лама-Дарчжи. Вскоре их собралось более 150 человек. Казахи, не желая портить с ним отношения, собрались было расселить их по разным кочевьям. Даваци умолял не делать этого, и казахи пошли ему навстречу. Лама-Дарчжа прислал своего посла (Еркина – *К.Х.*) к казахам с требованием выдать беглецов. А затем напал на пограничные казахские племена.

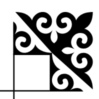
Кроме того, плела свои сети и Россия, стремясь заполучить беглецов, в особенности Даваци, любой ценой. Оренбургская администрация прибегала к изощренным увещеваниям, лести и подкупу, предостережениям и угрозам, чтобы казахи передали в ее руки ойратских князей. Ее посланники искали встреч с ними, чтобы уговорить их и помочь им скрыться в Россию. В то же время, посланцам было строго запрещено находиться в отряде Абылая, чтобы хан Лама-Дарчжа не подумал, что русские поддерживают его противников. В феврале 1751 г. на территорию России вступило посольство Лама-Дарчжи во главе с казначеем его двора Аюши, муллой Имином, купцами Ке-



несбаевыми, всего в джунгарском посольстве было 12 уйгуров. Общая численность посольства составляла 41 человек при 80 лошадях и 50 верблюдах, надо полагать, груженых товарами. Джунгарский хан, судя по комплектации посольства и числу верблюдов, был нацелен на продолжение торговых связей. В то же время, он не шел на уступки в политических вопросах, в особенности касательно земель в верховьях Оби и Енисея, и сбора налога русскими властями с их населения. Это посольство было задержано Россией на 4 года, на все время недолгого правления Лама-Дарчжи. Оно было в полном неведении о трагических событиях на родине.

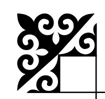
О смерти своего хана послов официально известила 4 апреля 1754 русская сторона [Здаткин, 1983, 286]. Не выпуская всех членов посольства джунгарского хана, русское правительство хотело одновременно заполучить его конкурента Даваци и его знатных сторонников в Казахстане, чтобы держать в своих руках главные рычаги воздействия на властителей народов Центральной Азии. Русская дипломатия прилагала всевозможные усилия, чтобы укрепить свой политический вес в Центральной и Восточной Азии. Оно стремилось покончить с несогласиями по Восточной Сибири и не дать окрепнуть казахско-джунгарским связям. Из Оренбурга, Тобольска, Троицкой крепости, порой – от отдельных командиров сибирских линий в ставку Абылая один за другим, не дожидаясь возвращения предыдущего посланника, отправлялись опытные разведчики, чтобы убедить казахов передать им ойратских князей и избавиться от враждебности Лама-Дарчжи, могущей привести к войне с Джунгарией. Но казахи не уступали.

Помимо напряженности в международных отношениях, обстановка в самом Казахстане была не менее сложной. Каждый из казахских правителей имел собственные интересы и по-своему ориентировался в отношениях с Джунгарией. Нурали хан был согласен выдать свою сестру замуж за Лама-Дарчжу. Но дело не совсем ладилось. Джунгарские послы в 1749 г. были недовольны тем, что смотрины невесты прошли не так, как полагалось. Девушку показали вечером и из-за занавески. До них также дошли разговоры о том, что родная сестра Нурали умерла, поэтому они опасались, что казахский хан подменил ее другой девушкой. Хотел ли хан Нурали обмануть Лама-Дарчжу, нам неведомо. Бастард Лама-Дарчжа ни в коем случае не мог взять дочь Абулхаир хана, рожденную от его младшей жены или наложницы-калмычки. Питомником невест для джунгарских ханов и



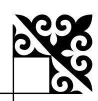
принцев были принцессы из домов калмыцких ханов на Волге и хошутских ханов на Кукуноре. Лама-Дарчжа отложил сватовство и в своем письме просил начать переговоры о другой родной сестре, если таковая есть у хана. Брачный союз с казахами был в свое время предложен самим Галдан-Цэреном, который после войны 1740–1741 гг. искал политические и экономические способы закрепления военных успехов в Казахстане. Брачный союз был важной политической инициативой кочевников в деле улучшении казахско-джунгарских отношений и установления доверия между их правителями: «по которому случаю возможно будет иметь нам неразрывный союз, и потому обещаюся я вас учинить, и поставить на настоящее ханское место отца вашего, и препоручить вам полную власть, и всю орду вашу к вам преклонить в состоянии буду», – сказано в письме Лама-Дарчжи к казахскому хану. С этим письмом сумел ознакомиться оренбургский толмач Яков Гуляев, отрывок из которого он приводит в своем донесении от 7 июня 1750 г. Пока же Лама-Дарчжа отправил 200 человек купцов с просьбой к Нурали одну группу из них под охраной проводить до Оренбурга, а вторую – до Хивы. Письмо Лама-Дарчжи было доставлено Нурали не позже июня 1750 г. [КРО1, 1961, 514–519]. В то же время, Лама-Дарчжи твердо отказал хану Нурали захватить и передать ему сына султана Барака – убийцы его отца [КРО1, 1961, 518]. Как бы то ни было, письмо ойратского хана сильно расстроило мать Нурали хана, которая, вызвав его и султана Ералы к себе, долго разговаривала с сыновьями. Возможность заключения брачного союза между правящими домами кочевников вызывала также большие опасения со стороны Коллегии иностранных дел России, она рекомендовала пограничным генерал-губернаторам принять все меры для его расстройства. Вскоре невеста неожиданно умерла.

Другой казахский хан – Абулмамбет, очевидно, успел решить, или был на пути успешного решения вопроса с Лама-Дарчжи о статусе города Туркестана. Толе би, фактический правитель Старшего жуза, также вел переговоры с ойратским ханом о правлении всего Ташкента или же его части, а также о развитии среднеазиатской торговли. Между этими правителями, жившими столь близко, не было единогласия о джунгарских беглецах. Толе би после некоторого колебания и после оценки расстановки сил в Джунгарии, примкнул к мнению Абылая. Так как в первой половине 1751 г. его послы, а по некоторым сведениям – он сам лично (би было более 60 лет), ездили на встречу с Лама-Дарчжой. Споры о том, предоставить помощь противникам хана



или связать и выдать их ему, возникли и среди властителей Среднего жуза. Абылай также не мог не считаться с позицией своих соратников – старшин и батыров, которые имели право голоса на совете. Они представляли собой внушительную силу, ибо без них в ханстве не могли реализоваться ни война, ни торговля, ни посольские связи. К тому же, некоторые из батыров одновременно были старшинами разных колен своих родов, для которых нужны были пастбища, пастухи и военная добыча (*олжа*), часть которой составляли пленники. Некоторые участники совета, по сведениям русских разведчиков, были за то, чтобы оставить джунгарских князей в Казахстане с выделением им уделов. Известные батыры и старшины колена *басентин* готовы были сделать старшим у себя Даваци, *уак-кереев* – Амурсану, а *найманов* – Баньжура. «*Баклы- Гирейцы (абак-кереи? – К.Х.)* полюбив Даваци, просили его обождать ездить к Абылаю и принять над ними главное начальство» [Вельяминов-Зернов, т. 1, 1853, 97–98]. Вельяминов-Зернов был серьезным ученым, его сведениям стоит верить. Чокан Валиханов высоко ценил его и прилагал все усилия, чтобы достать его труд. В 1740 г. найманы приютили и хотели передать в управление несколько сородичей самозванцу Карасакалу, выдававшему себя за родного брата Галдан-Цэрена. Не без того, что прииртышские и приилийские племена казахов стремились усилиться за счет джунгарских князей, проживавших смежно в Тарбагатае и Семиречье. Русские источники называют джунгар вечными врагами казахов, что не совсем так. Казахи думали о собственной безопасности и расширении кочевий и боролись за это средствами, которые были им доступны, и которые были хорошо понятны ойратам, а также кочевникам. В Джунгарском ханстве казахские колена проживали и после «Актабан шубрынды». Пока уак-кереи держали беглецов у себя в аулах, остальные старшины родов снабжали их лошадьми и необходимыми вещами. Время шло, султан Абылай знал, что собственными силами со столь сложным вопросом, имевшим большие последствия для казахов, ему не справиться, поэтому летом 1752 г. предложил созвать ханский совет, о чем сказано в труде русского ученого.

Нурали хан был приглашен на совет под предлогом окончания спора с детьми султана Барака – убийцы его отца. Сам этот предлог, кажется, вызван желанием сплочения казахов, не говоря уже о том, что вражда между влиятельными казахскими домами провоцировала вмешательство внешних сил. Нурали не решился выехать в Восточный Казахстан без согласия Оренбурга и отправил на совет вме-

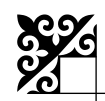


сто себя младшего брата Ерали (ему было ок. 30 лет). К сожалению, источники молчат об инструкциях, которые получил Ерали от брата, и о том, какие доводы он привел в своем выступлении. Он мог просто присоединиться к мнению большинства.

Сам Даваци – при условиях активной поддержки его сторонников в Джунгарии и получения вооруженной помощи от казахов – готов был побороться за трон. Он ждал решения ханского совета казахов, но более рассчитывал на своих приверженцев в Джунгарии. В казахских преданиях сказано, что Совет был проведен при урочище Улытау, в некотором удалении от русской и джунгарской границ.

Совет проходил бурно, мнения разделились. Традиционалисты (хан Абулмамбет, его батыр Малай-Сары, а также батыр Япак, сын которого добровольно находился при дворе Лама-Дарчжи и прислан был вместе с его посольством считали, что не следует ухудшать отношения с ханом, что надо передать его противников и на этой основе добиться улучшения отношений с Джунгарским ханством. Им возражал Абылай, не забывший хорошего отношения к нему Даваци, когда он находился в джунгарском плену более десяти лет тому назад. Кожаберген батыр и старшина *уак-кереев*, имевший, по-видимому, родственные связи с семьей Даваци, также был решительно против его выдачи в Кульджу. Батыры Букенбай и Даут тархан – сын батыра Жанибека не были приглашены на совет, но тоже выразили готовность выступить против Лама-Дарчжи. Толе би, выезжавший в ургу прислал Абылаю письмо, в котором сообщил о том, что у Даваци на его родине осталось много сторонников. Русский посланец к казахам Андрей Яковлев считал (его донесение Оренбургу написано 3 декабря 1752 г.), что именно мнение Толе би склонило на совете большинство голосов на сторону Абылая. Казахи сделали немало для поддержки знатных ойратов. Русские власти считали, что казахские султаны и старшины в своих поступках руководствовались лишь тем, чтобы ослабить своих «извечных врагов». Все, что написано негативно об Абылае, надо полагать, говорилось представителям джунгарской стороны для того, чтобы уговорить их принять покровительство могущественной России.

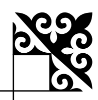
Осенью 1753 г. казахи во главе с Абылаем выступили в поход, разорили и разгромили кочевья дэрбетов на Иртыше. Это, в дополнение к разразившемуся голоду, послужило одной из причин откочевки в Китай трех их князей и появлением у Даваци новых врагов, которых в 1755 г. эффективно использовал против него император Цяньлун.



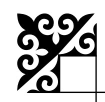
18 декабря 1753 г. из Монголии пришло обстоятельное донесение о просьбе к Цяньлуну трех крупных дэрбетских князей – вышеупомянутых Цэреней принять их у себя в стране [Гаоцзун шилу, 451, 11 –13]. А через некоторое время – о новом препятствии воцарению Даваци. Его конкурентом выступил Намоку-Джиргал – внук младшего Цэрена-Дуньдобу [Гаоцзун шилу, 451, 13]. В «Асар аль-Футух» также говорится о вторичном занятии трона Даваци после убийства Лама-Дарчжи. Даваци вновь с помощью Амурсаны одолел выдвиженца «слабосильных князей» и оставил за собой джунгарский трон. На этом союз нойонов закончился.

Вельяминов-Зернов, тщательно изучивший казахско-джунгарские отношения тех лет, пришел к выводу, что Даваци двинулся в Джунгарию, не уведомляя об этом своего союзника Абылая, так как до конца ему не доверял. И что Абылай вздохнул с облегчением, узнав о том, что тот неожиданно покинул пределы Казахстана до того, как он успел сразиться с войсками Лама-Дарчжи. По нашему мнению, Даваци не мог неожиданно покинуть казахские кочевья, так как логичнее предположить, что после Совета был составлен военный план, по которому действовали отряды, составленные из казахов и немногочисленных воинов Даваци. Они были разделены на две части, одна под командованием Абылая двинулась вверх по Иртышу и напала на дэрбетов – противников Даваци. Это подтверждается и китайскими источниками. А вторая – под командованием Даваци и Амурсаны – двинулась к столице Джунгарии – Кульдже, либо к летней ставке на Текесе, в любом случае, в сторону долины реки Или. Абылай отвлек Лама-Дарчжу нападением на дэрбетов и урянхайцев, которые были также противниками джунгарского хана, поэтому поход Абылая хану не повредил. Поход был выгоден Лама-Дарчже, Даваци и обогатившимся за счет разорения дэрбетов – казахам. Но, в целом, он ослабил восточную границу Джунгарского ханства. Даваци в это время вторгся в Джунгарию на юго-западе и ударил прямо в ее сердце. События произошли в течение ноября 1752 – января 1753 гг. Не имеет принципиального значения, если два нападения произошли с интервалом в месяц-два, объединившиеся силы напали на дэрбетов, а потом – на ставку Лама-Дарчжи. Старшина урянхайцев (тыва) – старый и опытный воин Мамутэ, бросившийся по приказу Лама-Дарчжи в погоню за дэрбетами, чтобы преградить им путь в Халхуи далее – в Китай, являлся зайсаном Даваци.

Предприятие по утверждению Даваци на троне увенчалось успехом, а старший, самый способный, умный и образованный сын Гал-



дан-Цэрена – Лама-Дарчжи был убит. Автор сочинения «Асар аль-Футух называет его «ученый падишах» (л. 118).Таким образом, в междоусобице насильственной смертью уже погибли два принца, принцесса, зять Галдан-Цэрена, в живых не осталось никого из его прямых потомков. Все имели сторонников, которые затаили ненависть к Даваци. Несмотря на временное превосходство, Даваци ожидала борьба с внуком князя младшего Цэрена-Дуньдобу Намоку-Джиргалом. Но погубило его предательство со стороны Амурсаны. Многие обвиняют в этом Амурсану, но есть и другое мнение. Кокандский ученый пишет: «Как отметили предшествующие великие люди: «поскольку дружба основывается на корысти, то она (дружба) кончается по ее достижению и дело завершается враждой» ...Дабачи-хан, человек трусливый и боявшийся своей тени, стал опасаться храбрости и смелости Амурсанана...» [Асар ал-Футух, л. 118]. Даваци не был трусливым, он был заурядным человеком, по мнению императора Цяньзуна, и осторожным политиком, обстоятельства для которого после воцарения складывались крайне неблагоприятно. Внутренняя междоусобица и вторжение цинских войск вместе с его врагами также оказались для его судьбы трагическими. Амурсана с Баньчжуром уже в следующем году выступили против него, их подвластных в 1754 г. было около десяти тысяч, по крайней мере, столько их оказалось при переходе в Китай. Старший Цэрен ушел с подвластными из более 3700 семей, Цэрен-Убаши – с 1200, а Цэрен-Мэнке – с 700 семей. У последнего они составляли всего 40% от числа всех его подвластных, большинство осталось в Джунгарии. Все вышеупомянутые князья занимали кочевья по Иртышу по соседству с казахскими, урянхайскими и монгольскими племенами, поэтому они откочевали сначала в Монголию. Три Цэрена бежали в Китай в числе 5600 кибиток. После перехода в Китай Амурсаны число ойратских перебежчиков достигло 10 тысяч, и император Цяньлун разделил их на 10 чжасаков, а чжасаков на роты (*цзолинь*) [Бао Вэньхань, 1997, 195]. Между всеми знатными перебежчиками были очень сложные отношения. Сын мог выступить против отца. Так, например, сын Цэрена-Мэнке Балан, который перебежал вместе с отцом в Китай, покинул его там и выступил против Цинов. Очевидно, он надеялся на поддержку оставшихся в Джунгарии сородичей, составлявших 60% от их людей. Император при помощи советов чиновников Лифаньюаня с достойным восхищения искусством распределил перебежчиков в западной и северной колоннах своих войск. Они должны были быть на виду

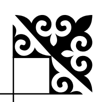


своих ойратских конкурентов и, все без исключения, под неусыпным контролем командующих колоннами, также монголов.

Амурсана владел кочевьями близ реки Урунгу, недалеко от некогда родовых кочевий Даваци. Даваци был готов передать ему тарбагатайские земли по соседству. По сведениям китайских источников, Амурсана просил за свои услуги земли к северу от Бороталы до самого Алтая, т. е., до границ с Монголией. Даваци утвердился на троне 27 ноября 1753 г., а в декабре уже отправил отряд против своего бывшего союзника. Амурсана отступил к Эмилю и вновь сумел привлечь на свою сторону султана Абылая.

1.4.2. Внешняя политика Даваци

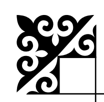
Даваци за короткий период своего правления старался поддерживать дружеские отношения со всеми соседними странами. Тотчас после воцарения зимой 1753 г. он отправил письмо к восточным казахам с благодарностью за поддержку и с обещанием возвратить пленных. Кроме того, он успел оповестить о своем воцарении и восстановил отношения с Ташкентом и Туркестаном. Нам неизвестно, на каких именно условиях был заключен союз Даваци с казахскими правителями. Но можем догадаться, учитывая произошедшие события и политику их прежних ханов. По логике развивающихся событий, Даваци должен был предоставить больше гарантий своим казахским союзникам, чем Лама-Дарчжа. Впервые в истории Джунгарского ханства воцарение стало зависеть не только от внутренней расстановки сил в стране, но и от внешней помощи. Даваци позволил казахам нападать и грабить кочевья своих противников и обогащаться за счет скота и имущества своих соотечественников. Но, конечно, только до своего воцарения. После этого казахи не должны были вторгаться в Джунгарию, но были вправе требовать возвращения своих сородичей из плена и больше льгот в присырдарьинских городах. При этом, у Амурсаны были более крепкие связи с султаном Абылаем. Зная о неблагонадежности Амурсаны, Даваци трижды посылал отряды для его захвата, но не смог добиться своей цели. Амурсана успел заключить новый союз с ханом Абылаем. Должно быть поэтому в 1754 г. казахские отряды переменили направление своих набегов к западу от Иртыша, в район от Чжайра до реки Или [Гаоцзун шилу, 695, 8]. Амурсана, потерпев поражение от Даваци, смог в конце того же года бежать из верхнего Прииртышья в Халха-Монголию, подвластную



Цинской империи. Он был уверен в том, что Абылай не нарушит их союз, он неоднократно заверял императора, что сможет привести султана под его руку. Через 4 года Цяньлун довел до сведения Абылая заверение Амурсаны, чтобы поколебать военный союз кочевых правителей. На чем основывалась такая непоколебимая вера в Абылая, непонятно. Говорят, что они поклялись быть побратимами. Но Абылай действительно спас своего анда от мести могущественного императора [Хафизова, 2007,16–17].

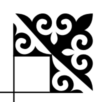
Уже в первый год правления Даваци совершил поход против казахов. Последующие два года были омрачены систематическими набегами казахов, в том числе и на столицу Джунгарии – Кульджу. Это нельзя объяснить только подстрекательством Амурсаны, были более глубокие жизненно важные экономические интересы казахских феодалов, им были необходимы богатые травой и водой пастбища на Иртыше. С востока и севера на казахов надвигалась русская, а на джунгар с юга – цинская колонизация.

Провалилась также попытка Даваци установить посольские и торговые отношения с Цинской империей. Летом 1754 г. Даваци отправил посольство из 200 человек в Пекин. Он следовал согласно требованиям китайской стороны, по которым количество послов, купцов, охраны посольств не должно было превышать этой цифры. О приближении посольства к границе в день жэнь 5-й луны 19 года правления Цяньлун (24 июня 1754 г.) сообщено в приказе императора членам Военного совета. Цяньлун знал об общем содержании грамоты Даваци, о его предложении об установлении торговых связей, так называемой «даннической торговли», согласно договору, заключенному между Цинской империей и Галдан-Цэреном. Он имел информацию и о вражде, возникшей между Даваци и Амурсаной. Прекрасная осведомленность императора о джунгарских делах проявилась на переговорах с послом Дундуком. 24 июня Цяньлун объявил сановникам Военного совета о скором въезде на территорию империи посольства Даваци, а торговый караван должен был прибыть вслед за ним. Император не намеревался разрешать торговый обмен ойратам под предлогом того, что это разрешалось прямым наследникам Галдан-Цэрена – Цэван Доржи Намучжару и Лама-Дарчже [Гаоцзун шилу, 464, 8об –11]. Отменять готовящийся джунгарский поход, упустить удобный случай, когда цинские войска пополнились за счет ойратских князей, готовых двинуть своих людей против Даваци, император не мог. По прогнозам цинских политиков,



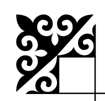
смута в Джунгарии утихнет не скоро, а вовлеченность в нее казахов могла создать в будущем потерю земель и другие непредвиденные осложнения.

Посольство Даваци во главе с Дундуком, как и рассчитывал император, прибыло в Пекин в июне 1754 г. В дворцовой хронике отмечено, что на аудиенцию 4 июля, состоявшуюся приблизительно через 10 дней, посла Дундука сопровождали министр Лифаньюаня Наяньтай и *левый шилан* Юн Бао. Император сказал Дундуку, что он наслышан о джунгарских делах и что посол, в целом, подтвердил имеющуюся у него информацию. Вся речь императора была пронизана возмущением по поводу того, что Даваци намерен провести поминальные службы в Тибете по убитому Лама-Дарчжой Цэвану Намучжару, на что он якобы не имеет никакого морального права. И как убийца Лама-Дарчжи, и, как узурпатор, сместивший пусть и незаконного, но отпрыска Галдан-Цэрена. Что, хотя Лама-Дарчжа в свое время также сел на трон не по правилам, он все же был ханским сыном, пусть и побочным. Даваци же является всего лишь одним из слуг правящего дома, взбунтовавшимся против законных хозяев – наследников. Император подчеркивал, что дом чоросов, совершивший противоестественные преступления друг против друга и против ойратов, вообще не имеет никаких оснований печься о распространении и укреплении желтого учения. Тем более, что по приказу Даваци лам принуждают расстричься и участвовать в его войнах. Суть высказываний Цяньлуна сводилась к тому, что какой-то варвар осмеливается на равных строить отношения с таким великим государством, как Цинская империя, и браться за глобальную задачу распространения и укрепления буддизма в регионе. «Мы, император, одинаково смотрим на внутренних и внешних (народов), не разделяя их на своих и чужих», – заявлял император, что означало одинаково заботиться о благополучии народов и соблюдении нравственных норм. Посол отвечал, что поголовного обращения лам к светской жизни не было, было лишь наказание отдельных представителей духовенства. Император возразил, что слухи о ламах все же не беспочвенны. Заметим в скобках, что Даваци требовал от *цзисаев* (религиозных уделов с монастырями, школами и крепостными) выставить людей для пополнения войска. Император обвинил хана в неискренности, что коль скоро он заботится о торговле, то написал бы об этом прямо, не связывая ее с вопросами паломничества и проведения царских поминок в Тибете. Между тем, эти вопросы были тесно связаны, так как пожертвования



шелками, чаем были неотъемлемой частью религиозных служб, они так и назывались *ао ча* (буквально – кипячение, настойка чая). А чай ойраты получали из Китая, не говоря уже о шелках, слитках золота и серебра. И это было прекрасно известно китайской стороне.

Затем император спросил посла, о чем просил Даваци передать ему устно. Дундук ответил, что все, что хотел сказать хан, он написал в своем письме. Цяньлун отвечал, что именно в письме сказано о том, что посол передаст его тайные слова. Не хотел ли он потребовать возвращения бежавших князей? Дундук отвечал, что хан велел ему завести речь об этом, только если его посольство будет встречено доброжелательно. Цяньлун вновь возмущенно продолжал, что три дэрбетских князя, недавно подчинившихся ему, не уступают Даваци в знатности. И он никогда не передаст их хану, даже если бы он и потребовал их официально. Что, если бы Даваци во время борьбы с Лама-Дарчжой попросил убежища у Китая, он бы точно также принял его. Даваци собирался бежать к нему за помощью, но его задержал Даши, сын дэрбета Цэрена-Убаши, поэтому Даваци бежал к казахам. Даваци захватил того в плен и казнил (заметим, что Цэрен-Убаши был вторым по знатности князем, перешедшим на сторону Цинов). «К тому же, – продолжал Цяньлун, – Даваци пренебрег милостями Галдана (Галдан-Цэрена – *К.Х.*), прервал потомственную нить, занял место законных наследников. Вот ты являешься его слугой, пользуешься милостями хана, разве тебя не мучают угрызения совести, разве ты можешь не стыдиться»? У Дундука прервалось дыхание, он сбился с речи. Наконец, собравшись с духом, он сказал: «Наставления великого императора подобны яркому лучу, нет ничего, что не было бы освещено ими, (они) проникают в самые темные углы (души). Что еще может сказать ваш покорный слуга?». Император на это промолвил: «В своем указе Мы полностью и ясно выразили свои повеления на вопросы, доложенные в письме Даваци. Вручишь его хану по возвращении. Сегодня Мы устраиваем прием в честь наших новых подданных дэрбетского князя Цэрена и других. Приглашаю тебя на банкет и театральное представление». Дундук поблагодарил за новое унижение и отбыл (из дворца)» [Гаоцзун шилу, 464, 18–21 об.]. Император недвусмысленно агитировал посла перейти на его сторону. Но Дундук оставался верным Даваци до конца своей жизни. Они вместе попали в плен, вместе подверглись унизительной для них церемонии преподнесения их императору среди трофеев и пленных на территории Запретного города и вместе были помило-

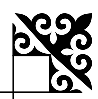


ваны. Это случилось всего через год и четыре месяца после визита Дундука в Пекин.

Император не раз заверял своих сановников, что вначале не думал карать Даваци вооруженным путем за его преступления. Позже Цяньлуну, в силу провала джунгарского похода, пришлось, по существу, отказаться от многих своих обвинений против Даваци. Император утверждал, что он якобы уступил просьбам многочисленных ойратских князей: дэрбетов Цэрена, Цэрена-Убаши, Цэрена-Мэнке, князей племени хойт – Амурсаны, племени хошут – Баньчжура, джунгар – Сарала и других менее знатных лиц. Даваци никогда не предпринимал никаких враждебных шагов против Цинской империи, напротив, он всеми силами старался не вызвать неудовольствия императора. Под натиском цинских войск он старался избегать столкновений, направил парламентариев к командующему со своим красным знаменем и выражением готовности отдать в заложники сына [Златкин, 1983, 291].

Даваци не удалось, согласно традиции джунгарских правителей, отправить духовное посольство в Тибет для проведения обряда *ао ча*, т. е. обряда поминовения предков и получения благословения Далай-ламы на свое правление. Не получил он товары для подношения священным храмам Цинхая и Лхасы. Не смог он связаться с монголами тех мест. Все это отвечало политике Цинской империи, вынашивающей планы завоевания Джунгарского ханства, заинтересованной в ослаблении власти и авторитета хана, усилении внутренней борьбы в стране. Поэтому Пекин принимал почти всех противников джунгарских ханов, как Даваци, так и предшествовавших ему двух ханов, выделял им пастбища на границе с джунгарскими владениями в Монголии и провинции Ганьсу. Он решительно отказывался выдавать противников Даваци под предлогом чувства гуманности и сожаления по поводу непрекращающегося кровопролития в Джунгарии. Цяньлун, как император великого государства, объяснял свои действия возложенной на себя моральной ответственностью за все происходящее под Небом. Он видел, что «...переплелись причины несчастья, бедствия и исчезновения государства и страны Дабачи-хана, а в действительности основы крепости возвышения всех султанов и нойонов Могулистана», – верно заметил Мухаммед Садр Кашгари [Асар ал-Футух, л. 59].

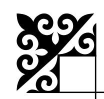
Даваци не ожидал скорого признания цинами своего правления. И все же, вторжение цинских войск в марте 1755 г. было для него



неожиданным. Он был занят отражением набегов казахов [Гаоцзун шилу, 487, 20–23 об.]. Возглавляли Западную и Северную колонну войск командующие из монголов: Баньди из рода борчжигит, приписанный к хошуну желтого знамени с каймой, и Сарал из племени джунгар, подчинившийся Цяньлуну в 1750 г. и приписанный к чахарскому хошуну с желтой каймой. Поход для обоих закончился трагически, Баньди был убит (по официальной версии того времени якобы покончил с собой, окруженный ойратскими повстанцами), а Сарал попал к ним в плен, но в 1756 г. сумел бежать. Находился в цинском заключении, оправдан и продолжил службу цинам до смерти в 1759 г. По приказу императора, портреты этих двух генералов были вывешены в Галерее славы Цзыгуангэ в императорской резиденции в Бэйхае в Пекине. Из ханьцев высокий пост занимал Оу Жунань, отвечавший за сбор исторических сведений о народах и землях, населяющих места, через которые проходили войска (он погиб вместе с Баньди), а также офицеры интендантской службы в Ганьсу, Баркуле и Улясутае.

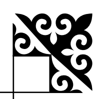
Дипломатия Даваци показывает, что она заключалась в том, чтобы сохранить ханство пусть и с территориальными, людскими потерями и политическими уступками. Он готов был признать свое военное поражение и зависимость государства от цинского императора. Но Джунгария пала навечно.

Кашгария все еще оставалась под властью Джунгарского ханства. Братья белогорские ходжи из Восточного Туркестана – Бурхан ад-Дин и Джахангир, находились в заложниках в Джунгарии со времен Галдан-Цэрена (ум. в 1745 г.). Нам неизвестно личное отношение к ним Даваци, китайские источники утверждают, что они были освобождены из кульджинского плена цинской армией в 1755 г. Следовательно, Даваци не доверял белогорцам, но продолжал доверять хакимам вилайетов Аксу, Уч-Турфана, Яркенда. Кашгар еще не помышлял об отделении от Джунгарии. В свое время Амурсана отправил своего посланца Нагэча в города-оазисы Восточного Туркестана, чтобы настроить их против Даваци. Для этого он должен был заинтересовать их экономически и политически. Политика привлечения правителей степи и городов к междоусобной борьбе джунгар создала основу для антицинской коалиции, отсрочила завоевание Джунгарского ханства на три года.



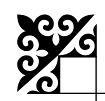
1.4.3. Битва за Кульджу в 1755 году

В исторической литературе довольно подробно переданы сведения о цинском походе в Джунгарию 1755 г. Участие в нем отрядов трех Цэренов, лично Сарала, Амурсаны, влиятельных зайсанов, уйгурских правителей помогло нанести Даваци сокрушительный удар. Но было бы ошибкой считать, что этот хан сдался, не оказав никакого сопротивления. Пропаганда Цяньлуна о бескровном захвате Кульджи была направлена на то, чтобы подчеркнуть поддержку монголов и самих ойратов и оправдать его «миротворческое» вмешательство в джунгарские дела с гуманной целью покончить с братоубийственной борьбой. Здесь уместно обратиться к сочинению уроженца Кашгара, кокандского ученого Мухаммад Имин Садра Кашгари о занятии цинскими войсками ханской ставки и битве за Кульджу, поскольку другого подробного описания пока никем не обнаружено. Здесь описывается переправа отрядов через реку Или: «… военачальник приказал подготовить большие доски и бревна, вынося их из рощи на горбах гороподобных верблюдов. Одним словом, воины приступили к выполнению тех важных дел и закончили их в два-три дня. Они связали по совету мастеров и наставников ремесел снаряжения из бревен друг с другом крепкими веревками и канатами и, наполнив большие бурдюки, привязали к тем бревнам, протянули понтон по воде и прикрепили два его конца к большим опорам. На ней получился деревянный мост в виде понтона, по которому легко проходили лошади и верблюды. Военачальник прошел через реку согласно приказу Иран-хана (богдыхана – *К.Х.*). Остальные эмиры, пройдя (по мосту), вступили на берег реки Илах (Или). После переправы через реку Или они подошли к перевалу и, переправившись через реку Текес, вступили в степь Хайхай. Они разбили военный лагерь приблизительно в одном фарсахе от стана Дабачи-хана. На рассвете… разведчики сообщили Дабачи-хану о прибытии неприятеля. Хан вынужден был сняться со своего места и дал бой в Уланг Касанге, расположенном у подножия горы. Китайцы тоже с этой стороны привели в порядок правый и левый фланги, авангард и арьергард своего войска. Внизу и наверху произошла встреча двух войск и состоялись бои (между) двумя рядами… Сражение длилось с утра до вечера. В полдень, что в действительности являлось (временем) заката счастья Дабачи-хана, когда исчез луч зрения от подсчета и видения лиц и когда стена мрака стала помехой между наблюдателями и человеческим глазом, ка-



мень раскола попал в стекло дома // его людей, непоправимый урон нашел доступ к его состоянию, и он, выпустив из рук из-за безвыходного положения, а не по воле, удила самообладания и твердости, склонил поводья в долину бегства. Он не знал куда (ему) идти. Под конец, свернув на путь к велайету Ардабил, ныне известному под названием Аксу, он попал в плен [Асар ал-Футух, л. 122–123]. Далее историк говорит о совете Даваци со своими сторонниками: «Во время бегства некоторые, расспросив и разузнав у Дабачи-хана, спросили: «Куда он хочет идти?» Он ответил: «Поеду в Аксу, где Ходжа Йусуф с братьями принадлежит к ученикам и воспитанникам моего отца. Там я пробуду в спокойствии несколько дней, пока мои разродившиеся и рассеявшиеся как звезды Большой и Малой Медведиц событиями времени поданные и сторонники, расслышав о моем здравии, не соберутся как ожерелье Плеяды и не присоединятся ко мне». Даваци не думал прекращать борьбу, он собирался выждать время и накопить силы на границе Восточного Туркестана. Верные Даваци ойраты советовали ему: «…крепостью и укреплением монголов является степной простор. Подходит (и) то, если мы прибегнем к защите казаха Абулай-хана. Отъезд величественного хана в Рум, Индию и Синд лучше, чем в Аксу. Мы изложили то, что пришло (нам), рабам, в голову, остальное – на высоком усмотрении правителя». Но,- продолжает сочинитель: «Поскольку рок (уже) миновал, то приятная речь сострадательных советников не пришлась по душе тому несчастному. Неблагодарный отказавшись от этого совета, сказал: «Я полностью верю и доверяю Ходжа Йусуфу» [Асар ал-Футух, л. 123 об. – 124].

Цинские военачальники решили обратиться за помощью к уйгурским религиозным правителям Восточного Туркестана. Они освободили братьев, потомков актаглык (белогорца) Аппак-ходжи из джунгарского плена и привлекли их на свою сторону: «…военачальник (цзянцзюнь Баньди – *К.Х.*) упрашивал его величество (ходжу Бурхан ад-Дина, посадив его на более почетное место, чем Амурсану – *К.Х.*) (говоря): «Дабачи-хан, который является давним недругом хакана, бежав из ловких рук победоносных войск, ушел в Ардабил. Он (рано или поздно) попадает в руки благодаря его величеству. Ни одна услуга Иджан-хану не стоит этого и он на всю жизнь будет благодарен за эту услугу [Асар ал-Футух, л. 123 об.]. Братья ходжи воспользовались этим обстоятельством, чтобы возвратиться на родину и попытаться вернуть с помощью Цинов власть в Восточном Туркестане.

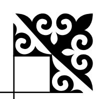


Бурхан ад-Дин отправил своих гонцов к Ходжа Йусуфу (Хоцзисы) с предложением задержать Даваци. Гонцы помчались, проезжая три перехода в один день, и достигли дома Хоцзисы раньше Даваци. Требование Бурхан ад-Дина развеяло все сомнения правителя Уч-Турфана и он решился забыть благодеяния семьи простодушного джунгарского хана и передать его в ставку командующего Баньди.

Дальнейшая судьба братьев ходжей была более трагичной, чем судьба Даваци. Но это уже другая страница истории падения Джунгарского ханства, рассматривавшегося Мухаммад Имин Садри наследником Моголистана. Амурсана, безуспешно пытавшийся стать правителем последней кочевой, погиб в скитаниях, «Амурсаеанан, другие вельможи и нуйаны утром и вечером в тиши и при людях замышляли об уничтожении и устранении Дабачи-хана, в действительности же своего дома» (Асар ал-Футух, л. 120 об.). А хан Даваци еще не допил до конца чашу позора и горести, он стал знатным пленником маньчжурской династии.

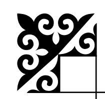
1.4.4. Плен Даваци

Летом 1755 г. под давлением цинских войск Даваци отступил в Кашгарию в Уч-Турфан, где был коварно выдан беком Ходжа Йусуфом цинскому командованию, а, точнее, его беспощадному врагу Амурсане. Дед бека в свое время получил власть из рук деда Даваци – полководца Цэрена-Дуньдобу, отец дружил с отцом Даваци, бывшим его покровителем. Но бека также снедало честолюбие, он не желал оставаться хакимом маленького вилайета, он хотел править всеми городами Южного Притяньшанья. Кашгарский ученый написал обстоятельства пленения Даваци. Когда слуги Йусуфа ходжи окружили Даваци и стали стаскивать его с коня, – пишет он, – «Лубджа Нуйин, его сын, узнав об этом событии, вынул меч из ножен и как лютый зверь и могучий лев напал на них, совершил атаку и сказал слово по-монгольски, которое означает «Придержи руку»! Поскольку представители рока и судьбы сделали свое дело, то от его смелости и храбрости ничего не получилось. Окружив его со всех сторон и заковав, загнали в сеть плена» [Асар ал-Футух, л. 123 об. – 124]. Маньчжурский ученый Ци Юньши также отметил смелость сына Даваци: «В 22 году (правления Цяньлун) мусульманский отряд в 500 человек из Гуачжоу и Хамийские войска достигли Или (Кульджи – *К.Х.*). Даваци перевалил через вершину Кулук отрогов Гэден (шаня – Кет-



мень, в уезде Чжаосу ныне Или-Казахского автономного округа СУАР КНР), а командующий Северной колонны войск, устанавливающих границы, генерал Баньди, направил посланцев (в Восточный Туркестан с просьбой), чтобы перехватить его. А возглавлявшему уйгурский отряд из Уши Хоцзисы беку приказал расположиться в ущелье. Хоцзисы – (имя вставлено в текст рукописи другим знаменитым цинским ученым Чжан Му, который читал рукопись Ци Юньши и делал свои правки. – *К.Х.*) разведал, (что) Даваци намеревался отступить в Кашгар и спрятал свой отряд за городом Уши (Уч-Турфан. – *К.Х.*), а для встречи Даваци отправил своего младшего брата с вином и (свежими) конями. Приближенный (Хоцзисы) главный начальник его охраны (по имени) Салигчжон, поприветствовал (джунгарского хана) и стал торопить его спешиться. Даваци схватил свой лук и натянул его. Саличжон (успел) перерезать тетиву. Сын Даваци Лобучжа, прискакавший за отцом, трижды ударил (Саличжона) в плечо и ранил (его). (Джунгаров) схватили и повалили (на землю). Даваци, его сына и более 70 следовавших (за ними людей), взяли в плен (чтобы) передать (нам). Спешно отправили гонца с вестью. (Джунгаров) повезли под конвоем из 500 воинов, встретили (пустившийся преследовать Даваци цинский отряд) на Музарте и передали их представителям цинских войск). (Хоцзисы) отправился в Или, (чтобы оттуда выехать) на аудиенцию императора. Его старший брат Абудубек оповестил (об этом) Яркенд, Кашгар, всех *баоцинов и кипчаков*» [Бао Вэньхань, 1997, 249–250]. Таким образом, кокандский и цинский источники подчеркивают отвагу сына Даваци. Хану в то время было около 32 лет, судите сами, сколько лет было его сыну. В любом случае, он был подростком не старше 15 лет.

Мусульманский хронист строго осудил поступок Хоцзисы: «Говоря по совести, все эти великодушия и благодеяния, которые исходили со (стороны) отца вышеназванного, требовали того, чтобы Шарафаддин-ходжа Йусуф-бек за это придерживался пути благодарства и человечности, воздержался и отказался от неблагодарности за милости, которая присуща подлым и низким (людям). Однако, из-за корыстных представлений и дьявольских соблазнов, вследствие преобладания алчности и волчьей жадности он, уклонившись от требования «Есть ли воздаяние за добро, кроме добра?» и предав забвению долги Джарандундуку (Черендондук) за воспитание, средства и добро, взялся за дело, которое не соответствовало ни благородству, ни мужеству, (это) результат того, что турфанские эмиры были людь-



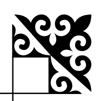
ми завистливыми и вероломными, из плода дерева, уповающего на бога, без доли: их характер подчинения всегда основан на гордости и надменности: они уклоняются от правильных, чистых законов султанов ислама и хаканов неверия, желание их следования по верным путям и различным верованиям вместе с разными правителями и царями не имело ясности, а они (сами) как неблагодарные – благодетеля. Под конец злополучие неблагодарности за милость стало касаться и заботиться о жизни турфанских эмиров и рок - спорщик наказал их за неправильные поступки…», – высокопарно заключил сочинитель [Асар ал-Футух, л. 124 об.]. Очевидно, кроме Хоцзисы автор намекал также на турфанского Эмина Ходжу (ум. в 1777 г.), который присоединился к войскам под командованием Баньди во главе отряда из 500 турфанцев. А в 1758 г. руководил из Яркенда тайной операцией по поимке братьев ходжей в Бадахшане.

Хоцзисы (Ходжасы, Шараф ад-Дин Ходжа-Йусуф) был в то время по милости джунгар хакимом города Уч-Турфана (в китайских источниках – Уши). Его предки являлись уроженцами Турфана [Синьцзян лиши цыдянь, 1996, 729]. Годы жизни – 1710–1781 гг. Отец Хоцзисы Ходжа в 1720 г. подчинился джунгарам и с тысячью своих подвластных переехал сначала в Карашар (совр. Яньци), а затем в Уч-Турфан. Теперь, по приказу хакима последнего джунгарского хана и других пленников заковали в цепи и под конвоем отправили в ставку цинских войск на Или. После трех месяцев допроса, их привезли на площадь Тяньаньмэнь для совершения обряда передачи пленников и трофеев джунгарской войны.

1.4.5. О жизни хана Даваци в неволе и судьбе его детей

Сведения о жизни в неволе из архива Палаты по делам зависимых земель (Лифаньюаня) привел цинский историк Ци Юньши. Сначала джунгарский хан, его дети и сторонники прошли через унизительный церемониал публичного унижения *сянь фу ли* – передачи пленников на суд императору.

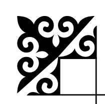
Цинские императоры восприняли этот обряд от императоров ханьской династии Мин и проводили его в Запретном городе в Пекине. После завершения военных кампаний и подавления восстаний знатных пленников доставляли в столицу. Здесь их казнили или миловали. Так же поступили с джунгарскими, уйгурскими и другими противниками Цинской империи. Император перед этим постил-



ся и молился несколько дней. В день уу 10 луны 20 года правления Цяньлун (21 ноября 1755 г.) была проведена церемония передачи на суд императора джунгарского хана, его сына Лобучжа, родственников и приближенных. На церемонии огласили повеление Цяньлуна не передавать их в руки Ведомства наказаний для казни, а передать Лифаньюаню – Палате по делам зависимых земель. Чиновник этого ведомства, преклонив колена, получил письменный приказ, а пленников закованными и связанными вывели через западные ворота Небесного спокойствия (Тяньаньмэнь). Более ста сановников и чиновников, рядами стоявшие от Ворот полуденного спокойствия (Умэнь) до ворот Небесного спокойствия, коленопреклоненно принялись поздравлять императора и друг друга с великой победой [Гаоцзун шилу, 499, 7об. – 8].

В августе того года соратник и родственник, смертельный враг Даваци – Амурсана уничтожил все командование войск Западной колонны во главе с Баньди, взят в плен командующий Северной колонной – Сарал. Но затем Амурсане вновь пришлось отступить в Казахстан. Джунгарский поход цинов 1755 г., начавшийся столь успешно, полностью провалился. В такой ситуации, отношение Цяньлуна и Военного Совета Цинской империи к Даваци несколько смягчилось. Он мог пригодиться в борьбе против Амурсаны и Абылая, давшего ему не только приют, но также материальную и военную помощь.

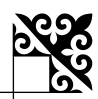
Император Цяньлун женил Даваци на маньчжурской принцессе и присвоил ему титул зятя князя 1-й степени *циньван* (doroi efu qinwang — маньчж. язык). Слово «эфу» означает на кит. яз. «пристяжная лошадь», так называли зятьев маньчжурского императорского рода, а также мужей их старших сестер. Однако официально *эфу* могли называться также мужья аристократок, удочеренных императором перед выдачей их замуж за монгольских князей. Даваци был родом из семьи джунгарских ханов, т.е. тайджи (султан – на каз. языке). Именно это подчеркнуто в указе императора о его помиловании и присвоении ему титула. Однако, превалирующими были политические причины. Бывший союзник, а затем соперник Даваци Амурсана – хотохойтский князь, имевший двойной титул *циньвана,* осенью 1755 г. начал неравную борьбу с Цинской империей. Поэтому такой крупной политической фигуре, как Даваци предназначалось не последнее место в деле покорения Джунгарии. Оставив его в живых, Цяньлун привлекал на свою сторону сторонников хана, других джунгар. Он мог пригодиться также для устройства будущей Джунгарии в соста-



ве Цинской империи. Даваци не был столь хитрым и коварным, как Амурсана. Мусульманский сочинитель Мухаммад Имин Кашгари, цинский император, казахские феодалы – все отмечали его благородство. Кажется, в плену он ни словом, ни делом не запятнал своей репутации. Нет ни одного серьезного факта о том, что хан предался цинам, дабы сохранить жизнь себе и своим сыновьям. Но жизнь его неожиданно прервалась.

Даваци умер в Пекине, находясь под бдительным надзором Лифаньюань, двора и лично императора. Это случилось не позже 12 луны 24 года правления Цяньлун (18 января – 16 февраля 1760 г.), причина смерти и место захоронения не известны. В указе императора, приведенном в рукописи сочинения Ци Юньши, хранящемся в Пекинской библиотеке, говорится: «Ойрат цинван Даваци являвшийся тайджи Джунгарии был захвачен в плен и выдан (нам). Мы (император), принимая (во внимание то, что он) относится к внешним вассалам, простили его преступления, пожаловали ему титул. С тех пор, как удостоился нашей милости, он состоял близ нас при нашей свите, был усерден. (Он) действительно относился к искренним людям. Ныне (Даваци) скоропостижно скончался, (что вызывает наши) сожаление и скорбь. Выделяем для (его) похорон тысячу лянов серебра, а его старшему сыну Лобучжа позволяем наследовать титул цзюнь вана» [Бао Вэньхань, 1997, 221]. Но выше говорилось, что Даваци в неволе присвоили титул князя первой степени – *цинь ван*, а *цзюнь ван* – это титул князя второй степени. Титул сыну понизили согласно приказу о постепенном понижении их степени с каждым поколением наследников бывшего джунгарского хана. Даваци вначале присвоили титул *цзюнь вана* с правом наследования, а затем его повысили до степени *цинь ван* без права наследования. Император подчеркивал честный нрав Даваци и тот факт, что он не предпринимал враждебных действий против Цинской империи. Он лишь участвовал в междоусобной борьбе джунгар, что присуще обычаям варваров. Даваци лишь просил одного своего верного человека помочь захватить и наказать Амурсану. Более от него цинский двор ничего не добился. Даваци реально оценивал свои возможности и положение, в котором оказались его страна, народ и он сам. Он давно привык глушить боль и тоску алкоголем, все это вместе ускорило его смерть.

У Ци Юньши находим сведения о потомках Даваци. В 1783 г. сановники Лифаньюаня подали доклад императору о лишении титула

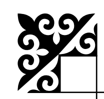


бэйле и других привилегий ойратского князя по имени Фурна, внука Даваци. На это последовал указ Цяньлуна: «Дедом Фурна является Даваци, по происхождению (он) крупный джунгарский тайджи. Во время покорения Джунгарии он (Даваци) был взят в плен и передан нам. Мы (император) проявили к нему чрезвычайную милость, пожаловали княжеские титулы (*цзюнь ван* и *цинь ван* – уточнение Чжан Му – *К.Х.*). Его старшему сыну Лобучжа понизили степень и оставили наследственный титул *цзюнь вана*, но за несоблюдение им (наших) законов была подана докладная о лишении его этого титула. Второму сыну Даваци Фунаси (Фучуньси) снизили княжеский титул еще на одну степень, он наследовал титул *бэйле*, но за нерадивость и лень, за «дикие поступки» он также был лишен этого титула. Так как сын Лобучжи получил наследственный титул *бэцзы,* после обнаружения недостатков, мы сами хотели понизить степень его титула. Считаем однако, что Даваци был крупным наследственным джунгарским тайджи, нам невыносимо, (что его потомки останутся без титула/. Поэтому, проявляя милость, (повелеваем) Фурна получить наследственный титул *бэйцзы* без права его понижения» [Бао Вэньхань, 1997, 232]. Ци Юньши считает, что благодарные джунгарские князья навечно останутся преданными слугами династии, не будут совершать против нее враждебные действия. Ойраты потеряли независимость и вошли в общую систему управления вассальными владениями Цинской империи и были приравнены в правах с правителями внутренних монгольских *чжасаков.*

По описанию цинских источников, Даваци был крупным человеком, с окружностью груди в 20 вершков (каз. язык - *карыс*), с лицом – как большое блюдо. У него был внушительный вид, важная поступь, всем своим обликом он украшал свиту и придавал блеск окружению императора.

Император повелел нарисовать портрет Даваци в пожалованном ему халате маньчжурского сановника. Портрет Даваци кисти д'Аттире хранится в Берлинском музее этнографического искусства [см.: Духовная культура Китая, т. с., а также ИК в РИ, т. 3, 2005, вкладыш перед стр. 421; ЭНКЭ1].

Джунгарское ханство исчезло с карты Азии. Но его славная история и имена достойных ойратских сынов не исчезли без следа. Наиболее ценные из сведений дошли до нас благодаря историческим материалам двух соседних великих держав, а также персоязычных историографов Центральной Азии.



2. МЕЖДУ ДВУХ ДЕРЖАВ

2.1. Внешняя политика и дипломатия ханов Абылая, Вали и Губайдуллы

2.1.1. Так где же был поднят Абылай на белой кошме?

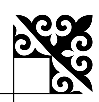
Деятельность Абылай хана была направлена на сохранение Казахского ханства в новых исторических условиях. Джунгарское ханство исчезло с карты, Калмыцкое ханство стояло перед угрозой исчезновения. Политическое давление двух держав на Казахское ханство приняло открытые формы, также явственно проявилась конкуренция между ними за влияние на его властителей. Хану приходилось прилагать усилия и дипломатические маневры для сохранения политического баланса между великими северным и южным соседями. Одновременно, его не оставляла мысль овладеть одним из среднеазиатских городов, не обостряя отношений с исламским миром.

Вокруг имени Абылая создано множество мифов, виной тому – неясные страницы его биографии, начиная от происхождения до смерти. Он лично был заинтересован в сокрытии темных сторон своей жизни и способствовал распространению благоприятных для себя слухов и мнений. Поэтому имеется несколько версий о местности, где это произошло, а также появление мифа об избрании его в Туркестане представителями всех трех жузов.

Абылай был поднят на белой кошме и событие это напрямую связано с его набегами на волжских калмыков, возвращавшихся в пределы бывшего Джунгарского ханства в 1771 г. Его сторонниками это преподносилось как награда за вклад в деле ослабления джунгар и пресечения возможности восстановления их ханства. Калмыки по приглашению цинских властей решили возвратиться на старые ойратские кочевья. На эти же кочевья претендовали казахи, занимавшие, легально и нелегально, привольные пастбища по рекам Иртыш, Или, отрогам Тяньшаня, Тарбагатая и Алтая.

Исходя из этого неоспоримого факта, следует искать местность, на которой он был провозглашен ханом.

Перед откочевкой калмыки провели ряд отвлекающих маневров, затеяли конфликт с соседними казахскими аулами, чтобы ввести в заблуждение оренбургские власти. Затем перешли Яик под предлогом мести казахам и ушли в степь. Оренбург призывал хана Нурали

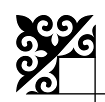


преследовать откочевавших и помочь возвратить их обратно. Но хан Младшего жуза с этой задачей не справился и срочно направил курьеров к султану Абылаю с просьбой задержать калмыков, когда они вступят на земли родов Среднего жуза.

Цинский император Цяньлун задолго до этого просил Абылая помочь калмыкам в их безопасной откочевке к низовьям реки Или и верховьев Иртыша до первых цинских караулов. Абылай, судя по его действиям, преследовал остатки калмыков до территории родов Старшего жуза, а как только они вступили в Семиречье, прекратил нападения, распорядился привезти им бурдюки с водой и пищу. По приказу императора командиры пограничных гарнизонов направляли офицеров на разведку к казахам, чтобы получить сведения о калмыках и предотвратить нападения на них казахов. Поведение Абылая как всегда было двойственным, с одной стороны он не предотвращал набеги на калмыков, а с другой - делал вид, что выполняет просьбу цинского императора о покровительстве калмыкам. Исторические сведения весьма противоречивы. Можно лишь предположить, что на территории не доступной отрядам цинских гарнизонов он поощрял нападения на отступавших калмыков. Когда же они с большими потерями достигли Семиречья, он вдруг стал оказывать им помощь. Известный исследователь жизни и деятельности Абылая К. К. Абуов более склонен к тому, что султан откликнулся на просьбу калмыцких вождей, руководивших откочевкой способствовать их безопасному удалению из казахских степей [Абылай хан. Энциклопедия, 2013, 31]. Калмыки Убаши хан и батыр Бамбар поддерживали постоянную связь с Абылаем, как и власти Илийского края.

Но его сторонники, а также послушные ему акыны-пропагандисты начали воспевать подвиги хана и других батыров в боях с калмыками. Эти временные союзники, казахские предводители, сарбазы и туленгуты Абылая, довольные добытыми калмыкскими трофеями (олжа) решили титуловать его давно желаемым титулом «хан». Иначе говоря, признать права не только на командование ополченцами, выставляемыми старшинами, но и на их полное повиновение и на саму их жизнь.

Одни говорят, что это историческое событие произошло у озера Теликуль, принимающего воды Сарысу (Андреев и за ним др. исследователи). Сарысу традиционно служила границей между землями трех казахских жузов и границей влияния Джунгарского ханства в период его могущества и таковым было объявлено и цинской династи-



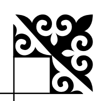
ей. Другие указывают стойбище близ Иртыша. Сторонники Абылая везде разглашали, что избрание произошло в священном для казахов городе Туркестане. Абылай писал императрице Екатерине II, что он был избран ханом представителями всех трех жузов, а традиционный ритуал был произведен в Туркестане [КРО 1, 87]. Проблематично было бы избираться в этом городе, так как семья Абулмамбета не могла отказаться от своих законных прав на ханство. На церемонии избрания на ханство не присутствовали те батыры, которые указываются некоторыми акынами, а вслед за ними рядом казахских ученых, среди них: каракерей Кабанбай (ум. в 1770 г.), канжыгалы Богенбай (1775(?)/1778), Богенбай Кожек улы (ум. в 1759 г.), басентиин Малайсары (1756 г.), шакшак Жанибек тархан (ум. в 1752 г.), аргын Канай (ум. в 1780 г.).

Санкт-Петербург, наученый опытом общения с Абылаем, не мог полностью поверить этому его утверждению. Так как последние годы ханы выбирались лишь ближайшими сторонниками, пускающими в ход интриги и использующими элемент неожиданности. Вскоре о политических играх стало известно правительствам Российской и Цинской империй. Обе державы признали Абылая ханом лишь Среднего жуза, а во избежание сложностей именовали его просто «казахским ханом». Россия по разным причинам тянула с утверждением ханского достоинства Абылая около 8 лет, т. е. фактически все время его правления. А патент Абылай так и не увидел до конца своей жизни. Цинская империя принимала послов ханов Нурали, Каипа как самостоятельных правителей, не зависящих от Абылая.

В казахских героических песнях приводятся предания о подвигах Абылая и других батыров в схватках с калмыками. Они воспеваются почти в тех же словах, что и подвиги периодов джунгарско-казахских войн в первой половине XVIII в. Среди сарбазов упоминаются батыры Старшего жуза: Кашке из рода шапрашты и др.

2.1.2. Ойратские родственники Абылай хана

О казахско-джунгарских отношениях написано немало, еще больше воспето подвигов предводителей казахов как белой, так и черной кости, проявленных в войнах с западными монголами. Эти народы связывало многое кочевой образ жизни, дисперсно-контактное проживание по долинам одних и тех же рек и склонам одних и тех же гор. Правильнее было бы называть западных монголов, говорящих



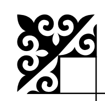
на диалекте, обогащенном тюркизмами, не джунгарами, а ойратами. Джунгары были всего лишь одним, и не самым большим, из четырех крупных родоплеменных объединений, их правители происходили из рода чорос. Этнический состав народов никогда не был однородным и прежде, в течение веков происходили процессы монголизации и тюркизации некоторых родов.

В XVII–XVIII вв., особенно в трагические для ойратов времена, население Казахского ханства значительно пополнилось за их счет. Ойратский компонент в социуме, его социально-политическое место и роль привнесли новые краски в жизнь, во внешнюю и внутреннюю политику степных властителей, в их дипломатию. Казахскую и ойратскую аристократию связывали родственные узы, мифически ведущие с гуннских времен. В XIII в. предком казахских ханов почитался первый сын, а ойратских – родной брат Чингисхана.

В XVII–XVIII вв. не прерывались также брачные союзы, а во время междоусобиц и разгрома Джунгарского ханства во многих казахских белых и черных юртах нашли приют ойратские беженцы, невольники и невольницы.

В восточных обществах с них сложной родоплеменной структурой значение родственных связей трудно переоценить. Иерархия родственных отношений в их языках (также в китайском языке) выражается очень четко и лаконично. В казахском языке, к примеру, для обозначения многочисленных родственников существуют отдельные слова, по которым сразу понятно, кто из них младший, а кто – старший, кто является родственником со стороны матери, а кто – со стороны отца, и т. п. В русском языке приходится прибегать к дополнительным пояснениям. В недавнем прошлом отношения между кочевыми родами и племенами четко регламентировались и влияли на стратификацию и соблюдение норм поведения каждым индивидумом. Брачные союзы между семьями в кочевом обществе понимаются гораздо шире и отражаются на общественных отношениях намного сильнее. Не будет преувеличением сказать, что они не стираются из памяти последующих поколений, налагая отпечаток на менталитет народа.

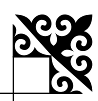
Родственные отношения связывали все правящие дома казахских кочевников. Правители и их правопреемники обращали особое внимание на выбор старшей жены, главным предпочтением были не она сама, а ее род и племя. Да и последующие жены избирались отнюдь не случайно. У богатых казахов с их многовековым традиционным многоженством, помимо старших и официальных младших



жен, были наложницы, рабыни. Женщины, доставшиеся в числе военных трофеев (олжа), как и угнанный скот, считались законной добычей, на которую никто не имел права посягать.

У хана Абылая (ум. в 1780 г.) калмыцкие (ойратские) жены составляли большинство. Их было больше, чем у кого бы то ни было. И это не могло не влиять на его личную жизнь, накладывать отпечаток на разные стороны его деятельности. Мы уже отмечали, что двор Абылай хана отличался от двора и аулов его предшественника Абулмамбет хана большим этническим разнообразием. Большинство ойратских жен были взяты султаном в плен в 1755–1759 гг. Можно предположить, что среди них были представительницы племен царского рода чорос, а также знатные женщины и простолюдинки непосредственных соседних родов хойт, дэрбет, торгут. Абылай высоко ценил грамотных и воинственных родственников своих жен: их родных и усыновленных детей, отцов и братьев. Об этом свидетельствует предания и источники на русском и китайском языках.

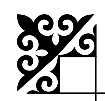
В 1741 г. Абылай оказался, можно сказать, в почетном плену у Галдан-Цэрена (ум. в 1745 г.). Это, по-видимому, произошло в промежутке с февраля по май 1741 г., ибо на это время приходится вторжение войск Септеня и Лама-Доржи в казахское Прииртышье. Освобожден из плена в августе- сентябре 1743 г. В плену султан обрел жену и побратима – хойтского князя Амурсану. В то время Абылаю исполнилось 30 лет и эта жена, казалось бы, не могла быть первой. Русские источники называют ее «большой» женой. Она была сосватана султану самим ойратским ханом, что, конечно, поднимало ее статус до уровня старшей жены. А, с другой стороны, не удивительно, если личная жизнь Абылая не была устроена – в связи с его скитаниями, военными набегами, служением Толе би, хану Абулмамбету. По другим, русским же сведениям, байбише Абылая и матерью его преемника была каракалпачка по имени Сайман. Годом рождения Валисултана большинство исследователей называют 1741-й и неясно, родился ли он до плена Абылая, или во время пребывания султана в плену, длившегося минимум 28 месяцев. Здесь также стоит задуматься над тем, что за первенца Абылая можно принять султана Габбаса – на основании того, что именно ему императором Цяньлуном присвоен титул «гун», что означало признание им наследника казахского трона. Которая из жен была его матерью, сегодня неизвестно. Мы также не знаем ни имени женщины, сосватанной Галдан-Цэреном за Абылая, ни ее национальности. Есть, правда, разноречивые сведения об ее



отце. Его звали Кенже сарт (Кинзя сарт). Имя тюркское, но это ничего не значит, так как тюркские и мусульманские имена у ойратов были не редкостью. Где-то упомянуто, что Кенже сарт (Кенжесарт?) принадлежал к племени найман. Вторая часть его имени, «сарт», может быть приставлена для отображения его этнической принадлежности к узбекам, каракалпакам, уйгурам или таджикам. В те времена сартами называли тех, кто проживал в городе, занимался торговлей и земледелием. Султан в молодости жил среди сартов, его самого недоброжелатели также называли сартом. Но это – другая тема для разговора. Нельзя исключать, что тесть Абылая был выходцем из ойратской семьи, проживавшей среди среднеазиатских народов, перенявшей их образ жизни и имевшей торговые связи с городами региона, и намеренно выдавался за казаха племени найман.

Торговцем Кенже сарт был не мелким, поскольку хан ойратов знал его лично. Галдан-Цэрен всегда заботился о поддержании торговли с Россией и среднеазиатскими ханствами. Несомненно, Кенже сарт выполнял поручения Галдан-Цэрена политического характера и, как все крупные торговцы, помогал ему финансами и оказывал услуги. Путь к среднеазиатским и русским пограничным городам лежал через казахские земли. Безопасность посольских и торговых караванов во многом зависела от доброжелательного отношения правителей транзитных территорий и от их посредничества. Такого человека Галдан-Цэрен намеревался найти в лице Абылая, провожая его от себя как гостя. Он также стремился уменьшить влияние России на ханов Абулхаира, Абулмамбета и вассалов Абулмамбета – Барака и Абылая. Вспомним, что Абылай принял подданство России вслед за своим сюзереном всего за год до плена. После этих двух событий в его жизни Абылай становится заметной личностью в казахском государстве.

В 1763 г., через 22 года, Абылай по личной договоренности с цинским императором проводил Кинзя сарта в пяти кибитках с женами, детьми и скотом в Илийский край: «… и для верности прислал он, Аблай, к нему китайскому владельцу в аманаты болшой ево, Аблаевой, жены отца найманского рода киргисца Кинзябатыря, ево родственника, которой наперед сего при жизни зенгорского владельца Галдан-Чирина в великой милости и знатности находился и потому китайскому владельцу он, Кинзя, (знатен), коему де обещает давать в год жалованья по пятисот ланов, то есть, по тысяче рублев в год…» [ЦИКХ 2, 44]. Абылай отправил тестя в июне 1763 г. вместе с посоль-

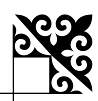


ством к Цяньлуну во главе с султаном Урусом и с возвращающимся от него цинским посольством и охраной. К этому посольству присоединилось также первое посольство Нурали хана, его брата Ерали султана и хана Хивинского ханства. На территории Китая к ним присоединилось посольство афганского Ахмад-шаха [см. ж. «Мысль», 2013, №11, с. 39]. Это стало крупным событием в международных отношениях Казахского ханства. Кенжесарт являлся лицом, облеченным большим доверием Абылая, его представителем в Синьцзяне.

Возможно, некий Кинзя-кара, который ездил курьером из Или и обратно, являлся одним из сыновей тестя Абылая. Русские называют его бухаретином, что также означает: мусульманин, сарт, выходец из Средней Азии или Кашгарии (Большой и Малой Бухарии).

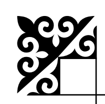
В следующем году синьцзянские шурины связались с Аблаем, они не советовали ему приезжать на встречу с цинским наместником. Начальнику Троицкой крепости в 1764 г. доложили, что «…китайские генералы живущие в новозаведенных (крепостях) на разоренной калмыцкой земле, советуют тайным образом, чтоб Аблай-солтана позвать к себе, якобы для свидания. Однакож-де чрез находящихся в той китайской земле Кинзи сарта детей, а Аблай-солтана родных шурьев (шуринов. – *К.Х.*), тайным же образом чрез приезжающих и торгующих киргис-кайсак оной солтан уведомлен, чтоб на зов китайских генералов не ездил, а ежели-де приедет, то сам погинет и его жительство разоритца» [КРО 1, 669].

В составе (а фактически, во главе) посольства Абылая в Китае в 1757 г., состоящем из 12 человек, был некий старшина Умор (Умер, Умертай). После возвращения из Пекина стали известны некоторые обстоятельства казахско-цинских переговоров. Умор, не посоветовавшись с другими послами, сообщил императору Цяньлуну, что Абулмамбет хан и Абылай султан приняли подданство России несколько лет тому назад. На вопрос императора о том, могут ли казахи выступить против России, Умор якобы ответил: «киргисцам (казахам. – *К.Х.*) ни в каком случае противо России возставать неможно, и боде они ея императорского величества государыни российской назад тому уже лет с тридцать (так в тексте! – *К.Х.*) подданными находятся и к тому де весьма близко к России кочуют, да таким де малым людем все они киргизцы во всякие между знатными государствами ссоры и мешаться очюнь недолжно, из-за чего де он богдыхан больше того уже и не требовал» [ККД, 122/1,1758, д. 4, л. 215-216]. (Секретный доклад генерал-майора Тевкелева и коллежского советника Рычкова



от 27 авг. 1758 г.). Почему заявление Умора явилось неожиданностью для других членов посольства? Мы можем только гадать, поступил ли Умор на основании инструкции Абылая, но выразил его мнение он точно. Это посольство привезло в Пекин список знатных казахов из 60 человек, составленный без ведома многих из них и под давлением командующего цинскими войсками на границе. Он стремился закрепить военное поражение Абылая и Абулфеиза и объявить полное подчинение казахских феодалов династии. Теперь эта операция срывалась. Абылай не наказал Умора за «оговорку» и продолжал использовать его для дипломатических связей с Китаем. Китайские документы вносят некоторую ясность в биографию этого доверенного лица Абылая.

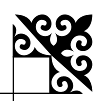
В 1762 г. Умор оказался в составе посольства Абылая во главе с султаном Даулеткереем (Дулаткереем). В своем письме к императору Цяньлуну Абылай просил выдать ему ярлык на ханство, скрепленный печатью, а также разрешение поселить Умора в Илийском крае. В ответном послании императора от 30 сентября сказано: «В своем послании ты говоришь об Уморе, одном из членов посольства, который раньше проживал в Или. Он хочет вернуться и вновь устроиться (в том крае, при этом) иметь свободу передвижения. Решили исполнить и эту (твою) просьбу. Милостиво жалуем Умору звание цяньцинмэнь шивэя (офицера дворцовой гвардии). Разрешаем временно вернуться (в Казахстан), (чтобы) он смог привезти свою семью. Отдельно выдаем Умору и его младшему брату на дорожные расходы слитки серебра. Приказали осведомить тебя об этом. Специальное повеление!» [Цин Гаоцзун шилу, 668, 13–14: ПЧФС 18, 5–6 об.]. 5 октября 1762 г. издан приказ императора о выдаче Умору слитков серебра для переезда в Или. Однако, хотя император испытывал необходимость в службе Умора, уважал его за откровенность, но все же не мог полностью избавиться от подозрений. Через несколько дней, 12 октября, он приказал Илийскому генерал-губернатору Агую тайно собрать сведения об Уморе: «Также повелено. Среди послов Абулая, представленных Нам на аудиенции, был некий Умор. (Он) вручил прошение Абулая, (в котором) говорится о желании Умора переселиться на жительство в Или. Абулай ходатайствует за него. (Мы лично) расспросили Умора, он действительно искренно хочет переселиться в Или вместе со всей своей семьей. Мы приказали произвести его в Цяньцинмэнь шивэи и велели сообщить об этом Абулаю. Умор доложил, (что) он хотел бы выехать из Казахстана в 3 луне будущего



года и просит илийского генерал-губернатора командировать туда соответствующего служащего, чтобы провезти его (в Или). Повелеваем передать Мин Жую, (чтобы) тот отобрал несколько ойратов, знающих казахский язык и отправил их к нему, когда потребуются.

По словам Умора, он родился и вырос в Или, скучает по родным местам, такое бывает. Но (возникает) вопрос, если его старшая сестра замужем за Абулаем, к чему ему переселяться? Или они (казахи) надеются, что после переселения Умора в Или, если они надумают переходить границы и кочевать (на нашей стороне), тот сможет известить их заранее о готовящихся операциях по их выдворению? Вполне возможно. Однако, это одни предположения без основания. Предположим, он (Умор) действительно сможет передавать вести (Абылаю), но из Казахстана (к нам) перебежало много ойратов, разве возможно принять меры предосторожности от каждого из них? Мин Жуй должен понять наши (опасения), скрытным образом проследить (за Умором), (чтобы никто этого не почувствовал»). [Гаоцзун шилу, 669, 10 – 11: ПЧФС, 18, 10 об. 11 об.]. Очень скоро – 19 декабря 1762 г., учитывая расстояние между Или и Пекином, а также время на сбор информации, получен доклад Агуя: «Получив приказ о выяснении причин желания члена казахского посольства Умора переселиться в Или(йский край), приказал шивэю Шитуну съездить к его знакомым ойратам. Они сказали, что Умор является ойратом. Его отец во времена Галдан-Цэрена подстрекал на набеги на казахов и всегда враждовал с ними. Так как (Умор) является младшим братом жены Абулая, тот специально назначил его в посольство, (чтобы) спасти (ему жизнь). Сведения эти совпадают с изложением обстоятельств Умора в докладе Абулая, с его желанием защитить (его от мести). Но казахи вызывают большие подозрения, опасаемся, из-за возвращения Умора в Или, как бы они не напали на него в пути. Предполагаем в 3 луне будущего года направить людей для того, (чтобы) они привезли его в Или. Пользуясь тем, что Абулай прислал письмо, (они поедут) под видом доставки ответа (на его письмо»). *Доклад выслушан императором»* [Гаоцзун шилу, 674, 4–5: ПЧФС, 19, 9–10 об.]. К сожалению, в документе не указаны ни имя, ни возраст младшего брата Умора, как, впрочем, и возраст его самого.

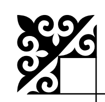
Цинское правительство через пять лет после уничтожения Джунгарского ханства и безжалостного преследования ойратской знати объявило всем беженцам амнистию и призвало их возвратиться на родину. Оно решило заселить опустевший край, многие районы



которого за эти годы явочным порядком освоили казахские кочевники. Во время преследования ойратов многие казахские владельцы, чтобы избежать давления цинов и сохранить жизнь ойратским родственникам и толенгутам, объявляли их казахами, принимали их в ислам. Это делалось равно и для того, чтобы спасти их от мести своих казахов. Когда цинский двор кардинально изменил свою политику в отношении уцелевших ойратов, некоторые из них решили возвратиться, пользуясь предоставленными с цинской стороны льготами. На первых порах тем, кого брали на службу, выдавалось денежное пособие, для знати оно было намного выше помощи рядовым скотоводам. Ойратов распределяли по гарнизонам, почтовым и военным станциям, наделяли скотом. Они доставлялись по договоренности под видом посланцев Абылая и Абулфеиза, в сопровождении казахских проводников и охраны по территории казахов. На территории Западной Монголии и Синьцзяна их сменял цинский отряд.

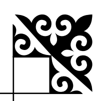
В 1768 г. отправлен в Пекин вместе с возвращающимся цинским послом Наваном ойратский тайджи Чоноци, младший брат Мэнгулдая, выступавшего на стороне цинов и погибшего в бою. Чоноци был объявлен приемным сыном Абылая. Он также получил чин офицера дворцовой охраны с павлиньим пером и оставлен в Пекине [Гаоцзун шилу, 819, 33–33 об.]. Очевидно, Абылай был привязан к нему и возлагал на него надежды как на верного ему человека. Император велел написать султану, что будет разрешать тому навещать названых родителей. Это был пробный шаг Абылая перед тем, как отправить в Пекин своего родного сына Валисултана в следующем году. И еще одной ступенькой султана к желанному ханскому трону, ответом на приказ императора Цяньлуна разрешить казахским кочевникам проводить зиму в Тарбагатае и Или за пограничной линией, установленной цинами в одностороннем порядке. Ойратские родственники использовались также в отношениях Абылая с Россией, Кокандом и кыргызами.

В 1764 г. переводчик Оренбургской губернской канцелярии при заграничной экспедиции Яков Гуляев доставил к генерал-губернатору послов, а также отдельные листы от Абылая и двух сыновей Барака – султанов Тагира (Даира, зятя Абылая) и Букея на имя Екатерины II. Абылай командировал их в Санкт-Петербург «нарядя пасынка своего, взятой за себя зенгорской калмынки сына, названного им Бюри-солтаном, и с ним старшинских детей восемь человек [КРО 1, 667]. Не иначе, как султан предназначал Бөрі (Волк или Молодец – каз.яз)



в аманаты с пребыванием в Оренбурге, или поблизости в Троицкой крепости. В 1767 г. «Буря-солтан, приемыш» Абылая был направлен во главе отряда в 300 человек на разведку – «для подсмотру и предосторожности» – против войск кокандского бека Ирдана би, но по пути перехвачен его сторонником Аблрахманом. Тот, продержав отряд у себя два месяца, отпустил всех обратно «не чиня им никакого озлобления» [КРО 1, 685]. Составители указателя имен к Сборнику документов КРО путают приемного сына Абылая с другим Бури султаном, сыном хана Батыра, зятем Абылая. Второй Бури короткое время был ханом каракалпаков и известие о том, что он убит ими, дошло до русских годом ранее, в марте 1763 г. [КРО 1, 643–644].

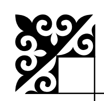
Был еще один ойрат, член посольства султана Абылая, отправленного в Санкт-Петербург. Его звали Баир. Это имя упоминается в источниках с начала 1760 г. В январе 1760 г. поручик Пензенского пехотного полка Оренбургского гарнизона князь Иван Ураков и переводчик татарского языка Оренбургской губернской канцелярии Яков Гуляев видели в ставке султана Абылая «зенгорских калмыцких владельцов, двух братов родных, Юлбулду да Баира, которых сестру родную Аблай-салтан имел за собою в замужестве, кои всегда при нем, Аблае, и находятся…» [МОЦА 2, 153]. Эти нойоны состояли при султане как переводчики и толенгуты. Известно, что перед смертью рядом с ханом на реке Талас были верные ему толенгуты, преимущественно из туркменов и ойратов, матерью Абылая некоторые считают туркменскую рабыню. Это немаловажное обстоятельство, как и скитания султана инкогнито в молодости, предводительство над сарбазами, плен у джунгар являлись причиной некоторого демократизма в поведении Абылая, его толерантности и веротерпимости. В период рыцарства Абылая его младшим побратимом стал князь-ойрат племени хойт Амурсана. Они могли побрататься и позже, во время первого побега этого нойона в Казахстан в 1754 г., совершенного в компании Даваци – конкурента хана Лама-Дорджи. Побег аристократов, членов семьи царского рода ойратов был успешно осуществлен по его замыслу и с его помощью. Много есть загадочного в судьбах казахского султана и ойратского тайджи, бывшего младше его на один мушель. Их роднила неуемная жажда власти, склонность к принятию неординарных решений и к авантюрам – в том значении, которое было характерно европейским рыцарям и известным авантюристам XVIII в. Удивляет тот факт, что при всех зигзазах судьбы Амурсана никогда не колебался в преданности Абылая к их клятве.



На чем зиждилась эта уверенность, нам неведомо. И как бы ни толковали их отношения, верно одно, что Абылай позволил тому бежать в единственную страну, готовую приютить нойона – в Россию. Пусть и в крайне бедственном положении, но живым и готовым сражаться с цинами до конца. А до того султан три года, укрывал Амурсану у себя, поддерживал его морально и материально, пустил слух о том, что он является внуком Галдан-Цэрена, рожденным от дочери, обладателем двойного цинского титула принца крови (циньван). Потерпев поражение, испытывая опасность для своей жизни и независимости своего народа, Абылай просил могущественного Цяньлуна, согласно древней традиции кочевников, «ослабить силки и выпустить птицу, забившуюся в чащобу».

С установлением международных связей в улусах Абылая наряду с татарскими, среднеазиатскими муллами постоянно находились «зенгорцы» – переводчики с китайского языка на «калмыцкий диалект», казахский и уйгурский языки. Жили у него и ламы – лекари тибетской медицины. Часть писарей и переводчиков направлялась пограничными ведомствами цинского Китая, царской России, а также Бухарским и Кокандским ханствами. При дворе Абылая и его сыновей служили ойратские туленгуты с казахскими именами, которые были скоры на руку в исполнении их приказов. В журнале посланца правительства Г. Лилингрейна за 1779 г. упоминаются калмыки Керей, братья Кыргыз и Кукча батыры и др. Они нещадно били плетью российского купца, отбирали у него его товары, замахивались ножами и на влиятельного старшину Кулебаки с его племянником [4, 96–98].

В марте 1763 г. по случаю восшествия на престол императора Петра III в Санкт-Петербург прибыло посольство султана Абылая всего из 5 человек во главе с его шурином Баиром и султаном Урусом, сыном султана Салтамамета (Султан-Мухаммеда) – двоюродного брата султана Абылая. Их поездка заняла около года. Здесь выяснилось, что Баир «природной не киргис кайсак, но из зенгорских нойонов хойтовской фамилии, и принявший при побеге уже в киргис-кайсацкой народ магометанский закон, по такому случаю пожелал Аблай на сестре его жениться, и он при ней же остался» [ККД, 1762–1763, оп. 122/1, д. 9, л. 49 об.]. Оказавшийся в чопорной столице в одно время с посольствм Абылая, посол Нурали Джанибек и Баир не раз выводили молодого Уруса султана из конфликтных ситуаций протокольного характера с чиновниками Коллегии иностранных дел. В этом учреждении ничего не осталось от прежнего московского Посольского при-



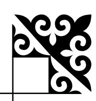
каза с его «татарщиной», поэтому заключили: «Сии солтаны такими варварами по всем их поступкам и разговорам оказались, каких еще здесь никогда в приездах не было». Вскоре по случаю восшествия на престол Екатерины II казахским послам и старшинам русское правительство пожаловало медали: золотую – Баиру, серебряную – Урусу султану. Награды были вручены в ставке султана Абылая. Вклад ойратских родственников в развитие посольских связей Казахского ханства получил благодарность султана Абылая и международное признание в лице двух великих держав – Российской и Цинской империй. Некоторые из них остались в Казахстане, влились в казахский народ и составили свои небольшие волости (аулы).

2.1.3. Тайна смерти Абылай хана

Абылай хан жил всего лишь два века назад. Но многие вехи его жизни не разгаданы до сих пор. Чем больше изучаешь его деятельность на основании разноязычных документов, тем больше возникает вопросов, на которые затрудняешься дать твердый ответ. Более того, каждый год исследования добавляют новую тайну. Я для себя составила рабочий перечень вопросов «40 загадок Абылай хана, не разгаданных за сорок лет». Сегодня остановлюсь лишь на тайне смерти этой яркой и противоречивой личности в истории Казахстана и представляю суду читателей собственную версию.

Обстоятельства смерти Абылая, как и его рождения, покрыты тайной и опутаны мифами. Точная дата и подробные обстоятельства смерти Абылай хана в казахской исторической науке еще до конца не выяснены. Ученые в своих выводах, так или иначе, полагаются на официальное уведомление его сыном и наследником Валисултаном пограничных властей Российской и Цинской империй о болезни и кончине отца. Причем, историкам приходится рассчитывать дату смерти хана, исходя из даты получения и перевода властями держав документа с этим известием. Между тем, настораживают многие, на первый взгляд, мелкие несоответствия и недомолвки, а также явная ложь со стороны информаторов. Чем же это вызвано? Следует также тщательно проанализировать деятельность и переписку Абылая в последние годы его жизни, а также внести ясность во внутренние и внешние дела ханства. Для начала:

1. Сделать обзор внешнеполитической деятельности Абылая за 5 лет до смерти;



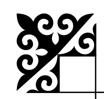
2. Выяснить его отношения с влиятельными казахскими султанами и старшинами;

3. Понять физическое и психологическое состояние 70-летнего Абылая в конце его кратковременного, но богатого событиями ханствования;

4. Время и место его смерти.

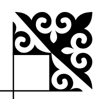
Большинство пишут, что Абылай умер, когда он отправился в поход против кыргызов. Пик его столкновений с кыргызами приходится на 1765–1769 гг. и 1774–1777 гг., что отобразилось в китайских источниках, так как события разворачивались в поле зрения Илийского генерал-губернаторства. Но был ли хан физически способен возглавить такой поход в 1778–1779 гг. Еще в 1775 г. видевшийся с ханом капитан Брехов отметил: «Летами он, Аблай, хотя уже и не молод и по примечанию моему кажется за семьдесят перешел, однако собою еще здоров и виден, росту не большаго» [ЦИКХ 2, 97]. Но двумя годами позже хан постоянно жалуется на старость и недомогания. Оренбург считал это пустыми отговорками, чтобы уклониться от приезда для дачи присяги. Если Абылай не мог фактически возглавить поход, то почему же смерть застала хана на значительном расстоянии от его ставки в Кокшетау? Потом, он мог отправить в поход своего соратника султана Абулфеиза, имевшего корни в Ташкении. Или сына Чингиса, не лишенного таланта военного предводителя. И где именно произошла кончина хана?

В письме Валисултана к командующему отдельным Сибирским корпусом, полученном 22 мая, написано: «…отец мой, будучи в походе, от приключившейся ему болезни помре на шездесят девятом году» [ЭНКПЭ 2, 290]. Это было первое известие, и оно было получено от наследника, а не от русских эмиссаров. Слово «в походе» не следует понимать буквально как в военном походе, оно лишь означает, что смерть застала человека не дома, а при продвижении куда-то, т. е. по пути к тому месту, куда он направлялся. Оренбург, естественно, за дальностью расстояния, получил известие от Вали на месяц позже. Причем, доставили письмо старшины Тюляк-мурза и Тауекель – мулла, ездивший в составе последнего посольства Абылая в Санкт-Петербург [ЭНКЭ2, 291]. В этом письме, а также в грамоте Вали к Екатерине II отсутствует упоминание о месте смерти хана. В грамоте же императрицы к султанам и старшинам Среднего жуза написано, что Абылай умер в городе Ташкенте [КРО 2, 104]. Имеются и другие ориентиры, наиболее расплывчатый из них – Ташкения, т. е.



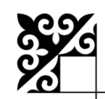
часть казахской и кыргызской территории Семиречья, Ташкентского и Туркестанского вилайетов. Известно стало от купцов, что Абылай «в прошедшем апреле был в г. Туркестане, затем, «выехав из Туркестана расположился в шестидневной езде от города Ташкени…» [КРО 2, 102]. Это сведение записано в начале лета 1780 г. и не понятно, об апреле какого года идет речь. А после слова Ташкения в документе проставлено многоточие. Возможно, не прочитано следующее слово с названием местности, но указано, что она находится в шести днях езды от Ташкента. Предполагаю, что речь идет об одном из близлежащих к Туркестану урочище или кенте. Например, в 1765 г. султан просил войско у цинского императора, чтобы взять в осаду г. Пскент (находится приб. в 60 км. от Ташкента) [ЦИКХ 2, 74]. Абылай понимал значение городов в политической и экономической жизни Казахского ханства. Его поддерживал самый влиятельный султан Среднего жуза Абулфеиз, который вместе с братом Болатом правил Туркестаном. Но Абылай хотел иметь город, или часть его, в собственном владении. Также сказано, что Абылай в 1779 г. жил какое-то время на урочище между реками Талас и Чу, но ближе к Таласу, где он начал заниматься земледелием. Рядом с ним находился сын Адил. Он был направлен к усуням еще раньше и намеревался по плану отца остаться у них владетелем. Султан Рустам направлялся на запад Семиречья для переговоров с султаном Болатом, сыном Абулмамбета и другими о месте, где бы мог расположиться отец.

Были предположения и о том, что хана могли отравить. У него были враги среди феодалов – кыргызов, Коканда и Ташкента. Не выстраивались отношения с сибирскими властями. Это относилось к повседневным делам, которыми он занимался более 10 лет. Думается, смерть хана ускорило другое событие, больно ударившее по нему. Несомненно, это было отделение от него верных сторонников в самом ближайшем его окружении и в самом центре его ханства. Это особенно остро проявилось в 1778–1779 гг. Но, с другой стороны, дела на международной арене обстояли не столь уж плохо. К хану постоянно приезжали гражданские и военные представители Оренбурга, Тобольска, Омска, Троицкой, Петропавловской, Семипалатинской крепостей, командующих сибирскими пограничными линиями, а также Пекина, Кульджи и Чугучака. В Санкт-Петербурге в 1778 г., а в Пекине – в 1779 г. принимали его послов – сыновей Тогума и Сыздыка «с лучшими людьми». Дипломатические связи с державами укрепляли престиж хана у казахских правителей и он их эффективно,



часто – с преувеличением использовал для укрепления своей власти среди соплеменников.

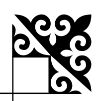
Для осуществления военных планов требовались войска, вооружение, порох и пушки. В своих письмах к пограничным командирам и выше – генерал-губернаторам, он высказывает тайную просьбу о присылке ему войск. Использование государствами наемных войск в его время было обычным делом. Каждому вновь назначенному командующему сибирским корпусом хан шлет поздравление, дарит коня и возобновляет свое прошение. В 1772 г. он писал: «Через сие вашему высокопревосходительству доношу, что от прежде находящихся на линия господ генералитетов и от китайской границы просьба от меня чинена была с требованием, когда мне от каких-либо народов обида и притеснение причинитца, для вспоможения воинских людей тысяч до десяти давать. Почему по той моей просьбе писали мне, егда какое притеснение и обида произойдет, то для вспоможения и давать обещались. Однако таких моих требованиев, никогда не бывало, да и обиды ни от кого не происходило. А ныне, кочующие по реке Тоболу киргисцы делают моим подвластным киргисцам большие обиды, также и с российской стороны людей в полон захватывают, скот отгоняют и протчее насильно отнимают. То потому, естли я со своими подвластными не в силах с ними управитца, то пришлетца от меня к вашему высокопр-ву письмо с требованием для вспоможения…». Со своей стороны он предлагал злодеев и нарушителей покоя на границе брать под караул и «бить без милосердия» [ЭНКПЭ 1, 329]. По существу, предложение Абылая отвечало интересам русских властей, так как он добивался спокойствия на границе. Ее нарушали, кроме казахов, калмыки – в связи с откочевкой с Волги, башкиры – перед и во время пугачевского восстания. К сожалению, в нашем распоряжении нет русских документов с обещаниями предоставления конкретных войск, кроме общих заверений протокольного характера о защите подданных империи. Абылай предпочитал принимать за чистую монету какие-то уклончивые обещания пограничных командиров. В то же время, он хотел бы получить письменное подтверждение о военной помощи. Весной 1778 г. он писал командующему отдельным сибирским корпусом генерал-майору Н.Г. Огареву: «Да что ваше ж пр-во изволили означенному племяннику моему Давлеткирей-салтану проговаривать, когда понадобится, мне команду дать обещали, но ныне в оной надобности нет; а когда потребна будет, то я требовать буду. И об оной обещанной мне команде покорно прошу



дать мне письменное повеление. А на словесное не так вероятно, и о сем прошу немедля, уведомить» [ЭНКПЭ 1, 351; см. также с. 352]. Кочевые правители, наученные горьким опытом, на распоряжения русских властей стали просить «письменные виды». Те же доводы о недостаточности сил Абылай выдвигал и цинской стороне – в связи с угоном казахами скота и для предотвращения их нападений на калмыков, проходящих через Казахстан. Возможно, цинская сторона также обещала ему военную поддержку на каких-то условиях. Однако, вряд ли можно доверять заявлению Абылая, высказанному в том же году Рейнсдорпу: «С китайским богдыханом зделал я условие в такой силе: буде бы с которой стороны и какой бы ни был государь причинил нам неприятельское действо или наглость, то против его стоять. И естли бы я от него, богдыхана, силы потребовал, то б ему по тому моему требованию воинских людей хотя тысяч до десяти или до дватцати дать. И так, в какое б время я с китайской стороны воинских людей ни потребовал, всегда мне готовы» [ЦИКХ 2, 88–89]. Между тем, китайские документы свидетельствуют, что на самом высоком уровне хану отказывали в подобных просьбах. Заявления о безоговорочной его поддержке императорами двух мощных государств Абылаю были нужны скорее для внутреннего пользования и для устрашения других среднеазиатских народов, а также, чтобы поднять свой авторитет у более знатных султанов с большими, чем у него, правами на трон. Абылай приобрел дипломатический опыт двойной игры и применял его практически всю жизнь. Это искусство давало ему временное преимущество в среде казахской знати и помогло в избрании его ханом во время «Пыльного похода» против волжских калмыков.

Причем хан выдвигает доводы, порой противоречащие прежним его словам. То он пишет, что войска нужны ему для взятия города, и тут же вскоре заявляет, что у него нет намерения брать города. Главное для него – получить от двух государств документ с обещанием военной помощи, а если его не было, то у него шли в ход любые письма с печатями из соседних государств. Для демонстрации своих слов он мог возить с собой пленного русского в солдатской форме и пускать в ход другие хитрости. В течение всей своей кыргызской кампании и до 1778 г. он распространял слухи о поддержке его военных предприятий цинскими и русскими властями.

И раньше, в критические моменты своего царствования, Абылай неоднократно добивался от русских (1771, 1775–1778 гг.) и цинских (1765, 1778–1779 гг.) властей военной помощи, упорно просил пре-



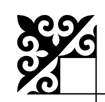
доставить ему временно боевой отряд со всей экипировкой, вооружением и пушками. Отсюда естественно следует, что наемные войска не могли быть использованы против России и Китая, а лишь против других азиатских народов и внутренних врагов. В 1771 г. он просил в помощь русских солдат для преграждения пути калмыкам, откочевывавшим на бывшие джунгарские земли, находящиеся теперь в пределах Цинской империи [ЭНКПЭ 1, 329]. Просил всего дней на десять или того меньше «тысячу человек, или четыреста, по крайней мере триста или двести дать» [ЭНКПЭ 1, 329–330]. После возобновления через 4 года переписки с Оренбургом в 1776 г., хан вновь завел речь об одолжении ему войск. В 1779 г. его просьба была высказана в письме к императрице Екатерине II и к императору Цяньлуну.

У цинов он добивался помощи против Коканда и Ташкента. Хан стремился завладеть пахотными землями в Южном Казахстане, развить собственное земледелие и иметь доступ к рынкам Ташкента, получать устойчивую прибыль от торговых операций в этом городе. В целом, его планы отвечали интересами Казахского государства, но в Семиречье они сталкивались с интересами Кокандского ханства и кыргызов.

Абылай и сам со своими отрядами выступал на стороне держав по их просьбе. В 1771 г. он преследовал бежавших с Волги калмыков по согласованности с Оренбургом, а до того – воевал против ойратов и уйгуров. Условием военной помощи было присвоение всей добычи: женщин, детей и рабов-мужчин, а также имущества: скота, юрт, вооружения. Поэтому, хан считал себя вправе просить вооруженных людей от этих двух государств. Боясь упрека в расправе над собственным народом при помощи чужеземных войск, в 1778 г. он просил комплектовать половину войск из башкир, татар.

Абылай правил de facto, не получив регалий власти до 1778 г. Почему же он в том же году вдруг начал хлопотать о получении ханских знаков со стороны России? К этому времени он потерял доверие в глазах своих вассалов, вынужден был покинуть свое стойбище. Но он стремился оставить на своем месте своего сына. Не терял он также надежды расправиться со своими врагами, но не мог сделать этого лишь руками своих туленгутов. Не мог он собрать и большое войско, так как оно формировалось временно, при помощи ополчений преданных старшин и батыров. В результате он вновь и вновь обращается к правительствам двух держав за войском и вооружением.

Абылай обычно писал очень краткие послания с одной-двумя сформулированными целями (просьбами и требованиями). Отсюда

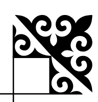


следует считать, что первоначально он написал короткое письмо на имя Екатерины II, в котором сформулировал лишь две просьбы. Первой и наиболее важной была просьба о принятии на службу ко двору одного из сыновей. А вторая – «при империи своим владетелем Аблай-ханом изволите видеть» [КРО 2, 95].

Другие его пространные письма составлены при помощи квалифицированных переводчиков и чиновников Оренбурга. Те дополняли письма другими просьбами, которые были высказаны ханом устно при встречах с русскими посланцами, главным образом, капитаном Бреховым, переводчиком Мендияром Бекчуриным, Ягудой Усмановым и другими. Или переданы в разное время со своими посланцами, которых в 1776–1778 гг. с обеих сторон было много, как никогда. Надежды хан возлагал на оренбургскую администрацию, но был принужден считаться и с сибирской. При этом, он заверял командиров сибирских крепостей и всей линии, что не собирается жаловаться на них. Трения у них были серьезными – в связи с постоянными взаимными претензиями на угон людей и скота. Его отношения с комендантом Петропавловской крепости С.В. Сумароковым зашли в тупик, бригадир писал ему в откровенно оскорбительном тоне. Абылай в ответ угрожал откочевкой своих подвластных от русских границ и запрещением ездить им в крепость на «сатовки» [ЭНКПЭ 1, 344].

Хлопоты Абылая о посольстве в Санкт-Петербург пришлись по душе Рейнсдорпу, который в 1775 г. ставил целью впервые отправить к русскому двору одного из сыновей Абылая. До того туда ездили лишь сыновья ханов Абулхаира и Нурали. В какой-то степени это было вызвано желанием противопоставить Абылая хану Нурали, который формально оставался старшим ханом, а также желанием пресечь связи Абылая с Цинской империей. Абылай был не прочь добиться патента всеказахского хана.

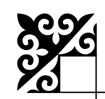
В первом письме к Мансурову в 1777 г. Абылай пишет: «Как я уже прихожу к совершенной старости, то почему намерение мое имею сего года отправить ко двору е.и.в. для некоторого донесения сына моего» [ЭНКПЭ 1, 343]. Через полгода он уже пишет с обидой: «В протчем вашему высокопр-ву извещаю, что я в подданство е.и.в. вступил и нахожусь сорок шесть лет (так в тексте. – *К.Х.*), причем в службе е.и.в. упражняюсь со всяким усердием, равномерно и впредь по возможности служить готов. Удален будучи всякого худого намерения. Только от давнего времени благословенного лица е.и.в. видеть не удостоюсь. Ни же послы мои не пропущаются, а для чего и



по какому пороку, того знать не могу, поелику от человека закрыто. Ежели какая от меня простота произошла, о том прошу мне открыть, ибо отправляемые от меня к владельцам китайскому, персицкому и к другим, которым хотя я и не подвластен свободно ездят и благополучно возвращаются. А к ея величеству, моей всемилостивейшей государыне, у коей я в подданстве нахожусь, как выше сказано, посланники мои от давнего времени не пропущаются…» [ЭНКПЭ 1, 343]. Но примечательно, что он отправляет посольство не столько от своего имени, сколько от имени своих «больших» трех сыновей: Валисултана, Чингиса, Гумера [ЦИКХ 2, 96]. В начале 1778 г. в письме к Екатерине II он извещает ее о том, что после смерти ханов Абулхаира и Абулмамбета ханом избран он [КРО 2, 86–88] и при этом напоминает, что он единственный, оставшийся в живых правитель, принесший присягу в 1741 г. [ЭНКПЭ 1, 359].

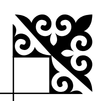
Пока шли переговоры с Оренбургом, власть Абылая в орде пошатнулась. Ему выказывали неповиновение и неуважение влиятельные старшины и батыры крупных родов племени аргын. Хан сам был вынужден оставить свою ставку, но возвращен обратно. И он подчинился давлению, так как стояла реальная угроза лишиться власти над пограничными с Россией казахами Северного и Восточного Казахстана. От Абылая на китайскую границу откочевало 300 семей найманов. Если исходить из расчета 4 человека на семью, то получается около 12 тыс. человек. И откочевки недовольных им людей продолжались, в связи с чем император Цяньлун предупреждал, что он может остаться без подвластных.

В 1778 г. на севере Казахстана возникли природные катаклизмы. Зимой на севере Казахстана был большой снег и от бескормицы погибло много скота [ЭНКПЭ 1, 354]. К ним добавились другие потери. Умер Казбек би, а отношения его потомков с Абылаем крайне ухудшились. На это проливает свет донесение илийского генерал-губернатора Илэту о враждебных отношениях Абылая со старшиной халакайсакэ Бекболатэ от 1 марта 1780 г. (45 год правления Цяньлун, 1 луна, день цзячэнь): «Илийский цзянцзюнь Илату доложил: «Казахский хан Абулай прислал письмо на тотэ. Также расспросил (о делах его) сына Сайдэкэ (Сыздыка). Тот сказал: «Летом прошлого года ахалакэци (старшины) отока халакэсайкэ (каракесек? – *К.Х.*) Бекболотэ (Бекболат?) воевали с моим отцом. Затем, бек Болатэ пришел во главе более тысячного войска. Мой отец бил челом, признал свою вину, но (тот) кажется, не согласился. В их трех отоках очень мно-



го храбрых мужчин, опасаемся, (что) они вновь выставят (войско). Просим прислать отряд в 500–600 человек для помощи. Если цзянцзюнь может доложить просьбу императору, то пусть доложит. Если не смеет, то на этом (разговор) окончен». Чиновник подумал, что это внутреннее дело казахов, вмешательство наших войск не удобно, поэтому приказал: «Твой отец является ханом казахов, все его действия уместны. Если его подвластные не подчиняются ему, если они сопротивляются ему, следует наказывать их (за такие) поступки. Сегодня ты просишь одолжить отряд, это – не законно (не справедливо). Боюсь, мы не можем вам помочь. Мне неудобно об этом докладывать (императору)». (Тот начертал): ответить Илату: «Сделанное верно. Ознакомился» [Гаоцзун шилу, 1099, 7]. Письмо было написано не позже 1778 г, когда на третий день, вероятно, первой откочевки из Кокшетау, Абылай отправил Сыздыка в Или. Вероятно, письмо Абылая было написано монгольским письмом тод в целях конспирации, для переписки с илийскими и тарбагатайскими властями хан держал писаря ойрата.

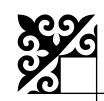
Намного ослабло здоровье самого Абылая. В письмах к русской администрации он неоднократно жаловался на старость. Просил прислать коляску, которая ему стала надобна «по старости лет ездить по улусам» [ЭНКПЭ 1, 351–352]. В начале 1779 г. он объяснял Рейнсдорпу, что не может приехать за пожалованными ему регалиями в связи со старческой немощью: «…почтеннейшее прошу оное свидание зделать поблизости в Петропавловской крепости, ибо я не только в Оренбург, но и в Троицкую крепость ехать в разсуждении моей старости не могу и по той моей старости о нетребовании на столь дальнее расстояние, повторяя мою просьбу, почтительнейше о сем доношу» [ЭНКПЭ 1, 360]. Все это говорит о том, что он был уже не в состоянии выступить в поход верхом. Летом того же года он отказал во встрече и командиру отдельного Сибирского корпуса Огареву и объяснял другими причинами: 1) занятостью возвращением поколения 200 семей ак-найманов, подавшихся в пределы, контролируемые Цинской империей, 2) подготовкой похода против кыргызов [ЭНКПЭ, 363]. Налицо нежелание хана ехать в любую русскую крепость, что батыр Кулебаки объяснял боязнью быть задержанным. О такой опасности также предупреждали члены его последнего посольства в Россию Дат батыр и Тауекель мулла [КРО 2, 95]. Кулебаки, через аул которого проезжали русские посланцы по пути к Абылаю, в 1778–1779 гг. акцентировал их внимание на антирусской направлен-



ности действий Абылая. Возможно, противники Абылая опасались вмешательства русских властей во внутриордынские политические события в пользу хана. Кроме того, сам Абылай также устрашал своих противников не более и не менее, как местью за его отстранение неприятелями от дел [АВПРИ, ф. 122/1, 1779–1780. Д. 1, л. 263 об. – 264].

Далее, в Ташкенте раскрылся обман Абылая о якобы поддержке цинским правительством попыток сбора налогов и пошлин. Там был оставлен заложником сын его доверенного лица Отаршы и убит разъяренными горожанами. 14 июня 1779 г., (44 год правления Цяньлун, 6 луна, день гуйчоу) илийский цзянцзюнь Илату доложил Военному совету о ташкентских делах Абылая: «В прошлом году казах Абулай прислал в Или своего посла Оутоэрци (Отаршы) с просьбой о военной помощи, предлагал захватить Ташкент, (чтобы) передать его нам. При этом прислал (присяжной) лист с клятвой (на Коране). Покорный ваш слуга разгадал хитрости (Абулая) и велел (Утарчи) возвращаться обратно. В этом году казахи пригнали скот для продажи, с ними был мусульманин Бабаходжа. Между прочими разговорами (я) спросил его о последних новостях казахов. (Он) сказал: «В прошлом году Абулай прислал в местность (вилайет) Ташкент Утарчи с бумагой, на которой была приложена печать. Говорил, что великий император издал указ о сборе налога с Ташкента и поручил это дело Абулаю, доказательством чего является бумага с печатью. Ташкентские беки вначале было согласились, оставили в заложниках сына Утарчи, а (ему самому) позволили уехать. Затем состоялось их (ташкентцев) собрание, (на котором) выяснилось, что их обманули. В гневе обезглавили сына Утарчи. После этого, Абулай больше не присылал послов». Судя по всему, у Абулая много хитрых способов, хочет заманить в ловушку и (нашего) чиновника, использует для обмана документы с его печатью, чтобы собрать с Ташкента налоги и пошлины. Почувствовав, (что) обнаружили (обман), выдумывает новые фантазии. Так как характер у него хитрый, найдет новый повод, (чтобы) прислать послов. Если они прибудут, слуга обдумает, как отвергнуть (его просьбы»). (Император начертал. Составить указ о правильности действий (Илэту). Ознакомился. [Гаоцзун шилу, 1084, 1–2].

Все эти события 1775–1778 гг. подорвали здоровье Абылая. Очевидно, у него были проблемы с сердцем и легкими, он просил прислать, возможно, для себя, лекарства из Оренбурга для лечения груди: тамвутарь, струю бобровую, шафран «и называемого по-китайски дарувиня» [ЭНКПЭ 1, 352].

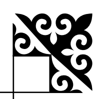


Российская Коллегия иностранных дел вынашивала мысль уже не об утверждении избранного советом султанов и старшин казахского хана. Оно рекомендовало пограничным властям, чтобы они добились получения прошения народного собрания о позволении избрать своего хана. После смерти Абылая Екатерина II направила в степь указ «подданным Средней киргис-кайсацкой орды солтанам, старшинам и всему народу» об избрании нового хана. В нем говорилось: «Мы, великая государыня, е.и.в милосердуя по тому о верноподданном нашем киргис-кайсацком народе, и не хотя оставить его в безначальстве, дабы от онаго не могло родиться неприятных и вредных последствий и разорению его, всемилостивейшее дозволяем вам, солтанам, старшинам и всему народу, избрать по обыкновению достойнаго и нашему е.и.в. благонамеренного хана, которой бы добрым словом и благоразумным поведением мог в киргис-кайсацком народе сохранить тишину и благоустройство…» [КРО 2, 104]. Этот указ от 23 августа 1781 г. был написан после уведомления Валисултаном о смерти отца, его привез в ставку Вали директор Троицкой таможни П. Чучалов. В конце года, 30 декабря Уфимский и сибирский наместник И. Якоби получает рапорт правящего должность оренбургского губернатора князя Хавбулатова вместе с двумя рапортами Чучалова: 1-й – о том, что новый хан уже избран; 2-й, что Вали готов, если его утвердят, приехать для принятия знаков ханского достоинства в Петропавловскую крепость. Таким образом, новый казахский хан был избран без дозволения императрицы. Понятно, почему Вали, первоначально радостно встречавший Чучалова за 250 верст до Петропавловской крепости, ознакомившись с указом, принял его всего один раз. Но царскому правительству пришлось признать молодого хана post factum.

Событие свидетельствует об авторитете народного собрания в казахском государстве и его жизнеспособности, умении находить выход из кризисных ситуаций и справляться с дипломатическими казусами.

В конце 1778 – начале 1799 гг. Абылай был недееспособен либо – по болезни, либо по причине отказа от трона в пользу сына и отстранения от дел.

Русского посла капитана Г. Лилигрейна летом 1799 г. встретили в орде крайне недоброжелательно. Между тем, он доставил письмо о том, что русские власти согласились передать патент на ханство и ханские регалии в Петропавловскую крепость, чего хан упорно добивался в эти годы. Сыновья Абылая вели себя по отношению к



посланнику с непонятной для него агрессивностью. Особенно жестоко они поступили с татарским купцом [КРО 2, 96–98]. Не хотели ли сыновья хана быстрейшего отъезда посланцев, чтобы те не догадались об истинной причине их отчаянных поступков? В последнем письме Абылая от 2 сентября 1780 г. сообщается, что в минувшем, т. е. 1779 г. он отправился для разбора дел кыргызов, Ташкента, каракалпаков, однако казахский йурт и улуг орда остаются на территории, пограничной России [ЭНКЭ 1, 366]. Но на этом письме стоит печать его наследника с надписью: «Вали-бахадур султан бен Абулай». Не первый раз Вали пишет письма за отца в его отсутствие. Их взгляды иногда не совпадают, что приводит к противоречивым заявлениям. Мы опираемся на документы русской пограничной администрации, а у них были причины вносить путаницу в датировки событий. Могла она возникнуть еще и потому, что многие документы переводились гораздо позже происходивших событий, а на докладах о смерти Абылая стоял гриф секретности. Казахской стороне тоже было что скрывать.

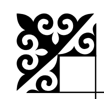
Окончательную откочевку датируют весной 1779 г., но, быть может, это был вывоз умирающего человека для захоронения в Туркестане. Эта версия подкрепляется следующими обстоятельствами:

1) нет реакции хана на то, что его вновь признали ханом лишь Среднего жуза. Он уже был утвержден в этом статусе в 1772 г., что вызвало тогда у него взрыв бешенства;

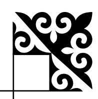
2) в 1779 г. получение знаков ханского достоинства потеряло для него актуальность, так как он фактически отказался быть ханом тех родов, которые избрали его на ханство;

3) возможно, он успел временно обосноваться, или был на пути к новой ставке на территории, неподвластной цинскому Китаю и недоступной для России.

В истории Казахстана немало примеров откочевки властителей. Русские пограничные власти старались дознаться, не является ли откочевка Абылая выражением протеста против них. Их эмиссары проезжали, как обычно, через кочевья старшины батыра Кулебаки. В 1778 г. тот сообщал об откочевке Абылая, отъехавшего почти на 1000 верст, но возвращенного отрядом старшин колен атыгай, караул, керей, каракесек и кашкал по имени Байзигит Сайтан, Бикбулат (Бекболат сын Казыбек би) и Кинзебай (Кенжебай) [КРО 2, 94]. Вероятно, их имел в виду султан Сыздык, рассказывая о противниках своего отца Илийскому генерал-губернатору Илэту в числе трех

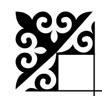


отоков, у которых достаточно храбрых мужчин. Кулебаки говорил, что те послали вслед Абылаю нарочного со словами: «чтобы он, Аблай-хан возвратился и в прежнем состоянии находился; а ежели, то б тому нарочно посланному дал такой по обычаю ордынскому, знак, что он над теми киргисцами, кои остались при границах российских, не будет иметь никакой его власти…» [КРО 2, 94]. Скорее всего, Абылая вынудили вернуться обратно не только при помощи увещевания через посланника, но, возможно, и под конвоем. Его отряд в тысячу человек, вероятно, уступал по числу отряду догонявших. Кроме того, в пути ему могли встретиться и другие недоброжелатели. Абылай возвратился в Кокшетау, но успел отправить сына Сыздыка в Кульджу за помощью. Косвенные факты наводят нас на возникший в ханстве политический кризис, который тщательно скрывался ханом и его детьми. К чему иначе распространялись слухи, что Абылай намеревался пробыть в Ташкении года три, или семь, «а то и вовсе остаться на житье» [КРО 2, 96]. Не потому ли, что он был уже мертв, а везли его тело в Туркестан для захоронения? Но для этого следовало получить согласие его правителей, в первую очередь, султана Болата, считавшего себя обойденным в связи с выбором в ханы Абылая. К приезду капитана Лилигрейна летом 1779 г. Абылай уже покинул Кокшетау. Он намеревался откочевать весной, поэтому Лилигрейн не мог встретиться с ханом, так как в его Журнальной записке отсутствуют записи о переговорах с ним. А все сведения собраны от других лиц. Вопрос об отказе Абылая от власти в пользу сына был, по-видимому, к тому времени (к началу 1779 г.) решен окончательно. Решение о кандидатуре нового хана, ввиду важности его последствий для казахского государства, было принято достаточно узким кругом влиятельных старшин, когда они приехали на поминки. На совете могли присутствовать взрослые сыновья Абылая, султан Абулфеиз и кто-нибудь из его братьев, а также старшины Байжигит, Сейтан, Бекболат, Кенжебай, Кулыбаки батыр [ЭНКПЭ 1, 285]. Сейтан батыр возвысился в конце правления Абылая, перешел на службу хану Вали. Бекболат би и Сейтан батыр названы Валисултаном среди его ближайших лиц [КРО 2, 103]. Бекболат би, перед которым Абылай коленопреклонялся. Эти люди названы мной потому, что они были в курсе событий 1778–1779 гг. и принимали в них активнейшее участие. Кроме того, они относились к ближайшему окружению Абылая в период его могущества. Байжигит – мурза, батыр, тархан, старшина племени аргын, неодно-

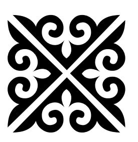


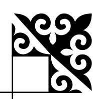
кратно выполнял поручения Абылая в Тобольске, Омске, «большой помощник «с российским генералитетом весьма знаком» (из писем Абылая за 1765–1771 гг.). Бекболат би, сын известного Казыбек би, в 1749 г. ездил вместе с Абылаем к детям Абулхаира для выражения сочувствия в связи с убийством их отца Бараком султаном [6, 285]. В китайских документах его называют «ахалакэци» – акылыкшы. Перед ним Абылай на коленях просил прощения и уплатил кун за убийство его брата Ботакана. К сожалению, историки Казахстана еще не изучили статус акылыкшы в политическом устройстве ханства. Сейтан батыр возвысился в конце правления Абылая, выполнял его важные поручения, затем перешел на службу хану Вали. Бекболат би и Сейтан батыр названы самим Валисултаном среди его ближайших лиц извинился (Гаоцзун шилу, 1099, 7) и уплатил кун за казнь его брата Ботакана. Следовательно, эти уважаемые в орде люди старались оставить трон за сыном Абылая, которому верно служили с 40-х гг. Причины откочевки Абылая и кризис власти были успешно преодолены. Преемственность власти была сохранена, на трон сел законный наследник хана Абылая. Был на время предотвращен раскол между семьями Абылая, Абулмамбета и Барака. Последствия политической борьбы проявились в письмах и действиях на международной арене других претендентов на трон: Болат хана, Даир султана, но Вали успел возобновить связи с державами и укрепить свое положение. Сдерживающим фактором было корректное поведение наиболее влиятельного после Абылая правителя – султана Абулфеиза. У него были сильные сторонники в русской и китайской пограничной администрации. Казахская государственность проявила жизнеспособность, что продлило ее до ликвидации Россией ханской власти в конце первой четверти XIX в. В преодолении кризиса следует отметить роль съездов казахских феодалов, или, иначе говоря, ханских советов.

Смерть Абылая, от чего бы она ни произошла, не поколебала ханскую власть зависимого, но суверенного государства. Правительства держав, занятые собственными внутренними проблемами и войнами, достаточно быстро признал нового правителя и установил с ним дипломатические связи и торговлю. Во время правления Вали с них была снята острота в дипломатии, которую его отец постоянно подогревал. Формально отношения Вали с державами выступали как подчиненные, но для него отпала необходимость противопоставлять одну сторону другой. Сыновья Абылая, Адиль,



Рустам, а впоследствии – и другие дети и их потомки стали правителями родов Старшего жуза. Они оставались вассалами хана Вали и, тем самым, поддерживали единство государства почти половину века.



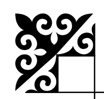


2.2. Международные связи Вали хана

Старший сын хана Абылая – Вали, годы жизни – 1741–1821 гг., правил в Среднем жузе в 1781–1821 гг., т. е. на протяжении 40 лет. Столь продолжительное правление является уникальным не только в истории Казахстана, но и во всем регионе Центральной Азии. Время его правления больше времени правления другого политического долгожителя Казахстана – Абулмамбет хана – на десять лет с лишним. Характер Вали хана был более ровным и мягким, чем у отца, и он почил мирно в своей постели. Султан не отличался чрезмерным честолюбием, агрессивностью, коварством, присущими его отцу. Предположительно, его целью было продолжение политики отца и удержание трона за новой династией.

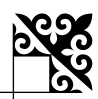
Исследователи мало внимания уделяли внешней и внутренней политике Вали, а также его дипломатии. Поэтому может представляться, что он был посредственной личностью, безвольно плывшей на волне событий, что он вел недальновидную, во всяком случае, безынициативную политику. Безусловно, Вали хан не был столь яркой личностью, каким был его отец. Абылай ханствовал всего 10 лет, но прославился он задолго до избрания его ханом. Жизнь Абылая прошла преимущественно в военных лагерях, он лично участвовал в походах против джунгар, маньчжуров (шуршутов, чурчутов), киргизов, ташкентцев, урянхайцев (тувинцев). Абылай сумел без пролития крови завоевать ханский престол, не допустил превращения в своих смертельных врагов законных наследников Абулмамбета, которому он наследовал. Его преимущества на внешней арене были неоспоримыми по сравнению с другими претендентами на престол. Первой заботой Абылая на троне было закрепление его за своим домом, поэтому он заранее начал заботиться о своем наследнике.

Вали был старшим сыном Абылай хана, родившимся от второй его жены – каракалпачки Сайман-ханым [Ерофеева, 1997, 83]. Его единоутробным братом был Адиль султан, за которым с 1789 г. отец пытался закрепить часть уйсунов Старшего жуза. Он умер раньше Вали хана, в 1815 г. Оба брата с раннего возраста включились в дипломатическую и военную деятельность Казахского ханства. В 1766 г. Вали султан помогал отцу в формировании отрядов для завоевания Ташкента (ККД 1762–1775. Д. 14, л. 271). Это, пожалуй, наиболее раннее упоминание о первых шагах юного султана на служении ханству. Цинский император, принимавший султана при дворе, осо-



бо отмечал, что Вали достойно помогал своему отцу в управлении государством. В годы своего правления Вали не предпринимал крупных военных акций, известны только мелкие стычки с кыргызами, не отличался, как будто бы, и большой храбростью в сражениях. Обычно он отправлял в набеги своих братьев.Кажется, конкурентам Вали не приходило в голову физически отстранить его от трона, а многочисленные братья и потомки ханского дома Абулмамбета – Болат и Абулфеиз – после непродолжительных и энергичных попыток противодействия смирились с его воцарением. Однако, это не значит, что Вали избежал политических интриг и не имел серьезных конкурентов. После внезапной и загадочной смерти Абылай хана потомки Абулмамбета пытались отвоевать обратно казахский трон. Среди претендентов на ханство были: старший сын Абулмамбета Болат, правивший Туркестаном и кентами в его окрестностях. Вторым шел пасынок Абулмамбета (сын султана Барака) Абулфеиз, правивший родами Среднего жуза. Претендовал на трон и второй родной сын Абулмамбета – Тауке, правивший племенами Старшего жуза. Кроме того, был еще султан Даир (Таир, Тагир, Тахир), сын Барака султана, зять Аблая, правивший немногочисленными родами племен аргын, найман и конрад. Из всех этих конкурентов в двух соседних державах были хорошо известны лишь двое – Вали и Абулфеиз. Все эти претенденты были избраны ханами в своих уделах, но, понимая шаткость своего положения, так или иначе стремились закрепиться в своих родах и получить поддержку соседних держав.

Первоначально Коллегия иностранных дел Российской империи рекомендовала на место умершего строптивого Абылай хана кандидатуру султана Абулфеиза. Она не могла простить Аблаю его откочевку вне пределов досягаемости Омска и Оренбурга, справедливо усмотрев в этом выражение непокорности. Возможно также, что поддержка кандидатуры Абулфеиза была лишь тактическим шагом Коллегии, направленным на внесение раскола в ряды казахской аристократии. Настоящей целью России было упразднение Казахского ханства навечно. Болата в Туркестане и Даира из клана Абулмамбета избрали на ханство их ближайшее окружение и подвластные им роды. За Абулфеизом стояли: за рубежом – Россия, а внутри – то обстоятельство, что он принадлежал двум влиятельным семьям в степи – Абылая и Абулмамбета. Однако, практически все потомки Абулмамбета одновременно выразили свои права на трон, что говорит об отсутствии единодушия в их среде. В семье Абылая разобщение не



было выражено столь отчетливо, к тому же Даир, как зять, относился к побочной линии родства.

Скупые сведения о Даире и Тауке разбросаны в разных китайских и русских документах. Даир являлся третьим сыном Барака султана и мужем старшей дочери Абылай хана и, вообще, старшим по возрасту султаном влиятельнейшего клана. Даир султан (умер в 1786 г.), очевидно, был ненамного моложе хана. И уж, конечно, он был старше всех его сыновей. По русским материалам, Даир султан, как сын хана Барака и внук хана Турсуна боролся за ханский трон еще с Аблаем в начале 70-х гг. XVIII в. Капитан Андреев в своей рукописи счел нужным подробно остановиться на Даире султане. После смерти тестя Даир не только не отказался от своей цели, но еще более окреп в своем намерении. Отец Даир султан Барак избирался на краткий срок ханом Старшего жуза, но его правление было и неэффективным и очень кратким. А внешнеполитическая деятельность хана Турсуна была связана, преимущественно, со среднеазиатскими ханствами. Поэтому, политическое наследство Даира было не очень богатым, хотя географически достаточно обширным.

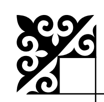
Ставка Даира находилась на восточном побережье Аральского моря в низовьях Сыр-Дарьи [Ерофеева, 1997, 83 и 123], но часть подвластных ему племен кочевала на землях, примыкавших к новой границе Китая. Даир поддержал Абылай хана в его вооруженных столкновениях с кокандским беком Ирданой, пополнив своим отрядом его войско [АВП РИ,ф. ККД, 1766–1769, д. 18, л. 96]. Абылай хан доверял своему зятю, тот был в курсе его международных связей, как и его старший брат Ханбаба. Абылай-хан защищал интересы Даира перед цинским правительством.

В 1779 г. он намеревался отправить посольство в Пекин, которое должно было подать жалобу на илийского *цзянцзюня* за набеги на подвластные Даиру кочевья на границе с Китаем, а также угон скота и людей [ККД, 1779–1780, д. 1, л. 221 об.]. Он, как и другие потомки хана Абулмамбета, наряду с родами Старшего жуза в Южном Казахстане, правил аулами и в восточных районах, прилегающих к китайским владениям в Монголии и Тарбагатае. Обоснованием своих прав на трон Даир султан в письме к Цяньлуну указал следующее:

1) бесспорно высокое происхождение;

2) возраст, а также;

3) то обстоятельство, что Абылай якобы еще при своей жизни объявил его своим наследником и тому были свидетели.



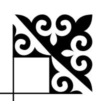
Известно, что Абылай хан заранее распределил казахские улусы между своими сыновьями в Центральном и Восточном Казахстане и добился официального признания его преемниками сначала Габбас султана, а потом – Вали султана.

Не ограничившись тем, что он добился избрания на ханство со стороны небольшого числа подвластных, Даир на этот раз пытался привлечь на свою сторону правительства России и Китая. Он сумел отправить письма русской императрице Екатерине II и цинскому императору Цяньлуну. Письмо в Россию датируется 29 июня 1781 г. Естественно, что Даир султан, как и другие претенденты на наследство хана Аблая, не нашел поддержку ни у России, ни у Цинской империи. Он был мало известен своими делами России и Китаю, намного уступая в этом, к примеру, Абулфеизу.

Вали также оказался не столь простым, он проявил политическую дальновидность, скрыв на время от правительств обеих держав смерть отца. Он стремился взойти на международную арену уже как всенародно избранный и признанный казахской аристократической верхушкой хан. Этой своей тактикой он добился того, что обе державы стали соперничать в том, чтобы опередить друг друга в признании ханских прав Вали, но Россия задержала выдачу ему официального патента и подарков, приглашая получить их в одной из ближайших русских крепостей. Признание ханского титула Вали свидетельствует о временном ослаблении внешнего давления на ханство и о конкуренции между державами за влияние на нового казахского правителя.

И китайские, и русские источники говорят о том, что первоначально весть о смерти хана Аблая дошла до пограничных властей России и Китая не официальными путями, а через их эмиссаров, докладывавших о всех важнейших событиях, происходящих в степи. После этого пограничные власти в Оренбурге и Кульдже (Или) старались получить подтверждение слухов от «доброжелательных» к каждой стороне султанов и влиятельных старшин, участвовавших в выборах хана. Вали же официально уведомил пограничные власти о своем воцарении лишь после запросов, будучи уже легитимным правителем в глазах своих подданных.

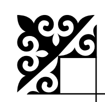
В такой ситуации Россия и Китай одинаково признали наследственные права Вали хана на ханство, проигнорировав притязания других чингизидов: Болата, Тауке и Даира. Уфимский и Сибирский генерал-губернатор Якоби доложил Коллегии иностранных дел о том,



что получил весть «от кочующего между Семипалатинской и Ямышевской крепостями Тауке-султана Тартаульской волости о избрании его ханом старшинами и биями каракисетской (каракесек), тартаульской (торт ауыл), канжигалинской, басантинской (басентеин), керейской и уваковской волостей» и его желании отправить одного из своих сыновей в Санкт-Петербург. Российское правительство тотчас отклонило намерение Тауке, выразив отрицательное отношение к его просьбе. Якоби счел нужным ответить Тауке только в 1784 г., что ханом избран Вали и другого хана в Среднем жузе быть не может. Одновременно генерал-губернатор отправил письмо Вали, в котором сообщил ему о притязаниях Тауке султана и не без коварства советовал, чтобы он не позволял другим объявлять себя казахским ханом [ККД, 1782–1784, д. 1, л. 14–14 об.].

Но что мог поделать Вали? Все претенденты отправляли письма через своих торговцев и сородичей. Чтобы покончить с такой разноголосицей, цинское правительство объявило, что прием в Китае посланцев других правителей возможен только в составе официального казахского посольства, т. е. во главе с послами хана Вали. Но порой и эти члены посольства, а также сопровождавшие их торговцы, могли доводить до сведения цинских властей тайные поручения своих правителей и старшин. В задачу илийского генерал-губернатора входило тщательнейшее изучение сложных отношений среди казахской аристократии.

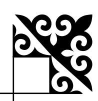
В Или хорошо знали старшего брата Даира – Ханбабу султана, многие годы бывшего посредником в дипломатических связях дома Аблая с Китаем. Через него велись их тайная переписка, тайные встречи и переговоры, в его ставке останавливались по пути посольства той и другой стороны. Однако, как писал Даир султан в письме к императору Цяньлуну, к тому времени Ханбаба, имевший, по его мнению, больше прав на трон, чем он сам, также умер. Письмо Даира, написанное на чагатайском языке, доставили его сын Маймутэ (в китайской транскрипции) и сопровождавший его старшина Малтабар, награжденный за свои заслуги или посреднические услуги павлиньим пером пятой степени. Даир сообщал об избрании его ханом после смерти Абылая [Алтан-Очир, У Юаньфэн, 1998, 56]. Однако, он, согласно правилам восточного этикета, заявил, что без признания его титула императором он не смеет называть себя казахским ханом. Маймутэ сообщил следующие резоны отца. У казахского народа было три известных хана: один из них Барак (ум. в 1750 г.)



– отец Даира, после него правил Абулмамбет, Абулмамбета сменил Абылай. После их смерти, а также смерти Ханбабы в степи не осталось никого из старшего поколения. Даир в степи был признанным знатоком родословной чингизидов, однако здесь либо он слукавил, либо переводчик допустил ошибку – Абулмамбет был избран ханом раньше Барака. К тому же, в русской родословной указан всего один брат Даира – Букей султан, судьба которого была счастливее даировской. Он получил ханское звание от России и был соправителем Вали хана в 1816–1819 гг. Но эта родословная была уточнена, по не ней сыновья Барака упоминались в следующей последовательности: Сигай (Шыгай), Даир, Ханбаба, Букей, Маман, Ханходжа. Однако вернемся к конкурентам Вали хана.

Признание Даира представляется очень важным для понимания реального значения ханского титула, доставшегося Вали, и отличия его ханского титула от ханских званий других правителей. Что касается детей Даира, одним из них был упомянутый в китайском документе Маймутэ. Русские источники называют еще двух сыновей султана Даира – Майлы, который служил султаном Каркаралинского окружного приказа, и Бешагач (Бешагаш), который был отправлен в Омск. Еще один случай того, что семьи правителей Среднего жуза не отказывались от отношений с обеими державами. Однако, отец Барака не мог иметь отношений с Китаем, так как умер до гибели Джунгарского ханства. Отец же Вали хана стоял у истоков казахско-цинских отношений, сам Вали при поездке в Пекин в 1769 г. был представлен императору Цяньлуну. Как уже неоднократно отмечалось, вопрос о наследнике хана заранее обговаривался с цинским правительством. Он был одним из важных в казахской дипломатии того периода. В связи с этими обстоятельствами, письмо Даира командиру Сибирского корпуса генерал-майору Н.Г. Огареву с его родословной дополнено напоминанием о связях хана Барака с Россией, об определении ему жалованья в 200 рублей.

Как сообщал Даир султан, его кандидатуру на ханство поддерживал Старший жуз – в связи с тем, что он был потомком Турсуна. Однако, на ханство он был избран небольшим числом подвластных ему найманов и аргынов, так как последние годы пребывал преимущественно в пределах Среднего жуза. А в исконных землях Старшего жуза, граничащих с Синьцзяном усиливалось господство аблаевичей и крепли их отношения с Илийским генерал-губернаторством. В письме в Россию Даир с глухим недовольством упомянул, что Абы-

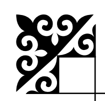


лаю в свое время удалось захватить трон лишь в связи с малолетством сыновей Барака.

Итак, трон достался Вали нелегко, согласно степной демократии, на трон претендовало несколько знатных людей. Клан Абулмамбета не сумел выставить одну кандидатуру, не смог объединиться вокруг него, а потому потерпел поражение. В пользу Вали говорило то, что среди аблаевичей не было сильных противоречий. При утверждении Вали не было острой дипломатической борьбы между Россией и Китаем по поводу нового хана, подобно той, которая развернулась при избрании Абылая. Напротив, как уже говорилось выше, в случае с избранием Вали обе державы стремились опередить друг друга в деле вручения Вали патента на ханство, а затем внимательно следили за связями казахского султана с конкурирующей страной. Правительства двух держав пытались привлечь хана своим, в целом, благожелательным отношением, интересами торгового обмена.

Выжидательная и осторожная политика Китая и России в Центральной Азии в последнем десятилетии XVIII в. объяснялась их занятостью внутренними делами. Кроме того, Россия вела войну с Турцией и ей пока было не до Казахстана. Цинская династия была заинтересована в укреплении своей власти в Джунгарии и Кашгарии, укреплении стабильности на северных и северо-западных границах. Экспансия Цинской империи в 70–80-х гг. была направлена на юг и юго-запад. Россия в это время была более озабочена своей европейской политикой. В первой четверти века она была занята войной с Наполеоном, а также борьбой с Турцией за выход к Черному морю. Но обе державы взяли на заметку разногласия среди казахской верхушки, которую султаны и не думали скрывать от правительств соседних держав. Избрание Вали на время стабилизировало внутриполитическую обстановку в ханстве.

Вали в условиях тенденции усиления зависимости от России неукоснительно придерживался политики балансирования между двумя державами, заложенной его отцом. Но, не обладая его жестокой властностью, а также сильным войском, Вали вынужден был предоставлять больше свободы другим правителям. Добрые отношения с детьми и внуками Абулмамбета были необходимы Вали хану, поскольку их кочевья служили перевалочным пунктом для посольских и торговых связей с Или, Тарбагатаем и Пекином. В управление Вали хану досталась большая часть 44 отоков атагай-аргынов (Синьцзян шилюэ, цз. 12). Остальные братья правили родами на территории Старшего и Сред-

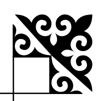


него жузов, под их властью были также представители родов Младшего жуза. После избрания его на ханство, Вали пытался упрочить свои внешние связи, прежде всего, с Российской и Цинской империями. Новый хан выразил готовность отправить в эти страны своих послов. По примеру своего отца и согласно установившейся практике, хан был согласен отправить своих заложников. Их он отбирал в зависимости от тех авансов, которые ему будут представлены правительствами этих стран. Среди них были родные и сводные младшие братья либо сыновья, рожденные от старшей и других жен. Вали хан регулярно переписывался с правителями среднеазиатских ханств. А связь с ханами и султанами Младшего жуза никогда не прерывалась.

Правление Вали пришлось на правление двух императоров цинской династии. В Китае до 1796 г. почти 60 лет правил император Цяньлун, при котором Цинская империя стала самой могущественной державой Азии и при котором впервые были достигнуты мирное и торговое соглашения с Казахским ханством. В 1796–1821 гг. в Китае правил пятый император династии Цин под девизом Цзяцин. В России царей сменилось больше, среди них было короткое правление императора Павла, все указы которого в отношении Казахстана остались лишь на бумаге. Россия и Китай на время ослабили свои тиски, что способствовало относительно стабильному правлению Вали хана. За долгие годы его правления недовольство казахских султанов и старшин замечено лишь в 1795 г.

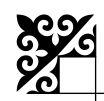
2.2.1. Вали хан и Россия

Министр иностранных дел России, генерал-майор Безбородко, который говорил, что ни одна пушка в Европе не может выстрелить без согласия России, считал, что не следует вмешиваться в дела избрания казахского хана (избрание нового хана «оставить на волю тамошней орды»). И что нет особой нужды новому хану присылать в Санкт-Петербург посланца для его утверждения [ККД 1781–1784, оп. 122/3, д. 2, л. 11–12]. Отсюда видно, сколь мало значения придавали в России отношениям с казахскими ханствами и что накал российско-китайского противоборства 60-х гг. намного ослаб. Однако патент Вали хану на ханство подписан Екатериной II 16 августа 1781 г. (КРО1, 104), передан он был через пограничные власти. В Санкт-Петербурге встречали всего два казахских посольства. Екатерина II велела казахские дела перевести из сферы внешней политики во внутреннюю, в



связи с чем казахские посольства стали именоваться в то время депутациями. Согласно императорским указам от 28 января 1779 г. и 3 января 1782 г., «дела до калмык и тому подобных народов касающиеся, имеют состоять в ведомстве генерал-губернаторов и губернаторов тех губерний, где сии народы кочуют или обитают, почему и все нужные для них расходы относятся на распоряжении и отчете сих начальников, кои однакоже в рассуждении политических дел до тех народов касающихся обязаны доносить Коллегии (иностранных дел. – *К.Х.*) и от нее заимствовать нужные наставления» [ККД 1781–1783, оп. 122/3, д. 4, л. 2об.–3]. Это положение царская Россия стремилась распространить и на отношения с казахскими правителями ввиду их тесной связи с китайскими делами.

Вали хан хотел отправить свое посольство в Петербург уже в 1782 г., т. е. через год после избрания и два года после проведения годовых поминок по отцу. Поэтому было предписано, «что как орда сия в числе подданных ея величества состоит, то и не свойственно департаменту, поставленному для отправления внешних дел (Коллегии иностранных дел. – *К.Х.*) кои не иначе как внутренними почесться долженствуют» [ККД 1781–1783, оп. 122/3, д. 4, л. 3]. Поэтому посланцы Вали хана должны были направляться Оренбургским генерал-губернатором к генерал-прокурору, «так точно, как и все ко престолу монаршему от губернии присылаемые депутаты препровождаются». А уже генерал-прокурор будет представлять их дела «обыкновенным образом», как посланников и других российских народов, именоваться они будут не посланниками, а депутатами. В то же время Коллегия должна была помогать в деле приема депутатов, обеспечивать переводчиками и требовала регулярных докладов от пограничных властей об обстановке в ханстве. Таким образом, казахстанские дела, имеющие отношение к внешней политике и пограничным проблемам, фактически по-прежнему оставались под контролем Коллегии иностранных дел. Одновременно снижались статус посланников казахских правителей и уровень их приема при дворе, как и уровень, скорость почтовой и прочей связи генерал-губернаторств с правительством. Это вносило очень много неудобств при столь отдаленных расстояниях и царской сложной бюрократической системе. В реальности же казахстанские дела почти всегда решались Петербургом «в рассуждении пограничных (читай «китайских») дел», а потому их не удавалось полностью перевести в русло внутренней политики до конца XIX в. В то же время, большинство мер царского правительства

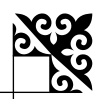


было направлено на ослабление казахско-китайских и других внешних связей казахских ханов.

В 1785 г., после небывалой засухи в степи, на которой пасся скот Вали хана и других феодалов Среднего жуза, пограничные власти разрешили им перегнать скот на правобережье Иртыша. В то время еще действовал указ 1755 г. о запрете казахам прикочевывать за сто верст на левобережье Иртыша. Вали хан перегнал табун коней в пять тысяч голов, а с лошадьми других старшин – всего сто двадцать тысяч голов. Они должны были пастись в разных местах на дозволенном расстоянии от реки и друг от друга. К каждому табуну были определены от линии солдаты-смотрители. Главным условием перепуска скота было получение аманатов из семей «лутчих людей» [ККД Средняя орда, 1785, оп. 122/3, д. 1, л. 1]. Но такие события случались редко.

К внутренним делам относились и набеги казахов на линии, угон ими скота и людей. Однако о них непременно докладывалось Коллегии иностранных дел. Зимой 1795 г. казахами были отогнаны лошади, люди, увезено имущество. Письма, отправленные с требованием возвратить их, оставались без ответа, можно сказать, что переписка была бесплодной. Однако Вали хан не позволял своим сыновьям заниматься набегами и старался поддерживать дружелюбные отношения с русскими пограничными властями.

Вали хан не ограничивал свою деятельность только казахами Среднего жуза. Он предпринимал безуспешные шаги для избавления себя и хана Младшего жуза от обязанности высылать аманатов в обе страны. Для повышения своего влияния в 1786 г. он высказал Уфимскому наместнику генерал-поручику Игельстрому просьбу (перевод письма датируется 5 октября 1786 г.) об освобождении Нурали хана и Айшуак султана от обязанности посылать аманатов в память заслуги их отца, приведшего своих казахов в российское подданство. Если же это невозможно, он просил «дать дорогу» одному из его братьев. Екатерина II в ответ на это бесцеремонно писала Игельстрому, чтобы тот передал хану, что дела Младшего жуза ее не касаются и что ей недосуг заниматься этим делом в связи с поездкой по южным районам империи [ККД Средняя орда, 1786, оп. 122/3, д. 1, л. 10–10 об.]. Вопрос об аманатстве для Младшего жуза был весьма болезненным, т.к. они содержались в России продолжительное время и замена их могла быть произведена только при прибытии следующего аманата. Ханы не спешили отправлять нового аманата, но постоянно требовали возвращения тех, кто уже был отправлен. К тому же,



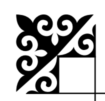
в аманатстве в России содержались родные сыновья хана Абулхаира, а затем – хана Нурали. Требования царского правительства относительно замены аманатов были очень жесткими и бескомпромиссными. Это свидетельствует о том, что других мирных и эффективных рычагов воздействия на ханов не было. Воинские поиски обходились очень дорого, их уроки только ожесточали правителей и народ.

В это время аманаты от Среднего жуза при цинском дворе отправлялись большей частью добровольно и символически и, как правило, на короткое время. Оно продолжалось приблизительно около двух лет, сюда включался трехмесячный путь до Пекина, время пребывания посольства в Китае и время возвращения цинского посольства из Казахстана, отправленного с предыдущим казахским посольством. При Вали хане все больше прав по разрешению торговых споров стало переходить в руки кокандских старшин.

В 1798 г. депутация Вали хана, состоящая из пяти человек: его племянника Багадура (Батыра)-султана – сына брата Вали хана Чингиса-султана и четырех старшин (Ходжа Гильди, Аккиши, Ирали, Умер бек) прибыли в Санкт-Петербург.

Император Павел указом от 10 октября предоставил жалованье сыну Вали хана Аббасу (Габбасу) в размере 300 руб., брату хана –Ишиму – 250 руб. и старшине Байезиту – 20 руб., а также каждому из них по 50 пудов муки. Батыру султану было назначено 100 руб. в год, «покуда пребудут в непоколебимой верности» [ККД, 1798 Средняя орда, оп. 122/3, д. 1, лл. 106 и 130]. Посольство Вали хана снабжалось точно так же, как и посольство его отца во главе с Тогумом в 1778 г. [Там же, л. 115]. Габбас не был в составе посольства, в то же время, ему было царем Павлом определено содержание в 300 руб. Это свидетельствует о том, что Санкт-Петербург признал наследственные права этого султана и что, несомненно, он был первенцем Вали хана. Также несомненно, что указ Павла последовал по просьбе Вали хана, которая имела целью получить поддержку царского двора в деле престолонаследия. Этот Габбас уже имел титул *гуна* и атрибуты офицера гвардии от императора Цяньлуна. Таким образом, Вали считал, что он успешно справился с делами престолонаследия. Но после его смерти. с упразднением царской Россией ханства, дипломатическая борьба за трон перемежалась с вооруженной борьбой потомков Вали с царской Россией.

В конце 1799 – начале 1800 гг. в Санкт-Петербург с поздравлениями по случаю восшествия на престол Павла I прибыла также депу-

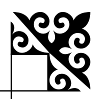


тация Букея султана во главе с его внуком Али султаном, с 2 старшинами и 2 тленгутами. В письме (перевод от 23 января 1800 г.) Али султан напоминает, что его предки и он сам находились на службе российского императора, сопровождали русские торговые караваны в Ташкент, Кашгарию, Коканд, Наманган, Андижан. Букей султан проживал обычно в городе Туркестане, а сын его Чингис управлял казахами колена тортаул рода каракесек. Султан Али сказал, что хотел бы получить отцу и себе чин «караван-баши с печатью впридачу, а также жалованье за труды». Павел указом от 14 марта 1800 г. пожаловал Али султану чин коллежского асессора, а двум его старшинам – чин титулярного советника [Там же, л. 38об. – 40 и л. 75]. Естественно, что казахи также доставляли сведения о странах, которые посещали по своим торговым делам.

О недоброжелательном отношении Али к Вали хану свидетельствуют его слова о том, что Вали хан способствовал ограблению караванов среднеазиатских и кашгарских купцов [Там же, л. 38, об. – 39]. Здесь была не только конкуренция за посредничество в торговых делах России со среднеазиатскими ханствами. Очевидно также, что была конкуренция и во внутренних делах. Сын Вали хана Чингис также имел в своем управлении колена каракесек. В 1799 г. сын Абылая, брат царствующего хана Вали Чингис, также выразил желание направить депутацию в Россию, получил на это разрешение с условием, что она будет состоять всего из двух человек с одним-двумя сопровождающими. Это не помешало Чингису султану дважды включить своего сына Токто в представительную казахскую делегацию, прибывшую в Пекин в 1803 и 1809 гг.

В 1799 г. в Санкт-Петербург нанесла визит депутация от «киргиского общества»: сын хивинского хана Каипа Джигангер и Джанчувак Кудаймендин, оба имеющие чин коллежского асессора. Переговоры шли о взаимных претензиях между казахами и башкирами, для решения которых в посредники вызывалась русская сторона. Явного недоброжелательства в отношении китайской политики Вали хана они не высказывали. Так же как не протестовала против этого и Россия.

В течение своего правления Вали хан старался не давать поводов для недовольства и России, и Китая. Правительства держав и их пограничные власти неусыпно продолжали наблюдать за состоянием казахских ханств, стремясь не допустить здесь открытой враждебности.



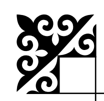
2.2.2. Вали хан и Китай

Вали, безусловно, еще в юности встречался с китайскими послами, приезжавшими в ставку отца, принимал посильное участие в переговорах с ними. В то же время, Вали редко употреблялся Абылаем для дипломатических дел, находясь постоянно при нем.

Впервые в Китай Вали султан выехал в 1769 г. в возрасте приблизительно 28 лет. В составе посольства было пятнадцать человек, среди которых главным советником юного султана был би Жарылгап, сын знаменитого соратника Абылай хана – Бухар-жырау. Посольство прибыло в Пекин 1 мая 1769 г. [Гаоцзун шилу, 83, л. 14]. Этому посольству придавалось огромное политическое значение. Как чингизид Вали султан сидел на приемах на почетном месте рядом с представителями монгольской «белой кости». В честь визита Вали султана император Цяньлун написал стихотворение [Сиюй тучжи, цз. 44].

Прибытие первенца Абылая и его наследника к цинскому двору должно было иметь серьезные политические и экономические последствия для хана. Вали султан должен был служить гарантом лояльного отношения к цинскому правительству в обмен на неизменную поддержку фамилии Абылая как при жизни хана, так и после его смерти. Только при таком обещании Абылай-хана Вали мог получить в 1800 г. от цинского правительства патент наследника казахского престола и сопутствующий ему титул *гун* [Гаоцзун шилу, 831, 14]. Этим объяснялась решительность цинского двора в утверждении Вали на ханство в 1782 г., поскольку их первый протеже – Габбас султан – к тому времени уже умер.

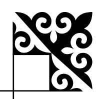
В 1781 г. Вали стал преемником хана Абылая. Уже 13 ноября 1781 г. Омск получил известие, а 22 ноября и 1 декабря того же года, а также 22 января 1782 г. командующий Сибирским корпусом генерал-лейтенант Огарев направил рапорты Уфимскому и Сибирскому генерал-губернатору Якоби о прибытии к Вали китайского посольства с миссией утверждения его на ханство. Китайское посольство остановилось у Ханбабы (сын Барака султана) при урочище Баян-ола и вызвало к себе Вали «для принятия подарков и сделания по отцу ево покойном Аблай хане поминков» [ККД, 1781, д. 3 Средняя орда, л. 21]. От китайцев прибыл посланник амбань (сановник. – *К.Х.*) Башисы (маньчжурское имя, или искаженное каз. басшы – глава, руководитель?), при котором было 130 человек и 50 верблюдов «с разными как для подарка вещами, так и для продовольствия их в пути провиантом».



Вали приехал для встречи со своими старшинами. В подарок от имени императора ему были вручены чайник, чаша и блюдо серебряные, разные шелковые ткани. Также получили полагающиеся им подарки старшины, сопровождавшие Вали, «причем, его Вали солтана посадив на белой войлок поднимали на оном и поздравляли ханом». Можно предположить, что китайское посольство приурочило свой приезд к церемониалу провозглашения казахской верхушкой Вали султана ханом. Либо оно настояло на повторении церемонии избрания для придания легитимности своему мероприятию и прилюдной демонстрации своей последовательной поддержки. На церемонии избрания было зарезано сто баранов, которых отдали прибывшему народу на заклание. «А потом, в знак поминовения по Аблай хану расклали огонь и на оном сожгли разного роду шелковых материй и бумаги не мало число». А по другим сведениям, Цины жгли шерсть согласно древнему обычаю тюрко-монгольских племен. Таким образом, представители цинского императора освятили поминки хану Абылаю и избрание его наследника смешанным ритуалом. Вали со своей свитой пробыл на том урочище четыре дня, после чего все разъехались.

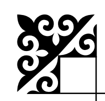
Старшина казахский Кулебяки – тайный недоброжелатель Абылая – после смерти хана Абулмамбета показал, что «амбо привез «покрытою лензою кресло и в знак признания Вали солтана от китайсково двора в ханском достоинстве посажен он был в кресла и возвышен на оных». Затем состоялось вручение даров. Он указывает, что было зарезано 20 быков, 40 баранов. Кулебяки уверял, что «сей обряд от китайского двора при таком же объявлении ханского достоинства, отцу ево Аблайхану было зделано». При сожжении ритуальных погребальных бумажных вырезок, а также тканей «от китайцов производим был разного рода крик», по показаниям старшины Байджигит мурзы. По словам же самого Вали, прибыло для церемонии триста китайцев [ККД, 1781 д. 3 Средняя орда, л. 17–25]. Безопасность китайского посольства страховал внушительный отряд сопровождения, а также караулы, выдвинутые ближе к Усть-Каменогорску. В благодарность Вали хан заявил о своей готовности отправить вскоре посольство в Китай во главе со своим братом Сагитом (имя искажено) в сопровождении пятнадцати старшин.

Для уточнения происшедшего события обратимся к китайским архивным материалам из фонда Военного Совета (Цзюньцзичу) Первого исторического архива КНР. Обряды были проведены по пред-



ложению главы делегации Башысы по китайским (маньчжурским?) обычаям. Узнав о желании посольства провести поминки по хану Абылаю, Вали в сопровождении своих шести младших братьев прибыл в лагерь, раскинутый к западу от Баян-аула. Командующий чахарским гарнизоном пограничных войск Фу Цзинь, подготавливая Вали к обряду получения патента на ханство, принятому при цинском дворе, уверял, что обряд является знаком благоволения императора и его монаршей милости. Настаивал, что они хотели бы провести его согласно дворцовому церемониалу. Для этого Вали хану надлежало принять грамоту на коленях, совершить при этом три коленопреклонения с девятью поклонами. Именно этот церемониал исполняли титулованные монгольские ханы и *ваны*, монгольские зятья цинских императоров – *эфу*. Вали на это отвечал, что он уже бывал в Китае и знаком с дворцовым этикетом не понаслышке. 21 декабря китайцы приготовили жертвенное вино, жертвенный скот, а также вынули привезенные с собой погребальные вещи и ритуальные деньги. После совершения обряда поминовения Вали хан совершил принятый при цинском дворе обряд коленопреклонений и выразил благодарность от своего имени и имени своих многочисленных братьев императору за проведенные поминки и за жалованную грамоту о наследовании ханского титула. Он сообщил о своем намерении отправить в Пекин посольство во главе с младшим братом Шигаем для получения ханского патента и выражения личной благодарности императору. По традиции, цинское посольство выехало обратно в Или вместе с посольством Вали хана. Казахское посольство было достаточно внушительным. Вот имена (в китайской транскрипции) двенадцати сопровождавших султана Шигая человек: Даяр, Есен, Декэтер, Дурал, Болэкэ, Якагэладу, Беимбет, Кебек, Чуман (Шорман?), послы Адиль султана – брата Вали: Таштемир, Джиргал, Адиянь [Алтан–Очир, У Юаньфэн, 1998, 66]. Даяр и Таштемир к тому времени имели чин шивэй – офицера цинской дворцовой гвардии. Следовательно, они уже не в первый раз посещали императорский двор.

После прибытия посольств казахских правителей в Кульджу илийский цзянцзюнь 11 марта 1782 г. отправил их в Пекин по маршруту Урумчи – Хами – Ланьчжоу – Пекин. Подаренных Вали семь аргамаков, которые в глазах цинской династии символизировали дань, было решено оставить пастись на местных пастбищах. Казахское посольство сопровождал отряд во главе с офицером дворцовой гвардии третьей степени по имени Адун, а также Башысы, возвратившийся вместе с



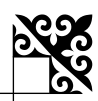
ними из Баян-аула. Посольство Вали хана достигло столицы Цинской империи в начале мая. Цяньлун устроил пышный прием во дворце Юаньминьюань (через сто лет разрушен западными колониальными войсками в 1881 г. – *К.Х.*), где были вручены положенные подарки, какие, по свидетельству двора, десять лет тому назад были вручены Абылай хану. Посольства Вали хана и Адиль султана возвратились в Или в начале октября того же 1782 г., а 20 октября оно тронулось в Казахстан, как было установлено, в сопровождении цинского отряда до первых их караулов.

В 1787 г. в Пекин выехало еще одно посольство хана Вали во главе с его братом – султаном Касымом. Посольство состояло из 39 человек, при нем был табун коней в сто голов. «Посылка оново по разведыванию ничаво по себе важного не заключает, как только что отправлен он для донесения китайскому двору о благополучии Вали хана по прежнему их обряду, который отправлялся киргискими владельцами чрез три года, отколь, полагают, тому Касым-солтану возвратится в половине будущего лета», – отмечалось русскими пограничными властями [ККД, 1791, д. 1, л. 49].

Однако из содержания рапорта И.В. Якоби, полученного на основании донесений некоего Татрана, присутствовавшего при вручении письма богдыхана Вали хану вместе со своим отцом и Мат (или Датбатыром), привезшим это письмо в Омск, вырисовывается другая картина. По их словам, Касым султан, посланный Вали ханом в Китай, внезапно заболел «и, не исправя своей посылки осенью того же года возвратился с китайским посольством. Это посольство везло Вали хану императорское письмо и подарки («на три халата фанцзы», «и велено было ему как письмо, так и подарки, не отдавая никому другому, вручить самому Вали хану» [ККД, 1786, д. 3 л. 37]. Кроме того, члены посольства везли с собой китайских и ойратских девушек для продажи их в рабство в Казахстане.

По сведениям, полученным от одного казахского старшины, Вали хан собирался теперь отправить в Китай другого своего брата вместо Касыма.

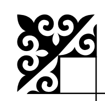
Вали хан, преследуя свои политические и экономические интересы, старался достаточно регулярно посылать своих послов в Китай. Эта очередность была закреплена в специальном календаре, выдаваемом двором так называемым вассалам, чтобы они помнили о сроках, в которые их посольства, а также торговые караваны допускались в китайские пределы.



Как цинскому императору, так и русскому царю было известно о политических связях казахского хана с противной стороной. Не имея достаточных сил для пресечения этого явления, они до поры до времени закрывали на это глаза. Это позволяло Вали хану проводить самостоятельную политику, поддерживая нормальные внешнеполитические связи с соседними державами.

Через 10 лет ханствования Вали цинский император отметил в своем указе: «Что касается упомянутых в докладе (Тэчэнъэ) сыновей Ханходжи и Абылая, которых белые цари (Цаган-ханы) привлекают на свою сторону, это дело не является столь важным. Казахи весьма искусны в получении своей выгоды. Их территория находится между русским и нашим государствами. Они высказывают мне послушание, и в то же время боятся России. Это естественно. К тому же младшие братья и сыновья (их правителей) нерегулярно приезжают на аудиенцию. Потому что они либо находятся в пределах владений белых царей, либо кочуют сами по себе, торгуют (где им выгодно), нам не дано знать точно. В то же время они не служат России, (отправляя туда) своих заложников» [Указ 24 марта 1791 г. Гаоцзун шилу, 1372, 36].

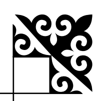
Запись о прибытии младшего брата Вали хана Досали в Кульджу относится к 7 октября 1790 г. [Гаоцзун шилу, 1361, 35 об.]. Султан намеревался выгодно обменять здесь меха шиншиллы и других зверей на китайский атлас и цветные шелка. Ему в этом пограничные власти намеревались отказать, т. к. приезд его был внеурочным, а товары – нерегламентированными согласно торговому соглашению. Меха могли быть русскими, а русские товары запрещалось продавать в Синьцзяне. Однако Пекин решил иначе, упрекнув пограничные власти в непродуманности отказа. Разрешение на обмен Досали было дано указом императора. Доводы были следующие: 1) получив свидетельство недоброжелательности цинских властей, казахи могут отказаться поддерживать отношения, или откочевать в недосягаемые пределы; 2) запрет на торговлю неразрешенными товарами приведет к тому, что в Синьцзяне будет процветать тайная торговля [Там же]. Кроме того, император просил власти Тарбагатая не раздувать дело об угоне казахами в плен торгоутов [Гаоцзун шилу, 1375, 24]. Все эти шаги в совокупности показывают, что Цяньлун твердо намеревался поддерживать связи с Вали ханом, а также с потомками Абулфеиза. Скорее всего, Досали не был официальным послом Вали, он приехал по частному поручению, с целью закупить товары для какого-то семейного события.



Но вот перед Новым годом по китайскому календарю (по солнечному приходится на 27 января 1791 г.) Досали оказывается в Пекине, где он присутствует на дворцовом приеме в составе казахского посольства из пяти человек, среди которых упомянут лишь Айцзибай. Как обычно, на предновогодние и новогодние приемы приглашались представители многих восточных стран, а также уйгурские беки, монгольские князья – *вай фань* (внешние вассалы), *тусы* (старшины) народов Южного и Юго-Западного Китая. В списке гостей приема, на котором присутствовал Досали султан, указаны послы дэрбетского, торгоутского ханов, правителей Кореи, Бирмы, Сиама, всего около 30 человек [Гаоцзун шилу, 1369, 13об. –14]. 30 января был второй, а 12 февраля третий прием Цяньлуна [Гаоцзун шилу, ???]. Приезд Досали к новогодним торжествам был весьма кстати, иноземцы в своих красочных национальных одеждах придавали блеск дворцовым приемам. Эти приемы демонстрировали политическое могущество Цинской империи. Досали задержался в Китае более чем на год и должен был присутствовать на приемах в честь 80-летия Цяньлуна осенью этого года, намечаемых в летней резиденции в Жэхэ.

Дипломатические маневры цинского двора привели к тому, что весной 1791 г. в Пекин прибыл сын Вали хана – Амиржан, а Досали – младший брат Вали – все еще оставался в пограничной Кульдже (Или) гостем генерал-губернатора, чтобы сопровождать юного племянника на аудиенцию к императору. Напрашивается вывод, что Досали был задержан в Китае и оставался неофициальным заложником до прибытия настоящего, т. е. родного сына Вали. Возможно, он оставался, чтобы продолжать торговые дела семьи.

Вали хан, желая закрепить права своего наследника, понимал, что не мешает заручиться в этом деле патентом от цинского императора. Опыт воцарения его отца, а также его личный опыт подтверждали политическую необходимость этого шага. Император Цзяцин, со своей стороны, также требовал, чтобы синьцзянские власти не выпускали из поля зрения престолонаследные дела казахов. Этот вопрос приобретал большое политическое значение в связи с планами России упразднить институт ханства в Казахстане. В 1800 г. (5 год правления Цзяцин, 5 луна,) был оформлен документ о признании наследником Вали хана его старшего сына – Габбаса султана (Аббас), в связи с чем ему присваивался титут *гун* и выдавалось соответствующее вознаграждение от императора Цзяцина в виде шелков, изготовленных в дворцовых мастерских [Жэньцзун шилу, 68, 8]. Документ должен был

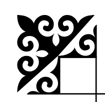


быть доставлен в 1801 г. в ставку Вали хана, где должен был состояться торжественный церемониал вручения, на соблюдении которого двор всегда настаивал. В наших руках нет документа о том, когда именно и где был вручен Вали хану и его первенцу Габбасу этот документ. Но ритуал, несомненно, состоялся, свидетельством чего служит приглашение Цзяцина посланцам Вали хана навестить его в летней резиденции Бишу шаньчжуан в Жэхэ. Осенью 1803 г. казахская делегация, формально возглавляемая сыном Вали хана Богели (Бегали. – *К.Х.*), прибыла в Жэхэ. Заместителем главы делегации и следующим по знатности визитером был Токто-султан, сын младшего брата Вали – Чингиса. Он получил в подарок слитки серебра. Бегали удостоился чина офицера гвардии, что выразилось в пожаловании ему шляпы с драгоценным камнем и плюмажем из двухочкового пера павлина [Жэньцзун шилу, 118, 29]. Приглашение в Бишу шаньчжуан означало, говоря языком китайской дипломатии, «сугубо доверительные отношения». Это было вторым случаем в казахско-китайских отношениях, когда посольство дома Вали прибыли в летнюю резиденцию, где в непринужденной обстановке проводило секретные переговоры вдали от столицы. Члены посольства, как здесь было принято, участвовали в летне-осенних развлечениях «бай си» (сто представлений), главными из которых были охота, скачки, цирковые представления (джигитовка), фейерверки.

Китайские дворцовые хроники говорят о семи официальных посольствах Вали хана за 40 лет его правления – в 1782, 1787, 1791, 1795, 1800, 1803 и 1809 гг. После смерти Вали хана цинский двор предпринял неудачную попытку вручить патент на ханство его сыну Губайдулле, но рассказ о нем отдельный.

Отношения цинского двора с фамилией Абулмамбета продолжались как в течение всего периода правления Вали хана, так и после его смерти, вплоть до территориального разграничения между Цинской и Российской империями на центрально-азиатском участке, т. е. почти до конца XIX в. Но они не носили столь официального характера, большинство поездок ограничивалось пограничными городами Тарбагатаном и Кульджой, изредка – Кашгаром.

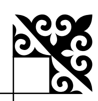
В 1799 г. в Китае был отмечен приезд посла семьи Абулфеиза, его внука Жанходжи с известием о смерти его отца Ханходжи. Их подвластные кочевали на землях между Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостями на подступах к Синьцзяну. В источнике не указано, с согласия ли хана Вали отправлялось это посоль-



ство, также непонятно, было ли ему вообще известно об этом факте. Если это посольство направлено с одобрения и согласия Вали, то при нем непременно должны были быть его торговцы. В таком случае получается, что Вали отправлял свои посольства один раз в четыре-пять лет, а цинское правительство установило правила: одно посольство за три года. Интенсивность связей Вали хана с цинским Китаем была намного выше, чем с царской Россией. Из его братьев в составе посольств, отправленных в Китай, были Досали (в 1786 и 1809 гг.), Касым (в 1787–1788 гг.), Амиржан (в 1791 г.), Шамухамет (в 1795 г.) , а из детей – Габбас, Бегалы (в 1800 и 1803 гг.), Сарбай (в 1809 г.), а также племянники. Связи Вали хана с Пекином не прерывались его потомками, однако с каждым поколением они слабели.

Вали хан имел многочисленное потомство, что в казахском обществе того периода являлось признаком силы и могущества. Согласно русским материалам, Вали хан имел 14 сыновей: 5 сыновей от старшей жены и 9 – от младшей – хорошо известной русскому двору ханши Айганым. И.В. Ерофеева перечисляет их в таком порядке: Абулмамбет, Шынгыс (Чингис), Хамза, Бегалы, Абылай, Шеген, Торежан, Аббас (Габбас), Жошы, Тауке, Канходжа, Али, Габайдулла (Губайдулла) и Есым [Ерофеева, 1997, с. 123]. Возможно, она не придавала значения перечислению сыновей по их старшинству. Однако, этот вопрос является чрезвычайно важным в деле престолонаследия.

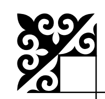
Чингис родился в 1818 г., за год до смерти Вали хана, в 33-летнем возрасте он имел солидный послужной список: был старшим султаном Аман-Карагайского (затем переименован в Кушмурунский) округа с 30 августа 1851 г., награжден чином майора в 1838 г. в 20-летнем возрасте, а в 1843 г. – золотой медалью на александровской ленте [ИКРИ, т. 8, 2006, 342]. Сохранился снимок 1891 г. султанов Сибирского ведомства, в середине сидит Чингис в мундире полковника с эполетами и с именной саблей. Ему тогда было 73 года. Награды последовали в годы восстания Кенесары! Торежан родился в 1810 г., волостным управителем стал в 1859 г., никаких знаков отличия от русских не имел. Выше упоминалось о том, что царь Павел выделил жалованье Габбасу, что также свидетельствует о преимущественных правах этого султана. В ханской родословной, помещенной в «Синьцзян шилюе» (цз. 12, л. 3–12) четко написано, что старшим сыном Вали хана является Аббас (Габбас), далее идут Амиржан, Абалайда (Абайдилда, Губайдулла), Бегали (Богэли), Сарбай. Приведены имена лишь пяти сыновей, скорее всего, все они рождены старшей же-



ной Вали хана и, согласно степному праву, именно они могли быть законными претендентами на ханский трон. Имена других девяти сыновей в родословной не указаны, хотя некоторые из них прожили долгую жизнь. Большинство детей Вали причислены к Кокчетавскому внешнему округу, придерживались русской ориентации и переходили на службу России. Цинский двор отдавал преимущество сыновьям старшей жены во всех отношениях, что в какой-то степени объясняет одну из причин русской ориентации ханши *токал* Айганым и рожденных от нее детей. Однако, дети Айганым не были полностью отстранены от дипломатической деятельности, поскольку она была и оставалась привилегией ханского дома

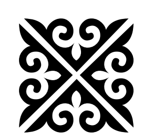
2.2.3. Таблица посольств хана Вали

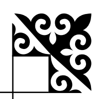
год, месяц, день	имя посла, посланца, курьера	куда и к кому отправил	источник
1782, июнь. 11 марта 1782 тронулись из Или, 26 марта достигли Урумчи, 15 мая –Ланьчжоу, 11 июня - Пекина	Шигай султан, мл. брат хана Вали; Даяр, Дектер, Дурал (Дурат), Есен, Кебек, Чуиана, Белек, Жанкелту (Якхагэлэду), Мамбет (Беимбет). Султан Адиль и его послы Таштемир, Джиргал, Азиянь	В Пекин к императору Цяньлуну	ПИА КНР, ф. Хасаке даньань, тетр.1; Цин Гаоцзун шилу, цз. 1156, 7; 2, 56
1781, 26 октября 1782	Ишим (Есим) султан, мл. брат Вали хана; Тюляу мурза, Шаукал бахадур, Байтука, Тляукабул, Мурзатай, Куйлыб, Токус (Текуш старшина) и двое слуг при Ишиме султанеей	К Екатерине II в Санкт-Петербург	КРО2, с.103
1784, возвращение в октябре	Джанибек султан, мл. брат хана Вали с товарищами	К Екатерине II в Санкт-Петербург	КРО2, с. 108
1787, июнь	Айбак султан, сын Жолбарыс (Юлбарс) султана, 6 старшин и при них трое слуг	К императору Павлу в Санкт-Петербург	ЭНЭХ2, 297, 302, 305
1787, сентябрь	Хасам (Касым) султан, мл. брат хана Вали после кратковременного плена у кыргызов, Даяр, Балтай, Хара батур, Бедегер	В Пекин к императору Цяньлуну	ПИА КНР. КФ. тетр. 2–3; Цин Гаоцзун шилу, цз. 1286, 13



год, месяц, день	имя посла, посланца, курьера	куда и к кому отправил	источник
1791, январь	Досали султан, мл. брат хана Вали	В Пекин к императору Цяньлуну	ПИА КНР. Ф.ХД. тетр. 2–3; Цин Гаоцзун шилу, цз. 1369, 13, 15–15 об.
1791, июль–август	Амидай, Амирцзай (Амиржан), мл. брат хана Вали	В Пекин к императору Цяньлуну	Цин Гаоцзун шилу, цз.1383, 27
1795, сентябрь	Шамухмуд султан, мл. брат хана Вали; Балакэ, родственник хана	В Пекин к императору Цяньлуну	Цин Гаоцзун шилу, 1483,16
1798	Бахадур (Батыр султан), племянник Вали, сын его мл. брата Чингиса; старшины Ходжа-Гильди, Аккиши, Ирари, Умарбек	В Санкт-Петербург	АВП РИ,ф. ККД 1781, д. 3
1803, сентябрь	Бегали султан, мл. брат хана Вали; Токто, сын султана Жолбарыса, племянник Вали хана; Айчувак, сын Бабака	В Пекин к императору Цзяцину	Цин Жэньцзун шилу, цз. 118, 29; Синьцзян шилюе, 12
1809, сентябрь	Досоли (Досали), мл. брат хана Вали, Сарбай,сын Вали; Токто, племянник Вали; Султанкерей, сын Абаза; Шарухул, сын султана Даулеткерея (Дулаткерея), Айчуак, мл. брат Вали хана	В Пекин к императору Цзяцину	Цин Жэньцзун шилу, цз. 217, 1: Синьцзян шилюе, 12

Примечание. От Вали хана в России принимали 4, а в Китае – 7 посольств.





2.3. Политика Губайдуллы (Абайдильды) за сохранение ханского титула

Губайдулла (Габайдулла, Абайдильда, Абилада, 爱毕勒达，阿拜拉达) является хорошо известным в истории внуком Абылай хана, внесшим свой вклад в борьбу за независимость казахского государства. Годы его жизни (1778 – не ранее 1851 гг.), он умер в возрасте 73 лет. Его взрослая жизнь пришлась на сложный период ослабления казахской государственности и ее последующей ликвидации, поэтому его политическая активность была царским правительством быстро и невозвратно пресечена. На политической карьере Губайдуллы отразились: феодальные распри в казахском обществе, ликвидация института ханства и новый всплеск российско-китайского соперничества в Казахстане.

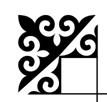
Большинство исследователей называют Губайдуллу вторым сыном Вали, что верно лишь отчасти. Он, действительно, был вторым из оставшихся в живых в 20-х гг. XIX в. сыновей Вали, когда в степи разыгрались события, судьбоносные как для него лично, так и для казахского ханства. Дело в том, что во многих родословных Вали хана его первенец Габбас не упоминается вовсе, а старшим сыном назван султан Губайдулла.[1] В хронологической же таблице, составленной в Синьцзяне по указу илийского генерал-губернатора Сун Юня не позже 1821 г., указано, что Губайдулла является третьим сыном Вали [Циньдин Синьцзян шилюе, б/м, 1821, цз. 12, л. 5 об.].

Любопытно, что здесь не названы ни дети султана, ни подвластные ему роды. Очевидно, к моменту составления этой таблицы они еще не родились. Если это так, то понятно, почему Губайдулла своим наследником назвал китайцам племянника. К счастью, подробные сведения о детях Губайдуллы можно почерпнуть из русских источников.

В начале XIX в. казахские информаторы, а вслед за ними и илийские власти еще не принимали кандидатуру этого султана претендентом на ханский трон. Причины этого могут быть в том, что:

1) родословная была составлена в Китае на основе информации казахских послов и торговцев еще до смерти Габбас султана, согласно китайским документам;

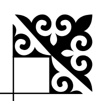
[1] Примечания: 1. В статье Ерофеевой И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. Габбас не указан, а упомянутые сыновья ханов и султанов иногда перечислены не по старшинству. См. с. 122, 123 и др. Китайские родословные строго придерживаются перечисления детей по старшинству рождения в связи с престолонаследием.



2) семья Габбаса, проживавшая в окрестностях Кокчетава, была более влиятельной и более многочисленной по сравнению с семьей Губайдуллы. В 40–50-х гг., когда влияние России окрепло, Габбасовы оттеснили потомков Губайдуллы, так как те были окончательно дискредитированы в глазах царского правительства из-за поддержки их Пекином.

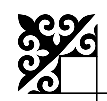
Заняв трон, отец Губайдуллы, Вали хан назначил своим наследником Габбаса султана, который, по словам Ч. Валиханова, в юности длительное время находился в Китае, изучал китайский, маньчжурский языки, а также конфуцианство. Пока не найдено подтверждений тому, как долго Габбас султан находился в Китае, в каком именно городе и кто занимался его образованием. Точная дата ранней смерти Габбаса, ушедшего из жизни в молодом возрасте, причины его смерти также неизвестны. Достоверно известно лишь то, что он умер раньше своего отца, что внесло коррективы в дело наследования ханства. Скорее всего, смерть молодого султана случилась незадолго до кончины Вали хана, последовавшей зимой 1819 г. Под управлением Габбаса находился род *атыгай багыс* племени *аргын* [Сичуй цзунтун шилюе, 1809, цз. 11]. Мыржакып Дулатов упомянул о том, что Абайдильде достался в управление удел Габбаса. Об этом сказано и в песне акына Жанака, что следует воспринять как исторический факт. Удел Габбаса, естественно, мог отойти также к его сыновьям Абылаю и Пирали, на худой конец, внуку Габбаса – Адилю, родившемуся в 1822 г. Возможно, Губайдулла по молодости прямых потомков Габбаса был признан их опекуном.

В свое время Вали хан для укрепления наследственных прав Габбаса на трон втайне от русских властей и от своих старшин добился присвоения ему китайского титула *гун*. Это обстоятельство говорит о стремлении Вали документально закрепить трон за своим потомком, а не полагаться на выборы хана советом старшин. Тем самым, он продолжил политику отца по ослаблению социальной значимости старшин, игравших большую роль при избрании хана. Вали знал, что по традициям степной демократии в степи могли не поддержать интересы его детей, так как все еще были сильны позиции потомков Барака султана, а планы России и Китая в отношении ханства являлись прямо противоположными. Дипломатия Вали хана была направлена на закрепление неоспоримого права на трон за своими потомками при помощи двух держав: Цинской и Российской империй. Почетные же люди могли в качестве альтернативы предложить для



ханства старшего по возрасту султана, к примеру, одного из братьев хана. Действия Вали в этом направлении показывают его предусмотрительность в обеспечении интересов собственной семьи, а также отражают его общие опасения по поводу будущего ханства. Сохранение казахских ханств, как естественного барьера между нею и Российской империей, было в интересах Цинской империи. Россия придерживалась уклончивой позиции – в связи с дальними планами ликвидации ханства,так как они не совсем доверяли Габбасу султану. Цинская империя колебалась в выборе хана между представителями фамилий Абулфеиза (Абулмамбета) и Вали (Абылая), поскольку они поддерживали с нею постоянные связи. Дети Абулфеиза и подвластные им роды все больше связывали свою жизнь с пастбищами на территории Монголии и Синьцзяна, что предусматривало более тесные политические отношения с цинским правительством. Цинская империя также стремилась не терять установившиеся с середины XVIII в. политические и торговые связи с правителями приграничных и более отдаленных северных районов Казахстана. Император Цяньлун без особых колебаний признал казахским ханом Абылая (Абильмансура), затем титулы наследников и ярлыки на ханство выдавались Пекином его прямым потомкам – Вали и Губайдулле.

Несомненно, Вали хан стремился окончательно решить вопрос о престолонаследии хотя бы с одной из сторон – Китаем, однако, по какой-то важной причине, он не успел своевременно закрепить права Губайдуллы на международной арене. Предположительно, этой причиной стала неожиданная смерть Габбаса, а вслед за ней – и самого Вали. Возможно также, что Вали хан колебался до самой смерти в выборе наследников, рожденных от разных жен и соперничавших между собой. Учитывал он и соотношение сил между соседними державами, поэтому он, отнюдь не случайно, предусмотрительно Габбаса обучал в Китае, а Чингиса – в Омске, поскольку по старшинству за Габбасом шел Чингис, сын младшей жены Айганым. Эта семья поддерживала теснейшие связи с Омском и делала ставку на его поддержку. Твердой уверенности Вали в поддержке России не было, так как ее политика была направлена на раскол в Среднем жузе между знатными семьями и поддержку конкуренции между претендентами. Эта политика была также направлена на углубление разрыва Среднего жуза с другими двумя жузами. Как уже говорилось выше, политика России в годы правления Вали была направлена на постепенную ликвидацию казахской государственности.

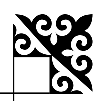


Поэтому русская пограничная администрация не собиралась дать ход выборам хана и намеренно затягивала дело с утверждением наследника Вали хана.

Цинская империя в первой четверти XIX в. была, напротив, заинтересована в сохранении Казахского ханства и, тем самым, в ослаблении позиции России в Северном Казахстане, а также в предотвращении распространения ее влияния в Семиречье. Но и Цинская империя после смерти Габбаса не спешила с утверждением, а, точнее, с признанием наследственных прав Губайдуллы. Она стояла перед угрозой потери Кашгарии, где власть ее пошатнулась в связи с чередой уйгурских восстаний и инспирированных Кокандом военных вторжений потомков ходжей. Тем не менее, получив известие о смерти Вали хана, бюрократическая машина цинского правительства со скрипом заработала, стараясь ни на йоту не отходить от прежних прецедентов. Она также считалась с тем, что Губайдулле досталась в наследство от отца часть из 44 *журтов* рода *атыгай* племени *аргын*, кочевавших между русской линией, Кокчетавом (ныне – Кокшетау) и рекой Ишим.

Еще до получения окончательного решения от цинского правительства, вопрос о том, кто станет ханом после Вали, большинством аристократии и старшин решился в пользу Губайдуллы. Брат Губайдуллы, Касым, официально заявлял, что тот избран «еще по наследству отца моего Аблая и брата Валия» [КРО2, с. 215][2]. Однако за это время в политике России в Казахстане произошли большие перемены, вызванные тем, что царское правительство конкретно приступило к упразднению института ханства и созданию в степи окружных приказов (*диванов*). Старшими султанами в эти диваны избирались, а, фактически, назначались Россией влиятельные члены ханских семей. Стараясь оставить за собой пусть и значительно урезанную в правах власть, Губайдулла согласился на избрание его старшим султаном Кокчетавского окружного приказа. Но он оставался недовольным этим обстоятельством и одновременно установил корреспонденцию с тарбагатайским наместником (цаньцзань дачэнь), а через него – с илийским генерал-губернатором в Китае. При этом Губайдулла начал хлопотать о присвоении титула *гун* сыну Габбаса, что означало намерение султана сделать его своим преемником и утвердить его легитимность у китайских властей. Эти планы Губайдуллы

[2] Протест султана Касыма Аблайханова генерал-губернатору Западной Сибири Капцевичу в связи с введением окружных приказов в Среднем жузе. 1824 г., сентября 17.



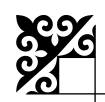
свидетельствуют о его дипломатических способностях, его старании привлечь на свою сторону других абылаевичей. Напомним, не все они были единодушны в вопросе престолонаследия.

Против кандидатуры Губайдуллы выступал правитель колена *ногай* Тортай – второй муж ханши Айганым (она досталась ему по закону левирата? – *К.Х.*), а также султан Сортай (Сартай) Чингисов, утверждавший, что «Габайдулла против него, Сортая, ничего не значит» [КРО 2, с. 209–211].[3], очевидно, имея в виду старшинство его отца в семье. Кстати, слова Сартая косвенно подтверждают правильность записи очередности рождения сыновей у Вали. Сортай управлял коленом якшилык караульским, был готов оказать вооруженное сопротивление русским отрядам, прибывшим подавить возможное сопротивление казахов открытию окружного приказа в сердце ханства – в Кокчетаве. Сортай был уверен и уверял всех в том, что в степи русские отряды не задержатся. Сам он не явился на открытие приказа и препятствовал поездке султана Тортая и других зависящих от него людей на эту церемонию. Это показывает решимость Сартая бороться против выработанного Сперанским «Устава сибирских казахов». Губайдулла все же надеялся на то, что в состав его приказа будут зачислены пятьсот семейств *якшылыков* и три тысячи семейств *ногаев* и тогда оба их правителя оказались бы в его власти.

Законность прав Губайдуллы хорошо понимали в степи, что видно из песни акына Орынбая, где есть слова о том, что через 8 лет ссылки «в край, где запрягают собак (Итжеккен), Абайдильда – законный наследник Абылая возвратился в Кызылжар. Возвратился он на счастье народа и к благополучию Среднего жуза в трудное время, когда после тяжелейшего *джута* мука стоит 5 тенге (мера веса не указана, вероятно – за пуд. – *К.Х.*)».

Дело с выдачей и доставкой китайского документа на ханский титул несколько затянулось, и султан успел совершить присягу на аль-Коране перед Российским правительством в связи с назначением его *ага-султаном* Кокчетавского приказа. Однако не следует игнорировать и тот факт, что в переписке с генерал-губернатором П.М. Капцевичем, председателем Омского областного правления подполковником Григоровским, Губайдулла не скрывал своего недовольства ущемлением его наследственных прав, царскими мероприятиями

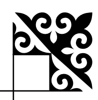
[3] Рапорт председателя Омского областного правления подп. Григоровского генерал-губернатору Западной Сибири Капцевичу о выступлении султана Сортая в связи с открытием Кокчетавского окружного приказа. 1824 г. апреля 30.



по новому административному устройству Среднего жуза и открыто подчеркивал незаконность создания *диванов* на его территории. Он не скрывал и того, что имеет переписку с китайской стороной по поводу наследования ханского трона. Когда до Губайдуллы дошла достоверная весть о том, что цинский император готов его титуловать, он провел совет со своими союзниками – абылаевичами и симпатизировавшими ему старшинами и биями. В итоге, до получения от императора Даогуана (время правления – 1821–1850 гг.) фирмана на ханство, он пришел к тому решению, чтобы его наследником стал султан Абылай – сын Габбаса. Здесь возникает еще одно затруднение – у султана Габбаса по неоднократно цитируемой родословной, составленной в Синьцзяне, не указано сына с таким именем. Список сыновей Габбаса по китайскому шежире, составленному по информации приезжавших в Кульджу казахских послов, таков: Султанкерей, Кашканбай, Абулгазы. Но там упомянут сын Адиля (третьего сына хана Абылая, т. е. дяди Губайдуллы) по имени Абылай [Циньдин Синьцзян шилюе, б/м, 1821, цз. 12, л. 5; л. 6 об. – 7]. Упоминается еще один Абульхаир Габбасов, управлявший *атагай-багышевской* волостью близ Кокчетава с 10 марта 1828 г. [ИКвРИ, т. VIII, ч. 1, 43]. Звание капитана он получил в 1830 г. и был назначен волостным управителем с жалованьем в 150 руб. [ИКвРИ, т. VIII, ч. 1, 99]. По формулярному списку от 30 сентября 1852 г. видно, что Абульхаир стал старшим султаном Кокчетавского окружного приказа с жалованьем в 343 руб. 10 коп., а чин майора получил еще в 1843 г. [ИКвРИ, т. VIII, ч. 1, 491– 493]. В том году этому султану исполнилось 49 лет. Не исключено, что под именами Абулгазы и Абульхаир выступает один человек.

В русских источниках упоминается еще один Габбасов – Пирали, в 1851 г. ему было 40 лет, следовательно, его год рождения приходится на 1811 г., это означает, что Габбас в 1811 г. еще здравствовал! Пирали также, как и Абульхаир в 1830 г., получил чин капитана, был волостным управителем *Бабасан-Багышовской волости*. В 1834 г. в октябре дважды награжден похвальным листом от пограничного начальника, а 11 сентября – золотой медалью на аннинской ленте. Кочевал на землях протяженностью от 50 до 270 верст [ИКвРИ, т. VIII, ч. 1, 367].

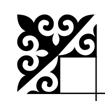
Как бы там ни было, Губайдулла заручился поддержкой одной из претендующих на трон сторон – семьей Габбаса, признав своим наследником султана этой семьи. Но могло быть и так, что речь шла о семье султана Адиля. В другом районе Казахстана – в Семиречье,



т. е. на территории Старшего жуза, влияние этого сына хана Абылая и дяди Губайдуллы было достаточно сильным, что хорошо знали цинские пограничные чиновники, поскольку Кульджа, Тарбагатай и Кашгар не прерывали более или менее регулярные связи с ее членами. Между тем, Адиль был меньше известен Омску, Томску и, тем более, Оренбургу. Поэтому вполне возможно, что в документе речь идет об Абылае Адилеве (Кулане), который жил в то же время. Нельзя исключить, что ошибка с семейной принадлежностью султана с именем Абылай могла просочиться и в цинский документ: он мог устроить казахов и Цинов еще и тем, что эта ветвь династии Абылая еще не была официально принята в российское подданство. Включение его под управление Губайдуллы значительно укрепило бы будущее ханство, расширив его территорию до Семиречья, где позиции абылаевичей являлись достаточно прочными. Ответа на вопрос о том, самостоятельно ли Губайдулла пришел к выводу объявить перед цинской династией своим фактически соправителем Абылая Габбасова или Абылая Адилева, сделал ли это по рекомендации кого-то из присутствовавших на его первом совете, или это сделано по рекомендации цинского правительства, на сегодня нет. В любом случае, присвоение другой ветви династии Абылая титула *гун* было шагом, направленным на продление ханской династии и на существование этого ханства. Титул *гун,* когда-то присвоенный Габбасу и который Губайдулла старался оставить за своим родственником, по установленным цинами правилам не передавался по наследству.

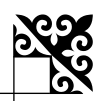
Султан Абылай Аббасов (Габбасов) также имел немалый вес в Казахском ханстве. Его кругозор был достаточно широк, а политические взгляды на устройство ханства – совпадали с планами Губайдуллы. Он намеревался послать своего брата Пирали в Китай. Как уже говорилось выше, Пирали имел русский чин капитана, как и Абылай Габбасов, и ему в 1830 г. было определено русским правительством жалованье в сумме 150 руб. Тем не менее, это не считалось препятствием для его поездки в Китай по делам, связанным с ханством. Политические воззрения и менталитет кочевых властителей на вопросы подданства оставались такими же, как и у их предков в XVIII в. Второе и третье поколение абылаевичей продолжали борьбу за казахское государство в новых условиях.

Абылай Аббасов (Габбасов) вместе с Турсуном Чингисовым (они двоюродные братья) возглавили в 1830 г. депутацию от Кокчетавского и Каркаралинского округов в Санкт-Петербурге. Заметим, что



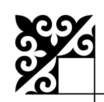
к тому времени прошло шесть лет после неудавшейся попытки Губайдуллы дипломатическим путем отстоять казахский трон и столько же времени оставалось до вооруженной борьбы за него Кенесары Касымова. Вскоре после прибытия в русскую столицу султаны представили несколько прошений на имя Николая I. Их требования ввели МИД России и Азиатский департамент МИД в большое смущение. Эти документы показывают, что султаны считали себя не депутацией, прибывшей для изъявления благодарности за открытие округов, хотя именно в этом качестве и с этой целью они были командированы в Санкт-Петербург генерал-губернатором Западной Сибири. Султаны выступили как посольство, присланное от имени Казахского ханства. Обратимся к «Отношению директора Азиатского департамента МИД, тайного советника К.К. Родофиникина генерал-губернатору Западной Сибири, генералу от инфантерии И.А. Вельяминову о пребывании в Санкт-Петербурге депутации казахов Каркаралинского и Кокчетавского внешних округов. 1830, июня 6» высокопоставленного чиновника МИД России, отправленного в Омск [ИКвРИ, т. УШ, ч. 1, 29–33]. В нем перечисляются главнейшие из требований казахов: возведение старших султанов в ханское достоинство, присвоение княжеского достоинства всем султанам, происходящим от рода Вали и Букей ханов. В случае невозможности осуществления этого варианта, они просили сделать для представителей этих двух домов звания старших султанов наследственными. Ряд требований султанов касались способов управления казахами: 1) об освобождении султанских родов от ремонта; 2) о предоставлении самим султанам взимать подати с *туленгутов*; 3) «чтобы владение землей, водой и лесом остались навсегда» за ними; 4) чтобы казахскую землю не межевать; 5) о позволении киргизам решать тяжбы их по прежнему обычаю, предоставив сие право султанам и биям, а не по российскому обыкновению на бумаге и следствиями; 6) об избавлении султанских детей от рекрутской повинности; 7) чтобы они продолжали жить в своих войлочных юртах (другими словами, жить по своим законам).

Все эти требования говорят о политической зрелости Абылая Габбасова и о продуманности действий посольства во время командировки в столицу Российской империи. Султаны требовали сохранения своих привилегий, самостоятельности в сборе повинностей, исполнения судебных функций традиционными способами, т. е. всех ветвей власти: политической, исполнительной и судебной. Готовы они были идти и на компромисс: признать звание *ага-култа-*



на, но при условии передачи его по наследству и не «межевания» – деления земли на административные районы. Взимание налогов с туленгутов фактически означало намерение узаконить ханскую гвардию. Но эти требования не соответствовали внедряемым Россией положениям «Устава о сибирских казахах». По существу, требования влиятельных султанов с небольшими уступками совпадали с требованиями опального Губайдуллы. Кроме того, Абылай Габбасов и Турсун Чингисов хлопотали о русских подарках, чинах и наградах своим сторонникам. МИД Российской империи твердо отказало в восстановлении ханского звания, а на другие требования уклончиво ответило, что они должны решаться на местах пограничными властями. Посольство двух абылаевичей можно рассматривать как новую безуспешную попытку путем компромиссов и признания большей зависимости от России сохранить ханство. Габбасовы тогда не были готовы на открытое и, тем более, вооруженное сопротивление царским властям. Сын Абылая Габбасова по имени Адиль отмечен русскими как кроткий и умный молодой человек двадцати лет, который «в преданности благонадежен», был богатым и кочевал вместе со своим дядей Абульхаиром» [ИКвРИ, т. VIII, ч. 1, III]. Дипломатические маневры казахов в 30-х гг. не привели к успеху, царское правительство проигнорировало все требования двух потомков хана Абылая и считало вопрос о ликвидации ханства окончательно решенным. Через 10 лет это привело к мощному восстанию представителей младшей ветви династии – Касымовых, длившемуся около 15 лет и охватившему практически всю территорию Казахстана.

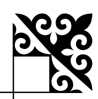
Из многочисленного потомства Абылая семья сына Касыма решительно поддерживала Губайдуллу. Первым решительный протест по поводу насильственного увода в плен Губайдуллы и его товарищей выразил глава семьи султан Касым. Он писал генерал-губернатору Западной Сибири Капцевичу: «По какой причине сие сделано и почему волость его с кочевок уведена? Если он, Габайдулла, учинил для России какие-либо злодейственные поступки, то о сем меня известите; если же он сделал что-либо вредное для киргизского народа, то должно бы было представить сие в разбирательство наше. Если Вы о поступке того родственника моего меня не известите, то мы найдем случай о сем спросить и тогда на нас уже не гневайтесь». Столь же резко султан Касым требовал от русских властей «Обитающим в пределах наших неверноподданным киргизцам вреда не делать», уничтожить возводимые строения, соблюдать учрежденную при его



отце Абылай хане пограничную линию. В конце он добавил: «Для защищения же от обид, могущих произойти с Вашей стороны, осталось некоторое число батыров» [КРО 2, с. 215–216]. Из этого письма видно, насколько были возмущены арестом Губайдуллы некоторые правители, они единодушно считали это незаконным актом со стороны Омска. По тону письма можно составить себе представление о необузданном характере Касыма, доставшемся в наследство его сыновьям. У Вали хана характер был гораздо мягче, он не мог бы вести себя с русскими властями подобным образом. Из старшин султана Губайдуллу активно поддерживал би Торайгыр из Каркаралинского округа, задержанный вместе с ним казачьим отрядом во время их встречи с цинским посольством. А также цинскую делегацию для произведения Губайдуллы в ханы сопровождал один из братьев правителей рода *сыбан* поколения *найман* султан Сарыбай Джангиров, получивший титул *гун* второй степени от цинского правительства, который был, по мнению лекаря Зибберштейна, равен чину российского генерал-лейтенанта [ИКвРИ, т. V1, 222–223].

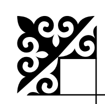
У Губайдуллы, по изысканиям И. Ерофеевой, было пятеро сыновей: Жаныбек, Болат, Жошы, Канкожа, Абулфеис [Ерофеева. Казахские ханы и ханские династии, 136]. Однако, по соображениям объединения сил, Губайдулла признал своим наследником не одного из своих сыновей, а племянника. А может быть, вследствие того, что сын его фактически был арестован русскими властями? Сын Бекболат (Болат?) должен был выехать в столицу Российской империи для выражения верноподданнических чувств нового хана перед царем, но его летом 1824 г. задержали в Омске как надежного заложника Губайдуллы. Фактический арест сына, очевидно, после получения сведения об указе цинского императора, а также то, что отряды казаков помешали его переговорам с цинским посольством, возглавлявшимся командующим Илийским гарнизоном, роковым образом повлияли на поведение Губайдуллы.

Вскоре в степи развернулись события, важные как для нового претендента на титул хана, так и для выживания самого ханства. Здесь мы видим столкновение интересов России и Китая, а также прямого влияния этого столкновения на цивилизационное развитие Казахстана. Создалась конфликтная ситуация, которую сибирская администрация использовала в свою выгоду для осуществления грядущих царских административных реформ. В то же время, российские пограничные власти приняли во внимание реальное соотношение



сил в правящей казахской верхушке, если все же султану Губайдулле место управителя окружного приказа выделили, обойдя всех его конкурентов.

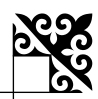
Соперничающие казахские султаны обычно начинали хлопотать о троне после проведения поминок по умершему хану: сороковины и годовщины смерти. При проведении годовых поминок тут же следовала вторая часть ритуала: сторонниками претендента избирался новый хан. Иногда часть родов прежде избирала своего хана, но между ханами все же соблюдалась иерархия, основанная на соображениях знатности, возраста хана и его реального положения. При этом учитывалось соотношение других внутренних сил: численность подчинявшихся ему родов, стратегическое значение занимаемых ими угодий и сила внешней поддержки. По интенсивности международных связей претендентов, участившихся случаев подготовки ими посольств в Россию, Китай и среднеазиатские ханства, можно судить о степени накала конкурентной борьбы. К примеру, сам факт прибытия и переговоров посольства султана Шамухамета (Самеке) в Чугучак в 1823 г. говорит о многом. От него, а не от Губайдуллы китайская сторона узнала о смерти Вали хана. Шамухамет отправил своего сына Джахангира с письмом (дата его перевода и получения – 16 июня 1822 г.), в котором сообщал о прискорбном событии, сопроводив это письмо глубоко символическим подарком из 9 голов коней [ЦИКХ 2, док. № 195]. Принятие сюзереном подарка из девяти коней, как и других ценных вещей, или помноженных на девять нескольких комплектов подарков означало признание претензий дарителя на управление своим улусом. Подарок Шамухамета прозрачно намекает на то, что и он имел виды на трон. К сожалению, в документе точно не указано происхождение Шамухамета, возможно, это был сын Абылая и дядя Губайдуллы, известный под именем Шама (Чама), по русским источникам – Шамамет, а по китайским – Шама. В «Сичуй цзунтун шилюе» упоминается 14-й сын Абылая с этим именем [Сичуй цзунтун шилюе, б/м, 1809, цз. 11]. Однако нельзя также исключать, что письмо и подарки могли последовать от представителя конкурирующих с абылаевичами детей и внуков Абулмамбета. Первыми среди них следует назвать потомков Абулфеиза, среди которых также известен султан с именем Шама. Но и он был не первым, а седьмым представителем мужского пола из потомков Абулфеиза. К какой бы семье не принадлежал Шамухамет, он не имел никаких шансов на избрание его ханом. Потомки Абулфеиза традиционно проживали



на территории Восточного Казахстана и начали активно осваивать земли в районах Тарбагатайского и Кобдоского округов на границе Цинской империи. Провинциальное правительство не в состоянии было контролировать этот процесс, поэтому предпочитало управлять казахскими родами через многочисленных султанов, стремившихся поднять свой статус. Шамухамет, вероятно, был одним из них.

Содержание писем казахских претендентов, отправленных пограничным властям России и Китая было однотипным, с небольшими и несущественными отличиями. Письмо Шамухамета вызвало неожиданную для него реакцию императора Даогуана. Тот повелел поднять все дела Военного совета о конфирмации казахских ханов – с тем, чтобы руководствоваться правилами, выработанными при подобных случаях его дедом Цяньлуном. Чиновники отвечали Пекину, что начало практике признания ханского титула было положено в 1780–1782 гг. при утверждении на троне сына Абылай хана и отца Губайдуллы – Вали хана. Надо сказать, что все дела о титуловании казахских ханов, об императорских грамотах-фирманах, о видах и количестве положенных при этом подарков проходили через обсуждение и решение Военного совета. А за исполнение этих решений отвечал непосредственно Илийский (Кульджинский) генерал-губернатор. После ознакомления с казахскими делами император и подчиненный ему Военный совет остановились на кандидатуре прямого потомка Абылая и старшего сына Вали хана – Губайдулле. Император Даогуан распорядился передать в дар Губайдулле 300 лянов серебра для проведения поминок по его отцу Вали хану, подготовить на его имя грамоту о признании его прав на ханство и указ о присвоении титула *гун* его племяннику Абылаю [Цин Сюаньцзун шилу, цз. 61, лл. 39–41. Императорское повеление от 3 года правления Даогуан, 11 луна, день синьмао (辛卯)].

Эти шаги говорят о предусмотрительности и дальновидности цинов, которые, зная шаткое положение Губайдуллы, одновременно признали также права его соправителя и наследника. Неизвестно, совпало это или нет с долгосрочными планами Губайдуллы, но при сложившейся ситуации ему не приходилось выбирать. Губайдулла пошел по проторенному Вали ханом пути, сумел отправить своего младшего брата Жанторе в Китай, а с ним – письмо положенного содержания. Тем самым, своими шагами Губайдулла оставлял трон за семейным кланом, сумел привлечь на свою сторону семьи братьев Габбаса (или Адиля, или тех и других), а также Касыма – отца Кене-



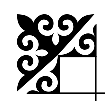
сары, других султанов и некоторых влиятельных старшин. К сожалению, большинство имен сторонников Губайдуллы пока еще не выявлены, в связи с неудачей предприятия.

Маневры с титулованием Губайдуллы раскрывает направленная к нему грамота от имени императора, датированная 9 декабря 1823 г., полный текст которой гласит:

«В прошлом году илийский цзянцзюнь подал нам доклад о том, что ты прислал своего младшего брата Жанторе-султана （占图喇）*с прошением, в котором сообщается о смерти твоего отца Валисултана* （瓦里苏剌坦）*зимой прошлого года. По окончании траура по своему отцу ты прислал своего младшего брата Жанторе с докладом о кончине (отца), почтительно прислал в дар коней, а также пишешь, что после кончины отца весь казахский народ пожелал избрать ханом тебя. Однако, (не получив на это) нашего одобрения, ты не осмеливаешься называть себя ханом и уповаешь на нашу милость.*

Мы (император), услышав весть о смерти твоего отца, испытали глубокую скорбь. Твои дед и отец были весьма послушны и пользовались нашей благосклонностью. Теперь твой отец скончался и, хотя ты (фактически) уже управляешь казахским народом, но, не получив нашего соизволения, не осмеливаешься называть себя ханом, а потому прислал своего младшего брата Жанторе-султана с сообщением о желании народа иметь тебя своим (правителем). Просишь на это нашего указа. (Твоя) почтительность нас весьма радует. Титул хана оставлен тебе твоими предками. При жизни твоего отца ты помогал ему в деле управления кочевьями. Подвластные казахи все почитают тебя, ты умеешь держать их в узде, это нам хорошо известно.

Мы (император) дали специальный указ (пограничным) сановникам препроводить к тебе бумажные деньги и другие ритуальные вещи, дабы провести (от нашего имени) тризну по твоему отцу. Получив данный наш указ, ты должен испытать чувство благодарности за нашу милость, чутко управлять казахским народом, жить в дружбе со своим потомством и братьями, не чинить конфликтов, крепко охранять границу, строго наказывать разбойников, жить в мире с соседями. Во всех делах прислушиваться



(к советам) наших илийского цзянцзюня и тарбагатайского цанцзань дачэня. Получив наставления от них, (тебе надлежит неукоснительно) следовать (им). Не надо думать (лишь) о собственном благополучии. Если ты действительно будешь подобно своим предкам усерден и осмотрителен, Мы (император) будем особо заботиться о тебе. Если ты действительно будешь следовать нашим повелениям, будешь вечно пользоваться нашим благорасположением. Не будь нерадивым!

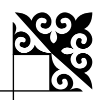
Ныне, поскольку передаем (для вручения тебе лично) этот указ, специально высылаем наш дар – 4 больших куска атласа.

Кроме того, как передал нам илийский генерал-губернатор, ты намереваешься прислать своих племянников Абылая-султана и своего младшего брата (Пилайли) Бегали султана.[4] *(Просишь), чтобы Абылай-султан наследовал титул гуна, пожалованный (некогда) твоему старшему брату покойному Габбас* （阿　帕斯）*- султану и т.д. Этот титул гун был специально присвоен (Габбасу) в связи с многолетними хлопотами твоего деда. И он не является наследуемым. Теперь Габбас-султан скончался и, по правилам, право наследования прекращено. Но, поскольку твой племянник Абылай-султан издалека присылает своего младшего брата Пирали-султана, (чтобы) почтительно осведомиться о нашем здоровье, а также прислал в качестве дани лошадей, (тем самым) проявил уважение к нам и послушание, Мы все же жалуем Абылай-султану титул гуна. Это является выражением нашего глубокого уважения и благосклонного отношения к внешним вассалам, но не является принятым у нас правилом (законом). Объясни это своему племяннику Абылаю-султану. Высочайшее повеление!» [Высочайшая грамота казахскому хану Айбилада (*爱毕勒达*). 3 год правления Даогуан, 11 луна, день синьмао Цин Сюаньцзун шилу, цз. 61, л. 39 об. – 41 об.*ЦИКХ 2, 1989, 128–130].

Письмо показывает, что для того, чтобы семья Габбаса поддержала своего дядю Губайдуллу в его претензиях на трон, тот должен был

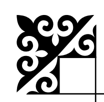
---

[4] В сборнике ЦИКХ, кн. 2, с. 128–130 перевод в документе 196 не точен: имя Пилайили（丕喇伊里）прочитано буквально как Пирали, но здесь, скорее всего, речь идет о младшем брате Губайдуллы – Бегали, которого как китайские, так и русские источники единодушно называют 4-м сыном Вали хана. Сына с именем Пирали при тщательном изучении родословной дома Аблая не обнаружено. Этот факт вновь подтверждает, насколько важно для исследователей сличение китайских документов с русскими.



обещать передать его после одному из сыновей Габбаса – Абылаю. Скорее всего, и этот Абылай питал в глубине души надежду на трон, иначе он не собирался бы отправить брата Пирали в Кульджу. Однако, осуществить это было нереально – в связи с новой политикой России в отношении Среднего жуза (сибирских казахов).

Упомянутый в грамоте императора султан Жанторе, названный младшим братом Губайдуллы, возможно, является тем самым мальчиком, которого усыновила ханша Айганым. В таком случае можно предположить, что традиционно ориентировавшиеся на Россию вдова Вали хана и ее сын Чингис были вовлечены в китайские интриги Губайдуллы о престолонаследии. Твердо можно утверждать, что они не поддерживали в душе планы ликвидации ханства, но знали, что у них нет прав на трон. Не хотели они также терять расположение и покровительство русских властей, но и полностью отстраниться от отношений с Китаем не могли. Нам неизвестны родители Жанторе. Следовательно, его с большой натяжкой можно назвать сводным братом, из-за того, что он был приемным сыном младшей жены Вали хана. Во-вторых, в 1822 г. ему было всего 9 лет, и он идеально подходил для представления его в качестве заложника. В этом Губайдулла поступал так, как традиционно поступали его предшественники. Возможно, именно этот Жанторе обучался в Омске в Азиатской школе Линейного казачьего училища вместе с сыном Вали хана султаном Чингисом [Өтениязов, Шоқан өскен орта, 41]. Они были почти одного возраста. Торежан родился в 1813 г., а Чингис – между 1810–1813 годами. Противоречивы сведения и о рождении хорошо известного русским властям султана Чингиса – отца Чокана. В училище в 1834 г. он якобы поступил великовозрастным детиной в 20 лет. Если учесть, что бумаги готовились годом раньше, то годом рождения Чингиса можно назвать 1813 год. Однако, по другим сведениям, Чингис умер в 1902 г. в возрасте 91 года. В таком случае, он родился в 1811 г. Г.Н. Потанин посетил Чингиса в его ауле в 1895 г., когда султану было 85 лет. В этом случае, годом рождения его будет 1810 г. В любом случае, точный возраст Чингиса указать сложно, к тому же, казахи иногда предпочитали прибавлять годы своим детям. Но, в любом случае, во время установления связей Губайдуллы с цинами по поводу наследования ханства султан Чингис был еще подростком. К тому же, идентификация аманата Губайдуллы остается невыясненной, поскольку в русских источниках фигурирует Торежан, а в китайских – Жанторе. Неизвестно, идет ли здесь речь об одном человеке, или это разные люди.



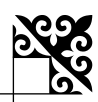
Письмо-фирман императора датируется концом 1823 г., это свидетельствует о том, что Губайдулла установил контакты с цинскими пограничными властями между июнем 1822 г. и декабрем 1823 г. При этом переписка, если и держалась в тайне от сибирских властей, то лишь до лета 1824 г., до получения достоверного известия о положительном решении его ходатайства цинским правительством.

29 апреля 1824 г. состоялось открытие Кокчетавского окружного приказа и избрание Губайдуллы старшим султаном. Церемониал избрания и ритуал присяги мало отличались от церемониала принятия русского подданства отцом Губайдуллы: пушечные выстрелы, молитва во главе с доверенным муллой, принесение присяги на Коране, пожелания многолетия русскому императору, обмен подарками. Днем состоялась *байга*, а вечером – фейерверк [Донесение чиновника Омской области начальнику той же области Г. Броневскому о торжественном открытии Кокчетавского окружного приказа и об отношении к приказу казахского населения. 1824, апреля 30 / КРО 2, 211–213].

Церемониал, в общем, льстил тщеславию старшего султана и других феодалов, но все, кроме Губайдуллы, понимали, что существует угроза ликвидации ханства.

Старшим султаном Губайдулла числился с 29 апреля 1824 г. по 28 июля 1825 г. Тогда же Омск решил наградить его золотой медалью с бриллиантами на голубой андреевской ленте, золотой саблей с темляком и пояском (печатью) с резьбой старшего султана, бархатным кафтаном из золотой парчи, кушаком и шапкой с околышем из черной лисы. После инцидента с китайцами подарки были предложены султану, однако он, в знак протеста за унижение его перед цинским посольством, отказался принять их и они были возвращены обратно [ИКвРИ, т. VIII, ч. 1, 98].

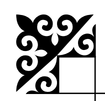
В 1833 г. султан не преследовался русским судом, напротив, возможно по инерции, он был представлен к чину подполковника. Все эти факты говорят о том, что сибирские власти были в некоторой растерянности, не ожидали такого взрыва возмущения и стремились приглушить конфликт. Также не принял подарки сын Губайдуллы Булат, характера «раздражительного», как отмечали русские офицеры, ведшие с ним переговоры в Омске. Этим эпитетом он награжден за то, что поддерживал своего отца и резко выражал недовольство своим фактически арестом и вмешательством пограничной администрации в их дела с китайцами. Булат был к тому времени в чине



чиновника 8 класса, присвоенного ему 6 мая 1824 г., т. е. незадолго до конфликта, могущего перейти по вине его отца в международный. Приказом от 3 марта 1827 г. в связи с отказом Губайдуллы от поста *тщательное* окружного приказа и удаления в степь, в 1831 г. за ним и его сыном было установлено наблюдение [ИКвРИ, т. VIII, ч. 1, 99].

Статус старшего султана и в малой мере не соответствовал статусу хана. Ханство оставалось без единого правителя. Присяга султана, заранее подготовленная начальством Омской области, была переведена на казахский язык и подписана с приложением печати Губайдуллы и *тамги* большинства неграмотных феодалов. Кокчетавский приказ открывался вторым после Каркаралинского, а Губайдулла стал вторым казахским старшим султаном, официально присягнувшим России. Возможно, он опасался, как бы ни были ущемлены его права как первого наследника хана, и потому первоначально пошел на компромисс. Однако непонятно, почему на прямые вопросы Капцевича чиновникам, ответственным за открытие округа, о том, не было ли принуждения по отношению к султану, от них не последовало такого же прямого ответа. Лишь на полях докладной Г. Броневский приписал, что Губайдулла: «Имеющий претензию на ханское достоинство и лишенный надежды получить оное, уклонился от округа». В связи с начавшимися волнениями среди казахов, султан избежал длительного заключения и удалился за 400 верст от Кокчетава к оз. Кургальджин [ИКвРИ, т. VIII, ч. 1, 99].

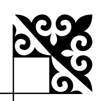
Принятие первоначально присяги старшего султана и ее нарушение Губайдуллой давало Омску повод действовать решительно с китайским посольством, намеревавшимся посадить внука Абылая на трон. Итак, грамота цинского императора на признание ханского титула была по времени издана в 1823 г., а официальное принятие Губайдуллой русской присяги произошло ранее, в 1824 г. Попытка вручения же фирмана султану из-за бюрократической волокиты была произведена уже после принесения султаном присяги. Кроме того, аманаты Губайдуллы еще не прибыли в Кульджу. Возник юридический казус международного масштаба, который является спорным и с точки зрения современного международного права. Царские власти больше обвиняли Губайдуллу не за его связи с цинским правительством, а за сношения с мятежным Кенесары. Судебное дело в отношении Губайдуллы было закрыто в сентябре 1847 г., почти тотчас после трагической гибели взбунтовавшегося племянника султана. Для Губайдуллы были отрезаны все пути к трону, он находился в



ссылке и все же находил силы морально поддерживать Кенесары в его борьбе за ханство.

Представляется, что Губайдулла не был человеком, пекущемся лишь о собственном возвышении и собственных интересах. Он оставался сторонником сохранения казахского государства, являлся человеком государственного масштаба. Султан предпочитал мирные дипломатические методы международных отношений, не был способен на вооруженную борьбу, подобно племяннику Кенесары. Поэтому он лично сообщил русской администрации об избрании его на ханство и о намерении китайского правительства признать его права на это ханство. Китайская политика отвечала интересам Губайдуллы, поэтому он, нимало не колеблясь и не скрывая своих намерений от Тобольска и Омска, отправился на назначенное место встречи с цинской делегацией. Он не сообщил точное время и место встречи с китайским посольством, поэтому вслед за ним были направлены казачьи отряды по трем направлениям. Безусловно, Губайдулла информировал через своих послов в Китае о планах реформ русского правительства в степи. Омская администрация поторопилась с его избранием в старшие султаны, обвинив потом Губайдуллу в вероломстве, «лживости и лицемерии». Под давлением таких обвинений султан написал главе цинского посольства, что он вынужден отказаться от титула хана. Так как Губайдулле объяснили, что якобы желание его стать ханом «двух держав государи… сочтут невозможным», что прибытие его на встречу «противно законом, о чем уведомя г. анбаня с тем, что я от Иджен-хана себе ханство уже не прошу, испросив же позволения российских господ – майора и есаула, намереваюсь обратиться в свое местопребывание. Во уверение чего я к писаному по татарски отзыву Габайдулла Валиханов подписался» [ЦИКХ 2, 1989, 140–141]. Безусловно, ему было сообщено о задержании его сына в Омске. Командиры одного из двух казачьих отрядов воспрепятствовали Губайдулле получить китайские инвеституры власти, а самого его увезли под конвоем. Впервые столкнувшись с таким отношением к признанному ими хану и к ним самим, члены китайского посольства также под охраной казачьего отряда покинули пределы Казахстана.

Пережитый шок не остался для Губайдуллы бесследным. Он все еще формально оставался старшим султаном Баян-Аульского приказа, однако объявил, что не желает иметь никаких дел с пограничной администрацией. Осенью 1824 г. он объявил себя мертвым и отка-

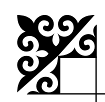


зывался отвечать на письма из Омска. Когда к нему направили переводчика Усова с подарком от генерал-губернатора Тобольска (переведен в Омск в 1838 г.) – чугунной печкой и другими вещами, султан запальчиво объявил, что он уже не живой человек, бросил письмо на землю и объявил, что не желает никаких подарков от русского пограничного начальства. Вскоре он был освобожден от должности старшего султана. Как пишет чиновник высокого ранга Броневский, впоследствии султан, явно в знак протеста, сам уклонился от вступления в должность *ага-султана*.

Судьбу Губайдуллы в ссылке разделили его жена Альбобек и дочь. «По свидетельству Н.А. Абрамова в 1844 г. к Губайдулле приезжает жена Альбобек. Данный факт можно сравнить с аналогичными решениями жен декабристов, которые, покинув родные обжитые места, едут в неизвестность вслед за своими мужьями. Н.А. Абрамов, являющийся современником и свидетелем приезда Альбобек в столь далекий северный край с дочерью Хадышой, с изумлением пишет: «... но в 1844 году, к невыразимой его радости к нему приехала жена его, Альбобек, дочь Абу-Мамбетова, женщина высокого роста, стройная, красивая, лет 34 от роду и умная; и дочь их Хадыша, 11 лет, милая девочка, имеющая хорошее лицо. Она в три года выучилась в Березове не только киргизской грамоте, но бойко и с понятием читала Алькоран по-арабски; к довершению этого прекрасно вышивала шелками и выучилась говорить, читать и писать по-русски. Самому хану в 1844 г. было 67 лет (то есть Губайдулле. – *Ж.Г.*), но он, несмотря на превратности судьбы, был ещё бодр; в нем сохранились черты его красивого лица. Главным занятием его здесь была молитва. В ноябре 1847 года Валиев с семейством возвращен в Кокчетав. При получении вести о возврате радость его и всего семейства была так велика, что никакое перо не может ее выразить».

По прошествии некоторого времени султану при помощи сторонников удалось каким-то образом вновь связаться с Китаем. Через 10 лет, в 1833 г. Губайдулла получил новое письмо вновь назначенного тарбагатайского *цанцзань дачэня*, о котором он тотчас сообщил сибирским властям. Не за этот ли поступок ему дали в том году чин подполковника?

Когда голова мятежника Кенесары была оценена в 6 тысяч рублей, на Губайдуллу вновь было заведено дело с обвинением в поддержке им его движения за восстановление ханства. Губайдулла был всемилостивейше прощен 29 сентября 1847 г., возвратился из ссылки, про-



ходившей в Березове, 30 ноября того же года. Султан управлял своими немногочисленными людьми и до конца жизни находился под присмотром волостного управителя Бабакова, записано в «Алфавите султанам, биям и старшинам Кокчетавского внешнего округа за 1851 год» [ИКвРИ, т. VIII, ч. 1, 357].

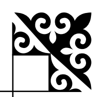
В 1842 г. о сыне Губайдуллы – султане Абулфеизе, 31 года, сказано, что он был человеком не очень богатым, никаких заслуг перед русским правительством не имел, хотя и под судом не состоял. Особая отметка о том, что является раздражительным, говорит, что Губайдуллины не считали нужным скрывать своего недовольства царским правительством.

В 30-х гг. в период создания Аягузского окружного приказа цинские власти вновь приступили к старой традиции титулования казахских правителей, среди них – Сарта Ючина – внука султана Абулфеиза, его сына Жошы. Русским властям не оставалось ничего другого, как во избежание новых волнений разрешить Сарту Ючину, а по его смерти – его сыну Абдулле получить цинские инвеституры власти. Эта церемония происходила уже в присутствии русских чиновников, без былой пышности и без особого соблюдения этикета. Сарту было передано соболезнование императора и илийского генерал-губернатора в связи с кончиной отца и вручены подарки в знак сочувствия. Подобная политика Российской империи и биография Губайдуллы показывают уровень недовольства казахов ликвидацией их государственности. Эта страница казахской истории еще не изучена.

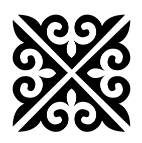
Проанализировав ситуацию, цинская династия решила продолжать свою прежнюю политику титулования казахских аристократов, невзирая на административные мероприятия проведенные в Среднем жузе русским правительством, направленные на окончательное присоединение сибирских казахов к России. Но, поскольку эти аристократы находились на официальных должностях русского правительства, эти были титулы княжеского достоинства. Такая форма отношений с казахскими феодалами, проживающими на территории Монголии и Синьцзяна, продолжалась до крушения Цинской империи в 1911 г.

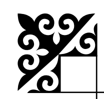
Казахское ханство перестало существовать в 60-е гг. XIX столетия, а вслед за ним потеряли свою независимость и все среднеазиатские ханства.

Примечание. Автор выражает глубокую благодарность коллегам: Самату Утениязову за любезное предоставление рукописи статьи: «Среда, в которой рос Чокан Валиханов»; Гульфайрус



Жапековой «Статус женщины в казахском традиционном обществе». А также японскому ученому Джин Нода за архивные документы №№ 279–281 из ГАОмО // Восточная дипломатия на стыке цивилизаций. – 2015. – 289–293.





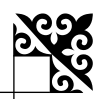
2.4. Русское жалованье казахских ханов и султанов

По мере установления связей с Казахским ханством русское правительство определяло жалованье ханам. Об этом наши историки пишут вскользь и мимоходом, просто констатируя этот факт как еще одно из проявлений зависимости степных правителей. Документы доказывают, что институт жалованья в русско-казахских отношениях не совсем верно рассматривать лишь в столь узком смысле.

Слово «жалованье» в документах Правительствующего Сената, Коллегии иностранных дел, а затем и пограничных властей встречается довольно часто. И анализ показывает, что в него вкладывалось несколько значений. Оно не означало лишь то, что мы понимаем под ним сегодня – денежное вознаграждение за работу, за службу. В старину [Ожегов, 168] употребляли слово «жалованный, (ая, -ое)», означавшее – полученный в виде награды, подаренный. Оно часто встречается в документах Посольского приказа Московии, использовавшего дипломатические термины Великой Монгольской империи и придерживавшегося «татарского» церемониала. Например, жалованная грамота являлась актом о каких-то льготах, преимуществах, она выдавалась частным лицам и более мелким государям – жалованная вотчина, жалованная шуба. Пример с двумя шубами Чингисхана как нельзя точно иллюстрирует разницу между, строго говоря, обменом подарками между лицами разного статуса, между преподнесенным от низшего высшему и пожалованным в виде благоволения. Самое ценное, что у него было – соболью доху, доставшуюся в приданое его жене Бортэ, Чингисхан на заре политической деятельности подарил Ван хану, в надежде на покровительство побратима отца. Жалованная с плеча Чингисхана шуба за заслуги и верность была знаком благоволения властителя. Она вызывала всплеск эмоций одариваемого не только потому, что была наградой, дорогой вещью. Шуба, пропитанная «сладким потом» рассматривалась как эманация жизненной энергии боготворимого человека.

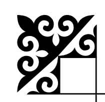
С 1675 по 1730 гг. жалованьем, выдаваемым казахским ханам и их послам, назывались посольские дары, расходы на транспорт и содержание на территории русского государства. В него входили продукты питания и определенные вещи с фиксированным количеством.

Необходимость регулярной выплаты правителям, принявшим подданство Российской империи, постоянного вознаграждения стала рассматриваться в 30-х гг. XVIII в. Абулхаир хан первым признал



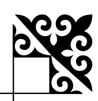
сюзеренитет русской императрицы. Того, что кондиции этого признания высказывались им также и от имени всего киргис-кайсацкого (казахского) войска, достаточно, чтобы отнести это подданство к военному союзу. Абулхаир был избран предводителем казахских войск в связи с войной с джунгарами в 1723 г. и имел право на заключение подобных союзов. Но для этого – по казахскому обычному праву – следовало заручиться одобрением собрания знатных султанов, влиятельных старшин и би. Абулхаир не созвал ханский совет и игнорировал институт народного собрания. Также он не получил ожидаемого понимания и поддержки со стороны русского правительства. Он заверял Россию в своей преданности и в знак этого передал своего сына в аманаты, но не видел большого результата от этого и больно переживал упреки в «продаже своих детей за кармазинное сукно». Это являлось причиной личной трагедии выдающегося полководца и политика, конкретно решившегося на диалог с другой цивилизацией, хотя эта в то время еще не стала чисто европейской, а была разбавлена понятиями периода татарского владычества. Тем не менее, разность общественно-политического строя и политической культуры существовала и с десятилетиями проявлялась все явственнее, Хан Абулхаир не был лишен чувства политического прагматизма, но без оттенков цинизма. Сказывались порода и приверженность рыцарскому кодексу. Если жалованье Абулхаиру и выдавалось, то это происходило не регулярно и в глубокой тайне. Оренбургские власти в связи с невосприятием сути политики Абулхаира задерживали и в виде наказания прекращали выдачу жалованья. Хан в 1742 г. говорил английскому купцу Гоку, что от российского государя ему давно определено жалованье, «токмо генерал держит у себя и что велено не дает» [КРО 1, 208]. У нас нет причины не верить сведениям Гока и словам хана, который отличался тем, что не прибегал к явной и довольно быстро раскрываемой дезинформации, подобно Абылаю.

Первым из казахских ханов русское правительство открыто определило погодное жалованье сыну Абулхаира – Нурали. После гибели хана Абулхаира бригадир А. Тевкелев 24 сентября 1748 г. подал экстракт Коллегии иностранных дел с предложением принять предупредительные меры, дабы и ныне и впредь «в Киргис-кайсацкой орде без указу (русского правительства. – *К.Х.*) народам в ханы сами собою не выбирали». Однако народным собранием был избран в ханы не только наследник Абулхаира, но и султан Батыр, сын которого являлся ханом Хивы. Чтобы претендовать на титул хана, чингизиду до-



статочно было иметь под управлением две тысячи юрт, около десяти тысяч подвластных Не дождавшись ответа Коллегии, Тевкелев через 4 месяца – 24 декабря 1748 г. подал еще одну справку с предложением назначить ежегодное жалованье тому хану, который был бы «учинен указом е.и.в.». Мурза вполне обоснованно предполагал, что может быть избран и третий казахский хан – Барак. По мнению русского чиновника, «лехкомысленной, самовольной, необузданный народ», имея в виду старшин, именует ханом того, кто щедр на подарки. А это ведет к образованию среди казахов разных маленьких и «беспутных парий» [КРО1, 436–438].

Иначе говоря, в целях преодоления неуправляемости казахами, русскому правительству следовало укрепить положение одного, если не назначенного, то утвержденного им хана, определив ему годовое жалованье. Тевкелев поддерживал кандидатуру Нурали, от его семьи содержались в России заложники (аманаты). Его предложение было принято и подтверждено указом императрицы Елизаветы оренбургскому генерал-губернатору И. Неплюеву от 2 мая 1749 г. [КРО1, 444–447]. Из казны на церемониал утверждения хана предлагалось отпустить 1000 рублей и более, «в жалованье» деньгами и товарами хану, султанам и старшинам Нурали. Также предлагалось передать в награждение старому аманату 120 рублей, саблю на 30 руб. и секретно – еще 100 руб. Содержащимся с ним вместе детям старшин предписывалось выдать по 40 руб., «кощеям» – по 10 руб. каждому. И таким образом поступать при каждой перемене аманата хана. Такова была цена публичного принесения присяги русской императрице. Это жалованье можно рассматривать как единовременное пособие, возмещающее моральный ущерб и поощряющее верность. Секретные суммы подчеркивали исключительность хана по сравнению с другими и, несомненно, являлись подкупом. Когда об этом становилось известно старшинам, это, естественно, вносило разлад в их отношения с ханом. Батыр Кулсары в 1761 г. высказывал подозрения в утаивании Абылаем части русского содержания [ККД, 1762, оп. 122/1, д. 6, л. 1]. Согласно традиционному обычному праву, хан – в свою очередь, являвшийся сюзереном в ханстве, должен был делиться своими доходами с избравшими его вассалами – султанами и старшинами, точно так же, как верховный военный предводитель делился военной добычей (олжа) с батырами и старшинами, возглавлявшими родовые ополчения. Смысл традиционного обряда «хан талау» заключался в справедливом дележе всей прибыли и до-



бычи. Есть примеры, когда подарки русских властей на церемониале утверждения хана, на его международных переговорах и встречах тут же разбирались присутствовавшими и без его позволения. Тайная часть жалованья выдавалась под предлогом того, что правитель мог не делиться с ними. Жалованье выделялось из огромных доходов от торговли с казахами и приводимыми ими караванами среднеазиатских купцов в Троицкой крепости. Их хватало и на обустройство Оренбурга, и на содержание пограничного административного аппарата. Вначале генерал-губернатор выдал их «якобы, а не по указу» персидскими рупиями, равным 200 руб. 30 коп. [Сулейменов, Басин, 1981, 192–193]. Казахские ханы и султаны, по традиции, приезжали сами и передавали через своих и русских послов и посланцев ценные подарки – иноходцев. Тайная сумма выступала в качестве ответного подарка генерал-губернаторов, командующих войсками и комендантов крепостей в Сибири.

Центральные власти тянули с годовым жалованьем, ждали, когда Нурали пришлет в аманаты родного сына, а не брата. Кроме того, их настораживали планы брачного союза джунгарского и казахского ханов. В 1754 г. 27 сентября и 28 декабря хан вновь обратился к оренбургскому губернатору И. Неплюеву с письмом о назначении ему жалованья. Он писал, что заслужил его своей верностью, отправил сына в аманаты и заверял, что будет поочередно посылать в заложники родных сыновей. Получение жалованья Нурали обосновывал необходимостью:

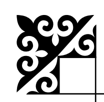
1) поднятия его престижа в ханстве;

2) вознаграждения сторонников, потому что они «что у хана не увидели, то и просят… отказать им невозможно»;

3) получая жалованье, он будет лучше служить и своих детей содержать в лучшем состоянии» [КРО1, 537].

Хан приводит доводы лишь внутреннего порядка. Но для России было важно не допустить помощи казахов башкирскому восстанию и сближению их с джунгарами.

В конце августа 1755 г. сенатор Бестужев-Рюмин написал письмо хану Нурали об определении ему императрицей ежегодного жалованья в сумме 400 рублей и о том, что он дополнительно исходатайствовал еще 200 руб. для его «собственного и особенного «употребления», всего – 600 руб. [КРО 1, 538]. Выдачу жалованья предписывалось производить в Оренбурге, для чего Нурали следовало приезжать самолично в крепость и расписываться в получении. Это помо-

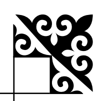


гало поддерживать контроль над ханом, усилить его зависимость от России, а также внимательно следить за событиями в Казахстане. С 1759 по 1763 г. Нурали под разными предлогами избегал приезда к Оренбургскому генерал-губернатору, а в начале 1763 г. его посольство уже принимали в Пекине. Жалованье смягчало недовольство указом о запрете перегонять скот на правобережье Яика и Иртыша, требованиями направить аманата. Оренбург в виде санкций продолжал задерживать или вовсе прекращать на время его выдачу. Но, в целом, патент на ханство без упоминания жуза, выданный Нурали, и годовое жалованье должны были укрепить верховенство Нурали над другими ханами, и позволяли надеяться, что он сможет распространить свою власть на другие жузы, объединиться с ними и стать единым правителем.

Безусловно, Россия исходила из собственных интересов, но, в целом, в то время она предпочитала иметь дело с Казахстаном как с централизованным государством под управлением одного зависимого от нее правителя и с возможностью назначения более послушного им хана из других чингизидов.

Нурали получал денежное и хлебное жалованье в счет этих денег. И речь о нем увязывал всегда с переменой одного аманата на другого. Например, в 1764 г. он получил 299 руб. (просил прислать еще 50 руб.) и девять четвертей хлеба [ЭНКПЭ 2, 150]. В 1767 г. – в счет жалованья просил прислать через своего посланника 100 рублей и вьюки с мукой. Хлеб им не был получен до откочевки на зимовку в связи с трудностями для русской стороны нанять верблюдов. Нурали был готов отправить свой гужевой транспорт [ЭНКПЭ 2, 169]. Отсюда можно сделать выводы: 1) продовольствие доставлялось в ставку хана за казенный счет после сбора нового урожая и до откочевки хана на зимние стойбища; 2) часть денег Оренбургу приходилось выдавать через доверенных лиц хана.

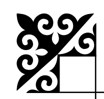
Сам Нурали считал, что русское жалованье помогает укреплению его положения, во всяком случае, он часто выдвигал этот довод. И он отвечает на это верностью русскому престолу. В 1758, 1770 гг. он уклонялся от выдачи аманатов [ККД, 1793, оп. 122/3, д. 1, л. 12]. Скорее всего, потому, что его посольства стали приниматься как депутации одного из народов многонациональной империи. Екатерина II считала, что не должно быть государства (ханства) в государстве. Статус казахского и калмыцкого ханов низводился, что вызвало их недовольство и желание откочевать. В 1785 г. русское правительство



вызвало Нурали в Уфу и задержало под предлогом его личной безопасности до самой смерти в 1790 г. Он содержался за счет казны, царское жалованье превратилось в главный источник его существования. Однако, русское правительство пока не смело ликвидировать ханство, с избранием новых ханов традиционно заработал и институт жалованья в международных связях. Ерали в 1791–1794 гг. и Айшуак ханы (1797–1805 гг.) получали соответствующие жалованья с прибавками. С избранием и последующим назначением старших султанов им назначалось содержание. В 1829 г. Жанторе, сыну Джангира, приказом военного губернатора определили месячное жалованье «по 100 руб. серебром столовыми и годовой отпуск по 60-ти четвертей ржаной муки, пока он пребудет в должности правителя Восточной части Киргизской (Казахской) орды [Сулейменов, Басин, 1981, 204].

В середине века произошли события, которые перекроили политическую карту Центральной Азии: Цинская империя завоевала Джунгарское ханство, границы ее продвинулись к Российской империи и Казахскому ханству. Вопрос о жалованье влиятельным казахским правителям стал актуальным. Но вознаграждение рассматривалось в комплексе с другими институтами дипломатии и не на безвозмездной основе. Цинская империя имела достаточно доказательств того, что декларируемое российское подданство правителей Среднего жуза носило формальный характер. Россия не планировала защищать своих подданных военной рукой, а хан Абулмамбет и султаны не стремились выходить из рамок установившихся русско-казахских связей. Цинская империя начала устанавливать со степными правителями отношения по традиционной китайской схеме «сюзерен-вассал». Россия обоснованно видела в этом ущемление позиций в Казахстане и угрозу своей безопасности в Центральной Азии и Сибири. Русская дипломатия прибегла к действиям «в рассуждении китайских обстоятельств». Наиболее эффективными мерами предотвращения выхода из подданства и возможных враждебных действий со стороны правителей Среднего жуза она считала получение от них заложников и выплату жалованья лидерам.

В 1757 г. последовало приглашение Оренбурга ханам и влиятельным султанам Среднего и Младшего жузов прибыть для совещания о джунгарских и китайских делах. Главной его целью являлось создание антицинской коалиции. Абылай уклонился от встречи, но в декабре 1758 г. прибыли его посланцы с письмом, что он не может приехать на встречу в связи с занятостью неотложными делами,

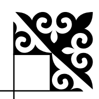


среди которых были и китайские. Абылай хотя и принял российское подданство, но ему не было определено годовое жалованье. Он же хотел сравняться со статусом Нурали хана в глазах русских властей не только в получении жалованья, но и его размера. Когда оренбургские власти приступили к политике «ласкания», ему стали намекать о возможности его получения. Абылай сразу понял смысл «сахарных» слов из «сладких уст» генерал-майора мурзы А. Тевкелева, переданные М. Араповым. Султан отправил посла в Санкт-Петербург и обратился с просьбой о выделении ему жалованья. Он писал (дата получения письма – 8 сентября 1758 г.) в своем ревнивом стиле: «Хотя киргиз-кайсаки наши как Средней, так и Меньшей орды равны, следственно, и салтаны и покорные им равны ж, однако Средняя орда пред Меньшею несколько имеет преимущества, о чем и самим вам ведомо. А понеже я слышу, что Меньшей орды салтаны будучи е.и.в. рабы, год от году жалованья ея величества получают, того ради и я оного к получению надежду мою имею и раболепствовать ея величеству желаю» [КРО1, 568]. Эту просьбу он пишет между требованиями о возвращении бежавших от них калмыков. Другие требования касались расширения мест зимовок и получения хлеба в Кызылжаре (крепости Петропавловской). Это письмо было передано летом 1758 г. султаном Жолбарысом.

Хан и султаны Среднего жуза в эти годы добивались пастбищ, опустевших после гибели 2/3 населения джунгарского государства, вели переговоры о торговом обмене. Все это в увязке с требованием жалованья показывает, что казахские феодалы подходили к предполагаемому военному союзу традиционно и выясняли свою долю «добычи».

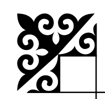
В 1758 г. Коллегия иностранных дел приобрела подарки, имеющие недвусмысленный характер – сабли: братьям Нурали хана Ерали и Айчуваку, соответственно, за 90 и 55 руб., а султану Абылаю – за 120 руб. [КРО1, 551].

Предполагалось, что именно они возглавят казахские отряды для оказания отпора вторгавшимся в кочевья Среднего и Старшего жузов. Однако степные правители рассчитывали решить земельный вопрос с цинским правительством дипломатическим путем. В то же время, казахи не могли покинуть привольные кочевья Сарыарки и к северу от них, это обязывало их не прерывать связей с Россией. Это советовал хан Абулмамбет султану Абылаю, а тот – хану Нурали и своему наследнику Вали.



Абылай решил выждать время, а пока высказывал требование к русской стороне содержать его на равных кондициях с Нурали. Толмач Матвей Арапов пробыл в командировке с 26 мая по 5 октября 1758 г., с заданием склонить «оного салтана и той орды старшин удерживать от преданности в китайскую сторону» [ККД, 1759, д. 4, л. 199 об.]. Абылай после совета с ханом Абулмамбетом, другими султанами и старшинами отправил вместе с толмачом посольство в Санкт-Петербург во главе с двоюродным братом султаном Жолбарысом. Во время пребывания посольства в столице с 15 октября 1758 г. по 31 декабря 1759 г. вопрос об определении жалованья Абылаю обсуждался на основании представления Оренбурга от 22 января 1759 г. и прошения самого султана. Как объясняли позже чиновники Коллегии иностранных дел министру Безбородко: «…для лучшаго приласкания его Аблай солтана к здешней стороне, в то время от китайцов в свою сторону уловляемого» [ККД (Средняя орда), 1781–1784, оп. 122/3, д. 2, л. 27]. Посол Жолбарыс мог «почесться за знатного аманата», однако это не удовлетворяло Коллегию иностранных дел. Она рекомендовала помочь Абылаю сесть на трон и добиться в аманаты одного из его родных сыновей. Канцлер Михаил Воронцов в письме от 31 августа 1759 г. в Оренбург высказался об определении жалованья Абылаю «побольше… для лутчего приласкания», «ибо для такого жалованья он некоторым образом обязан будет чтоб оного не потерять, здешней стороны держаться или, по крайней мере, противностей не делать» [ККД, 1759, оп. 122/3, д. 3, л. 75 об.]. Остановились все же на 300 руб. и дополнительной к ним тайной сумме в 100 руб. Доброжелательным старшинам – отцу с сыном Кулсары и Кулеке выделили по 200 руб. каждому.

После возвращения султана Жолбарыса в Оренбург к Абылаю командировали толмача Я. Гуляева и поручика князя Уракова. Они вместе с послом Абылая 23 января 1760 г. прибыли в аул батыра Байжигита, которого султан не раз использовал как посланца и курьера. Кочевья султана находились в трех верстах у реки Кылчаклы близ Кокчетау. Русские послы получили секретную инструкцию прощупать настроение султана, выведать согласится ли он прислать аманата в Россию, если его изберут в ханы. Тогда по примеру Нурали ему определят жалованье [ККД, 1759, оп. 122/1, д. 4, л. 450]. Абылай прибыл к посланцам 30 января, здесь ему было выплачено жалованье в 300 руб. и подарков на 500 руб. [ККД, 1760, оп. 122/1, л. 66–67]. Султан безуспешно пытался в три дня спровадить русских послов. Во время

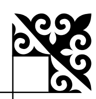


второй встречи, состоявшейся 7 февраля, послы приступили к главной цели своего приезда. Они стали расспрашивать, отдал бы он в аманаты сына с содержанием его в Троицкой крепости, если бы стал ханом. И тогда ему станут выплачивать большое годовое жалованье, его статус сравнится со статусом хана Нурали. Султан отвечал, что дело не может решиться быстро, он должен посоветоваться с Абулмамбетом. В то же время, он соглашался, что Нурали должен идти по дороге, проложенной отцом, продолжать посылать в Россию своих аманатов. От приезда в одну из крепостей для встречи он отказался решительно. Нурали хан прибыл на совещание и обещал выставить казахские отряды, но просил письменного подтверждения предложения Сената. Он действительно отправил отряд в Семиречье во главе со своим младшим братом Ерали, того якобы хотели избрать ханом Старшего жуза. Батыр Кулсары, его сын и брат приезжали в Петропавловскую крепость в октябре 1761 г., возможно, для получения вознаграждения. Султан Абулфеиз, обеспокоенный дислокацией цинских войск вблизи его кочевий, выразил желание принять российское подданство в 1760 г. Это предполагало выплату жалованья и ему.

Правители Среднего жуза одновременно решительно отказались примкнуть к антироссийским действиям Военного совета Цинской империи. Не устраивали их и предложения русских пограничных властей о том, чтобы феодалы совершали набеги «якобы по обычному своему своевольству». Цинская империя стремилась предотвратить помощь казахов джунгарам и уйгурам и решить проблему снабжения действующей армии за счет их скота, в особенности, коней [Хафизова, 2007]. Казахские правители, заверяя в своей лояльности обе стороны, стремились по мере сил отстоять собственные интересы.

Весной 1762 г. Коллегия иностранных дел извещала Оренбургского губернатора А. Давыдова об отпуске 6 тысяч рублей для строений Абылаю, его знатным старшинам в целях «спокойного содержания той орды» [ККД, 1762, оп. 122/1, д. 4, л. 108].

В архиве АВП РИ хранится дело о постройке деревянного дома Абылаю «при урочище Кокчетау в 300 верстах от Петропавловской крепости [ККД, 1765, ф. 122/1, д. 1]. Строительство на зимовке дома, 4-х покоев для его сыновей, крытых сараев для мелкого скота и породистых коней завершилось в 1765 г. [Аполлова, 1976, 241]. Военная коллегия приказала отправить для этого 20 русских плотников.

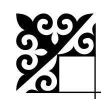


В 1778 г. дома построены султану Салтамамету, батырам Кулсары и Кулебяке (Кулбакы).

Старшинам батырам Кулсары и Кулеке, как сказано выше, жалованье было определено одновременно с Абылаем. Еще раньше, в 1764 г. был издан приказ о выдаче годового жалованья в сумме 150 руб. и сабли двоюродному брату Абылая султану Салтамамету [ККД, 1764, оп. 122/1, д. 5, л. 2 об.]. Сын его Урус султан выезжал послом Абылая в 1762 г., следующее посольство в Санкт-Петербург последовало лишь через 16 лет. Промемория статс-конторы русского правительства в 1768 г. подвела итоги о расходе денег на жалованье Киргис-кайсацкой орде [ККД, 1768, оп. 122/1, д. 1].

Известно, что в 1778 г. Екатерина II передала Абылаю патент на титул хана, и полагающиеся подарки, но тот не приехал за ними ни в Оренбург, ни в Троицкую крепость. Это вызвало указ о прекращении ему выплаты жалованья. Очевидно, выплата жалованья Абылаю совершалась не регулярно, а в это время – приостановилась. Отправка в Россию последнего посольства от семьи Абылая 1778 г. во главе с Тугумом смягчила русские власти. Сын Абылая Чингис, отличавшийся необузданным характером, летом 1779 г. насильно забрал в счет отцовского жалованья товары, среди них – понравившуюся ему саблю у российских торговцев; при этом приказывал тулегнутам бить их плетьми [КРО2, 97–98]. Он, очевидно, считал, что восстанавливает справедливость, прибегая к барымте. Оренбургский губернатор И. Рейнсдорп получил указ от 4 октября 1779 г. дабы он «за грубую ослушность вышеписанное определенное ему жалованье удержал, дав знать ему и о причинах оного воспрепятствовавших» [ККД, 1781–1784, оп. 122/3, д. 2, л. 28 об.]. Но Абылай к тому времени отказался от трона в пользу сына Вали, а сам откочевал на юг Казахстана (см. подробности в ж. «Мысль», 2015, № 9).

Командующий войсками на пограничных линиях генерал-поручик Деколонг в рапортах от 14 октября 1774 г. и 12 января 1775 г. выставил резоны об определении годового жалованья сыну Абылая – Вали султану, племяннику Абылая и сыну султана Салтамамета – Урусу, сыну хана Абулмамбета – Абулфеизу. Абулфеиз правил многочисленным племенем найман на территории между Семипалатинской и Усть-Каменогорской крепостями до границ с Цинской империей. Султаны не раз напоминали, что они заслуживают «монаршей милости», а за Вали султана хлопотал еще и отец. Деколонг считал, что все эти лица заслуживают особой награды, так как они:



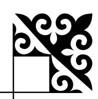
1) стараются «подвластных своих не допускать до шалостей»;

2) сообщают необходимые для пограничных властей сведения;

3) выявляют у казахов и передают российских пленных;

4) «при бывших мятежностях ни в малейшей соблазн не поползнулись и других унимали».

Урус султан, к тому же, препровождал караваны ташкентцев и бухарцев в русские крепости. Безусловно, имелись также причины внешнеполитические: с одним из караванов Урус согласился выехать, как впоследствии Чокан Валиханов, в одну из строящихся крепостей в Тарбагатае для сбора интересующей сибирские власти информации. В рапорте от 14 октября Деколонг писал, что Абулфеиз намеревается отправить ко двору посольство во главе с одним из родственников. Напомним, что султаны к тому времени имели постоянные связи с Цинской империей, так как кочевья подвластных им родов кочевали на границе ее владений. Все три султана имели цинские награды, почетные звания и титулы. В случае отказа в присуждении награды Деколонг опасался, как бы они «из полезных людей не учинились вредными». 26 мая 1776 г. последовал рескрипт Коллегии иностранных дел на имя оренбургского губернатора с отказом [КРО 2, 81–83]. Документ не подписан Н. И. Паниным в связи с болезнью, а абзацы 2 и 3 написаны затейливым канцелярским языком. Постараюсь изложить их основное содержание. Главная причина заключалась в том, что султаны не совершали ничего особенного, чтобы им выдавать ежегодное жалованье. Его выдачу в свое время обосновывал Оренбург, учитывая все обстоятельства казахских дел в 50-х гг. К тому же, приказ о жалованье предусматривает принесении присяги о принятии подданства. Абулмамбет и Абылай в свое время присягнули на верность русскому престолу (в августе 1740 г. – *К.Х.*) и повторно – при восшествии на престол Екатерины II, однако, постоянные требования принесение присяги могут умалить его значение. В документе написано, что детям Абулхаир хана – Нурали и Айчуваку «довольно в киргиз-кайсацком народе знаменитых», также не выдавалось жалование (вероятно, имеется в виду, что при жизни Абулхаира). Не надо забывать и того, что у казахских правителей множество сыновей, никаких денег в казне не хватит для их вознаграждения. Жалованье является высочайшим знаком отличия «старших и первейших людей». В то же время, как бы от имени пограничных командиров время от времени султанам отсылались подарки «за проявленную преданность». Рекомендовалось постоянно заверять, что пока они

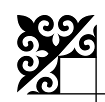


будут верными и доброжелательными, они не будут оставлены нужными пособиями от е.и.в.

Деколонг предлагал перечислить средства на бюджет сибирских линий, а он бы распределял их султанам в зависимости от их конкретных заслуг. Жалованье казахским старшинам входило в статью экстраординарных мер Оренбургского генерал-губернаторства. Из этих сумм, отведенных на казахские дела, возможно отпускать средства для вознаграждения преданности султанов и старшин Среднего жуза, однако под видом собственного подарка. Иными словами, Деколонгу ни в коем случае не позволялось обнаружить того, что поощрение идет из государственной казны. При этом, он должен был во всем советоваться с оренбургским генерал-губернатором, а тот – своевременно докладывать Коллегии иностранных дел. Очевидно, Коллегия иностранных дел стремилась к тому, чтобы у потомков ханов Абулхаира, Абулмамбета и Абылая не возникало и тени сомнения в том, что они являются подданными Российской империи.

К вопросу о выплате жалованья Вали султану вернулись после смерти Абылая и утверждения его ханского достоинства. Командующему войсками на сибирских линиях генерал-майору Н. Огареву 19 июня 1781 г. по его прошению выделено по 1000 руб. в год «для трактования и жалованья ханам, султанам и старшинам, а также «на потчивание и подарки» [ККД, 1781–1783 (Средняя орда), д. 4, л. 1].

В 1787 г. в марте Вали хан написал Огареву, что после получения его письма намерен отправить свое посольство для поздравления с восшествием на престол Петра Федоровича. И тут же перечислил свои нужды: прислать работных людей для строительства дома, увеличения жалованья – «как прежде отец мой покойной получал от е.и.в. денежного жалованья в год по триста рублев, после которова и я оным пользуюсь, однако по моему семейству оного недостаточно, а больше я никакой нужды не имею» [ЭНКЭ2, 297–298]. По прошествии полугода в августе 1786 г. Вали вновь пишет Огареву: «Положенное мне годовое жалованье на нынешний год, хотя оное мною и не заслужено, прошу мне ныне отпустить, потому что я имею в деньгах великую нужду на покупку в крепости Святого Петра некоторых товаров. А если в готовности у вас мука, то также посланному от меня человеку прикажите отпустить [ЭНКПЭ 2, 207–298]. Вряд ли Вали нуждался в деньгах, он, скорее, нуждался в товарах, которые мог приобрести на эти деньги. В 1788 г. Вали за возвращение им пленных и лошадей требовал прислать ему не менее 200 пудов муки, меньше этого веса

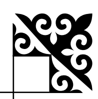


он не собирался принимать [ЭНКПЭ 2, 307]. Размеры жалованья и количество подарков Вали хану назначались на основании прецедента.

Указ императора Павла от 10 октября 1798 г. давал больше свободы сибирским военным властям, они могли выплачивать жалованье сыну Вали хана Аббасу, (Аббаты) по 300 руб., брату хана Ишиму – по 250 руб., старшине Байезиту (Байжигиту?) – по 20 руб. деньгами и по 50 пудов муки, Батыру – по 100 руб. «покуда пребудут в непоколебимой верности» [ККД, 1798 (Средняя орда), оп. 122/3, д. 1, л. 166]. Все перечисленные лица входили в состав посольства Вали хана к императорскому двору.

С годами ханы Младшего жуза перестали ездить в указанные крепости за жалованьем, а получали его через своих доверенных лиц. Абылай не появлялся в пределах русского государства ни по каким причинам с 1740 г. Он получал вдвое меньше, чем старший хан Нурали. Хан Вали брал товары у приезжающих в его ставку российских купцов за счет жалованья, выписывал им расписку, которую те предъявляли для оплаты командиру пограничной линии. Также хан поручал своим посланцам получать жалованье в Петропавловской крепости, но чаще – товары в счет жалованья. Причем ассортимент товаров расширялся. Зимой 1785 г. Вали хан просил передать французское вино, водку (по-видимому, коньяк. – *К.Х.*), мед, шафран, головку сахара, зеленый чай, писчую бумагу, сургуч для печати. Напомнил он и о хлебном жалованье – 200 пудах муки [ЭНКПЭ 2, 311–312].

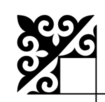
Жалованье и подарки ханы стремились получать для укрепления собственного политического положения, чтобы доказать соперникам, что русское правительство в них заинтересовано и нуждается в их услугах. Они имели возможность приобретать на деньги товары, запрещенные для массовой торговли, и пользоваться экзотическими вещами и продуктами. Круг лиц, получающих жалованье, с годами расширялся. В 1812 г. Вали хан обратился с прошением трем своим султанам по 100 руб., сыну Аббатыю – 300 руб. и, поменьше – двум внукам и двум племянникам, «которые без сумнения могут оказать к престолу российскому свои услуги» [ЭНКПЭ 2, 317–318]. Аббатыю сумма, равная его собственной, объяснялась тем, что его хан предполагал отправить во главе посольства в Санкт-Петербург. А себе он вновь намеревался просить у е.и.в. увеличения жалованья. Интересно, что переводчик этого документа использовал французское слово «пансион». При Александре I Министерство иностранных дел России полностью перешло на французский язык, он являлся языком европейской дипломатии.



Требования о выплате жалованья за свои многолетние услуги предъявляли не только султаны, но и старшины, и батыры (по 150, 100 руб.) [ЭНКПЭ 2, 497]. Эти услуги включали охрану караванов, сопровождение посланцев русской пограничной администрации, доставку писем ханов и султанов, и, что при этом они предоставляли полезную информацию. Одновременно, проводники и охранники караванов договаривались непосредственно с купцами об оплате их услуг, исходя из вида товаров, количества тюков и количества животных для перевозки, дальности расстояния т. п. Это не исключало, а подкрепляло их требования о правительственном жалованье.

При императоре Павле казахским послам присваивались русские чины и жалованье, что приводило к выплате заработной платы соответственно рангам. Эти султаны, к примеру, Джахангир сын, хивинского хана Каипа, и Джанчувяк (Жаншуак) Худаймендин в 1800 г. заявляли при дворе, что берут на себя ответственность за «шалости» 32 родов, кочующих близ Троицкой крепости [ККД, 1799–1800, оп. 122/3, д. 3, л. 99 об.]. Посол Букея султана (сын Барака) внук Али во время пребывания в Санкт-Петербурге получил чин коллежского асессора и с тех пор ему была назначена зарплата. Али 24 января 1800 г. подал императору Павлу прошение назначить его караван-баши и выдать печать. Он подчеркивал, что не подчиняется Вали хану. Проживая в Туркестане, Букей завязал добрые отношения с Кашгарией, кыргызами, а также Кокандом, Андижаном, Наманганом, Ташкентом, Бухарой. Его дети сопровождали русские караваны в эти места и обратно. Сын Чингис управлял каракесеками рода *тортул* [ККД, 1799–1800, оп. 122/3, д. 1, л. 39-40]. В 1811, 1817 гг. султан Букей просил прибавления жалованья себе и Али султану, а своему мулле (писарю), присланному от сибирских властей – присвоить офицерское звание [ЭНКПЭ 2, 465 и 469]. Депутации Букея, после того, как русское правительство в 1814 г. утвердило его ханское достоинство, выезжали в столицу вместе с депутациями русских областей. Политическая зависимость хана Букея сравнялась с положением потомков хана Абулхаира на русской службе, однако, она смягчалась тем, что он проживал в отдалении. Русское правительство успешно использовало несогласия между двумя ханами Среднего жуза, что являлось еще одним шагом для ликвидации ханства и превращения чингизидов в русских военных и гражданских чиновников.

Правители требовали жалованье за доброжелательное отношение к русским властям, что предусматривало обеспечение безопас-

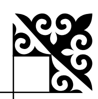


ности в подвластных им кочевьях послов и посланцев, караванов, поиск и возвращение движимого и недвижимого имущества, отбитых и увезенных их сородичами. В целом, за то, что они не допускают «обид и шалостей» своих подвластных в отношении России и русского населения.

Конкуренция между державами за лояльность казахских правителей и за контроль над ними длилась полтора века. Коллегия иностранных дел России ставила программу минимум – «отвратить» казахских феодалов от Китая. Программа максимум заключалась в том, чтобы не дать утвердиться власти Цинской империи на джунгарских землях. Выплата жалованья в совокупности с другими мерами российской внешней политики сыграла свою роль в удержании правителей в подданстве. Однако, декларация этого подданства не помешала им в установлении международных связей с другими государствами, все вместе это положительно сказалось на отражении их натиска.

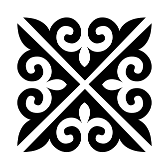
Институт жалованья являлся прерогативой не только Коллегии иностранных дел, но и Военной коллегии. Его исполнение входило в ответственность командующих пограничными войсками, военных комендантов сибирских крепостей. Это обстоятельство свидетельствует о военно-оборонительном значении института, направленном на соблюдение безопасности государства. Точно так же, как жилое строительство для казахской феодальной верхушки, также руководимое и финансируемое Военной коллегией.

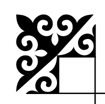
Механизм института жалованья имел несколько звеньев. Сначала эту идею продвигало пограничное начальство: Оренбургский генерал-губернатор и командующие сибирскими пограничными линиями. Их ходатайства по инстанциям доходили через ведомство иностранных дел до императора. В случае положительного ответа министерство, или канцлер передавали резолюцию и инструкцию пограничному начальству. Оно уведомляло об этом степного правителя и призывало его писать прошение. Это прошение отправлялось с посольством в столицу. После этого следовали патент на ханство от имени императора (-ицы) и письмо хану от канцлера или вице-канцлера о жалованье. Механизм работал благодаря взаимной заинтересованности в посольских и торговых связях. Еще надо разобраться в каждом отдельном случае, кому это было выгоднее, дающей или берущей стороне. Казахский правитель поступался частью суверенитета, а империя укрепляла свое могущество и финансовое положение пограничной администрации за счет полузависимых владений.



Жалованье с годами меняло свое значение. И это естественно, так как форма международных связей с государствами с годами и веками также видоизменялась. Как изменялась терминология Посольского приказа после преобразования его в Коллегию иностранных дел, а Коллегии – в Министерство иностранных дел. Аналогично менялись названия внешнеполитических ведомств Цинской империи по схеме: Лифаньюань и Либу, – Цзунли гэго шиу ямэнь – Вайцзяо бу, но этот процесс отставал от русского.

Со временем демонстрация внешних форм подчинения в виде принесения присяги на коленях стала анахронизмом. Однако реальная политическая и экономическая зависимость каждого следующего поколения правителей увеличивалась. Грань между жалованным и жалованьем русского правительства все больше стиралась в пользу последнего, точно сегментируя политический статус казахских правителей, в течение трехсот лет русско-казахских отношений трансформировавшийся от независимого, полузависимого до подчиненного положения. Этот процесс отражает периоды частичного делегирования институтов суверенитета до окончательной его потери, особенности этапов присоединения Казахстана к России и последующего его завоевания.





3. ДИПЛОМАТИЯ СТЕПНЫХ ВЛАСТИТЕЛЕЙ ПОСЛЕ ЛИКВИДАЦИИ КАЗАХСКОГО ХАНСТВА: СОБИРАНИЕ ЗЕМЕЛЬ И РОДОВ

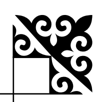
3.1. Вооруженная борьба и дипломатия хана Кенесары за восстановление ханства

3.1.1. Кенесары хан: трудный выбор

Потомки Абылай хана формально признавали подданство России. В то же время, они продолжали поддерживать постоянные отношения со среднеазиатскими ханствами и эпизодические – с Цинской империей. Интенсивность связей правителей с Китаем в XIX в. была несопоставимо мала по сравнению с XVIII в. Кроме того, связи с Китаем перестали носить централизованный характер, они велись каждым феодалом в отдельности. В этом было их главное отличие от казахско-китайских отношений в прошлом. Однако, направление общей политики степные властители обсуждали путем переписки и семейных съездов, а также на регулярных общих собраниях султанов, влиятельных би, старшин и батыров.

Международные отношения казахских ханов велись в традиционных рамках торгово-экономических связей, под окраской «вассалитета». С первой четверти XIX в. царская администрация начала решительно пресекать внешние связи казахских правителей. Однако, у нее еще не хватало реальных рычагов воздействия, власть Омска не распространялась на все районы расселения казахов.

Кроме того, проблемы борьбы за сохранение ханства или за трон стимулировали у некоторых представителей дома Абылая восстановление и активизацию политических связей с цинским Китаем и другими восточными странами. Этот всплеск возникал в отдельные периоды внутриполитического противоборства между враждующими представителями ханских династий, а также перед лицом внешней угрозы. Тем не менее, амплитуда отношений в XIX в. никогда не достигала прежнего размаха. Связи отдельных представителей ханского дома с соседними странами были кратковременными и недостаточно прочными. Порой установление связей ограничивалось лишь двумя-тремя безуспешными попытками командирования посольств в Кульджу и Чугучак. Султанам все труднее было достичь столицы Цинской империи – из-за препятствий, связанных с нестабильностью в Восточном Туркестане. Донеся до сведения Илийско-



го генерал-губернатора свои цели, некоторые посольства были вынуждены возвращаться обратно ни с чем. Политические же связи мелких казахских правителей с пограничными районами окраины империи – Синьцзяном, продолжались. Илийский генерал-губернатор в Кульдже (Или цзянцзюнь) и его советник в Чугучаке (цанцзань дачэнь) встречали и провожали послов и караваны казахов по установленным правилам.

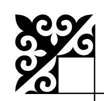
В связи с отдаленностью этих местностей, на пограничную администрацию двух соседних держав – Российской и Цинской империй, центральными правительствами была возложена часть внешнеполитических функций. Генерал-губернаторы регулярно докладывали правительству и отчитывались перед Военным советом о состоянии дел с казахами, кыргызами и кокандцами. Синьцзян являлся важной транзитной территорией, но в XIX в. он несколько раз оттаргался от империи. Казахские правители вступали тогда в отношения с уйгурскими временными правителями. Но в дореволюционной историографии, как, впрочем, и много лет позже, их продолжали называть отношениями с Китаем, поскольку Китай ценой неимоверных усилий возвращался в Синьцзян. Тогда возобновлялись связи казахских ханских домов с цинским правительством. Выяснение целей и задач, преследуемых этими казахскими правителями, дают представление об их внешней политике и внутренних проблемах.

Хан Кенесары является третьим казахским правителем, направившим всю свою деятельность на сохранение Казахского ханства в новых исторических условиях. По охвату территорий, масштабу своих действий и их длительности, а также по обширности и характеру дипломатических связей Кенесары заметно выделялся среди чингизидов XIX в. Как выдающаяся личность своего времени, он по-разному воспринимается казахскими историками трех поколений, вокруг его персоны не смолкают споры. Деятельности хана, как и деятельности его деда Абылая, порой даются прямо противоположные оценки.

3.1.2. Семья Кенесары

Кенесары является сыном султана Касыма, сына Абылай хана от одной из калмыцких жен. Источники не приводят точного года его рождения, неоспорим лишь год его смерти – 1847 г.

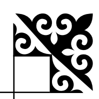
Отец Кенесары султан Касым тринадцатый сын Абылая, рожденный от одной из младших жен, (? – убит в 1833 г.),. Еще в нежном воз-



расте в 1774 г. отец выделил ему для управления роды в Центральном Казахстане, обитавшие между реками Ишим и Нура. Очевидно, он выделялся среди других сыновей сильным характером, способностями к тому, что называется батырством. По преданию, Абылай обсуждал со своими советниками и влиятельными би кандидатуру Касыма как наследника на трон. Но Касым был отвергнут многими из них за жестокость, дерзость, неуважение к суду биев и пренебрежительное отношение к некоторым из них. Он обладал неуравновешенным характером. Сведений о явном неповиновении Касыма султана преемнику Абылая – Вали хану не имеется. Следовательно, Касым безоговорочно признавал старшинство брата и не допускал междоусобицы весь период его правления. Вали доверял брату и вовлекал его в международные дела. В 1787 г. в составе посольства Вали в Пекине султан Касым, который назван его младшим братом [АВПР, ф. ККД, 1791 г., оп. 122/1, д. 1, 49. Копия; ПИА КНР, Казахский фонд, тетрадь 1]. Поскольку среди кровнородственных братьев Вали не было другого с таким именем, есть большая вероятность того, что это был Касым, будущий отец Кенесары. Ханы обычно отправляли своих ближайших родственников с посольствами, чтобы придать им высокий статус и вид доверительности. Кроме того, они предпочитали опираться на своих на своих кровнородственных близких людей. Выполняя отдельные поручения ханов, молодые султаны вовлекались в международные дела ханства и обучались дипломатическому искусству.

В год смерти Касыму было около 60–63 лет, он имел несколько взрослых сыновей, которым он передал свой необузданный нрав. Отсюда можно вычислить, что он выехал в Китай в возрасте приблизительно 23–25 лет. И он мог уведомить цинскую сторону о состоянии казахско – русских и казахско-кыргызских отношений во всех подробностях. За 2 года до этого, в 1785 г., по приказу хана Вали Касым участвовал в походе против кыргызов. О некоторых деталях похода и посольства, возглавляемого султаном Касымом, мы узнаем из донесения омского купца Захара Пеньевского, выехавшего «с секретным наставлением» от командующего сибирскими линиями в ставку Вали хана, а сведения, подтверждающие о его поездку в Пекин, в получены из цинской дворцовой хроники.

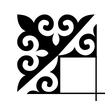
Еще в октябре, будучи в Петропавловской крепости русский купец случайно узнал от какого-то казаха о письме Цяньлуна к Вали хану, в котором тот якобы сообщает о намерении воевать с Россией и чтобы Вали «принял его сторону». В донесениях русского купца путаница с



именами. Он упоминает имена батыра *наймана* Дата, батыра Мата (не понятно, это имя Матай, или род *матай* племени *найман*), также некоего Татрана с отцом. Среди приближенных Вали хана находился батыр Дат Карабатыров, он отправлялся с первым посольством Абылая во главе с Тогумом в Россию, также выполнял поручения Вали в Петропавловске, но он был *аргыном*. Письмо цинского императора Вали хану в сентябре 1785 г. доставил кочующий на границе с Китаем найманский батыр Мат (Дат). В то время на границе были сосредоточены цинские отряды, перехватывавшие торгутов на пути их бегства в русские пределы к сородичам на Волге. Поэтому, слуху о готовящейся войне с Россией не очень поверили, но для удостоверения действительности Пеньевский был направлен в ставку хана [ЦИКХ, 2, 113–115].

Как пишет Пеньевский, он «подробно известился» от советника хана Дат батыра о международных отношениях ханства. Ему удалось также узнать как о содержании письма Вали хану из Китая, так и его ответа на это письмо императору Цяньлуну. Русские власти интересовались отношениями Казахского ханства с кыргызами еще со времен войн с ними Абылая. На этот раз интерес был подкреплен тем, что Манап рода сарыбагыш не позже августа того года впервые отправил своих послов в Россию [ЦИКХ, 2, 205]. Что касается посольства во главе с младшим братом Вали хана, султаном Касымом, оно состояло из калмыков. Очевидно, Вали намеревался обсудить также дела о калмыцких (ойратских) беженцах, за счет которых намеревался пополнить число населения, подвластного его брату Касыму, рожденному от ойратки. В письме Вали хан, как и прежде его отец, пишет: 1) о войне с кыргызами и заключении с ними мира; 2) о превосходстве сил родов тортул, каракесек, алтай и найман, кочующих на границе с Цинской империей, по сравнению с его малочисленными родами.

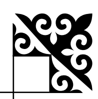
Оказалось, что Вали сначала отправил в поход против кыргызов брата Чингиса, а вслед за ним – Касыма. Касым, посланный Чингисом для разведки, попал со своим небольшим отрядом в плен, но был освобожден кыргызами без выкупа в знак миролюбия. Вали сообщал императору, что из-за стычек и переговоров с кыргызами он задержался с отправкой посольства к китайскому двору [ЦИКХ, 2, 115–118]. Вот когда завязался узел отношений Касыма с кыргызами, трагически закончившимися через 60 лет для его сыновей – Кенесары и Наурызбая.



Короткое время Касым правил Туркестаном, что вовлекло его в среднеазиатские междоусобицы, в 1826 г. он выступал на стороне Коканда против Ташкента. Потанин писал, что дочь его по имени Тилли была первой женой кокандского Мадаярхана, вероятно, из небедных людей. Ее братом указан Джафар, который был взят в плен русскими во время его набега «на русских киргизов» и сослан в Березов. Судя по именам детей, они, возможно, были рождены уроженкой Средней Азии [ИКвРИ, Т.Y11, 2006, 302].

Ташкент был городским полисом, всегда дорожившим своей свободой. Казахские ханы противостояли давлению Ташкента, когда теряли контроль над этим городом. Они нетерпимо относились к посягательствам Ташкента на Туркестан. Касым султан в силу не только политических пристрастий, а также, по-видимому, и религии, во внешних связях приоритетное значение продолжал придавать Коканду. Он был убит в Ташкенте вместе с двумя своими сыновьями в связи с тем, что хотел взять в свои руки управление всеми казахами Кокандского ханства. В этой смерти кроются не только непримиримые противоречия казахов с кокандцами. Дело, скорее всего, в крайней внутриполитической нестабильности Кокандского ханства, в борьбе между Кокандом, Бухарой, Ташкентом и Хивой. Узбекские ученые отмечают, что Кокандское ханство просуществовало 165 лет (1709–1876 гг.), за это время сменились 24 правителя. Из них судьба 20 правителей оказалась трагической: 7 – убиты в междоусобной феодальной борьбе, 7 – насильственно отстранены от власти, 6 – правили от нескольких недель до менее года.

Коканд, Бухара и Хива обычно позволяли управление казахскими родами их же старшинам и султанам, собирая с них дань. Они также обязывали при надобности выставлять вооруженные и обеспеченные конями отряды. Однако, они были против объединения среднеазиатских казахов под властью одного честолюбивого чингизида. Кроме того, ташкентцы, естественно, не могли забыть выступления Касыма на стороне Коканда, хотя сами формально признавали зависимость от него. Таким образом, султан Касым привлекался Вали ханом к важным делам ханства. Однако, более всего Касым известен как отец Кенесары, который в течение продолжительного времени всеми доступными в его положении дипломатическими и военными средствами боролся за восстановление Казахского ханства и возвращение семье ханского престола. В наследство от Абылая Касым получил *туленгутов,* большей частью, калмыцкого происхождения, которые впоследствии перешли к Кенесары.

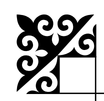


Это относится и к хану Кенесары, развернувшему свою дипломатическую и военную деятельность в борьбе за трон в 1837–1847 гг. Об этом правителе написано немало работ, а также изданы специальные сборники документов. В них даны диаметрально противоположные оценки восстания Кенесары, длившегося почти 10 лет и охватившего почти всю территорию Казахстана. На протяжении ста с лишним лет личности Кенесары посвящено немало исследований и сломано немало копий в попытках дать характеристики этому деятелю и возглавляемому им повстанческому движению. Эти исследования, главным образом, больше отражают политические и исторические процессы, происходившие в период жизни самих исследователей, нежели существо вопроса.

Центр движения, возглавляемого Кенесары, перемещался с запада на север, с севера на юг и юго-запад Казахстана, а волны этого движения поднимаясь в одной части Казахстана, достигали пика в другой его части и затухали в третьей. Все основные события зависели от степени активности лично самого предводителя восстания с его неиссякаемой энергией. Они были вызваны желанием внука Абылая восстановить Казахское ханство и законные права своей фамилии на казахский трон. При свете этого лозунга в тени оставались все другие цели и задачи восстания. Ввиду этого дать однозначную оценку движению, возглавляемому неистовым Кенесары достаточно сложно. В нем четко прослеживаются феодально-монархические черты и одновременно выражены идеи национально-освободительной борьбы казахского народа. Эпистолярное наследие Кенесары показывает, что на первом плане у него были личные цели, а также выражения обиды и возмущения, вызванные несправедливостями, чинимыми ему русской пограничной администрацией. Не могло быть и речи о том, чтобы он согласился на то, чтобы казахский трон, или трон хана Среднего жуза, достался кому бы то ни было другому.

Старшие абылаевичи связали свою судьбу с Россией и примирились со своей участью, довольствуясь, в лучшем случае, местом старшего султана. Последняя попытка сесть на трон была предпринята дядей Кенесары, Губайдуллой султаном, закончившаяся тем, что он лишился поста старшего султана, а трон стал недосягаемым для всех чингизидов.

Кенесары является средним сыном султана Касыма – сына Абылай хана от пятой жены калмычки. По китайским сведениям, Касым был тринадцатым сыном Аблая [Синьцзян шилюэ, цз. 12, 11], поэтому во-

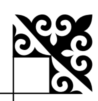


прос о наследовании им ханства в обход старших сыновей, а также о признании их прав на международной арене было проблематичным. Хорошо известен на основе русских источников год смерти Кенесары. А годом его рождения одни казахские ученые называют 1802 г. [Валиханов Э. 27], другие же вовсе уклонились от его датировки.

Здесь нам поможет письмо самого хана, написанное в 1843 г. биям и правителям поколения *назар.* В нем есть такие слова: “Eger kelmesengiz biz otyz zhaska kelippiz, sizni kudaidan tilep endi otyz zhyl zhaularmyn; enshalla hak!” [НОБ, 39]. В русском переводе XIX в. это предложение переведено: «Ежели не явитесь, то я, прожив в ожидании Вас 30 лет, 30 же лет буду карать Вас» [НОБ, 212]. Смысл же сказанного, скорее, заключается в следующем: «Если не явитесь, то, мы, достигшие (ныне) 30 лет, будем карать вас с помощью бога еще 30 лет. Бог свидетель! (Бог рассудит, кто прав!)». Если данный перевод будет признан казаховедами правильным, то в 1843 г. Кенесары было около 30 лет, следовательно, он родился на один 12-летний цикл (мушель) раньше, т. е. в 1812–1813 гг. и, смерть его настигла в возрасте 45 лет. Кенесары хотел сказать, что он не перестанет мстить своим врагам полных 5 мушелей (5 раз по 12 лет), что надо понимать как «всю свою жизнь и, что не простит им до самой смерти. В пользу этой версии также говорит то, что по материалам конца 1843 г. у хана было «девять человек детей, но они еще в молодых летах и не выезжают на баранту» [НОБ, 220].

В 30 лет у Кенесары уже было 9 детей (должно быть, сказано о детях мужского пола!) от разных жен. По возрасту их еще нельзя было брать в походы. Султанских детей обычно с малолетства, приблизительно, с 5–6 лет учили ездить верхом, а в походы брали по достижении 15–16 лет, порой это могло произойти и раньше на год-два – с 13–14 лет. В этом же возрасте они номинально выступали главами посольств. Следовательно, самому старшему сыну Кенесары было около 13 лет. По этому подсчету Кенесары родился в 1813 г., а женить его могли и в 13 лет, т. е. в 1826 г. У казахов есть поговорка: «13 жаста отау иесі» (В 13 лет – хозяин дома-юрты). А отцом он мог стать в 18–19 лет. Сыну Сыздыку, родившемуся от второй жены и унаследовавшему характер и воинское искусство отца, в год смерти отца в 1847 г. было всего 10 лет. Он родился в 1837 г. и явно был поздним ребенком.

Самый младший брат Кенесары, его любимец, по некоторым сведениям был младше его на 20 лет. Такая разница в возрасте между братьями не удивительна. Но, скорее всего, Наурызбаю в год смерти



хана исполнилось 15–16 лет. Это можно подтвердить тем, что он как кенже (младший сын и любимый младший брат) носил косичку на темени, что, скорее всего, подходит подростку. В 1846 г. его описал известный кыргызский манап, доставивший в следующем году голову Кенесары в Омск. Он говорил, что младший брат Кенесары был рослым джигитом, усы у которого только стали пробиваться [Бекмаханов, 1992, 332–333]. В любом случае, Наурызбай не носил еще усов и бороды, если бы ему было свыше двадцати лет, то, безусловно, усы красовались бы на его лице, черты которого были значительно крупнее, чем у казахов [Бекмаханов, 1992, 213].

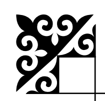
Батырство Наурызбая подкреплялось тем, что практически всеми его походами руководил прославленный полководец Агыбай, сын батыра Абылая – Олжабая. Абылай использовал Олжа в военных делах и дипломатических поездках, Кенесары точно так же использовал Агыбая. Правильно было бы считать, что во главе отрядов формально назначался Агыбай, а Наурызбай учился у него и своего брата воинскому искусству и проявлял безумную храбрость, у подростков это не удивляет.

Свою смерть Наурызбай также хотел встретить вместе со своим любимым наставником, предлагая отражать атаки неприятеля, чтобы тем временем Кенесары мог спастись.

Впервые имя Наурызбая как сподвижника Кенесары начинает встречаться в документах с декабря 1843 г. Вероятно, с этого времени, в возрасте 13–14 лет Наурызбай и стал участвовать в барымте и походах, в сборах зякета, что соответствует общепринятым обычаем того времени. Не имея опыта, Наурызбай допустил ошибку, проявив ненужную жестокость при требовании *зякета* в отношении поколения *жаппас*, кочующего между казахами Среднего и Младшего жузов. Он был добр к русским пленникам и жалел их. В том же году мальчик получил боевое крещение, прошел слух о его тяжелом ранении в сражении с русским отрядом [НОБ, 1996, 232]. Из-за жизни, полной риска и скитаний, Кенесары, как и его братья, выглядел старше.

Активная военная деятельность прославленного сына Кенесары Сыздыка (Садыка), простершаяся до Кашгарии, приходится на 1864–1876 гг. Он успешно применял богатый опыт партизанский борьбы своего отца, его полководческий талант признавали и неприятели, и недоброжелательные кокандцы.

Кенесары предпочитал сам возглавлять атаки. Он получил ранение в столкновении с отрядом Лебедева в 1838 г. [Середа, 1992, 114].



Письма Кенесары и других правителей передают нам особенности менталитета и психологии казахов того времени. Наших источниковедов в этом плане ожидает впереди непочатый край работы.

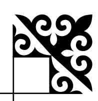
Родовыми кочевьями сам Кенесары называл район рек Нуры–Ишима.

На протяжении ста с лишним лет личности Кенесары посвящено немало исследований и сломано немало копий с выяснением целей и объяснениями мотивов его поведения. Оценки возглавляемого им повстанческого движения, главным образом, отражают политические и исторические процессы, происходившие в период жизни самих исследователей.

Потомки Абылай хана продолжали эпизодические отношения с Цинской империей и после смерти своего знаменитого предка в 1780 г., и после упразднения ханства. Эти отношения большей частью поддерживались в традиционных рамках торгово-экономических связей, завуалированных под «вассальные отношения». С первой четверти XIX в. царская администрация решительно пресекала внешние связи казахских правителей. Однако проблемы сохранения ханства и трона, доставшегося их деду, толкали чингизидов на восстановление либо активизацию политических связей с другими внешними силами, в том числе и с Китаем. Всплеск активности возникал в периоды внутриполитического противоборства между конкурирующими ханскими династиями, а также перед лицом внешней угрозы.

Амплитуда отношений никогда не достигала прежнего размаха. Связи отдельных представителей ханского дома были недостаточно прочны и очень кратковременны. Порой установление связей ограничивалось лишь безуспешными двумя-тремя попытками и, не достигнув заданной цели, затухали. Это, прежде всего, относится к хану Кенесары, развернувшему свою политическую деятельность в борьбе за трон деда в 1837–1847 гг. Об этом правителе написано немало работ, а также изданы специальные сборники документов, поэтому нет нужды останавливаться на этом.[5] В них даны диаметрально про-

[5] *Бекмаханов Е.Б.* Восстание хана Кенесары (Отдельное издание раздела в «Истории Казахской ССР 1943 г. Отв. ред. Такенов А.С.); *Бекмаханов Е.Б.* Присоединение Казахстана к России – М.: Изд. АН СССР, 1957; *Касымбаев Ж.* Последний поход хана Кенесары и его гибель. – Алматы: ТОО «Ана тілі», 2002; Хан Кенесары (Переиздание трудов: *Середа Н.* Бунт киргизского султана Кенесары Касымова и Ахмед Кенесарин. Кенесары и Садык). Подготовлено к переизданию отделением Казахского фонда культуры г. Атырау фирмой «Диалог» г. Уральска, ЗКО, 1992; Национально-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова (Сборник документов). Составители Галиев В.З. и Жанаев Б.Т. – Алматы: Гылым, 1996.

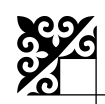


тивоположные оценки восстания Кенесары, длившегося почти 10 лет и охватившего всю территорию Казахстана и большинство казахских родов. Сведения о международных отношениях Кенесары также носят противоречивый характер.

Центр движения перемещался с запада на север, с севера на юг и юго-запад Казахстана, а волны этого движения поднимаясь в одной части Казахстана, затем переносились в другую и затухали в третьей. Последние три года движения Кенесары прошли в непосредственной близости от северо-западных районов Цинской империи. Вся первая половина XIX в. прошла в Восточном Туркестане под знаменем борьбы исламских вождей за его отделение от Цинской империи. Приближение очага мощного движения в казахской степи к беспокойной окраине не могло оставить равнодушными как цинскую, так и русскую пограничную администрацию. Оренбург и Омск стремились пресечь связи абылаевича с Китаем и преградить ему путь с отрядами мятежников в недосягаемые для них китайские пределы. А цинские власти опасались самой возможности совместного выступления синьцзянских инсургентов с другими народами Центральной Азии и Казахстана. Перманентные вторжения ходжей в Кашгарию, инспирируемые Кокандом, временно затихли после расправы над ходжой Джахангиром и его армией, а также в связи с некоторыми экономическими уступками цинского правительства Коканду. Оно позволило кокандским торговым старшинам (аксакалам) собирать налоги с мусульманских торговцев, преимущественно – «андижанцев», в Южном Притяньшанье (Кашгарии). Эти налоги брались согласно правилам шариата, что укрепляло исламский элемент в международных отношениях.

Аксакалы (торговые консулы) зачастую брали на себя защиту не только коммерческих интересов среднеазиатских купцов, но и всех других прав выходцев из мусульманских стран. И в этом отношении их функции были схожи с теми, которые выполнялись консулами западных стран. Подобные меры временно останавливали кипчакскую династию Кокандского ханства от поощрения походов в Кашгарию, однако короткие передышки использовались для нового, более последовательного и более организованного вторжения. Это неоднократно приводило к отторжению большей части Синьцзяна.

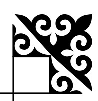
В 1827 г. удалось взять в плен и доставить в Пекин для казни ходжа Джахангира. Но в 1830 г. Кашгар был вновь захвачен ходжой Юсупом, затем произошло вторжение семи ходжей, произошедшее за месяц до гибели Кенесары в 1847 г. Движение Кенесары происходило в



промежутке между этими двумя вторжениями, осуществленными из Ошской долины через горные районы Киргизии. Цинскими властями тщательно изучались отношения казахских правителей и соседних кыргызов с Кокандским ханством. Политика Китая в отношении Кенесары во многом зависела от ситуации в Восточном Туркестане и от того, в которой из международных сил он видел опасность, а в ком – естественного союзника.

Вторым важным аспектом международных отношений в Китае была опиумная война западных стран в 1840–1842 гг., проникновение из Кашмира англичан, а с ними и опиума в больших масштабах. Выдвижение передовых казачьих постов в юго-западные и юго-восточные районы Семиречья, походы русских войск с востока и запада в междуречье Чу и Таласа рассматривались цинским правительством как покушение на интересы империи. Но отношение к казачьим отрядам, направленным в Семиречье для создания опорных пунктов и охоты на Кенесары, могло быть противоречивым. Главным конкурентом за контроль над своими западными районами Цинская империя считала все же Кокандское ханство. Поскольку приоритетной оставалась война на морских побережьях, цинские власти на время сократили свои военные расходы в Синьцзяне, поэтому их главным оружием оставались политические интриги. Могли ли они в такой ситуации игнорировать желание Кенесары установить с ними отношения? А мог ли сам Кенесары исключить из сложных хитросплетений международных отношений Цинскую империю? Другое дело, что Кенесары смог напрямую обратиться к цинам лишь через несколько лет своей борьбы. В то же время, он обеспечил достаточно благоприятные условия для осуществления отступления в Семиречье.

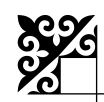
Восстания 1827–1847 гг. в Казахстане зависели от энергии, влияния среди казахов самого руководителя – в силу знатного происхождения или военного таланта. В Кенесары сочеталось – то, и другое. К тому же, он успел провозгласить себя ханом. При свете монархического лозунга в тени оставались цели и задачи других участников восстания, поэтому дать однозначную оценку движению, возглавляемому Кенесары, который национально-освободительные идеи осуществлял средневековыми методами, достаточно сложно. В его бунте выпукло вырисовываются феодально-монархические черты, связанные с его яркой личностью. Эпистолярное наследие Кенесары также показывает, что вначале стимулом к борьбе у него были обиды и несправедливости, чинимые ему русской пограничной ад-



министрацией. И он готов был подчиниться России на тех условиях, на которых подчинялись его дед Абылай и сводный брат Вали хан, согласившись быть старшим султаном нового внешнего округа в составе России с центром в Улытау.

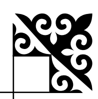
В то же время, не могло быть и речи о том, чтобы он согласился на то, чтобы казахский трон достался кому-либо другому из абылаевичей, не говоря уже о представителях других ханских домов. Кенесары обосновывал свои притязания на трон не только в силу своей принадлежности к дому Абылая, но и своими личными заслугами в борьбе за возрождение ханства. Старшие абылаевичи связали свои судьбы с Россией и примирились со своей участью, довольствуясь, в лучшем случае, местом старшего султана. Последняя попытка сесть на трон была предпринята ненасильственным дипломатическим путем дядей Кенесары Губайдуллой в 1824 г., закончившаяся тем, что он лишился недавно полученного поста старшего султана, а трон стал вовсе недостижимым из-за царских реформ, охвативших большую часть Казахстана, кроме разве малого уголка казахской земли в Семиречье по соседству с Киргизией и Кокандским ханством. По-видимому, этот район и хотел сделать ядром своего ханства Кенесары, переместившись на юг Казахстана.

Задачей данной работы является анализ слабо выраженной и малоизученной «китайской» темы в движении Кенесары. Тем более, что в работах некоторых авторов выражается сомнение в возможности установления связей султана с Китаем [Валиханов Э., 175]. Пока не найдены письма Кенесары цинскому императору, не обнаружены материалы его посольств в Китае. Мы не знаем точно, сколько было сформировано посольств, кто был в их составе. Неизвестно также, что Кенесары конкретно писал в своих письмах, сколько было этих писем, и все ли они доложены в Пекин. Немаловажный интерес представляют собой механизм обмена посланцами и способы доставки корреспонденции. Неизвестны точка зрения, а также действительная и полная реакция цинских центральных и пограничных ведомств на восстание Кенесары, не выявлена переписка между ними по этому вопросу, ход обмена мнениями, а также переписка между Правительствующим Сенатом и Палатой по делам зависимых земель (русские предпочитали называть эту Палату Монгольским Трибуналом) с упоминанием Кенесары. Вследствие этого, большинство выводов данной статьи об отношениях Кенесары с Цинской империей носят гипотетический характер.



Для разъяснения ситуации следует выявить время, в которое было подготовлено и отправлено посольство мятежного хана. 24 октября 1846 г. Председателю Оренбургской пограничной комиссии был доставлен доклад с изложением сообщения бия Назаровского отделения Давлеткильди Биебаева [ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 1, л. 116–122].

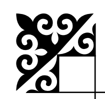
Оставалось около года до трагической гибели Кенесары. Поколение *назаровцев* претерпело жестокое наказание со стороны Кенесары. По словам би, он с одним казахом осенью прошлого года, т. е. 1845 г. должен был доставить девушку на выданье в лагерь Кенесары, чтобы обменять ее на захваченного ханом би их рода Джалмашбета Кучукова. Маршрут, по которому выехали *назаровцы,* показывает, что они знали места, в которые отошел Кенесары. Они *(назаровцы)* отправились из своих аулов, расположенных на Эмбе, в сторону Каракумов. Здесь они застали отряд из 75 человек во главе с Суйдак-ходжой, отправленных к Кенесары для сопровождения отпущенной из плена любимой жены Кенесары – Кунимжан. Оказалось, что к этому времени Кенесары уже откочевал за реку Чу. Группа *назаровцев* и отряд ходжи, в котором были русские, вместе направились по следу Кенесары через пески Муюнкум, местности Мин булак (Тысяча ключей), реку Сарысу и прошли за реку Чу. В общем, путь группы Давлеткелди от аула до ставки Кенесары занял 96 дней, т. е. более трех месяцев. Аул Кенесары они застали у отрогов Алатау. Говоря о маршруте и описывая местности, казах старался показать их непригодность к жизни: безводность, труднопроходимость. Река Чу имеет крутые берега, которые также трудно преодолеть, на ее берегах якобы нет подходящей местности для проведения зимы. Свою миссию Давлеткелди исполнил, освободив из ханского плена своего сородича. Находясь в лагере Кенесары, он узнал много интересного. Во время его пребывания там Кенесары отправил 6 человек для сбора налога с кыргызов. Так как те не подчинились, то хан отправил два отряда против них, однако кыргызы дали им сокрушительный отпор и те, почти нагие и без лошадей, бежали обратно. Султаны-предводители были убиты. В связи с поражением Кенесары пришлось отступить на восточный берег реки Или, где обитал султан Рустем. Очевидно, отсюда пошел слух, что Рустем оказывал помощь мятежнику. Кенесары не был в состоянии собрать выкуп в виде коней, лисьих шуб, мехов, шелковых халатов для освобождения всех своих приближенных из кыргызского плена. У кыргызов было выкуплено лишь 50 человек. Затем Кенесары направился вверх по реке Или, чтобы пройти, по словам *назаровца*, в китайские пределы.



Создается впечатление, что Кенесары стремился отступить в китайские пределы, понеся поражение от кыргызов. Следовательно, султан Рустем не хотел оставлять его у себя. Очевидно, на это не соглашались и другие абылаевичи. Кенесары дошел до кочевий *албанов* на Уйгентас, а этот род имел довольно устойчивые контакты с Синьцзяном. Уйгентас был местом, где скрещивались караванные пути в Кульджу из Ташкента и Семипалатинска. Отсюда путь в Синьцзян для посольства Кенесары был открытым, практически, оно могло присоединиться к любому каравану. Казахский информатор уверенно заявляет, что Кенесары просил «о дозволении китайского правительства кочевать на его землях» [ГАОО, ф. 366, д. 1, л. 239].

Между тем, жена Кунимжан и прибывший с ней из русского плена ходжа Суйдак (Сайдак) советовали Кенесары откочевать в земли Младшего жуза. С другой стороны, хан не только проникся благодарностью за добрый шаг со стороны русского правительства в связи с доставкой в его лагерь жены и приближенного, но, непостижимым образом, почти враждебно встретил посланцев Оренбурга. Это можно видеть из рапорта поручика Генерального штаба Герна [НОБ, 415–428]. Не по причине ли того, что вопрос об откочевке в Семиречье уже был осуществлен и была надежда выехать в Китай. Вряд ли это решение могло произойти без согласия султанов этого края. Но неизвестно, успели ли они, уведомить об этом китайскую сторону. Как бы то ни было, они заверяли что Кенесары намеревался откочевать в китайские пределы. Кенесары поддерживал переписку с правителями всех трех жузов, а также вел переговоры с их представителями. Но ни одного его письма об этом пока не обнародовано. Эти правители предпочитали информировать Омск или Оренбург лишь о общем содержании его писем. Несомненно, они утаивали многое. К примеру, только с *назаровцами*, сообщившими о попытке Кенесары связаться с кульджинской администрацией, в 1845 г. хан передал три письма правителям Младшего жуза: султану Гали Туганчину, Арману Джантюрину Ирмухамеду Касымову [ГАОО, ф. 366, д. 1, л. 220].

В 1845 г. Оренбургу стало известно о том, что Кенесары якобы приглашал этих султанов оказать помощь в войне с Кокандом [НОБ, 425–427]. Подобные письма Кенесары отправлял с оказией и верными людьми к султанам Старшего жуза, призывал их к организации борьбы с Кокандским ханством. Это его предложение отвечало целям укрепления владычества Цинской империи в Кашгарии, так как все вторжения ходжей в эту провинцию происходили по наущению

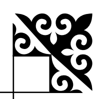


кокандских беков. Напомним, что соперником России в Семиречье также был Коканд.

Китайский фактор и его последствия в казахско-китайских и китайско-русских отношениях помогут лучше понять политику Китая в Центральной Азии середины XIX в. Эта политика имеет глубокие корни и продолжает оказывать влияние на развитие китайской историографии и китайской региональной дипломатии. Восстанию Кенесары китайские историки придавали мало значения, а походы русских отрядов в двух направлениях в сторону западного Семиречья рассматривали как захватническую, направленную не столько против инсургентов, сколько против владений самой Цинской империи. Логично предположить, что, поскольку Кенесары оказался в районах, подконтрольных Цинской империи, его судьбу должны были решить на основании русско-китайских договоров о взаимной выдаче преступников. Однако, в середине XIX в. Цинская империя только тщилась показать свое влияние на кыргызов и казахов Семиречья, борясь на востоке – с могущественными западными державами, а на западе – с уйгурскими повстанцами и поддерживавшими их другими народами Центральной Азии.

Внешняя политика в XIX в. оставалась в ведомстве потомков ханов Абулмамбета, Абылая и Абулхаира. Россия не могла пресечь внешние связи султанов почти до конца XIX в. Это свое право они отстаивали не менее упорно, чем и право на управление своими родами и племенами. По справедливому мнению Е. Бекмаханова: «Вся внешняя политика Кенесары была направлена на создание независимого Казахского ханства». Ученый исчерпывающе обрисовал внешнеполитическую ситуацию в Центральной Азии и вокруг нее, отношения Кенесары с соседними исламскими ханствами: Кокандским, Хивинским и Бухарским, а также с Россией. Он отметил также, что «Кенесары в своей переписке не отказывался от подданства России, но при условии сохранения старых привилегий хана» [Бекмаханов, 1957, 115]. Ханом же Кенесары видел только себя, что справедливо не только из-за его знатности, но и по вкладу, который он сделал по сравнению с другими аблаевичами третьего поколения. К сожалению, ученый очень кратко остановился на отношениях хана с цинским Китаем, что объясняется скудными материалами. И сегодня мы не можем быть удовлетворены состоянием китайских материалов по этой теме.

Кенесары являлся правителем феодального общества, стремившимся восстановить прежнее ханство со всеми его международными права-



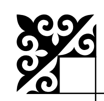
ми и полномочиями. Подданство он понимал как относительную независимость под протекторатом сильного сюзерена. Однако, в этом он не нашел понимания в Коканде и, особенно, Санкт-Петербурге, к которым он обращался попеременно. Коканд не простил потомкам Касыма того, что они покушались на власть над кокандскими и хивинскими казахами – они, среди них и Кенесары, облагали налогом как кочевников-скотоводов, так и тех, кто занимался земледелием: *зякетом* и *ушуром*. Очутившись на территории среднеазиатских ханств, Кенесары стремился объединить вокруг себя казахов, освободить их от зависимости среднеазиатских ханов и загнать под свою пяту. Для него было бесспорным фактом, что только казахские чингизиды имели законное право на всех казахов, где бы они не проживали. Казахские старшины, которые все еще имели большое влияние на поколения родов и фактически управляли ими, также особо не оспаривали этого права своих чингизидов. Однако налоги и торговые пошлины оставались важной статьей дохода среднеазиатских ханов, которой они не хотели лишаться.

На последнем этапе своей борьбы Кенесары обратился к Китаю. Цинский Китай в то время продолжал поддерживать традиционные отношения с потомками казахских ханов в Семиречье и Синьцзяне, присваивая им цинские чины в зависимости от их знатности, а также числа подвластных им родов и богатства скотом. Цинское правительство еще не делало и явно не желало делать как можно дольше большого различия между синьцзянскими и семиреченскими казахскими феодалами и кыргызскими владетелями, а также старшинами племен и родов.

3.1.3. Понятие верноподданства в политике России и подданства в политической культуре казахов

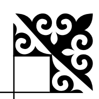
Изучение внешней политики казахских ханов требует более глубокого рассмотрение института подданства и его эволюции в XIX в. У всех были свои представления о подданстве и об обязанностях и ответственности сторон.

Обратимся к более подробному анализу требований и обязанностей, которые выставлялись царским правительством к казахским чингизидам. Это поможет нам представить, что понималось под подданством в многонациональной Российской империи в первой половине XIX в., когда процесс присоединения Казахстана не был завершен, а завоевание Центральной Азии еще не было начато. Права и обязанно-



сти султанской верхушки после реформ 1824 г. в степи сформулированы в официальном документе Оренбургской пограничной комиссии, рассматриваемом как законы Российской империи [НОБ, 354–358]. Он отражает эволюцию в развитии института подданства в России за столетие, приблизительно с 1730 по 1840 гг. Документ состоит из 8 параграфов. Первым параграфом является Платеж кибиточных денег с одной кибитки и чингизида и простолюдина по 1 рублю и 50 коп. серебром. Для этого следовало выяснить точное количество кибиток каждой волости и каждого округа, что было тогда не под силу ни оренбургской, ни омской администрации. Было множество недоразумений между самой русской администрацией о подведомственных им оренбургских и сибирских казахах. Одной из главных причин восстания Кенесары был решительный отказ от сбора покибиточного налога. Дело было также в том, что деньги шли на делопроизводство по управлению ордой, на награды и жалованье начальствующим. Второй параграф запрещал в свою пользу сбор *зякета*, т. е. натурального налога производить чингизидами с определенного количества скота: коней, овец. Кенесары считал такой сбор священным правом султана и хана. Кочевники традиционно платили налоги с количества скота, принадлежащего им. При переходе на его сторону, а также со своих врагов Кенесары первым делом осуществлял сбор *зякета* скотом, а с земледельцев – ушура, 1/10 урожая. Т. е. предпринимал сбор налога натуральными продуктами животноводства и земледелия. Товарно-денежные отношения еще не внедрились глубоко в кочевое общество, встречали недопонимание и протест. Этот протест объединял интересы как крупных скотоводов, так и рядовых кочевников.

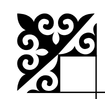
Третий и седьмой параграфы относились к уголовным преступлениям. Однако, Кенесары придал уголовным делам политическую окраску, тем самым, значительно усугубляя их тяжесть перед царским правительством. Уголовные наказания зачастую несли невинные люди и эти пункты не только не способствовали спокойствию в степи, но вносили напряжение в отношения родов и племен, а также в отношения и без того ревнивых и подозрительных султанов. «Воинские поиски» русских пограничных войск часто были несправедливыми, а расходы на них правительство решило покрывать за счет конфискованного у казахов же скота и имущества. Такое финансовое и материальное возмещение расходов на «воинские поиски» создавало вопиющие злоупотребления, что поднимало народ на борьбу против царского правительства. Во время поисков похищались казах-



ские дети и продавались в рабство в другие страны [Середа, 37]. Параграф 4 утверждал ведение судебных дел Пограничной комиссией. Этот закон, по существу, упразднял институт бийства в кочевом обществе и ущемлял права султанов и ханов быть высшими арбитрами в судебных делах. Из рук феодальной верхушки изымался еще один пункт традиционных властных полномочий. Пятый параграф сурово наказывал за укрывательство беглых русских, калмыков, татар и башкир. В лагере Кенесары постоянно находились представители всех этих народов, перешедшие к нему беглые и насильственно удерживаемые пленники. Среди них особенно ценными были татарские муллы-писари, ремесленники-оружейники.

Кенесары хлопотал за освобождение, из заключения по русской терминологии, «татар» порой выдавая некоторых за своих родственников (к примеру, некоего Арынгазы он выдавал за родного брата). Переписка Оренбурга и Омска об угнанных в плен русских, как и казахов русскими, составляла значительную часть переписки сторон на протяжении всей истории их отношений. Параграф шестой касался внешних связей. Имеет смысл привести его полностью как ограничивающий права казахской феодальной верхушки и постоянно нарушаемый ими и после территориального разграничения с Китаем в Центральной Азии: «Сделавшись верноподданным русского монарха, на основании данной присяги должны будете оставить все сношения с теми лицами и правительствами, которых Россия будет считать своими неприятелями, а потому и обязываетесь не иметь никаких тайных сношений с соседственными владельцами, если же встретите в этом надобность, то можете однако же не иначе, как с согласия Пограничной комиссии» [НОБ, 357].

Не только Кенесары, но и другие чингизиды нарушали отдельные, а то и все положения этой статьи. Кенесары имел всесторонние международные отношения с Хивой, Кокандом, Бухарой и, наконец, с Китаем. Эти отношения включали политические, экономические связи, военные действия и перемирия. Нападая тайно от (если не по наущению) Оренбурга на среднеазиатские владения, он ставил Россию в неловкое положение, иногда нарушая ее сложные замыслы. Внешние контакты Кенесары считал своим неотъемлемым и неоспоримым правом, о чем свидетельствует вся его деятельность в международной сфере. Последний, восьмой параграф запрещал присваивать себе титул хана: «Ни Вам, г. султан, ни Вашим родственникам и приверженцам и никому из ордынцев не дозволяет присваивать

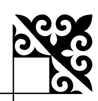


себе титул и не именовать себя званием, от правительства недарованным или на которое не последовало от него утверждение, равно облекаемые в такие одежды и знаки, которые жалуются за заслуги высочайшей милостью»[НОБ, 1996, 358].[6] Почти все казахские правители предпочитали вначале быть поднятыми на белой кошме у себя дома, и лишь после успешного проведения ритуала добиваться ярлыков от России (см. предыдущие разделы). Не был исключением и Кенесары, сторонники которого произвели обряд поднятия на белой кошме в 1841 г., после удачных походов против Коканда и привлечения на свою сторону казахов Акмолинского и других приказов. Этот обряд Кенесары провел по дедовским правилам. Сначала он устроил поминки по своему отцу Касыму и двум братьям: Саржану и Есенгельди, погибшим от руки кокандцев, полагая, что успокоил своей местью их души и заручился поддержкой этих душ на будущее. Следовательно, он сам, а также его приверженцы остались довольными действиями против Кокандского ханства. Затем он объявил конные скачки с угощением и призами для почетных людей и народа, тогда и был проведен обряд провозглашения его ханом.

Последовательность законности его прав на трон в глазах феодально-байской верхушки он представлял следующим образом: Абылай – Вали – Губайдулла. Губайдуллу в свое время признала лишь Цинская империя, поэтому эта страна не могла быть исключена из внешней политики Кенесары. Урочища на берегу Тургая, где состоялось важное политическое событие, не были под властью ни Коканда, ни России; они также были совершенно недоступны Китаю. Это ограниченное пространство земли стало местом сосредоточения основных сил Кенесары, и оно не могло вместить всех, кто желал бы быть со своим ханом, поэтому после избрания многие родоначальники и почетные люди возвратились на свои кочевья под власть России, но обещали тайно выплачивать ему зякет [Середа, 1992, 117]. Итак, своей главной заслугой, достойной для избрания на ханство Кенесары считал успешный поход в кокандские вилайеты. Вспомним, что, совершив немало батырских подвигов, его грозный дед Абылай главнейшими из них почитал сражения с калмыками 1771 г. И тот, и другой были уверены, что эти их подвиги, воспеваемые акынами, отвечали коренным интересам России, а потому недоумевали, что она нимало не поддержала их притязаний на трон.

Документ показывает, что и в середине XIX в. Россия все еще строила отношения с казахскими правителями на основе вассалитета: ханы

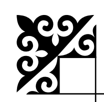
[6] Отношение Оренбургской пограничной комиссии Кенесары Касымову. 1845, февраля 13.



клялись в верноподданстве русскому монарху, а не правительству России в лице Коллегии или Министерства иностранных дел. Сибирское начальство брало повторные присяги с потомков присягнувших ханов, тем самым официально ставя под сомнение подданство присягнувших еще в XVIII в. их отцов и дедов. Сознавая шаткость своего действительного влияния на правителей, Россия продолжала брать с них заложников. Кенесары на первых порах признавал эту необходимость. Его советники говорили, что заложником в Орской крепости может быть любой из них, кроме самого Кенесары. А тот в 1840 г. для изъявления мнимой покорности удачно выбрал в заложники своего дядю Карабая. Он казался более почетным заложником, чем малолетние султанские дети, как близкий родственник и старший по возрасту по сравнению с человеком, отправившим его в заложники.

В то же время, Карабай был человеком, далеким от политики, был «прост до глупости», – по мнению председателя оренбургской пограничной комиссии Ладыженского. Однако, Карабаю удавалось передавать на волю полезные для Кенесары сведения о казахских лазутчиках русского пограничного начальства [НОБ, 1996, 294]. Его просили передать Кенесары, чтобы тот не приближался к линии, а требования начальства «исполнял бы издали» [НОБ, 332].

В 1842 г. Кенесары потребовал возвращения дяди. «Султан Карабай весьма долго зажился, возвратите его скорее, – настаивал Кенесары» [НОБ, 189]. К этому времени он уже год как был избран ханом без согласия России, не считал нужным держать там заложника, потому в его письмах нет и намека на замену старого заложника новым. МИД России, которым тогда при Николае II управлял К.В. Нессельроде, рекомендовал воздержаться от выдачи заложника, понимая значение этого факта для престижа своей политики и страны. Вскоре Карабай был заключен в темницу, чтобы вынудить «самопровозглашенного» хана прикочевать к оренбургской линии [НОБ, 213]. Однако, искусный дипломат Кенесары все же добился его освобождения в начале 1845 г., но до того Карабая вынудили присягнуть на верность России. Кроме того, в Оренбурге были удержаны двое других верных Кенесары людей. Таким образом, заложничество оставалось рычагом давления и в XIX в., хотя большая часть Казахстана уже управлялась либо контролировалась Омском и Оренбургом. Оренбургская и Омская администрации постепенно с запада и востока неуклонно стремилась к независимому пространству, на котором властвовал Кенесары.



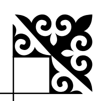
Совершенно новыми пунктами зависимости, требуемыми Россией, были покибиточный сбор, введение судопроизводства и запрет на самостоятельные внешние связи. Однако, совершенно очевидно, что все пункты документа о правах казахских султанов нарушались Кенесары осознанно, что следует рассматривать как проявление борьбы за казахскую государственность и национальную независимость.

3.1.4. Кенесары и ислам

Клятвы на верноподданность России мусульманскими правителями и через 100 лет требовалось произносить на Коране. Это свидетельствует о том, что ислам занимал важное место в жизни казахских правителей. Они соблюдали все мусульманские обряды, но редко совершали паломничества в Мекку. У казахов был свой священный город Туркестан, во время жизни Кенесары находившийся под властью кокандских беков или их ставленников – ташкентских беклярбегов (бека беков). Наиболее чтимых правителей казахи хоронили в Туркестане на мазаре близ мавзолея Ходжи Ахмада Яссауи. Здесь был похоронен отец Кенесары – Касым, убитый по самовольному приказу ташкентского наместника Коканда. Кокандцы не препятствовали религиозным обрядам чингизидов в Туркестане, несмотря на то, что вилайет стал частью Кокандского ханства.

Несомненно, Кенесары был религиозным человеком, но его не назовешь фанатиком. Он, а, скорее всего, его отец Касым выбрали для своего знамени зеленый цвет. Это случилось на раннем этапе движения, когда они еще надеялись на союз с Кокандом и Ташкентом. К тому же, белое знамя Абылая досталось по наследству Вали хану – прямому легитимному наследнику, а затем – его потомкам.

Ислам вошел в быт казахских торе. Дневное время Кенесары исчислял, сообразуясь с временем пятикратных намазов (молитв), а время года – по мусульманскому календарю. Свои письма он, как правило, начинал с воздания хвалы Аллаху, свои победы и поражения приписывал воле Всевышнего. К сожалению, как уже отмечалось выше, не все переводы его писем являются безупречными с точки зрения современной археографии и палеографии. Это бросается в глаза при сравнении оригиналов девяти писем, опубликованных вместе с их переводами времени его жизни. Да и сами оригиналы переписаны на кириллицу несколько небрежно. Представляется, что более приближенными к оригиналам являются переводы, исполнен-

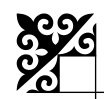


ные личным переводчиком князя Горчакова – Курбанаковым [Середа, 1992, 48]. Во всех письмах Кенесары звучит вера в волю Аллаха, в то, что только он знает истину и только он рассудит, где справедливость. Совершенно очевидно, что подобные фразы, как формальные и лишние, в письмах опущены. Тем самым искажается специфика общественно-политической жизни казахов XIX в. Однако, все же напрашивается мысль, что как дети хромого Тимура были больше мусульманами, чем сам эмир, так и потомки Абылай хана были больше мусульманами, чем этот их предок. Религия накладывала отпечаток на формы правления, методы убеждения и привлечения сторонников.

Находясь постоянно в движении, Кенесары трудно было обеспечить обучение детей. О состоянии грамотности юных султанов можно судить на примере сына его любимой сестры Бопай по имени Нурхан. Ему было 17 лет, когда он попал в плен к русским, в Омске он показал: «грамоте по-азиатски читать умею, а писать не учился» [НОБ, 156]. Он, учитывая образ жизни родителей, являвшихся опорой Кенесары, должен был больше времени уделять воинскому искусству, как и все другие султаны. Об обучении детей Кенесары сказано: «До достижения совершеннолетия они нанимали в свои аулы мулл и учились грамоте; кроме того упражнялись в стрельбе из ружей и верховой езде. По достижении совершеннолетия, султаны… вступили в военную службу и стали везде выказывать свое удальство» [Середа, 1992, 128–129]. Связи со среднеазиатскими ханствами, а также, по-видимому, необходимость обучения детей грамоте привели к тому, что Кенесары ценил пленных мулл-писарей и оружейников.

Очень хорошо усвоил воинские уроки отца по взятию крепостей и применил их в Центральной Азии и Кашгарии султан Садык. Он рекомендовал защищаться от пуль русских толстым непроницаемым валом из связок камыша и полыни. А в пустыне эти связки делались из саксаула, джингиля и других кустарников. Связки составляли валы, которые подкатывались как можно ближе к противнику, затем сарбазы шли в рукопашную. У самих восставших всегда не хватало ружей, порох для которых они приобретали в Центральной Азии, отправляя туда торговые караваны. Султаны старались не терять своего батырства, в чем, к примеру, был обвинен Саржан, всеми правдами и неправдами, нарушая кодекс воинской чести, стремившийся исполнить приказ Кенесары достать коней.

Пребывая с отцом в Кокандском ханстве, Кенесары должен был совершать пятикратный намаз, он старался не нарушать этого обычая и

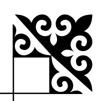


во время походов. После каждой одержанной победы он не забывал, наряду с пиршествами и охотой по этому поводу, приносить благодарность Аллаху. В Предписании председателя Оренбургской комиссии посланцу к Кенесары рекомендовалось: «Вам удобнее и приличнее будет при рассуждении выказать Ваше по этому мнение и убеждение, что присяга как обет перед богом, более удостоверит правительство в его покорности, нежели словесные обещания, нарушаемые часто по легкомыслию, чему и были уже примеры. Судя по религиозности его, как известно по сведениям, присяга может служить более достаточным ручательством в исполнении им обещаний» [НОБ, 349]. В письме к Кенесары генерал-майора Ладыженского, переданном через Долгова, сделаны неуклюжие ссылки на суры Корана, посредством чего он убеждал о благах русского подданства: «…вникните Вашим умом, не то ли требуется от Вас теперь, что начертано и в самом священном для Вас Коране: «О, правоверные! – явствует там, – повинуйтесь богу, его пророку, государям Вашим и их правительству», не то ли самое, что завещал Вам, чтимый Вами пророк, «завещаю вам, – говорит он, – повиноваться беспрекословно государям вашим и установленным властям».

Для принятия присяги командировался также мулла, которому вменялось в обязанность увещевать Кенесары благостными религиозными беседами и напомнить слова из «священного для мусульман Корана: «Великий гнев творца на того, кто не исполняет данного обещания» [НОБ, 359–362]. Ссылки на Коран доказывают образованность Кенесары, которая в то время могла быть только религиозной.

В рапорте Генерального штаба поручика Герна, отправившегося к Кенесары осенью 1845 г., отмечено, что Председатель Пограничной комиссии «в особенности изъявил свое удовлетворение выбору алкорана на татарском языке и изволил мне приказать, чтобы я сверх заготовленных уже мной купил еще один алкоран и несколько подарочных вещей, для одарения Его превосходительством ходжи Усманова и киргизки Улгары, находившейся при султанше» [НОБ, 429–421].

Однако, с не меньшим энтузиазмом Кенесары на своих сложных маршрутах поклонялся священным для него могилам казахских батыров, известных биев и султанов, о которых сохранились легенды. По своему типу правление Кенесары ханством было смешанным, с монгольским и общими мусульманскими положениями. В этом плане особенно дикими были его наказания и изощренные казни, если они не раздуты намеренно, чтобы отвратить от него людей. Не следует также приуменьшать организацию проповедей против Кенеса-



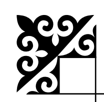
ры, которые читали ахуны Омской и Оренбургской мечетей по настоянию русского начальства.

Однако, идеалом для Кенесары оставались традиционные методы управления кочевниками, которых придерживались его дед и отец, и на которые он постоянно ссылался.

Кенесары приблизил к себе и принимал участие в судьбе представителя религиозной касты – *ходжей* (*кожа* – каз. язык) Усманова Мухамед-Кали. По традиции, *ходжи* были освобождены от всяких пошлин и налогов во всех мусульманских владениях, равно как и в казахских. Усманов, известный в степи как Сайдак кожа, являлся подданным Бухары. Он говорил, что его род «рассеян по многим владениям: Бухаре, Хиве, Коканду и Киргизской степи», везде они имели преимущества перед простолюдинами. Ходжа занимался торговлей, поэтому был полезен Кенесары скорее как посредник в сношениях с азиатскими владетелями и как человек, которому можно было поручить приобретение огнестрельного и холодного оружия, пороха, воинских доспехов и других товаров. Кенесары из уважения к его происхождению от потомков пророка женил ходжу «на султанской дочери», советовался с ним. Кенесары также добился освобождения его из плена в Орской крепости. Впрочем, выпуская ходжу из заключения, Оренбургская пограничная комиссия имела на него и свои виды. Все же, наиболее доверенными Кенесары оставались его ближайшие родственники Наурызбай, Саржан и его посол в Китай – султан Худайменди. Они и составляли его ханский совет, а также были главными исполнителями его непреклонной воли. Доверял он до конца только им.

В основу идеологии своего движения Кенесары положил, скорее, культ предков, нежели ислам. Он всемерно культивировал образ хана Абылая, считал идеальными традиционные методы управления с опорой на родственных султанов, родовых старшин, старался подражать своему деду во всем. По всему видно, что у него надежды на милость бога и поддержку душ предков (*аруахов*) стояли рядом, что очень типично для психологии казахов, это остается своеобразием ислама в Казахстане. Это явление само по себе исключает религиозный фанатизм, так как Аллах безупречен, а предки, какими бы они выдающимися не были, не лишены человеческих недостатков и преследовали земные цели.

Кенесары добивался положения статуса казахского хана периода относительной вассальной зависимости, которая существовала при

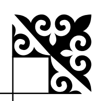


Абылае. Это отвечало требованиям казахских чингизидов, лелеялось в глубине души каждого из них. Возможно, поэтому они так или иначе подвергали обструкции требования русских пограничных властей и продолжали тайно сноситься с Кенесары, а прилинейные казахи – принужденно, но тайно платили *зякет*.

Воззвания о борьбе с русскими *кафирами*, т. е. приверженцами другой религии звучали порой в прокламациях Кенесары под влиянием исламских правителей Центральной Азии. Но это была не более, чем пропаганда для увеличения числа своих приверженцев. Главным его доводом борьбы были притеснения царского правительства, а не кафирство, т. е. конфессиональная принадлежность русских. Употребляемое им слово «*кафир*» в письмах являлось синонимом обозначения русских, как слово «*бусурман*» в русском языке того же времени для обозначения мусульман. Нет также доказательств того, что Кенесары хотел бы вместе с Бухарой, Хивой и Кокандом стать под зеленое знамя джихада в борьбе уйгуров с Китаем. В основе поступков Кенесары, при всей его естественной приверженности к религии, все же лежали сугубо реалистические, светские политические причины, нежели религиозные.

Политическую культуру времени Кенесары подчеркивает казахский этикет, правила приема чужеземных послов. Они мало изменились со временем и выпукло подчеркивали особенности цивилизационного диалога России и Китая со степью. Царские наместники Оренбурга и Омска щепетильно относились к казахским правилам гостеприимства в первой половине XIX в. Их соблюдение показывает, что в основе соприкосновения разных политических культур были, скорее, светские мотивы, чем религиозные, подчеркивающие исключительную важность имела демонстрация уважения к культуре партнера для поддержания политического и цивилизационного диалога.

При приближении посольства к аулам султана (хана) следовало отправить с письмом от пославшего его монарха наиболее приятных для него лиц, или его родственников, возвращавшихся с этим посольством. Здесь можно не останавливаться на челночном механизме обмена посольствами, который был выявлен в прежних работах [Хафизова, 1996]. После официального извещения о своем прибытии следовало дождаться приезда султана со свитой, либо почетных людей от него для выражения приветствия и приглашения послов. Только после этого следовало ехать в сторону ставки и расположиться в указанном хозяином месте. Казахские правители чаще разбивали па-

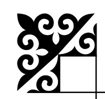


латки гостям на расстоянии двух верст, или по другую сторону холма от своей ставки. Это показывало значение переговоров для принимающего посольство владетеля, не говоря уже о том, что так было удобнее вести наблюдение и собирать необходимые сведения. Чем ближе к аулу султана устраивали гостей, тем более выражался интерес к переговорам. Далее послам следовало любой ценой добиться, чтобы переговоры начались в юрте главного посла, тем самым поднимался престиж правительства, его направившего. Однако, это редко кому удавалось. Дипломатическим успехом считался и как можно более скорый прием послов в юрте правителя. Затягивание первой встречи явно прогнозировало сложность, а то и полный провал переговоров.

В инструкции искушенного в азиатской дипломатии оренбургского начальства посланцу к Кенесары строго указывалось: «…первое свидание Ваше с ним устройте так, чтоб оно последовало в Вашей кибитке, как лица доверенного от правительства и, следовательно, понимающего свое достоинство и имеющего полное право на его уверение». Среднеазиатские и русские купцы в XIX в. все еще совершали перед ханом три поклона до земли, целовали край его одежды. Русские чиновники, посланцы пограничных властей XIX в. старались избегать полного исполнения этого обычая, они все больше предпочитали поклоны с приставлением правой руки к сердцу, или простое рукопожатие.

Интересно также то, что рекомендовалось при первой встрече в юрте посла: «При этом случае ограничьтесь одной учтивостью, обоюдными приветствиями и необходимым угощением с возможной роскошью». Здесь и было отличие от этикета прошлых времен. Хан обычно сам принимал гостей в своей ставке, получал грамоту и подарки, после чего отменно угощал их и отпускал в отведенное место. При этом, никаких серьезных разговоров начинать было неприлично. Однако вернемся к инструкции [НОБ, 1996, 348–354] – «затем посетите его самого сколь возможно на короткое время». Продолжительность приема зависела от принимающей стороны, однако в данном случае краткость предписывалась, чтобы излишне не обнадеживать султана коренным улучшением отношений и не показывать большую надобность в нем.

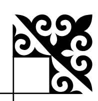
Обеспечение продовольствием посольств постепенно исключалось из дипломатического протокола Российского МИД, но это трудно было осуществить в отношении азиатских стран: Турции, Персии,



Кокандского, Хивинского, Бухарского ханств, Цинской империи. Казахская политическая культура предусматривала снабжение продовольствием всех гостей, как от других правителей, так и зарубежных стран. Правила гостеприимства объяснялись суровой необходимостью, так как в аулах не было магазинов, а ближайшие базары находились лишь на приграничных и прилинейных землях. Достаточно прочитать цитируемого в предыдущих разделах английского разведчика Аткинсона, чтобы понять, насколько мучительным было положение при враждебном отношении аулов к приезжим и нарушении правил гостеприимства. Охотой англичанину приходилось заниматься не только из любви к этому занятию, а чтобы добыть мясо зверя или птицы для пропитания. И вовсе было бы неприличным заставить голодать уважаемых послов. Поэтому в инструкции подчеркивалось: «Если он пришлет Вам по азиатскому обычаю съестных припасов, то, одарив посланных прилично, без излишней однако же щедрости, отвечайте тем же спустя несколько времени». Из подарков казахи особенно ценили чай, сахар, также постепенно приучались к потреблению вина. Важным было еще одно предупреждение для высокого чиновника, в обязанности которого входило общение с восточными владельцами: «...все вообще азиаты не любят поспешности, а потому, действуя хладнокровно, постепенно, но твердо, Вы с удобностью достигнете цели Вам предназначенной. Напротив, поспешив или показав особую настойчивость, тем более горячность в случае глупых возражений, можете испортить дело…».

3.1.5. Кенесары и Китай

Существуют два взаимоисключающих вывода о позиции цинского правительства по поводу посольств Кенесары. Оба они высказаны казахскими учеными, которые много лет работали над фундаментальными архивными материалами по истории Казахстана и отдельно – по движению Кенесары. Е. Бекмаханов писал: «Он рассчитывал также опереться на Китай, который был в это время в добрососедских отношениях с казахами. Кенесары послал своего уполномоченного в Кульджу для переговоров с китайскими властями. Послу Кенесары в Кульдже было оказано исключительное внимание. Кенесары начал дипломатическую переписку с китайским императором, который обещал оказать казахам поддержку и сохранить с ними дружественные отношения» [Бекмаханов, 1992, 33]. Ж. Касымбаев, в сущности, опро-



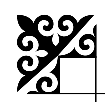
вергает этот вывод, говоря о том, что дипломатия Кенесары, направленная на получение помощи Китая, была неудачной [Касымбаев, 2002, 104].

Несомненно, Кенесары была в общем известна история отношений ханов Абылая и Вали султана с Китаем, так же как и история их воцарения, в которой Китай играл не последнюю роль. На его памяти должна была быть относительно недавняя политическая интрига, развернувшаяся между Китаем и Россией по поводу утверждения на ханство его дяди – султана Губайдуллы, произошедшая в 1824 г.

Губайдулла отправил посольство в Китай в 3-м году правления Дагогуан (1824 г.), во главе которого назначил своего брата по имени Касым [Цин Сюанцзун шилу, 63, 14]. Следует еще выяснить, был ли это отец Кенесары, которому в том году исполнилось 57 лет. Но другого брата с этим именем у Губайдуллы не было.

Нельзя также исключить, что в истории фамилии Касыма были другие непосредственные связи с Китаем. Некий Касым султан возглавлял посольство в Китай в 1787 г., он получил титул *«гун»* и павлинье перо с двумя глазками. Это были наивысшие награды, вручаемые цинским правительством молодым казахским царевичам. Китайцы отметили, что в то время в управлении его находилось колено *ногай-аргын* [Синьцзян шилюэ, 12, 11]. Касым убит в 1837 г. в возрасте приблизительно 70 лет, следовательно, он родился в 1767 г. и ездил в Пекин будучи крепким парнем около 20 лет. Поездка 1824 г. могла быть второй в жизни Касыма. Это предположение нуждается в доказательствах. Напомним, что матерью Кенесары была ойратка, а его толенгуты большей частью также являлись ойратами.

Как бы то ни было, Кенесары участливо относился к своему дяде, не в пример другим абылаевичам. Одним из дерзких требований Кенесары от русских властей было возвращение Губайдуллы из ссылки. Напомним, что того вывезли в Омск «за измену», как классифицировались его связь с мятежниками и переписка с Китаем на получение подтверждения признания наследственных прав на ханство. Кенесары не мог не знать историю неудачной операции цинского правительства о передаче Губайдулле фирмана на ханство. В 1838 г., во время нападения на *аргынов* поколения *атыгай, караул* и др., Кенесары захватил Губайдуллу, но затем, как писал сам султан в Россию, «по просьбе народа» он его отпустил на свободу [НОБ, 443]. Во время пребывания у Кенесары, Губайдулла, безусловно, рассказал племяннику о своих связях с цинским Китаем, о том, как ему удалось отпра-

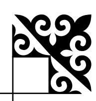


вить туда свое посольство и договориться о встрече послов цинской династии на территории Казахстана. Позже начальники Кокчетавского округа настояли на ссылке Губайдуллы в Березов, обвинив его за связь с «бунтовщиком», а Кенесары неоднократно высказывал свою непримиримую позицию по этому поводу.

В 1841–1843 гг. он неустанно хлопотал перед Оренбургом о возвращении своего дяди-хана, который был признан династией Цин в этом достоинстве и преемником которого он мог почитать себя. Больше он своего родственника не видел, а детей Вали от младшей жены Айганым, как и саму ханшу, он не любил всю жизнь. Он позволил своей сестре Бопай напасть на аул приверженной России ханши, увести ее скот и людей, очистить кладовые и закрома. Ага-султан Чингис – отец Чокана – получал награды от русского правительства за борьбу с Кенесары.

Следует также помнить, что цины не теряли из виду Губайдуллу и в ссылке, они каким-то образом смогли передать ему письмо и в далекий Березов. Все эти факты, вместе с враждебными действиями России как в отношении Губайдуллы, так и в отношении самого Кенесары, могли присутствовать в преамбуле письма (писем) и в переговорах посланцев хана. Тяжелое наказание Губайдуллы и вооруженное преследование Кенесары служили хорошим трамплином для установления связей с Цинской империей. Это стало еще более настоятельной потребностью, когда он был вынужден отступить в Семиречье, известное традиционными связями с Китаем. Отсюда шли все пути в Синьцзян, главными из которых были долины рек Иртыш и Или, переходы через Джунгарские ворота и Алтын-Эмель, а также горные перевалы Киргизии. Возможно, Губайдулла натолкнул его на мысль установить связи с Пекином, или с пограничным Или.

Об интересе Кенесары к Китаю говорит еще и такой факт. Когда он очутился в Семиречье, его ставку посетил семипалатинский купец (приказчик) Уфимцев, который возвращался из Кульджи, где был на ярмарке. За безопасный пропуск каравана через временные аулы Кенесары купец привез хану дары из Китая, которые очень понравились властителю. Кенесары тепло встретил Уфимцева, но просил его задержаться на несколько дней. В течение недели хан ежедневно обедал наедине (!) с купцом, «расспрашивая о разных разностях» [Бекмаханов, 1992, 217]. Хан, очевидно, собирал необходимую ему информацию – и потому, что находился на подступах к Китаю, и потому, что стремился установить отношения с цинским правительством.



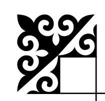
Кенесары отправил посольство в Китай между 1845–1847 гг. Наиболее оптимальным является период с лета 1845 г. Напомним, что в мае 1845 г. к нему были отправлены две миссии во главе с попечителем прилинейных казахов Долговым и поручиком Генерального штаба Герном.

Долгов начинал службу в должности секретаря Пограничной комиссии в Оренбурге, и, будучи попечителем прилинейных казахов, часто общался со своими подопечными и стал популярен среди них своей справедливостью.

Посольства (именно в этом качестве рассматривал их Кенесары) возвратили по требованию Кенесары его людей в обмен на освобожденных султаном русских пленных. Однако, главной своей цели – приведения Кенесары к присяге и кочевки на определенных землях, они не добились. Герн имел еще задачу произвести тайно рекогносцировку местности для возведения двух новых укреплений на Иргизе и Тургае, а для прикрытия этой задачи ему возлагалось в почетную обязанность возвратить Кенесары его старшую жену Куним-жан. Само собой разумеется, что офицеры должны были привезти возможно точнейшие сведения о расположении стоянок и пастбищ Кенесары, маршрутах его кочевок, о его военных силах, внешних и внутренних связях. Пред ними были поставлены задачи военной и политической разведки, необходимые для уничтожения мятежника.

После приближения Герна к местам расположения Кенесары, тот отправил гонца к хану. Кенесары тотчас прислал для приветствия «депутацию из ста почетных есаулов, чтобы выразить благодарность за возвращение жены и за хорошее обращение с нею. Среди приветствовавших находились султаны Наурызбай и Кудайменды», а Саржан в это время отсутствовал. Таким образом, Кенесары оказал великолепный почет Герну, выше тех султанов был лишь он сам. Но затем обращение Кенесары резко изменилось. «Поручик Герн неоднократно объявлял посланным к нему желание видеться с самим Кенисарой, ежедневно повторяя это требование, на исполнение которого постоянно даваемо было обещание, без намерения, однако же исполнить его на деле. Наконец, 25 мая, известили Герна, что Кенисары заболел и крайне сожалея о невозможности поэтому принять Герна, не удерживает его и далее из опасения навлечь тем на себя немилость начальства» [НОБ, 306–397].

Была ли болезнь Кенесары «дипломатической»? Похоже, что нет. Очевидно, до Оренбурга и раньше доходили известия о болезни мятежника, а также об эпидемии в его лагере. Поэтому, отнюдь не

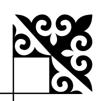


случайно в состав отряда Долгова был включен лекарь Пограничной комиссии Майдель, «который при этом случае может ознакомиться с господствующими между киргизами болезнями и подать, в случае надобности, пособия следующим в караване лицам», – говорилось в отношении Оренбургского военного губернатора председателю Оренбургской пограничной комиссии от 4 февраля 1845 г. [НОБ, 340]. Никогда начальство не было столь заботливо к здоровью ни казахов, ни казаков, из которых состоял отряд Долгова. Эпидемия среди повстанцев и, тем более, болезнь их вождя могла интересовать Оренбург лишь в стратегических целях.

Можно лишь догадываться, в чем бы заключалось «лечение» Кенесары, поскольку подробным отчетом Долгова мы не располагаем. О его поездке говорится лишь в докладах чиновников разных инстанций. А отчет Герна, с которым можно ознакомиться в неоднократно цитируемом сборнике документов ЦГА РК, написан лишь с целью оправдания от злоупотреблений деньгами, продовольствием и подарками, отпущенными на поездку.

В подкрепление вывода обратимся к отношению Оренбургского военного губернатора Обручева за номером 14 за 12 июля 1843 г. к управляющему Министерством иностранных дел графу Карлу Нессельроде. Докладывая о безуспешных военных экспедициях против Кенесары, он просил разрешения на проведение «более сильных мер»: «…как по известной хитрости азиатской вообще и по соблюдаемой Кенесары осторожности в особенности, весьма трудно и даже вовсе невозможно захватить его в степи, представляющей все удобства к побегу, то и просил бы покорнейшего вашего, милостивый государь, разрешения, если сочтено будет возможным, предоставить начальнику экспедиции употребить тайные средства для захвата живым или мертвым этого буйного султана…» [Середа, 1992, 74]. Громоздкая бюрократическая машина пришла в движение и к 1845 г. на тайные средства были отпущены деньги. Назовем только некоторые из них: отпуск средств на подкуп казахских султанов-правителей; формировать при них отряды, но непременно под командованием штаб- или обер-офицеров; на привлечение людей из лагеря повстанцев, чтобы они доставили голову своего хана; тщательный подбор лазутчиков и выделить вознаграждение им; навязать ему русского письмоводителя вместо татарского.

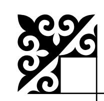
Предписывалось вести широкую пропаганду против Кенесары, используя каждую его ошибку и каждый промах, постоянно подчеркивать



его жестокость и вероломность. Крупнейшей тайной операцией следует считать то, что в авангард карательного отряда Дуниковского в 1844 г. были включены султаны, их дети, бии и другие почетные «ордынские люди», под предлогом того, чтобы «через покорных покорять непокорных». Кенесары зарубил из них 44 человека, когда авангард расположился на ночлег у вершины Тобола, оставив в живых лишь 20 человек, чтобы те донесли о его мести всем, кто будет помогать казакам. Семьям погибших было выдано пособие от имени русского правительства, которые, естественно, прониклись враждебным чувством к Кенесары. В новых укреплениях решено было содержать два рода отрядов: подвижные для походов и местные для охраны укреплений. Близ новых укреплений в глубине степи близ баз Кенесары выделены земли казахским егинши (земледельцам), относившимся к наиболее бедной части населения. А надо сказать, что скотоводы, на землях которых возводились эти укрепления, упорно держались за свои, пусть и скудные, пастбища.

Противоречия между кочевой и оседлой культурами составляют суровые страницы истории внутри одного этноса. Карательные отряды должны были оттеснить Кенесары в бесплодные пустыни и безводные районы; лишить его маневренности, уничтожая его скот: верблюдов и коней. Овец он почти не держал, так как они замедляли продвижение. Распространялись сводки о захватах якобы у сторонников Кенесары, к примеру, от тысячи до семи тысяч голов. Это было самым настоящим разбоем карательных отрядов.

Кенесары со своей стороны также уделял большое внимание разведке, он отправлял своих людей (тортоулов) в аулы и ставки султанов-правителей, чтобы вести наблюдение за прибывающими и отбывшими посольствами, почти везде были его глаза и уши. Его тайные письма прятались не в шапке или другой одежде, а в выемке палок. Не удивительно, что ему стали известны истинные цели посольства Герна. Поэтому он отпустил его, не удостоив личной встречей, чтобы, по крайней мере, поблагодарить за освобождение своей любимой жены. Кенесары не был неблагодарным человеком, он щедро награждал людей согласно рыцарским законам батырства, умел быть и великодушным. Но здесь он столкнулся с изощренной хитростью пограничной администрации, тех, кто во всех официальных документах оправдывал свои неблаговидные поступки «азиатской» хитростью. Кенесары не доверял так называемым «миролюбивым» посольствам, поэтому он ставил гостевые юрты как можно далее от места своего пребывания, очень часто и, казалось бы, хаотично, ме-



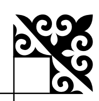
нял места своих ставок. В своих действиях хан не выходил за пределы Казахстана и вправе был защищать свои земли от захватчиков доступными ему способами, правда, не забывая и о своих интересах.

Все вышеизложенное показывает, что мысль о перекочевке в Семиречье возникла у него в конце 1844 г., а осуществил он ее в 1845 г. Тогда и могло созреть вынашиваемое им намерение обратиться к цинскому Китаю.

Частые смены расположения повстанческих аулов, самой ханской ставки создают ощущение загнанности Кенесары и безнадежности его сопротивления. Безусловно, он искал новые безопасные места для себя и своих сторонников. Эти места должны были быть недоступными для царских карательных отрядов. Но уходил он не для того, чтобы найти безопасное убежище и скрыться там. Передислокацию опорной базы в Семиречье он рассматривал, скорее всего, как один из способов борьбы за ханство. Его отряды уходили без больших поражений. На его сторону перешло немало казахов оренбургского и сибирского ведомств, в том числе из приписанных к 7 окружным приказам. Число его сторонников всегда было не менее 6–7 тысяч человек, а порой доходило до 20 тысяч. Все его главные помощники: младший брат Наурызбай, племянник Саржан и султан Худайменди оставались с ним до конца жизни.

Особенно успешной по сравнению с прошлыми годами была дипломатия Кенесары. Он хорошо обыграл тот факт, что русская администрация по его требованию освободила его приближенных и жену. Весной 1845 г. в его лагере, кроме указанных посольств Долгова и Герна, находились одновременно послы из Хивы, Коканда и Бухары. Среднеазиатские владетели в ходе своих распрей искали военной помощи хана и делали заманчивые предложения о предоставлении ему земли в своих ханствах за военные услуги.

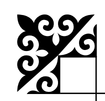
Должно быть, его первые посланцы успешно отбыли в Китай, в административный центр Кульджу. Они возвратились с посланцами, отправленными в ответ на его посольство. Прибытие представителей кульджинского генерал-губернатора означало продолжение связей. Кенесары должен был обеспечить их безопасное возвращение обратно в Кульджу. Мог он в их сопровождении двинуться к Кашгару. Не исключено, что Китай также мог рассчитывать на его боевые отряды для покорения кашгарцев и прибывших в Кашгарию андижанцев. Пока эти предположения не подтверждены документально, да и в истории события не всегда бывают логичными.



Судьба была к нему благосклонна, вылечив его от серьезной болезни – оспы или холеры. Кенесары также удалось избежать военных столкновений с родственными султанами и подчиненными им родами в Семиречье. Никто из внешних его партнеров не мог разочаровать его настолько, чтобы у него опустились руки после того, как он много лет сталкивался с их коварством. Он знал истинную цену обещаниям правителей, умел выскользнуть из их ловушек. Чего стоит, к примеру, то, как он сумел столкнуть на несколько лет оренбургское начальство с омским. Его неукротимый нрав был хорошо известен всем. Как бы то ни было, хан оказался в междуречье Чу – Талас не только в связи с тем, что его вынудили туда податься. В этом уголке Моголистана основали ханство его предки Джанибек и Керей, объединив поколения *уйсин, дулат, найман, керей*. Здесь, на берегу озера Теликуль, по преданию, был поднят на белой кошме его дед Абылай, первый хан их фамилии. Все это поднимало боевой дух Кенесары, придавало чувство священности его борьбе и вдохновляло его приверженцев. В Семиречье он воевал, в основном, с кыргызами Семиречья, а не с казахами, и воевал достаточно продолжительное время – почти два года.

Итак, остается выяснить, сколько посольств отправил в Китай и какие цели преследовал при этом Кенесары. «… по собранным здесь сведениям от торгующих ташкинцев, – докладывал пограничный начальник сибирских киргизов (казахов) генерал-майор Н.Ф. Вишневский, – мятежный Кенесара послал весьма значительное число лошадей и подарок султану Галию (Али Адилеву. – *К.Х.*) и разослал своих приверженцев к независимым киргизам, кочующим в горах Тарбагатая, и в некоторые волости Аягузского округа, близ Лепсы расположенные» [НОБ, 443]. Именно здесь проходили основные маршруты в Китай.

Кенесары перед тем, как прикочевать в какой-либо район Старшего жуза, обычно предварительно отправлял письма и подарки султанам этих земель, избегая их враждебности. Однако, в данном случае указано «значительное» количество лошадей. Думается, данный документ следует считать первым известием о посольстве Кенесары в Китай. Это посольство, должно быть, было отправлено через тарбагатайских казахов в Чугучак. По времени, оно могло двинуться в путь не позднее мая 1846 г. А Кенесары прибыл в Семиречье в 1745 г., вначале на земли с уйсинскими племенами, подвластными его дяде Сюку. Тарбагатайский *цанцзань дачэнь* (*хэбэй-амбань* – маньчж.



язык) согласно многолетней практике и при благоприятных условиях должен был переправить это посольство к Илийскому генерал-губернатору в Кульджу. Для гарантии Кенесары мог отправить посольства по двум маршрутам, через Тарбагатай и Уйген-Тас. Однако конечным пунктом посольства в любом случае была Кульджа.

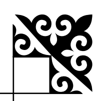
И Бекмаханов, и Касымбаев приводят достоверные сведения о том, что посольство Кенесары прибыло в Кульджу.

Обратимся к посольству Кенесары, о котором на сегодня получены какие-то сведения. Посольство Кенесары было отправлено из урочища Уйген-Тас. Этот район находился под управлением Хакима Нуралина (Хакимбек, Акымбек) – дяди султана Тезека. Власть Хакима, имевшего китайский чин, распространялась на роды *албан и суан*. Его считали своим торе и те *албаны и суаны*, которые временно, либо постоянно проживали на территории Синьцзяна. Отсюда следует сделать вывод, что Хаким прямо или косвенно способствовал установлению связей Кенесары с цинским генерал-губернатором. По установившемуся обычаю, посольство Кенесары могло примкнуть к торговому каравану Хакима и других султанов. Этим объясняется отправка Кенесары значительного числа коней, которые предназначались для обмена. Китайские власти предпочитали встречать и принимать новых людей по рекомендации правителей, несколько поколений которых имели торговые и политические связи с Синьцзяном. Достаточно было бы воспринять помощь Хакимбека как проявление сочувствия к родственнику.

Однако, в его поступке были и экономическая заинтересованность и политическая подоплека. Во-первых, он собирал пошлину с каждого проходящего через его территории каравана, что составляло одну из статей его постоянного дохода. Во-вторых, он привык играть связующую роль между илийским генерал-губернаторством и другими казахскими правителями. Высокопоставленные цинские чиновники обычно устраивали прием казахским посланцам и торговцам, стремясь получить исчерпывающую информацию о положении в степи. В-третьих, Хакимбек, безусловно, хотел бы, чтобы Кенесары со своими аулами как можно скорее покинул его земли.

Перед тем, как вступить на земли, подвластные его родственникам, Кенесары обычно заблаговременно отправлял к ним письма с просьбой вступить на их земли. Выше было приведено письмо Кенесары к султану Али (Галий) Адилеву отправленное весной 1846 г.

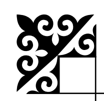
Сюк объявил о местонахождении Кенесары на р. Или после ухода того с его земель из долины Каратала. Сбор у р. Лепсы у Вишнев-



ского, где были сосредоточены три русских отряда, произошел также после того, как Кенесары с аулами покинул эти места. Таким образом, русские конные отряды оказывались в местах, где корм был уже потравлен. Лепса являлась границей земель, к востоку относящихся под наблюдением Тарбагатайского (Чугучакского) хэбэ-амбаня, а к западу – непосредственно Илийского (Кульджинского) цзянцзюня. Хан мог отправить посольства в Китай из Лепсы до начала съезда. Отсюда шел проторенный путь как в Кульджу, так и в Чугучак. Поэтому, не случайно, один отряд под командой Виктора Ивашкевича был направлен Вишневским в сторону Алаколя до самого Чугучака. Но он не обнаружил никаких следов сторонников Кенесары. Отсюда можно предположить, что посольство отбыло в Кульджу через земли *уйсунов*, скорее всего – *албан-суанов.* Это был наикратчайший путь. Кенесары мог достиг этого, возможно, обещанием, что попросит цинов: 1) выделить ему зимовку в пределах Илийского округа, как это делали приграничные казахи в продолжение века; либо 2) попросит военную помощь для восстановления ханства, что тоже могло импонировать некоторым семиреченским абылаевичам.

Затем Кенесары стал планировать рейд в земли на западе Семиречья, где испокон веков совместно проживали казахские и кыргызские племена. «В начале августа 1846 г. султан Кинесары кочевал вверх по р. Чу, с намерением перейти на озеро, известное под названием Кокий-Куля, где он около 1836 года имел кочевье и потому предварительно посылал к кочующему там известному султану Большой орды Рустему несколько человек из приверженцев с письмом, что можно ли будет ему надеяться на дружество его и прикочевать с своими киргизами в соседство к нему» [НОБ, 414].

И султан Рустем Абулфеизов (Тентекханов) не мог отказать Кенесары, почему многие стали считать, что этот султан находился продолжительное время в партии бунтовщика [Валиханов Э., 2004, 174]. Многолетняя борьба за восстановление ханства находила отклик в их сердцах. Не случайно многие из абылаевичей на какое-то время примыкали к нему, устраивали мятежника в своих аулах, помогали ему продовольствием и скотом. Правители Семиречья также охотно пополнили бы число своих людей за счет аулов Кенесары. Но, зная о властолюбивом характере Кенесары, некоторые правители побаивались властного родственника и остерегались поддерживать его как будущего хана. Немаловажно и то, что султаны также мало верили в успех его предприятия. Но, более всего, Кенесары вызвал недоволь-

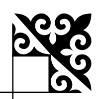


ство кыргызов, Кокандского и Хивинского ханств. За ним неотступно гнались карательные отряды русских. Враждебных отношений у него не было лишь с Китаем. Влиятельный би самого многочисленного в Семиречье рода уйсинов и постоянный посол султана Али Адилева Манке был в курсе главных проблем, связанных с Кенесары: «Относительно мятежного султана Кенесары бий Манке объявил, что он точно находится среди них, куда прибыл по разбитии и разграблении его аулов дикокаменными киргизами и якобы просил их дозволить ему кочевать на время, пока найдет себе другое место, и потому только они его приняли» [НОБ, 444–445]. Но для султана Рустема, уже освоившегося в этом крае, здесь были настораживающие обстоятельства. Первое из них – упоминание Кенесары о том, что здесь десять лет тому назад, в 1836 г. находились его стойбища, тем самым он доказывал, что имеет права на местности на западном берегу Чу. Здесь обитала семья его отца султана Касыма, когда он с детьми искал покровительства Коканда.

Вторым нежелательным фактором для Рустема являлась долгая задержка Кенесары в этих землях. Потому-то хан постоянно уверял султанов, что откочует либо в Хиву, либо в Китайский Туркестан. Можно полностью присоединиться к мнению о том, что правители Старшего жуза «его хотели бы принять, но как гостя, Кенесары Касымов хотел быть хозяином этих земель» [Валиханов Э., 2004, 59]. Незадолго перед тем в 1845 г. Хакимбек выразил желание принять подданство России. На встрече у Лепсы в начале июня ему должны были вручить императорское повеление о принятии его и султана Али Адилева в российское подданство и награды.

В 1846 г. Омск большими усилиями добился обещания абылаевичей, среди которых старейшим был Сюк султан, собраться к 1 июня на р. Лепсы, где они должны были соединиться с русскими отрядами для совместных действий против Кенесары. Однако никто к назначенному времени не прибыл.

Пограничный начальник не заблуждался насчет истинных намерений правителей Старшего жуза, что видно из его секретного донесения в МИД: «…если они и будут обещать, что предложат ему удалиться, то на это полагаться невозможно по легкомысленности и непостоянству духа этих киргизов» [НОБ, 445]. Дело в том, что вначале Кенесары подвергся нападению кыргызов, а после этого перешел на казахские кочевья. Адиль султан, как главный среди абылаевичей, созвал совет, на который пригласил представителей кыргызов, а также



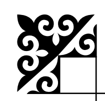
казахов российского ведомства. Он стремился с помощью традиционных законов разрешить конфликт и привести всех к общему согласию.

Находясь в ожидании приезда в лагерь абылаевичей, Вишневский вновь начал рассылать им письма с просьбой ускорить приезд. Приняв общее решение и опоздав почти на 20 дней, султаны и би Семиречья подписали документ, обещая «не иметь с ним никаких сношений и чтоб как он, Кенисара, так и его приверженцы, не находились на занимаемых нами местах». Вот все, чего смог добиться так называемый пограничный начальник сибирских казахов генерал-майор Вишневский от султанов и биев Старшего жуза, потратив на это неимоверные усилия. Все прежние связи с Кенесары правители объясняли тем, что хотели предотвратить его пребывание в своих аулах, что, в целом, соответствовало их желаниям. Как бы то ни было, его не передали в руки русских властей.

Вишневский хотел бы иметь при отрядах представителей этих султанов и би в лице их детей и других молодых родственников, явно как их заложников. Кроме того, Вишневский надеялся получить от казахов недостающих коней для похода против мятежников, а также рассчитывал на то, что они будут проводниками. Зачастую казахи сопровождали русские отряды, чтобы иметь точную информацию о походе, по ошибке или намеренно вели к цели окольными путями. Неудивительно, что они делились этой информацией со сторонниками Кенесары, или с ним самим. Военная же помощь султанов и биев русским отрядам обычно приходила с опозданием.

В секретных письмах Вишневского к командирам отрядов – Нюхалову и Абакумову сквозит недоверие к султанам и родоправителям. Единственным достойным доверия, с кем можно было делиться некоторыми планами военных операций в Семиреченском крае, он, и то не без колебания, называет султана Барака: «Для принятия же мер к совершенному уничтожению Кенесары с его аулами поручаю Вам сделать предположения и посоветоваться с Бараком, если только вполне на него полагаетесь, ибо это нужно иметь величайшим секретом и знать только Вам одним» [НОБ, 454–455]. Султан Барак – волостной Кокпектинского округа – происходил из дома хана Абулмамбета, был внуком султана Абулфеиза. В сентябре 1846 г. султан Барак доставил в лагерь Нюхалова двух казахов с тремя верблюдами гружеными просом, захваченными у Кенесары, тем самым, на деле доказав свою готовность помогать русским.

Пограничный начальник сибирских казахов в докладе к генерал-губернатору Западной Сибири писал, что ожидает прибытия сул-



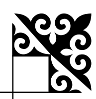
танов Болена и Барака «с партией киргизов для совокупных действий с отрядом» [НОБ, 451–452]. Впоследствии Барак был назначен старшим султаном Аягузского (Сергиопольского) округа. Вишневский, после назначения обоих в, ожидал от них военную помощь, под «партией киргизов» подразумевались отряды.

Итак, правители Старшего жуза не возражали против откочевки Кенесары в китайские пределы и не препятствовали установлению им связи с Китаем. Сами они также не могли примириться с тем, чтобы отказаться от связей с соседними восточными государствами: Китаем и среднеазиатскими ханствами. Вопрос в том, какие пределы они считали китайскими. Явно, не свое Семиречье.

Бунт Кенесары в течение 10 лет представляет собой продолжение борьбы за сохранение Казахского ханства. Любое проявление такой борьбы находилось в сфере геополитических интересов цинского Китая на продолжении ста лет. Об этом более подробно сказано в предыдущих разделах. Поэтому здесь нет нужды доказывать, что в Среднем жузе чувствовалось участие этой державы в крупных политических событиях этого главного соперника России в регионе.

Можно с уверенностью заявить, что посольство Кенесары все же достигло г. Кульджи не ранее 1845 г. Ему был оказан обычный прием, о чем стало известно и русскому начальству. По мнению русских чиновников, «миссия имела скромную цель – заручиться согласием цинского правительства кочевать на его землях» [Касымбаев, 2003, 104]. Однако, цинские власти не якобы не вняли этой просьбе, чтобы не осложнять свои отношения с Россией. Все же, они не могли полностью игнорировать просьбу такого влиятельного человека в степи. Этим можно объяснить то обстоятельство, что с посольством была отправлены к Кенесары два цинских чиновника и один переводчик. Очевидно, они хотели на месте получить полную информацию о положении Кенесары в Семиречье.

Кенесары вновь направился в сторону кыргызских кочевий, возможно, чтобы отомстить им за их нападение при вступлении на их территорию. Кыргызы с самого начала показали свое враждебное отношение к Кенесары. Кокандцы также еще не забыли нападения его отрядов на сырдарьинские крепости и сбор *зякета* и *ушура* со среднеазиатских казахов. Между тем, вражда Кенесары с кыргызами была в интересах двух держав. Россия надеялась использовать ее для расправы над Кенесары, а цинские власти – для подавления восстания в Кашгарии. В интересах цинских властей был разгром кыргыз-

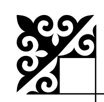


ских аилов, помогавших ходжам и поддерживавшим их манапам, а также ослабление на них кокандского влияния.

В 1847 г. в Синьцзяне поднялся бунт кашгарских уйгуров и кыргызов, завершившийся вторжением 7 ходжей из Коканда. Цинское правительство тратило свои силы на защиту морского побережья в ходе развязанной западными странами опиумной войны. Со стороны Кашгарии также ощущалось давление Англии, утвердившейся в соседней Индии. Но главная опасность для цинского правительства в Синьцзяне исходила от ходжей из Коканда. В любом случае, помощь Кенесары не была бы здесь излишней. Очень кстати было и нахождение его ставки в междуречье Чу – Талас. Цинские власти относили этот район к сфере своего контроля, безуспешно пытались изгнать отсюда кокандцев. В 1830 г., после возвращения Кашгарии в результате отражения первого вторжения ходжи Джахангира и кратковременного восстановления господства над Кашгарией, Кульджинский генерал-губернатор Юй Линь подал прошение императору о том, чтобы отправить отряд в этот район, но не получил дозволения [Цин шилу].

Посольство Кенесары возглавлял султан Худайменди. Среди сторонников Кенесары были два султана Среднего жуза с этим именем: Худайменди Газин, потомок Букей хана (назначен Россией в противовес Вали хану) и Худайменди Саржанов – племянник Кенесары. Первый из них уже в 1838 г. примкнул к Кенесары и привел свой народ к нему в Западный Казахстан. Однако, послом в Китай, скорее всего, был отправлен, вероятно, Худайменди Саржанов [Касымбаев, 2002, 104], постоянно находящийся при своем сюзерене. Он был членом ханского совета, употреблялся зачастую для командования походами и для почетных депутаций. Этот султан погиб в один день со своим ханом. В 1843 г. он ездил от имени Кенесары приветствовать Герна. Любопытно, что в августе 1845 г. он выехал вместе со своим братом Саржаном к сибирским кыргызам. Затем, вплоть до 1847 г., о нем нет никаких известий. Если он выезжал в Китай, то это могло произойти между концом лета 1845 г. и весной 1847 г.

В посольство также были включены би Шокпар и Суйдак (Сайдак) кажы. Под именем Сайдак кажы известен выходец из Бухары Усманов Мухамед-Гали, бывший в заключении в Оренбурге, насильственно задержанный там, несмотря на протесты Кенесары до 1843 г. Это также подтверждает вывод о том, что посольство Кенесары выехало в Китай не ранее этого года. Итак, Кенесары отправил в Китай своих самых мудрых советников.



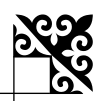
Посольство Кенесары во главе с Худайменды Саржановым доставило в Кульджу коней числом девять. Преподнесение такого подарка предполагает, что подносящий его правитель высказывает просьбу и возлагает большую надежду на признание его статуса. Приняв же такой многозначительный подарок, император обязуется взять его подателя под свое покровительство.

Главной своей задачей Кенесары ставил вопрос об упразднении округов и возвращении прежнего статуса Казахского ханства, о чем он писал в свое время императору Николаю I [НОБ, 120–121]. Задача восстановления казахского ханства совпадала с общим направлением политики цинской династии в Казахстане. В 40-х гг. ее главными врагами оставались кашгарские ходжи с их стремлением отвоевать Синьцзян. Теократические уйгурские лидеры вторгались в Синьцзян при моральной и материальной поддержке кокандских феодалов и духовенства. Распыление их сил Кенесары, отвоевание междуречья Чу – Талас противником Коканда полностью отвечало интересам цинских властей. Посольство Кенесары находилось в Синьцзяне около месяца, что предполагает неоднократные встречи и трудные переговоры.

В первой половине XIX в. этот район был недоступен для русских отрядов, преследовавших Кенесары по всем направлениям. На востоке и севере Семиречья дислоцировались карательные отряды, преследовавшие Кенесары. Наиболее продвинутыми вперед в Семиречье были отряды сотника Ивана Карбышева на Аягузе и Нюхалова на Каратале. По этой причине Кенесары из Прибалхашья стремился пробиться к реке Чу и в Прииссыккулье.

С середины XVIII и по 30-е гг. XIX в., до территориального разграничения с Китаем приграничная администрация царского правительства ошибочно считала китайскими владениями казахские и кыргызские земли, на которые еще не распространила свою власть. Но почему же об этом неоднократно заявлялось в 40-х гг. XIX в., когда картина с китайским «правлением» все же прояснилась? Царское правительство авансом отнесло междуречье Чу – Таласа и Прииссыккулья к Китаю, отступление сюда Кенесары вынудило омские власти связаться по этому поводу с кыргызами и илийским генерал-губернаторством. Царское правительство безмолвно признавало за Китаем права на земли к западу от реки Или, а само было занято завоеванием земель к востоку от нее.

В некоторых официальных документах земли к западу от р. Или до р. Чу называются китайскими. Между тем, они постепенно от-



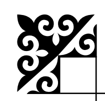
дельными островками перешли под власть Кокандского ханства, продвигавшегося на восток. Наиболее эффективными проявлениями такого продвижения стало строительство кокандских крепостей на указанной территории. Когда аулы Кенесары в 1845–1847 гг. расположились в междуречье Или – Чу, в течение всех трех лет здесь ощущалось присутствие лишь Коканда. Русские и цинские пограничные чиновники ограничивали свою деятельность перепиской с местными манапами и старшинами. Однако, русские власти признавали этот район за Китаем, считая неудобным вторгаться сюда со своими отрядами.

3.1.6. Кенесары и Коканд

Впервые об отношениях Кенесары с правителями среднеазиатских ханств очень подробно изложил казахский ученый Е. Бекмаханов, к исследованию которого трудно добавить что-либо новое. Ситуация сложной в связи с тем, что Кенесары стремился установить хорошие отношения с Китаем, Кокандское ханство в своей политике стремилось восстановить древнее историко-культурное единство Кашгарии с Ферганской долиной, духовенство же стремилось освободить Восточный Туркестан от иноземного ига и восстановить власть религиозных лидеров. На помощь Коканда Кенесары рассчитывать не приходилось – в связи с тем, что ему требовались подвластные, число которых он хотел увеличить за счет хивинских, кокандских и бухарских казахов. Кроме того, всем было известно, что его отца и двух братьев убили в Аулие-Ата по наущению кокандцев.

В конце концов, свою смерть Кенесары нашел от кыргызов, отношения его семьи с которыми были омрачены еще во времена деда, хана Абылая, а также, жестокими действиями самого Кенесары в отношении кыргызов. Кроме того, в долине Чу – Талас было трудно найти свободные земли (пастбища) для ханства, а Киргизия все больше попадала в зависимость от Кокандского ханства. Для Кенесары оставался единственный спасительный путь – в Китай, а, точнее – в Синьцзян. Какой район Синьцзяна был предпочтителен для отступления: Северное Притяньшанье (Джунгария) или Южное Притяньшанье (Кашгария)?

Продвижение войска Кенесары показывает, что вначале он стремился прорваться из Центрального Казахстана в Тарбагатай, затем – к Кульдже, но, в итоге, выбрав для похода Киргизию, он переменил

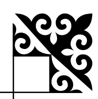


направление на Кашгари. Предпочтительность этого маршрута могла возникнуть не без влияния Кульджинского генерал-губернаторства, а причины следует искать в состоянии этих районов в 1846–1847 гг.

Было ли вообще у Кенесары намерение отступить в Китай? Это требует доказательств. Что это не исключалось, доказывает отрывок из письма генерал-майора Вишневского, руководившего в 1846 г. карательными походами русских войск, оснащенных артиллерийскими орудиями. «Для принятия же мер к совершенному уничтожению Кенесары с его аулами поручаю Вам сделать предположения», – писал Вишневский есаулу Нюхалову… – «когда будет удобное и лучшее время сделать против него сильную экспедицию? Я ж полагаю, самой ранней весной, когда лошади у мятежника будут слабы и с разлитием Или ему нельзя будет перейти за оную или уйти за горы в китайские пределы…» [ЦГА РК, ф. 374, оп. 1, д. 2909, л. 118].

Вишневский строил предположения на основании известных ему фактов. Он, скорее всего, получил информацию о желании или уже об установлении связей Кенесары с Китаем. Этой информацией владели казахские правители, которые хотели лишь удаления подальше прикочевавших к ним беспокойных аулов из Семиречья, пусть и в Китай. Кенесары, чтобы предостеречься от их враждебных действий, сам заверял их в этом. Китайский фактор в 1846 г., а, тем более, в 1847 г., исключить нельзя. Однако, хотя и беспорядочно, но Кенесары удалось к тому времени переправиться через Или на плотах из камыша и двух паромах, отобранных, как, впрочем, и скот, у задержанных им 500 (!) жалаиров. Жалаирами правили Сюк и Камбар, вряд ли им понравилось использование имущества их подвластных и реквизиция их скота.

От Или Кенесары перешел к Чу, где напал на кыргызов, кочевавших здесь вперемешку с казахами Старшего жуза и занимавшихся хлебопашеством. При этом убито 200 и столько же взято в плен кыргызов [НОБ, 456–457]. Все вышеуказанные цифры свидетельствуют о немалом количестве сторонников Кенесары. По сведениям, возможно, и намеренно преувеличенным, при нем состояло восемь султанов, до трех тысяч сарбазов, около четырех тысяч кибиток, пятнадцати тысяч верблюдов и сорока тысяч коней [НОБ, 463]. Попытка пройти вверх по Или в 1846 г. Кенесары не удалась, и он вновь возвратился к реке Чу. Здесь к нему примкнули казахи родов *шымыр, жаныс, сары-уйсин и сийкым,* приблизительно около 20 тысяч человек [НОБ, 457]. По последним сведениям, которые кажутся более достоверны-



ми, при Кенесары было не более двух тысяч сторонников, «которых кочевание стеснено как со стороны Оренбургского, так и Сибирского ведомств, так и границами среднеазиатских племен, в особенности Ташкента» [НОБ, 469]. Кыргызские *манапы*, захватившие в плен Кенесары, его брата Наурызбая и других сторонников, всего около трех тысяч четырехсот человек, султанов же среди убитых было тридцать [НОБ, 472]. Пробиться через границу такими силами было возможно, но затруднительно было бы их в Синьцзяне устроить. Цины могли применить боеспособные отряды Кенесары в войне против ходжей, вторгшихся в Кашгарию и ведших смертельную борьбу с Пекином и поселить их на землях примкнувших к ним кыргызов.

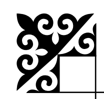
Кенесары удалось оторваться от русских отрядов на земли казахов Старшего жуза и кыргызов, «не вошедших в верноподданство России». Русские начальники принимали меры для организации нападений казахов и кыргызов на отряды Кенесары, однако среди них и без того возникло возмущение в связи с грабежами и жестокими расправами султана над аулами, которые оказались на его пути, в 1845–1847 гг. Кроме того, он требовал от них выплаты налога (*зякет*). Ему не хватало продовольствия, в 1846 г. он призывал казахов непременно заниматься хлебопашеством по долинам реки Или и ее притокам.

Кенесары стремился установить добрые отношения с уйсинами и примириться с кыргызами, чтобы двинуться в верховья реки Или, т. е. в пределы Синьцзяна. «После стычки с киргизами, – показали пленные повстанцы, – Кенесары и его брат Наурузбай удалились к китайским границам» [НОБ, 463].

Кенесары и его сторонники погибли от рук враждебных кыргызов в конце апреля – начале 1847 г.

Итак, последние годы жизни знаменитого внука хана Абылая – Кенесары и одного из его младших сыновей – Садыка связаны с Китаем. Садык – сторонник кокандца Якуббека – участвовал в обороне Ташкента от русских войск и в создании государства Ийетти-шаар (Семиградье) на территории Восточного Туркестана и боролся за его существование с цинской династией.

Об отношениях самого Кенесары с Цинской империей имеются противоречивые сведения. Восстание Кенесары против царского правительства охватывало территорию Младшего и Среднего жузов, перешло на земли, подконтрольные среднеазиатским ханствам: Кокандскому, Хивинскому и Бухарскому. В 1846 г. оно перешло в Семиречье, большинство правителей которого к востоку от Или и по

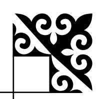


долине этой реки были лояльны цинскому правительству.

По существу, кроме России, временами ему приходилось сражаться с войсками всех государств Средней Азии, а также кыргызскими манапами. На стороне России выступали влиятельные казахские султаны, в их числе были и абылаевичи. В семейном клане Абылай хана возникала вражда, приобретавшая ожесточенный и мстительный характер. Провозглашение Кенесары ханом представителями трех жузов внесло больше разногласий в их среду, нежели единения.

В 1846 г. под натиском царских войск повстанцы Кенесары отошли на территорию Старшего жуза, вначале к озеру Балхаш, затем – далее на юг к реке Чу по соседству с кыргызами. Был ли этот переход случайным? Зная дипломатические способности Кенесары, скорее, можно предполагать, что и этот переход был обговорен с синьцзянскими властями. Известно, что Кенесары в 40-е гг. связался с синьцзянским генерал-губернатором. Здесь возникает масса вопросов, на которые пока трудно ответить. Неизвестно, в каком именно году и каким образом была установлена связь с Кульджой, кто возглавлял посольство Кенесары и кто входил в его состав? Кто помог в установлении отношений? Был ли кто-либо отправлен из Кульджи в Пекин? О чем конкретно шли переговоры и к каким результатам пришли стороны? Какова была реакция цинского правительства на движение, возглавляемое Кенесары и длившееся с 1837 г.? Что могло заинтересовать цинов. Собственно говоря, подобные вопросы возникают в отношении всех без исключения посольств казахских властителей. На них можно ответить, анализируя последующие события. В случае с Кенесары это затруднено, так как он вскоре трагически погиб. Но попробуем проанализировать события за год-полтора до этого.

Е.Б. Бекмаханов, написавший раздел о восстании Кенесары для «Истории Казахской ССР», которая была опубликована в 1943 г. и тут же изъята из обращения, так же, как впоследствии и в его монографии отметил: «Он (Кенесары. – *К.Х.*) рассчитывал также опереться на Китай, который был в это время в добрососедских отношениях с казахами. Кенесары послал своего уполномоченного в Кульджу для переговоров с китайскими властями. Послу Кенесары в Кульдже было оказано исключительное внимание. Кенесары начал и дипломатическую переписку с китайским императором, который обещал казахам поддержку и сохранить с ними дружественные отношения» [Бекмаханов, изд. 1992, 33]. Он писал свою работу, возможно, опираясь на книгу Ахмеда Кенесарина «Кенесары и Садык», на которую он в то время не мог ссылать-

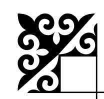


ся. Сведения эти были записаны в 1898 г. по прошествии 50 лет. Здесь есть некоторые подробности относительно установления Кенесары отношений с китайским правительством, очевидно, сохранившимся в семейных преданиях. Среди причин указаны: ограничение жизненного пространства в связи со строительством русских крепостей и желание, опершись на сильную державу, подчинить кыргызов. Действительно, Кенесары, упорно преследуемый русскими отрядами, вынужден был перекочевать в районы, им недоступные. Семиречье было в сфере традиционных политических и торговых интересов Китая. Однако в 40-х гг. с юга сюда проникло Кокандское ханство, а с востока и северо-запада передвигалась Российская империя. Безусловным является вынужденный характер обращения Кенесары к Китаю, поскольку он оказался во враждебном окружении в Семиречье, а царское правительство перешло к единению своих сил с силами влиятельных султанов Старшего и Среднего жузов. Кенесары намеревался занять под зимовку берега Чу, а под летовку – Уч-Алматы. С целью завязать отношения с Китаем он вначале прикочевал на урочище Каракум, затем – к реке Или, откуда мог отправить свое посольство в Синьцзян.

В 1846 г. он начал закупать коней, причем за одного рысака давал 5 верблюдов [Янушкевич, 98]. Но якобы он подарил их султану Али Адилеву. Конечно, Кенесары всегда нуждался в быстрых конях, но он редко закупал их для войска, просто посылая отряды угонять любых от своих недоброжелателей. Но сейчас он закупал хороших рысаков, а это предполагает, что он намеревался преподнести их по старой традиции через кульджинского цзянцзюня цинскому императору. Слух о том, что подарок предназначался самому Адилю, чтобы устроиться среди уйсинов, также трудно опровергнуть.

Подсказку нам дают сведения из дневика Янушкевича. Перед тем, как отправить посольство в Китай, хан пригласил на совет правителей-уйсуней. Он отправил это посольство в Кульджу, а также послал своих эмиссаров в Аягузский округ [Янушкевич, 51].

К нему в мае 1846 г. ездили самые знатные абылаевичи того времени: султаны Сюк – сын Абылая и Али – внук Абылая, а также их би и старшины. Кенесары призывал их признать его ханом. Совет (кенес), по сведениям русских, длился неделю [Янушкевич, 54]. Без посредничества Сюка и Али путь посольству Кенесары в Илийский округ Цинской империи был бы отрезан. Чтобы наверняка достичь своей цели, Кенесары, вероятно, отправил людей также в Аягуз, в сторону Чугучака. Подтверждается документами, что племянники Кенесары,

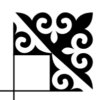


дети его старшего брата Саржана Ирджан (Ержан) и Хулайменле часто отправлялись в набеги и для сбора зякета «не по шариату, а по желанию». Скопищами барантовщиков всегда предводительствуют «Худайменде, Наурузбай и Ирджан», которые пользовались неизменным доверием Кенесары. Как доносили лазутчики, будучи на Иргизе, он послал Ирджана к казахам сибирского ведомства с отрядом в 500 человек, а Худайменде – на реку Улкуяк с неизвестным числом людей. Это произошло до наступления зимы 1844 г. [НОБ, 291]. Ахмед Кенесарин пишет: «Кенисара – хан послал султана Худайменде послом к китайскому начальнику в Кульджу. Китайский начальник продержал у себя посла месяц, оказывая ему почести: устраивал каждый день пиры и увеселенья; кроме того, он показал ему своих солдат, стрелявших из лука. В это время он снесся с китайским императором, обещал поддержать дружбу, начатую при Аблай-хане, и отправил Худайменде с богатыми подарками» [Кенесарин, 1992, 121].

Возможно, под влиянием цинов Кенесары решил центр своего будущего ханства перенести на территорию Старшего жуза, зимовать на Чу, а летовать на Уч-Алматы [Кенесарин, 1992, 121]. Тем самым, останавливалось продвижение России в Илийскую долину с востока, а Кокандского ханства – с запада. Кенесары становился ценным союзником Цинской империи в ее отношениях с этими государствами.

«Буйная семья» Касымовых вначале хотела обосноваться в Улытау, но не получила позволения царского правительства. Кенесары также поддерживал это мнение и добивался его осуществления. В 184 царские власти предлагали ему устроиться близ озера Каракуга на линии границы с Россией (в Североказахстанской области). Затем Касым с семьей и подчиненными ему родами *алтын, тока, уак* вынужден был откочевать к Сыр-Дарье. Хива предлагала Кенесары обосноваться в одном из городов в ее пойме. Хан превратился бы в одного из многочисленных мелких султанов. Новый вариант территории ханства мог импонировать Кенесары, так как здесь можно было объединить полузависимые уделы, в которых формально не был избран единый хан, хотя среди них всегда был султан, имеющий право созывать советы (*кенес*) и выступать от имени всех правителей после принятия общего решения.

Поддержка южного соседа в середине XIX в. все еще оставалась важным политическим фактором в международных отношениях стран региона. Согласно китайскому источнику, у родов Старшего жуза не было единого признанного всеми хана, ими управлял триумвират: хан

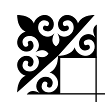


Абулмамбет, его сын Абулфеиз (Аблес) и Абылай [Сюй Сун, 4, 1821]. Нет надежного факта, проливающего свет на то, кому и когда пришла идея отвести зимовку Кенесары на урочище Алматы в Семиречье. Согласно казахскому фольклору, Кенесары получил приглашение перекочевать в Семиречье от султанов Сюка и Рустема. Сюк в это время бесповоротно перешел под покровительство России. Рустем, как и его отец, известный под прозвищем Тентекхан, боролся против Кокандского ханства. Этот султан выступает в русских документах как Рустем Асфендиаров, Рустем Абулфеизов, а иногда – как потомок Абылай хана. Скорее всего, он является прямым потомком хана Абулмамбета, внуком Абулфеиза и сыном Асфендиара. В то же время, по побочной линии он мог относиться и к семейному клану хана Абылая, так как все ханы были связаны между собой брачными союзами. Рустем не был прямым потомком Абылая. Например, он просил в 1850 г. в своем письме К. Гутковскому «не верить наветам потомков Аблайхана, питавшим к нему ненависть за истребление Кенесары» [Махаева, 2006, 167]. В любом случае, идея переселения батыра Кенесары в Семиречье, помимо оказания помощи боеспособному сородичу, была направлена против экспансии Коканда и России. И это отвечало политическим интересам Цинской империи. При этом, все три соседних государства провоцировали вражду Кенесары с кыргызами.

Кенесары пытался избежать войны с кыргызами, разрешить противоречия с помощью семиреченских правителей мирным путем, на основании степного обычного права. Он думал организовать отпор поползновениям Коканда совместными усилиями. В то же время, покорение кыргызов должно было поднять его авторитет в Старшем жузе, а война с Кокандом – одобрение цинской династии.

Дипломатические маневры Кенесары заставили начальника Омского пограничного управления назначить съезд знатных казахов Старшего и старших султанов семи округов Среднего жузов на берегах реки Лепса. На съезде состоялось избрание нового старшего султана Аягузского округа, которым стал султан Булень, первым прибывший на место сбора в Аягуз для поездки на территорию Старшего жуза.

О посольстве Кенесары в Кульджу сибирским властям поступали сведения из различных источников. Би Кунанбай сообщил, что Кенесары в 1846 г. снарядил посольство в Кульджу из 200 человек, «напоминая, в силу каких-то договоров, что нужно выделить ему места, занимаемые когда-то Абылай-ханом. Тамошнее власти приняли его посольство хорошо, послали Кенесары богатые дары, но дело о

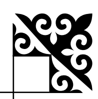


местах предоставили решать правительству в Пекине» [Янушкевич, 198]. Было бы ошибочно понимать слова Кунанбая как желание Кенесары получить какие-то места в Синьцзяне. Речь могла идти и о Семиречье, так как Россия относила некоторые его районы подконтрольными, как тогда писали – Китаю.

Кенесары также стремился, чтобы цинское правительство признало его права на ханство Абылая, как его прямого потомка. Эти вопросы Кульджинский генерал-губернатор не мог решить сам, а должен был доложить императору. В период правления Даогуан (1821–1850 гг.) Цинская империя шла к упадку и была озабочена тем, что отбивала притязания европейцев на свои приморские районы, а религиозных вождей уйгуров и кыргыз – на Восточный Туркестан (Хойбу). Азиед Кенесарин слышал когда-то, что: «Кенесары-хан послал султана Худайменди послом к китайскому начальнику (очевидно – цзянцзюню. – *К.Х.*). Китайский начальник продержал у себя посла месяц, оказывая ему почести: устраивал каждый день пиры и увеселенья; кроме того он показал ему своих солдат, стрелявших из лука. В это время он снесся с китайским императором, обещал поддерживать дружбу, начатую при Абылай-хане, и отпустил Худайменди с богатыми подарками». Он также добавляет: «Со времени заключения договора между Абылай-ханом и Китаем, между последним и потомками Абылай-хана никаких враждебных действий не происходило» [Хан Кенесары, 1992, 129–121]. Отношения далее не получили развития, иначе были бы приведены новые факты. Кенесары со своими сторонниками, среди них и Худайменди, были убиты кыргызами весной 1847 г.

Ж.К. Касымбаев считает, что после вытеснения Кенесары объединенными российско-казахскими отрядами в Семиречье, Кенесары имел намерение перейти на территорию Синьцзяна и утвердиться там среди казахских родов. Однако Илийский генерал-губернатор был против его перехода и якобы объявил Кенесары, что он – казахский хан, в покровительство Китая принят быть не может, «а просил бы милости Белого царя», перед которым цинское правительство «виновным быть не хочет» и шел бы туда, откуда пришел» [Касымбаев, 2002, 104].

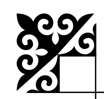
Цинская империя выступала на стороне казахов и кыргызов Семиречья против распространения здесь власти Российской империи и Кокандского ханства. Она предприняла ряд дипломатических демаршей, в свое время признала права родного дяди Кенесары – Губайдуллы на ханство. Губайдулла был взят под стражу во время его



встречи с представителями цинского императора, с целью вручения «ярлыка» на титул казахского хана. Кенесары, в свою очередь, не раз высказывал требования о возвращении дяди из русской ссылки. В 1847 г. цинское правительство выступило с официальным протестом против строительства крепости Копал в Семиречье и требовало от западно-сибирского генерал-губернаторства ее немедленного срытия. Могло ли оно категорически отказаться от предложений Кенесары, вооруженная борьба которого против России и Коканда отвечала региональным интересам Цинской империи в Центральной Азии и ее традиционным внешнеполитическим концепциям? Должно также отметить, что дипломатические и вооруженные действия среднеазиатских государств в Казахстане, декларируемые с исламских позиций, не находили отклика у Кенесары. На закате своей жизни он видел естественного союзника в лице китайского государства, а смерть нашел от руки своих братьев-мусульман.

Цинское правительство могло отказать в переселении повстанцев в Синьцзян, который в 40-е гг. был неспокоен. Не могло оно также согласиться или примириться с очередным переселением казахов, или дать ему тайное согласие, чтобы противопоставить его восставшим кыргызам и уйгурам. Цинской династии грозила потеря Синьцзяна, она боролась с многолетней агрессией европейских стран, превращением страны в колонию. Не исключено, что цинское правительство затруднялось признать права Кенесары на ханство, так как ранее оно было объявлено им за другим абылаевичем – за Губайдуллой. Какой же выход из этого сложного положения нашла искушенная китайская дипломатия? На эти вопросы ответ можно будет найти в китайских документах того периода, но пока они в научный оборот не введены.

Сыновья Кенесары хана пошли разными путями, одни из них подчинились России, другие – Коканду. Но нет среди них подчинившихся Китаю. Садыку, сыну от второй жены, в год смерти отца исполнилось 10 лет. Он был воспитан в мусульманской вере и до конца оставался преданным исламу, борясь против неверных: русских и китайцев. Участвовал в обороне городов Туркестана, Чимкента, Ташкента, Хивы, везде проявляя изумительную храбрость. По существу, он один держал осаду Ташкента в 1865 г. против войск Черняева. Ташкентцы поддерживали его, избрав в главнокомандующие (*эмир-ляшкар*), а кокандцы замыслили убить, не желая правителя из казахов, хотя и «белой кости». Передав правление Бухаре, Садык оставил Ташкент и отбыл в Джизак. Он был назначен правителем джизакских, затем

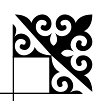


– хивинских казахов, каракалпаков и других кочевников. Возможно, в Джизаке Садык познакомился с Якуб-беком, который основал свое государство в Кашгарии. Судьба столкнула Садыка на недолгое время и с Китаем.

В это время он уже имел признание храброго военачальника в Центральной Азии. Среди его противников были генералы Черняев, Веревкин, Бардовский, Кауфман, а затем – китайские покорители Кашгара. Якуб-бек ласково встретил Садыка, но не давал ему значительной должности. Якуб-бека считали в Кашгаре пришельцем-андижанцем. Когда он неожиданно умер в 1877 г., начались распри между его сыновьями. Кашгар был взят незначительным числом китайского войска. Сражаясь с китайским отрядом, Садык получил ранение в руку. Он вновь прошел в русские пределы и преклонил голову перед русскими. Генерал Кауфман простил своего достойного противника, помог ему вылечить руку и воссоединиться с семьей. Затем он выразил желание жить с братом Ахметом Кенесариным, который служил у русских младшим помощником уездного начальника. Он-то и написал историю своего великого отца и отчаянной храбрости брата.

Рустем сочувствовал борьбе Кенесары с русскими отрядами, но он не мог пожертвовать своими пастбищами в междуречье Чу – Таласа. Поэтому он якобы написал ему в ответ, «что ему не так будет приятно прикочевание многочисленных аулов на места, не совсем обширные, к тому же шалости его киргизов, как привыкших, уже неизбежны». Возможно, на ответ султана Рустема повлияло также то, что кипчаки «которые завладели Ташкенией и Коканией и, по неимению в сих городах хана, поясненные киргизы письменно будто бы приглашали на ханское достоинство юсюновского султана Рустема Тентекханова (прозвище? – *К.Х.*)…» [НОБ, 440]. Сомнительно, чтобы Коканд согласился дать достоинство хана для управления среднеазиатскими казахами. Воодушевление омскими властями кыргызов на борьбу с Кенесары является более существенным фактом. В конце зимы 1847 г. последовало распоряжение есаулу Нюхалову, находившемуся с отрядом в Копале, направить письма враждебным Кенесары кыргызским манапам «чтобы они старались всевозможно вредить Кенесаре и его приверженцам, как возмутителям спокойствия и грабителям…», а также твердо заверить их, что с российской стороны «будут также производимы беспрерывно действия против мятежного Кенесары и его сообщников» [НОБ, 471–472].

Как уже говорилось выше, письма с подобным содержанием были в 1846 г. отправлены всем влиятельным казахским владетелям

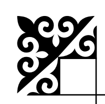


и подробно проанализирован подписанный ими документ с обязательствами перед русским правительством. Однако в следующем году Вишневский счел необходимым добиться от султанов Али Адилева, Акиша Аблаева, Рустема Асфендиарова, Сюка Аблаева и Буленя Шанхаева с их 5 биями и батырами подписания нового соглашения, в которое был включен пункт об обязательстве жить с кыргызами в мире [КРО 2, 342–343].

Начальник пограничного управления сибирскими кыргызами (казахами) генерал-майор Вишневский в своем присутствии добился соглашения с султаном Рустемом – главой семейного клана и другими тремя его султанами, а также их биями. Документ также датируется 22 августа 1847 г. и подписан ими с приложением тамги сторон уже после гибели Кенесары. Однако устное соглашение с султаном Рустемом, скорее всего, было достигнуто до смерти хана, поскольку включает пункт о том, что султаны обязуются извещать друг друга и начальника отряда в случае появления «шаек хищников», сохранять мир и спокойствие с казахами Среднего жуза и кыргызами [КРО 2, 340].

Все эти документы помогают понять причины того, почему Рустем вместе с батыром Сыпатаем не оказались рядом с Кенесары во время его смертельной схватки с кыргызами. Выбор Рустема привел к тому, что именно ему кыргызами была передана голова казненного ими хана, а при ней – письмо с печатью манапа, чтобы тот позаботился доставить их в Омск [НОБ, 474]. Рустем столь же, казалось бы, непоследовательно и коварно вел себя и с русским отрядом, возглавляемым Гутковским, в 1850 г. Из этого следует, что этот предводитель рода *жаныс* и др. имел достаточно хорошие отношения с кыргызами, чтобы портить их из-за Кенесары и сибирских властей. Но не имел возможности отказаться от участия в осаде крепости Тойчубек, символически отправив на это своего старшего сына Абылая. В это время кыргызы, истерзанные поборами Ташкента, обуреваемые чувством мести к Кенесары, начали склоняться к принятию подданства России, надеясь на ее защиту. А объявленная награда за голову мятежника их мало интересовала, она была отправлена для доказательства смерти Кенесары.

Кроме того, поступок кыргызских *манапов*, направленный против потенциального союзника Цинов, можно рассматривать как поддержку движения кашгарских ходжей за возвращение власти в Восточном Туркестане. Была еще одна причина установления отноше-



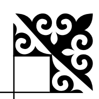
ний с Россией, она заключалась в надежде кыргызов отстоять земли в Семиречье, смежные с казахскими, по правую сторону реки Или и предгорьях Алатау. Власти Омска совершенно недвусмысленно до окончательного завоевания Заилийского Алатау давали кыргызам определенные авансы.

Религиозные вожди Кашгарии также принуждали кыргызов участвовать в священной войне против китайцев. Материалы Первого исторического музея КНР о восстаниях ходжей подтверждают, что кыргызы, обитавшие на территории к северу от г. Кашгара, а также на Нарыне и в других пограничных районах к северу от реки, также считали этих ходжей своими духовными вождями. В письме *манапа* Джантая, оповещающем о мученической смерти Кенесары, сказано о тяжелом положении, в котором они оказались: «В настоящее время мы не имеем большего спокойствия: со стороны Ташкении, от кипчаков прислан посол с приглашением о присоединении к ним; из Кашкарии хожа просит вспоможения в войске» [НОБ, 475]. Цинское правительство также постоянно стремилось подвигнуть казахских ханов и султанов на борьбу с восставшими уйгурами, обещая за это военную добычу, выгодную торговлю и пастбища в Синьцзяне. Вполне логично, чтобы они намекали об этом и послам Кенесары.

Бесспорным является то, что Цинская империя рассматривала военные действия и встречные походы отрядов Оренбургских и Омских властей в Семиречье как продолжение осуществления Россией политики завоевания Казахстана. При этом, завоевания тех его территорий, султаны которых формально все еще находились под вассалитетом Цинской империи. Вооруженное присоединение Южного Казахстана открыло возможность России обратить свое оружие против трех среднеазиатских ханств и, таким образом, завладеть северо-западными районами Цинской империи [Синьцзян цзяньши, 1996, 463; Пань Чжипин, 2005, 109].

Косность, жестокость по отношению, прежде всего, к своему народу, коварство его действий вызваны тем, что он был порождением своей среды и последним ее ярким воплощением. Трудно назвать Кенесары реформатором, все его реформы были подобны косметическому ремонту, не являющимися чем-то новым в строительстве государства.

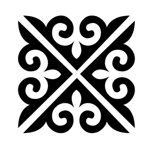
Между тем, Кенесары перешел на территорию, уже неподвластную Цинской империи и еще не завоеванную Российской империей. Омск проигнорировал обещание Кенесары отказаться от враждеб-

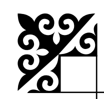


ных действий и счел неприемлемыми доводы Али Адилева, Сюка Аблайханова и других абылаевичей Семиречья о том, что Кенесары оказался без народа и что невозможно быть правителем без собственного улуса.

Подавление движения Кенесары и его трагическая смерть явились следствием противоречивого стечения внутренних причин с не менее сложным клубком международных отношений середины XIX столетия. И здесь не следует приуменьшать значение китайского фактора, о чем свидетельствует вся история отношений семьи Абылая с Цинской империей и история русско-китайских отношений второй половины XIX в.

Таким образом, приближенная к реальности дата отправки посольства – это осень 1845 г. А осень была традиционным сезоном перегона для продажи табунов коней в Синьцзян. Не решил ли он для себя перейти все же в Китай, а перед этим – отомстить кокандцам и кыргызам. Последнее, несомненно, отвечало интересам цинского правительства, но осложнило бы его отношения с Российской империей и среднеазиатскими ханствами, а также общую ситуацию в Синьцзяне.





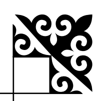
3.2. Абылаевичи в Семиречье и их дипломатия

3.2.1. В тисках цивилизаций

Абылаевичи появились в Семиречье в конце XVIII в. в связи с планами откочевки хана Абылая на запад страны, вызванными комплексом внутри- и внешнеполитических проблем: желанием обосноваться здесь самому, обеспечить здесь уделами многочисленных сыновей. В Южном Казахстане было развито земледелие, проходили удобные маршруты в крупные города Центральной Азии, а также в Кульджу и Кашгарию. Последние годы своей жизни Абылай стремился закрепиться в Ташкенте, покорить кыргызов. Дипломатия хана была направлена на ослабление политического влияния в Семиречье Кокандского ханства и Цинской империи.

На первоначальном этапе абылаевичам приходилось считаться с местными правителями: потомками ханов Турсына (уб. в ташкентской мечети в 1717 г.) и Абулмамбета (хан в 1738 – ок. 1767 гг.), а также старшинами и биями многочисленных родов Старшего жуза. В Старшем жузе власть ханов всегда была ограничена – в связи с тем, что в Семиречье проживало немало богатых и влиятельных людей черной кости. Хорошо известно, что Толе би до самой смерти (ум. в 1758 г.) имел здесь больше власти, чем любой из местных ханов. Авторитет потомков Турсына в международных делах все более слабел, а их власть частично распространялась лишь на племена, проживавшие на территории Кокандского ханства, Ташкентского вилайета и на границах с ними. За влияние на Ташкент или контроль за его отдельными воротами боролись Коканд, Бухара, а также казахские и кыргызские феодалы.

Сын Абулмамбета Абулфеиз (ум. в 1783 г.) в конце жизни окончательно обосновался в восточных районах Семиречья, он и его потомки впоследствии расширили кочевья в восточном направлении, управляли многочисленными и сильными родами *найман* и *керей* Верхнего Прииртышья, Китайского и Монгольского Алтая. Таким образом, в Семиречье не осталось сильных конкурентов, могущих объединить и контролировать племена Старшего жуза, чем и воспользовались абылаевичи. Их адаптации в регионе способствовало то, что они либо были рождены в результате брачных союзов с местными правителями белой и черной костей, либо связаны ими как сами, так и их дети. Внешние силы, влияющие на регион, были разрознены,



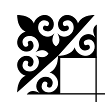
в то время как по периметру западных и северных границ Казахстана власть России была довлеющей и хан уже тяготился ею. Однако, осознавая реальную ситуацию и желая оставить за собой бразды правления, хан завещал остававшемуся в главной орде сыну Вали по мере сил продолжать укреплять отношения с северным соседом. Абылай в своем предприятии опирался на географические преимущества населенного казахами пространства, их этническое единство, на свои кровнородственные связи и выработанную им весьма гибкую дипломатию.

3.2.2. Первое поколение абылаевичей в Семиречье

Укрепившись на троне, установив отношения с цинским Китаем, Абылай хан в 1774 г. начал выделять уделы своим сыновьям для управления родами Старшего жуза. Переселением хана в Семиречье занимались сыновья Адиль и Рустем, а в XIX в. здесь обосновались султан Сюк (ум. в 1853 г.), а также дети и внуки Адиля и Сюка. Адиль был первым среди них, он был рядом с Абылаем при откочевке отца в Семиречье. Во всех крупных делах абылаевичи информировали друг друга, советовались с Кызылжаром и Баянаулом, проводили общие совещания по важным общеказахским проблемам, но им все труднее было приходить к единодушному решению. А если оно вырабатывалось, то находились затруднения к его исполнению. В 1785 г. хан Вали передавал брату пленных калмыков, чтобы они не могли убежать в Китай по Прииртышью, в Сибирь или в Синьцзян [МОЦА 2, 202].

Подвластные султанам роды в первой четверти XIX в. располагались следующим образом: на территории между тремя жузами проживали части родов *атыгай, керей, уак*, ими правил султан Касым (ум. в 1840 г.), они отошли к его сыновьям Санжару, Есенгельды [КРО 2, 215]. Кенесары в 1836 г. остановился на кочевье на берегах р. Чу [НОБ, 414]. Семья Касыма стремилась взять в руки право управления всеми казахскими родами на территории среднеазиатских ханств с условием признания покровительства кокандского бека. Среди этих казахов были колена, проживающие и на западе Семиречья. Султан Касым попал в плен к кыргызам и был освобожден ими без выкупа не позже 1785 г. Два его сына ,были убиты в Ташкенте по наущению бека.

Султан Касым более других абылаевичей протестовал против ликвидации Казахского ханства, против ссылки Губайдуллы (Абайдиль-

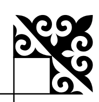


да) султана, а его сыновья в 1821–1847 гг. оказали серьезное вооруженное сопротивление царским войскам. Самую продолжительную борьбу против политики России в течение 10 лет вел Кенесары Касымов, из них полтора года – в Семиречье. При этом он рассчитывал на помощь кровных родственников Семиречья, с которыми тотчас связался согласно казахским обычаям.

Султан Адиль (ум. в 1815 г.), третий сын хана, вместе с отцом осваивал земли в долине Таласа, остался там и постепенно увеличивал число своих подвластных из дулатов и уйсинов. Вскоре в его власти оказались роды, обитавшие к востоку, до реки Или. А его многочисленные сыновья уже правили всеми родами на территории к западу и востоку от этой реки.

Адиль (если здесь нет путаницы с Адилем из рода хана Турсуна) освоил кочевья в р-не рек Ангрен, Чирчик близ Ташкента, при горе Чингис-Чаган [Ерофеева, 1997, 85]. Управлял он родами преимущественно *конград, уйсин* племени *дулат* Старшего жуза, чьи кочевья простирались также на территорию Ташкентского вилайета, подконтрольного Кокандскоому ханству. Султан соперничал с ханом Болатом, сыном Абулмамбета в управлении родами Старшего жуза: *жаныс, сыйкым, шанышкыл* и преуспел в этом.

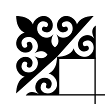
Какое-то время султан Адиль проживал в р-не Кульджи вместе с преданными ему семьями. Довольно трудно определить точное время расположения его основной орды в Семиречье, Синьцзяне и Ташкентском вилайете, так как они зависели от сложной обстановки в регионе. В любом случае, Адилю, подвластные которого обитали на территории Кокандского ханства и в западных пределах Цинской империи, было не избежать политических и торговых связей с обеими странами, что накладывало на него определенные обязательства. Султан приобретал опыт переговоров с юности. Абылай вскоре после избрания его ханом отправил в Китай Адиля в сопровождении 8 почетных людей, среди которых упоминаются Туйкучжан и Насыбокэ. Вместе с кашеварами посольство составляло 10 человек. Это посольство выехало из степи 14 числа 9 луны 38 года правления Цяньлун (29 октября 1773 г.). Для встречи казахского посольства на границу в г. Или (Кульджа) прибыл из Пекина офицер дворцовой гвардии, которому было приказано по возможности постараться доставить гостей к новому году по лунному календарю. Император Цяньлун обычно стремился приурочить приезды зарубежных послов к двухнедельным новогодним празднествам. Но он велел учесть также и то, что



султану, еще неокрепшему подростку, нелегко было преодолеть дальнее расстояние с большой скоростью, а потому, с учетом этого обстоятельства допускалось прибыть в Пекин и позже [Цин Гаоцзун шилу, 944, 28–28 об.]. Путь от ставки Абылая до столицы Цинской империи в то время составлял около трех месяцев.

В 1771 г. Адиль также отце, когда его отряды преследовали волжских калмыков, пробиравшихся в Западный Китай. Тогда ему должно было быть не менее 13 лет, а, возможно, и все 15, именно в таком возрасте султанов приобщали к военному делу. Исходя из этого, можно предположить, что Адилю во время первой поездки в Китай в 1773 г. было около 15–17 лет. Почетная посольская миссия, несомненно, была возложена Абылаем на этого сына с дальним прицелом. Адиль был старшим из сыновей, отправившимся с отцом и успешно прижившемся в Семиречье, несмотря на все превратности судьбы. Адиль первым из абылаевичей посетил Пекин, а также Кашгар. У него должны были установиться постоянные связи среднеазиатскими и кашгарскими купцами, чтобы безопасно совершать торговые операции.

В 1779 г. Адиль был приглашен на торжества, посвященные 80-летию императора Цяньлуна. В своей политике султан ориентировался то на Коканд, то на Кульджу, однако, в связи с недостатком материалов, трудно понять причины такого поведения в каждом конкретном случае. Несомненно, однако, что в их основе, прежде всего, лежали традиционные земельные, а после них – торговые интересы. Пользуясь благоприятным географическим положением, абылаевичи Семиречья старались держать под контролем торговые маршруты в Илийский и Кашгарский округа. По долине реки Или они отправляли купцов, в том числе и из среднеазиатских ханств, в Кульджу и далее на восток – в Тарбагатай. В то же время, через перевал Шаты открывались более заманчивые маршруты в Турпан (Уч-Турфан), далее – в Аксу и по удобной дороге – до Кашгара. Западный путь из Андижана через Артуш в Кашгар был для среднеазиатских купцов более удобным, но большая прибыль от торговли казахским скотом вынуждала их сначала закупать его по более дешевым ценам непосредственно в кочевьях и затем перепродавать в Кашгарии. Валиханов писал, что проход Чаты (Шаты) «открыт во все времена года» для верховой езды. А проход Санташ «самый важный и удобный для всякой езды», но в большой снег он становится непроходимым [Валиханов, Избранные произведения, 275].

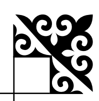


В 1798 г. ташкентский владетель распространил свою власть на казахов, обитавших в окрестностях и составлявших большинство в самом городе. Он не позволял султанам Старшего жуза избрать хана, чтобы самому непосредственно управлять казахскими скотоводами. Ташкент всячески ограничивал власть казахских султанов, сдерживал их своеволие, предпочитая иметь дела с казахами через их старшин и биев. Однако, по установившейся традиции, казахская знать почитала старшего по возрасту среди султанов, а им был Адиль. Обязанностью казахов являлось участие в войне Ташкента с неприятелями, а также выплата со ста голов овец – одной овцы, с коней и рогатого скота налог официально не взимался [КРО 2, 152].

Среднеазиатские купцы охватили торговлей все доступные им кочевья, а крупные феодалы регулярно выезжали для мены в среднеазиатские города. Ташкент попадал под влияние то Бухары, то Коканда, неустойчивая ситуация вела к тому, что султаны со своими подвластными откочевывали в Казахстан, в пределы Туркестана и Китайской Монголии. Для сохранения верности казахских султанов, би и старшин в Ташкенте содержались *аманаты* от каждого управляемого ими рода, или колена, либо под благовидными причинами удерживались их дети.

Под властью Кокандского ханства перед завоеванием его Россией находилось большинство казахов Старшего жуза, число их достигало 60 тысяч человек колен *бестамгалы, шымыр, сийкым, жаныс* [Бекмаханов, 1992, 162]. Эти данные приходятся на период после завоевания Кокандского ханства, когда часть казахов погибла в войне, а часть – откочевала. К тому же, казахи часто занижали сведения о своих подвластных и о принадлежавшем им поголовье скота. В период правления здесь Адиля населения было явно больше. По русской переписи 1897 г., казахское население Семиречья доходило до 796 815 человек, что составляло 85% от всего населения [Абдиров, 1994, 130].

Как свидетельствуют источники, в начале XIX в. султан Адиль со своими подвластными в числе десяти тысяч человек искал пристанище в китайских пределах. К сожалению, местность, на которую он откочевал, не названа. Предположительно, речь идет об откочевке на земли левобережья р. Или. В то время пограничные территории Семиречья русские власти автоматически относили к сфере влияния Цинской империи. Адиль имел цинский титул *гун*, был известен двору. Одновременно он прилагал усилия направленные на избежание конфлик с сибирскими властями.

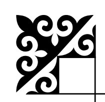


В 1814 г. по сведениям мусульманского источника, он сообщал через сына Нуралы кокандскому хану Умару о своем возвращении от «неверных». Это означает, что Адиль находился в землях, контролируемых цинским Китаем. В результате, он получил охранную грамоту от кокандского хана [История Казахстана, т. 3, 1997, 285]. Близость кочевий к мусульманским городам Центральной Азии сформировала религиозные воззрения Адиля, в которых он воспитал и своих детей.

В целом, Адиль, Касым и Сюк, обосновавшись в Семиречье, формально признавали старшинство в ханстве за ханом Вали, а в Семиречье неоспоримым было старшинство Адиля. После смерти султана Адиля его первенец Абылай (Кулан) старался взять в руки бразды правления, но его власть распространялась, преимущественно, на родных братьев. Старшие абылаевичи, рожденные разными женщинами, были достаточно дружными, но их потомки особо не отличались родственными привязанностями. Между Али Адилевым и его дядей Сюком, а также племянником Тезеком Нуралиным возникали серьезные разногласия, которые они не считали нужным скрывать от русской администрации. Надо полагать, и от китайской тоже.

Русскоязычные материалы называют десять потомков Адиля мужского пола, которых перечисляют в таком порядке: Абылай, Али (Гали), Иргали (Ергали), Бегалла (Бегали), Тынала (Тынали), Тюляк (Тулак), Мамырхан, Каип, Таук (Тауке?), Сеильхан [КРО 2, 224]. Аналогичные данные с небольшой разницей в именах приведены и в другом списке, также основанном на русских источниках: Абылай, Али (Гали), Ергалы, Бегалы, Тыналы, Толек, Мамырхан, Каип, Тауке, Сеилхан [Ерофеева, 1997, 125]. Интересно, что китайская родословная казахских правителей говорит о 12 сыновьях Адиля и перечисляет их в следующей последовательности: Абулай, Али (Гали), Бегин (Бегалы), Тулук, Сайхан (Сеилхан), Телик, Нура (Нуралы, отец Тезека. – *К.Х.*), Мамырхан, Ток, Кушун, Абулаха, Сайлип [Синьцзян шилюе, 12, 7–7 об.]. Многочисленное мужское потомство в то время почиталось большой силой.

Абылаевичи Семиречья сочувствовали и поддерживали движения за сохранение ханства. В 20-х гг. XIX в. их помощь монархическому движению Губайдуллы проявилась в том, что они участвовали в его внешнеполитических шагах, помогли установить связь с Цинской империей и среднеазиатскими ханствами. Наиболее влиятельные из них имели титул *гун*, что означало, что цинские власти признавали их старшинство в управлении уделами. Верховный султан Адиль, пер-

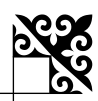


вый титулованный среди них еще подростком, к тому времени умер. Правитель *суанов* – Султангерей Джангиров имел степень *гуна* третей, его брат Сарыбай – *гуна* второй степени, равный чину российского генерал-майора. Сарыбай был в Баянауле во время попытки возведения Губайдуллы в ханы цинским посольством в 1824 г. [Зибберштейн, 1936]. Подобные крупные внешнеполитические действия могли осуществляться в результате общих совещаний и решений абылаевичей. Семиреченцы в 1827 г. помогли посольству Губайдуллы доехать до Кульджи, но Илийский генерал-губернатор в связи с длящимся уже три года восстанием уйгуров под руководством ходжи Джангира, не мог препроводить это посольство в Пекин [Валиханов, т. 2, 414]. Безусловно, он опасался также вызвать недовольство и протесты западно-сибирского генерал-губернаторства. Султан Сюк никогда не имел китайского титула, позже ему был присвоен чин майора от России. Он старался лишь воспользоваться удалением соперников для собственного возвышения, но не имел для этого ни влияния, ни способностей.

С конца 40-х гг. начался новый этап в политике России в Казахстане, сильно ограничивающей власть местных правителей. Это вызвало открытое выступление одних ханов и султанов, скрытое сопротивление других и вынудило всех искать союза и покровительства извне – для сохранения остатков власти. Наиболее мощным и продолжительным было национально-освободительное движение, возглавляемое Кенесары. Имеются документы о переходе на сторону Кенесары родов Старшего жуза без согласия их султанов, а это означало переход к мятежнику их податного населения. Омское начальство пыталось объединить правителей в борьбе против мятежника. Под постановлением султанов от 23 июня 1845 г. о признании своим врагом Кенесары стоят подписи и печати Сюка, Али, сына Адиля, их сыновей и старшин [НОБ, 446].

Однако, они не намеревались представить для преследования сородича своих людей. «Большое ли дадут подкрепление вооруженными киргизами султаны Алий и Сюк, они говорят очень темно, да и я намерен взять из них как можно менее, потому что этот народ, как новый, мало надежен и мне известно, что между ними есть много доброжелателей султану Кенесаре», – рапортовал 14 сентября 1846 г. начальник русского военного отряда [НОБ, 450].

В 60-х гг. Семиречье приобрело чрезвычайно важное значение – в связи с завоеванием Россией среднеазиатских ханств. Для русской

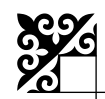


армии было достаточно символической службы, политических деклараций казахских султанов, предоставления ими для войска продовольствия и гужевого транспорта.

С 1818 г. до середины XIX в. из абылаевичей Семиречья существенный вклад в дело присоединения Казахстана к России был сделан самым непримечательным и наименее авторитетным среди казахов человеком, последним сыном хана Абылая – султаном Сюком (1779–1853 гг.). Он родился перед смертью отца, поэтому его устройством в Семиречье, должно быть, занимался хан Вали (ум. в 1819 г.) – мы не знаем, по завещанию ли отца, но, безусловно, не без согласия других братьев по отцовской линии, обосновавшихся в этом краю. Сюк правил коленами *жалаир* и частью *шапрашты*, а ставка его находилась в урочище Капал. Султану Сюку посвящена статья, в которой приведены неизвестные большинству историков документы из архива члена партии «Алаш» Букейханова [Урашев, 2013]. Они существенно проясняют некоторые факты из жизни султана.

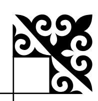
Сюк никогда не был уличен в предосудительных связях ни с Кокандским ханством, ни с Цинской империей, но в жизни султана все же были поступки, вызывающие у Омска некоторые сомнения в его лояльности. Например, он позволил временно разместиться на своих кочевьях повстанцам Кенесары, а затем ездил на встречу со своим племянником. Султану пришлось отчитаться о поездке, хотя и скупыми словами, перед начальником Пограничного управления сибирских казахов. В целом, царские власти знали истинную цену Сюку. Они никогда не были до конца уверены в искренней приверженности любого из абылаевичей, как прежде не заблуждались и в истинных намерениях их предка. Если Сюк и был виноват перед Омском, то, в основном, по естественным и понятным личным семейным причинам.

Сюк в 1818 г. первым из семиреченских абылаевичей искал покровительства России, но его прошению не могли официально дать ход в связи с последовавшими событиями: смертью Вали хана, подготовкой упразднения Казахского ханства, сопротивлением этому султана Губайдуллы (Абайдильда, кит. А-ба-ла-да). Не исключено, что Сюк решил принять российское подданство с задней мыслью получить ханский титул, ибо он являлся единственным сыном Абылая, дожившим до этого времени. Степь была неспокойна. Волнения казахов в связи с открытием Кокчетавского округа нарастали. Султан Губайдулла, «имевший претензию на ханское достоинство



и лишенный надежды получить оное, уклонился от округа» [КРО 2, 223]. Он отказался от поста старшего султана округа, надеясь получить обещанный титул хана и ярлык от цинского императора. Но во время встречи с цинским посольством султан был задержан отрядом казаков, а через несколько лет сослан в Березов. Султан Касым, сын Абылая, бурно реагировал на незаконные действия Омска в письме от 17 сентября 1824 г. [КРО 2, 215–216]. Сыновья его неоднократно выступали с оружием в руках. В своей политике семья Касыма делала ставку на единоверный Коканд, но султан вскоре умер, а двое его сыновей погибли из-за интриг кокандского бека. Эти обстоятельства, вероятно, еще более подогрели надежды султана Сюка в его намерениях. К такому выводу приходишь потому, что неизвестно отношение Сюка к делу его племянника Губайдуллы, нет ярких свидетельств его негодования и протеста. Но он был сыном Абылая, самым первым по знатности человеком, если не по возрасту, то по линии родства. Объективно, это был шаткий шанс, но иначе никак не объяснить его неоднократные попытки сблизиться с омской администрацией. Как свидетельствуют письма генерал-губернатора Глазенапа от 9 апреля 1818 г. и управляющего МИД России Нессельрое от 6 октября 1819 г., депутация султана Сюка была направлена в Санкт-Петербург. Ее возглавлял сын Жангазы, а при нем находились почетные бии – Сырымбет Унгатаров, Бийбет Бектурганов, старшина Тугал Черкозов и два служителя.

Россия хотела освоить многовековые традиционные торговые маршруты через Семиречье в Кашгарию, Тибет и далее – на Восток. Вначале она, возможно, и заблуждалась насчет истинного положения Сюка, веря его заявлениям о том, что он является правителем племени *уйсин*, т. е. всего Семиречья. Но и поняв истинное положение султана, русское правительство предпочитало обманываться насчет этого. В Семиречье ощущалась сильная конкуренция со стороны Кокандского ханства и Цинской империи. Все торговые маршруты и проходы в Синьцзян находились под контролем сыновей султана Адиля, Коканда, а также кыргызов. Адилевы брали пошлины с купцов за прохождение караванов по подвластным им кочевьям, они же контролировали все перевалы в Западный Китай от реки Каратал до Иссык-Куля. Султаны имели регулярные связи с генерал-губернаторством в Кульдже. В аул Абылая (Кулана) у реки Коксу ежегодно в августе месяце заезжали цинские пограничные отряды, совершавшие инспекцию границ с казахскими кочевьями.



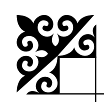
Тогда же в его кочевье происходил сезонный торговый обмен. Все люди, выезжающие по торговым делам в Кульджу, должны были брать у Адилевых бумагу с их подписями и печатями о том, что они являются их уполномоченными. Цинские власти почитали Кулана за главного над всеми казахами Семиречья, с чем, по-видимому, не мог смириться Сюк.

Желая укрепить свое положение, Сюк однажды помог русскому торговому каравану, направлявшемуся в Кашгарию, а сопровождавшему отряду линейных казаков из 150 человек заменил уставших лошадей. Об этих и последовавших за этим другими событиями мы узнаем из докладов западно-сибирского генерал-губернатора Капцевича [Урашев, 2013, 95–102].

Адилевы поспешили восстановить равновесие в международных делах Семиречья. Согласно русским документам, они в 1821 г. вслед за Сюком обратились за покровительством к России. Для начала, они отправили в Омск свое посольство из трех султанов во главе с братом Иралу (Ирали, Иргали, Ергали, кит. И-лай-ли). Ергали, как единодушно показывают русские и китайские источники, был третьим сыном Адиля, родившимся после Абылая (Кулана) и Али. Братья просили прислать в их ставки муллу для принесения присяги, требовали относиться к ним как к представителям всей Большой орды [КРО2, 203–204, 214]. Интересно было бы найти дневник переговоров с этими казахскими посольствами в Омске и Санкт-Петербурге.

Последующие события показывают, что сыновья Адиля отнюдь не собирались окончательно рвать установившиеся связи с Цинской империей. Кочевья султанов находились в 1300 верстах от сибирских линий, а до Кульджи от верховьев притоков Каратала было подать рукой. С установлением связей с Сюком и Адилевыми у Капцевича зародилась мысль открыть пограничный округ на кочевьях султанов Старшего жуза близ границ Цинской империи.

В июле 1822 г. он отправил для разведки к Адилевым семипалатинских переводчиков при губернском секретаре Крайкине, муллу Ташболата и еще четырех мулл для приведения к присяге султанов, биев и старшин, а также с намерением составить их список. Грамота императора Александра I о принятии султанов Старшего жуза в российское подданство последовала 13 мая 1824 г. Судя по рапорту управляющего МИД России К. Нессельроде Правительствующему Сенату, число их подданных составляло 165 000 душ мужского пола, крупного скота – 630 000, а мелкого – до 3-х млн. голов [КРО 2, 214].



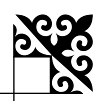
Магометали Ибаков (член посольства Ергали) вместе с другими султанами правил родом *суан*, а остальными родами Семиречья: *дулат, албан* правили братья Адилевы [КРО 2, 223–224].

В 1824 г. Сюк впервые лично выехал в Омск, поводом для дальней поездки послужили нападения на него кыргызов и он намеревался просить русской защиты от них. Таким образом, Сюк втягивал Россию в свои отношения с соседними племенами, расширяя поле ее деятельности в Семиречье. Естественно, он сообщил полезные для русских пограничных властей сведения о состоянии отношений Адилевых с цинским Китаем и Кокандом, которые были весьма полезны для русских.

Весной 1827 г. ставку Сюка у реки Каратал посетил Бубеннов. Главной его целью был сбор сведений о восстании в Кашгарии и отношениях казахов с ходжой Джахангиром и другими единоверными правителями, а также с Китаем. Он отметил, что отсюда до ставки Кулана у реки Коксу расстояние составляет около двух дней верховой езды [Валиханов, т. 2, 320].

Достоверно известно, что у Сюка был сын по имени Жангазы (Янгозы). В документах упоминаются другие султаны Сюковы – Жошы, Долон, но без связи с нашим героем. В 1858 г. во время экспедиции по Джунгарии Чокан ядовито описал свое впечатление о наследнике Сюка: «Раз караван удостоился видеть султана Джангазы, правителя джалаирского племени, с помощником, который дан ему ради его скудоумия алатавским окружным начальством и потому называется киргизами заседателем. Султан поразил нас своей эксцентричностью. Он вошел в палатку походкой жирного гуся, которая у киргиз употребляется в крайне официальных случаях, сел на почетное место и принял созерцательный вид; все молчали. Султан вдруг поднял голову, обвел всех быстро глазами и произнес двустишие: «Жалаиырдың қойы көп, Жанғазының ойы көп» (У *жалаиров* много баранов, у Жангазы много дум), – и опять углубился в буддистическую недвижимость», – заметил Чокан [Валиханов, т. 3, 338].

Сюк поручал сыну ездить в Омск и тот был переправлен во главе посольства в Санкт-Петербург, принят Александром I [Урашев, 2013]. Во время установления связей с султаном, русское пограничное начальство, хотя и знало истинное состояние дел, выдало его при дворе за правителя главного рода Старшего жуза *уйсин*, следовательно, всего Семиречья. В результате двух русских экспедиций выянилось истинное положение дел. *Уйсинами* правили потомки султана Адиля,



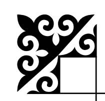
под их началом находилось не менее 15 крупных волостей. Они могли выставить войско до 60 тысяч человек. В Списке же родов Старшего жуза под властью Сюка, его сына, брата и племянника заявлено 17 волостей [КРО 2, 223]. Но в прошениии султанов от 5 мая 1843 г. об учреждении окружного приказа в ставке Сюка указано лишь шесть подчиненных ему мелких колен рода. Самым влиятельным среди старшин был Карымбай (Карунбай) [КРО 2, 296].

Ранее в Списке родоначальников Старшего жуза, составленном осенью 1825 г. о Сюке написано: «Усердно приверженный сей султан к России, мало значителен в силе народного уважения»» [КРО 2, 224]. А Зибберштейном записано, что Сюк «почитает оную (волость *жалаиров*) в своем ведении, хотя их «называет подчиненными себе», они отдельно управляются бием Карымбаем». Яснее не скажешь. В то же время, о Сюке и Магомет-Али Ибакове, правящим в те годы другой частью *шапрашты,* он заявляет: «Оба султана хорошо привязаны к нашему правительству...». И это было главным для обеих сторон.

К. Нессельроде 17 апреля 1847 г. подал императору Николаю I Представление об открытии специального округа в Копале и о назначении ежегодного жалованья в сумме 343 руб. серебром четырем султанам: Сюку Аблайханову, Али (Гали), Хакиму и Рустему Тентеку (Озорнику) [КРО2, 334–336].

Кроме того, после завершения национально-освободительного движения во главе с Кенесары сложились благоприятные условия для дальнейшего продвижения России в Семиречье. Соседний Синьцзян в это время сотрясали вторжения ходжей, на большей части его территории, а затем, в 60-х гг. вспыхнуло мощное восстание мусульман Цинской империи. В это время на урочище Капал сосредоточился центр политического надзора Российской империи за Семиречьем до переноса его в г. Верный в 1862 г.

Сюк отличался своеобразным характером. Пожалованные русскими знаки отличия он носил не по правилам, например, не носил ленту на груди, а оборачивал ею головной убор. Султана в больших поездках сопровождал его собственный оркестр, что свидетельствует о его музыкальных способностях и любви к музыке. Знающие султана европейцы также отзывались о Сюке нелицеприятно. Английский путешественник Аткинсон и его жена Люси с юмором написали: «Более известного грабителя и разбойника в степи трудно найти. И хотя сейчас ему 80 лет (в действительности лет 70. – *К.Х.*), он может участвовать в барымте; многие разбойничьи вылазки планируются им… Он



получал пенсию от российского императора, продав ему свою землю, и обманывал Его Императорское Высочество (надо – «Величество». – *К.Х.*). Во время одной барымты боевым топором ему повредили нос. И он у него был искривлен» [Первые английские путешественники..., 185–186]. Поэтому султан очень просил англичанина рисовать его нос прямым, каким он был прежде, а не нынешним кривым.

Сюк часто посещал чету англичан в Капале, чтобы видеть их маленького сына, названного Алатау, а также полюбоваться на свое изображение в зеркале, перед которым он мог долго гримасничать [Первые английские путешественники..., 256–257]. Этот факт свидетельствует о том, что зеркала в степи были большой редкостью. Не прочь он был и приударить за иностранкой.

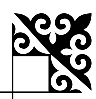
Судя по всему, Сюк был жизнерадостным человеком. Аткинсон был ему симпатичен, вероятно, еще и потому, что тот играл на флейте, ведь при султане состояли собственные музыканты.

Лишь один иностранный путешественник – Зибберштейн, напротив, характеризует Сюка кротким человеком, а его *жалаиров* – миролюбивым народом. Это заявление является относительным, так как лекарь находился в составе русской экспедиции 1825 г., выехавшей к Сюку с его делегацией, возвращавшейся из Омска. Эта разведывательная экспедиция выехала в Семиречье под защитой Сюка и его людей, т. е. зависела от него.

Портрет султана Сюка написан Аткинсоном во время пребывания в ставке в 1849 г. Он, несмотря на преклонный возраст, был достаточно крепок здоровьем, отличался почти детским любопытством. Англичанин сам написал, как изображен им на портрете последний сын хана Абылая: «сидя..., одетый в ярко-красное пальто, с золотой медалью и саблей, присланной Александром I, чем он чрезвычайно гордился» [Первые английские путешественники..., 185–186, 256–257]. Ошибки в идентификации портрета быть не может [Казахи. Лики народа, картина № 55]. На картине султан сидит, скрестив ноги, в окружении трех женщин и одного мужчины. Может быть, это был его сын и их жены. На коленях у Сюка лежит подаренная царем сабля в ножнах. Нос у него получился все же чуть кривоватым.

Мавзолей Сюка находится к северу от г. Талды-Курган против изгиба реки Каратал, о нем писал Чокан в 1855 г. [Валиханов, т. 1, 190, 380не может381].

Подводя итоги обзора о первом поколении абылаевичей в Семиречье следует отметить, что долгое время условной границей их ко-

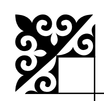


чевий и кочевий Абулфеиза являлась река Лепсы, а кочевья братьев разграничивались приблизительно по рекам Чу и Или. Постепенно кочевья Адилевых перешли на восточный берег Или и к ее истокам. Каждый из братьев стремился взять под свою власть как можно больше родов и отдельные их колена. Русские называли волостями эти родовые ответвления под управлением султанов и старшин еще до внедрения своей административной системы в Семиречье. Омск приводил старшин к присяге вслед за их патронами – султанами. Чем больше было подобных волостей у султанов, тем более сильным было их влияние в казахском обществе. Другой немаловажный фактор силы заключался в наличии большого количества сыновей. Чем многочисленнее мужское поколение семьи, тем больше было шансов взять под свою руку родовые группы. Султан Сюк, последний и единственный доживший до середины XIX в. сын хана Абылая, не имел никаких других преимуществ, кроме этого. Также он был лишен таланта управления своевольным народом. Обращение к России сделало его положение более устойчивым, а русское правительство, во многом благодаря сотрудничеству с ним, смогло дипломатическими маневрами основать окружной приказ на территории Семиречья у самых границ Цинской империи.

Внутренняя борьба между абылаевичами шла за территории по среднему течению и верховьям рек Или и Каратал. Здесь находились тучные поля и пастбища, а также протекали важные торговые артерии. Султан Сюк и его сын не смогли оттеснить с политической арены братьев Адилевых, о которых предстоит отдельный разговор.

3.2.3. Абылай (Кулан), сын султана Адиля

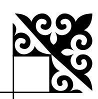
Адиль (ум. в 1815 г.) является третьим сыном хана Абылая, рожденным от второй жены. Сопровождал отца в 1780 г. в его последней поездке в долину реки Талас, где была заложена их первая ставка в Семиречье. Адиль, как и Бухар жырау, был осведомлен о целях откочевки отца, обстоятельствах и причинах его болезни и внезапной смерти. Но, кажется, он не распространялся на эту тему. Султан остался в Семиречье, ему было предназначено осуществить планы отца: овладеть алатаускими кочевьями и поймами рек Чу и Талас, подчинить проживающие здесь роды и окончательно утвердиться в западной части Семиречья. Дети и внуки Адиля расширили кочевья по всей долине реки Или до ее верховьев, и на восток от нее – до



реки Лепсы. Претенденты на ханский титул – султаны Губайдулла (Абайдильда) и Кенесары Касымов прибегали к их посредничеству во внутренних и международных делах. Губайдулла объявил своим наследником племянника султана Жанторе из Семиречья, что официально было признано Пекином. Абылаевичи постоянно соперничали между собой, но все они были вынуждены считаться с местными старшинами и богачами, проводить гибкую политику между тремя центрами силы в регионе: Кокандским ханством, Цинской, а с середины XIX в. и Российской империями. Адиль ездил в составе посольства в Пекин вскоре после воцарения отца в 1773 г. Ему был присвоен титул *гун* и выдана шляпа с драгоценным шариком и пером павлина второй степени. О других его поездках в Китай неизвестно. Отсюда понятно, что к началу XIX в. цинские власти признавали главным правителем Семиречья султана Адиля. Его ставка имела связь с Кульджой через цинские караулы Коныролен и Оуэргочжулэ. К этому времени у него было 13 сыновей. Их имена указываются в таком порядке: Абулай (Абылай), Али (Гали), Бэйцзин, Тулукэ, Сайхан,Тэликэ, Нула (Нурлан?), Мамырхан, Токэ (Ток), Кушунь, Абулаха, Сайлипу, Тэнабокэ (Тыныбек) [Синьцзян шилюэ, 12]. Большинство имен требуют расшифровки. В русских источниках упоминается еще третий сын Адиля, по имени Ергали. Некий Илайли упоминается и в хронике правления императора Даогуан. У казахов не редкость наличие у человека двух имен, одним из них было ласкательное имя, а другим – официально данное муллой. Не исключено также, что первый иероглиф в имени 3-го сына с чтением «бэй» написан ошибочно, вместо иероглифа с чтением «е» – они мало отличаются.

Первого сына Адиль нарек Абылаем, в честь отца, но более известен тот был под прозвищем Кулан, очевидно, с целью соблюдения по казахскому обычаю табу на имена деда и прапрадеда. Китайские чиновники, а за ними и хронисты для отличия трех Абылаев меняли один-два иероглифа при написании их имен. Первенство Кулана после смерти Адиля единодушно подтверждается как русскими, так и китайскими источниками. Пограничная администрация двух держав отмечает, что он «почитается главнейшим в силе народа и важности».

В 1825 г. в управлении султана Абылая (Кулана) Адилева находилось 8 колен (в русских документах – волостей) рода *дулат*, а также 7 волостей *албанов*. Племя *дулат* было самым многочисленным казахским племенем в Семиречье, отдельные его роды кочевали вплоть до истоков реки Или на территории Китая.

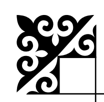


Второй сын Адиля, Али, был также вторым по влиянию на ордынские дела. После смерти Кулана авторитет Али еще больше повысился. Об Али говорится, что он «гораздо сильней держится стороны российской». Эти слова подтверждены тем, что Али не позволял себе враждебных действий против русских торговцев, в противоположность другим Адилевым. Об их младшем брате Ергали, к примеру, сказано: «Сей султан, хотя не составляет важности в орде, но он отличается особыми насилиями» над русскими караванами. Этот султан был гораздо беднее своих братьев, а кочевья его находились вне пределов досягаемости русских пограничных отрядов, чем он и пользовался. Власть и экономические интересы Али все больше стали зависеть от отношений с Россией, а его брата Абылая (Кулана) – от Цинской империи. Доказательств нет, но не исключено, что роли были распределены между братьями – в целях сохранения политического баланса между двумя державами и Кокандским ханством, с трех сторон вступившими в борьбу за Семиречье. После ликвидации Казахского ханства им не оставалось ничего другого. Еще при жизни хана Вали и его брата Адиля, т. е. – отца Али, Али был включен в состав казахского посольства, отправленного в Пекин в 1803 г., он также был награжден павлиньим пером 2-й степени [Синьцзян шилюе, 12, 7].

Большинство детей Адиля султана продолжали управлять раздробленными родами Старшего жуза. Они были дружны между собой и в главном подчинялись авторитету старшего брата. Младших братьев русские власти считали ни чем иным, как «орудием» султана Абылая (Кулана), что «сами по себе они ничего не значительны и делают то, что им приказано будет» [КРО 2, 224]. Они старались сохранить власть над 25 отоками *усуней*, оставшихся в наследство от отца, и привлечь новых. Кулану подчинялись колена *сегизсары, кызылборик, альбузум*, чьи кочевья находились по пути к Кульдже. Сведений о том, что он ездил в Китай, не имеется.

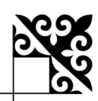
Абылай Адилев (Кулан) и большинство его братьев поддерживали торговые отношения с Китаем, а среди детей султана Адиля в Китае более всего уделялось внимания, естественно, самому старшему. Материалов о том, что этот Абылай предпринимал враждебные действия против русских властей до поднятого им вопроса о Копале, также не имеется. В то же время, он был настроен против строительства крепости на Каратале, на землях его младшего дяди Сюка.

В 1825 г. Кулан отправил письмо илийскому генерал-губернатору Цин Сяну, в котором информировал его о том, что русские самоволь-



но строят дома на Каратале и стремятся собирать с казахов налог скотом. Он писал, что сам специально ездил туда, и командир казачьего отряда якобы сказал ему, что их «*чаган-хан* (Белый царь, здесь – царь Александр I) передал товары и пожелал выбрать богатый водами и травами Каратал, пригодный для строительства города и развития земледелия» [Цин Сюаньцзун шилу, 11 об. – 12].

Император Даогуан (правил в 1821–1850 гг.) повелел Палате по делам зависимых земель (*Лифаньюань)* подготовить и отправить запрос Правительствующему Сенату России по поводу строительства укрепления на границе и незаконных поборах с казахов. Одновременно с этим, он отдал распоряжение подготовить письмо султану Абылаю (Кулану) от его имени, «поскольку он показал уважение и послушание». В письме следовало сообщить султану о направленном правительством Цинской империи официальном запросе в Россию, а затем – о мерах, которые оно сочтет нужным предпринять в зависимости от ответа. Илийскому генерал-губернатору отдельно предписывалось усилить охрану границ с казахскими кочевьями, чтобы предотвратить откочевку казахов, не согласных со строительством крепости, на территорию Синьцзяна. Последняя мера убедительно показывает настороженное отношение цинского правительства к сообщению султана. Выступление на Военном Совете известных пограничных сановников – маньчжура Тоцзиня и бывшего илийского генерал-губернатора монгола Сун Юня по этому делу явно было не в пользу казахов. Краткое содержание их выступлений заключалось в следующем: «Россия является зарубежным государством. Приняв меры для обуздания, все же не подчиним (ее). Казахи обыкновенно переходят границы для грабежа, по природе своей являются хитрыми. Не следует полностью доверять словам того тайджи (султана Абылая. – *К.Х.*) по поводу того, что в будущем русские собираются (на их территории) строить город и обрабатывать землю. Местность, где русские (хотят) построить город и обрабатывать землю, отстоит (далеко от нас). Расстояние от нее до (нашего ближайшего) караула (составляет) 400 ли (ок. 200 км. – *К.Х.*). Что касается Каратала, нет веских доказательств (того), что он является территорией казахов». Сановники предлагали издать приказ, в котором рекомендовали указать, что «в связи с неясностью границ невозможно доискаться истины», что также «затруднительно надеяться» на решение вопроса вооруженным путем». Они советовали казахам «найти способ и передать тем варварам» (т. е. русским) предложение цинских властей



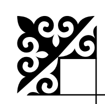
снести построенные дома, а сами бы всячески препятствовали планам строительства русскими города и обработки земли» [Цин Сюаньцзун шилу, 90, 30–30 об.].

Кроме того, Тоцзинь и Сун Юнь от своего имени подали доклад, в котором просили освободить их от переписки с официальными инстанциями по данному инциденту. Этот доклад сановников высокого ранга убедительно показывает, что в 1825 г. Цинская империя не владела информацией о территории к северу от Кульджи и не имела в то время никакого влияния в Семиречье до озера Балхаш. Более того, монгол Сун Юнь в своем докладе договорился до того, что предположил, что казахи захватили русскую землю и хотят с помощью Цинской империи оставить ее за собой. Главным образом, он опасался того, что инцидент приведет к китайско-российскому конфликту. Сун Юня можно понять, так как в это время началось вторжение ходжи Джахангира в Кашгарию и грозила опасность отторжения Синьцзяна от Цинской империи. И без того крайне осложнились отношения с Кокандским ханством – в связи с его поддержкой ходжи Джахангира и подстрекательствами кашгарцев к бунту против неверных. Однако, в столице настроение сановников было оценено как пораженческое. Был отослан официальный запрос в Санкт-Петербург, а с султаном Абылаем Адилевым завязалась переписка [Сюаньцзун шилу, цз. 90, л. 18 об. – 19]. В итоге, русским пограничным властям пришлось срыть дома и на время отказаться от строительства укрепления на Каратале.

В декабре 1825 г. началась внутренняя смута в России, Николай I был занят подавлением движения декабристов, затем – восстанием Кенесары, а цинский император Даогуан – подавлением сопротивления уйгуров и кыргызов во главе с ходжой Джахангиром. Ходжа в течение 1820–1828 гг. четырежды предпринял поход в Кашгарию. Державы решили не обострять отношения между собой при нестабильном внутреннем положении у себя.

Китай применил санкции против Коканда, запретив вывоз ревеня и чая в ханства Центральной Азии, в то же время, в 1826 г. был издан приказ о расширении торговли с казахами. Одновременно цинами рассматривались маршруты из Синьцзяна в Киргизию, на случай ввода войск в Кашгарию через западное Семиречье.

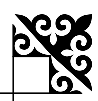
С 1827 г. имя Абылая Адилева в китайских документах упоминается с приставкой *гун*, что свидетельствует о том, что цинское правительство признает законность его правления. В конце этого года он



совместно с Али султаном отправил посольство в Пекин во главе с их младшим братом Ергали (伊赖里 – Илайли), третьим сыном Адиля Аблайханова. Семья преподнесла в подарок породистых лошадей. Этот поступок султана, по мнению цинов демонстрировал «похвальное проявление почтительности и послушания» к цинскому императору. Особенно по душе пришлось цинам обещание Абылая (Кулана) задержать ходжу Джахангира (казнен в Пекине в 1828 г.), в течение девяти лет ведшего войну с Китаем за освобождение Кашгарии. Император вновь велел выразить одобрение бесстрашному *гуну*, отправить ему письмо и ответные подарки, а также обещать ему, что его отдельно щедро вознаградят в случае поимки им Джахангира.

Омский переводчик Бубеннов, в марте 1827 г. собиравший в Семиречье сведения о восстании Джахангира, застал в ауле Кулана посланца ходжи *юзбаши* (сотника) из Кашгара по имени Абдурахман-ходжа. Он выехал из Кашгара примерно 9 марта 1826 г. с товарами (бязью) и с письмами ходжи, в которых тот заверял о своем желании иметь дружеские отношения с соседними народами и обещал безопасность их торговцам на территории Восточного Туркестана. Уйгурский посол сообщил, что ходжа Джахангир надеется летом взять города Аксу, Кульджу и Турфан [Валиханов, т. 2, 346].

Кулан держал в руках торговлю с Кульджой, собирал с купцов, проезжающих через его кочевья, пошлину. Цинское правительство районировало торговлю с Синьцзяном, казахам позволялось торговать в Чугучаке (Тарбагатае) и Кульдже, но строго запрещалось торговать в кашгарских городах. Исключения делались крайне редко, для отдельных абылаевичей. Между тем, коней было очень выгодно продавать в Кашгаре, поэтому Кулана должно было заинтересовать предложение единоверца и потомка Мухаммада пайгамбара Джахангира ходжи. В то же время, он не мог игнорировать политические и торговые связи ни с цинским, ни с русским правительствами. Также он опасался наступления Кокандского ханства на Семиречье и пытался предотвратить строительство крепостей кокандцев и русских на казахских кочевьях. В этом он надеялся на дипломатическую помощь Цинской империи. Экономические интересы абылаевичей полностью совпали с интересами цинов, поскольку для формирования конницы цины рассчитывали на торговый обмен с казахскими феодалами, являвшимися крупными владельцами скота на границе. Авторитет ходжей и влияние религии в соседнем Кыргызстане были значительно сильнее, чем в Казахстане.

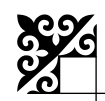


В январе 1828 г. Абылай (Кулан) передал в Кульджу новую важную информацию о вторжении кокандцев в кыргызские и казахские кочевья, о начавшемся строительстве ими крепости Пишпек (Бишпек, современная столица Республики Кыргызстан – Бишкек) после сбора урожая. Султан писал, что кокандский бек призывал казахов перекочевать к ним, обязал их собрать скот, но что он запретил своим родам покидать свои кочевья [Цин Сюаньцзун шилу, 131, 15 об. – 17 об].

В это время произошло четвертое вторжение Джахангира в Кашгарию. Илийский генерал-губернатор Дэина изучал вопрос о продвижении карательных отрядов из ближайшего караула Кеген (точнее, Хоргос) до Нарынского моста в Киргизии, находящихся друг от друга на расстоянии более тысячи ли (ок. 500 км).

Он считал, что отрядам следует запастись продовольствием на три месяца. В день обсуждения на Военном совете в Пекине вопросов по подавлению восстания Джахангира было составлено письмо императора Даогуана к Кулану. За передачу информации о тайных замыслах Джахангира, якобы собирающегося через казахские и кыргызские земли отступить в Бухару, султана наградили комплектом одежды с изображениями дракона и четырьмя большими кусками атласа. Кроме того, его призывали постараться захватить в плен и переправить Джахангира в Или, за что обещали щедрое вознаграждение – две тысячи слитков (锭) серебра, а также присвоение высокого титула *ван* – князь [Цин Сюаньцзун шилу, 131, 17 об. – 18 об.]. Это означало официальное признание Абылая (Кулана) правителем Старшего жуза и получение ежегодного жалованья. Однако, Джахангир так и не появился в казахских кочевьях, а кыргызы продолжали активно поддерживать ходжу, когда тот отступал и накапливал силы.

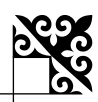
Трудно определить истинное отношение Кулана к восстанию уйгуров. В любом случае, он не мог согласиться с политикой Коканда в Семиречье. В то же время, у него не было основания быть против воцарения в Кашгарии Джахангира. Обещание Цинской империи признать его фактически ханом семиреченских казахов за помощь в борьбе с восставшими уйгурами и кыргызами не могло не тешить его самолюбие. Напомню, что за пять лет до этого, после смерти его дяди Вали хана, Казахское ханство было ликвидировано Россией, а титул хана упразднен. Цинское правительство перешло к титулованию потомков Абулмамбета. Россия не могла запретить этой практики, поэтому объявила, что цинское правительство может называть



их ханами на своей территории, но на русской – они останутся лишь султанами. Но абылаевичи стремились восстановить ханство.

Летом 1828 г. Абылаю было отправлено новое письмо Даогуана, которое свидетельствует о возникновении у цинов сомнений в искренности и лояльности султана. Оно составлено в другой тональности, явно чувствуется скрытая угроза. К этому времени были достигнуты успехи в деле подавления восстания Джахангира. В грамоте говорится: «В прошлом году кокандцы приглашали тебя перекочевать к Пишпеку, ты не согласился. О чем доложено императору. Тебя похвалили за почтительность и послушание, специально передали (императорские) дары. Ныне (нам) стало известно, что Коканд воздвигает эту крепость в целях обороны от нападений бурутов (кыргызов). Никакой другой причины нет. К тому же, как только разбойник Джан(гир) будет захвачен, все варвары начнут бояться (нас). Ты должен, управляя своими племенами, жить спокойно. Не следует, надеясь на мощь Небесной (цинской) династии создавать конфликты с Кокандом, а также с бурутами. Если же кокандцы вновь будут привлекать тебя сладкими словами, следует твердо держаться своей позиции. Не будь неразумным. (Только при этом) можешь надеяться на получение власти (и) вечной нашей милости. Если же, напротив, не будешь придерживаться уговора, а твои подвластные будут конфликтовать с другими варварами, по правилам Небесной династии мы ни в коем случае не должны вмешиваться в вашу дальнейшую борьбу, даже если ситуация потребует (нашей) помощи.

У Небесной династии нет никакого (законного основания) нести ответственность за исход войн твоего племени. В связи с этим, специально направляем императорский указ с категорическим (предупреждением). Трепещите и повинуйтесь, не пренебрегайте (им), чтобы не было повода преподнести вам урок» [Цин Сюаньцзун шилу, 137, 6–7]. Можно только гадать о причинах императорского гнева, излившегося в этом письме. Возможно, цинам с самого начала было известно, что посольство Кулана было направлено в Кульджу для выяснения их планов. Более того, для них не представляла тайны сильная поддержка Джахангира конницами кыргызских старшин: Атантая, Тайлака, Суранчи, Турдымамета и многих других. Во многом благодаря участию кыргызов, движение против цинского господства в Восточном Туркестане в первой половине XIX в. являлось наиболее длительным и мощным. Это признало само цинское правительство. Джахангир неоднократно скрывался в кыргызских аилах.



В 1825 г. цинский отряд предпринял вылазку в Кыргызстан, но был полностью разгромлен [Кузнецов, 1983, 77]. В июле 1826 г. цинский наместник в Кашгаре, Цинь Сян, покончил жизнь самоубийством. Ходжи вторгались в Кашгарию с отрядом в 200–300 человек, а в их восстании участвовали десятки тысяч местного населения, в их числе кыргызы.

И, скорее всего, письмо от 17 июля 1828 г. с угрозами султану Кулану было отослано после того, как опасность отторжения Кашгарии миновала, правда, на время. Кулан, вероятно, был свидетелем похода в Кашгарию старшего брата Джахангира – Юсуфа ходжи летом 1830 г. Он умер не позже 1832 г.

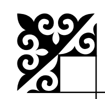
С другой стороны, султан Кунан явно активно афиширова**л** перед Омском поддержку его особы цинами, чем подал повод к усилению напряженности в отношениях между двумя империями. Как бы то ни было, Кулан по-своему боролся против завоевания казахских земель как русскими, так и кокандцами, сопротивлялся строительству чужеземных крепостей на прекрасных пастбищах Семиречья.

Политические связи с Цинской империей способствовали возвышению Абылая (Кулана), преумножали славу семиреченских правителей и доказывали их готовность заменить на троне кокчетавских и кызылжарских абылаевичей, частью перешедших на службу к России, а частью – отправившихся в ссылку и на смерть.

Абылаевичи второго и третьего поколений окончательно закрепились в регионе с его благоприятными климатическими условиями и пытались сохранить свою власть в сложной внешнеполитической обстановке. Они не теряли надежду на восстановление Казахского ханства.

3.2.4. Али (Гали), сын Адиля, внук хана Абылая

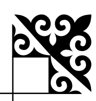
Султан Али (ок.1786 – не ранее 1867 гг.), второй сын Адиля в 40-х гг. приобрел большой авторитет среди своего народа. После смерти Кулана он стал главным правителем в Старшем жузе. В 40-х гг. султан управлял самым многочисленным и старинным родом Старшего *жуза-дулат*, а в конце своей жизни распространил свою власть на часть *шапрашты*. Его основная ставка находилась на Таласе, затем она переместилась к востоку – на левобережье Или (замечено пребывание аулов его детей до Кегена). Омские власти никогда не обделяли его своим вниманием, а в 1846 г. склоняли его к принятию российского



подданства вместе с его дядей Сюком. Ему в это время было около 60 лет, а всего он прожил около 95 лет. В 17 лет, в 1803 г., он ездил в Китай в составе посольства.

Али получил неплохое по тем временам образование, так как его отец Адиль часто проживал среди мусульман Центральной Азии: узбеков, таджиков. «Али кочевал на ташкентских землях и там немного нахватался цивилизации, но когда их потеснили, он вернулся в эти края», – пишет Янушкевич [Янушкевич, 112]. Похоже, что султан получил домашнее образование, которое заключалось в то время в изучении около двух лет азбучной грамоты, на третьем году – письма и каллиграфии и религиозных обрядов, а также избранных частей из Корана. Как правило, султаны хорошо знали внешний ритуал молитв и соблюдали его строже, чем простолюдины. Судя по всему, Али имел сведения о других книгах, в которых традиционно нагромождались религиозные и исторические факты. В своей речи он часто цитировал иудейского Соломона, других мудрецов Востока. Однако, не будет ошибкой, если скажем, что в образовании знати главное место занимали казахские исторические предания и сказания о подвигах их предков.

Мы можем составить себе представление о том, как выглядел султан Али. Имеются два групповых портрета работы Т. Аткинсона 1848 или 1849 гг., помещенных в двух книгах, в которых два совершенно непохожих человека названы султаном Али [Казахи. Лики народа, 514]. В надписи, несомненно, вкралась ошибка. На одной из картин изображены люди, на переднем плане перед которыми нарисован большой казан, а на другой – семья на фоне верблюдов. С правой стороны второй картины пририсован беркут. Если следовать записям автора картин Аткинсона, султан Бек был знаменитым охотником с беркутом, поэтому, более вероятно, что он и изображен со своей любимой ловчей птицей. Али Адилев был известен как образованный человек, к тому же он долгое время жил в Туркестане, выезжал в Ташкент, поэтому вполне понятно, что он и его семья изображены на фоне какого-то мавзолея в исламском стиле, а перед ними в левом углу картины помещен ритуальный казан. Однако и здесь возникают сомнения, так как в Казахской национальной энциклопедии под портретом с казаном сделана надпись «Алиолла султан», где слово «олла» после имени Али может означать искаженное «ұлы – сын», что означает «сын Али». Но в 1848–1849 гг. у Али не могло сына быть такого пожилого возраста, как мужчина в белом в центре картины, сыном может быть молодой человек в темном, изображенный сидя-



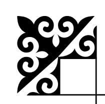
щим справа от Али [Ұлттық энциклопедия, т. 1, 514 б.]. Либо полное имя Али было Алиолла.

Из сыновей Али верно служили русским властям Аблес и Ералы султаны. Далее следы потомков Адиля в письменных источниках теряются, т. к. у этих султанов не было прежнего политического влияния. Однако это вовсе не означает, что потомки ханов забыли о своем высоком происхождении и предназначении господствовать. Были времена, когда ханское происхождение скрывалось. Фамилия Аблайханов встречается кое-где без указания их имен и родословной, поэтому есть большая вероятность того, что эту фамилию брали себе не только прямые, но и побочные потомки знаменитого хана. Надо сказать, что в советское время казахи редко давали своим детям имя Абылай, это поветрие возникло в 90-х гг. XX в., с обретением Казахстаном независимости. В русских документах XIX в. известен переводчик в Семиречье с фамилией Аблайханов.

У атамана Александра Дутова, возглавлявшего белое движение в Синьцзяне, в 1920–1921 гг. служил переводчиком полковник русской армии с этой громкой фамилией [Обухов, 207, 108]. Известно лишь, что он дружил в детстве с детьми известного татарского купца Чанышева, успешно ведшего торговлю в Чугучаке, Урумчи, Кульдже, Джаркенте и Семипалатинске. Это знакомство привело к убийству А. Дутова Касимханом Чанышевым, перешедшим на сторону Советов. Были еще купцы Абылхановы, чье происхождение мне не известно.

По сведениям русских чиновников, Адиль представляется умным и образованным, а наилучшим из его сыновей был Али (Гали). Об этом можно судить по записям поляка А. Янушкевича, который имел возможность близко наблюдать за султаном в течение нескольких дней, а также омского лекаря Ф. Зибберштейна. Отзывы же представителей русских властей об единственном дожившем до середины XIX в. сыне хана Абылая – престарелом Сюке – противоречивые. В то же время, русские чиновники единодушно отмечали, что Али является самым знаменитым из абылаевичей – как по своему влиянию, так и по значению в степи.

В 1822 г., вместе с другими султанами Старшего жуза, Али ходатайствовал о русском подданстве, на что последовал указ Александра I от 13 мая 1824 г. [КРО 2, 204–205, 214]. Конкретное выражение подданства до начала среднеазиатских походов русских войск заключалось лишь в общем доброжелательном соседстве и безопасном пропуске караванов российских купцов.

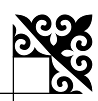


Однако Али, сколько это было возможно, придерживался равноудаленных отношений с Россией, Кокандом, Китаем, но в середине XX в. был принужден подчиниться военному превосходству России.

Восстание знаменитого потомка хана Абылая – Кенесары – перекинулось в Семиречье. Русские власти намеревались объединить правителей региона для борьбы с ним, для чего в долину реки Лепсы специально отправился с отрядом начальник Пограничного управления генерал-майор Вишневский. Али прибыл в лагерь по приглашению 2 июля 1846 г., а на следующий день ему при звуках трубы и шести выстрелов из орудия торжественно вручили патент на военное звание и медаль. Собственно, с этого времени он вместе со своими родами стал официально считаться подданным России, хотя его чин не предусматривал действительную военную службу. После окончания церемонии генерал-майор наедине беседовал с Али Адилевым почти 2 часа! [Янушкевич, 110]. Это было первым откровенным обсуждением Али с высокопоставленным российским чиновником политических вопросов после его письма властям Омска. Позиция Али в отношении хана Кенесары, которую он выразил достаточно твердо, совершенно не отвечала политике России. Сюк и Али до встречи с Вишневским успели съездить на совещание (кенес) с провозгласившим себя ханом Кенесары и целую неделю вели с ним переговоры. Султан Сюк в письме от 29 июля 1846 г. кратко изложил итоги поездки: «По приказанию Его превосходительства господина пограничного начальника ездил я сам за 5 дней до сего письма к султану Кенесаре с бием Тиленчею для внушения ему совета, который ответил мне, что он намеревается прозимовать на реке Или и что против российского правительства худого намерения не имеет, что он, кроме того имеет много врагов и заботится об охранении только самого, а потому пусть не гневается на него государь. Итак, в настоящее время он находится с народом своим на сказанной реке» [НОБ, 449].

Думается, что Сюк называет султаном именовавшего себя ханом Кенесары не только для того, чтобы угодить русским властям. Он, приходясь дядей Кенесары, не мог ввиду своего старшинства признавать права того на ханский престол. Во-вторых, он, как и все другие правители и старшины, подписавшие обязательство о союзе с Россией, считал, что неприсоединение к движению, возглавляемогму его племянником, отнюдь не означало, что они намерены предпринимать какие-либо конкретные враждебные шаги против него.

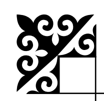
Возможно, Али ездил к Кенесары дважды, первый раз – не позже середины мая 1846 г., а второй раз – перед совещанием с Вишнев-



ским. Это стало тотчас известно в Омске, так как на р. Лепсы находился отряд есаула Казачинина, ожидавший там прибытие подкрепления с артиллерийским орудием [НОБ, 442–443]. Старшие султаны сообщили Кенесары, что вступили в переговоры с Россией о принятии подданства, в связи с чем просили мятежника покинуть территорию Старшего жуза. Без помощи семиреченских родственников посольство Кенесары в Китай в 1847 г. не могло бы проехать в Синьцзян, но в это время цины боролись против вторжения из Коканда семи белогорских ходжей. В целом, борьба против отторжения Восточного Туркестана длилась около 30 лет.

25 июня 1846 г. на встречу с генерал-майором приехал также сын Али, о чем написано: «Сын Али, султана Большой Орды, был со своими сородичами у генерала: серьезный молодой человек, хорошо одетый, в начищенных чамбарах, с сумкой, повешенной через плечо, в черном канфовом халате» [Янушкевич, 99]. Русским представителям важно было присутствие самого Али Адилева. Принятие российского подданства влиятельным султаном, управлявшим многочисленными родами Старшего жуза, облегчило бы дальнейшее продвижение России в Южный Казахстан и Киргизию. Кроме того, султан Али мог быть весьма полезным Омску в деле расправы над Кенесары.

Кенесары со своей стороны также стремился установить родственные отношения с Али, послав ему «весьма значительное число лошадей в подарок». Не являлись ли эти лошади своеобразной арендной платой за спокойное пребывание на землях Старшего жуза? Али не обещал военной помощи русским отрядам, тем не менее, он приехал на встречу с командиром военного отряда Нюхаловым 14 сентября, но вновь ограничился уклончивыми словами [НОБ, 450]. Али была противна сама мысль о братоубийстве, а его обязывали поддерживать Россию. Омск не мог ничего поделать, довольствуясь тем, что Али все же не оказывал большой помощи и противной стороне. Кенесары удалось покинуть район Балхаша и скрыться от карательных отрядов в недоступное для них междуречье Чу – Талас. Кыргызы также не желали приближения Кенесары на опасно близкое расстояние, они оповестили об этом султана Али через своего гонца [НОБ, 457]. Посылал людей к Али и есаул Нюхалов, чтобы разузнать о дальнейших планах Кенесары. Все стороны, каждая со своей целью, искали сближения с Али. Али было известно, как он сам выразился, о «волчьем нраве» родственника, но он высказывался за сохранение ему жизни. Надо сказать, что приглашение султанам

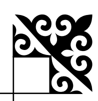


Али и Хакиму прибыть с почетными биями на место встречи в начале лета с Вишневским было отправлено своевременно, но султаны приехали с большим опозданием. Они, по-видимому, тянули время, рассчитав, что если поход против Кенесары не начнется весной или в начале лета, то он в том году может и вовсе не состояться. За это время Кенесары мог, как они предполагали, отступить в Китай.

Речь Али на съезде, созванном Вишневским, произвела большое впечатление на присутствовавших казахов, а также царских офицеров и чиновников, сопровождавших начальника Пограничного управления. Основное содержание речи Али передано тем же Янушкевичем. Из нее следовало, что Али считал дело Кенесары проигранным, не был он высокого мнения и о его характере, считая его чрезмерно жестоким. Однако, после встречи с Кенесары, он твердо решил не участвовать в русском походе против него. Али предлагал России выделить его сородичу землю для поселения, считая, что тот сам откажется от борьбы. Он не видел противоречия между отношением к врагу царской России и своей присягой верности: «Мы обязались быть верными России, но не сражаться со своим кровным родственником» [Янушкевич, 113].

Поведение Али и других абылаевичей показывало, что они не собирались оказывать военную помощь русским карательным отрядам. Примечательно, что имя Али после его взволнованного выступления среди значительных людей в свите Вишневского не упоминается. На байге, параде и приемах рядом с генералом из почетных гостей указан Сюк, а из простых – би Кунанбай, отец акына и мыслителя Абая. Следовательно, Али не остался на торжества после награждения и своего отказа примкнуть к карательной операции против двоюродного брата. Это вытекает из последующих событий.

Речь Али Адилева не осталась для него без последствий. Русские власти тотчас пустили в ход письмо старшин *жалаиров* и *шапрашты* с прошением об отделении их родов от власти султана Али и передаче их под управление султана Сюка. «Хотя определено было, чтоб всем уйсюновским народом, как-то: дулатовского и прочего рода, состоять под ведомством султана подполковника Алия Адилева, однако ж мы, по общем совещании с народом нашим положили намерение быть в отдельности от дулатовцев, и вследствие чего осмеливаемся покорнейше просить Ваше Превосходительство для управления нами *жалаирами* и *шапраштинцами* (родов асул-айкумовского) назначить главным султаном прежнего нашего султана

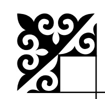


8-го класса Сюка Аблайханова…», – писали они [КРО 2, 318]. Письмо это, безусловно, отвечало политике России: дробило управление уйсинами, ранее находившимися во власти Абылая Адилева, но потом перешедшими к Али. Оно вновь подтверждает разлад в отношениях правящих семей, проживающих к востоку и западу от р. Или.

Все эти обстоятельства, благоприятные для завоевания Семиречья, сама дата написания (или получения) письма – 23 июня, почти сразу после вручения Али патента на высокое воинское звание, скорый отъезд Али с места встречи с пограничным начальником сибирских киргизов дают основание предположить, что письмо было инспирировано Вишневским с согласия Сюка. Омское начальство было прекрасно осведомлено о невысоких деловых качествах Сюка, которого и народ уважал намного меньше, чем Кулана и Али Адилевых. Братья эти были более независимы, чем Сюк, и стремились, по примеру своего деда, сохранять политическое равновесие между соседними державами. Ко всему прочему, кочевья Сюка непосредственно примыкали к Каркаралинскому и Аягузскому приказам и потому были более доступны для возведения здесь русского опорного пункта и дальнейшего продвижения в Семиречье. Внешне оказывая все почести Али, Омск исподволь вел политику разъединения родов Старшего жуза, шаг за шагом отнимая власть у тех, кто мог бы их объединить. Кстати, письмо родоправителей и документ о переходе их в российское подданство датируются одним днем – 23 июня 1846 г., что говорит о том, что Омск разработал несколько вариантов политических ходов для лучшего исполнения дела подчинения независимых до того времени семиреченских султанов, предотвращения их консолидации вокруг хана Кенесары.

Однако, Омск вынужден был считаться с авторитетом Али Адилева. В документе, подписанном казахами Старшего жуза с обязательством соблюдать мир с кыргызами, его подпись стоит первой, а Сюка – четвертой [КРО 1, 343].

Среди абылаевичей подспудно и открыто шла борьба за власть, за кочевья и новых подвластных. Откровенно неприязненно Али относился к султану Тезеку. В 1850 г. Тезек обязался от имени правителей казахов, кочующих в районе реки Или, возвратить скот, угнанный с китайской территории. На этот шаг его подвиг начальник Алатауского округа К. Гутковский, который хотел продемонстрировать китайским властям, что управляет казахами Семиречья и может гарантировать спокойствие на его южных границах. Среди воров были представите-

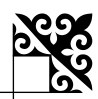


ли колена *дулат*, которые подчинялись Али, поэтому с них взыскивалось 6 верблюдов и 35 лошадей. В свою очередь, чтобы скомпрометировать Тезека, Али сообщил начальнику о том, что тот получил подарки от кульджинского цзянцзюня. Однако, подобные случаи не были новостью для верненских властей. К тому же, Тезек выполнял их поручение, так как перед заключением Кульджинского договора Россия хотела продемонстрировать, что она берет на себя ответственность за действия семиреченских казахов. К. Гутковский, всегда относившийся к Тезеку с симпатией, находясь в ауле Али, пытался лично разобраться с делом об угоне казахами скота из Синьцзяна и по возможности восполнить урон, понесенный цинскими подданными [ЦГА РК**,** ф. 3, оп. 1, д. 329, л. 14–18 об.].

На исходе зимы 1851 г. штаб отдельного Сибирского корпуса приступил к планированию военного похода за реку Или. Ожидались вооруженный отпор со стороны кокандцев и протесты китайцев, поэтому вновь началась активная переписка с приставом казахов Старшего жуза (в документах того времени казахов называли кыргызами, а Старший жуз – Большой ордой – *К.Х.*) Перемышльским. Он должен был позаботиться о присоединении к русскому отряду казахов, проживающих на восточном и западном берегах реки Или: Али и его детей, детей Сюка, султана Тезека, а также известных биев и старшин Старшего жуза. Командовать походом был назначен командир 6-го казачьего полка подполковник Карбышев [ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 2].

Осенью Перемышльский подал представление генерал-губернатору Западной Сибири о султанах и биях, проявивших усердие в военной кампании. Особо были отмечены сын Сюка Аблайханова – Джангазы и Али Адилев, а также подведомственные им би, которые доставили к условленному сроку верблюдов и лошадей, причем они отобрали лучших из имеющихся у них животных, не в пример Тезеку [ЦГА РК. Ф. 3, оп. 1, д. 29–31 об.].

Таким образом, казахи поставили скот для транспортировки продовольствия и оружия для русского войска. В секретном предписании и в письмах командира отдельного отряда Сибирского корпуса и генерал-губернатора Западной Сибири сделан вывод, что «совершенно положиться мы можем только на дулатов и джалаиров, которые более прочих в наших руках и без нашего (русского. – *К.Х.*) покровительства могут подвергнуться истреблению» [ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 33, л. 23 об]. К этому времени, похоже, Али султан окончательно обосновался в пределах Семиречья, подведомственных России, и в



войне с Кокандом оказался на стороне могущественного русского государства.

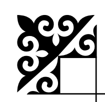
Новый кокандский бек безуспешно агитировал Али примкнуть к единоверцам и отступиться от неверных. Али поставил в известность об этом начальство Алатавского округа, переправив письмо бека в Верный (Кстати, потому оно и сохранилось в архиве. – *К.Х.*). Но ответное письмо султана кокандскому беку в деле отсутствует. Скорее всего, Али не счел возможным отвечать, поскольку это в глазах русского правительства оценивалось бы как предательство. Для казахов Семиречья, для их правителей безвозвратно прошли времена политического балансирования.

И все же, интересно привести здесь письмо кокандского бека (к сожалению, в переводе того времени) полностью:

«Старшему другу довольному нами, советнику нашему, исполненному сердечным добром султану Али, имеющему право на почет высокостепенному.

Познайте во-первых, о благоденствии нашем. С помощью всевышнего и всемогущего бога, с правами священных особ нашей страны и по желанию народа месяца Рабин-Ссани (ноябрь) в 6 день джумы мы взошли на прочный хокандский престол, взяв в руки как надлежит управление делами ханства. Первою заботою нашей было избрание рукою правосудия новых правителей, чем уничтожили мы бывшие доселе злоупотребления и обиды народу. Сделав доступными всем бедным наши законы. Мы сами лично вникали в просьбы народа, их нужд и тем успокоили нашу нацию.

С давнего времени вы, отвратив ваше лицо от ислама, ушли в русское подданство и мы понимаем, что единственно от обид и притеснений старого правительства. В настоящее время, когда эти беспорядки уничтожены и когда наступило новое покойное время, мы желали бы, чтобы вы провели остатки ваших дней не в земле неверных кяфиров, а пришли бы в наше мусульманское ханство, под нашу высокую защиту. Все ваши прежние просьбы насколько вам угодно, объявите лично мне, как верный наш подданный, и вы узрите премного наших милостей, по коренному нашему мухамеданскому закону. Если и есть за вами дела, противные этому закону, забудьте их и попрежнему сделавшись почетным человеком кочуйте мирно на своих местах. Несмотря ни на что, наше расположение к вам более, чем кому-либо из здешних и мы знаем вас из всех волостей и улусов как за преданного нам человека. На

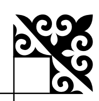


память посылаем вам почетный кафтан, пару белья, аракчин и платок. 1275 год хиджры (на обороте печать хана Маллябека). Переводил толмач Торчинов» [ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 32, л. 50–50 об.].

Царская администрация постоянно следила за связями Али Адилева с Кокандом, что отразилось в секретных предписаниях. Это было очень важно с точки зрения подготовки ташкентского похода царских войск и ввиду особенного расположения к султану его сородичей. В 1860 г. Гасфорт писал Колпаковскому, а тот по инстанции передал приказ командующему войсками Заилийского края Циммерману следить за происками Коканда в Казахстане, а также продолжать тайное наблюдение за казахскими правителями колен *албан, суан, джалаир, шапрашты*. Нетрудно заметить, что эти роды обитали на границе и на территории Синьцзяна. Гасфорт также предписывал постараться взять на всякий случай с их правителей заложников [ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 33, л. 33 об.]. Следовало выяснить, «виновен ли Али Адилев в предосудительных сношениях с неприятелем» [ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 33, л. 26–27 об].

В Омск**е** были получены сведения о совещании казахских правителей в Каргалы, где они обсуждали предстоящее вторжение России в пределы Кокандского ханства и согласовывали свое отношение к этой операции. Колпаковский должен был распорядиться об аресте прококандски настроенных старшин: прапорщика Дикамбая, биев Андаса Ачикея. В то же время, русские власти продолжали делать вид, что доверяют правителям, но старались пресечь все их связи с Кокандом и Китаем, не допустить выступления казахов на их стороне. Среди абылаевичей были сторонники Кокандского ханства, но самый яркий их представитель и русский офицер Чокан Валиханов вступил в действующую армию. Большинство абылаевичей предпочитали подчинение России, чем единоверному правителю, точно так же, как позже кокандцы в решительный для их ханства момент предпочли сдаться русской армии, чем позволить командовать вооруженным отпором аб**ы**лаевичам**,** потомкам султана Касыма, к примеру, султану Сыздыку. Тот отправился с Якуб-беком в Кашгар и участвовал в создании уйгурского государства Йеттишар.

Гасфорт в своей снисходительности пошел столь далеко, что отдал приказ составить отдельные списки для награждения представителей Старшего жуза и кыргызов, приписав: «но в самом умеренном числе, ибо большая часть из них заслуживает скорее наказания, чем награды». Эта фраза раскрывает многое в политике сибирских вла-

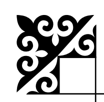


стей, вынужденных часто выдавать желаемое за действительное. Казахские старшины не выказывали большого энтузиазма в кокандских походах, за транспортные услуги и проводников требовали установленные ими цены. В ответ на письмо из Верного от 30 марта 1859 г. с просьбой о поставке 25 верблюдов и коней Али Адилев писал, что они желали бы за каждого вербюда получить 25 руб., за лошадь – 15 руб., а за услуги погонщика – 5 руб. серебром [ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 32]. Лично в сражениях русских с кокандцами со своими отрядами участвовали единицы, среди них султан Тезек и его 15-летний сын.

Тем не менее, за очень скромные услуги казахских султанов последовали награды, чтобы продемонстрировать их якобы преданность русскому правительству. Это делалось Россией в интересах большой политики во Внутренней Азии, вызванной соперничеством с цинским Китаем и Англией.

Обратимся к послужному списку Али Адиль оглы Аблайханова. Султан награжден русским правительством двумя золотыми медалями на аннинской ленте для ношения на шее, одна из которых украшена бриллиантами, а также светлобирюзовою медалью в память о войне 1853–5186 гг. Однако, он на службе русского правительства, подобно Чокану Валиханову, не состоял. А в должности старшего султана находился с 17 апреля 1847 г., за месяц до гибели Кенесары, тогда же награжден 343 рублями серебром. Произведен в чин полковника с 15 декабря 1859 г. [ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 197, л. 20 об. – 21].

В 1861 г. Али был награжден орденом Святого Станислава 2-й степени с мечами и грамотой. Этот орден выдавался царским правительством для отличившихся туземцев нехристианской веры.В рекомендации было сказано, что старший султан дулат-шапраштинской волости Али Адилев Аблайханов «самый большой в Большой орде родоначальник и самый исправный из числа трех старших султанов исполнитель распоряжений начальства, более 40 лет известен постоянною преданностью Русскому правительству». В 1867 г. точно такую же награду получил сын Али – султана капитан Аблес Алиев (также известен как Аблес Аблаев) [ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 619, л. 17]. В документе 1863–1864 гг. с описаниями отличий казахов Старшего жуза говорится: «Старший султан полковник Али Адилев Аблайханов – самый старый и самый почетный и влиятельный в Орде султан с полною готовностью содействует нашим экспедициям перевозочными средствами и назначением хороших вожаков и почтарей» [ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 197, л. 24].



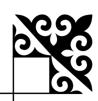
К концу жизни отношения Али с правителем албанов Тезеком не стали дружественными, в 1865 г. он жаловался, что тот собирал ясак с подвластных ему *дулатов* и *шапрашты* [ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 562, л. 48–48 об.]. В 1866 г. Али принял в свою волость на Тургени 100 семей (приблизительно 500 душ) калмыков, переехавших из Иссык-Кульского района, в связи с их тяжелым положением [ЦГА РК, ф. 3, оп. 1, д. 585, л. 5]. Казахи сдавали в аренду калмыкам земли на договорной основе. При возникновении конфликтов из-за земельных угодий между казахами русская администрация с удовольствием разбирала тяжбы, однако никогда не выдавала документ, удостоверяющий право любой стороны на спорную землю. Это говорит о далеко идущих планах колонизации Семиречья царской Россией.

Более поздние документы, имеющие отношение к Али, пока не обнаружены. Неизвестно, отошел ли он от дел в связи со старостью, или вскоре умер. С 1867 г. в документах фигурируют уже дети Али – Аблес и внук Ирали (Ералы), которые еще больше стали зависеть от русского правительства. Прорусская позиция Аблеса Адилева способствовала его служебной карьере, в 1862 г. он уже получил звание майора русской армии.

Давняя неприязнь кыргызов к их семье проявилась в том, что отряд рода *солты* под руководством манапа Булан-Чулака намерен был напасть на аулы Аблеса, разбить их, отогнать табуны и захватить его самого в плен. Однако Аблес, заранее получивший информацию об этом, хорошо подготовился к атаке, захватил почти всех нападавших вместе с их предводителем. За это сражение командир Сибирского корпуса предлагал наградить Аблеса серебряной медалью [ЦГА РУ, ф. И-715, оп. 1, д. 26, л. 112]. Военные столкновения между казахами Семиречья и кыргызами Коканда были в интересах русского правительства в период захвата региона.

Мы можем представить облик султана Али и его сына Аблеса по портретам, написанным английским путешественником Аткинсоном и русским художником Кошкаровым [Казахи. Лик народа, портреты №№ 10 и 58]. В них ничего нет примечательного, кроме важной посадки и внешнего сходства. В их обликах не проглядывается то благородство, о котором писали многие. Увы, внешность бывает обманчивой.

Таковы краткие сведения о жизни и правлении в Семиречье абылаевичей, оказавшихся в тисках китайской, европейской (славянской) и исламской цивилизаций, пытавшихся в этих условиях сохранить самостоятельность своих владений и обычаи предков.

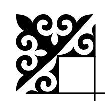


Переселение в Семиречье взрослевших сыновей было направлено Абылаем на обеспечение их уделами и попыткой расширения через них контроля над землями к югу и юго-западу от озера Балхаш. Им удалось закрепиться в регионе под эгидой главной орды, находившейся на севере Казахстана. Первые абылаевичи не могли оттеснить потомков хана Абулмамбета и построить крупный город, но они по мере своих возможностей отстаивали единство ханства в сложных геополитических условиях. После ликвидации Россией Казахского ханства и в период завоевания ею среднеазиатских ханств, отдельные представители ветвей этой многочисленной семьи оказались на разных сторонах, стали служить соседним государствам. В то же время, они не прекращали борьбы за сохранение своих привилегий, за расширение кочевий и подвластных им родов и колен Старшего жуза, стараясь заручиться покровительством России, Китая или Кокандского ханства.

Хотя земли и управляемые роды относились к Казахскому ханству, абылаевичи Семиречья до 40-х гг. XIX в. не являлись, даже формально подданными России. Их суверены – отец Абылай и их родной брат по отцу Вали номинально признали протекторат России, в то же время, они не прерывали отношений с цинскими императорами, которые в феодальном Китае классифицировались как «вассальные». Время от времени некоторые семиреченские абылаевичи признавали власть среднеазиатских ханов. Этот тип двойного и тройного «вассалитета» являлся анахронизмом в международных отношениях, однако оставался в то время достаточно эффективным средством для сохранения ханства. Семиречье под управлением абылаевичей как самостоятельный центр силы сформировалось в первой четверти XIX в.

Адиль и его дети вначале поддерживали более тесные связи с Кокандом и Кульджой, в зависимости от расположения кочевий каждого из них. С продвижением России в Семиречье, ввода русских войск они установили отношения с сибирскими властями. Первым среди них был Сюк. Дети Адиля, по примеру Сюка, также решили обратиться к покровительству России и в 1821 г. отправили посольство в Омск [КРО 2, 203–204]. В составе депутации назван султан Ирали (Ералы) Адилев, по-видимому, отсюда следует начать отношения этой ветви абылаевичей с Россией. В следующем году министру иностранных дел К.В. Нессельроде доложили о подготовке выезда депутации Старшего жуза в Санкт-Петербург.

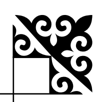
Абылаевичи имели разную степень авторитета и влияния среди кочевников, постоянно соперничали между собой. В зависимости от



того, к какой стране примыкали их летние и зимние кочевья, с той страной они и старались установить посольские и торговые связи. Абылаевичи исторически сложились и сформировались как правители трансграничных народов, которые состояли из родственных родов и колен, проживающих по обе стороны границ. Кочевой образ жизни этих народов не укладывался в жесткие рамки этих границ в современном их понимании. Поэтому абылаевичам было трудно предотвратить откочевки под руководством влиятельных старшин, а также нападения своих подвластных на поселения, пикеты, конные заводы Китая и России. Значительную часть переписки ханов и султанов с соседними странами занимают вопросы откочевок, угона скота и возвращения пленных. И в новом столетии международные связи султанов поддерживались способом, который определен мною, как челночный. Посольства отправлялись вместе с прибывшими посланцами и курьерами других правителей и правительств. Это было одним из методов обеспечения безопасности посольств и предотвращения международных конфликтов. С середины XIX в. русские посольства сопровождались отрядами казаков, которые также не гнушались разбоем [Урашев, 2013]. В то же время, в нескольких военных столкновениях между русскими и цинскими отрядами семьи Сюка, Али и других представителей знати выступали на стороне русских. Однако не следует преувеличивать эти эпизодические явления двусторонних отношений, в основе поступков султанов и старшин чаще всего лежали экономические выгоды и привилегии властвования.

3.2.5. Хакимбек султан

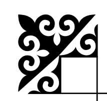
Султан Хакимбек (Акимбек, Хакимбек Кулов, Акимбек Куланов, Хакимбек Аблайханов, Гаким, Ацин, Ацинбокэ –) относится к третьему поколению семиреченских абылаевичей. Он не стал крупным деятелем, подобным своему отцу Абылаю (Кулану) и своему преемнику султану Тезеку. Тем не менее, он до самой смерти управлял своим уделом по обе стороны границы между Семиречьем и Кульджинским краем. Подвластные Хакимбеку *албан-суаны* имели временные или постоянные пастбища по всей долине реки Или на территории современной Алматинской области и Синьцзяна. Хакимбек был правителем трансграничного народа, это определяло характер его отношений с илийскими и сибирскими властями.



Султан Хакимбек является сыном Абылая (Кулана) и внуком Адиля. Точные годы его жизни неизвестны. Последний документ с подписью и печатью султана датируется 23 июня 1846 г. [КРО2, 322; НОБ, 1996, 446]. Умер он после затяжной болезни не позже 1849 г., в том же году состоялось утверждение Россией Тезека на должность старшего султана.

В 1846 г. каждый из семиреченских влиятельных абылаевичей управлял большинством родов Старшего жуза. Самым многочисленным был род *дулат,* им управлял второй сын султана Адиля – Али (Гали), *албанами* – Хакимбек, большинством *суанов* – Адамсат, *шапрашты* – султан Тюлек, *джалаирами* – Суюк Аблайханов. В Семиречье во главе рода Среднего жуза *кызай* стоял султан Бутек Абулфеизов, рода *байжигит* – Доломбай Сюков. Рустем (Абулфеизов, Асфендиаров, Тентекханов) управлял коленом *кучук* рода *жалаир* в долине р. Чу. Все эти правители являлись потомками хана Абылая (ум. в 1780 г.) и были ближайшими родственниками Вали хана. Главным среди султанов почитался Али, «как старший в роде и по летам», имеющий от остальных четырех «только уважение» [КРО 2, 325]. В данном случае слово «старший» надо понимать как «старший правитель», который созывал других султанов и старшин и имел право говорить от их имени. По возрасту же старше всех был Сюк, младший сын хана Абылая, приходящийся Хакимбеку дядей. В документах отражена установившаяся иерархия абылаевичей. Хакимбек, должно быть, был младше Али Адилева, не говоря уже об их дяде – Сюке, но старше Рустема.

Третье поколение семиреченских абылаевичей и два сына хана Абылая Касым и Сюк пережили ликвидацию ханства Вали, так или иначе участвовали в монархическом движении Губайдуллы (Абайдильды, Абулада). Меры по ликвидации Казахского ханства проводились практически на всем протяжении 40-летнего правления Вали хана. Сибирская администрация не смогла выполнить с рекомендации Санкт-Петербурга – не ограничиваться влиянием на избранного хана, но по мере сил стремиться влиять на процесс избрания хана, на сам ханский совет, чтобы он действовал угодно России, избирал того претендента, которого рекомендовали Оренбург и Омск. После смерти Абулмамбета Абылай, его сын Вали и их сторонники смогли скрыть на время от соседних держав, конкурентов и внутренних противников, факт смерти своих предшественников, а также таили собственные планы воцарения. Они провели ритуал избрания узким

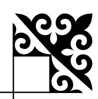


кругом приближенных и ограниченного числа симпатизирующих им немногочисленных представителей неподвластных им родов. Никто пока не может назвать поименно султанов, кроме братьев Вали хана, а тем более – влиятельных старшин крупных родов Старшего жуза, присутствовавших на проведении обряда поднятия на белой кошме Абылая и его сына Вали султана. Кроме того, отец и сын добились признания своего статуса другими странами, главным образом, династией Цин, а затем – династией Романовых.

Все интриги вокруг избрания казахских ханов мало отличаются от подобных дел в других государствах, в том числе, и в крупных соседних державах. Общественный и политический строй кочевников, разделенных на феодальные уделы, имел объединяющие их институты. Казахские правители придерживались правила, которому они старались следовать – признавать старшим из своей среды того, кто по времени ранее их всех добился ханского титула. Старший хан не мог управлять ими как чиновниками, и, тем более, подвластными им родами и племенами. Но все большие и малые ханы и султаны поддерживали регулярную связь со старшим ханом, обсуждали с ним международные дела и внутренние распри. Для них много значила даже моральная поддержка старшего хана, а, тем более, его участие в совместных предприятиях или согласие на их проведение. Казахи осознавали свою этническую общность, кроме того, правителей трех жузов связывали тесные родственные узы.

При Вали хане потомки хана Абулмамбета и султана Барака при удобном случае включались в борьбу за трон. Последнее обстоятельство облегчало для России проведение политики углубления разобщения между ними. Однако, Вали хан, Губайдулла (Абайдильда), Касымовичи, самый непокорный среди которых – Кенесары, рассчитывали на помощь семиреченских родственников. Семиречье оставалось их тылом, их прибежищем, через которое открывался путь в другие восточные страны.

За 40 лет правления Вали хана клан абылаевичей увеличился, им удалось укрепиться в Семиречье, они установили посольские и торговые связи с Кокандом, Бухарой и Китаем. Султаны Адиль, Али, Рустем управляли казахскими родами, проживающими в Ташкентском вилайете, Кокандском и Бухарском ханствах и долинах рек Сырдарья, Чу, Талас. Они принимали живейшее участие в войнах Ташкента с Кокандом – со своими конницами, составленными из поколений *дулат, шанышкыл, кыпчак* и др. Абылаевичи, а также кыргызские манапы

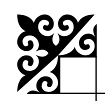


помогали среднеазиатским торговцам и посольствам выезжать в дозволенные цинским правительством города Синьцзяна, давали сопровождение русским купцам. В год упразднения ханства самый влиятельный брат Вали хана – Адиль уже ушел в иной мир (он скончался в 1815 г.), но были живы единокровные братья – Касым (ум. в 1840 г.) и Сюк (ему перевалило за 40 лет), входил в силу племянник Абылай (Кулан) Адилев, а его младшему брату Али было 35 лет. Они не хотели мириться с ликвидацией ханства, так или иначе, выражали свое несогласие и негодование. Абылаевичи и в политическом, и в экономическом планах были совершенно независимы от брата как сюзерена. Но сознание принадлежности к ханскому дому было сильным, как и понимание сохранения согласия в семье и клане.

Первым из семиреченцев обратился за покровительством к Российской империи Сюк султан, безусловно, чтобы напомнить о своих законных правах как прямого потомка хана Абылая. В 1818 г. омским властям удалось получить от него прошение о вступлении в подданство. Но оно, как преждевременное, не было пущено правительством в ход – по причине того, что в противовес Вали был параллельно признан ханом Букей – потомок султана Барака, а также потому, что сибирские власти еще не имели надежных рычагов для установления контроля над правителями Семиречья. У тех было сложное положение с юридической точки зрения, они признавали верховенство Вали хана, в свою очередь, признававшего суверенитет России и, одновременно, не отказывавшегося от вассалитета семьи от династии Цин.

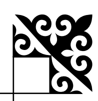
Выше говорилось об отношениях Абылая (Кунана) с Цинской империей. Хакимбек пошел по проторенному пути абылаевичей – после смерти отца, в 1829–1830 гг. он отправил самостоятельное посольство в Китай. В это время восстание ходжи Джахангира в Синьцзяне было подавлено, и цинское правительство смогло принять посольство в Кульдже. В составе посольства находился юный султан Тезек, названный в документе братом казахского *гуна* Ациньбека – Хакимбека [Чжун Э гуаньси данъань, т. 3, 8–11].

В 1832 г. цинский император прислал грамоту правителю *албанов* с выражениями соболезнования по поводу кончины отца, и сообщил о том, что распорядился отправить чай и вино для проведения поминок с жертвоприношениями, а также передать семье *гуна* Хакимбека 300 лянов серебра в знак утешения. В цинской дворцовой хронике Хакимбек (Ацинь) назван сыном Абула (Абылая, Кулана), и ему был передан наследный китайский титул *гун*, а брату Хакимбека – *тайд-*



жи Тэнали – павлинье перо второй степени, дабы он помогал *гуну* в управлении кочевьями [Цин Сюаньцзун шилу, 228, 17]. Сын Хакимбека Дурали, вероятно, родился после издания этого указа императора Даогуана. О наградах Тезеку в этом документе ничего не сказано. По свидетельству Ч. Валиханова, Хакимбек имел китайский титул *гун* с черным шариком на шапке [Валиханов, т. 1, 352]. После этого султан Хакимбек мог продолжать торговые отношения с Илийским краем, а также помогать устанавливать связи с илийским генерал-губернаторством другим казахским и среднеазиатским правителям.

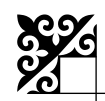
Русские власти также установили связи с Хакимбеком. Император Александр I в 1824 г. выдал грамоту «наместнику по управлению Албановскими волостями» Хакимбеку. Она была вложена «в бархатную папку, обложенную галунами, а к ней была привешена большая серебряная медаль. В грамоте зафиксировано обещание, освобождающее «на вечные времена Большую орду от рекрутства». Так пишет А. Гейнс, видевший документ в 1865 г., т. е. через 40 лет после его выдачи [Валиханов, т. 5, 273]. Это все, что известно об этой грамоте. Причины составления грамоты и выдачи ее Хакимбеку при жизни Кулана казахскими историками не изучалась. Смущает дата грамоты. Она была бы уместна для 40-х гг., когда оформлялось российское подданство главных правителей Старшего жуза (Большой орды), оговаривались и уточнялись условия этого подданства. Кроме того, все внешние связи находились в 20-х гг. в руках отца Хакимбека – Абылая (Кулана). Если дата документа верна, то можно предполагать, что Хакимбек по поручению отца оказал какую-то услугу сибирским властям, помог их посланцам выехать в Синьцзян. В те годы Россия пыталась отговорить семиреченских абылаевичей от поддержки монархических планов Губайдуллы (Абайдильды, Абалада) и способствовать пресечению попыток сородича связаться с Пекином. Но Губайдулла султан сумел отправить посольство в Китай и встретить в Казахстане посланцев императора Даогуана с грамотой о признании его ханом. Подобный обмен посольствами был бы невозможен без помощи пограничных казахских правителей. Следовательно, они, а в их числе и Хакимбек, выступали за сохранение ханства и наследных прав их фамилии на трон. Вооруженное сопротивление, дипломатические усилия, направление посольств и депутаций к пограничным начальствам и в столицы держав в поддержку Губайдуллы, а после него – и других претендентов, абылаевичами не прекращались. При этом, росло политическое и экономическое значение Семиречья в деле сохранения ханства.



Как бы то ни было, грамота Александра I об освобождении от рекрутства, адресованная султану Хакимбеку, показывает дальновидность планов России, а также ту роль, которая предназначалась в этих планах султанам Семиречья и лично Хакимбеку. На основании предоставленной ему привилегии Хакимбек мог отказаться от формирования отрядов и участия в войнах и карательных экспедициях русского государства. К примеру, от участия в вооруженном преследовании своего родственника Кенесары в 1846–1847 гг.

Русский офицер, поляк по происхождению, Адольф Янушкевич участвовал в 1846 г. в собрании почетных людей Старшего и Среднего жузов, проходившего под патронажем Пограничного начальника по управлению сибирскими казахами генерал-майора Н. Вишневского и оставил интересные записи. Генерал-майор провел большую подготовительную работу по привлечению султанов Старшего жуза в российское подданство. Он сумел собрать вместе биев Старшего и Среднего жузов (трех внешних окружных приказов: Каркаралинского, Аягузского и Кокпектинского) для разбора претензий. Как сообщал в Омск Али Адилев, казахи Аягузского окружного приказа совершили разбойные набеги на *уйсунов* в связи с их стремлением перейти в русское подданство, убили султана Сеилхана, бросившегося за ними в погоню. Султан Али требовал возвращения угнанного и ограбленного, возмещения убытков и выплаты *куна* за убитого султана [КРО 2, 314]. После удовлетворения всех недоразумений и возмещения убытков Вишневский взял отдельно от судей – *би* и *ага-султанов* Среднего и Старшего жузов их решение об отказе от взаимных претензий. Старшие султаны Аягузского окружного приказа – Булен Шанхаев и Каркаралинского окружного приказа – Кушпек Таукин доложили о прекращении вражды между родами их ведомств со Старшим жузом. При этом Кушпек Таукин лично присутствовал при судебном расследовании, но не преминул сообщить, что Кенесары находится в вершинах рек Коксу и Каратал, а приверженцы мятежника готовят нападение на его приказ [КРО 2, 317]. Продолжая выступать миротворцем, генерал-майор взял от правителей Старшего и Среднего жузов обязательства о сохранении мира между ними, а также от правителей Старшего жуза – с кыргызскими *манапами*.

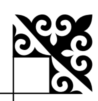
Затем Н. Вишневский выехал с представительной свитой, при специальном отряде при орудиях к урочищу Ойжайлау на берегу реки Лепса, чтобы привлечь казахов Семиречья к борьбе против Кенесары. К нему присоединились старшие султаны трех приказов в Сред-



нем жузе (они, кстати, хлопотали каждый со своей стороны о признании за ними титула *хан*). Тогда же им были выданы Н. Вишневским грамоты Николая I о принятии в российское подданство Старшего жуза. При этом Сюк, являющийся султаном рода *жалаир*, занимавший первое место в иерархии казахских родов, подавал прошение о переходе в российское подданство вторично после 1818 г.

Поляк на русской службе А. Янушкевич отметил, что Хакимбек является сыном Кирлана (искаженное Кулан? – *К.Х.*), управляет *албанами*, а его сын – *суанами* в 2000 юртах и, как простой человек, представлен русскими лишь к медали [Янушкевич, 1966, 102–110]. В другом месте этот же офицер упоминает, что Хакимбек отличался большой молчаливостью, не в пример другим абылаевичам [Янушкевич, 1966, 113]. Он исказил прозвище отца Хакимбека – Кулана, или султана Нурала – его брата. Жаль, что здесь не названо имя сына Хакимбека, также непонятно, почему к нему применено слово «простой», хотя тот представлен как правитель или старшина *суанов*. Надо ли понимать слово «простой» как «не чванливый», подобно другим абылаевичам? Или, же были сомнения в его принадлежности к белой кости? По какой причине на столь важной встрече Хакимбек отмалчивался? Знал свое место среди старших абылаевичей, либо в силу своего характера, либо потому, что он уже успел оказать помощь Кенесары, помог его посольству связаться с илийским генерал-губернаторством? Или молчал в связи с имеющимся на его руках указом об освобождении от рекрутства? В то же время, Хакимбек поставил подпись и скрепил ее своей печатью под общим заверением правителей других родов Семиречья не оказывать помощь Кенесары. Абылаевичи подписали бумагу после совещаний и согласований между собой. Они выражали несогласие в связи с ликвидацией ханства, но у них были разные взгляды на кандидатуру хана. Формально дав согласие не оказывать помощи Кенесары, они в то же время не намеревались выступить против него, а прибежище мятежнику и его приверженцам было к тому времени уже предоставлено. Кроме того, большинство абылаевичей не собиралось отказываться от сложившихся отношений с Кульджой. В то же время, все султаны видели выгоду в оказании помощи русским в их торговле с восточными странами.

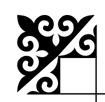
Обратимся к Представлению управляющего МИД К. Нессельроде, поданному на высочайшее рассмотрение, на котором император Николай I наложил резолюцию: «Исполнить. В С.-Петербурге, 17



дня апреля 1847 г.» [КРО 2, 334–335]. Вначале граф сообщил о том, что, согласно постановлениям 1846 г. было сказано генерал-губернатору П.Д. Горчакову «о проведении в исполнение разных видов наших на Большую орду», через которые проходят пути в Западный Китай, Кашгарию и Коканд. Для осуществления торговых интересов Старший жуз «будет приведен в совершенную зависимость от России». Но МИД считал нецелесообразным внедрение в Старшем жузе системы округов. Предлагалось утвердить отобранных четырех султанов «в начальствовании над их родами», с назначением жалованья наравне со старшими султанами Среднего жуза. Омской администрации следовало «привязать первенствующих киргиз (казахов. – *К.Х.*) личными выгодами к России». С другими султанами Сибири предлагалось поддерживать добрые связи, чтобы они поддерживали мирное отношение с купцами и относились к Китаю как к дружественной к России державой и не давали поводов к недовольству китайского правительства.

К предполагаемому месту будущего русского укрепления в Семиречье перевести казаков с Кузнецкой линии и назначить пристава из штаб-офицеров для осуществления им «политического надзора». Надо сказать, что особый пристав был назначен уже в следующем году, и ему не полагалось вмешиваться во внутренний распорядок жизни казахов. Он получал жалованье согласно таблице военных чинов и дополнительно 1500 руб. серебром в год столовых. Эти только «столовые» составляли сумму большую, чем годовое жалованье всех вместе взятых четырех утвержденных старших султанов Старшего жуза. Дополнение к окладу штаб-офицера и жалованье султанам положено было выплачивать из сметных сумм Министерства иностранных дел. Этот факт подчеркивает двойственность статуса султанов Старшего жуза и необходимость их посреднической роли в отношениях русского государства с западными окраинами Цинской империи. Поскольку о наследственных правах *ага-султанов* в указе умалчивается, понятно, что должности их носили временный характер с переходом в дальнейшем в разряд российского чиновничества.

Однако обоснованием для определения жалованья было «не приобретение нескольких лишних подданных и извлечения из сего каких-либо денежных выгод (не могущих, впрочем, быть значительными), а подчинение сей Большой орды влиянию России для видов торговых, установления, следственно, там желаемой тишины и спокойствия и чрез это самое установление безопасных торговых путей



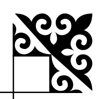
для распространения нашей (русской. – *К.Х.*) торговли с Западным Китаем, в особенности с Кашгарией, и с частью Средней Азии», – сказано в постановлении [КРО 2, 335].

В документе среди награжденных отсутствуют имена султанов колен *суан, шапраשты, байжигит, кызай,* но осталось имя султана Рустема. В «преданности» Рустема сомневались, так как стало известно, что он со своим отрядом примкнул к Кенесары в его сражениях с кыргызами. Как известно, в решающий момент Рустем покинул лагерь этого хана и, по некоторым сведениям, отрубленную голову Кенесары кыргызы якобы вручили именно ему, чтобы он передал ее русским властям. Для Российской империи решающим было расположение кочевий Рустема в долине реки Чу, так как оно намеревалось с признанием Старшим жузом ее владычества возвести укрепление на его территории. Вначале предполагалось построить это укрепление близ гор Каратау. Кроме того, прошел слух, что казахи рода *кипчак* собирались пригласить султана Рустема на «княжение». Их сородичи, среднеазиатские *кипчаки,* завоевали Ташкент и Коканд, с которыми Россия намеревалась установить торговые пути, одновременно с Илийским краем и Кашгарией. Но, в итоге, оно было построено восточнее, в урочище Копал, на землях подвластных Сюка Аблайханова.

Хакимбек также остался в числе четырех султанов. Летом 1846 г. на переговорах о Кенесары султаны Старшего жуза получили награды из рук пограничного начальника сибирских киргизов (казахов) генерал-майора Н. Вишневского: Гали (Али) – чин полковника с золотой медалью на андреевской ленте, а его племянник Хаким – с золотой медалью на александровской ленте, остальные – на аннинских лентах [КРО 2, 327]. Ни царское правительство, ни казахские султаны при этом не считали, что их поступок может как-то противоречить тому, что ряд султанов неоднократно получал китайские награды. Управляющий МИД России граф к Нессельроде весной 1847 г. подал прошение императору Николаю I о назначении жалованья Сюку, Али (Гали), Хакиму и Рустему наравне с султанами Среднего жуза в размере 343 рубля серебром в год [КРО 2, 335].

У Хакимбека были потомки мужского пола, старшего звали Дурали. Упоминается еще один сын по имени Увак Хакимбеков. В 1863 г. он выступал на стороне России в стычках с китайцами на границе [ЦГА, ф. 64, оп. 1, д. 196 л.]. Но они не избрались в старшие султаны.

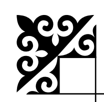
Согласно русским источникам, было несколько причин утверждения старшим султаном *албанов* родственника Хакимбека – Тезека. В



год смерти Хакимбека его первенцу Дурали было всего 16 лет, поэтому старшины рода *албан* выразили желание видеть старшим султаном Тезека, о чем они написали прошение исправляющему должность пристава при Старшем жузе капитану К. Гутковскому. Чиновник считал, что все сыновья Хакимбека и другие родственники «по летам или по уму не способные к управлению народов» повинуются Тезеку, «ум и деятельность которого замечательны». Об этом говорится в рапорте к Гутковского с грифом «секретно» от 11 мая 1850 г.]Махаева, 2006, 167–184]. Сибирские власти поддержали Тезека потому, что были благодарны за его существенную помощь в сражениях с кокандцами.

Итак, в глобальных стратегических планах России в XIX в. на Центральную Азию Казахстану по-прежнему отводилась роль «врат и ключей» к Китаю и Индии. В течение полутора веков она добивалась того, чтобы эти ворота и ключи к ним перешли в ее руки. Перед мировой общественностью создавалось мнение о сугубо торговых интересах России в регионе. Между тем, ни у сибирских, ни у столичных чиновников не чувствуется ни малейшего сомнения в постепенном установлении в жузе владычества России и, что все меры в отношении Старшего жуза середины XIX в. носят временный и переходный характер.

Хакимбек был правителем начального периода присоединения Семиречья к России, при котором приоритетными в политике были дипломатия и переговорные процессы. Международные интересы султана не простирались дальше интересов семьи, а русские и цинские чины и титулы рассматривались им как демонстрация его статуса, не отягощающие его обязательствами.

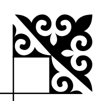


3.3. Хан Алтынсары в дипломатической переписке Российской и Цинской империй (1809–1874 гг.)

Значение, которое придавалось присуждению и признанию титулов казахских правителей, а также роль, которая предназначалась цинским правительством казахским титулованным особам, хорошо прослеживаются на материалах биографии малоизвестного в истории Казахстана правнука хана Абулмамбета – султана Алтынсары. Имя Алтынсары встречается в китайских и русских документах, охватывающих период правления четырех цинских и четырех русских императоров в течение 60 лет – в связи с дипломатическим казусом по поводу его статуса. События свидетельствуют о продолжающихся попытках казахских правящих домов сохранить свои политические права и хотя бы декоративную государственность.

Султан Алтынсары был подростком около 16 лет, когда его впервые привезли в Китай в составе внушительной казахской делегации, прибывшей для участия в торжествах по случаю юбилея пятого императора династии Цин. Личное имя этого императора – Юнянь, храмовое имя Жэньцзун, период его правления приходится на 1796–1820 гг. и называется Цзяцин. По сложившейся китайской исторической традиции и во избежание путаницы, цинские императоры называются именем своего правления, поскольку храмовое имя не упоминается всуе, а на личное имя накладывалось табу.

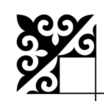
Период правления Цзяцин относится к третьему и последнему периоду могущества Цинской империи, когда приобретенные территории на западе и севере страны полностью находились под влиянием цинов, а колониальная агрессия западных стран еще не началась. Восстания уйгуров и других народов Восточного Туркестана, вспыхивавшие одно за другим, пришлись на периоды правления последующих правителей, так же, как и опиумные войны, навязанные Цинской империи Англией. Другие крупные соседние государства – Царская Россия в конце XVIII – первой четверти XIX вв. продолжала отношения с казахскими правителями через Коллегию иностранных дел, а Кокандское ханство находилось в процессе образования. Цзяцин справился с задачей сохранения земель, захваченных его предками – императорами Канси и Цяньлуном и укрепления власти маньчжуров на национальных окраинах. Два ответвления возрожденного северного участка Шелкового пути, первый – тянувшийся от Ланьчжоу на реке Хуанхэ и далее через Казахстан по долинам рек Чу и



Талас до Ферганской долины, и второй – по левобережью Иртыша и через Семиречье до Центрального Казахстана, отвечали экономическим интересам феодальной казахской верхушки. Одновременно, преимущественно по этим же маршрутам, осуществлялись их дипломатические связи с цинским Китаем. Новогодние праздники по лунному календарю, а также круглые даты юбилеев императора были отличным поводом для определения настроений ханов и султанов, уточнения их политических и экономических интересов, а также взаимного обмена подарками. Во время проведения торжеств цинские императоры лично беседовали со знатными гостями и оказывали им другие знаки благоволения для укрепления отношений, что отражалось в записях дворцовой хроники [1].

Осенью 1809 г. в летнюю резиденцию Бишу шаньчжуан в Жэхэ прибыли посольства многих народов Восточной и Центральной Азии. Среди них были и представители влиятельных казахских правящих домов: султана Тогума – сына хана Болата, ближайших родственников Вали хана, Абулфаиз султана. Император Цзяцин 4 октября 1809 г. издал несколько указов, относящихся к Казахстану. Один из указов гласил, что династия Цин официально признает сына почившего хана Болата – Тогума новым казахским ханом. Второй указ был о том, что официальным наследником хана Тогума объявляется его сын султан Алтынсары, который имеет право сесть на трон после смерти отца [1, 267–268; 2, цз. 217, л. 1–1 об.]. Третий указ имел отношение к послам Вали хана, который просил признать его наследником султана Габбаса, что наводит на мысль о том, что цинский двор принимал посольство хана Тогума, потомка Абулмамбета, вместе с посольством сына Абылая – Вали хана. Следовательно, наследные дела были согласованы с этим казахским ханом. Это было большой поддержкой Вали хану со стороны цинского правительства в преддверии подготовки ликвидации ханства русским императором. Но, возможно, в какой-то степени и острасткой сыну Абылая, имевшему в то время более тесные связи с российской стороной.

По возвращении после юбилея домой Алтынсары незаметно прожил большую часть своей жизни, ничем особо себя не проявляя и никак не привлекая внимание ни китайского, ни русского правительств. Судя по последующим событиям, все потомки хана Тогума и его наследник Алтынсары продолжительное время не имели прочных отношений с Китаем. Если их торговцы и выезжали в Синьцзян, то могли это делать не самостоятельно, а присоединяясь к карава-

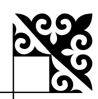


нам Вали хана, других феодалов восточных казахов, возможно, также, Кокандского ханства.

Об Алтынсары цинское правительство вспомнило по прошествии нескольких лет. После неудачи с вручением ханского ярлыка Губайдулле Валиханову в 1822 г. цинское правительство решило не отказываться от практики титулования казахских ханов и, в поисках другой подходящей кандидатуры, извлекло из архива дело хана Тогума. В это время на трон сел новый император – Даогуан, а обстановка на пограничных окраинах вскоре была дестабилизирована вторжением в Кашгарию войск ходжи Джахангира.

Получив официальное известие о смерти хана Тогума от одного из его ближайших родственников – Джангира, который назван братом Алтынсары, илийский генерал-губернатор тотчас доложил об этом Военному совету. Вскоре последовал указ императора Даогуана от 9 луны 1826 г. о присвоении ханского титула старшему брату Джангира – Алтынсары [3, цз. 105, л. 42–43; цз. 106, л. 15–16]. Для того, чтобы передать ханский титул официально утвержденному еще 20 лет тому назад наследнику, а также для того, чтобы заручиться лояльностью Алтынсары, Илийский генерал-губернатор, согласно установившейся традиции, должен был позаботиться о приезде в Пекин одного из его сыновей. Военный совет рекомендовал устроить визит в начале весны 1830 г., приурочив его к новогодним торжествам. Однако, как уже упоминалось выше, с Алтынсары в течение 17 /4/ лет цинское правительство не имело никаких связей. Поэтому вначале следовало отыскать самого Алтынсары, а также его первенца, или любого из его родных детей. Об этих, планах, а по выражению западно-сибирской администрации – «происках» китайских властей, сохранились сведения и в русских архивах [7, ф. 338, оп. 1, д. 659].

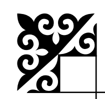
В начале декабря 1827 г. в Омске от частных лиц стало известно, «что по повелению китайского богдыхана предположено возвести в киргизской степи на ханство султана Алтынсары». Когда до Алтынсары была доставлена весть (что само по себе являлось в то время весьма нелегким предприятием) о намерении цинского двора передать ему патент на ханство, султан с небольшой свитой прибыл в кочевье своего родственника султана Сарта Ючина (о нем разговор отдельный. – *К.Х.*), пребывающего в кочевьях у реки Аягуз. Отсюда он мог легко связаться с властями города Чугучака (Тарбагатая), куда регулярно выезжали семипалатинские купцы. Встревоженный этой новостью, Омский областной начальник писал Семипалатинскому окруж-



ному начальнику: «Поелику известие сие по важности своей требует точнейшего удостоверения, то и поручаю Вам, Ваше благородие, без малейшего упущения времени распорядиться секретным образом разведать по сему обстоятельству и донести мне в непродолжительном времени со всею подробностию и основательностью».

Решено было направить в ставку Сарта Ючина конфедеранта – татарского купца – для сбора достоверных материалов. Вскоре в Омск из разных источников стали поступать сведения об обстоятельствах связи султана Алтынсары с администрацией Чугучака. Старший султан Аягузского округа Сарт Ючин, как российский чиновник, в то же время имеющий китайский княжеский титул, со своей стороны также вынужден был сообщать российским властям о делах своего родственника. От него стало известно, что Алтынсары получил грамоту цинского императора о том, что в связи со смертью его отца Тогума 3 года тому назад, он наследует ханский титул, который тому достался некогда от его отца хана Болата – деда Алтынсары. Цинское правительство намеревалось совершить полный церемониал возведения Алтынсары Тогумова на ханство по принятым правилам: вначале провести поминки по его отцу («приличную азу»), а затем – конфирмацию нового хана, Чугучакский хэбэй-амбан (главноуправляющий Тарбагатайского округа Синьцзяна) приглашал Алтынсары прибыть ближе к городу Чугучаку, к горам Тарбагатай для совершения этих двух церемониалов приблизительно к 19 декабря 1827 г. Он сообщил, что китайское посольство доставит туда серебро, шелка и другие вещи, а также продукты, среди которых особо упомянут рис (сорочинское пшено). Когда купец-осведомитель зимой 1827 г. прибыл к султану Сарту Ючину, чтобы выполнить тайное поручение омского начальства о намерениях и действиях Алтынсары, то оказалось, что он опоздал: Алтынсары уже отбыл из ставки Сарта Ючина и устроился поблизости от китайской границы в кочевье султана Бопы – сына Абулфаиза. Зимовка того находилась в урочище Мамырсу вблизи Тарбагатайских гор. При султане Алтынсары находилось человек 12 его приближенных туленгутов, три почетных бия: Торекан Исенбаев, Джамгурча Гангельдин, Баянбай Буронбаев, а также молодой султан Убий – сын Мурата султана. Так искаженно записаны имена приближенных Алтынсары русским толмачом того времени, надеюсь, историки Казахстана идентифицируют этих людей.

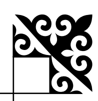
Сохранились записи и о внешности Алтынсары. Это был мужчина лет 34-х (отсюда следует, что он родился ок. 1793 г.), лицом смуглый,



«вид имеет не очень острого человека», никогда не был замечен в притеснениях русских и кокандских купцов, т. е. никогда не был уличен в их грабеже. Он жил неприметно у себя в кочевьях, не имея тесных связей ни с кем, соединяясь с другими родами только при прикочевке к рекам Ишим и Нура в летнее время. Зимние его стойбища также находились в отдалении от китайских пределов, что и явилось причиной отсутствия в Кульдже каких-либо точных сведений о нем, его семье и его роли в политической и общественной жизни Казахстана. Но он имел наследственные права на трон, что и привлекло к нему внимание цинской династии, решившей причислить его к своим вассалам.

Китайское посольство, прибывшее для вручения грамоты Алтынсары, состояло из 120 человек во главе с крупным чиновником. Однако оно не могло пройти через местность Улуяр в связи с большим снегопадом и возвратилось обратно в Чугучак. Все же оно успело уведомить через верных казахов Алтынсары о том, что церемониал непременно будет проведен, сроки же его переносятся на конец февраля 1828 г. Узнав об этом, Омск решил вновь направить на границу своего конфедеранта, вновь положив ему за услуги вознаграждение в 170 руб., немалую сумму для того времени.

Начальник Семипалатинского внутреннего округа полковник Кемпен от многих слышал, что Алтынсары не имеет авторитета среди своих родовичей, мало известен в Казахстане: «... он неславен и от прочих орд тоже мало имеет уважения, ...он и на волость свою мало имеет влияния, да и вовсе сия почти выходит из повиновения его». В то же время, не было замечено за Алтынсары никаких «шалостей», т. е. случаев неповиновения или проявления враждебности по отношению к сибирским властям. Находился султан в Алтай-аргынской волости, в летнее время прикочевывал к горам Улытау и Кишитау, зимовал у реки Дарьи (?). Это были родовые кочевья дома хана Тогума (умер ок. 1824 г.), сына Болат хана, внука Абулмамбета. Правда, среди зимовок Тогума упоминаются и урочища в Тарбагатайских горах. Кочевья Алтынсары находились далеко от российских линий, он никогда не приезжал для торговли или по другим делам в Тобольск и Омск, ни, тем более, в синьцзянские города. Вероятно, у него не было больших стад скота. Сибирские власти уверились в том, что в поле зрения китайской дипломатии он попал лишь в связи со своим происхождением и благодаря тому, что его дед и отец в свое время получили ханские ярлыки, выданные цинским правительством. В

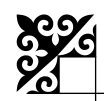


этих ярлыках непременно отмечались специальным указом их прямые наследники. Алтынсары еще в 1809 г. был записан наследником своего отца Тогума, с чем был связан его приезд в Китай в подростковом возрасте, о чем сказано выше.

В связи с далеко идущими планами цинского правительства, Алтынсары привлек к себе опасное внимание русских пограничных властей и, сам не желая того, попал в фокус китайско-российских отношений. Между тем, в 20–30-е гг. XIX в. политика Цинской империи активизировалась в связи с намерением России упразднить ханство в Казахстане, а также в связи с политикой Кокандского ханства в регионе. Кокандское ханство, несмотря на постоянные дворцовые интриги, завершавшиеся иногда ханоубийствами, начало завоевание Семиречья и усилило политику проникновения в Китайский Туркестан, оказывая моральную и материальную поддержку уйгурским религиозным вождям – *ходжам* в их борьбе за Восточный Туркестан. Илийский генерал-губернатор Юй Линь предлагал Военному совету нанести решительный удар Коканду, чтобы обеспечить безопасность управляемому им краю. Другая важная цель Юй Линя – помешать Коканду завоевать киргизов и казахов, для чего он под предлогом поимки «мусульманских бунтовщиков» предлагал ввести отряды в район междуречья Чу – Талас [Ли Чуньхуа, 1996, 148].

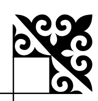
В 1825 г. основная деятельность цинского пограничного командования была направлена против Кокандского ханства. Поэтому большое значение стало придаваться весенне-осеннему объезду цинскими пограничными отрядами караулов на границе с казахскими и киргизскими владениями, а также встречам и переговорам офицеров и чиновников с местными правителями и старшинами. Государственное значение придавалось возобновлению связей с ранее титулованными казахскими и киргизскими правителями, а также присуждение титулов их новым старшинам, чтобы увеличить число своих сторонников и доброжелателей.

Китайское посольство во главе с сановником в чине, соответствующем русскому полковнику, прибыло 5 мая 1828 г. с охраной из сотни калмыков (ойратов) и разбило 15 белых и синих китайских палаток невдалеке от аула Бопы Абулфаизова. Бопы правил найманами Сыбановской волости и имел постоянные посольские и торговые связи с г. Чугучаком. Несомненно, он поддерживал политику цинской династии в отношении казахских правителей. Алтынсары на этот раз прибыл в аул родственника к назначенному сроку.



Утром китайский посол зачитал Алтынсары указ цинского императора о признании его наследственных прав, а днем прислал императорские подарки. Татарский купец, имевший задание Омска разведать все подробности встречи, среди подарков назвал 100 кусков маломерной бязи, 2 куска ткани манлык (императорский шелк с изображением драконов), 8 кусков шелковых с цветами канф разного цвета, 14 аршин русского вельвета. На другой день были доставлены подарки и посреднику в переговорах представителей китайских властей с Алтынсары – Бопы султану: 50 кусков бязи, 2 ткани манлык и 5 кусков канф. Затем глава посольства заявил о желании получить от Алтынсары бумагу, удостоверяющую получение им императорских даров. Вышеперечисленные подарки были такого рода, что несомненно видно их предназначение, особенно белой бязи, которая употреблялась мусульманами в траурном обряде, а также для шитья повседневной мужской и женской одежды. Однако казахский султан неожиданно заупрямился и выразил недовольство тем, что количество даров не соответствует получаемому им сану. Ему было известно, что обычно для поминовения отца наследника ханского престола цинские власти выдавали 12 ямб серебра, а также не 2, а 4 куска манлыка и 8 кусков канфы. Затем, во второй раз «небесные подарки» преподносились при вручении самой грамоты на наследование титула. Отец Алтынсары Тогум наследовал после смерти деда Болата титул «ван» и рассказы об этом, а также о числе получаемых при этом случае подарках императора могли остаться в семейных преданиях и пока не обнаруженных историками документах.

В ходе переговоров китайский посол объявил, что вскоре султану будут дополнительно отосланы 5 ямбов серебра и приглашение Алтынсары прибыть на аудиенцию к императору. В докладе западно-сибирскому генерал-губернатору с отчетом об этом инциденте начальник Омской области также специально отметил, что «Алтынсары требовал настоятельно по прежним обыкновениям обрядов и даров, какие совершались при поминовении об умерших ханов и при утверждении новых». Однако, подводя итоги дипломатического демарша цинского правительства, царский чиновник счел нужным сказать: «Обстоятельство сие, хотя впрочем довольно обыкновенное, в порядке принятых китайцами отношениях к киргизским султанам, а при том неоднократные примеры подобного возведения их на разные степени чинов и званий не обнаруживали ничего, кроме желания китайцев удерживать киргизов, кочующих в смежности с их владениями в мни-

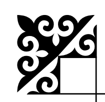


мой зависимости своей...». Иными словами, политика Китая была направлена также на сохранение своей власти в Синьцзяне и велась в интересах безопасности границы.

Юноша, записанный в русских источниках под явно искаженным именем Убий и присутствовавший при переговорах Алтынсары с китайским посольством, указан как сын султана Мурата. И он, по принятым правилам, несомненно, предназначался Алтынсарой в заложники цинскому двору. Оказалось, что Алтынсары дважды присылал своего сына Чжахаламайтэ (Жалгамамбет? – *К.Х.*). на встречу с китайскими чиновниками в Синьцзяне, при этом называл себя в письмах ханом и дважды преподносил от своего имени в дар императору породистых коней.

Случай с конфирмацией султана Алтынсары показывает, что цинское правительство после инцидента с Губайдуллой, закончившегося для последнего трагически – султан и его сын были арестованы царскими властями и сосланы в Березов – не собиралось отказываться от своей многолетней практики титулования казахских феодалов. Точно также и казахские феодалы для сохранения своей власти и казахской государственности продолжали придавать этим обрядам большое политическое значение. Так материализовался их протест против царской России, лишавшей их законных прав на трон, на управление своими сородичами и своей страной. Подобные настроения послужили одной из причин мощного восстания, возглавляемого Кенесары ханом – современником Алтынсары. Однако на этом дело с Алтынсары не закончилось. Оно имело свое продолжение, показавшее, что между казахскими феодалами разгорелась борьба за получения титулов, в том числе, с целью завладеть пастбищами на территории Монголии и Синьцзяна, находящихся в пределах Цинской империи.

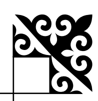
Обычно цинское правительство жаловало разные чины и титулы преимущественно потомкам хана Абылая, который стоял у истоков казахско-китайских связей. Затем оно решило расширить круг титулованных казахских ханов, включая в их число потомков Абулмамбета, среди которых были феодалы, ничем не проявившие себя в степи, а также не имевшие никаких связей с Синьцзяном. Вновь интерес цинских властей к личности Алтынсары возобновляется в середине и в начале 70 гг. XIX в. – период подготовки Кульджинского (Илийского договора) 1851 г., когда решался вопрос об открытии городов Кульджа и Тарбагатай для русской торговли и праве России привлекать казахов к юридической ответственности за правонарушения. Затем вопрос об Алтынсары временно заглох, но вновь приобрел остроту в связи с



новым этапом территориального разграничения между Российской и Цинской империями на западном участке границы. Цинская сторона продолжала возлагать большие надежды на факты титулования казахских правителей, стремясь в дальнейшем предъявить свои права на районы их проживания.

В 1855 г. в Пекине на Военном совете в присутствии императора и в Кабинете министров (Нэйгэ) обсуждался доклад Тарбагатайского цанцзань дачэня Ин Сю о ходе расследования дела о наследовании ханского титула Алтынсары. Ин Сю докладывал, что им получено письмо от Алтынсары, который якобы просил передать ханский титул его племяннику по имени Чотан (Чотан, Чаотан – очевидно, искаженное Шортан), так как сам он достигнув преклонных лет, уже не в силах управлять казахами [5, цз. 32Б л. 20–22]. Китайское правительство решило поступить согласно просьбе хана. Но дело это оказалось непростым. Последующие события показали, что цинское правительство было преступно введено в заблуждение этим Шортаном. Как оказалось, никаких писем цинским властям с отречением или с каким-то отказом от ханского титула Алтынсары никогда не писал. Выяснилось, что письмо было сфабриковано Шортаном и поддержано маньчжурскими толмачами за определенную мзду. В связи с этим было заведено уголовное дело, длившееся несколько лет. Цинское правительство в тот период по-прежнему не имело представления о том, где находятся Алтынсары со своими сыновьями. Но точно было известно, что у Алтынсары был сын (старший? – *К.Х.*) по имени Чжахаламайтэ (Жалахмет? – *К.Х.*). Через 4 года после этого события из архива вновь было извлечено это дело – в связи с тем, что новый тарбагатайский наместник поднял тревогу, выяснив, что Шортан является племянником Алтынсары по женской линии, а не по отцовской, т. е., что он является сыном одной из его сестер, а не родного брата. Вопрос о подложном письме от имени Алтынсары и обмане с вопросом о родственных связях вопрос обсуждался в Военном совете, главном политическом органе Цинской империи, настолько важным он представлялся для государственных интересов. Тем более, что 31 августа 1859 г. (в 8 луне 9 года правления Сяньфэн) последовал указ императора о награждении Шортана шляпой с плюмажем из двухочкового павлиньего пера, т. е. присуждение ему звания офицера дворцовой гвардии. В этом указе Шортан уже именуется казахским ханом [4, цз. 171, л. 26]. Но и этим интрига себя не исчерпала.

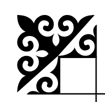
В следующем году против тарбагатайского наместника Ин Сю было возбуждено уголовное дело в связи с поджогом русского торгового



круга в Чугучаке. Одновременно с этим против него было выдвинуто обвинение, что он не удосужился тщательно разобраться с прошением Алтынсары с его якобы отказом от ханского титула, а поверил на слово местным толмачам, которые небескорыстно добивались присвоения ханского титула Шортану [5, йз. 290, л. 12 об.]. 28 января 1861 г. уголовное дело против Ин Сю еще не было завершено, хотя его и лишили всех должностей. На этот раз цинское правительство рекомендовало устроить в Синьцзяне очную ставку Шортана с Алтынсары. В случае же, если Алтынсары ввиду престарелого возраста не смог бы прибыть в Тарбагатай, то добиться приезда его сына Чжахаламайтэ [5, цз. 306, л. 20 об. – 22; цз. 326, л. 18–19]. Следовало любой ценой добиться приезда Алтынсары ввиду исполнения пунктов русско-китайского Пекинского договора о делимитации западного участка границы. Ввиду особой важности, дела, дела с титулованием казахских правителей решались местными властями без соблюдения принятых бюрократических формальностей.

Итак, в 1862 г., через 30 лет после присвоения титула Алтынсары, китайцы вновь приступили к розыску его самого, а также его сына (сыновей), имен которых они точно не знали. В Казахстан с заданием отыскать следы Алтынсары и его семьи был тайно отправлен казахский аксакал (старшина) Хоцзякай. Кроме того, было отправлено письмо западносибирскому генерал-губернатору с официальным извещением о том, что прямой потомок хана Среднего жуза Алтынсары в свое время получил титул хана от китайского правительства, осенью 1861 г. [4, цз. 4, л. 9]. Таким образом, цинское правительство стало играть в открытую, поставив царское правительство в известность о своих намерениях. Дело приобретало характер международного скандала.

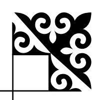
Западно-Сибирское генерал-губернаторство направило ответное письмо в канцелярию Кульджинского генерал-губернатора, в котором писало, что казахи приняли подданство Российской империи в 1738 г., что с того времени титул хана в степи отменен, что Алтынсары является ханом-самозванцем, что он имел постоянное проживание в пределах русского государства, и что русское правительство всегда считало и продолжает считать его лишь одним из султанов. На этот раз цинское правительство официально было уведомлено о том, что Алтынсары является подвластным России. Оно все же позволило себе выразить удивление по поводу того, что султан продолжает называть себя ханом, несмотря на то, что царское правительство утверждает об



упразднении института ханства в Казахстане. Но до завоевания Центральной Азии, Россия не могла запретить Цинам признавать за Алтынсары ханский титул и принимать его посольства в Китае. Цинское правительство из этого сделало для себя важный вывод, что Россия намерена претендовать на юго-восточные казахские земли. Между тем, в цинском дворцовом хранилище сохранились документы, подтверждающие то, что Алтынсары дважды: в 1855 и 1856 гг. присылал своего сына Чжахаламатэ (Жармухамет? – *К.Ш.*) в Китай. При этом он называл себя в грамотах ханом и оба раза преподносил в подарок императору коней, что символизировало в глазах цинского правительства даннические отношения между цинским императором и казахским ханом.

К тому времени вопрос осложнился в связи с тем, что на титул хана казахов Алтая и Монголии стал претендовать некий Шортан, выдававший себя за племянника хана Алтынсары. Кочевья Шортана находились в Монгольском Алтае, на территории Цинской империи, он имел многочисленных родовичей, а подвластные ему казахи обитали также в Тарбагатайском, Алтайском округах в Синьцзяне и Улясутайском округе в Монголии. Шортан обладал реальной властью, с которой цинские власти принуждены были считаться. Как бы то ни было, несмотря на заведенное на него судебное расследование за подложное письмо о якобы отказе Алтынсары от ханского титула и намерении передать его этому старшине, длившееся более 10 лет, цинские власти примирились с узурпацией власти Шортаном. Они вынуждены были признать его ханский титул в связи с продвижением вопроса о территориальном разграничении.

В то же время, Пекин не отказался от признания законных прав Алтынсары и его сына. Поиски Алтынсары и его потомков цинской стороной не прекращались. В своем докладе от 10 октября 1861 г. Военному совету тарбагатайский цанцзань дачэнь Мин Сюй писал: «Покорнейший слуга уже докладывал 27 числа 3 луны (6 мая 1861 г. – *К.Х.*), что согласно высочайшему указу направил посыльных в разные казахские кочевья, чтобы выяснить место проживания Алтынсары и его сыновей. В высочайшем указе от 3 числа 6 луны (10 июня 1861 г. – *К.Х.*) по-прежнему (нам – рабам) повелено продолжать тайный розыск Алтынсары и его сыновей. По словам Шортана, упомянутый хан уже подчинился России. Как указано в высочайшем повелении, следует выяснить соответствует ли это действительности или (Шортан) лжет в своих интересах? Покорнейший раб в соответствии с предначертанным указом командировал уже чиновников в чине вэйинчжана Мулунъа, а вслед



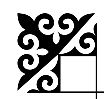
за ним отправил вэйселиня Иботу (в Казахстан, чтобы те) скрытным образом добыли верные сведения.

Согласно полученным одно за другим донесениям Мулунъа и Иботу, упомянутый Алтынсары с сыновьми действительно проживал на землях, относящихся к России, этот слух не является злонамеренным. (Командированные) офицеры, вновь отправленные для розыска в казахские кочевья, находящиеся под властью России, узнали у ахалакци (акылыкшы, казахского старшины по имени. – *К.Х.*) Цзякай (Хоцзякай), что Алтынсары с сыновьями живут в местности Кокшетау, относящейся к России. Но туда можно проехать, лишь получив соответствующий российский пропуск» [5, цз. 32, л. 20–22].

В канцелярию Западно-Сибирского генерал-губернатора вновь был направлен запрос о том, действительно ли подданный Цинской империи хан Алтынсары проживает на территории Российской империи. В ответе российской стороны также вновь подчеркивалось, что 1) казахи с 1738 г. являются поданными Российской империи; 2) в Казахстане с 1821 г. упразднены ханства и ханские титулы; 3) Алтынсары является султаном и все его дети проживают на территории, подвластной России, и не имеют права принимать титулы иностранного государства. Однако цинское правительство решило игнорировать заявление русского пограничного начальства, попросив уточнить конкретное место жительства Алтынсары [8, т. 3, 1203–1204].

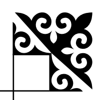
Когда же цинское правительство, наконец, удостоверилось в том, что Алтынсары проживает на казахской территории, находящейся под властью России, оно выдвинуло идею о том, что необходимо в любом случае информировать Алтынсары о факте узурпации его титула Шортаном. Следовало узнать реакцию хана на это обстоятельство и на то, намерен ли он оспаривать свои законные права. Указ об этом последовал 28 января 1861 г. Цинское правительство стремилось добиться приезда Алтынсары в Китай в любом качестве, в том числе, в качестве свидетеля или обвинителя на суде. Сведений о том, пытался ли Алтынсары нанести визит в Китай, в нашем распоряжении нет. Понятно, что это намерение почти невозможно осуществить при жесткой позиции русского правительства. Несомненно, за действиями Алтынсары и его сына тщательно следили.

Цинское правительство продолжало придавать большое значение вопросам наследования потомками казахских правителей – в связи с близостью их земель к территории Цинской империи и нахождением части подчиненных им родовых колен в ее пределах. Император



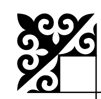
отмечал, что это дело всегда находилось под контролем правительства, поэтому он приказал илийскому генерал-губернатору Чан Линю связаться с казахскими султанами на предмет избрания ими достойного хана. Кроме того, было приказано тайным образом продолжать расследование дела с подлогом пограничных чиновников в связи с титулом Алтынсары. Этот приказ был передан из Пекина в Кульджу сверхсрочно, со скоростью 600 ли (приблизительно 300 км) в сутки. А цинскому правосудию хотелось провести очную ставку Алтынсары и Шортана, добиться приезда Алтынсары для разоблачения подлога. Иными словами, цинское правительство долго не отказывалось от своего намерения признать казахским ханом Алтынсары. Проблема оставалась актуальной в связи с желанием отсрочить делимитацию границы на казахстанском участке, начатой в 60-х гг.

Однако сановники Военного совета на заседании осенью 1863 г. настаивали, чтобы не лишать Шортана ханского титула, присвоенного им путем подкупа пограничных чиновников. Хотя его действия были не законны, но за него просили тарбагатайские и другие трансграничные казахи. Шортан со своей стороны также не уставал выражать преданность цинскому правительству и обещал, что он ни под каким видом не переметнется на русскую сторону. Таким образом, они высказывались за то, чтобы за Шортаном оставался титул, а виновные чиновники были наказаны за взятки и злоупотребления властью. Надвигалось мощное восстание мусульман Китая. Кроме того, между Россией и Китаем шли переговоры о проведении границы от пикета Шабин-Дабага на Иртыше и далее в юго-западном направлении. Тарбагатайские казахи пришли к решению избрать своим ханом Шортана и подтвердили, что намерены вместе с ним сохранять верность цинскому императору, чтобы остаться на своих привольных кочевьях. За один день 5 октября 1863 г. последовало сразу два императорских указа о деле Алтынсары и Шортана. Наконец, 29 ноября 1863 г. был издан высочайший указ с разрешением оставить за Шортаном самовольно присвоенный им титул казахского хана. Главной причиной этого было то, что кочевья казахов к тому времени распространились не только в Тарбагатае, но и в соседних Тыве (Урянхае) и Монголии (нынешний р-н казахского аймака в Монголии Баян-Улгей). Подчинявшиеся Шортану казахи проживали на территории Кобдинского округа, хотя сами они относились не к управлению Кобдинской администрацией, а к правлению Тарбагатайского цанцзань дачэня (советника Илийского генерал-губернатора). Вновь актуальным стал вопрос о том, чтобы крепче связать кочевников



отработанной веками политикой привлечения и сковывания «цзимо», которая осуществлялась через и при посредстве лояльных правителей соседних народов. Шортан и потомок Абулфаиза – гун Ацзи (Аджи) докладывали о делах тарбагатайскому наместнику, затем, после представления их доклада, выносилось правительственное решение. Чтобы собирать ежегодную арендную плату конями за пользование пастбищами в местностях Кэрцинь-хайлюту, Хони-Майлаху и других, где обосновались казахи из Тарбагатая, был отправлен специальный отряд. Оказалось, что при этом у китайцев не было точного списка податных людей, проживавших в районе Маниту-Гатулхан, Хони-Майлаху и Кэрцинь-Хайлиту, поэтому число реквизированных коней было весьма произвольным. Возмущенные самоуправством цинского отряда, хан Шортан и гун Ацзи (Аджи) написали жалобу в Пекин. Император Тунчжи в своем указе от 15 сентября 1864 г. настоятельно требовал, чтобы перед территориальным разграничением в пределах трех указанных караулов не оставалось пустующих мест, так как эти земли на пограничной территории цинское правительство намерено было отрезать себе. Если бы этого не удалось достичь, то следовало обдумать, каким образом устроить там проживающих в Цинской империи казахских правителей с подвластными им родами. Селить цинскоподданных монголов между указанными караулами считалось нецелесообразным, очевидно, потому, что земли давно закрепились за казахскими скотоводами. Кроме того, подобном переселении сразу стало бы известно русскому правительству, что вызвало бы его немедленный протест.

Мало кто из наших ученых осведомлен об Алтынсары и, тем более, изучал его деятельность. И все же, он оставил свой след в истории Казахстана. Как следует из дипломатической переписки двух соседних держав, его биография отражает страницы китайско-русских отношений второй половины XIX века, а также специфику соперничества двух держав в Центральной Азии за влияние на казахов на протяжении более 50 лет. В результате раздела сфер влияния, Центральная Азия и Казахстан были присоединены к России, а Синьцзян остался во власти цинского Китая. Документы показывают, что потомки ханов не прекращали усилий, направленных на политическое выживание под покровительством одной из соседних держав, в зависимости от того, где находились их главные пастбища и какие земли были ими обжиты. Казахская элита продолжала трепетно относиться к своей родословной и своим традиционным правам, хотя в международном сообществе они носили декларативный характер.

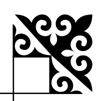


3.4. Потомки Абылая, приверженные России

3.4.1. Тезек-торе: борьба за место старшего султана

Сознательная жизнь Тезека пришлась на смутное для казахов время 20–80-х гг. XIX в. После победоносной войны с Наполеоном Россия приступила к административным реформам в Среднем жузе, приняла «Устав сибирских киргизов», по которому упразднялось ханство Абылая и открывались так называемые «внешние округа» с выборными ага-султанами. Эта реформа всколыхнула всех торе Среднего жуза, ее отголоски дошли и до Старшего жуза, так как многие правители здесь были потомками Абылая. Однако, их отношение к взбунтовавшимся против царской власти родственникам: Губайдулле (Абайдильде), Саржану и Кенесары было достаточно сложным, но, в целом, они их поддерживали. Сознавая себя единым кланом, абылаевичи не могли преодолеть установившуюся политическую и территориальную раздробленность. Для нас интересно то обстоятельство, что среди султанов и биев Старшего жуза имя султана Тезека во время борьбы с Кенесары не упоминается. На историческую арену он вступил после гибели Кенесары и смерти правителя *албанов* Хакимбека.

Жизнь султана Тезека полна загадок, несмотря на то, что он жил в относительно близкое к нам время и о нем имеются сведения в русских и китайских архивах, в воспоминаниях русских военных и гражданских чиновников, ученых. С Тезеком встречались и переписывались, оставили об этом записи выдающиеся ученые и русские деятели: П.П. Семенов-Тян-Шаньский, Ч. Валиханов, пограничные чиновники и командиры – А.К. Гейнс, генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт, приставы при Киргизской Большой Орде М.М. Хоментовский, М.Д. Перемышельский, Г.А. Колпаковский, копальский полковник С.М. Абакумов, капитан К.К. Гутковский и др. Часто упоминает его имя самый знаменитый абылаевич Чокан Валиханов, проживший последний год своей жизни в ауле Тезека. Кроме того, имя Тезека можно встретить в исторических преданиях, частично сохранилось и его поэтическое наследие, в котором отражены характер, мысли и действия султана. Сведения о поэтически-песенном даровании Тезека сохранились в казахском народном фольклоре. В казахском устном народном творчестве остались также предания об акынских состязаниях Тезека с известными импровизаторами – Суюмбаем, Бактыбаем и другими [Умбетали Карибаев, 2 том. 2014,

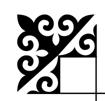


159–177]. Опубликовано отдельное собрание айтысов – состязаний Тезека, его песен, предисловие писателя Бексултана Нуржеке-улы [Тезек төре, 1996]. Эта публикация, так же, как и две другие статьи Сарбаса Актаева, 1998 и Ахмета Ергали в 2000 г., появившиеся позже в журнале «*Акикат*», характеризуют Тезека как остроумного и хитроумного человека, слова которого быстро расходились по степи и поэтому смогли дойти до нас в казахском устном творчестве. Здесь создается образ Тезека отчасти мифологизированного, что является отличительной особенностью сказаний, преданий и героического эпоса. В то же время, все три автора параллельно с литературоведческой задачей пытались осознать роль Тезека как исторического деятеля и охарактеризовать среду, в которой он сформировался. Вся указанная литература позволяет нам воссоздать облик, характер и образ жизни султана, его деятельность, что вкупе с документальными материалами помогает нам выявить его место в истории Семиречья и Казахстана.

По своему характеру Тезек был склонен к молодечеству, авантюрам, набегам, а потому жизнь его была весьма беспокойной, в ней случались и кыргызский плен, и русская тюрьма. В своей жизни он испытал и опьяняющее чувство возвышения, и неожиданные гонения русских властей, вплоть до лишения свободы. На судьбе султана сказались все противоречия переломной эпохи, в которую он жил, время потери остатков независимости страны и народа.

Признанный батыр, султан родился недоношенным ребенком, почему ему дали имя Тезек, что на казахском означает «помет». Русские Семиречья незаменимое топливо в степи называли «кизяк», что является искаженным от казахского слова «тезек». Имя с таким неблагозвучным значением султану дано согласно традициям, принятым у простолюдинов.

Происхождение Тезека ведется от хана Абылая, который был его прадедом. Дедом Тезека назван сын Абылая султан Адиль, а отцом – Нурали, что соответствует и китайским сведениям об его отце. Нурали (Нурал) помещен в родословной казахских ханов, составленной по приказу Илийского генерал-губернатора Сун Юня, под именем Нула – 努喇, он указан как седьмой сын султана Адиля [Синьцзян шилюэ, 12, 7]. Всего у Адиль султана, согласно китайской родословной, записано 12 сыновей. Дед Тезека был взят Абылай ханом в Семиречье для получения здесь удела и управления казахскими родами Старшего жуза.

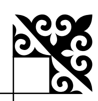


В китайских источниках говорится и о казахском *гуне* по имени Абула 阿卜拉 (Абылай – внук и тезка хана Абылая –阿布赉), который управлял казахами, находившимися по соседству с кыргызскими племенами. Он был известен под прозвищем Кулан, регулярно поддерживал караванную торговлю с Китаем. О самом же Тезеке в указанной «Родословной казахских ханов» ничего не сказано, поскольку она составлена в Китае во втором десятилетии XIX в., т. е. до того, как султан стал влиятельным человеком. В то время он был еще ребенком лет 3–4-х.

В русских документах султана называют то Тезеком Нуралиным – по отцу, то Тезеком Аблайхановым – по деду. Но другого Тезека султана у казахов Семиречья не было. В народных преданиях и в *айтысах* говорится, что отцом Тезека был Тинали, дедом – Нурал (сын Адиля султана). Остановимся на том, что отцом Тезека был Нурал – сын султана Абылая (Кулана), старшего сына Адиля, а Тинали был дядей.

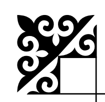
В китайских архивных материалах Тезека называют *тайджи*, так по привычке называли казахских *султанов,* тех, кто относил себя к белой кости чингизидов. Тезека принимали в Кульдже (Или) и оказывали ему почет именно как брату (на самом деле, племяннику) казахского *гуна* по-кит. Ацин, (Ацинбека Ашимубокэ – Хакимбека) [Чжун Э гуаньси данъань, т. 3, 8–11]. Отсюда видно, что цины официально признавали Хакимбека правителем *албанов.* Но титула *гун* Тезек от цинских властей официально не получил, вероятно, потому, что он не был прямым наследником Хакимбека. После смерти Хакимбека русские власти признали его старшим султаном *албанов*, не прошло и десяти лет, как выдающийся русский географ и влиятельный столичный чиновник Семенов называл его властителем Семиречья.

Противоречивыми являются и сведения о возрасте Тезека. В архивном документе «Русского фонда» Цинской империи говорится о пребывании *тайджи* Тезека в Или в 1829 и 1830 гг. В каком же возрасте он отправлен Хакимбеком в Кульджу в составе его посольства? Со слов дочери Тезека, отцу в год его смерти в 1879 г. исполнилось 58 лет, в таком случае, он родился в 1821 г., следовательно, во время первой поездки в Китай ему было всего 8 лет. По другим сведениям, когда *албанов* в 1847 г. приняли в российское подданство, Тезеку было 26 лет. И по этой версии год рождения Тезека приходится на 1821 г., что также подтверждает, что впервые он посетил Синьцзян ребенком около восьми лет.



В 1857 г., в год знакомства П.П. Семенова с султаном, «Тезеку было немного более 40 лет от роду; он был высокого роста, открытой наружности, аристократического киргизского типа, с изящными приемами человека «белой кости», но далеко не атлетического сложения» [Семенов, 1947, 187]. Слова «немного более 40 лет» означают возраст до 44 лет, тогда год рождения султана приходится на 1819–1820 гг. В любом случае, Тезек был старше русского путешественника, а годы, проведенные в барымте и набегах, не молодят человека. Тезек мог выглядеть старше своих лет. Подводя итоги всех разноречивых данных, приходишь к выводу, что Тезек родился в 1820–1821 гг. и, что он был ребенком не младше 8 и не старше 14 лет, когда его впервые отправили в Кульджу. Замечу, что даже в Формулярных списках знатных ордынцев, в которых официально прослеживаются их карьеры, указывается разный возраст одного и того же человека. Казахи и сегодня не любят из-за суеверия говорить свой настоящий возраст. Итак, Тезек был вовлечен в политику старших абылаевичей в детском возрасте. Казахские правители отправляли во главе посольств в Китай своих юных отпрысков и родственников в знак скрепления дружественных отношений с соседним государством и преследуя при этом свои политические цели. Тезек мог выехать в Китай как залог, подкреплявший дружественные отношения правителя казахов рода *албан*. Как бы то ни было, это не могло не влиять на его формирование как политического деятеля.

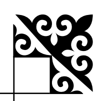
При жизни Тезека в 30–40-х гг. возникли кокандские крепости на территории кыргызов, среди них Пишпек (Бишкек), Токмак, они подступили к казахским землям в Семиречье, возвели укрепление Тойчубек. Не затухали и феодальные междоусобицы внутри кыргызских и казахских правителей, а также между племенами этих двух народов. Родоправители в зависимости от обстоятельств искали покровительства от России, от Китая, от Кокандского ханства. Генерал-губернатор Западной Сибири Г.Х. Гасфорт говорил о положении Киргизии «в угле трех держав», эти слова с полным основанием можно отнести и к территории Старшего жуза. «Киргизы (казахи. – *К.Х.*). Большой орды не зависят ни от кого, по словам ташкентца (кроме тех, что на Лепсе и Баскане – ближайших к нам и которые зависят от России); но когда их кто теснит (русские ли, коканцы ли, китайцы ли) – то они называют себя, смотря по обстоятельствам, – находящимися в подданстве или у китайцев, или у русских, или у коканцев», – писал Н.И. Любимов, чиновник Азиатского департамента МИД России,



проехавший в 1845 г. под видом купца Хорошева в Чугучак и Кульджу [см.: Ч. Валиханов, т. 4, 305–306].

На юге и юго-востоке Казахстана проживали преимущественно *дулаты, албаны, суаны, шапрашты и жалаиры*, а также племена Среднего жуза: *найманы и кереи*. Тезек султан, очевидно, хотел после смерти Хакима править *албанами* самостоятельно, все больше отдаляясь от *дулатов,* которыми правили представители старшей ветви потомков Адиля. Это было главной причиной неприязни, переходящей порой во вражду между Тезеком и его дядей по отцовской линии Али Адилевым, который всеми был признан за главного султана *уйсинов*. Как уже говорилось выше, Тезек не был сыном Хакимбека. Он стал править *албанами* в обход прямых наследников Хакимбека, будучи их дядей. Признавая за собой это старинное правило наследования, он, в то же время, отказывал в нем своему дяде Али. Не следует также забывать, что феодалы рода *уйсун* поколения *дулат*, к которым относились *албаны* (*атбан* в русских документах), считали себя потомками более древних властителей, чем правители-чингизиды Среднего жуза. Тезек по влиянию среди казахов Большого жуза мало уступал другим «пришельцам» – потомкам Абылай хана. Рядом с ним кочевал внук Абылая – султан *дулатов* Али, сын Адиля султана, который показан Семеновым старым, несколько надменным, но известным своим главенством, богатством и гостеприимством.

Чокан в письме к Г.А. Колпаковскому писал 14 декабря 1864 г. о роде *албан* и его управлении: «Племя это беднее других и держится более старых порядков. Султан здесь управляет только своими теленгутами, которых, правда, очень много, и управляет ими, как плантатор неграми. На *атбанов* (*албанов. – К.Х.*), кочующих за Или, он почти не имеет влияния и *адашевцы, чаирбеки* зависят от него, как вассалы от барона: по временам приезжают на поклон, принимают хорошо его есаулов и только. Словом, султан считает себя владельцем, а не чиновником русского правительства, каким он есть в действительности» [Валиханов, т. 5, 169]. Точно также, очевидно, Тезек не считал себя чиновником Цинской империи, проводя в Старшем жузе свою политику, направленную на захват власти на территории от Чилика до Кульджи. «Албаны кочуют от Уйгенташа до Кульджи, платя китайцам за пользование землей в год 60 лошадей. Все их султаны имеют китайские чины. Покойный Хаким бек был *гун* (князь) с темнокрасным шаром (шариком на шапке и пером птицы. – *К.Х.*), степень его наследовал сын, султан Тезек имеет голубой шарик штаб-

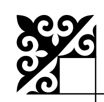


офицера», – сообщал Ч. Валиханов в 1856 г. [Валиханов, т. 1, 352]. Следовательно, Тезек стал офицером двух держав, имел чин полковника, так как в русской армии к штаб-офицерам относили майоров, подполковников и полковников.

В борьбе за власть, за пастбища и подвластных для Тезека все средства были хороши. Как уже говорилось выше, в год смерти Хакимбека его сыну Дуралы было всего 16 лет, поэтому старшины рода *адбан* (правильно *албан*) выразили желание видеть старшим султаном Тезека, о чем они написали прошение исправляющему должность пристава при Старшем жузе капитану К. Гутковскому. Прошение явно было написано по предложению самих русских властей. Старшины подчеркивали, что Тезек фактически правил *албанами* в период затяжной болезни Хакимбека. Сыновья Хакимбека не подходили к должности, впервые вводимой русскими властями в Семиречье, «по летам», т. е. – по возрасту. Гутковский поддержал кандидатуру Тезека на должность старшего султана, будучи уверенным в его лояльности. Гутковский имел прямое отношение к разведке, именно он привлек к ней Тезека и Чокана. У Тезека находилась на хранении грамота Александра I от 1824 г., с привилегиями, предоставленными главе их семьи, которая была выдана его предшественнику султану Хакимбеку.

Весной 1850 г. Тезек сопровождал и охранял отряд Гутковского в Семиречье, он отличился в бою при Борохуцзире. Гутковский был осведомлен о связях султана с цинскими властями: «Китайцы со своей стороны по делам относятся к Тезеку и султан этот, сопутствуя мне во все время экспедиции не возбудил никаких подозрений». Сын-подросток Тезека щеголял в китайском шелковом халате желтого цвета [Валиханов, т. 5, 272]. Одежду желтого цвета позволялось носить только членам императорской семьи маньчжурской династии Цин. Ткань, либо халат могли быть пожалованы только в качестве многозначительного дворцового подарка.

Тезек поднялся над сородичами благодаря не только своему происхождению, но и личным качествам. Немалое значение при этом имела поддержка *тулунгутов* и *сарбазов*, преданность которых он сумел организовать в боеспособный отряд. Ни у кого из правителей Старшего жуза не было такого большого отряда, доходящего до полутора тысяч человек. Эти отряды промышляли набегами и *барымтой* против других казахских племен и кыргызов, участвовали на стороне русских – при осаде кокандских, а также на стороне восставших мусульман – во время осады китайских крепостей.



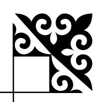
В 50–60-х гг. XIX в. русские успешно привлекли Тезека и других правителей к оказанию отпора кокандцам в Семиречье. Влиятельные султаны Семиречья на своем тайном совещании у озера Каргалы решили не оказывать серьезного сопротивления кокандцам, а некоторые призывали поджечь крепость Верный. Поэтому участие Тезека в двух экспедициях – сначала под руководством Карбышева, а затем и К. Гутковского – высоко ценилось сибирскими властями. Он также не был до 60-х гг. замечен в явных антирусских настроениях, а, тем более, действиях. Его интересы в 1847–1860 гг.: установление власти над *албанами*, борьба против отделения *суанов*, вражда с кокандцами – перекликались с интересами царского правительства.

Имеются верные описания за разные годы внешнего облика Тезека – его современниками, русскими разведчиками, чиновниками и путешественниками. Кроме того, до нас дошли три портрета Тезека, один – написанный Чоканом – в маньчжурской офицерской куртке и в шляпе с птичьим пером, а два других – работы художника П. Кошарова, изображающие султана в богатой национальной казахской одежде: бархатном, расшитом золотом чапане, шапке с меховой опушкой, кожаных сапогах, опирающимся на огромный камень [Валиханов, т. 5, 112]. П. Кошаров, учитель рисования Томской гимназии, был приглашен П. Семеновым в экспедицию в Тянь-Шань художником. Есть еще один портрет Тезека в повседневной одежде: в теплом халате и шапке, отороченной мехом. Черные усики и маленькая аккуратная бородка клинышком. Возраст почти тот же, что и на двух других портретах.

На портрете работы Ч. Валиханова на корточках сидит хрупкий мужчина средних лет с острыми чертами лица. Чокан был женат на сестре Тезека. Ханские родственные семьи вступали в брачные союзы между собой по политическим интересам, не соблюдая принятого у казахов запрета на брак между близкими родственниками.

Представитель Императорского русского географического общества пишет о Тезеке: «…его происхождение, прирожденная его талантливость и благоприятно сложившиеся для него обстоятельства во время его молодости выработали из него совершенно выдающуюся личность» [Семенов, 1947, 167].

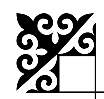
Через несколько лет после П. Семенова, другой чиновник, А.К. Гейнс в своем дневнике 1865 г. 31 октября также описал свое первое впечатление о Тезеке: «Сегодня утром к нам явился Тезек, султан албанского рода. Он очень влиятельный человек в Большой



орде. Он был в мундире полковника. Тезек небольшого роста. Его блестящие глаза бегали быстро по всей комнате. Говорит он скоро и умно» [Валиханов, т. 5., 272].

В представлении к награде начальник Алатавского округа Колпаковский написал в послужном списке Тезека: в официальном звании с 1858 г., в настоящем чине полковника с 1863 г. Награжден к тому времени медалью «За усердие» на аннинской ленте для ношения на шее, кроме того, получил особо ассигнование в 343 руб. Это было определенное российским МИД и выдаваемое из его сметы жалованье старших султанов в Семиречье. В пункте *К чему представляется* записано: «При наступлении китайских скопищ против Кушмурунского лагеря с целю атакованный оной 18 июня сего года, сильно и быстро бросился с киргизскою милициею на означенные скопища, разбил их и обратил в бегство. Положено было наградить золотою шашкой с надписью: «За храбрость». Подписал командовавший отрядами на китайской границе Алатавского округа и киргизов Большой орды генерал-майор Колпаковский. Номер 3185. 14 декабря 1863 г. Г. Верный. Тут же испрашивается сыну Тезека Батырхану Аблайханову, находящемся в русском подданстве с 1847 г., чина прапорщика, который, находясь в казахском отряде «под начальством старшего султана Абдановских волостей полковника Тезека Аблайханова, при отбитии китайских скопищ, покушавшихся на казаков наших на лагерь 18 июня сего года, отличился необыкновенным мужеством» [ЦГА, ф. 64, оп. 1, д. 196]. Начальство Алатавского округа весьма дорожило влиятельным султаном, «пользующемся в орде большим авторитетом».

Имя Тезека Нуралина включено в еще один список награжденных казахов Старшего жуза 1864 г. Остальные участники награждены серебряными медалями с надписью «За усердие», либо «За храбрость» для ношения на ленте и в петлице. А полковник Тезек награждался золотой шашкой с надписью «за храбрость» [КРО 2, 522]. Награждение последовало за участие Тезека со своим отрядом («казахской милицией», как говорится в источнике) в ожесточенной схватке с отрядом в районе реки Борохудзир в начале лета 1863 г. Отношения Тезека с русской пограничной администрацией еще не были омрачены. Цинские власти также продолжали считать Тезека своим подданным, а потому намеревались жестоко наказать султана и его аулы за помощь русским. Русско-китайские отношения к тому периоду чрезвычайно ухудшились, российское консульство в Кульдже вынуждено было с боями отступить из Кульджи в сопровождении отряда казахов.

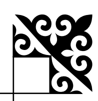


Кроме России и Китая, Тезек имел хорошие отношения с соседними кыргызскими племенами. Однако, когда кыргызский би Орманбек хотел обосноваться на землях к востоку от Или, *албаны* сделали все для его вытеснения к Иссык-Кулю. Современник Тезека манап Боорамбай в своей переписке с русскими властями оставил горестные слова о междоусобицах своего времени: «В здешних местах ни со стороны кокандцев, ни же китайцев никто, прибыв сюда, ничего не в силах сделать» [История Киргизской ССР, т. 2, 580]. Киргизский манап был в разное время в подданстве Коканда, Китая, дважды просился в подданство России. Тезек также служил пограничному начальству двух государств: России и Китаю. «Наше начальство при малейшем возникающем (между казахами. – *К.Х.*) спорном деле радо этому случаю, чтобы их пощипать и пограбить», – отметил в своем дневнике упомянутый выше Любимов [Валиханов, т. 4, 305]. Среди родоправителей двух народов были люди, склонные принять покровительство того государства, которое могло бы покончить с их междоусобицами.

В первой половине XIX в. казахам Старшего жуза, кочевья которых находились в южной части Семиречья вплоть до Кульджинского края Цинской империи на юге и до южной цепи гор Заилийского Алатау, за которой обитали кыргызы, часто приходилось вступать в борьбу с последними. «Киргизам Большой орды, беспрестанно подвергавшимся набегам и баранте своих хищных иноземческих соседей, оставалось, следовательно, искать спасения в мужественной и энергичной самозащите. Эти условия самостоятельной борьбы за существование вырабатывали между ними в середине XIX века такие мужественные и героические типы, к которым принадлежали нареченные союзники моего предприятия, а именно султан Тезек и бий Атантай», – отмечает П. Семенов [1947, 168].

Батырами казахи называли не только тех, кто отличался воинской отвагой в борьбе с захватчиками, но и тех, кто был известен своим удальством в угоне скота. Операция по угону коней являлась для казахов, несомненно, своеобразной школой воинского искусства. Тезек, скорее всего, прославился как батыр благодаря хорошему овладению рискованным делом по угону скота у недружественных родов Старшего жуза и соседних народов. Недаром о нем говорили как о человеке «неспокойного характера» [Валиханов, т. 4, 368].

Султан племени *дулат* «Адамсат жаловался, что Тезек лишает спокойствия его аулы, производя через тюленгутов своих кражи скота у суванцев и не делая за это удовлетворения». Цитируемый доку-



мент проливает также свет на одну из причин соперничества Тезека с Адамсатом Ибаковым. Тезек в 1855 г. стремился подчинить себе подвластных султана Адамсата и его самого. Будучи в Копале во время приезда туда пристава Старшего жуза, Адамсат с обидой сказал ему: «Тезек при вас подобен барашку, но в аулах он делается тигром» [Валиханов, т. 4., 374].

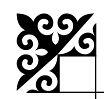
Гутковский постоянно защищал права Тезека, в то же время, он не отвергал решительно и Адамсата в его притязаниях. Царское правительство рассчитывало на Тезека в деле успешного продвижения в Семиречье.

Об Атамкуле, друге и соратнике султана Тезека, сказано: «…славившийся своей справедливостью и неподкупностью и слывший лучшим батыром своего племени. Доблестный на полях битв, ловкий на байгах (турнирах), он был не менее мудрым на советах и на общественных судах и олицетворял собой тип «рыцаря без страха и упрека» [Валиханов, т. 4, 161].

Бием Тезека был Кожбамбет из рода *суан,* султан и сам неоднократно участвовал в судах биев, в том числе по тяжбам с кыргызами.

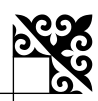
Семья Тезека по понятиям того времени была небольшой. Из всех материалов явствует, что Тезек относился к «белой кости», происхождение его матери неизвестно. Султан имел двух жен Байконыр и Данекер (говорят, он отобрал ее у одного *жалаира* по имени Жарылкамыс). Сколько всего было детей у Тезека, неизвестно. Любимый сын Батырхан баловался опиумом, но султан не позволял говорить о нем худо [Умбетали, 2014, 2, 178]. Два сына Тезека – самый старший и самый младший – умерли от эпидемии оспы, начавшейся в тяжелом 1860 г. [Махаева, Тойшыбек би, 151–152]. Одна дочь стала женой кыргызского манапа, родственника манапа Зарипбека. Родственники его кыргызского зятя были задержаны в Верном, Тезек хлопотал об их освобождении за выкуп, который он собирался взять у другого кыргызского рода – *сарыбагыш* [Валиханов, т. 5, 166–167]. Иначе говоря, он вмешался в междоусобицу кыргызских феодалов рода *солты* и *сарыбагыш* и в 1855 г., пользуясь своим влиянием, хлопотал перед властями Верного за своего родственника. Это вызвало недовольство манапа Боорамбая, о чем он писал в г. Верный.

Тезек во всем придерживался традиционных феодальных законов и обычаев. Он знал, когда и сколько нужно требовать *аип* и *кун* за нанесенную обиду, принесенный материальный ущерб при угоне чужого скота, а когда можно уклониться от выплаты компенсации.



Вероятно, здесь речь идет о дочери, бывшей замужем за киргизским манапом рода *солты*. Превратности судьбы привели его зятя к откочевке в Синьцзян, где он нашел прибежище далеко от границ близ Турфана. Тезек роднился с соседними кыргызскими знатными семьями, но относясь к фамилии Абылай хана, он старался также строить браки с другими ветвями семейного клана. Одну свою сестру – Айсару султан выдал замуж за Чокана. Неужели он пошел бы на этот шаг, если бы видел, что тот смертельно болен? После смерти Чокана, согласно законам амангерства, Айсара стала женой его младшего брата Жакупа, не избежав горькой участи казахских вдов. К счастью, родители Чокана полюбили ее. Другую родственницу (сестру?) Тезек выдал за Гази-Булата Валиханова, также находящегося на русской военной службе. Дочь Кулхан была замужем за переводчиком Ишмухамедом (Иш-Мухаммед Сюк-оглы Аблайханов) Аблайхановым. Этот брак, пожалуй, можно назвать удачным для семьи и самого Тезека.

Послужной список его выглядит внушительно [ИКвРИ, т. V11, ч. 11, 494–499], остается лишь сожалеть, что зять не оставил после себя записей о событиях, свидетелем и участником которых он был. Этот султан происходил из семьи младшего сына Абылай хана Сюка, на земле которого выстроено укрепление Копал – центр управления Семиречьем до строительства Алматинской станицы – позже города Верного. Ишмухаммед, 1852 г. рождения, сын султана Джучи, воспитывался в Сибирской военной гимназии, но полного курса наук не окончил. Службу начал в 1870 г. в чине урядника в Сибирском казачьем войске, в 1871 г. переведен в Семиреченское казачье войско с зачислением на жительство в станице Алматинской. После короткого времени увольнения, а между этим он дважды был командирован на военные учения, определен на службу в распоряжение Туркестанского генерал-губернатора, но с прикомандированием к Семиреченскому областному управлению. Переведен в коллежские регистраторы, в переводчики киргизского и маньчжурского языков в Степное генерал-губернаторство, сверхштатные чиновники особых поручений. Ишмухаммед постоянно выдвигался на продвижение за выслугу лет и усердную службу, за добросовестное выполнение поручений и достиг положения статского советника. Получил знаки – орден святого Владимира 4-й степени, св. Анны 2-й и 3-й степеней, св. Станислава 2-й степени, установленные для нехристиан, а также денежные поощрения. Ишмухаммед сопровождал цесаревича, будущего царя Николая II в его поездке от Пресно-Горьковской линии



до границы Оренбургской губернии в 1891 г. Получил за это награды, а также в подарок от цесаревича – перстень, украшенный драгоценными камнями. Пенсию ему назначили в «усиленном размере» по 800 руб. в год, она равнялась его годовому жалованью (на службе переводчик дополнительно получал 400 руб. столовых, эти столовые были больше годового жалованья его знаменитого тестя Тезека). Ишмухаммед, естественно, оставался верным слугой монархии. Не этот ли переводчик Аблайханов в преклонном возрасте был при атамане Дутове во время его отступления в Синьцзян после революции?

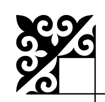
3.4.2. Возвышение и падение султана Тезека

Возвышение Тезека началось с конца 1848 г., в 1849 г. по предложению пристава Гутковского он был официально утвержден в должности старшего султана *албанов*. Никого из старших султанов русское правительство так не отличало, как Тезека, он получал чин за чином.

Наследуя султану Хакимбеку, Тезек наследовал и ту роль, которая отводилась султанам Старшего жуза в политике Российской империи. Эта видимая роль предусматривала и основывалась на вековых традициях торговых контактов правителей Старшего жуза с Западным Китаем. Установление прямых торговых отношений России на окраине Цинской империи в результате заключения Кульджинского договора 1851 г., отстранение казахов от посреднической роли в торговле в этом регионе оказала существенное содействие в решении следующей задачи России – завоевание среднеазиатских ханств. Эти факторы влияли и на ее отношение к султану Тезеку.

Политический капитал накапливался Тезеком с середины XIX в. Он почти сразу заслужил блестящие рекомендации влиятельных верненских и столичных русских чиновников. Тезек в своей борьбе за власть в Притяньшанье во многом опирался на помощь колониальных русских властей городов Верный и Копал.

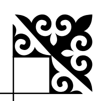
Видный путешественник П.П. Семенов познакомился с султаном на албано-дулатовском съезде 1856 г., на котором договорился о том, чтобы Тезек со своим отрядом сопровождал его до озера Иссык-Куль к кочевьям знаменитого киргизского бия рода *бугу* Боорамбая. Семенов ставил целью примирить род *бугу,* склонявшийся к российскому подданству, с другим киргизским родом – *сарыбагыш*, находящемся в покровительстве Кокандского ханства. Тезек согласился провести и охранять П. Семенова, который совершал путешествие по



заданию Генерального штаба в Петербурге. Вот что об этом пишет сам П. Семенов: «Сближение мое с Тезеком произошло особенно скоро, потому что он, со свойственной ему точностью ума, понял, где начинается и где кончается его роль, и нашел для себя выгодным поставить себя, со всеми своими всадниками на время моего пребывания во владениях Бурамбая, в полное мое распоряжение, зная по моей уже сложившейся за все время путешествия репутации, что я никаких с киргизов поборов не допускаю, от пошедших же под наше покровительство *богинцев* никаких подарков не приму и что вся благодарность Бурамбая за оказанную помощь выпадет на долю Тезека» [Там же]. Действительно, Тезеку пришлось вызволять Боорамбая из плена у рода *сарыбагыш*, а также оказать помощь в возвращении его земель по Терискей Алатау и в Заукинской долине. Надо думать, Бурамбай отблагодарил Тезека и его сарбазов как положено по степным законам.

Тезек был избран в сопровождение русскому сановнику по следующим причинам: 1) он опирался на помощь России в своих притязаниях на владение родами, кочующими на территории современной Алма-Атинской области; 2) имел в то время хорошие отношения с соседним кыргызским родом *богу* и лично с Боорамбаем; 3) Тезек был влиятельным правителем в Старшем жузе и заслуженно пользовался здесь славой батыра, оратора и хитроумного судьи в различных тяжбах; и 4) самое главное, он мог собрать ополчение, число которого достигало 1500 всадников [Валиханов, т. 4, 155]. В красноречии и авторитете Тезека и его верного советника и батыра Атамбая П. Семенов убедился во время разбора упомянутой серьезной тяжбы между родами *албан* и *дулат*. В его путевых записках есть много похвал в адрес Тезека: «славившийся во всем Семиречье своим умом и отвагой султан *атбанов* – Тезек, очень популярный во всей Киргизской (Казахской. – *К.Х.*) степи...»; «самый предприимчивый и отважный из султанов Большой орды, находящийся «в ведомстве» пристава Старшего жуза полковника М. Перемышльского. По-видимому, султан вошел в доверие и к этому приставу.

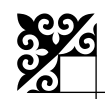
П. Семенов считал свое главное задание – географическую съемку района Тянь-Шаня – неосуществимым или трудно осуществимым без помощи Тезека и его отряда: «Познакомившись обстоятельно с Тезеком, я скоро пришел к убеждению, что с таким союзником я, наконец, могу осуществить свою заветную мечту – проложить путь со стороны России в глубь Центральной Азии, в совершенно недоступ-



ные до тех пор для географической науки недра самой центральной из горных систем Азиатского материка – Тянь-Шаня» [Валиханов, 4, 168]. Кроме того, с помощью Тезека России удалось осуществить важную политическую задачу – переманить на свою сторону знатных *бугу*, номинально считавшихся, по мнению верненских властей, вассалами китайского императора. Учитывая помощь Тезека в решении важных задач русской администрации, не следует удивляться идеализации П. Семеновым в путевых заметках образа Тезека.

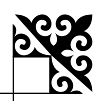
Возможно, вначале Тезек владел кочевьями и горными пастбищами в районе Чилика. Число подвластных султану людей с их кочевьями с годами увеличилось. Пристав Алатавского округа и кыргызской Большой орды занялся выяснением кочевий, занимаемых подвластными Тезека и кыргызов рода *бугу*, в том числе, на территории Китая. В 1861 г. был направлен запрос к подполковнику Тезеку, тот с некоторым запозданием, но все же ответил, что кочевья *албанов* и *суанов* по обе стороны реки Или доходят до урочища Уч –Аксу против Кульджи, а на западе – до Чу, на севере же – охватывают Кольжат, Тургень, Малайсары, Коксу до Дженке Копальского округа [ЦГА, ф. 3, оп. 1, 3–3 об.]. В землях, относящихся к управлению Тезеком, находился важный переход в Кульджинский край – Алтын-Эмель, а за ним – местность Уйгентас. Все торговые караваны казахских феодалов, сибирских, татарских и среднеазиатских купцов, чтобы достичь города Кульджи (Или), должны были проходить через Уйгентас и долину Хоргоса. Поэтому Тезек держал под своим контролем этот важный стратегический пункт, который находился на пути в Китай, а из Китая – в Сибирь и Центральную Азию. Неслучайно П.П. Семенов называл его «хозяином здешнего нагорья».

Первое офицерское звание присуждено Тезеку в 1858 г., почти через 10 лет избрания его в старшие султаны. В 1859 г. он был в звании капитана. Затем он отличился при осаде Пишпека (Бишкека). В награду исправляющий должность начальника Алатавского округа и кыргызов Большой Орды Г.А. Колпаковский в 1860 г. написал представление на присвоение султану чина подполковника. Он отметил: «Во время экспедиции был начальником киргизского (казахского. – *К.Х.*) ополчения. 1 сентября отыскал канал, из которого гарнизон крепости Пишпек пользовался водой, лично работал со своими киргизами над запружением его и после долгих усилий и трудной работы отвел совершенно воду от крепости. 2 сентября стремительно бросился на вышедшую из гор огромную партию дикокаменных киргизов, атако-



вал ее и потом в соединении с двумя сотнями казаков преследовал в горы до самых неприступных мест. В рекогносцировке к броду Чумич (каз. язык *шөмиш* – ковш, половник, поварешка) рассеял многочисленные толпы дикокаменных киргизов, покушавшихся напасть на рекогносцировочное прикрытие, причем выручил попавшего уже в плен одного бия и отбил значительную часть лошадей. При переправе же отряда через Чу первый подал пример перевозить пехоту на лошадях, что и исполнено киргизами в самое короткое время» [ИК в РИ, т. 7, ч. 1, 557–558]. Мы видим, что Тезек хорошо усвоил и применил опыт осады кочевниками городов (вспомним осаду Ташкента казахами Толе би в 1757 г., которые также перекрыли воду.) Он первым делом старался отрезать его защитников от воды, а также переправить свою конницу через реку. А отгон конского табуна входил в военную подготовку казахских батыров во все времена. При этом, султан Тезек подавал личный пример в храбрости. Чин подполковника заслуженно был присужден ему приказом от 31 января 1861 г.

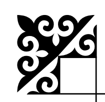
Не прошло и года, как 29 декабря 1862 г. Колпаковский написал рапорт генерал-губернатору Западной Сибири с просьбой наградить Тезека чином полковника. О таких чинах, например, его современник Чокан не мог и мечтать. В рапорте говорилось: «Весьма влиятельный султан, пользующийся в орде большим авторитетом. За добровольное участие в экспедиции, за личное мужество полагало бы наградить чином полковника» [ИКвРИ, т. 7, ч. 1, 596]. В то же время, Тезек получал в год те же 343 руб. жалованья старшего султана. Был награжден золотой медалью на аннинской ленте с надписью: «За усердие» для ношения на шее. Эта медаль была одной из низших, выше ее была золотая медаль на андреевской ленте с портретом русского императора. Из семиреченских абылаевичей высшей медалью на андреевской ленте с изображением русского императора удостоился лишь султан Сюк. Не надо забывать, что Тезек и его отряд получали свою законную долю добычи (олжа) в сражениях: коней и имущество, что стимулировало их участие на стороне тех, кто привлекал их к походу. Русское командование довольно часто отдавало среднеазиатские города на трехдневный грабеж после их взятия. Выше чина полковника у казахских султанов в то время не было, но большинство из них пользовались чинами номинально (в их числе и отец Чокана – Чингис), а султан Тезек лично участвовал в боевых действиях, не только представляя свой вооруженный отряд, но и умело командуя своими джигитами.



Россия не сразу с согласия дружественных правителей стала решительно продвигаться в Семиречье, в 1854 г. в урочище Алматы основала станицу Алматинскую, а позже – укрепление и город. В 1859 г. на границе кыргызских и казахских кочевий была основана крепость Кастек. Это уже была территория, традиционно принадлежавшая коленам родов *уйсун, дулат, албан-суан,* и простиравшаяся до Кульджи и северных склонов отрогов гор Алатау. Часть сезонных кочевий родов Старшего жуза и кыргызов находилась в пределах Китайского Туркестана. Выбор подданства того или иного государства становился все более болезненным для трансграничных казахов Старшего, Среднего жузов, а также кыргызов, теснимых казаками и переселенцами.

Род *байжигит* Старшего жуза, управляемый сыном Абылая Сюком, а после его смерти – его сыновьями Сабеком и Доломбаем, много лет пользовался зимними кочевьями в Чугучакском округе Китая, на западе Илийского края. Эти султаны считали, что «вся земля, на которой стоит Чугучак, и за Чугучаком исстари принадлежала им; это неотъемлемое достояние киргизов (казахов. – *К.Х.*). Когда они заявили цинским властям, что намерены перейти в покровительство России в связи с притеснениями, чугучакский цанцзань дачэнь (маньчж. язык. – *хэбэй амбань*) предложил в таком случае им откочевать в пределы России. Однако потомки Абылай хана сочли эти слова вздорными, поскольку не сомневались в законной принадлежности им обитаемых земель. «*Байджигиты* (т. е. султаны их), если замышляют не на шутку о вступлении в русское подданство, то потому, что им плохо приходится: наши киргизы их теснят в их кочевьях», – считал русский чиновник и разведчик Н.И. Любимов [Валиханов, т. 4, 305]. Он в 1845 г. проезжал летом 1845 г. через их кочевья под видом купца Хорошева в Чугучак. Город находился в окружении казахского населения.

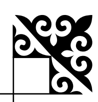
Кыргызский манап Бооромбай, откочевавший под давлением другого кыргызского рода *сарыбагыш* к Каркаре и Текесу, запросил за свою лояльность помощь цинского правительства. Масса документов периода 20–60-х гг. толкает нас к заключению о том, что проблема перехода в подданство той или иной страны возникала у казахских и кыргызских племен большей частью при двух обстоятельствах: 1) из-за внутренней борьбы с соплеменниками; 2) при притеснениях одной из соседних стран с изъятием их кочевий. Особенностью менталитета казахских и кыргызских кочевников было то обстоятельство, что они чаще рассматривали вопрос о своем вассалитете с неотъемлемым правом на обитаемые ими и их предками



земли. К сожалению, эти права покоились не в документе, удостоверяющем их собственность, а основывались на традиционных правах, на долговременном прецеденте обладания этой землей. Однако принятие подданства не скоро давало свои плоды и мало избавляло от междоусобиц, поскольку поддерживание междоусобиц было основополагающим принципом имперского правления.

Кроме того, в политике раздела сфер влияния в Центральной Азии две империи обращали внимание на отчаянные призывы мелких властителей лишь в том случае, если это отвечало их экспансионистским интересам. В 1862 г. *манапы* рода *бугу* вновь обратились к русским властям со следующими словами: «Сделавшись подданными России, мы надеялись жить спокойными и освобожденными от притеснений китайцев, но они и доныне обижают нас, отнимают у нас стойбища по Текесу, Музарту и Кегену, называя их своими, тогда как земли эти с незапамятных времен, со времен предков наших, всегда были нашей собственностью, а теперь сделались даже царской собственностью, как народа, подданного России» [История Киргизской ССР, т. 1, 582], а затем снова – русского правительства. Киргизы роду *бугу* в 1863 г. пытались переправиться в Синьцзян, при их преследовании русский отряд вновь подвергся нападению цинских пограничников. Семиречье попадало во все большую зависимость от России, а соседний Синьцзян на время освобождался от гнета цинов.

Северо-западные национальные окраины Цинской империи и в период жизни Тезека сотрясались мощными движениями уйгурских религиозных лидеров, в течение всего XIX в. не оставлявших попыток завоевать Кашгарию и западную часть Илийского края. Династия Цин на время теряла власть над уйгурскими городами, а также и без того достаточно слабый контроль над пограничными казахскими и кыргызскими племенами. В 1824–1828 гг. Кашгария отпала в результате вторжения ходжи Джахангира. Два года прошло после восстановления власти династии Цин, а уже в 1830 г. в Кашгарию вторгся Юсуп–ходжа. В 1847 г. вспыхнуло восстание 7 ходжей, а через 10 лет – в 1857 г. – здесь воцарился жестокий Валихан-торе, сын Джахангира. Еще более мощным по размаху и своим последствиям для китайского правления было восстание 1864 г. магометан Китая: уйгуров, дунган и других, в следующем году завершил завоевание Синьцзяна кокандец на русской службе Якуб-бек, создавший в Южном Притяньшанье государство Джетышар (Йеттишар). В Джунгарии с центром в Кульдже был создан Илийский султанат. Как видно из допросов кыр-

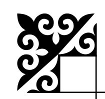


гызов, примыкавших к этим движениям, они так же, как и уйгуры, почитали ходжей как своих религиозных вождей. Кыргызы помогали им в подготовке походов в Кашгарию в своих кочевьях и поселениях, а их предводители сами предпринимали захват Кашгара. В результате перехода власти в Синьцзяне в руки инсургентов в течение 20–60-х гг. неоднократно нарушалась пикетная служба Цинской империи на пограничной территории, где находились казахские кочевья и кыргызские кенты и кочевья.

Цинские войска стягивались в Кашгарию для подавления повстанцев и возвращения под власть династии отделившихся уйгурских городов. Многие казахские и киргизские кочевники, пользуясь неурядицами на границе, принимались угонять скот у цинских пограничных гарнизонов. В особенности это относилось к границам Кашгарии с кыргызами. Все эти обстоятельства влияли на миграцию семиреченцев в 50–70-х гг, учитывались султаном Тезеком и влияли на его умонастроение.

Тезек вошел в доверие российского пристава Старшего жуза и Степного генерал-губернатора, исполняя некоторые деликатные поручения дипломатического характера. Он собрал при поддержке пристава и доставил в Кульджу скот, угнанный казахскими конокрадами Семиречья, и первый принес в Верный весть о подписании Кульджинского договора 1851 г. В связи с дружеской миссией в Кульдже, он был принят илийским цзянцзюнем и возведен в чин полковника цинской армии. Илийский *цзянцзюнь,* направляя своих людей в казахскую степь, советовал им останавливаться у Тезека и просил султана, чтобы он хорошо встречал и провожал их. Султан получал от илийского генерал-губернатора подарки за содействие в захвате разбойника, т. е. конокрада, даже зная, что захваченный человек – подставное лицо [Валиханов, т. 4, 373–377]. Таким образом, Тезек удостоился чина полковника русской армии и позже – цинского чина, но он еще в детском возрасте был вовлечен в отношения его предков с Китаем. Его ставка являлась перевалочным пунктом для цинских, российских, кыргызских и кокандских послов и курьеров, поэтому, Тезек часто был в центре международных интриг, но всегда стоял на страже собственных интересов.

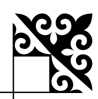
Тезек, как и его дед Кулан, выслужился перед илийскими властями тем, что по их требованию передавал иногда казахов – угонщиков скота из пограничных гарнизонов чахар-монголов, а также пригонял отбитый у них скот в Кульджу (Или). Осенью 1829 г. он был в соста-



ве посольства Хакимбека, пригнавшего табун из 250 голов коней и 9 верблюдов. Летом следующего года с участием Тезека чахарскому гарнизону вновь были пригнаны 100 коней и 4 верблюда. Согласно установившейся практике, Илийский генерал-губернатор наградил его отрезами ткани и различными сортами чая [Чжун Э вайцзяо, кн. 1, 9]. Когда Тезек стал правителем, он нередко шел на плутовство, под видом конокрада передавая кульджинским властям психически больного человека, не задумываясь над тем, что того могли предать казни или приговорить к ношению колодки на шее. Также зачастую обнаруживалось, что число голов возвращаемого им скота было намного меньше цифры, указанной в сопроводительном письме. При этом довольны были все: сам Тезек, якобы поймавший злоумышленника, его толенгуты, а также илийская администрация, принимавшая и отлично видевшая мнимую преданность торе казахов-албанов. Цины были осведомлены о его службе России. Впоследствии Тезек со своими джигитами выступал также на стороне мусульман Китая.

Именно к Тезеку в 1864 г. прибыл посланник илийского генерал-губернатора, чтобы передать в Верный его просьбу о помощи против мусульманских инсургентов. При этом он сообщил султану и находящемуся в его ауле Чокану Валиханову, покинувшему с тяжелыми чувствами армию Черняева, конфиденциальную информацию о том, что провиант и другие вещи для русского отряда заготовлены в районе Тургени [Валиханов, т. 4, 162]. Цинский курьер упоминается в письмах Ч. Валиханова к Г.А. Колпаковскому с августа 1864 по февраль 1865 г. Аул Тезека стал центром русско-цинских переговоров об оказании военной помощи против восставших мусульман по просьбе илийского генерал-губернатора. Чокан, Гази – Болат Валихановы и их родственник Тезек оказались участниками и свидетелями противоречивой политики верненской администрации, которая в то же время стремилась тайно установить связи с предводителями восставших.

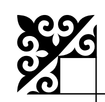
Таранчинские (уйгурские) беки также прислали к Тезеку своих людей, «чтобы узнать можно ли им послать посольство к русским властям» [Валиханов, т. 5, 168]. В письме илийского цзянцзюня к генералу Колпаковскому о ситуации в Кульджинском крае было сказано следующее: «… наши войска имели дело с ворами (с повстанцами. – *К.Х.*), и воры, придя в слабость, бежали и укрылись в город Кульджу и оттуда, выходя в разные стороны, делали грабежи и посылали своих людей в окрестные земли для возмущения и к Тезеку с сере-



бром и чаем, чтобы расстроить согласие двух наших государств, но Тезек, находясь в повиновении Вашей высокой державы, не внял злым заветам их» [Валиханов, 5, 172]. Слова о Тезеке в трагической для Кульджи ситуации как о человеке, находящемся в повиновении России, хотя тот имел цинский военный чин, дает основание предположить о компромиссе, на который готова была пойти цинская сторона по вопросу о трансграничных *албанах*. Логически, цинские власти в официальных документах должны были называть Тезека своим человеком, а не русским подвластным, вне зависимости от того, что им было прекрасно известно о позиции султана. Итак, Тезек служил посредником для русских властей в их отношениях с казахами, кыргызами, дунганскими и уйгурскими повстанцами, а также китайцами. Одновременно он был доверенным лицом и Цинской империи, выполняя поручения илийской администрации в ее связях с Омском и Верным. У султана, очевидно, в это время были сложные отношения с Кокандом. Ислам не играл особой роли в его политических пристрастиях, когда он воевал против Кокандского ханства вместе с русскими властями.

Таким образом, мы можем вполне убедиться в дипломатических способностях Тезека, который пользовался покровительством со стороны пограничных властей России и Китая. И та, и другая сторона до установления границы нуждалась в услугах людей, подобных Тезеку, и вынуждена была до поры до времени закрывать глаза на двойственность его поведения. Его поступки были вызваны политическим выживанием, стремлением сохранить власть над *албанами* и *суанами,* распространить ее на другие родственные колена в Семиречье.

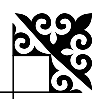
Весной в 1865 г. через Семипалатинск и Семиречье продвигались российские войска, офицеры, саперы, инженеры и другие участники Ташкентского похода во главе с генералом М. Черняевым. Генерал жестоко поступал с теми, кто защищал кокандскую крепость Пишпек (Бишкек), Ташкент и другие поселения, практиковал «индийскую казнь», когда повстанцев привязывали к жерлам пушек и стреляли из них. Он также отдавал город и поселок после их занятия на разграбление своим солдатам в течение дня и более. Поэтому в знак протеста Чокан фактически дезертировал из русской армии и в подавленном состоянии прибыл к Тезеку, где его болезнь в связи с испытанным стрессом могла принять скоротечный характер. Если, конечно, все это не было очередной легендой перед новым ответственным



заданием. Безусловно, Тезек был в курсе переживаний Чокана, связанного с ним не только узами родства, но и дружеским расположением. Однако, в то время он был выше столь тонких переживаний и принял от России заслуженную боевую награду за участие в войне с Кокандским ханством. Кстати, Ч. Валиханов также не скрывал от друзей, что решил принять участие в ташкентском походе для получения очередного чина.

Начало активной деятельности Тезека пришлось на конец 40-х гг., когда Семиречье еще было независимым, а вокруг него сохранялось равновесие внешних сил. Поэтому он мог балансировать между двумя властями, отстаивая свои честолюбивые интересы. Внешние силы в лице омской администрации России, а затем – Алатавского пристава с одной стороны, а с другой – в лице илийского генерал-губернаторства Цинской империи нуждались в сотрудничестве с ним. Пограничные власти обеих стран были осведомлены о характере отношений Тезека и других султанов Старшего жуза с противоположной стороной, однако вынуждены были примириться с этим, понимая истинные причины их неустойчивого поведения. Пограничные администрации продолжали укреплять связи с Тезеком и другими султанами в интересах своих стран. Кокандскому ханству также пришлось смириться с тем, что правители Старшего жуза и кыргызов не прерывали и дорожили своими отношениями с «неверными». Когда равновесие внешних сил нарушилось в пользу Российской империи, которая приступила к этапу покорения среднеазиатских ханств вооруженным путем, а после их завоевания – к осуществлению политических, административных, юридических и военных реформ, отпала нужда в местных независимых и полузависимых правителях. Эти правители стали опасны в период установления законов, закрепляющих власть империи в степи. Но султаны не спешили терять свой статус. К тому же, авантюрная жизнь Тезека, исполненная приключений и риска, давала немало поводов для недовольства им среди других казахов, а царской администрации – причин для его обуздания. Время безраздельной власти над своими сородичами для султана уходило безвозвратно. Тиски колониальных властей края все сильнее сжимались вокруг Тезека, в конце концов, он был взят под стражу, невзирая на все его прежние заслуги перед царским правительством.

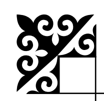
В 1868 г. Тезек был обвинен в том, что собирался откочевать со своими подвластными за границу, в китайские пределы, куда подались без его согласия подвластные ему аулы. Он был заключен вме-



сте с зятем Газы Болатулы Валихановым в русскую тюрьму в Копале, но освобожден через полгода за недостатком доказательств. Между тем, Тезек находился в унизительном для кочевого владетеля положении, когда подвластные покидают его и откочевывают в знак протеста. Султан рисковал остаться без своих подчиненных, а для кого он мог представлять интерес без своего народа? В 1863 г. в Илийский край откочевали подроды *албанов коныр-борик* и *сегиз-сары* в количестве 2 тысяч юрт и устроились близ гор Узун-Тау. Ходили слухи, что и султан Тезек с приближенными из 200 юрт откочевал в Илийский султанат в 1870 г. [Махаева, 2007, 240]. Если это верно, а также верно то, что Тезек тогда был еще жив, то его судьбе не позавидуешь. Летом 1871 г. под предлогом бегства Тазабека в Кульджу вступили русские войска. Тезек вновь неминуемо должен был попасть в руки тех, от кого он надеялся найти спасение в Илийском султанате. Как говорилось выше, султан все же не был повинен в откочевке его подчиненных.

Албаны начали откочевывать к своим сородичам в пределы Синьцзяна, и ни Тезек, ни русская администрация ничего не могли с этим поделать. *Албаны* и *суаны* продолжали откочевывать из русских пределов и после смерти Тезека. В начале 80-х гг. в Илийском крае они составили три волости, а *суаны* – одну волость, их число доходило до десяти тысяч человек [Муканова, 2002, 85]. Движени*е албанов* продолжалось в еще более крупных масштабах все последнее двадцатилетие XX века. К тому же, в связи с созданием Илийского султаната, Тезеку, как наиболее знатному чингизиду, султаном Абиль-оглы были обещаны удобные условия для проживания и управления илийскими казахами. Через два года Россия включила в состав империи все Семиречье, а в 1871 г. временно оккупировала Кульджинский край. В течение 10–12 лет в ее полном подчинении оказались казахи Казахстана и всей Джунгарии по течению реки Или до ее верховьев, а также часть монгольских казахов в долине рек Иртыш и Черный Иртыш.

Оккупационные власти не испытывали необходимости в султане *албанов*, так как весь этот род, как и род *суан*, находились в их полной власти. Возможно, Тезек к этому времени отошел в мир иной, последний документ с упоминанием его имени датируется 1868 г. Казахи рода *албан* оказывали помощь единоверным дунганам в восстании 1865 г. и неоднократно пытались перебежать на территорию Синьцзяна, когда он был охвачен антицинским восстанием мусульман. Возглавлял ли их Тезек, или *албаны* вышли из его повиновения? В Верном

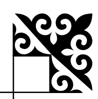


были задержаны обманом «ненадежные» родоправители. Среди них – Тазабек Бусурманов. Верненскими властями в 1868 г. было установлено наблюдение за кыргызским манапом Тилахметом, казахскими султанами Гази-Булатом Валихановым и Тезеком Нуралиным, хотя последний и до того не мог избежать постоянного надсмотра. Следовательно, Тезек представлялся в то время ненадежным человеком для России, неблагонадежным и нежелательным лицом. Связь султана с бежавшими в Синьцзян старшинами в глазах царской администрации была предосудительной и даже преступной, в то время, как она была естественной. Произошел окончательный разрыв отношений султана с Верным. Но его особой вины в этом не было, он оставался самим собой все годы, оказывая услуги своим отрядом русским, китайцам, мусульманским инсургентам не по политическим пристрастиям, а в интересах личной наживы и ради звания батыра. Это был традиционный способ добиться власти над сородичами.

Нет единого мнения как о годе рождения султана Тезека, так и о годе его смерти. Умирал Тезек в то время, когда его стойбище было включено в уезд Капал Алтын-Эмельской волости Семиреченской области Российской империи. Казахстанский ученый Владимир Галиев называет годом смерти Тезека 1870 г. [1995, 73]. Мусульманский историк К. Халидов в своей книге «Тауарих хамса» заметил, что до 1873 г. Тезек был еще жив и проживал по-прежнему на земле Старшего жуза [Халидов К. 1992, 172]. По другим сведениям, он скончался за два года до возвращения Россией Китаю Илийского края, это приходится на 1879–1880 гг. Большая часть его бывших подвластных *албанов, суанов* предпочла остаться на своих тучных пастбищах в верховьях рек Или на территории Цинской империи. Они составляли основное казахское население Илийского края.

В своем письме военному губернатору Семиреченской области дочь Тезека известила его о смерти отца в июне 1879 г. [ЦГА, ф. 44, оп. 1, д. 30634, 1879, л. 1]. Сообщает она также, в каком возрасте его настигла смерть – 58 лет. Появился в том году и некролог к смерти Тезека султана в «Туркестанских ведомостях», таким образом, царская администрация косвенно признала его заслуги перед Россией. Среди наследия Тезека дочь указала табун в 700 голов коней, 110 верблюдов, 90 голов крупного рогатого скота, 190 слитков серебра (китайские ямбы), 2500 российских золотых монет, 50 ковров [Тезек төре 1996, 14].

Маньчжурская династия Цин была ослаблена опиумными войнами, непрерывными восстаниями мусульман и других народов,

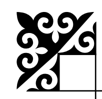


создавших собственные государства на окраине империи. Воспользовавшись противоречиями империалистических держав – Великобритании и России, полуколониальная полуфеодальная Цинская империя восстановила свою власть в пределах нынешнего Синьцзяна. Этим выразилось ее участие в разделе сфер влияния в Центральной Азии. В последнем двадцатилетии XIX в. по Петербургскому договору 1881 г., заключенному с царской Россией, Цинская империя отказалась от своих формальных прав на казахские роды, оставшиеся по ту сторону новой границы. Имперская государственность отделила народ от его традиционной территории обитания, оставив перед ним выбор принять не мнимое, а действительное подданство той или другой страны.

Личность Тезека как политического деятеля сформировалась в результате разрушительного влияния на институты традиционного правления казахами событий международного характера второй половины XIX в. Главными среди них являются соперничество Российской и Цинской империй в Центральной Азии и Казахстане, политика Кокандского ханства, завоевание Южного Казахстана Россией, а также занятие ею Кульджинского края в 1871–1881 гг. Этим событиям сопутствовала феодальная междоусобица внутри казахских и кыргызских родов, а также между казахским и кыргызским народами. Территория, подвластная Тезеку и его роду, находилась от Уйгентаса до Кульджи, между Илийским (Кульджинским) округом Цинской империи, кокандскими крепостями и российскими пределами казахских степей.

Экстенсивный метод хозяйствования, политические события позволяли поколениям *албанов* занимать и осваивать привольные кочевья в Илийском округе Синьцзяна до оккупации его Россией и после возвращения края цинскому Китаю. Противоречивая эпоха породила правителей, которые использовали межэтнические, межнациональные, а также межгосударственные противоречия для собственного возвышения и обогащения. Большей частью они оставались самостоятельными, лишь время от времени, в зависимости от своих интересов, склоняясь к сотрудничеству с теми или иными региональными силами. Подобная ситуация сохранялась почти до конца XIX в., пока не завершился процесс делимитации и демаркации российско-китайской границы на казахстанском участке, начатый после заключения Петербургского договора 1881 г.

В то же время, без лиц, подобных Тезеку, Российская империя не смогла бы достигнуть столь выдающихся успехов в деле завоевания



Семиречья и среднеазиатских ханств в XIX в., а также в своей китайской политике.

3.4.3. Хронология жизни Тезека

Годы жизни – 1820–1879 гг., потомок Аблая, внук Адиля, сын Нуралы.

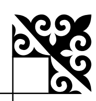
Место рождения – Капал. Алтын-Эмель.

Правил албанами от Уйгентас до Кульджи.

В 1847 г. Хакимбек – правитель албанов до Тезека – принял российское подданство. Неправомерно говорить, что Тезек является подданным России с этого времени, т. к. каждый правитель индивидуально давал присягу на верность. Приблизительно в 1847/48 гг. Хакимбек умер. А в 1849 г. Тезек получил от царского правительства шитый золотом чапан, с этого времени он служил России. Ага-султан с 1849/50 гг. В 1850 г. получил золотую медаль за усердие. 1854 г. – разрешал распри между кыргызами и казахами. 1857 г. – помогал экспедиции П.П. Семенова на Иссык-Куль. В 1858 г. – поручик, 1859 г. – капитан. В 1860 г. – совещание на оз. Каргалы правителей Семиречья по инициативе ага-султана дулатов Али Адилева, на котором обсуждали возможность оказать помощь Коканду и постараться избавиться от российского правления (см. Энциклопедию Казахстана, т. 8, стр. 323 на каз. яз.), или снабжать русскую армию транспортом и продовольствием, установили цены на услуги. Участвовал в российском походе на Пишпек и Токмак. В 1861 г. – подполковник, 1863 г. – полковник, 1865 г. – орден Святого Станислава второй степени. Передал ценные вещи на Парижскую выставку 1866 г. После восстания мусульман Синьцзян отпал, образовались Урумчинский султанат, Илийский султанат и государство Якуб-бека. В 1868 г. за желание откочевать к своим албанам в пределы Китая заключен русскими в тюрьму на 6 месяцев. После смерти Тезека имущество составляло 700 коней, 110 верблюдов, 90 коров, 190 ямб серебра, 2500 золотых монет, 50 ковров и т. д.

3.4.4. Чокан Валиханов и Китай

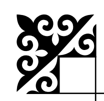
Последние годы жизни Чокана Валиханова прошли в Семиречье. Жизнь и деятельность Чокана, как и многих представителей его се-



мьи, тесно связаны с Китаем. Дед Чокана – Абылай хан – первым установил посольские, торговые и культурные связи с Цинской империей. Избрание его на ханство было эффективно поддержано южным соседом после того, как он в 1769 г. решился отправить в Пекин своего первенца и наследника Вали-султана. В то же время, Абылай никогда официально не выходил из российского подданства, разве лишь грозился на словах и в запальчивости, когда Екатерина II отказала признать его всеказахским ханом. В глазах русского правительства он оставался ханом Среднего жуза. Цины также видели, что его власть не распространяется на все казахские племена и что он связан обязательствами перед Россией. Они уведомили российский Правительствующий Сенат о том, что султан Абылай принят в их подданство, получили официальный ответ этого органа о том, что хан Абулмамбет и султан присягали на верность России и, что Цинской империи не следует привлекать их в свое подданство. Цинский император решил игнорировать это обстоятельство и продолжал отправлять посольства в Средний и Старший жузы и принимать их послов как своих вассалов. Территории племен этих жузов находились по соседству с Джунгарией, а некоторые кочевья и в ее пределах.

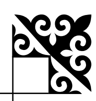
На первоначальном этапе в своей казахстанской политике цины придавали приоритетное значение Абылаю и его прямым потомкам. Вали хан, второй сын Абылая и дед Чокана, всю свою жизнь традиционно придерживался политики сохранения равновесия между двумя державами – Российской и Цинской империями. Могущественным державам приходилось мириться с такой его позицией, так как одна из них была занята войнами, а вторая – непрекращающимися восстаниями на своей окраине. Равноудаленность от стран у Вали хана проявилась и в том, что он отправил в Китай старшего сына – Габбаса-султана, а в Россию, на учебу в Омск – Чингиса, отца Чокана. В Омске Чингис, как впоследствии и его талантливый сын обучался в кадетском корпусе. А в каком городе Китая и сколько времени жил и чем конкретно занимался Габбас, документов пока не обнаружено. О том, что Габбас изучал какое-то время китайский язык, мы знаем лишь со слов Чокана. Если это так, то Габбаса можно считать первым аблаевичем, изучавшим китайский язык. Чокан в интересах дела пытался самостоятельно изучать китайский, о чем сохранились записи в его тетрадях.

Безусловно, Чокан с детства знал об отношениях его знаменитых предков с Китаем, вначале – по сохранившимся семейным



преданиям. Впоследствии он почерпнул сведения из омского архива: Пограничного управления сибирскими кыргызами (Областного правления сибирских кыргызов). Накапливались документы и в Канцелярии Западно-Сибирского генерал-губернаторства, где он начал свою службу. Материалы русских архивов и сегодня остаются самыми важными источниками по истории казахско-китайских отношений XVIII–XIX вв. По ходатайству начальника штаба Отдельного сибирского корпуса с июня 1854 г. Чокан был допущен в архив для сбора материалов «для истории кайсаков Сибирского ведомства». При этом, интересующие его документы он мог забирать для изучения домой и изучал их до 1857 г. [Валиханов, т. 5, 98–100]. Как бы то ни было, он держал в руках оригинальные грамоты (а также их копии), направленные его предкам и хранившиеся в его семье, или в Омске. Он первым описал эти грамоты, указал их язык, передал их основное содержание. В то время Чокан только приобщался к источниковедению и текстологии, кроме того, он готовился в свою кашгарскую тайную экспедицию. Опасное путешествие и ранняя смерть помешали ему завершить эту работу. Но и в черновом варианте трудно переоценить научное и цивилизационное значение его наброска о древних грамотах. Автор этих строк в свое время делал сообщение об этом на конференции, посвященной 150-летию со дня рождения Чокана Валиханова [Хафизова, 1988, 179–185]. Авторитет Чокана как знатока истории и состояния казахско-китайских отношений, а также истории провинции Синьцзян и обстановки в ней в 50-х и первой половине 60-х гг. намного возрос после его путешествия в Кашгар и поездки в Кульджу. Последние дни жизни Чокана Валиханова, его надежды на продолжение службы и дальнейшая карьера также были тесно связаны с Китаем. Без сомнения, жизнь молодого офицера оборвалась также в связи с его опасной профессией.

Загадочной является ранняя смерть Чокана, которую предшествующие исследователи объясняли обострением болезни легких после того, как он покинул армию генерала М. Черняева (1828–1890 гг.), возглавившего царские войска в походе для взятия Аулие-Аты и Ташкента. В действующую армию Чокан поехал по приглашению генерала с целью повышения в офицерском звании, о чем он откровенно писал 24 марта 1864 г. своему верному другу К. Гутковскому, в доме которого он жил какое-то время вместе с дядей Мусой Чормановым [Валиханов, т. 5, 161]. Кроме того, он хотел поправить свое финансо-

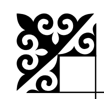


вое положение, т. к. перед этим проиграл в карты около трех тысяч рублей – значительную для него сумму [3, 160].

Обострение болезни могло произойти от чувства депрессии, в которую он впал после самовольного отъезда из армии. Еще весной 1864 г. болезнь не препятствовала его участию в походе и его женитьбе на сестре Тезека, по закону амангерства после его смерти доставшейся брату Жакыпу. Чокан буквально сгорел за полгода. Поскольку медицинского освидетельствования его смерти нет, нам остается только гадать, от какой именно болезни столь скоропостижно скончался энергичный тридцатилетний человек. В последних письмах Чокан несколько раз упоминает о своем самочувствии. В начале марта 1864 г. он пишет К.В. Гутковскому: «Здоровье мое было не совсем хорошо… Шишка на носу уничтожилась давно» [Валиханов, т. 5, 160–161]. Что это было за образование на его носу, фурункул или симптом онкологической болезни? Усугубленная тяжелым моральным состоянием болезнь, конечно, могла прогрессировать. Как явствует из копий последующих его писем, он жаловался на здоровье: 1 декабря 1864 г. – на грудь и мокроты, 19 февраля 1865 г.– на боль в горле и в груди [3, 174].

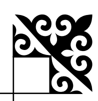
О моральном состоянии Чокана, о его деятельности во время пребывания в ауле Тезека мы можем судить пока только на основании его переписки. Первое известное сегодня письмо Чокана датируется 24 ноября 1864 г., а последнее – 19 февраля 1865 г., получателем всех этих писем был один человек – его старший друг, покровитель, начальник Алатавского округа и киргизов Большой Орды Г. Колпаковский. Далее он не подавал о себе вестей до самой своей смерти, которая последовала, по официальным данным, в апреле 1865 г. По какой причине Чокан перестал писать письма с февраля по апрель, несмотря на теплое обнадеживающее письмо Колпаковского, после чего он замолчал навеки? Верно ли указан месяц смерти Чокана? Где и чем он занимался последние полтора-два месяца жизни, если общепризнанная скорбная дата точна? Эти вопросы всплывают в связи с тем, что при тщательном рассмотрении вызывают сомнение даты почти всех известных нам сегодня писем Чокана. К сожалению, сам Чокан небрежно относился к числам, не имел привычку приписывать их в своей корреспонденции. Поэтому письма в большинстве проставлены составителями его сочинений: Х.Г. Хайдаровой и А.Х. Маргуланом.

В 1903 г. письма Чокана с некоторыми другими бумагами были переданы Г. Потаниным профессору Московского университета Н. Ве-



селовскому, готовившему к печати собрание сочинений Ч. Валиханова. Профессор отметил: «…список, переданный мне Г.Н. Потаниным, возмутителен до последней степени… Еще хуже, что переписчик не разбирал руку Валиханова и оставлял пробелы по несколько строчек» [Валиханов, т. 5, 226]. Таким образом, выясняется, что письма Чокана, адресованные Колпаковскому и переданные им через Потанина Веселовскому, были к тому же копиями. Генерал вообще вел себя странно: письма прислал через долгое время; обещал, но так и не помог деньгами для издания трудов своего младшего товарища. Только ли дело в было в его старости и немощности? Чокан поставил его в свое время в тяжелое положение, покинул армию во время военных действий, что в глазах русского офицерства считалось дезертирством. Но поступок Чокана, как казаха и потомка казахских правителей, был понятным с человеческой точки зрения. Была лазейка и для того, чтобы спасти его от военного суда и для его оправдания, если бы таковой состоялся. Чокан не был командиром воюющего отряда, он состоял при Черняеве в качестве эксперта, сопровождавшего армию в ташкентском походе вместе с зоологом, этнографом, горным офицером и другими специалистами. По словам Г. Потанина: «Завоеватель (Черняев. – *К.Х.*) вез с собой блестящую свиту; он хотел ослепить русское общество своим покровительством науке», подобно Наполеону [Валиханов, т. 5, 379]. Отряд, судя по «Дневнику Аулие-Атинского похода», который вел М.С. Знаменский, продвигался вслед за действующей армией через Токмак, Мерке и далее по разоренным местам [Валиханов, т. 5, 247–254]. До конца мая, до самого отъезда Чокана, он не имел прямых столкновений с противником. Итак, Чокан не участвовал в штурме Аулие-Аты и Ташкента, судя по всему, он вообще не участвовал в боевых действиях, как и все так называемые военные ученые, состоящие в иррегулярных войсках. Ч. Валиханов по роду своей службы не должен был участвовать во взятии городов, его обязанность заключалась в изучении завоеванного края в историческом, политическом и торговом отношениях.

Конфликт с Черняевым мог произойти в самом конце мая, или начале июня 1864 г. Чокан бросился к Черняеву, узнав, что тот собирается силой взять Пишпек и отдать крепость на разграбление солдатам. Он полагал, что и без этих крайних мер можно овладеть городом. Чокан, как свидетельствует Знаменский, был знаком с письмами кыргызов с выражением их желания принять подданство России, фактически, они готовы были подчиниться России. Кроме того, как

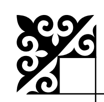


видно из приведенного этим же автором диалога, военные ученые не понимали целесообразности разорения и опустошения Токмака, Мерке, они испытывали большую тревогу по поводу возможного разорения культурного и религиозного центра казахов – города Туркестана. Мирные жители этих городов и их предместий перед пришествием русских войск в панике покидали родные места. Отсюда вполне понятны позиция Чокана, не хотевшего напрасного кровопролития, и проявленная им горячность во время беседы с Черняевым, а тот, по всему, был весьма груб с ним. Чокан же, казахский аристократ и образованный человек, всегда свободно общавшийся с высокопоставленными русскими военными и гражданскими чинами. Но не мог стерпеть обращения солдафона, каковым, по общему мнению омичей, являлся Черняев. В итоге Чокан покинул отряд.

Нам также неизвестно, где Чокан находился с июня по ноябрь-декабрь 1864 г., когда он подал первую весточку о себе. Почему он молчал столько времени и молчал ли он? Предпринял ли он попытки встретиться с генералом лично? Ездил ли Чокан в г. Верный до того, как он обосновался в ауле Тезека? Он исчезает с поля зрения на целых полгода. В ноябре он уже знал об отъезде его покровителя в Омск за новым назначением. Тем не менее, он продолжал писать ему. Три ответных письма Колпаковского Чокану дошли до него и того позже – в середине февраля 1865 г.

Судя по датам писем Чокана, установленным академиком А.Х. Маргуланом, в ноябре 1864 г. он уже находился в ауле полковника Тезека. Сюда стекалась вся информация о важнейших событиях, происходивших в Центральной Азии, среди них: о завоевании русскими Аулие-Аты, о ходе русско-китайского пограничного разграничения на границе с Тарбагатаем и Алтаем, о положении кыргызов, о восстании мусульман в Китае и т. д. Все важнейшие новости Тарбагатайского и Кульджинского округов Синьцзяна очень скоро становились известны в ауле султана Тезека, который сам активно участвовал в пограничных делах и взялся доставлять письма в Верный.

В это же время Чокан женился на сестре Тезека Айсаре, некрасивой, но, по словам его современника И.И. Ибрагимова, умной женщине [Валиханов, т. 5, 416]. Чокан был влюбчивым человеком, из-за любви к чужой жене он в свой последний приезд к родителям рассорился с ними. Но мы не знаем, женился он на чингизидке по любви, или по другим соображениям, нашел ли он утешение в браке в этот тяжелейший период своей жизни. Чокан ожил и почувствовал

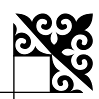


интерес к жизни только тогда, когда почувствовал свою полезность в устройстве будущности своего народа. Эта мысль им овладела, когда в аул Тезека прибыла делегация нового илийского генерал-губернатора (02.XI.1864 – 29.VI.1866) Мин Сюя. Именно важные события в Синьцзяне побудили его заявить о себе Колпаковскому. Чувство безнадежности, обуревавшее до того молодым офицером, неведение о своей участи, несколько утихли. Чокан окончательно понял, что не представляет своей жизни без службы, без общения со своими русскими друзьями, без привычной работы. В связи с приездом цинских посланцев из Синьцзяна для него вновь представился шанс проявить себя во всем блеске перед русской пограничной администрацией и своими казахскими недоброжелателями.

В 50–60-е гг. Китай сотрясали крестьянские восстания, затем – восстание китайских мусульман. Вскоре этот пожар перекинулся в Синьцзян. Восстание началось в Куче, затем оно охватило и другие города. Повстанцы нападали на маньчжурские и ханьские крепости и кварталы городов, убивали гражданских и военных чиновников. Не дождавшись подкрепления из внутреннего Китая и после падения Урумчи, синьцзянский генерал-губернатор обратился за военной помощью к близко расположенному к Кульдже г. Верному. Узнав об этом от цинской депутации, Чокан стремился получить от ее членов полнейшую информацию о ходе восстания в Синьцзяне, о положении местных властей. Он подкрепил эти знания сведениями, полученными от примкнувших к восстанию кыргызов, казахов, уйгуров, дунган, в свою очередь также писавших в Верный. Он торопился поделиться этой ценнейшей информацией с Колпаковским в интересах русского государства. Чокан тут же на месте перевел два письма Мин Сюя, полученные за это время, сопроводив листы своими сведениями и размышлениями о событиях.

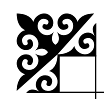
От Г. Колпаковского на три письма Чокана последовал всего один ответ. Особенно важно для нас выяснить, в какой день Чокан решил написать письмо Колпаковскому. Попытаемся это сделать, сверив содержание его писем с датами переведенных им двух посланий Илийского генерал-губернатора.

Первое письмо Г. Колпаковскому из добровольного изгнания Чоканом написано на следующий день после прибытия делегации из Кульджи. Приехало 8 человек во главе с Со – *колдаем*, низшим офицерским чином маньжурских знаменных войск. Фамилия Со, возможно, является сокращенным по китайскому обычаю вариантом



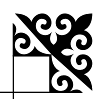
маньчжурского имени Сабитун. Это был второй приезд Сабитуна к Колпаковскому, находившемуся обычно в Верном. Сабитун привез письмо Илийского (Кульджинского) генерал-губернатора Мин Сюя. Поэтому, упомянутый в письмах Чокана посланец Со-колдай может идентифицироваться с маньчжуром Сабитуном. Однако, Со-колдаем, о котором упоминает Чокан, мог быть и другой человек – дунганин по имени Со Хуаньчжан, сын руководителя тайной секты дунган Со Вэня. Со Вэнь служил в цинской армии, в том числе в период вторжений ходжи Джахангира в Кашгар в 1825–1828 гг. Он отвечал за доставку донесений и депеш в цинскую армию, занятую подавлением восстания. В 60-х гг. XIX в., в период восстания мусульман вызвал подозрение у цинов и был якобы казнен ими в промежутке между 1862–1864 гг. Очевидно, что Со Вэнь имел отношение к разведке, его миссия была схожа с миссией султана Тезека при русской армии. Неслучайно он упомянут современником Чокана А.Н. Гейнсом. Сын Со Вэня по имени Со Гуаньчжун (или Совун) также служил в цинских войсках, в это время имел звание *цаньцзян* (командира полка), возможно, по причине казни отца он перешел на сторону восставших. По материалам, собранным А. Ходжаевым, он в ночь с 14 на 15 июля 1864 г. проник в дом командира цинскими войсками *тиду* в Урумчи, убил его и овладел официальной печатью. При помощи этой печати дунганские военные захватили урумчинский склад с оружием. Со Вэньчжан вполне мог вести двойную игру с Чоканом и с русскими властями Верного.

В начале 1865 г. Совун якобы перенес свое местопребывание в Турфан, т.е. он исчез с глаз повстанцев. В данном случае не совсем ясно, возможно, Савун был отдален дунганским руководителем восстания Даутом-халифой из-за популярности этой семьи. В правительстве государства *Цинчжэн го* (букв. «Государство мусульман», в русских источниках его называют Урумчинским, Дунганским султанатом) Со Вэньчжан стал командующим войсками, но вскоре его не оказалось в составе руководителей. В то же время, Савун вполне мог выехать по заданию Давута-халифы к Колпаковскому, официально – с письмом Мин Сюя, а неофициально – с письмом Давута-халифы. Он мог открыться Чокану, и тот запросил Колпаковского, как отвечать в случае просьбы о помощи со стороны восставших мусульман. Будучи в ауле Тезека, Савун не мог не узнать об истинной роли Чокана. В таком случае, возникает еще одна версия о смерти Чокана, на этот раз – по вине или со стороны синьцзянских инсургентов.



В 1861 г. Мин Сюй участвовал в переговорах с И.Ф. Бабковым – императорским уполномоченным по разграничению западного участка русско-китайской границы. Он был хорошо известен русским пограничным властям, когда пребывал в Тарбагатае в должности *хэбэ-амбаня* (*цанцзань-дачэня* – кит. язык), о чем Чокан уведомил своего начальника. Мин Сюй относился к красному с каймой маньчжурскому знамени, начинал свою службу как писарь и переводчик, возможно, уйгурского языка. С 1855 г. он работал на разных должностях в администрации провинций Ганьсу, Шэньси, Синьцзяна. В 1860 г. Мин Сюй был направлен в Тарбагатай. Приказ о назначении его генерал-губернатором в Кульджу последовал в самый разгар восстания мусульман – 2 ноября 1864 г. В этой должности Мин Сюй пробыл до трагической смерти 29 июня 1866 г., когда мусульманские инсургенты, по некоторым сведениям – уйгуры, а не дунгане, подожгли его ставку вместе с находящимися в ней всеми членами его семьи [Маньчжуры, 1990, 413]. Мин Сюй получил от императора почетный посмертный титул «Преданный» [Алтан-Оциэр, 1996, 193]. Старый цзян-цзюнь по имени Чан Цин, по словам Сабитуна, был смещен с должности якобы за самовольное военное столкновение с русскими в 1863 г. Это действительно произошло в Борохудзире, в местности, расположено в долине реки Или. Чан Цин также был уличен в превышении власти, получении взяток, поборах, жестоком обращении и других злоупотреблениях. Именно его и других цинских чиновников поведение в Синьцзяне привело к недовольству не только уйгуров, казахов, дунган, ханьцев, но и служащих привилегированных маньчжурских гарнизонов. После снятия с должности, Пекин оставил Чан Цина в Синьцзяне, чтобы он искупил свою вину. Со-колдай счел нужным подчеркнуть недовольство Пекина Чан Цином, допустившим серьезное военное столкновение с русским пограничным отрядом, поскольку теперь цины вынуждены были просить военной помощи у русских.

Мин Сюем действительно было написано письмо Колпаковскому. Это подтверждается тем, что он дважды докладывал Пекину о своей инициативе – об обращении к русским за помощью. Однако, в китайском источнике не приводится содержание писем Илийского генерал-губернатора. Мы знакомимся с ними благодаря переводам Чокана. Из китайских источников нам становится известным, что в Пекине с полным пониманием отнеслись к этому шагу Мин Сюя, вызванному безвыходным положением Кульджи. Император сове-

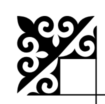


товал Мин Сюю стараться не терять лидирующего положения в общении с иностранцами. Письма к Колпаковскому были написаны в сдержанных тонах, но Мин Сюй велел Со-колдаю по секрету устно передать Колпаковскому, насколько плохи его дела.

Никто из исследователей не обратил внимания на дату письма Мин Сюя – 28 день 11 луны 3-го года правления Тунчжи. Она приходится на 26 декабря 1864 г. Если дата в письме Мин Сюя указана правильно, то из этого следуют два вывода: 1) либо первое письмо Чокана Колпаковскому ошибочно датировано сроком ранее этой даты – 20 ноября [Избранные произведения, 583; Валиханов, т. 5, 162–164], либо 2) это письмо Мин Сюя было ошибочно приложено составителями первого Собрания сочинений Чокана по вине Колпаковского к первому письму Чокана. Более правдоподобно выглядит первое предположение.

В распоряжении Чокана было ответное письмо Мин Сюя начальнику Алатавского округа. Как уже говорилось выше, Мин Сюй был назначен *цзян-цзюнем* 2 ноября 1864 г., должно было пройти время, чтобы он приступил к должности, затем решился написать письмо русским. Также необходимо было какое-то время, чтобы это письмо доставили в аул Тезека. Нужно было также время Колпаковскому, чтобы изучить письмо, обсудить вопрос у себя, составить донесение в Петербург, получить на него отклик и написать ответ Мин Сюю, а затем – доставить его в Кульджу. Мин Сюй уже в первом своем письме просил военной помощи русских в подавлении восстания мусульман, а Г. Колпаковский отвечал, что доложил о его просьбе своему императору. Он, вероятно, обнадежил Мин Сюя в положительном ответе, т. к. тот не только отправил свою вторую делегацию, но и велел заготовить в Тургени провиант и другие вещи для русских отрядов, когда они прибудут для оказания помощи. Тургенью называли тогда реку Борохуджир при ее впадении в Или. Заготовленный провиант, в основном, состоял из чая, т. к. Синьцзян сам испытывал острый недостаток в продовольствии. Мин Сюй отправлял в Пекин одно отчаянное письмо за другим, с просьбой о присылке вспомогательных войск, вооружения и продовольствии. Также было необходимо время, чтобы Чокан решился вскрыть секретное письмо Мин Сюя, перевести его на русский язык, написать письмо Колпаковскому от своего имени. Можно ли было все это проделать за 18 дней?

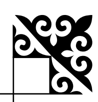
Расстояние между Верным и Кульджой было близким, однако на поездку в одну сторону в охваченном восстанием крае уходило не



менее недели (Чокан в одном из писем говорит об одном событии, что оно произошло 8 дней назад). Представляется, скорее, что первое письмо Чокана из аула Тезека могло быть написано не ранее начала января 1865 г. В таком случае, он не подавал о себе вестей после того, как покинул отряд, более полугода. И этот период его жизни пока покрыт для нас мраком неизвестности.

Помимо сверки дат писем Чокана с письмами Мин Сюя, которые он перевел, постараемся сверить события, упоминавшиеся Чоканом, с теми, которые описаны в цинских источниках. В целом, они совпадают. Там и тут говорится о беке из Хами, единственном уйгурском старшине по имени Башир, остававшемся преданным цинам и выступавшем на их стороне со своим отрядом [Муцзун шилу, цзюань 124, л. 2. – 4]. В конце своего письма Чокан прибавляет: «Донося о сем вашему превосходительству, прошу Вас, если возможно, облечь мое агентство в официальную форму, чтобы после мне быть полезным Вашим сотрудником» [Валиханов, т. 5, 163]. Это доказывает, что Чокан желал оставаться на русской службе, он разочаровался лишь в одном человеке – Черняеве, но не в установлении русской власти в Казахстане. Несмотря на личную драму, он оставался сторонником присоединения Казахстана к России, однако присоединения цивилизованного. Потому-то у русской прогрессивной общественности сложилось твердое мнение о Чокане как о «хранителе русских государственных интересов». Именно по этой причине к 300-летию дома Романовых было решено посмертно издать его труды, чем и занимался профессор Веселовский.

Сверив сведения Чокана о событиях в Синьцзяне с материалами китайских источников, можно удостовериться в том, что острый ум и способности к анализу у него нисколько не притупились. А также убедиться в том, что содержание письма цзянцзюня было переведено им с помощью цинского посланца правильно и при этом подкреплено свежей информацией. Посмотрим, поможет ли сопоставление времени произошедших в ходе мусульманского восстания важных событий и сведений о них, сообщенных Чоканом, вычислить точную дату писем Чокана, а также более полно прокомментировать их содержание [Валиханов, т. 5, 167–170]. Он пишет, что последнее столкновение войск цзян-цзюня с инсургентами произошло 8 дней назад, до приезда его послов к Тезеку. Что вначале цины одержали победу, смогли снять осаду Кульджи. Мы находим подтверждение этому событию в китайском источнике: в совместном донесении ста-

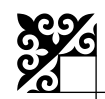


рого *цзян-цзюня* Чан Цина и вновь назначенного цзян-цзюня Мин Сюя, полученного Пекином в конце января 1865 г. По этому докладу Кульджа была отбита 23 ноября, а к 3 декабря 1864 г. цины добились временного превосходства [Маньчжуры, 1990, 116]. Приказом императора Тунчжи от 24 января 1865 г. Мин Сюй был награжден курткой желтого (цвет императора!) цвета, командир ойратского гарнизона войск Жун Цюань – пером павлина на шляпу, командир солонского гарнизона войск Токэтонай повышен в звании посмертно [Муцзун шилу, цзюань 125, л. 35 об. – 38].

Со-колдай с товарищами приехали в аул Тезека через 8 дней после успеха цинов, от 23 ноября и до 3 декабря, за день до того, как Чокан решился написать свое первое письмо Г. Колпаковскому. Послы приехали не ранее 11 декабря, следовательно, Чокан написал первое письмо после этой даты. Другой факт: Или был окружен десятками тысяч восставших, которых цинские войска потеснили к Баяньдаю. Илийские казахи в тот раз выступили на стороне цинских войск, поэтому цинские посланцы и смогли благополучно достичь аула Тезека. Это – еще одно доказательство того, что первое письмо Чокана Колпаковскому не могло быть написано 20 ноября, как это указано комментаторами его писем. Само письмо *цзян-цзюня* к Колпаковскому датируется 20 декабря.

В декабре 1764 г. цинам удалось отбить г. Гучэн (совр. Цитай) лишь благодаря помощи Хамийского вана (князя) Башира. Монгольские войска тогда отказались воевать из-за постоянных задержек довольствия [Муцзун шилу, цзюань 124, л. 2. – 4].

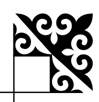
Второе письмо Чокана касается судейских дел, в которые Тезек, по его словам, не вмешивался. Чокан мог участвовать в разбирательстве жалоб как представитель рода *торе* и по просьбе Тезека, который был в то время занят киргизско-казахскими распрями, т. е. более важными международными делами. Об этих событиях Чокан писал Колпаковскому 1 декабря, а Тезек – 2 декабря 1865 г. Вполне возможно, что все 3 письма были доставлены Колпаковскому одной почтой. Чокан настолько увлекся судейством, что в письме от 14 января 1865 г. (см. о нем ниже) пишет большую записку о «родовом народном управлении Орды» (в Старшем жузе). Он дает убийственные характеристики на султанов Старшего жуза, не называя их имен, но Г. Колпаковский прекрасно знал, о ком идет речь. Чокан писал, что султан албанов (явный намек на Тезека. – *К.Х.*) «управляет только своими теленгутами, которых, правда, очень много, но управляет ими, как



плантатор неграми». «Джалаирские султаны, волостные и прочие, похожи на наезжих сибирских чиновников, которые приезжают только затем, чтобы постоять и потом уехать. Между джалаирскими родоправителями существует круговая порука, чтобы грабить народ». «У дулатов несколько лучше, хотя султан их считается слабым. Там много богатых и влиятельных киргизов, которые могут в случае надобности дать султану отпор» [Валиханов, т. 5, 169].

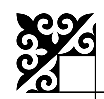
Эти сведения также представляют собой ценнейшую информацию, так как завоевание земель Южного Казахстана и Центральной Азии Россией еще не было завершено. С другой стороны, мы можем составить представление о личности Чокана, его общем кругозоре и образованности, знании им своих сородичей. Здесь прослеживается его желание деятельно участвовать в общественной жизни казахов и в осуществлении русско-китайских связей. Очевидно, что такого масштаба человек был редким, а, скорее всего, единственным явлением в среде образованных казахов того времени. Русская администрация не могла бы игнорировать Чокана ни с какой стороны.

Третье письмо Чокан написал 14 января 1865 г., поскольку спешил поделиться сведениями о ходе войны в Синьцзяне между дунганами и цинами [Валиханов, т. 5, 167–170]. В письме указано старинное написание месяца – генваря, поэтому можно верить этой дате. Чокан пишет: «Бегство дунганей из Кульджи случилось 9 числа прошлого месяца», т. е. 9 декабря 1864 г. Далее он пишет: «11 числа (11 декабря 1865 г. – *К.Х.*) маньчжуры, ободренные бегством врага, выступили из Кульджи для окончательного уничтожения инсургентов». Но их поражение было окончательным. Среди убитых у Чокана названы начальник китайского войска Чи-Джен, солонский ухурдай и еще два амбаня (начальника), отмечены большие потери среди войска. Чокан говорит о скором падении Баяньдая. Он сообщает, что цзянцзюнь предлагал мир повстанцам. В китайской хронике подтверждается, что предложение от Мин Сюя повстанцам действительно последовало и оно было сделано с целью тянуть время до прибытия войск из других провинций Китая. Официальные сведении о стычке цинов с дунганами не противоречат информации Чокана. Он называет имена предводителей повстанцев, ханьцев, дунган и уйгуров, что тоже является оригинальным сведением для нас. Официальная дворцовая хроника не считала нужным упоминать имена «главарей бунтовщиков». Представители *таранчей* (уйгур) имели сообщение с Тезеком и через него пытались связаться с Верным, о чем также доложил Чокан.



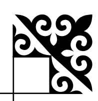
27 декабря Чокан сообщает подробности о русской торговой фактории в Или, которую Мин Сюй незаконно обложил поборами. Другим не менее важным сообщением является то, что синьцзянские казахи (кыргызы) стали «заклятыми врагами своих патронов и грабят маньчжуров и солонов (даурские поселения и гарнизоны. – *К.Х.*), где только можно». Если ранее Чокан просил облечь его какой-то властью или полномочиями, то теперь он выражает желание, сопряженное с большой опасностью для его жизни: «Если китайцам будет дана помощь, то с известием об этом в Кульджу, надеюсь, ваше превосходительство, пошлете меня», – пишет он [Валиханов, т. 5, 170–171]. Со-колдай все еще оставался в ауле Тезека, не желая уезжать обратно без ответа русских властей. Чокан в свою новую поездку в Синьцзян намеревался ехать в сопровождении послов Мин Сюя. Итак, у Чокана в конце 1864 г. была вполне ясно выраженная мысль о командировке в восставший Илийский край.

Большие сомнения вызывает четвертое письмо Чокана Колпаковскому, помеченное 14 января 1865 г. [Валиханов, т. 5, 171–173]. Сам он по ошибке пишет, что это его третье письмо, отправленное им в Омск! Это письмо является третьим с информацией о китайских событиях. К этому письму приложен лист Цзян-цзюня, также переведенный Чоканом, но он датирован 24 днем 12 луны 5 (!) года правления Тунчжи. Эта дата приходится на 29 января 1866 г.! Чем это можно объяснить? В казахстанской историографии утвердилось мнение, что Чокан умер в апреле 1865 г., поэтому он не мог переводить письмо Мин Сюя, написанное в январе 1866 г. Это очень важно для нас, так как из этого следует, что общеизвестная дата смерти Чокана может оказаться неверной. Это – ошибка, или намеренное введение Колпаковским нас в заблуждение?? Тем более, что на этот раз перевод письма цзянцзюня написан не на отдельном листе, а внутри письма Чокана, в начале и в конце перевода имеются его длинные приписки. Конечно, зная о неразборчивом почерке Чокана (об этом я не раз слышала от ученых М.Т. Сулейменовой, Д.Х. Кармышевой, которые работали над документами путешественника в зале ЦГА РК). Тем более нам не следует забывать, что в русских архивах хранятся лишь копии писем Чокана, и в копиях же представлены письма Чокана за 1864–1865 гг. Поэтому может возникнуть неразбериха с их датами. В данном же случае, легко 3-й год правления Тунчжи принять за 5-й год, цифры «3» и «5» в рукописи легко спутать. Но как быть с содержанием письма? Кем был доставлен этот лист *цзян-цзюня*, ведь его



первые посланцы все еще оставались в ауле в ожидании русского подкрепления? В этом листе Мин Сюя говорится о событиях 19 и 20 числа 12 луны того же года, т. е. 24, 25 января 1866 г. Если же дни, указанные в письме Мин Сюя, поправить на 1865 г., учитывая, что к тому времени Чокан был еще жив, то получается, что он писал 14 февраля, а события, о которых он упоминает, случились 4 и 5 февраля 1865 г. В любом случае, если и поправить дату письма Мин Сюя на 1865 г., Чокан мог написать свое четвертое письмо Колпаковскому во второй половине февраля, а не 14 января. Тем более, что, согласно китайским документам, Хуйнин (Баяньдай), о котором пишется в письме, сдан инсургентам 9 февраля 1865 г. На целый месяц позже. Поэтому письмо Чокана, датированное 14 декабря, в котором выражается уверенность о скором падении Баяньдая также следует, по-видимому, перенести на месяц позже [Валиханов, т. 5, 167].

Во втором письме, которое перевел Чокан, Мин Сюй вновь подчеркивает свое дружеское отношение к русским, что он старается защитить здания русской фактории в Или. Он сообщает, что одновременно направил письмо Западно-сибирскому генерал-губернатору, в котором также отметил этот факт и призывал продолжать торговый обмен. Чокан приложил оба оригинала к своему письму и переводу. Мин Сюй сообщает между прочим, что повстанцы поддерживают связи с Тезеком, подкупают его чаем и слитками серебра, но что, якобы, тот, «находясь в повиновении высокой державы, не внял злым наветам их» [Валиханов, т. 5, 173]. Чокан дополнил, что повстанцам Синьцзяна помогают илийские и семиреченские *чажа*, *конур-борики*, *джарты* [Валиханов, т. 5, 172], не приписал ли он в своем переводе слова «о злых наветах», чтобы защитить своего шурина? Чокан спрашивал совета Колпаковского, что отвечать повстанцам, если те пожелают скрыться на землях, подвластных России. Он все еще верит, что его назначат посредником в переговорах между русскими и цинскими властями. Он встречается и часто беседует как с цинскими послами, так и с послами их мусульманских противников. Все события Чокан рассматривает с точки зрения интересов России, не отрывает себя от них, часто использует притяжательные местоимения «мы», «наши», «нам» и т. д. и т. п. Он не исключает своей поездки в Синьцзян. В случае положительного ответа илийскому цзян-цзюню, он выражает желание самому отправиться в Кульджу с этим ответом. Его не пугала жестокая война мусульман: уйгуров, дунган, кыргызов и др. против цинского господства. Опас-

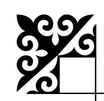


ность не останавливает молодого султана, он хочет быть полезным русским властям во всех отношениях. В китайских источниках не найдены имена командира китайских войск Чи-Джена и руководителей повстанцев: ханьца Джунь-Тан, дунганина – Па-ту-за и уйгура – Садыра, упомянутых Чоканом [Валиханов, т. 5, 168]. Таким образом, эта информация является уникальной.

В начале 1865 г. Со-колдай все еще оставался в ауле Тезека, а Чокан сообщает сведения о Бузрук-ходже, сыне белогорского *ходжи* Джахангира. Под знаменем белогорских ходжей, взяв с собой Бузрука-ходжу, в январе 1865 г. в Кашгарию вторгся Якуб-бек (1820–1877 гг.). При них было всего 608 сторонников, однако ходжу поддержали местные уйгурские феодалы и влиятельный кыргыз Садыр-бек. Весной 1865 г. Якуб-бек приступил к захвату других крупных городов Южного Синьцзяна. Итак, письмо Чокана от 30 января 1865 г. (дата, по-видимому, верна) написано по горячим следам этого события. Якуб-бек призывал казахов и кыргызов вместе бороться против «неверных» китайцев и русских. Чокан поздравляет Колпаковского с новой должностью, тот был в начале 1765 г. назначен военным губернатором Семипалатинской области и, в связи с этим событием, Чокан небезосновательно ждет перемен в своей судьбе.

Кроме того, мною была предпринята попытка отыскать сведения о других цинских чиновниках, упоминаемых в письмах Чокана. В одном письме упоминается Со-колдай, а во втором письме Мин Сюя говорится о *эчже-ку-хафине* по имени Сабитун. Чокан пишет, что *эчже-ку-хафин* – название чина. Здесь описка, первое слово должно быть *эженху* – «императорский», а второе – *хафина* означает на маньчжурском языке – «посланник» или «уполномоченный». О Со-колдае говорится во всех письмах Чокана, он прибыл в аул Тезека в ноябре 1864 г. и находился там до февраля 1865 г., почти до самой смерти Чокана, безуспешно ожидая военной помощи русских.

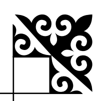
По поручению Мин Сюя в Алматы в 1865 г. также приезжал чиновник высшего ранга Жун Цюань [Цин шилу Синьцзян цзыляо, т. 11, 4874], который был назначен Илийским генерал-губернатором после гибели Мин Сюя. Жун Цюань расположился в Тургени в ожидании русского отряда и продовольствия. Здесь на него постоянно нападали казахи, поэтому он перенес лагерь к Коксу, а затем – ближе к Копалу. В это время связь Пекина с городами Илийского края полностью прервалась, свободным оставался лишь проход в Верный. Жун Цюань возвратился в Китай через Кобдо в Монголии. От него в Пекине с опозда-



нием почти на полгода узнали о событиях в Или и о страшной смерти Мин Сюя и его семьи, он же сообщил о том, что русские, наконец, согласились выделить военный отряд. Но это случилось не в то время, когда к помощи взывал Мин Сюй, а уже после того, как Илийский край полностью перешел в руки повстанцев. Пекин заподозрил, что согласие России о введении войск в Синьцзян для оказании помощи является признаком того, что она сама имеет намерение захватить Или. Что касается русского отряда с продовольствием, то его задержали у караула Укек не мусульманские повстанцы, а монголы. Именно Жун Цюань командировал курьеров в аул Тезека, среди них чжанцзина Сабитуна, упоминаемого в письме Чокана [Муцзун шилу, цз. 243. л. 14–15]. Все упоминаемые факты относятся к событиям конца 1865 – начала 1866 гг. Сабитун довез письмо Мин Сюя в аул Тезека. Он также должен был помочь возвращению в Синьцзян *солонов* (*дауров. – К.Х.*), отступивших в Восточный Казахстан. Но главным его делом была закупка казахского скота и другого продовольствия для голодающей цинской армии в Синьцзяне. В это же время, одни казахи – *кызаи*, *байджигиты* нападали на Тарбагатай, но были среди них и те, кто защищал город.

По слухам, Тезек участвовал в осаде Тарбагатая, который пал 11 апреля 1866 г. Чокан вполне мог выехать в Синьцзян вместе с Сабитуном, или в отряде Тезека, чтобы избежать ожидаемого ареста, суда и ссылки. Перечисленные факты косвенно подтверждают гипотезу о том, что, скорее всего, Чокан умер не в 1865 г, а жил, по крайней мере, еще год. В таком случае, нет ничего удивительного, если он перевел письмо Мин Сюя от 29 января 1866 г. [Валиханов, т. 5, 173].

Получив, наконец, в феврале 1865 г. два ответа из Омска на свои три письма, Чокан не в силах скрыть радость. «Предложение Ваше состоять при Вашем распоряжении я принимаю с полным удовольствием, но вместе с тем прошу у Вас в счет жалованья прислать мне рублей 100 серебряной мелкой монетой», – пишет он [Валиханов, т. 5, 173]. Он говорит, что готов служить Колпаковскому, кратко отвечает на некоторые вопросы генерала о мятеже и англичанах в Синьцзяне. Собирается позже написать более подробную справку о мусульманском восстании. Он говорит о слухах среди кыргызов, касающихся намерения *ходжей* напасть на Верный. Это было последним письмом Чокана к Колпаковскому и вообще последним письмом в его жизни. Удивляет и краткость известного нам как последнее письма, как будто бы он писал его наспех в большой спешке. Обещает



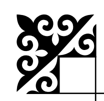
прислать подробный доклад о причинах мусульманского восстания, намекает на то, что он раздобудет новые сведения. Не в Синьцзяне ли он старался их раздобыть?

1863–1864 гг. были весьма тяжелыми для Чокана. Его лучшие друзья привлекались к судебному следствию по делу о «сибирских сепаратистах». В Омске заведено дело на его отца под заглавием «О преступных мыслях против правительства, выраженных султаном полковником Чингисом Валихановым», между тем, Чингис всегда был лоялен к царскому правительству. Какие же мысли отца Чокана были отнесены к преступным? К «сепаратистам» относились друзья Чокана Г.Н. Потанин, Н.М. Ядринцев и др., взятые в заключение, затем приговоренные к каторжным работам и ссылке.

Возможно, в Омске Ядринцев уплатил карточный долг Чокана. На эту мысль наводит сумма, которую Чокан указал как сумму долга – 300 руб, бывшему у него перед выступлением русской армии под командованием Черняева в Ташкентский поход. В другом письме Чокан прямо говорит о долге в 300 руб. серебром Ядринцеву. А также известны слова Ядринцева о том, что ему представился случай сделать «одолжение» Чокану [Чокан Валиханов. Энциклопедия, 2010, 483].

У Чокана и его отца было немало недоброжелателей. 11 февраля 1865 г. Туркестанский генерал-губернатор докладывал военному министру: «…Я неоднократно получал неодобрительные от местных властей отзывы о штабс-ротмистре Валиханове, распространявшем между киргизами Семиреченской области вредные для спокойствия края слухи». Эти «возмутительные слухи», говорилось в донесении, сеялись Чоканом вместе с его шурином – полковником Тезеком. Туркестанский генерал-губернатор приказал арестовать обоих и произвести следствие. Принято считать, что Г. Колпаковский покровительствовал Чокану. Предупредил ли он Чокана или не успел? Или не считал нужным это делать? Каким образом Чокану удалось избежать ареста? В любом случае, Чокан стал головной болью для генерала, который не мог скрыть поступок Чокана ни с военно-дисциплинарной, ни с национальной, ни с политической точек зрения.

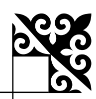
Колпаковский признал все же необходимым удалить Чокана из Семиреченской области. В свете этого приказа, предложение Колпаковского о службе под его началом выглядит маневром, он не мог не знать о подозрениях относительно Чокана, если в феврале они дошли уже до Ташкента. Не написал ли Колпаковский свое предложе-



ние служить у него, чтобы усыпить бдительность Чокана? Следовательно, он имел серьезное основание думать о том, что Чокан имеет возможность скрыться. А скрыться он мог лишь в Синьцзяне, куда новые мусульманские правители приглашали казахских кочевников. Из Синьцзяна ими были вытеснены калмыки (из долины Текеса, например), сибо, солоны, их пастбища оставались пустыми. С другой стороны, что могло быть отнесено русскими властями «к вредным для спокойствия в Семиречье слухам»? Это – планы главы государства Йеттишар освободить от русских мусульман Средней Азии, и готовящемся его и кокандцев намерении отбить Верный, о чем Чокан успел сообщить в одном из своих писем.

7 апреля 1865 г. начальник Главного штаба генерал-адъютант граф Гейден в докладе военному министру Милютину привел мнение командующего войсками Западно-Сибирского округа: «… Генерал-лейтенант Хрущев полагал бы более соответствующим перевести штабс-ротмистра Валиханова на службу в какой-либо кавалерийский полк внутри империи, где по условиям окружающей его среды пребывание его не может повлечь за собой никаких вредных последствий». А.П. Хрущев стал Западно-Сибирским генерал-губернатором (в 1865–1889 гг.), вопреки ожиданиям Чокана, что этот пост достанется Г. Колпаковскому. Официально, Чокан оставался в распоряжении Омска, а не Семипалатинска. Ничего хорошего от генерала Хрущева он ожидать не мог, их отношения не сложились с самого начала. По-существу, Чокана планировали отправить на территорию России (Сибири?) заложником, как его некоторых непокорных родственников. На докладе Хрущева имеется резолюция военного министра о Чокане: «Перевести в один из кавалерийских полков по выбору самого штабс-ротмистра Валиханова». Телеграмма с приказом была отправлена из Петербурга в Омск 9 апреля 1865 г. и доставлена 10 апреля, точно в день смерти Чокана. Сложный вопрос разрешился сам собой. Эта смерть породила в степи различные слухи, которые были известны и ученому А.Х. Маргулану, и писателю Сабиту Муканову, писавшему трилогию о Чокане «Промелькнувший метеор». Но об этом они предпочли промолчать.

Советские ученые, писатели, изучавшие биографию Чокана и имевшие представление о «Валихановском деле» задавались вопросом о том, что же на самом деле произошло в ауле Тезека? Ни царские, ни советские власти не были заинтересованы вытаскивать на белый свет все обстоятельства дела о человеке, чтобы не повредить



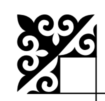
его сложившемуся лакированному образу непоколебимого приверженца России.

Каких последствий опасались русские? Того, что Чокан примкнет к мусульманскому восстанию? Но, хорошо известно, что Чокан всегда отрицательно относился к исламу и никогда не скрывал этого. Уже одного того, что он учился в русской военной школе, был на царской службе, достаточно, чтобы мусульмане его отвергли. Прояснить ситуацию может лишь: 1) изучение всей переписки между Верным, Ташкентом, Омском и Петербургом о Чокане, и 2) подробное изучение судебного дела Тезека, участвовавшего в синьцзянских делах и в судьбе Чокана. Известно, что в 70-х гг. подвластные Тезека самовольно откочевали в Илийский султанат, а он сам серьезно подозревался в предательстве России.

Наводят на размышление и факты, приведенные в Энциклопедии «Чокан Валиханов» о работе по составлению различных вариантов эпитафии на могиле Чокана. Конечный вариант целеустремленно направлен на реабилитацию Колпаковского.

Обратимся к обстоятельствам отношения Чокана к письмам, адресованным Мин Сюем его начальству. Чокан оба раза самовольно вскрывает письма илийского генерал-губернатора, адресованные Г. Колпаковскому. Это может свидетельствовать о срочности дела и его важности, а также о каких-то доверительных отношениях, сложившихся между Чоканом и Колпаковским. Кроме того, ему в бытность адъютанта генерал-губернатора Гасфорта приходилось иметь дело с его перепиской, приходилось вскрывать письма из степи и докладывать о них начальству. Осознавал ли он перемену в своем положении и чем объяснить его дерзость? По поводу первого письма *цзян-цзюня* Чокан пишет: «Так как лист цзян-цзюня был, по словам маньчжуров, написан таранчой, не совсем хорошо знающим их язык, и так как в Верном перевод прежнего листа был сделан при их помощи, они просили меня перевести вместе с ними лист *цзян-цзюня*. Я осмелился поэтому распечатать и сделать перевод. Надеюсь, что ваше превосходительство не будете в претензии на это самоволие» [Валиханов, т. 5, 163]. Как бы то ни было, чужие письма вскрывают для получения ценной информации. И Чокан ее получил, но с какой целью, мы точно не знаем.

Таким образом, *цзян-цзюнь* Мин Сюй велел первое письмо написать на чагатайском. Что и исполнил какой-то илийский уйгур (*таранчи*, как их тогда называли), который не знал китайского языка. Хоро-

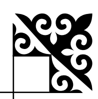


шо бы найти это письмо! Второе письмо *цзян-цзюня,* доставленное в аул Тезека, было на маньчжурском языке. Этот лист Ч. Валиханов перевел при помощи Со-колдая «соображаясь, – как пишет он, – с маньчжурским текстом». И вновь извиняется: «… пакет я сам должен был подпороть. Надеюсь, ваше превосходительство, не будете за это на меня сердиться (в Омске нужно было бы обращаться к переводчику)» [Валиханов, т. 5, 172]. Здесь Чокан оправдывается тем, что в Омске все равно нужно было бы искать переводчика и терять время на перевод срочного письма. Безусловно и то, что в Омске все равно должны были бы перепроверить перевод Чокана. В данном случае, спешная помощь необходима была цинам, а русская местная администрация должна была списаться с Петербургом и только потом предпринимать какие-то шаги по приказу из столицы.

Интересно было бы найти официальное ходатайство Г. Колпаковского о Чокане, обосновывающее целесообразность оставления его на русской службе.

Итак, Чокан вел весьма деятельную жизнь во время шестимесячного пребывания в ауле Тезека. Половина этого срока подтверждается его перепиской, а другая, возможно, продлившаяся до года – еще требует изучения. Но все загадки последних лет жизни Чокана еще не разгаданы. Между тем, современное состояние исторической науки весьма благоприятно для беспристрастного изучения его жизненного пути, его колебаний и ошибок.

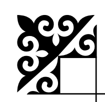
Пока напрашивается несколько вариантов того, что повлияло на раннюю смерть Чокана, равно как и выбор официальной даты его смерти. Первый из них – официальный вывод о смерти от болезни нельзя считать окончательным, второй – Чокан мог выехать в Синьцзян, как в его джунгарский район, так и в кашгарский. Он мог выехать с отрядом Тезека, а мог присоединиться к откочевавшим в верховья Или другим албанским аулам. Третий – от аула Тезека он мог выехать также через земли кыргызского племени *богу* в Кашгар. С отрядами Якуб-бека в Кашгар прибыл родственник Чокана, сын Кенесары – Садык, который не мог не знать причин, по которым Чокан покинул армию Черняева. Садык был не последним человеком в защите Ташкента. Как известно, сторонники Якуб-бека приезжали в аул Тезека не случайно, Чокан запрашивал совета о том, как ему вести себя на случай их просьбы о помощи от русских. Четвертый – кроме Садыка, в Кашгаре оставались знакомые Чокана, среди них – и его уйгурская жена. Чокан рвался в Кашгарию, он мечтал об открытии



русского консульства в этом городе, мечтал также о службе в должности консула. Наконец, он был готов ехать с новым заданием в мятежный Синьцзян.

Не следует сбрасывать со счетов и интерес к Чокану со стороны Англии. Многие считают, что Чокан вместе с Г. Потаниным направлял статьи в «Колокол» о положении в степи. Эти статьи опубликованы без имени авторов, но, судя по их содержанию и стилю изложения, они могли принадлежать перу этих двух друзей. С журналом Чокан мог знакомиться в Петербурге, так как его регулярно получал Семенов-Тянь-Шаньский, как член комиссии по крестьянской реформе. Молодые люди не могли отправить их Герцену самостоятельно, без явного согласия П.П. Семенова, их наставника и покровителя. Кроме того, сокращенный вариант отчета Чокана о путешествии в Кашгар, зачитанный им в ИРГО, стал тотчас известен в Англии и опубликован в книге «Русские в Кашгаре».

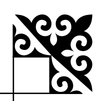
В 1865 г. англичане начали переговоры о продаже вооружения Якуб-беку, что вызвало большую озабоченность Петербурга. При создании крепости Верный с Урала были доставлены фальконеты и пищали, давно вышедшие из употребления. В конце 50-х гг. XIX в. из Тобольска были присланы пушки, ядра к которым лежали со времен царствования Павла, т.е. почти полвека. Оружие было устаревшим, но, если представить себе, что среднеазиатские народы не имели огнестрельного оружия, то и устаревшее вооружение могло быть применено для их запугивания. В 50–60-гг. XIX в. Англия, развязав опиумные войны, мало считалась с Китаем. Поэтому в Семиреченском крае, в Верном в 1865 г. была настоящая англофобия и паника в связи с известием о готовности Англии поставлять среднеазиатским и синьцзянским повстанцам и государствам более современное оружие. Англия старалась поднять народы Центральной Азии против России и захватить территории этого региона. А в связи со слухами о планах Коканда и Кашгара освободить мусульман от *кафиров*, как китайских, так и русских, вопрос о связях кого-либо с Англией становился для туркестанцев очень опасным. Г. Колпаковский запросил мнение Чокана об англичанах, но ответ того выглядит явно уклончивым: «В Каратегин англичане попасть не могут – страна эта недоступна со стороны Индии, и зачем англичанам лезть в горы, когда очень удобно пройти через Кашгар», – справедливо отметил Чокан. Но далее он приписал: «Вообще рассказы об англичанах составляли слабость *ага-манапов* Сарынбека – не из той ли стороны пришел и этот слух?».



Во время восстаний в Кашгаре в 1825 и 30 и 45 годах всегда было слышно здесь, что есть англичане. И всякий раз это оказывалось ложным» [Валиханов, т. 5, 175]. Но в Омске о готовящихся переговорах англичан с Якуб-беком было известно достоверно. Не мог об этом не знать и Чокан, державший в руках широко распространявшиеся прокламации Якуб-бека. Возможно, он не был готов ответить на запрос Колпаковского с исчерпывающей полнотой, но, скорее всего, он не хотел пока, до получения должности представителя русских властей (агента, по его выражению), делиться всей важной информацией.

Между тем, не исключено, что он встречался с представителем англичан из числа уйгуров или кыргызов. Не случайно в чиновничьей среде Семиречья ходили слухи о якобы готовившейся измене России со стороны султана Тезека и Валиханова (Гази-Булата или Чокана?) Администрации Верного были известны случаи приезда в Семиречье агентов Англии, а кто-то был задержан и в самом Верном. Таким образом, зрело англо-китайское соперничество в деле раздела сфер влияния в Туркестане. Чокан мог быть полезен в деле расстройства английских планов вооружения народов региона и, по меньшей мере, в деле получения достоверной информации о тайных отношениях среднеазиатских правителей, в том числе и Якуб-бека, с Англией. Тревожные слухи достигли своего пика в 1966–1967 гг., после смерти Чокана.

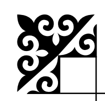
Внезапная смерть Чокана представляется для всех исследователей загадочной. Те, кто придерживается гипотезы об убийстве, считают, что это было в интересах России. Их версии разнятся лишь при указании исполнителей. Одни считают, что удушение или отравление произведено приставленным Петербургом к Чокану денщиком – «хитрым татарином» Мухамедзяном Сейфульмаликовым (над отцом которого тяготела тайна недоказанного убийства Мехди Рафаилова), либо «коварным» султаном, деверем Чокана – Тезеком, либо более близким родственником Чокана – Гази-Булатом Валихановым, внешне удивительно похожим на Чокана. Чокан был человеком высокого положения и настолько широко известным, что убийство вышеуказанными лицами могло совершиться по прямому приказу свыше. Если оно было произведено из личной мести, они были бы строго наказаны. Кроме того, логичнее предположить, что убийство Чокана мог совершить человек малоизвестный, которого могли впоследствии легко и без лишнего шума устранить. А султаны Тезек и Гази-Булат не пошли бы на убийство своего абылаевича. Какие бы



разногласия и какое бы соперничество не были между потомками Абылая, они не шли на убийство, тем более, по наущению чужеземцев. Это свидетельствует из анализа отношений семиреченских абылаевичей к Кенесары.

Более правдоподобной кажется следующая версия. Чокан выехал из Петербурга неожиданно в связи с новым заданием, связаным с наиболее беспокоившим русские власти соперничеством с Англией в регионе. В связи с этим Чокан и прибыл на границу в аул Тезека. С англичанами Чокан мог связаться через казахов, находящихся в Кашгаре. Это мог быть некий *найман*, служивший телохранителем кокандского аксакала в Кашгаре, а, возможно, и с сыном Кенесары – Сыдыком (Сыздыком). Не случайно Петербург того простил, несмотря на то, что Садык участвовал в обороне Ташкента против царской армии, а также в строительстве государства Якуб-бека. Благодаря Садыку, Чокан мог иметь наконец, и решение личного вопроса – в Кашгаре оставалась его временная жена *чаукен* Фатима. Возможно, планировалась какая-то новая секретнейшая операция, одно из звеньев которой было связано с Чоканом. Этим также можно объяснить, что рядом с ним в Алтын-Эмеле в качестве двойника для конспирации находился другой Валиханов, так же, как и Чокан, имеющий офицерское звание штаб-ротмистра. Думается, что в официальных бумагах это звание не случайно пишется перед фамилией Валиханов, но не пишется имя человека. Это выглядит более, чем странно. Если же это делалось намеренно, чтобы скрыть следы исчезновения Чокана, то все перечисленные обстоятельства говорят о том, что Чокану предстояло более опасное дело, чем в 1858 г. Оно было тем опаснее, что в Кашгаре и Киргизии он был фактически разоблачен, и спасся бегством в апреле 1859 г. Само задание также было намного серьезнее. Но дело не было осуществлено, а о причинах этого при нынешнем владении нами документами мы можем только предполагать.

Настала пора провести эксгумацию останков Чокана, чтобы убедиться в том, что именно они лежат в захоронении. Во-первых, легко провести анализ ДНК у здравствующих и усопших Валихановых. Хорошо известны места захоронения султана Чингиза – отца Чокана и его бабушки Айганым. Во-вторых, легко выяснить причину смерти Чокана – от пули, яда или удушения, т. е. отмести насильственный характер этой смерти. В-третьих, направить исследователей на поиск и обнародование всех документов о Чокане, Гази-Булате и Тезеке, их переписки с Колпаковским. От Колпаковского должны были посту-

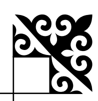


пить деньги, которые Чокан просил в расчет жалованья и приказ об облечении его полномочиями для переговоров с цинами и мусульманскими вождями от имени русских властей. В любом случае, эти шаги имели антианглийскую направленность. Если смерть Чокана произошла по приказу из Петербурга, генерал, вероятно, был бы осведомлен об этом. Вызывает много вопросов то обстоятельство, что Чокан получил ответ на все свои три письма от него и после этого исчез. Следует также сделать тщательный графологический анализ почерка письма, в котором содержится просьба забрать в Сырымбет жену Чокана – Айсары. Не убирали ли нежелательного свидетеля, не важно, нового ли задания Чокана, или его устранения.

3.4.5. Чокан Валиханов в китайской историографии

Казахстанские ученые высоко оценивают научные результаты путешествий западных и русских путешественников в Центральной Азии и в Казахстане. В то же время, мы прекрасно осведомлены о том, какую роль им предназначала царская Россия в завоевании края. Принимая во внимание политическую подоплеку путешествий, мы с уважением относимся к их сведениям об обычаях, быте и нравах народов, они и по сей день составляют ценнейшую основу этнологии, истории, истории цивилизации. Точно также, со страниц исследований не сходят имена китайских путешественников и разведчиков, дипломатов древности и средних веков. Несколько поколений казахстанских ученых бережно относятся и тщательно анализируют любые факты и рассуждения, имеющиеся в их дневниках и записках, которые в свое время прошли строгую цензуру всевозможных китайских исторических комиссий, чиновных ученых и ученых чиновников. К примеру, рукописи Марко Поло, Рубрука были проявлением свободного творчества, а все путешествия из России санкционировались и финансировались Российской академией наук, Генштабом Военного министерства и Русским императорским географическим обществом. Они выходили в свет под редакцией известных ученых.

Особое место в науке Казахстана занимает творческое наследие Чокана Валиханова. Огромный вклад казахского просветителя и исследователя в историю, филологию, культуру не только казахов, а также других народов Центральной Азии и Синьцзяна для нас является неоспоримым фактом. В знак уважения к ученым заслугам Ч. Валиханова первому в истории казахов академическому Институту

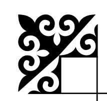


истории дали его имя, а перед зданием Академии наук ему возведен памятник. Также высоко ценится вклад Ч. Валиханова в изучение истории Джунгарии и Восточного Туркестана, на территориях которых в 1884 г. была образована провинция Синьцзян (ныне – СУАР КНР). В этом свете представляет интерес отношение к личности и творчеству Чокана китайских ученых.

В цинскую эпоху историки о нем не знали, интерес к трудам иностранных ученых стал проявляться в Китае лишь в конце гоминьдановского правления в период Миньго (1911–1949 гг.).

В источниках империи Цин встречаются сведения о некоторых русских путешественниках, в том числе, об уроженце Казахстана и друге Валиханова – Г. Потанине. Его дневник был выкраден в Китае. Это и понятно, Г. Потанин совершал путешествия в Монголию, провинцию Ганьсу и другие западные районы с разрешения китайских властей. Ч. Валиханов совершил путешествие в Кашгарию тайно, а его непродолжительному до этого визиту в Кульджу в 1856 г., очевидно, также не придали особого значения.

Впервые к творчеству Ч. Валиханова обратились историки нового Китая. К сожалению, это произошло в годы так называемой «культурной революции», в годы резкого ухудшения советско-китайских отношений. Это было время, когда политические факторы весьма остро и крайне неблагоприятно отражались на исторической науке и культуре Китая. Это явление возникло всего лишь через десять с небольшим лет после образования КНР. Историография коммунистического Китая только становилась на ноги, а крупные гоминьдановские историки бежали на Тайвань или были не у дел. Историки КНР 60–70-х гг. XX в., хотя и декларировали свой отход от феодальной и националистической историографии, но фактически они не смогли и не смогут преодолеть давления 21 династийной истории. Эти уникальные «истории» надо рассматривать как ценнейшее духовное наследие не только Китая, но и всей мировой культуры. И все же нельзя забывать о том, что они относятся к периоду образования и расцвета феодальной историографии и являются его продуктом. В годы «культурной революции» к еще не изжившему себя наследию феодальной историографии и феодальной идеологии добавилась марксистская идеология с ужасающей терминологией «культурной революции». При этом, по проблемам истории народов Центральной Азии, их государственности и политических связей с Китаем в прошлом, националистическая (гоминьдановская) и «маоистская» историогра-

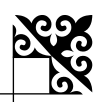


фия проявляли удивительное единодушие. В такой политической ситуации не могло быть и речи об объективной оценке вклада Чокана Валиханова в историческую науку, в изучение истории Синьцзяна. С научной стороны его поездка курировалась Русским Императорским Географическим обществом, а с военно-разведывательной – Генеральным штабом Военного министерства и Азиатским департаментом МИД Российской империи. Научные интересы в то время были подчинены политическим целям Российской империи.

В 80-е гг. XX в. в журнале «Шицзе лиши» (Всемирная история) появилась специальная статья, посвященная Ч. Валиханову, под названием: «Первый царский шпион в Южном Синьцзяне» [Дэн Шаоцинь, 1980, № 4]. Что же тут удивительного, если советских китаеведов в те печальные годы называли порой «шпионами в области культуры»? В научных публикациях, посвященных иностранным путешественникам в Центральной Азии и их исследованиям по истории Шелкового пути, были обычными выражения: «иностранные дьяволы», «заморские черти в китайском Синьцзяне», «заморские бандиты», «грабители китайских культурных сокровищ», и т. п.

Между тем, Чокана можно сравнить с ханьским путешественником Чжан Цянем и задать вопрос: «Кем же, как не разведчиком Ханьской империи является Чжан Цянь, дважды (в 139 и 116 годах до н. э.) совершивший путешествие в Западный край? В своем отчете он привел стратегически важные данные о том, сколько войска может выставить каждое из посещенных им владений, подсчитал расстояния между ними и китайской столицей, охарактеризовал их отношения между собой и с сильным врагом своей империи – Сюнну. Мировая наука, и наша в том числе, высоко оценивают роль Чжан Цяня как одного из открывателей Великого шелкового пути, как человека, способствовавшего установлению первых культурных, политических, экономических и военных связей Ханьской империи с государствами Центральной Азии. Ни один наш ученый не позволил себе назвать Чжан Цяня и других китайских путешественников «шпионом в Центральной Азии».

Естественно, что ученые пишут свои работы, исходя из интересов своего народа и своей страны, как они это понимают. Но никогда заранее не известно, в какое время и в какую сторону будут повернуты их выводы. К примеру, древние китайцы изобрели порох, чтобы производить взрывы для изгнания злых духов и другой нечистой силы перед Новым годом или новым жилищем. А в последующем

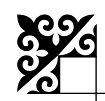


это изобретение стали применять для убийства людей. Так и труды путешественников, предпринятые с политической и военной целью, через годы и века вдруг начинают сверкать неожиданными красками и приносить пользу науке. Иностранные путешественники, разведчики и исследователи второй половины XIX в., как правило, кропотливо изучали итоги всех предыдущих известных путешествий в Западный Китай, совершенных китайцами.

Уже по названию указанной статьи видно, что китайские ученые пренебрегли научным значением итогов тайного путешествия Ч. Валиханова в Кашгарию (Алтышар – Шестиградье, Йеттишар – Семиградье).

Оценка первой в китайской историографии статьи, специально посвященной личности и деятельности Чокана Валиханова, полностью совпадает с оценкой изданных в том же году двух томов «Краткой истории Синьцзяна в четырех томах» (Синьцзян цзяньши), подготовленных Институтом народов Синьцзяна (ныне – Институт истории) Академии общественных наук СУАР КНР. В книгах подведены итоги изучения Синьцзяна в КНР и за рубежом. Первые два тома под редакцией Чэн Хуа, освещающие события древности и средних веков, были посвящены 30-летию образования КНР. Третий том был издан гораздо позже, но уже под редакцией Чэн Хуйшэна. Четвертый том, который должен был охватывать события со дня образования КНР, т. е. с 1949 г., так и не увидел свет. В настоящее время Академия общественных наук КНР готовит многотомную историю Синьцзяна. Посмотрим, как в этом труде будет выглядеть талантливый казахский исследователь Чокан Валиханов и как будет оценен его вклад в историографию Синьцзяна.

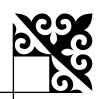
Во 2-м томе «Синьцзян цзяньши» имеется глава: «Разведывательная деятельность царской России с целью поглощения наших территорий» [Синьцзян цзяньши, 1979, 14–19]. В отрывке о Ч. Валиханове авторы опирались на материалы книги, изданной в 1953 г. под редакцией академика АН КазССР А.Х. Маргулана [Валиханов. Избранные произведения, 1957]. Все, что в этой книге отмечено в положительном ключе, китайские ученые преподносят в отрицательном. Не приведено ни новых фактов, ни оригинальных идей. Тогда китайские ученые еще не приступили к работе над архивными материалами, а лишь осваивали с новых марксистско-маоистских позиций свое огромное историческое наследие. Валиханова китайские ученые поставили в один ряд с европейскими учеными, вывезшими из За-



падного Китая бесценные культурные сокровища: редкие рукописи, настенные фрески, скульптуры, монеты и т. п. Справедливости ради следует отметить, что, благодаря вывозу за рубеж, эти сокровища сохранены для науки. К примеру, в блокадном Ленинграде сохранены, наряду с другими реликвиями, дуньхуанские рукописи, которые до вывоза в Россию находились на грани уничтожения.

Сегодня все, в том числе и китайские ученые, признают, что европейские ученые ранее хань начали серьезное изучение письменного культурного наследия народов Синьцзяна. И первым среди первых был Чокан Валиханов, чингизид, не нуждающийся в переводчике ни для устных расспросов, ни для чтения чагатайского письма. В указанном томе китайские историки дают картину освоения Россией Сибири, строительства крепостей на Иртыше. Описывая экспансию России на Восток, они, по существу, шли вслед за советскими учеными, не приводя ни одного факта из собственных архивных материалов. Они лишь акцентировали внимание на захватнических планах и колониальной политике царского правительства. Между тем, они вполне сопоставимы с политикой Цинской империи в Синьцзяне. Ниже вкратце передаем стиль и дух, в котором написаны страницы о Чокане Валиханове. Здесь говорится, что «научные экспедиции» были всего лишь вывеской и орудием агрессии в руках царей – от Александра I до Николая II. Геологи, военные инженеры, топографы, астрономы орудовали на территории, принадлежащей якобы Китаю – от Иртыша до Чу и Таласа, от Иссык-Куля до Балхаша. Одновременно, продолжают они, все свои завоевания Россия стремилась законодательно закрепить в навязываемых Китаю неравноправных договорах. Россия в 1851 г. добилась открытия для прямой торговли в городах Тарбагатай и Кульджа, а в 1852 г. – основания российских консульств в указанных городах, а затем в Кашгаре.

В русле этой деятельности, по предложению «главного вдохновителя захвата китайских западных территорий» русского ученого П. Семенова (Тянь-Шаньского) и Директора Азиатского департамента МИД, западно-сибирский генерал-губернатор Гасфорт командировал в китайский Южный Синьцзян правнука хана Абылая – Чокана Валиханова. Хотя он выехал в составе торгового каравана в одежде узбекского купца, перед ним были поставлены политические задачи, а не торговые. Ч. Валиханов изучал политическую, военную, экономическую, торговую и культурную ситуацию в шести городах: Аксу, Уши, Кашгаре, Янгишаре, Яркенде, Хотане. Авторы «Краткой истории Синьцзяна» ставят



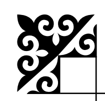
в вину Валиханову: вывоз большого количества ценных артефактов, рукописей («Повествования» о Сутук Богра-хане, Тоглук-Тимуре, уйгурских ходжах, Абу-Муслиме мулле и др. Интересно, где находятся эти рукописи? – *К.Х.*). Кроме того, Чокана обвиняют в том, что он собрал древние монеты, образцы минералов, каллиграфии, одежды, украшений, керамических, фарфоровых и других ценных изделий искусства. По-видимому, здесь, если не считать минералов, просто перечислены товары, обычно закупаемые в Кашгарии среднеазиатскими купцами и европейскими путешественниками. Через полгода, в апреле 1859 г. Ч. Валиханов возвратился в Верный, а затем в Петербурге он удостоился аудиенции императора. Его труды усиленно изучались политиками, дипломатами, администраторами, военными, учеными, – справедливо отметили китайские ученые [Синьцзян цзяньши, т. 2, 18].

Глаза китайских историков были зашорены прикладным значением тайного путешествия Чокана в Кашгарию. В то же время, они все же высоко оценили итоги путешествия для будущего изучения отношений Синьцзяна и Казахстана.

В книгах содержатся нападки на деятельность первых русских консулов: в Тарбагатае (Чугучаке) – А.А. Татаринова и в Кульдже – И.И. Захарова. Это были хорошие знакомые Ч. Валиханова, высокообразованные люди своего времени, их донесения о гражданском, экономическом, военном и культурном состоянии Синьцзяна и всего Китая поражают своей точностью, глубиной оценок и дальновидностью выводов. Можно лишь пожелать, чтобы современные консулы наших стран хотя бы в малой степени соответствовали уровню российских консулов царского времени.

Известно, что Чокан мечтал об открытии российского консульства в Кашгаре и хлопотал о своем назначении на должность первого консула. Безусловно, он прекрасно подходил для этой работы – по подготовленности и своим научным интересам. Кашгар мог стать центром борьбы Великобритании и царской России за Центральную Азию. Чарующий Кашгар, безусловно, пришелся ему по сердцу, как приходится всем, кто хотя бы один раз побывал в этом городе.

Оценку путешествия Ч. Валиханова следует рассматривать в русле изучения в Китае путешествий и исследований зарубежных путешественников. В современной китайской историографии оно прошло следующие этапы: 1) игнорирование работ большинства иностранных ученых. Впервые китайцы достойно оценили работы иностранцев по истории монголов и Монгольской империи, в 30-х гг. XX в. они



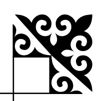
пошли на создание новой истории династии Юань, узнав о труде персидского ученого Рашид ад-Дина; 2) поверхностный общий негативный взгляд с точки зрения политических интересов в период «культурной революции»; 3) переход к научному изучению трудов путешественников, организация их переводов при помощи создания международных проектов и привлечения зарубежных грантов.

Сегодня китайские ученые решительно отказались от хлесткой пропагандистской терминологии времен «культурной революции» и политических кампаний. И все же, не следует забывать, что изучение истории Синьцзяна подчинено в Китае стратагеме «объединения и сохранения целостности территории китайского государства, укрепления единства многочисленных народов Китая». Поэтому научная объективность китайской официальной историографии имеет свои пределы.

Китайские ученые начали серьезно изучать труды путешественников лишь в конце 80-х гг. XX в., в особенности после образования в 1992 г. «Центра (ныне Института) исследований истории и географии пограничных районов Китая» (中国边疆史地研究中心) Академии общественных наук КНР в Пекине. Здесь скрупулезно изучаются жизнь и произведения западных, индийских, русских, японских и других путешественников в Синьцзяне, издаются переводы их книг, проводятся посвященные им научные конференции. Наиболее полно изучены труды шведа Свена Гедина, фина Густава Маннергейма, японских путешественников. В сокращенном виде и с комментариями изданы переводы их основных трудов, некоторые из них переводились и раньше, но для служебного пользования. Трудов Ч. Валиханова мы среди них не найдем.

После указанных выше достаточно поверхностных замечаний о Чокане, в последующем китайские историки стали относиться к этому имени с большой осторожностью. Так же как, впрочем, и к знаменитым европейским и японским путешественникам-разведчикам.

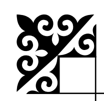
В Китае в 80–90-е гг. проведена большая работа по переводу трудов иностранных (индийских, английских, шведских, немецких, русских, японских) путешественников в Синьцзяне XIX – первой половины XX вв. В Сборниках статей, посвященных этой теме, китайские исследователи более гибко и научно объективно подошли к характеристике и оценке усилий зарубежных ученых, направленных на то, чтобы познать прошлое и своими глазами увидеть настоящее положение Синьцзяна. Они отказались от однозначно отрицательной



характеристики «зарубежной нечистой силы», дали высокую оценку предпринятым ими усилиям по сохранению и изучению памятников культуры народов Синьцзяна, Тибета и Монголии [Сиюй каоча юй яньцзю, 1994; Сиюй каоча юй яньцзю. Продолжение, 1996]. Из русских путешественников на первое место китайские ученые ставят Пржевальского. По их мнению, в результате четырех своих путешествий он добыл наиболее научно значимые и ценные сведения. В 50-е гг. они выразили недовольство тем, что художественный фильм о Пржевальском был подан на соискание международной премии. В целом, достаточно объективно оценивается и научное значение путешествия П.П. Семенова по Тянь-Шаню, но под тем же «соусом», как орудия колониальной политики.

Должно констатировать, что в фундаментальных работах ученые КНР до сих пор редко обращаются к трудам Ч. Валиханова. Нечего говорить об учебных пособиях по истории Синьцзяна, подготовленных историками как этой провинции, так и других крупных научных центров Китая. Китайские историки недостаточно глубоко изучили вклад Чокана в изучение Синьцзяна, не выделили ему достойное место в исторической науке Казахстана. Поэтому многие предпочитали умалчивать о нем. Но перелом наступил, и он связан с общим преодолением влияния «культурной революции» на историческую науку. Этот перелом чувствуется уже по материалам конференции, проведенной в сентябре 1996 г., где был зачитан доклад Ли Чуньхуа «Взгляды на перевод и публикацию иностранных тайных исследователей Западного края» [Ли Чуньхуа, 1996, 148–157].

Таким образом, мы должны принять во внимание объективное состояние китайской историографии на сегодня некий день. Во-первых, в Китае только в последнее десятилетие XX века стали обращаться к архивным материалам своей страны, а также других стран. Это связано с подготовкой новой редакции «Истории династии Цин» («Цин ши»), которая пополнит список династийных историй, а также упомянутой выше многотомной «Истории Синьцзяна». В официальных трудах по истории Синьцзяна (Синьцзян цзяньши) до конца XIX в. вы не увидите ни одной ссылки на архивные материалы. Во-вторых, общее отношение китайских историков к зарубежным путешественникам, ведшим исследования в Китайском Туркестане в XIX – начале XX вв. продолжает оставаться противоречивым. Одно время они вообще не хотели признавать тех, кто похитил или открыто увез многие культурные ценности. Им понравилось, что Петер Хоупкирк назвал

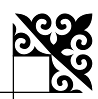


английских, немецких, шведских, русских, японских и других путешественников «дьяволами» на Шелковом пути [Hopkirk, 1984].

Думается, здесь мы имеем дело со своеобразным английским юмором, ведь китайцы XIX в. называли иностранцев «*ян гуйцзы*» – «заморские черти», автор использовал эти слова в заголовке своей книги иронически и для ее броскости. Книга Хоупкирка была довольно быстро переведена на китайский язык и издана в Ланьчжоу. Наступила пора однозначных обвинений в адрес иностранцев по вывозу культурных ценностей народов Синьцзяна, которые в то время были на грани исчезновения и для Пекина ничего не значили. Ч. Валиханов, конечно, не мог вывезти что-то значительное. Но его обвиняют в деятельности, якобы способствовавшей еще большей потере, нежели культурные ценности, потере «исконных территорий Китая» в Казахстане и Средней Азии [Синьцзян цзяньши, т. 1, 1988, 344]. Мы с этим согласиться не можем, так как казахские земли, вошедшие в состав Российской империи, а затем – СССР остались за казахским государством. Следовательно, сегодня мы можем оценить деятельность нашего соотечественника и с этой стороны. Если же китайские ученые будут продолжать игнорировать научные достижения Чокана в изучении истории народов Синьцзяна и его состояния в период маньчжурского владычества, то тем самым продемонстрируют свою необъективность. Надобно также знать, что Ч. Валиханов первым обратил внимание на грамоты цинских императоров к казахским правителям и дал им научно обоснованную историческую оценку [Хафизова, 1988/]. Чокан Валиханов с большим интересом и уважением к Китаю изучал историю казахско-китайских отношений.

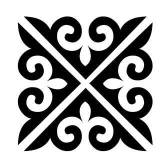
Помимо всего прочего, в Китае стали довольно болезненно воспринимать словосочетание «Восточный Туркестан», вероятно, в связи с тем, что оно входило в название двух кратковременно просуществовавших в первой половине XX в. Исламских Республик в Синьцзяне. Между тем, для всех нас это словосочетание имеет, прежде всего, географический смысл, как место расселения тюркских племен в восточной части Центральной Азии.

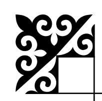
Общее отношение к проблеме оценки иностранных исследователей региона выразила профессор Ланьчжоуского университета (пров. Ганьсу) Ма Маньли, которая отметила их первенство и их большой вклад в дело изучения истории и этнологии Синьцзяна XIX в. [Ма Маньли, 1994, 34]. Она считает, что территория исторического Западного края является территорией Центральной Азии и Синьцзяна, ко-



торая как была, так и остается своеобразным мостом между Европой и Азией, территорией международного диалога цивилизаций, что изучение зарубежных исследований необходимо, прежде всего, для самого Китая, для развития кругозора самих ханьцев в важный период успешного проведения реформ и политики открытости.

Тем не менее, полностью игнорировать имя Чокана все же было невозможно, кое-что из его трудов переводилось на китайский язык для служебного пользования и для библиографических списков. На них, хотя и редко, ссылаются при изучении проблем истории Синьцзяна, русской торговли в Синьцзяне (Ли Шэн, Ма Дачжэн, Ма Маньли), истории казахов [Ли Шэн, 1996, 63], жизни и деятельности уйгурских ходжей [Цзи Дачунь, 2010, 062–063]. В перспективе с китайскими учеными можно было бы создать совместные проекты по историографии и по истории отдельных периодов Синьцзяна и Казахстана. Создать общие библиографические списки трудов о путешествиях зарубежных и китайских путешественников в районы Синьцзяна и Казахстана в XVIII–XIX вв. Многие знаменитые и малоизвестные европейские путешественники XIX в. стремились посетить одновременно Русский и Китайский Туркестан – в связи с близостью этих регионов и их общей историей. Все мы признаем, что сегодня нельзя пренебрегать научным обменом и международным сотрудничеством в области науки и образования. Эти проблемы находятся в тесной связи с инициативой КНР «Один пояс, один путь».





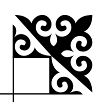
4. МЕСТО И РОЛЬ БАТЫРОВ В ПОСОЛЬСКИХ СВЯЗЯХ СТЕПНЫХ ВЛАСТИТЕЛЕЙ

4.1. Батыры и дипломатия

Наивысшим достижением карьеры чингизида было получение статуса и подкрепляющей его именной тамги с титулом *бахадур хан*. Тамга означала, что ее обладатель облечен доверием феодальной знати и обладает большими полномочиями во время военных действий казахов и в установлении международных отношений. Хана окружала и ему служила аристократия со своими подвластными людьми. В первом их ряду стояли родственники по прямой линии. Но они же больше всех ожидали покровительства и поддержки со стороны верховного сюзерена. Далее шли отличившиеся представители «черной кости», проявившие выдающиеся полководческие и организаторские способности. Вначале они служили своему роду, его старшине, сопровождали его в числе родового ополчения. Им доставалась определенная обговоренная часть добычи: юрты, люди, скот и другое имущество. Покровители передавали в управление своих батыров пастбища, они постепенно обзаводились хозяйством и большими стадами скота, богатели, по авторитету не уступали аристократии и роднились с ней.

Сословие батыров приобретало большую силу, без их участия не могло быть осуществлено ни одно крупное политическое действие. Роль батыров в международных делах как нигде полно описана в «Дневнике А.И. Тевкелева».

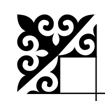
Батыры являлись участниками ханских советов, они сажали на трон и снимали с него чингизидов, пестовали наследников. Из их рядов выходили аталыки – воспитатели царевичей, как правило, остававшиеся советниками после их воцарения. Об аталычестве при казахских царевичах известно мало – по сравнению с этим институтом в империи Тимура и Тимуридов, а также в других среднеазиатских ханствах. У казахов аталыки были воспитателями и дядьками султанов. По устным преданиям, аталыком Абылая был Ораз, в свите Нурали хана упоминается аталык Кубек (Кобек)-мурза из «шихларского» роду племени Байулы. При посольстве хана Нурали в 1762 г. в Россию упоминаются Юлумбет аталык [Сулейменов, Басин, 1981, 197], Олжабай аталык, Козанай Мамбет аталык (каракесек) [КРО 1, 426–427]. При хивинском хане Каипе, сыне Батыра, находился знатный Куразбек аталык, к сожалению, невозможно уточнить, был ли



он воспитателем самого хана Каипа, или же его сыновей. Почуяв опасность от туркменов и аральцев, *аталык* оставил его дом [КРО 1, 435], но такое случалось редко. Зажиточные казахи, имеющие дома в среднеазиатских городах, предпочитали большую часть года проводить на кочевьях. Они оставляли дома под присмотром «дядек», которых комментаторы называют *аталыками.* Таким образм, предполагается, что *аталыки* совмещали воспитательную работу с обязанностями управляющих [ИКвРИ, т. Y1, 2007, 25 и 384]. Кто-либо из батыров, как правило, находился при царевичах, когда те посылались аманатами в другое государство. Рядом с сыном султана Барака Шигаем при дворе Галдан-Цэрена находился батыр рода *керей* с «перевернутой тамгой» племени *найман* Ерлыкап батыр. Возможно, это был Yarkaleb батыр из Списка Абылая, составленного по просьбе цинских послов. В этом Списке батыров упоминается также Сар батур из *янги* (новых) *уаков*, как предводитель тысячи. Его застал в ставке султана русский посланец Иван Лапин [Касымбаев, 1999, 70 и 73]. Первого посла Абылая, которым был его сын султан Тогум, в столицу России сопровождали батыр Даут и мулла Таввакул.

Любопытно также, что казахские аталыки назначались в высшие суды по разбору дел между ханами, так как они были тесно связаны с их семьями и принимали участие в воспитании будущих ханов. Они могли дать моральную оценку их действиям и высказать свое личное мнение об их поступках. К тому же, ханы с детства были приучены прислушиваться к словам аталыков. Например, аталыки участвовали в суде по делу убийства Бараком султаном хана Абулхаира, для рассмотрения дела между двумя могущественными ханскими домами. Батыры являлись хранителями военного и боевого опыта кочевников, которым они руководствовались и который обогащали. Их обязанностью было также воспитание молодых воинов приемам борьбы, стрельбы из лука, владения всеми пятью видами основного казахского вооружения (бес кару) и охоте. Известные батыры выполняли при ханах функции военных стратегов, а также ведали перегонами скота для торгового обмена. Кроме того, хан не мог обойтись без их советов также при решении проблем кочевок и откочевок.

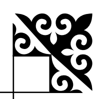
Батыры были доверенными и авторитетными представителями ханов в международных отношениях. Выполняли тайные и почетные миссии, назначались членами посольств и вели международные переговоры. В то же время, они могли навязать свою волю ханам. Это хорошо прослеживается на примере участия в русских делах батыров Джанибека (род *шакшак* аргынов, Букенбая (род *табын* из жеты-



ру), зятя Букенбая – батыра Есета. Если батыры отправлялись послами, следовательно, они собирали военные сведения, которые могли пригодиться в организации походов и единичных набегов. Находясь в своей резиденции в Туркестане, хан Тауке (ум. в 1715 г.) неоднократно посылал своих батыров: Ташима – в 1687 г., Туманчи – в 1689–1690 гг. в сибирские города, а после этого якобы без его ведома совершались набеги на русские пограничные селения или на караваны и обозы, направлявшиеся в Яицк, Оренбург, Тобольск, Тюмень и др. крепости. Безусловно, батыры собирали сведения о состоянии этих селений, на основании которых осуществлялись набеги. Таким образом казахи сопротивлялись колонизации Прииртышья русскими.

Послом недолго правившего хана Каипа (уб. в 1718 г.) также были батыры Бекбулат Екешев, Багдаулет Буриев, Тайкомур. В Казахстане известными батырами и активными политическими фигурами были Малайсары, Нияз (оба родом из Среднего жуза), а также Старшего жуза: Койгельды (род *шымыр* племени *дулат*), Хангельды (*албан*), Болек (*шапрашты*), Сатай (*суан*), Наурызбай (*уйсин*).

К знаменитым батырам XVIII в. с полным правом можно причислить снявшего сан монаха джунгарского хана Галдана, его брата Цэрэн-Дондука, племянника хана Цэван-Рабдана с его 7-ю верными рыцарями, отделившимися от Галдана, а также хойта Амурсану. Галдан-Цэрен вел неравную борьбу с Цинской империей, в 1738 г. направлял своих батыров Жой батыра и других в Бухару, Кашка и Базар-батыров – в Ташкент, а также к казахам. Абулмамбет хан поручил двум батырам охранять майора Пензенского, посла Карла Миллера, по пути из Туркестана в Ташкент [ИКвРИ, т. Y1, 34, 36]. Казахские и ойратские батыры часто вступали в рыцарское единоборство. По пути русский караван при Миллере был разграблен Койгельды батыром, его братьями – Жарылкапом (Ерликапом) и др., однако, не причинив вреда русскому посланцу. Никто не смог возвратить награбленное, хотя об этом хлопотали ташкентский хан, влиятельные казахские правители Толе би, хан Абулмамбет, Барак султан, Казбек би, Джанибек батыр. Возможно, потому, что как они оправдывались, все награбленное батырами было быстро поделено между сообщниками. Или, кое-кому из них также что-то досталось, или они были не в силах справиться с указанными батырами. Койгельды батыр мог бы, кажется, обуздать Толе би, но, судя по этому случаю, его послушание настоящему правителю родов Старшего жуза в сказаниях сильно преувеличивается [Толе би, 2008]. Джунгары, которые обладали большой силой, со своей стороны тоже выразили желание помочь русскому послу,

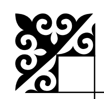


но ни к каким результатам все эти пожелания не привели. Подобные случаи показывали слабость ханов и осложняли международные отношения казахских правителей.

Батыры, собравшие достаточное количество подвластных и большие стада скота, влияли на международные связи. Молодые батыры, как и туленгуты, являлись простыми вестовыми, доносившими волю хана, убеждением и силой подчинявшие непослушные аулы. В деле распространения кочевий, освоения новых пастбищ батыры также шли впереди. В 1760 г. подвластные Абулфеиза: батыр Танатар (唐古塔爾 Тангутаэр), обосновался на Барлыке, Нарбота (納嘞巴圖 Налабату) на Темурчоэргэ, из рода каракерей （哈爾可勒）, Есенкельди (額森克勒德), Жолымбет（桌儸木巴特 Чжоломубатэ） разместились на Тарбагатае, подвластный Тулумбая （圖魯木拜）Чжалэгэбу （扎嘞葛布）– в Алтын-Эмеле, на Каратале и Коксу [ПЧФС, 3, 8 об. – 9]. Батыр Танатар (Tanggatar) упомянут в Списке Абылая, согласно которому, он относится к роду *тултугур* племени найман и указан старшиной тысячи кибиток.

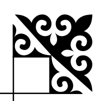
В начале 1758 г., во время пребывания в его ставке цинских послов Абылай султан составил для них список казахских старшин с приблизительным числом кибиток (*түтүн* – дымов) разных родов. Этот его поступок вызвал сильное недовольство родовой знати, которая считала, что подав от своего имени список, султан тем самым признал поражение от цинского Китая, а их имена могут рассматриваться как официальное свидетельство их повального подчинения. Согласно «Скаске губерноской канцелярии посланца Оренбургской канцелярии юртовского бухаретина Мурзалея Шихова от 29 августа 1758 г. (дата получения. – *К.Х.*), некий заргучей «обязал ево, Аблай-салтана, подпискою, которой о бытии в подданстве китайском и, да сверх заочно подписал Меншой орды Нурали-хана, Эрали-салтана, а Средней орды от всех родов по старшине подписал: атагайского роду Кулсару и Куляку батырей; найманских родов Кабанбай батыря, канжа алимских родов – Качкарбая батыря, кирейских родов – Ходжи Бергеня батыря, и за протчих всех родов всего шездесят человек, ис которых многие старшины ныне за то на него Аблай-салтана, сетуют и находятся в несогласии, что он, Аблай, подписал их в китайское подданство заочно» [ЦИКХ, ч. 1, 170].

Часть этого Списка сохранилась на маньчжурском языке в Первом историческом архиве КНР в фонде Военного совета (*Цзюньцзичу*) [См.: латинскую транскрипцию Списка: Еженханулы, 2017, 192–194]. В нем указано сорок два батыра Среднего жуза с указанием числа



принадлежащих им родов, а хана Нурали и его брата Ерали в этом списке нет. С другой стороны, Абылай явно назвал не всех известных среди казахов батыров, цинские чиновники в последующем дополнили этот список новыми именами, указав при этом, что ранее они не упоминались. Среди них назван Нияз батыр с тремя тысячами дымов *алтай аргынов*. Хотя батыр управлял одним из аргынских родов, он проживал близ Туркестана, постоянно находясь при хане Абулмамбете. Именно он добился избрания на ханство Абулмамбета и сопровождал его в откочевке на запад и на встрече с князем Урусовым в августе 1740 г. Еще указан другой Нияз батыр из *абак кереев*, имеющий всего 500 подвластных. Можно предположить, что Абылай указал лишь тех, кто участвовал в трех сражениях джунгаро-казахских ополчений с цинскими отрядами в 1757–1758 гг. В сражении у гор Барлык в 1756 г. батыр *абак керей* Кожаберген вместе с тайджи Амурсаной руководили ополчением в 1000 человек, а всего, по докладу командующего Западной колонной цинских войск, противников было 3000 человек [Хафизова, 2007, 25]. В управлении Барака батыра Кокжал наймана (kukuyar naiman – маньчж.язык) было 1000 человек. Оток туленгутов в Списке пишется dulungu, tulunggu, их число составляло одну тысячу. Из пришлых родов туленгутов включен батыр Яркалеб (Жарылқап) батур с тысячей подчиненных, обладавший «перевернутой тамгой» (teres tabhala – маньчж. язык, теріс таңбалы – каз. язык). Олчжабай и Аталак (Айтайлак) вместе возглавляли один тумен (10 тысяч), Кабанбай и Доолотбай батыры также один тумен *матай найманов*. Четыре последних батыра являлись активными участниками сражений с цинскими войсками, а также посольских и торговых связей с Цинской империей. На казахском, монгольском, маньчжурском слово «10 тысяч» одинаково называется *тумен*.

Кожаберген батыр имел под рукой мало народа, но он был силен близкими отношениями с джунгарскими *тайджи* Даваци и Амурсаной. Не удивительно, если Кожабергена связывали родственные отношения с джунгарами. Более того, батыр являлся названым отцом Амурсаны, а тот, согласно преданиям, относился к нему с сыновней почтительностью. Союз старшины из черной кости и представителя ойратской знати был скреплен клятвой. Так же, как было скреплено клятвой побратимство *хойта* Амурсаны с султаном Абылаем. Эти факты свидетельствуют о том, что казахско-джунгарские отношения носили сложный характер, было бы неверно красить их только одной черной краской. Иногда отношения некоторых джунгарских и казахских родов были теснее, нежели с сородичами. Многих батыров

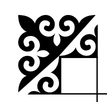


Среднего жуза связывало родство с джунгарскими семьями, в том числе – султана Абылая (см. спец. раздел). Батырство и побратимство налагали определенные обязанности на феодальную знать соседних ханств, они предусматривали взаимоподдержку и взаимопомощь. Скрепленные клятвой батыры так и не выдали своих побратимов цинским властям, несмотря на угрозу вооруженной расправы. Они лишь тянули время, ограничивались обещаниями. Кожаберген батыр из *кереев* располагался со своими аулами на Аягузе и до конца жизни защищал этот передний край противоборства сначала с джунгарами, а затем с цинами путем переговоров и торговых отношений.

Батыры делили славу и позор своих покровителей, старались не оставлять их при неудачах. Более молодые батыры служили при заслуженных батырах в качестве оруженосцев (наподобие Санчо Панчо при Дон-Кихоте), «дядек» (как Савельич при барчонке Гриневе в повести «Капитанская дочка» А.С. Пушкина) и денщиков. Среди батыров были представители других народов, влившихся в казахские ряды. Например, упоминавшееся сословие туленгутов, набиравшееся частью из чужеземцев, в середине XVIII в. уже составило в Среднем жузе отдельный род со своими старшиной и выделенными им пастбищами. Казбек би и находившийся при нем батыр Кабанбай играли и продолжали играть большую роль в международных отношениях с восточными странами: с Джунгарским ханством, а затем – с завоевавшей его Цинской империей. Абылай сдерживал развитие их отношений с русскими властями.

Любопытно, что в своем Списке Абылай упоминает, в основном, батыров племени *найман*, которые ему напрямую не подчинялись. Большей частью это были предводители, доставшиеся в наследство султану Абулфеизу и сыновьям Барака султана, с которыми он вместе выступал против цинских войск. Трудно сказать, кто из них был еще жив в 50–60-е гг. Имена некоторых батыров написаны разными иероглифами, не всегда понятно, является ли это именем одного и того же человека, либо это разные люди. Любопытно также, почему среди батыров Абылаем не указаны Хутубай (呼 圖 拜) и Аталай (阿塔 萊）, которых принимали в летней императорской резиденции Бишу шаньчжуан, а затем и в Пекине в качестве его первых официальных послов в 1758 г.

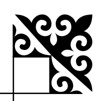
Из окружения Абылая упоминаются батыры Даяр, Оорман, Куват, Жибек, Ранбек, Барянг, Хотон, Байжан, Токтомас, члены его посольства в Китай в 1762 г. Батыр Отоэрци (Отаршы) оставался при Абылае до конца его жизни, ездил в Кульджу просить военной помощи



для покорения Ташкента в 1777–1780 гг. В маньчжурских документах батыров называют одним словом *хия* (на кит. яз. *шивэй*), подобно гвардейцам цинских императоров, очевидно, не разделяя их от *тулегутов*. Даут батыр сопровождал сына Абылая Тугума в Россию, батыры Кулеке, Кулсары, являющиеся информаторами омских властей, считались приближенными Абылая. Среди людей Абылая в русских документах названы Тайкельтир и Токтамыш [Сулейменов, Басин, 1981, 194].

Батыры захватывали людей в плен: русских, ойратов и калмыков, башкир [Касымбаев, 1999, 126–130]. Они безжалостно преследовали восставших башкир, бежавших от царской расправы; ойратов, которых истребляли цины, а также прославились в 1771 г. преследованием отступавших из Поволжья калмыков. Они выдавали преследование калмыков по отношению к властям России, как свидетельство их подданства, а джунгар – за дружественный поступок в отношении Китая. В их числе первым таким батыром был Абылай султан. Батыры возглавляли (например, Нияз батыр и др.) нападения на международные среднеазиатские караваны [ЭНПКЭ 1, 144 и 147]. Эти поступки требовали большого военного опыта, смекалки и отчаянной смелости. Батыры имели возможность быстро продать пленников в рабство на рынках Центральной Азии, так как эти рынки и купцы были им хорошо известны, как и пути торговых караванов.

Многие батыры выступали торговыми агентами ханов, в то время как дружинники батыров являлись торговыми агентами самих батыров. Перегон скота для продажи в Илийский край в течение более 10 лет являлся опасным предприятием. Остатки ойратов, а также разбойники (*махацин*)действовали на всей его территории. Большие табуны требовали больших площадей для их корма и тщательной постоянной охраны, поэтому, помимо табунщиков, а это были вооруженные холодным оружием и физически выносливые люди, к торговым караванам прикреплялись батыры, их дружинники, *тулегуты* ханов и султанов. Батыры охотно принимали звание *тархан* от русских, джунгарских и кокандских властей, так как это освобождало их от выплаты пошлин и предоставляло другие льготы в торговом обмене, который они вели вместе со своими покровителями. Званием *тархан* от джунгар был награжден батыр и дипломат Малайсары, а от русских – *шакшак* Джанибек батыр. К сожалению, трудно проследить, предоставлялись ли эти привилегии лишь на территории той страны, которая выдавала это звание, и в какой степени они признавались на территориях третьих стран.



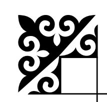
Цинские власти со своей стороны тоже учредили звания батырам, сопровождавшим царевичей, а также их торговцам. Звания большей частью являлись военными, а не гражданскими. Это обстоятельство точно отмечает военный характер их службы: охрана посольств, торговцев скот, в особенности – табуном лошадей.

Большие торговые караваны комплектовались от имени нескольких правителей одной страны вместе с торговцами соседних стран. Составление многонационального каравана само по себе являлось одним из мирных достижений внешней политики шахов, ханов, султанов, беков и других представителей знати. А тарханы часто совмещали дипломатические функции с торговыми.

Проверять, что торговцы действительно присланы ханами, цинские чиновники не собирались, так как они имели задачу обменять как можно больше коней и другого скота, потребного для нужд войск в завоеванном крае. Им достаточно было присутствия при караванах, известных батыров казахской феодальной знати, что служило для них доказательством того, что скот пригнан от имени ее представителей.

Торговля была первым проявлением нормальных, хотя и не всегда взаимовыгодных связей и установления посольских отношений. В торговле переплетались политические и экономические интересы феодальной и родовой знати – она охотно включалась в посредничество и присоединялась к торговым караванам своих соотечественников, а также к караванам, составленным вместе с купцами других среднеазиатских правителей. В русских документах Коллегии иностранных дел и в маньчжурских документах Военного совета названы имена главных пригнавших скот торговцев и батыров. Среди хозяев крупных партий скота в документах названы султан Ханбаба (哈木巴巴), батыр Кабанбай (哈巴木拜 Хабамубай), батыр Карабарак（哈勒巴拉克）, Кожаберген батыр（Хоцзибоэрген батулу霍濟伯爾根巴圖魯）.

В 1757 г. генералу Чжао Хою, возглавлявшему цинские войска в Казахстане, удалось договориться с султанами Абылаем, Абулфеизом, Ханбаба, батырами Кабанбаем, Кожабергеном, Долотбаем об открытии торговли на территории Джунгарии. В 1758 г. Кабанбай батыр отправил для разведки сына ойрата Буку-Чагана с табуном в более 300 голов коней для продажи. Те прибыли в урочище Урумчи 18 октября 1758 г. [Гаоцзун шилу, цз. 572, л. 16]. Кабанбай батыр также организовал торговый караван из более чем 50 человек во главе с сыновьями Едиге （額德格）и Томутаем（托穆泰）. Путь в



урочище Урумчи занял у них около месяца, кроме того, они остались весьма недовольны размером шелка, предлагаемого за одного коня. Об этом в 1759 г. сказал батыр Карабала（哈勒 巴 勒）командиру Чэбудэн-Чжабу （車 布 登 札 布）, разбившему лагерь в Борохуцзире. Он пригнал для обмена 200 голов коней и отказывался гнать их далее в Урумчи.

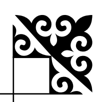
Вскоре после Едиге прибыли торговцы Хоцзибоэргена (Кожабергена) и Казбека (哈 斯 伯 克), Умур батыра (烏 穆 爾 巴 圖 魯), всего более 260 человек с табуном в 2400 голов лошадей. Они выразили желание торговать в Тарбагатае, расположенном ближе к их кочевьям. Вскоре вслед за ними прибыли Даулетбай (道 儸 特 拜) и Боэрдеши （伯 爾 德 施）с 1000 голов коней [Линь Юнкуан, Ван Си, 1991, 145–146]. Доставка больших косяков коней являлась в то время настоящей военной операцией, не удивительно, что это дело поручалось батырам.

Султан Абулфеиз торговал в Илийском крае постоянно и весьма интенсивно. Он же ратовал за открытие торговли в крепости Семипалатинск. Кочевья Абулфеиза находились на близком расстоянии от границы с Алтаем, Тарбагатаем. Для связей с Россией султан использовал батыров Худайберды (Кутайберда, Хутайберда), Даргучи (Дергучей, Юргучей), Бурута. Слово «Даругачи» (может быть и именем, и его обязанностью). Некий Бурут (布 魯 特）выполнял миссии посла в России и в Китае. Бурут может оказаться именем человека, а, возможно, указывает этническую принадлежность члена посольства (*кыргыза*). Одна из жен султана Абулфеиза была кыргызкой по имени Тумар, и он мог послать в составе посольства ее родственника.

В Китай Абылай посылал батыров Отарци (鄂 陀 爾 齊), Бурута （布 魯 特）, Куэньдухуня (庫 恩 杜 渾 Құндықұн?) с первым табуном коней в 162 головы в 1758 г. В 1759 г. приезжали Яэрга (雅 爾 嘎), Масай (馬 賽), вновь Отарци, Куэньдухун, Акпан (阿 可 盤)，Хасанботэ (哈 三 伯 特). В 1759 торговцами Абылая объявили себя Хонай (鼐), Аласеитэ (阿 拉 色 依 特 – 1760), Баньтабай (邦 塔 拜)，Хацза (哈咱).

В декабре 1763 г. приезжал Жаныбек (札 那 伯 可) во главе более ста человек, разделенных на три группы, отвечающих за стада [Циндай сибэй миньцзу маои ши, 1991], но скота было менее 1000 голов. Понятно, что батыр, скорее всего, прибыл с разведывательными целями.

Казахам стало известно, что цины готовились к их массовому выдворению с зимних пастбищ Тарбагатая. К сожалению, в документе



Цзюньцзичу сказано лишь, что этот Жаныбек является подвластным Абылай султана и не указана родовая принадлежность батыра. Знаменитый батыр из рода *шакшак* скончался еще в 1751 г. А у казахов, как уже говорилось выше, было предостаточно одноименных батыров и ханских детей.

Ханбаба султан, младший брат Абулфеиза, также присоединился к торговле в Илийском крае своего родственника.

Известный и уважаемый Кабанбай батыр был среди тех, кто одним из первых пытался торговать в Илийском крае. У Кабанбая торговцами выступали в 1758 г. его сын Едиге (額 德 格) и младший брат Томутай (托 穆 泰), с ними прибыли 57 торговцев, но коней для продажи выставлено всего 219 голов [Циндай сибэй синьцзян]. В 1758, 1759 и в 1760 гг. от него приезжали Бохолэдай （波 霍 勒 岱), а также, неоднократно, Доолотбай (托 羅 特 拜 Толуотэбай).

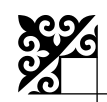
Постоянным торговым партнером цинской администрации стал батыр Кожаберген. От его имени торговцами в 1760 г. указаны Чжоцихан (卓 齊 罕), Кокибай (Цзуцибай 組 資 拜）。

В 1764 г. султан Абылай, батыры Кожаберген и Карабатыр прислали торговцев, их представителями названы Кэцинтай (克 欽 泰), Тугуиэр （吐 顧 依 而). В ряде случаев Абылай разрешал торговать от его имени и имел за эту услугу определенные преференции, как политические, так и экономические. Причем, от трех сторон: как от казахских и среднеазиатских торговцев и феодалов, так и от китайской стороны.

Иногда Абылай и Абулфеиз отправляли совместное посольство, а вместе с ним и торговцев, которые оставались в Урумчи, а послы ехали далее в столицу, или в летнюю резиденцию императора. Так в 1765 г. от их имени в Пекин выезжал Атахай (阿 塔 海.), который оказался в тяжелом положении, так как перед этим был наложен запрет на торговлю с казахами. В целях давления на международных партнеров Цинская империя налагала запрет на торговлю. Эти запреты часто производились против России и других стран.

«Если ты батыр и богач, то чем ты не хан?» [Вяткин, 1998, III]. В лучшие свои годы предводитель восстания казахов батыр Срым (– 1802?) имел под управлением около 2000 кибиток. К тому же, он был женат на сестре Нурали хана, сына Абулхаира. Хан весной 1784 г. выкупил Срыма из русского плена за 70 лошадей и 350 руб. деньгами [Вяткин, 1998, 178].

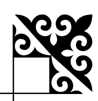
Как показывают русские и китайские источники, в политической жизни ханств, в решении главных вопросов внешней политики были



весьма активны и старшины, имеющие gjl cdjtq dkfcnm не менее 300–500 кибиток. В 1786–1787 гг. в Младшем жузе Кошкарбатыр рода *берш* имел под своим управлением 500 кибиток; Байнике, сын батыра Шукуралы, управлявший частью *шекты* – всего 300, а род *ысык* под главенством Каратауби – 10 тысяч кибиток. Два би имели 7 тыс. подвластных им дымов [Вяткин, 1998, 215].

13 декабря 1765 г. наместники Илийского края и командующие войсками Мин Жуй, А Гуй, Илэту докладывали, что двоих командиров (*линьдуй дачэнь)* отправили в Яр (Урджар), а четырех – в Кульджу для возведения караулов от Иртыша до стыка границ Илийского края с казахскими и кыргызскими кочевьями. После прибытия переселенцев из Маньчжурии шла подготовка к формированию новых четырех пограничных гарнизонов, в каждом по одному *анцзи* (昂吉) *солонов, дауров, сибо, чахаров* (монголов Ордоса). Всего же планировалось назначить шесть *линьдуй дачэнь* вместе с командирами маньчжурского и ойратского гарнизонов. Ойратский гарнизон дислоцировался на границе кочевий казахов и кыргызов с Кашгарией [Маньчжурские материалы дворца Гугун. Фонд «Чжу пи цзоучжэ»]. А два маньчжурских гарнизона дислоцировались в городах-крепостях Хуйнин и Хуйюань в Илийском крае. Крайние западный и восточный участки границ были под ведомством командований ойратского гарнизона – от Темирлика до Нарата и чахарского гарнизона – от Иртыша почти до реки Или [Доклад Илату и Лаван-Доржи от 27 декабря 1777 г. с пометкой императора «Быть по сему» от 21 января 1781 г.]. В чахарском гарнизоне в 1794 г. числилось всего 170 человек [Циндай сицянь Синьцзян чахар, 1994, 268]. Монголы являлись источником постоянной тревоги и беспокойства, не в пример сибо, солонов и дауров, а тем более маньчжур. Тем не менее, из них также сформировали один гарнизон. Кроме того, монголы обеспечивали лошадьми военные и почтовые станции.

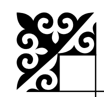
Расположение гарнизонов оставалось без больших изменений до конца XIX в., поскольку они занимались большой хозяйственной деятельностью: строили дома, поднимали целину, сеяли просо и пшеницу, строили и ремонтировали ирригационные сооружения, дороги, разводили сады и скот. При этом, *сибо*, например, большей частью разводили крупный рогатый скот, поставляя быков и волов, чрезвычайно необходимых для пахоты земель и перевозок людей и груза на телегах. Военные поселения, в мирное время занимавшиеся сельским хозяйством и мелким производством, а в смутное время мобилизовавшие мужчин на военные действия, сохранились в Китае до



новейшего времени. Достаточно обратиться к опыту Синьцзянского производственного корпуса в СУАР КНР (新 疆 生 产 建 设 兵 团), восстановленного в 1950 г., но официальной датой его создания является 1954 гг. У корпуса три задачи: военная, политическая и производственная. То, что яростно критиковалось в России как реакционная *аракчеевщина*, являлось в Синьцзяне достаточно эффективной структурой. Тем не менее, подобные структуры работали и на национальных окраинах Российской империи в лице казачьих подразделений, обобщенно называемых донскими, кубанскими, уральскими, сибирскими, семиреченскими казаками [Абдиров, 1994].

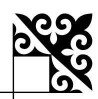
Отряды пограничных гарнизонов Цинской империи участвовали в карательных операциях во время восстаний в Синьцзяне, а также в других провинциях. Наиболее крупным из них было мусульманское восстание 1864 г., охватившее огромную территорию, и о котором имеются донесения Чокана Валиханова перед смертью, о чем говорилось выше. Послужные списки воинов и офицеров дают богатый материал о размахах этих восстаний, география их действий включает территорию от Гиндукуша до китайского восточного тихоокеанского побережья. Наиболее часто упоминаются местности Тарбагатай, Кульджа, Ташкент, Коканд, река Или и ее притоки – Текес, Хоргос, река Иртыш, озера Алаколь, Тэмуртунор (Иссык-Куль). Также называющиеся батырами *ойраты, чахары, сибо, солоны, дауры* участвовали в 30 сражениях, перегоняли гурты овец и табуны коней, охраняли торговые караваны, служили проводниками и переводчиками. Наиболее свирепыми воинами считались *солоны* и *дауры*, они составляли отборные отряды цинских войск. Инспекция пограничных линий, пограничных караулов, доставка послов до столицы и летних резиденций, а также их обратное сопровождение до родных кочевий, охрана и перегоны лошадей, уход за императорскими табунами, охота в заповедниках носили военизированный характер. Поэтому вся эта работа тщательно отмечалась в послужных списках солдат и офицеров [Циндай сицянь Синьцзян чахар..., 1994].

Можно сказать, что по обе стороны границы проживало большое количество батыров тюркских, монгольских и тунгусо-маньчжурских народов. Суровая жизнь формировала их характер. В кочевом обществе ценились физически сильные, выносливые люди, могущие объезжать лошадей, ставить клейма на лошадях, долго скакать, переносить голод, владеть навыками рукопашного боя, метко стрелять. Вооружение этих народов являлось тяжелым и также требовало большой физической силы. Тяжелой работой было и клеймление скота. С



ростом его поголовья в результате приплода, приобретения у казахов и получения в качестве арендной платы за пастбища, следовало пометить животных специальным тавром. Требовались сильные люди с опытом, чтобы выполнять эту ежегодную нелегкую работу. Зачастую в цинские гарнизоны приглашали для этой операции казахов [ПИА, Фонд Цзюньцзичу, Маньвэнь луфу цзоучжэ, док. № 3505-2]. Местные чиновники Тарбагатайского, Илийского округов, а также лично генерал-губернатор регулярно выезжали для инспекций пастбищ и ревизии наличия скота в ойратских и чахарских гарнизонах, а затем отправляли доклады Военному совету. Эти доклады лично просматривались и визировались императорами на протяжении многих лет – с 22 января 1761 г. до 22 июня 1911 г. Всего, к примеру, документов по одному чахарскому гарнизону набралось 1056 единиц [Циндай сицянь Синьцзян чахар..., 1994, 274–305, 3]. Обилие имен батыров и коневодство как ничто другое доказывает, чего стоило цинским властям владение Синьцзяном, Монголией и Тибетом.

После завоевания Джунгарского ханства границы Цинской империи и Казахского ханства стали многонациональными. Произошло знакомство казахов с новыми культурами, помимо культуры уйгуров и джунгар. В международных документах встречаются маньчжурские, китайские, тюркские, монгольские термины и названия чинов. Эти документы: донесения генерал-губернаторов, рапорты командиров пограничных гарнизонов, отчеты возвратившихся из Степи послов, опросные данные также стали многоязычными, в особенности те из них, которые касаются положения на границе. Ойратские и *чахар*-монгольские командующие использовали в общении с казахской верхушкой монгольский язык. Император в 1793 г. издал указ о наборе в гарнизон офицеров, знающих монгольский язык и монгольские обычаи [Циндай сицянь Синьцзян чахар.., 1994, 263]. Во время инспекционных поездок, проводившихся два раза в год, продвижений по пограничной линии с инспекцией из караула в караул, офицеры встречались с султанами и обсуждали вопросы двусторонних отношений. Офицеры гарнизонов командировались для сбора арендной платы за пастбища, предоставленные казахам на зимнее время, также ездили для проведения поминок по умершим султанам. При инспекционных отрядах находились переводчики уйгурского и монгольского языков. В XIX в., после ликвидации Казахского ханства, особо выделились место и роль султанов Семиречья в международных отношениях: казахско-русских, казахско-цинских и русско-китайских (см. раздел «Абылаевичи в Семиречье»).

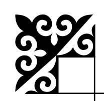


Если у старшин: биев, батыров возникали проблемы с пограничной властью других стран, они обращались за помощью к ханам и султанам. Через их посредство они высказывали свои претензии и просили помощи в их удовлетворении противной стороной. Ханы решали эти проблемы в совокупности с другими делами ханства. А иногда отправляли посольства лишь для того, чтобы защитить интересы батыра, би и предводителя рода. Это было одним из эффективных средств влияния хана и султана на старшин. Зачастую предводитель рода одновременно являлся известным батыром, принадлежавшим к родовой знати. Покровительство хана вынуждало старшин и батыров демонстрировать верность хану.

Вредность намерений старшин в отношении России выводилась из того, сопротивляются ли они распоряжениям пограничного начальства, или поддерживают их. Так же считала и цинская пограничная администрация. Иногда вышеупомянутые звания могли принадлежать одному человеку – определенному старшине. В его функции находились некоторые административные обязанности. Пограничная администрация жестоко наказывала конокрадов, особенно тех, кто угонял коней из конезаводов Синьцзяна. По поручению султана *агалыкши*, *би* и *батыры* искали виновников кражи скота на границе и помогали передавать их в руки китайских и русских властей. Эти старшины участвовали в поимке и выдаче преступников. Конокрадов после допроса с пристрастием могли приговорить к ношению канг или немедленно казнить. Точно так же жестоко расправлялись и с теми воинами цинских гарнизонов, которые осмеливались выходить за пределы караулов и красть скот у казахов. Их также могли приговорить к казни. Император Цяньлун одобрил подобные расправы илийского генерал-губернатора указом от 14 декабря 1791 г. [Циндай сицянь Синьцзян чахар…, 1994, 260].

Почти все конезаводы были основаны на приобретенных в результате торгового обмена и в качестве подарка императору казахских лошадях. Породистые кони от властителей степей приписывались к личным императорским табунам.

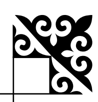
Батыры, как старшины родов и влиятельные в своем роду люди, занимались благотворительностью, помогали бедным, делясь с ними добычей. Известные ученые, сестры Кармышевы с уважением вспоминали о помощи известного семиреченского батыра Танакэ (Тынеке, прав. Танеке), который помог одному из их предков, отписав в наследство большую по тем временам сумму – 25 руб., которая была использована тем для учебы [Ф. Мухамедиева, Воспоминания



из прошлого татар Семиречья]. Они считали, что речь идет о батыре, которого упомянул Чокан Валиханов. Он писал в «Дневнике поездки на Иссык-Куль»: «Ночевали на Арасане. В этот день был у нас знаменитый в Семиречье батыр и барантач Тынеке, несмотря на свои разбои, имеет большое влияние на свой род кабтагай в матаевцах и был волостным управителем. Мужчина он среднего роста и плотный донельзя. Странно: он рыжеват, имеет большую бороду и замечательный по величине нос. При этом… маленькие и плутоватые глаза делают его физиономию чрезвычайно неприятной. Он хотел с нами ехать, но напился так пьян, что четыре ушата воды не подействовали на него нисколько. При этом я заметил явление: у Тынеке все тело густо покрыто волосами, как у первобытного человека...» [Валиханов, т. 1, 354]. В «Песне об Абылае», записанной Чоканом, с симпатией говорится о кыргызских батырах [эту песню перевела Д.Х. Кармышева. – Валиханов, т. 1, 265–272].

В Восточной и Западной Сибири после ликвидации Казахского ханства многие функции батыров исполняли местные казаки. К казачьим полкам прикреплялись казахские султаны и их дети. Казаки несли охрану на границе, в крепостях, возводили новые пикеты и служили в этих пикетах. Они сопровождали торговые караваны, посольства, стояли гарнизонами в среднеазиатских городах [Абдиров, 1994, 125/\]. Казаки, а также представители местных народов, служивших в казачьих войсках, являлись членами отрядов русских и европейских путешественников, толмачами, проводниками. Они же следили за порядком на базарах и ярмарках, охраняли посольства и консульства на территории Монголии и Синьцзяна. Из них же состояли отряды (!) русских послов на окраинах империи. Казаки выполняли также карательные функции – от начала создания их полков до самой их ликвидации.

Родовая знать отдавала в руки ханов право вести международные дела, участвовать в заключении повседневных и крупных международных актов. Она требовала участия в принятии решений и открыто выступали с протестами, в случае несогласия. Она ратовала за сохранение степной демократии, обсуждения этих решений на ханских советах и советах старшин. По важным вопросам войны и мира, касающимся всего казахского *йурта* (*журта*), собрания длились несколько дней. На советы следовало являться на конях со своим оружием и наиболее известными сторонниками. Чем больше было подвластных старшине и батыру скотоводов, тем больше прислушивались к его мнению. С ослаблением ханской власти советы старшин

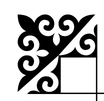


почти подменили ханские советы, которые все больше стали носить формальный характер, в особенности при выборах нового хана, в том числе, выдвинутого при рекомендации царского правительства. Пограничные наместники намеренно ослабляли позиции ханов, которых они фактически назначали сами. Тем самым ослаблялась и без того убывающая верховная власть хана, следовательно, казахская государственность. Ханы оставались символами государственности у родовой знати и у широких слоев *бухара халык*, а батыры – их верными помощниками.

4.1.1. Послесловие

Казахстанский писатель Александр Сергеев в своем романе «Петербургский посол» представил старшего сына Абулхаира Нурали казахским батыром, храбрым и сильным, могущим вступить в схватку с более сильным врагом и голыми руками расправиться с волком. А также пылким возлюбленным и акыном с домброй в руке, готовым к любому состязанию.

Настоящим казахским батыром был высокообразованный офицер советской армии Бауыржан Момышулы, прославившийся при защите Москвы от фашистов. В своей повести «Наша семья» он писал о двух батырах, оказавших на него неизгладимое впечатление. Одним из них был его родной дядя, а другим – также родственник, Аккул, который погиб вместе со своим легендарным конем Кокшолаком, участвуя в древней конно-спортивной, а, по существу, военной игре казахов в *кокпар*. Раненого Аккула вывезли с места соревнования на шкуре его коня, натянутой и привязанной между спинами двух лошадей. Обряд этот известен со времен древнетюркских каганатов, зафиксирован он и в китайских источниках эпохи Тан. При династии Тан китайцы, перенявшие многие военные обычаи у кочевников, вывозили своих богатырей, павших на полях сражений, обернув их в шкуры коней. Возможно, тунгусо-маньчжурские племена также переняли и сохранили этот древний тюркский обычай, как и институт батыров.

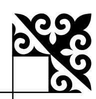


4.2. Казахские батыры Кожаберген, Кожамерген, Бердыкожа

В казахских народных преданиях, а также в русских и китайских источниках упоминаются батыры, одним из компонентов в имени которых является слово *хочжа, ходжа, хоцзи, хочу, кожа*: Ходжаберген, Хочу мерген, Хочжайбильде, Ходжи Мерген, Хожамергень, Ходжи Берды Батур, Хочи Бергень, Хожимберды, Берды хажа, Берды кожа, Кожагельде, Кожакельди, Кожаберген, Казиберган, Хоцзибоэрген. Разночтение имен вызвано тем, что рукописи и документы составлялись на основе устных и письменных «скасок» (так!), донесений чужеземных эмиссаров, записей чужеземных писарей разных ведомств, а также зависели от уровне их грамотности и сведений, которыми они располагали.

Имя с компонентом из слова «кожа» (ходжа) представляют интерес, поскольку, по меньшей мере, свидетельствуют о распространении ислама в степи. Это порой дает повод для создания версии о том, что люди с компонентом в имени слова «кожа-ходжа» могли относиться к социальному слою в Центральной Азии, относящего себя каким-то боком к религиозной касте Центральной Азии. Вполне также возможно, что они родились в семьях, где традиционно почитали ходжей.

На написание имен влияли также особенности казахского, русского, монгольского, маньчжурского и китайского языков, поэтому идентификация батыров и их деятельности на основании отрывочных биографических данных достаточно затруднена. Помогает метод сопоставления русских и китайских источников, где это возможно, с пока недостаточно проверенными историческими фактами народных преданий. Например, в указании родовой принадлежности батыров Кожабергена и Бердыкожи существует разноголосица. Бердыкожу источники относят то к *кереям* Среднего жуза, то к *шанышкыл*, а Кожабергена – то к колену *каракерей* племени найман, то к *абак-кереям,* а то и вовсе к джунгарам. Кожаберген, будучи приближенным султана Абылая, находился в центре казахско-джунгарских и казахско-цинских отношений. В его аулах часто бывали ойраты, поэтому порой его принимали за ойрата. Казахские старшины и батыры вступали в родственные отношения с соседними семьями джунгарских феодалов, или братались с ойратскими батырами. Во все времена ойратские женщины были весьма привлекательной частью военной



добычи казахских воинов. А с калмыкскими батырами казахские батыры не редко вступали в рыцарское единоборство.

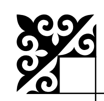
У казахов, джунгаров, кыргызов, маньчжуров к именам батыров прибавляется слово *мерген* – меткий стрелок. Поэтому трудно понять, является ли батыр по имени Хочу-мерген джунгарином, или казахом, является ли также слово *хочу* искажением слова *ходжа, кожа,* а эпитет *мерген* – прозвищем, данным народом из-за его высокого искусства стрельбы в цель, или просто частью имени.

Посланец Оренбургской губернской канцелярии Мирзалей Шихов в 1758 г. сообщает о Ходжи Бергень – батыре керейских родов [ЦИКХ, ч. 1, 170]. В Списке батыров Абылай хана, написанном по просьбе цинских послов, говорится о Хочжибергене из рода абакта кере (прав. *абак-керей*), имеющем тысячу семей подвластных [Еженханулы, 2017, 194]. Но китайские источники упоминают также Хочжибергена из рода *каракерей*, а этот род относится к племени *найман*.

Здесь необходимо подчеркнуть, что в казахских народных преданиях и исторических песнях крайне редко встречаются ошибки при определении рода, к которому относится воспеваемый в них человек. Это остается одним из ценных преимуществ сочинений такого жанра в глазах этнологов и историков. Но они порой приписывают поступки одних людей с одинаковыми именами – другим, дают разные версии поступков, часто мифологизируют их действия. Версии об обстоятельствах смерти батыра Бердыкожи, например, разнятся в казахских и кыргызских преданиях.

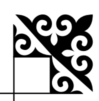
Все упоминаемые выше батыры отличились боевыми заслугами в сражениях с врагами, являлись доверенными людьми известных ханов и султанов, выполняли ответственные поручения в их международных делах. Наиболее раннее упоминание батыра, в имени которого компонентом выступает слово «ходжа», относится к 1-й половине XVII в. Это – некий Кожакельди (Кожагильде) в русских источниках [Киргис-кайсацкие дела фонд 122, 1742, д. 4, лл. 178–183 об. копия].

В 1742 г. в Джунгарию из Оренбурга в сопровождении джунгарских послов и султана Ералы – сына Абулхаира был отправлен майор Пензенского гарнизонного пехотного полка Карл Миллер. Целью поездки было выяснение состояния казахско-джунгарских отношений после сокрушительного похода Галдан-Цэрэна в 1741–1742 гг. Эта экспедиция, в отличие от всех предыдущих, выехала из Орска не через Сибирь, а через Центральную Азию в направлении Туркестана и Ташкента. К. Миллер имел задание встретиться с джунгарским



предводителем войск в Центральной Азии, или с самим хунтайджи Галдан-Цэрэном. Когда Миллер прибыл к уйсунам, 18 сентября 1842 г. его навестили 4 человека найманского рода с известием, чтобы он непременно дождался приезда казахских султанов перед тем, как продолжить свой путь. Султан Барак – правитель найманов – также велел уйсунам не выпускать Миллера из аула до его прибытия. Прождав Барака 10 дней, К. Миллер написал письмо султану, в котором сообщил, что он едет к Галдан-Цэрэну для высвобождения султана Абылая из джунгарского плена. Это письмо Бараку должен был передать Кожабильде батыр. Однако, в это время Абулмамбет, Барак и другие, сами вели переговоры с джунгарами о заключении мира. Упоминаемый в Журнале Миллера Кожабильде (Кожагильде, каз. Кожабилди, Кожакельди) назван батыром, следовательно, человеком отличившимся военными подвигами. Он находился среди племени Старшего жуза, но, самое главное, являлся доверенным лицом правителей Среднего жуза, в данном случае – Барака. По своему положению Кожакелди имел отношение к международным связям – святая святых этих правителей.

По объему разноязычных материалов отличается батыр Кожаберген. В донесениях русских посланцев к Абылаю Андрея Яковлева, Матвея Арапова, башкирских старшин, засылавшихся в степь один за другим, встречается имя батыра Ходжа Бергана (Казибергана) [Вельяминов-Зернов, 94]. Осенью 1751 г. ставки Дусумбека, Казибергана колена баклы-кереев (искаженное *абак-кереев. – К.Х.*) стали убежищем ойратов, недовольных ханом Лама-Дарджой. Их число стало расти после того, как здесь укрылись знатные князья – Даваци, Баньчжур, Амурсана. С ними было около 7 тысяч кибиток приверженцев. Казахи предоставили князьям коней, пастбища, продовольствие, но пока ничего не предпринимали в ожидании ханского совета. Для выяснения развития событий в Джунгарии к Лама-Дардже отправилось казахское посольство во главе с Ходжа Берганом. Ставка Ходжа Бергана тогда находилась у реки Иртыш при устье Ишима (реки Есиль). Это – один из батыров по имени Кожаберген, но который из них? Известно, что в XVIII в. жил еще один Кожаберген (Ходжаберген), который, по преданиям, является автором широко известной песни «Елим-ай», отражающей трагедию казахского народа в связи с джунгарским нашествием. Казахские историки и журналисты путали его с Кожабергеном, выходцем из рода *каракерей* племени найман и *абак-кереев*.



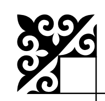
Человек по имени Кожаберген[7] весьма популярен у китайских казахов. Точно известно, что батыры, именуемые Кожаберген и Бердыкожа, являлись казахами и возглавляли отряды восточного крыла Абылая в стычках с цинскими отрядами в 1755–1757 гг.

Итак, в русских документах встречается несколько вариантов имени. В китайских источниках, опубликованных архивных документах чаще упоминается военный предводитель по имени Хоцзиборгэн, который на казахском языке может быть воспринят как Кожаберген. К сожалению, в них не указана родоплеменная принадлежность батыра, но его совершенно точно относят к казахам, а не к джунгарам [Вэй Юань. Шэнъуцзи. 1-изд. 1842. Изд. Ссылки на изд. Тайбэй, 1962. – Цз. 4. – Л. 23 об.; Хэ Цютао. Шофан бэйчэн (Описание северных районов). 1881 г. (Тайбэйское издание напечатано с этого списка) – Цз. 6. – Л. 1 об.]. Военный совет Цинской империи придал важное значение приезду Хоцзибоэргена в ставку цинского генерала Чжао Хоя – ближайшего родственника императора Цяньлуна. Император счел необходимым отправить личное послание «казаху Хоцзибоэргену», чтобы привлечь соратника Абылая, контролировавшего некоторые подступы к Синьцзяну. Император Цяньлун направлял письма, в основном, чингизидам. Из простолюдинов его адресатом вместе с ханом Абулмамбетом и султаном Абылаем является лишь батыр Кабанбай. Однако, по меньшей мере, одно письмо Цяньлуна было адресовано лично Хоцзиборгэну. К сожалению, ни само письмо, ни его копия пока не обнаружены.

Географическая локализация происхождения, а также территории деятельности батыра (батыров?) с вариациями рассматриваемого имени, также затрудняет их идентификацию. Большинство источников ареалом деятельности батыров с вышеуказанными именами называют территорию от устья реки Ишим при впадении в Иртыш, Аягуза, Чар-Гурбана и Иртыша до озера Зайсан (Нор-Зайсана) и далее до Тарбагатая [Вельяминов-Зернов, 94–96].

Оставив точную идентификацию человека на будущее, обратимся к этому конкретному лицу или собирательному образу для отражения интересных и малоизвестных страниц истории казахского народа. При цитировании отрывков в скобках дается транслитерация антропонима оригинала документа – в надежде на то, что истори-

[7] Любопытно, что китайские казахи считают его предком боксера Каната Силамулы в весе 69 кг., который завоевал бронзовую медаль в своем весе на 29 Олимпиаде в Пекине в августе 2008 г. См. о нем журнал «Көршi». – 2008. – №11. – С. 46–47. Он является уроженцем местности Кааба, где проживают кереи.



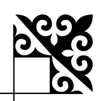
ки и литературоведы внесут свои поправки. Эти поправки большей частью будут отнесены к одной из указанных персон, однако, это нисколько не исказит общую картину исторических событий второй половины XVIII в.

Зимой 1744 г. аулы Ходжи Берды Батура находились у реки Чар-Гурбан (Цар-Гурбан) близ джунгарских караулов, что отметил в декабре русский офицер, сопровождавший на обратном пути джунгарского посла Науруз Хазы, присланного к казахам [ЦГАДА, ф. 248 Правительствующий Сенат, оп. 113, д. 383, л. 1039].

Эти караулы не были пограничными пикетами в строгом смысле этого слова, поэтому они не всегда обозначали границу в современном значении этого слова. Караулы джунгар на Чар-Гурбане поддерживали связь ставки хунтайджи с его посольствами, направляемыми в Тобольск, Омск и в казахские кочевья, гарантировали их безопасность до благополучного возвращения домой. Они также служили военными станциями и тылом для углубившихся в казахские кочевья джунгарских войск. Джунгарские и цинские отряды, сопровождавшие казахские посольства из Джунгарии и Восточного Туркестана в Казахстан, старались не переходить реку Чар. А послы этих стран, сделав привал в этом районе, ехали с частью своего охранного отряда дальше в степь, другая же часть оставалась на Чаре на полпути до их возвращения на родину. Большинство встреч с посольствами и переговоры казахских правителей с джунгарскими и цинскими посольствами также проходили на территории Юго-Восточного Казахстана. В 1744 г. в период замирения с джунгарами здесь находились ставки двух могущественных султанов Среднего жуза – Абылая и Барака. В связи с походами против джунгар или с поездками, имеющими целью дипломатические переговоры, приезжали и останавливались здесь подолгу Толе би, Абулмамбет хан из Туркестана, султан Ералы из Западного Казахстана и многие известные казахские батыры.

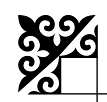
В начале лета 1756 г. в ауле батыра Хоцзиборгэна вновь появились джунгарские князья, боровшиеся за престол.

В июне 1756 г. Абылай собрал войско из приблизительно 3000 воинов, чтобы помочь своему союзнику Амурсане завоевать джунгарский престол. Одно крыло войск возглавлял Амурсана, второе – Абылай, а третье крыло – батыр Хоцзибоэрген. Генералу Дардане стало известно, что Абылай поручил Хоцзибоэргену сопровождать Амурсану «на запад», а сам двинулся навстречу цинским войскам [Вэй Юань, Шэнъуцзи, цз. 4, л. 23 об.; Циндин хуанъюй Сиюй тужи, цз. 44,



л. 1 об.]. В источниках название местности Нура передано как Нулу, Нула. О сражениях цинских войск с ойрато-казахскими отрядами рассказано достаточно подробно в предыдущих работах [Хафизова. Казахская стратегия…, 2007 и др.]. Бердыкожа сражался, вероятно, против Западной колонны под командованием генерала Дарданы. Она дошла до местности Ярла (Урджар). У казахов и джунгар было преимущество в знании местности, они так же, как и Дардана, постоянно отправляли своих разведчиков для наблюдения за продвижением вражеских войск.

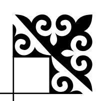
Хоцзибоэрген, как один из предводителей войска, указан также в докладе генерала Хадаха, войска которого вторглись в Казахстан с востока. Доклад датирован 10 днем (исы) 9 луны, 21-го года правления Цяньлун, ориентировочно – 2 ноября 1756 г. В том году есть еще дополнительный 9-й месяц по лунному календарю, один 9-й месяц приходится на 24 сентября – 23 октября, а дополнительный 9-й месяц – на 24 октября – 21 ноября 1756 г. по грегорианскому календарю. Доклад Хадахи был написан и получен Военным советом в промежутке между 24 сентября – 21 ноября. В нем говорилось о следующих событиях: по сведениям цинской разведки, более 1000 казахов двигались от гор Баян на степной стороне реки Иртыш и продвигались на запад. Горами Баян ойраты называли горы Барлык, что имеет на казахском и ойратском языке значение «Богатые», «Изобильные». А численность коалиционного джунгарско-казахского войска указана втрое меньшей, чем в докладе генерала Дарданы. Эта цифра более правдоподобна потому, что многие источники говорят о том, что при Абылае и Кожабергене обычно было около 300 туленгутов – отборных казахских войск. В 1757 г. при Амурсане состояло около 200 человек [МОЦА 2, 65–66]. Итак, в 1756 г. коалиционное войско возглавлялось Абылаем, Амурсаной и Хоцзибоэргеном [Гаоцзун Чуньхуанди шилу, цз. 520, л. 6 об. – 7]. Казахи и ойраты, помимо цинского отряда, идущего по следам Амурсаны, должны были оказать сопротивление второй колонне цинских войск, продвигавшихся с востока. К сожалению, полного отчета о допросах и данных цинской разведки на 1756–1757 гг. в нашем распоряжении нет. А именно в них могли бы содержаться подробные сведения об упомянутом в докладах обоих цинских генералов Хоцзибоэргене (Кожабергене), который являлся названым отцом Амурсаны и, возможно, был его родственником. Хоцзибоэргену была поручена весьма ответственная задача – охрана последнего джунгарского хана и вывоз его в безопасное место.



Безусловно, наиболее ценным для цинских генералов было сведение о том, что в казахском лагере не было единодушия в вопросе об оказании военной помощи Амурсане. Однако активное участие в них Кожабергена и Бердыкожи показывает, что они не относились к числу тех, кто был против вмешательства казахов в джунгарско-цинскую войну. Все сражения 1756 г. произошли на территории современной Восточно-Казахстанской области, которая оказалась центром сопротивления цинскому нашествию. Сюда стягивали свои войска другие известные казахские предводители, согласные с позицией Абылая.

Хоцзибоэрген был одним из главных союзников Амурсаны и Абылая. При этом джунгарский князь и казахский батыр руководствовались личными интересами и добились союза с султаном Абылаем. Известно, что в ауле Ходжи Мергеня (так его имя написано в русском документе) нашли приют знатные джунгары – сам Амурсана, дочь Галдан-Цэрэна по имени Битей, являвшаяся женой старшего брата Амурсаны Иши Данжина, умершего весной 1756 г. от оспы. При знатной даме состояло около ста джунгар мужского и женского пола. Своего посла Дабу в Санкт-Петербург Амурсана также отправил в Сибирь из Казахстана, должно быть, не без помощи Кожабергена. Амурсана условился встретиться с Дабой «за озером Зайсан», следовательно, вновь рассчитывал на посредничество Хоцзи Мергена и помощь Абылая. К сожалению, в Санкт-Петербурге посол Амурсаны Даба лишь упомянул, что Ходжи Мерген «жил в Керейском роду», но не сказал, к какому точно казахскому роду тот относился. Ходжи Мерген нес ответственность за связи Абылая с джунгарами, отвечал за жизнь джунгарских союзников – главных противников Цинской империи, поэтому не удивительно, что император Цяньлун велел командованию войск связаться непосредственно с ним.

В китайских источниках имя батыра – Хоцзибоэрген упоминается в документах с 1751 г. Наиболее подробный документ «Доклад командующего правым крылом армии по умиротворению границы генерала Чжао Хоя о переговорах с казахским предводителем Хоцзибоэргеном» датируется 20 сентября 1757 г. Этот доклад с достаточно полной информацией помещен в двух основных цинских документальных сборниках [Гаоцзун шилу, цз. 544, л. 23–24 об; ПЧФЧ, цз. 42, л. 17 об. – 21 об.], что бывает нечасто. Этот факт свидетельствует о том, что личности Хоцзибоэргена и переговорам с ним цинским командованием и Военным советом придавалось важное значение. Поэтому с докладом генерала Чжао Хоя лично ознакомился император и

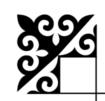


собственноручно начертал: «Ознакомить нижестоящие ведомства». Доклад о встрече и переговорах с Хоцзибоэргеном подробно обсуждался на Военном совете в Пекине. Последовала инструкция Совета командующим войсками такие же переговоры, как с Хоцзибоэргеном провести и с Ерали султаном Младшего жуза, с целью привлечь его на свою сторону. Ерали в 1758 г. присоединился к военным действиям Абылая в Семиречье.

Обратимся к китайскому документу. «В докладе Чжао Хоя говорится: 6 числа 7 луны (20 авг. 1757 г. – *К.Х.*) западный караул на Эбукэтэ доложил, что со стороны рек Айхусы (Аягуз), Яр (Урджар) проехало более 200 всадников. Следы копыт очень большие, похоже, что проехали казахские конники.

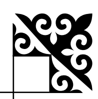
Ваш слуга направил отряд во главе с шивэем Далишанем в разведку. 7 числа (21 августа) он привез в лагерь сына Хоцзибоэргена, Байдаликэ, младшего брата Балатэ (по имени) Мами и других, которые сказали: «Весть о подчинении великим императором Абылая распространилась по всем кочевьям. Отец и старший брат заняты поисками Амурсаны. Для начала прислали на встречу нас, еще захватили подвластного Баяру Нима, передаем его вам, просим за него ответные подарки». Из этого отрывка понятен механизм начала переговоров Бердыкожа и других предводителей с цинской армией, выступивших против цинских войск под командованием Абылая с цинской армией. Кожаберген отправил к цинскому генералу своего знатного джунгарского пленника, но требовал за него выкуп, как тогда было принято. Кроме того, он хотел освободить из плена своих захваченных в плен соотечественников. Интересным является и сведение о его сыне Байдалике, очевидно, участвовавшем вместе с отцом в сражениях с джунгарами и с цинами. До сих пор еще не выявлены имена всех детей Кожабергена и сколько их всего было. Пока выявлено, что старшего сына звали Лепес, другого – Шок.

Хоцзибоэрген прибыл в лагерь в сопровождении свиты из 60 человек. Он заявил: «Поскольку я был занят захватом семей ойратских беженцев, то и не слышал о прибытии великой армии. Случайно услышал о том, что Абылай покорился великому императору и теперь разыскивает Амурсану, чтобы захватить его. Мы тоже желаем служить вам». Из слов батыра видно, что в 1757 г. казахи поняли бесполезность продолжения войны с цинскими войсками после гибели их союзника Амурсаны. Старшинская группировка в 1757 г. была достаточно сильной, их голос на военных советах был весомым. Султан



Абылай выступал на стороне своего союзника и побратима Амурсаны в своих интересах. На этом этапе своей жизни он еще не верил в гибель Джунгарского ханства, думал об его ослаблении, но не уничтожении. Чжао Хой настойчиво требовал выдачи главного бунтовщика Амурсаны и откровенно угрожал Хоцзибоэргену: «Не схватив его, никак не сможем отвести войска. Если наши войска будут разыскивать его в ваших кочевьях, это напугает вас… нам придется надолго расположиться на ваших землях и устроить здесь поиски. Несчастные последствия этого для вас очевидны». Хоцзибоэрген отвечал: «Амурсана не имеет ни малейшей поддержки и опоры. Как мы можем оставить у себя такого разбойника? И если он обнаружится в наших или других кочевьях, что может помешать нам захватить его?». Как видно из докладной Чжао Хоя, прямого обещания от Хоцзибоэргена он так и не получил. Император начертал на указе, что Чжао Хой «впал в самодовольство и зазнайство» только из-за выражения казахами покорности. Он, естественно, обладал большей информацией об истинных намерениях казахов и знал цену выражениям об их покорности. Тем не менее, в конце указа он приписал: «Что касается казахского старшины Хоцзибоэргена, повелеваем передать указ о проявлении нашей заботы (о нем), а также передать каждому (из прибывших в военную ставку старшин. – *К.Х.*) по 2 куска атласа, расшитого драконами, по 4 больших куска простого атласа, а также приказ о награждении». Хоцзибоэрген продолжал представлять интерес для Цинов в связи с тем, что император приказал уничтожить хойтских бунтовщиков, которые могли быть в аулах Хоцзибоэргена. По одним сведениям, в подчинении того было около тридцати тысяч подвластных, которых можно было причислить к новым подданным Цинской империи [Вэй Юань. Шэнъуцзи. цз. 4, л. 24]. По Списку казахских батыров Абылая, под его властью было 300 человек. Джунгары же, о которых шла речь в переговорах Кожабергена, являлись сторонниками Амурсаны.

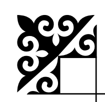
Баяр был знатным и известным цинскому правительству человеком. Когда в августе 1755 г. Амурсана покинул ставку генерала Баньди в Или, обманувшись в своих надеждах, что Цинская империя назначит его ханом, то уже в сентябре последовал указ Цяньлуна о назначении ханом хойтов Баяра [ПЧФЧ, цз. 40, л. 28]. Однако Баяр также был не согласен с разделом Джунгарии на 4 ханства согласно джунгарскому родо-племенному делению и назначением его в качестве марионеточного правителя, его возмущала политика типа «собирай массы,



деля их силы» (众建分势). Баяр был также не согласен с военно-административными планами цинского правительства разбить их для лучшего управления на военные полки – цзолинь. Он выступил против цинских войск в районе Урумчи в горах Ирен-Кабирга, но затем был вынужден отступить в верховья реки Каш – истока реки Или. Это было отступление с семьями из более 1000 юрт и со скотом. Далее джунгары могли последовать в Казахстан на соединение со своим сородичем Амурсаной. Генерал халха-монгол Чэнбгуньчжабу получил приказ уничтожить этих хойтов, выступивших разрозненно от их главного противника. Надо сказать, что р-н гор Ирен-Кабирга служил очагом сопротивления джунгар все последующие 3 года. Баяр был захвачен в плен армией Фу Дэ в начале 1758 г., а захвативший его офицер Айлуа выразил недовольство тем, что генерал не доложил о его подвиге императору, как это следовало бы сделать. О его недовольстве Чжао Хой доложил императору [ПЧФЧ, цз. 48, л. 19]. В связи с этим инцидентом мы располагаем сведениями о пленении Баяра.

Нима был подвластным этого Баяра, которого сам император еще в ноябре 1754 г. в одном из своих указов назвал в числе самых опасных врагов наряду с Чжанагэрбу. Утверждение Чжао Хоя о незначительности этого пленника было вызвано намерением снизить выкуп за него, на который рассчитывал Хоцзибоэрген. Но Амурсану Кожаберген выдать не мог, так как был его названым отцом.

Приказ императора Цяньлуна о награждении Хоцзибоэргена был отправлен в конце 1757 г. Его должен был доставить специальный отряд, с грамотой и шелками во главе с награжденным павлиньим пером Бутуна, который двинулся из лагеря 6 декабря 1757 г. Проводником служил имевший мелкий чин казах Олосыбай (Орысбай), которого цинские власти привлекли на службу, когда тот с семьей жил с монголами-чахарами к югу от Гоби во Внутренней Монголии. Неожиданно, ночью в тот же день он, находясь на дежурстве, пропал с конями, когда настала его очередь пасти их [ПЧФЧ, цз. 47, л. 20–20 об.]. Поиски его ни к чему не привели. Чжао Хой отправил письмо к казахам с требованием схватить и выдать Олосыбая, если он обнаружится у них. Император требовал выяснить, угнал ли тот коней сам, или просто заблудился. Он также велел арестовать его семью до выяснения ситуации [ПЧФЧ, цз. 47, лл. 20–20 об.]. А цинский отряд, выехавший к Хоцзибоэргену, остался без верховых коней и, главное, без проводника. Казахский Сусанин не только завел врагов в незнакомую местность, лишил их средств передвижения, но и нанес сильный урон



авторитету цинской армии и Цинской империи. По существу, он сорвал намерения цинского правительства укрепить отношения с влиятельным казахским старшиной и батыром.

Таким образом, Кожаберген (Хоцзибооргэн) батыр, если верна наша идентификация этой личности, попал в исторические анналы ханьцев. Попросив письмо от Чжао Хоя о своем подчинении (копию этого письма генерал приложил к своему докладу), Хоцзиборгэн хотел обезопасить себя на все то время, в которое цинские отряды рыскали в степи в поисках своего злейшего противника – Амурсан и его приверженцев.

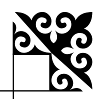
Чжао Хой особо отметил в своем докладе манеру Хоцзибоэргена перед началом беседы и после завершения трапезы читать молитву и проводить ладонями по лицу. Цинские офицеры поневоле повторяли за ним этот жест.

Эпизод переговоров и заключения мира с Кожабергеном в урочище близ Аягуза, к тому же подкрепленный затем посланием от имени императора в свете традиций цинской дипломатии, имел большое значение. Иначе китайская историография не поместила бы этот заурядный случай размена пленными и переговоров со старшиной о торговле в дворцовую хронику «Шилу» («Правдивые записи»).

В казахских народных преданиях этот эпизод с заключением мира также нашел отражение: чтобы отметить это событие, якобы урочище было согласно традиции переименовано в Мамыр-су (по имени пятого месяца по казахскому календарю, а также надежды на «тучный», весомый и плодотворный мир).

В указе же императора дана реальная оценка эпизода, он советует своему генералу не придавать встрече, прошедшей в непривычной для цинского отряда в дружеской атмосфере, столь большого значения. Однако, поскольку батыра намеревались официально зачислить в вассалы цинской династии, то это служило еще одним основанием для территориальных притязаний Цинской империи.

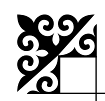
Хоцзибоэрген должен был, согласно договоренности, захватывать и передавать в руки цинских генералов джунгарских беженцев. Кроме того, он добивался хорошего выкупа за джунгарских пленных, в частности, за Нима. Таким традиционным способом постоянно заканчивались войны кочевников. Однако, главная награда была назначена за Амурсану, а Хоцзибоэрген тянул с его выдачей. Иначе чем объяснить, что его отряды оказались 30 сентября 1757 г. к северу от своих аулов, в районе Железинской крепости. На вопрос офицера За-



харина они отвечали, что являются воинами из войска султана Абылая под предводительством Кожабергена и продвигаются на соединение с войском Кулсары батыра [ГАОО, ф. 1, оп. 1, д. 58, лл. 65–66]. Кулсары в русских источниках выглядит недоброжелателем Абылая, передававшем русским властям его тайные планы. Возможно, он вводил их в заблуждение намеренно. Отряды Кожабергена двинулись на север в сторону Семипалатинской крепости якобы в погоне за Амурсаной, но это заявление не согласуется с вышеуказанным фактом, что Абылай отправил князя на запад под охраной Кожабергена, явно опасаясь, что его могут взять в плен. В разговоре казахи, подъехавшие к русской крепости, расспрашивали об Амурсане. Возможно, они хотели удостовериться, что тот дошел, вернее, доплыл до русских. Захарин отвечал, что он сам не видел джунгарина, но слышал, что якобы тот утонул, переплывая Иртыш, и что с ним были русские казаки. Но казахи уверенно отвечали, что Амурсана не утонул, что его кто-то увез, но, не сообщив источник своей информации, отъехали. Русские потом интересовались местонахождением Абылая, Кожабергена, расспрашивали о них, а также о китайских войсках у многочисленных ойратских беженцев. Те сообщили о заключении мира между Абылаем и цинскими генералами, а также о состоявшемся между ними обмене подарками. В марте 1758 г. железинцы обнаружили на своей стороне перешедших за реку со своим скотом нескольких подвластных младших кереев Кожабергена.

В 1758 г. при реке Цар-Гурбане (Чаре) враждебными казахам джунгарами был побит цинский отряд из 500 человек, охранявший посольство Цяньлуна, выехавшего от Абылая. Это место находилось в 2-х днях пути от Усть-Каменогорской крепости. Здесь прошли джунгары во главе с Шэреном, отступавшие от цинов, они были одновременно противниками Амурсаны и поддерживавших его казахов. После ухода Амурсаны в Россию, в кочевья *кереев*, *уаков* и *найманов* продолжали отступать отряды урянхайцев, алтайцев, уйгуров, а вслед за ними сюда вторгались преследовавшие их цинские отряды.

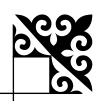
Весной того же года – 2 апреля 1758 г. Чжао Хой перешел через Алтын-Эмель в Минбулак. Поблизости от этой местности цинский отряд столкнулся с отрядом Ерали, который прислан был сюда ханом Нурали с согласия Оренбурга. Толе би и Абылай были оповещены об этом заранее. Генерал Чжао Хой провел встречу с угощением в своем шатре с султаном Младшего жуза, подобно тому, как он провел ее с Хоцзибоэргеном [ПЧФЧ, цз. 54, л. 1]. Он договорился с султаном



поддерживать постоянную связь, чтобы затем установить отношения с ханом Нурали. Цинский командующий войсками заверял Толе би Ерали о том, что цинская династия не имеет враждебных намерений против казахов. У Нурали хана накопилось недовольство против Оренбурга в связи с запретом пользоваться кочевьями в междуречье Яика и Волги. Кроме того, после завоевания Цинской империей Восточного Туркестана были попытки Ахмад-шаха Дуррани (ум. в 1772 г.) создать мусульманскую коалицию против неверных. Были разосланы послы к правителям Центральной Азии и Казахстана с призывами присоединиться к священной войне.

Чжао Хой на территории Старшего жуза старался сражаться, в основном, с остатками джунгарских войск во главе с Цэбудэн-Чжабу (монгольское имя Цэбудэн на казахском языке обычно передается как Септен). В докладах посла цинов Шуньдэны к Абылаю сказано, что Сартуган из Среднего жуза во главе двухтысячного отряда и отряд Кабанбая батыра действовали согласованно в преследовании Шэрена. Они выступили с востока [Гаоцзун шилу, цз. 555, лл. 17–19], а с запада приближался отряд султана Ерали из Младшего жуза, который имел в своем управлении некоторые подразделения кереев. Здесь как нельзя кстати были бы конкретные факты о Бердыкоже, жившем в Средней орде, но происходившем из рода Старшего жуза. Является достоверным фактом, что после поражения джунгар батыр активно включился в борьбу за западную часть Семиречья и Ташкент с кыргызами.

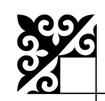
После истребления непокорных джунгар цины начали очищать от казахов территорию к югу и востоку от озера Зайсан. В 1761 г., продолжая операции по выдворению казахов, в степь двинулись их вооруженные отряды. В сентябре русскими пограничными властями было замечено оживленное движение большого количества казахов с кибитками и табунами. Оказалось, что это аулы Ходжи Мергена (Кожабергена?). Они сообщили, что около 8 тысяч китайского войска переправилось «со здешней на зарешную сторону», т. е. с восточного берега Иртыша на западный. И что за этим войском движется еще одна тысяча, которая когда прибудет, то пошлют ее к российской крепости «с таким посольством, дабы российское войско пошло с войною на них киргис-кайсаков от реки Иртыша, а они де китайцы во оных восьми тысячах имеют на них же де киргис-кайсаков, захвата от самого того озера Нор Зайсан по оною же следовать по степи». Аулы Ходжи Мергена намеревались откочевать к Баян улы (Баян аула – ныне Баян ауыл). Перед этим они подожгли степь, чтобы замедлить



движение цинских отрядов и не оставить корма их коням. По мнению генерал-майора Веймарна, цины специально распустили такой слух среди казахов, чтобы они «тому китайскому войску не учинили какой опасности, а паче воровства, и так тем киргисцам робость навели» [АВПРИ, ф. ККД, 1761, оп. 122/1, д. 6, лл. 2–4 об. Рапорт в Коллегию иностранных дел комиссии сибирского губернатора Соймонова от 18 октября 1761 г.].

Вполне возможно, что порой цины специально распространяли слухи о готовящемся походе, чтобы казахи сами покинули территорию, на которую они заявили свои права. Цины предприняли безуспешную попытку учредить пограничную линию «от камня называемого Чингис тау, который лежит от крепости Усть-Каменогорской езды будет тринадцать дней и от того камня реки пошли Аягус, на коей и показанные городки построить. У самого того камня намерены были китайцы заложить еще крепость, точию Хожа Мерген батыр не допустил, а коим случаем, того киргис-кайсаки не объявляют» [АВПРИ, ф. ККД, 1763, оп. 122/1, д. 3, лл. 51 об. – 52 об.]. Ходжа Мерген всемерно сопротивлялся в превращение реки Аягуз в пограничную линию казахских степей с южным соседом. В 1761 г. южнее Аягуза цинами были уже «в приличных местах выкопаны ямы и поставлены по степи кучи, «чтобы более они киргизы переезду из Зенгории не имели, тако китайцы к ним никто без позволения переедет» [АВПРИ, ф. ККД, 1761, оп. 122/1, д. 6, л. 106–106 об.]. В 1763 г. Ходжа Мерген все еще имел ставку около озера Зайсан, а в 15 днях езды от него расположились цинские войска. Можно представить, какие испытания ему пришлось пройти, чтобы отстоять свои пастбища.

В 1759 г. в русских источниках упоминается Хочи Берген батыр как старшина «Средней орды киргисцов», имевший постоянную связь с Темир- батыром, жившим «по сю (русскую? – *К.Х.*) сторону реки Цар-Гурбан и с султаном Абылаем [МОЦА, кн. 2, 139]. Кожаберген выезжал для участия в советах, созываемых в те годы ханом Абулмамбетом в Северном Казахстане. В 1762 г. «киргиского роду старшина Хожа Мергень» имел жилище у озера Зайсан в 12 днях пути от места дислокации цинского войска [МОЦА, кн. 2, 177]. Похоже, что речь идет об одном человеке – Кожабергене. Запись показывает, что русские пограничные власти продолжали получать сведения о старшинах Призайсанья. Это вызвано тем, что, в 60-х гг. XVIII в. Цинская империя развернула новую вооруженную борьбу за распространение своей власти на Семиречье и Верхнее Прииртышье [Хафизова,

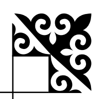


«Казахская» стратегия Цинской империи, 2007, 42–71]. Это было неожиданным для казахов, так как с Цинской империей были установлены посольские связи, кочевники начали уже обменивать коней на китайские товары на территории бывшей Джунгарии. Один из старшин, мирные аулы которого были разгромлены, скот и люди увезены, а сам он попал в плен, говорил охране: «император сочувствует нам, он не дозволит нас наказывать» [Кузнецов, 1983, 32]. Эти слова вполне могли прозвучать и из уст Кожабергена.

В апреле 1766 г. цинский отряд в отместку за ограбление урянхайцев Чадакэ напал на аулы Кожабергена из 500 юрт, прикочевавшие ниже озера Зайсан. Они задержали на три дня батыра для допроса и потребовали за него выкуп из 392 голов лошадей. Кроме того, они хотели, чтобы казахи возвратили 325 голов казенному заводу [Гаоцзун шилу, цз. 757, л. 10–11 об.]. Началось обсуждение вопроса о злоупотреблениях со стороны цинских командиров, выдворявших казахов с зимовок на территориях, которые цины объявили своими в одностороннем порядке [Гаоцзун шилу, 758, л. 6. об. – 7]. Впоследствии цины оставили намерение строить крепость в урочище Урджар и перенесли его в урочище Чугучак.

Среди казахских батыров, сражавшихся против джунгар, маньчжуро-цинских войск, а позже отличившихся в стычках с кыргызами и ташкентцами был батыр Бердыкожа. Военные подвиги Бердыкожи связаны с борьбой против джунгарского и цинского нашествия. Как и Абылай, Бердыкожа был в джунгарском плену и освобожден из него усилиями его патрона. Бердыкожа был настолько близок к Абылаю в 40-х годах, что якобы сопровождал его на охоте и сражениях.Он эпизодически попадал в поле зрения русских и цинских пограничных командиров. Его имя всплывало, а затем терялось в сонме других приближенных к Абылаю лиц. О нем писали казахские и кыргызские барды. Большинство народных преданий четко указывают родовую принадлежность батыра к колену *шанышқыл* (русск. искаженное – *шанышклы*) Старшего жуза. Жизнь Бердыкожи представляет научный интерес, так как она проходила на территории Старшего и Среднего жузов. Редко когда жизнь батыра замыкалась лишь интересами его рода. Известные батыры распространяли свою деятельность на всю территорию казахских кочевников, а их судьбы тесно связана с судьбами многих казахских властителей.

Некоторые считают, что Бердыкожа жил приблизительно в 1708–1786 гг., в таком случае, он был на два года старше Абылая и прожил после смерти своего сюзерена еще шесть лет. Последняя запись



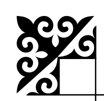
о нем сделана капитаном Андреевым в 1783 г., поэтому указанные годы жизни могут быть весьма приближенными к истине.

Бердыкожа более всего прославился в битвах с джунгарами, что ярко запечатлелось в памяти народа. Он стал достаточно известным предводителем войск. Интересующиеся могут ознакомиться в Отделе редких книг Центральной научной библиотеки МОН РК с рукописью произведения «Бердыкожа» [Шанышқылы Бердіқожа батыр, 2009, 189–240].

Географическое расположение кочевий Бердыкожи вовлекало его в вооруженные стычки с джунгарами, с цинами и кыргызами. Восточная часть Семиречья после разгрома цинами Джунгарского ханства продолжала оставаться «горячей точкой» международных отношений казахских ханств до конца XVIII в.

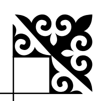
Батыр из рода *шанышкылы* Бердыкожа является заметным сподвижником Абылая. В своем наброске «Хан Абылай» Миржакып Дулатов упоминает его наряду с именами батыров Кабанбая, Богенбая, Жанибека, би Казбека. То, что Бердыкожа назван последним в списке, возможно, объясняется его молодостью по сравнению с упомянутыми легендарными личностями. Между тем, след, оставленный Бердыкожой в казахском фольклоре является достаточно заметным. Примечательно также то, что в казахских сказаниях его имя передается в одном написании, его персона строго соотносится с одним временем. Поскольку в основном Бердыкожа действовал на стороне Абылая, но большую часть своей жизни проживал среди кереев, найманов и других родов, относящихся к Среднему жузу, русские и китайские информаторы называют его бием, или батыром Среднего жуза. Звание бия не противоречит истине, т. к. казахские влиятельные старшины нередко сами вершили суд среди своих подвластных или выбирались на время высшими арбитрами во время возникновения родовых тяжб. Кроме того, у Бердыкожи в подчинении были не только его приверженцы и родственники из Старшего жуза, но и поколения Среднего жуза. Также по этой причине русские, джунгарские и китайские информаторы порой относили Бердыкожу к родам *керей, каракесек* и другим коленам казахов Центрального и Восточного Казахстана. К тому же, Бердыкожу связывало с *кереями* не только то, что он длительное время проживал среди них, но и то, что он находился с ними в родственных отношениях.

Когда Цинская империя в 60-е гг. стремилась закрепиться на территориях к югу от рек Аягуз и Чар, казахские аулы по обе стороны



Джунгарских ворот и Тарбагатая, в том числе и Бердыкожи, стали главными перевалочными пунктами и важным связующим звеном с южными соседями. Поэтому не удивительно, что Бердыкожа был вовлечен в систему сложных международных отношений, включающих военные, политические и экономические связи с южными соседями.

По сведениям о Бердыкоже капитана И. Андреева, в рукописи которого последние события заканчиваются 1784 г. [Андреев И.И. Описание Средней орды киргис-кайсаков… Глава 6, часть 1. О принадлежащих Средней киргис-кайсацкой орды к китайской границе. Фотокопия рукописи из Географического общества Союза ССР (Ленинград), сделанная в 1773 г.], которой кратко записано: «Волость чашылинская (искаженное *шанышкыл. – К.Х.*), в коей старшина Берды хажа подвластных онаго кибиток до 300, лошадей и скотом очень богаты». После этого текста поставлен знак «*» – звездочка, что означало, что должно было последовать примечание в конце страницы. Но, к сожалению, примечание так и не было приписано. Возможно, И. Андреев хотел привести биографические данные о Бердыкоже. Текст капитана о волости Бердыкожи предваряется небольшой справкой о волостях «по сю сторону реки Или», летом кочевавших у Аягуза и его притока Айдынсу, «лежащих к кашкарской дороге», а после нее – о *«жалойирской» – жалаирской* земле. Указание летних кочевий на Аягузе и Айдынсу косвенно подтверждает возможность нахождения здесь Бердыкожи с отрядом в августе 1757 г. и позже, когда цины стремились закрепиться в Юго-Восточном Казахстане. Это полностью подтверждается и сведениями народных преданий. Сведения капитана Андреева совпадают со сведениями казахских устных преданий о территории, связанной с деятельностью Бердыкожи. 300 дымов его аула в расчете в среднем 4 человека на юрту, составляло приблизительно 1200 человек, что по тем временам было немало для управления одним старшиной. Обилие скота у Бердыкожи свидетельствует об его богатстве, что было главным источником влияния в степи. Оно также говорит о том, что торговля с Китаем, который оставался крупным торговым партнером, шла у батыра достаточно успешно. Расположение на дороге, ведущей в Кашгар, предполагает прохождение через аулы Бердыкожи уйгурских, среднеазиатских и татарских купцов из Сибири. Среднеазиатские купцы были весьма привержены исламу, они были крупными поставщиками казахского скота в Илийский, Тарбагатайский и

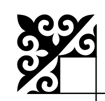


Алтайский округа Цинской империи. Хозяйственная и торговая деятельность Бердыкожи ограничивалась скотоводством и торговлей. Но политическая и военная жизнь оставалась у него по-прежнему чреватой опасностями. Это привело к смерти батыра от руки соседних враждебных кыргызских племен. Отсюда следует вывод, что он поддерживал политику Абылая о возвращении контроля казахов за Ташкентом и другими городами на Сырдарье.

Переплетение судеб батыров Кожабергена, Хочу мергена и Бердыкожи связано с Толе би, султаном Абылаем и другими среднеазиатскими властителями. Батыры формировали свои ополчения по призыву многих правителей, на западе и востоке, на юге и севере страны. Они могли оказаться в окружении аристократов всех трех жузов. И могли получить удел на подвластных им землях. Поэтому, места постоянного проживания некоторых из них менялись, к ним относится и батыр Бердыкожа.

Главным аргументом идентификации батыров служит родовая принадлежность, упоминаемая в произведениях казахского устного творчества. В русских и китайских источниках, к сожалению, это не всегда отмечается и при естественном искажении при написании и произношении имен чужих людей вносится определенная путаница в идентификацию некоторых исторических лиц. К примеру, в «Истории Казахстана» Кожаберген батыр и Кожаберген-жырау батыр выступают как одно лицо [История Казахстана, Т. 3, 2000. Указатель имен, 743]. Авторы гл. М.К. Козыбаев и В.З. Галиев пишут о Кожабергене-жырау в связи с вторжением войск Цэван-Рабдана в 1723 г. [История Казахстана, Т. 3, 2000, 129–130]. Историк Едиге Валиханов, очевидно, также считал его тем самым Кожабергеном-жырау. Во всяком случае, он не указал, что это – тезки. Возможно, ошибка возникла по вине составителей Указателей к книге. Я также ошибочно считала, что в китайском документе 1757 г. о приезде батыра Хоцзибоэргена в ставку командующего цинских войск [ПЧФЧ, цз. 42, л. 17 об. – 21 об.] речь шла о Бердыкожи. Однако совершенно точно, что прибывший мириться с цинами батыр не упомянут ни как жырау, ни как акын. Из-за большой разницы в 34 года между двумя датами, в которых упоминается Кожаберген 1723 и 1757 гг. вытекает, что было два казахских батыра с одинаковым именем Кожаберген.

Аулы Бердыкожи находились по соседству с аулами *каракерея* Кабанбая и Казбек би. С Кабанбаем Бердыкожу связывала рыцарская дружба, запечатлевшаяся в преданиях. Когда лошадь Кабанбая пала,

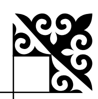


Бердыкожа уступил ему своего аргамака, а после битвы подарил его своему старшему батыру.

В народных преданиях обычно описываются внешний облик батыров и приметы их коней. Бердыкожа был худощавым человеком с длинной и крепкой шеей. Его часто называли «казах с колообразной шеей» – «қазық мойын қазақ». Уже в 15 лет его прозвали батыром. Бердикожа играл на тростниковой свирели, подобно древним тюркским батырам, описанным в китайской поэзии эпохи Тан (618–907). Дудочку из двух частей тростника разного диаметра можно было воткнуть одну в другую и носить за пазухой. Эту дудочку батыру сделал блаженный, колдун, странствующий отшельник, дервиш – *дуана, диуана*. Бердикожа умел выводить на ней пение птиц и крики животных и зверей, что помогало ему успешно охотиться на них.

Сведения народных преданий о времени смерти батыра не совпадают с временем, указанным И. Андреевым – 1786 г. По кыргызским преданиям, Бердыкожа стал заложником политики Абылая в борьбе с ними. Хан отказался защищать его за постоянные набеги на соседние народы и тем самым облегчил кыргызским неприятелям расправу с ним. Перед смертью, конь батыра Кокшолак на его глазах был угнан кыргызским батыром Борибаем, который зубами перегрыз волосяную веревку, за которую конь был привязан у юрты, а затем вскочил на него. Бердыкожа отказался преследовать пленника, так как знал, что его Кокшолака не догонит ни одна из лошадей. Возможно, он посчитал неблагоприятной для себя приметой, что противнику удалось сесть верхом на его любимого коня. Вражеский отряд, возглавляемый враждебно настроенным кыргызским батыром, напал на ставку Бердыкожи, расправился с ним и захватил все его имущество и скот. Это могло случиться до смерти хана Абылая, до 1780 г. В казахском же предании говорится о том, что когда Бердыкожу захватили в плен, посадили на одного коня с кыргызом позади него. Якобы Бердыкожа ударил этого кыргыза в спину ножом. За это он был схвачен и жестоко казнен противниками.

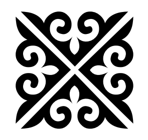
Капитан И. Андреев в своем описании Средней орды говорит о первом приезде Бердыкожи в Семипалатинск в 1783 г. и встрече его с комендантом крепости. Это не противоречит исторической истине. Так как казахи искали союзников в войне с кыргызами у Цинской империи, они могли попросить помощи и у русских властей. Кроме того, богатого скотовладельца интересовали перспективы торгового обмена с русскими.

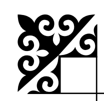


Итак, датой смерти батыра Андреев называет 1786 год, когда Абылая уже не было в живых. Народные предания говорят о том, что Бердыкожа умер до смерти Абылая, фактически преданный им. Предания родственных народов и записи капитана схожи в одном, что Бердикожа погиб от рук кыргызов и что смерть его была страшной. Потомки Бердыкожи считают, что тот жил около 1708–1786 гг., в таком случае он был на два года старше Абылая и прожил после смерти хана еще шесть лет. В борьбе с кыргызскими сородичами он был далеко не единственной жертвой. Абылай дипломатично заявлял, например, что не выступает против родственных кыргызов, а хочет лишь наказать Садыр батыра [Шанышқылы Бердіқожа батыр, 2009, 22]. Его борьба с кыргызами также не привела к успеху.

И в преданиях, и в источниках Кожаберген, Хочу Мерген, Бердыкожа и другие батыры выступают непоколебимыми борцами за интересы Казахского ханства, за обладание кочевьями в Семиречье, контроль над среднеазиатскими городами и караванными путями из Китая в Центральную Азию и Казахстан.

Деятельность батыров наглядно демонстрирует, что кочевая цивилизация со второй половины XVIII в. оказалась в тисках европейской, китайской и исламской цивилизаций, освободилась из них с большими потерями и новыми приобретениями для прогрессивного развития потомков кочевников.



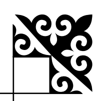


4.3. Кабанбай батыр, его дипломатия и торговая политика в Синьцзяне

Кабанбай батыр (哈巴木拜) из рода *каракерей* племени *найман* является известным казахским батыром и влиятельным старшиной Среднего жуза.

В книге «Душа Китая» (Чжунго цзишэнь), созданной для патриотического воспитания молодежи в Китае и не претендующей на научное исследование, даны характеристики героям народов Китая. Среди них имеется текст об единственном казахе – Кабанбай батыре: «В 1757 г., когда аристократ монгольских джунгар Амурсана поднял бунт на окраине страны и потерпел поражение, он пытался бежать к казахам. Однако, правитель Среднего жуза (жуз, каз. язык, означает территорию и роды) решительно не принял его, при этом объявил, что подвластен Китаю. В это время Кабанбай (卡班巴伊) твердо стоял на стороне Абылая, активно защищал и поддерживал подчинение Абылая цинскому правительству. Благодаря тайной поддержке Кабанбая, цинское правительство быстро расправилось с восстанием Амурсаны и ускорило проведение мер по объединению территорий западных границ. Имя Кабанбая Айцзыбачаэр (Избасар?), аристократического рода, уроженец Или Синьцзяна, верный и сильный помощник Абылая, знаменитый полководец. Он не только охранял единство территории государства, боролся против его раскола, но и решительно боролся против угроз и хитростей царской России, был категорически против подчинения России. Поскольку Кабанбай болел за интересы казахского и китайского народов, широкие массы казахов уважительно называли его «батыром» (героем). И сегодня, во время соревнований синьцзянских казахов по борьбе, скачках на конях, кокпарах (борьба за тушу козла), на свадьбах и других казахских торжествах, люди приветственно в один голос кричат и приветствуют своих сородичей: «Кабанбай! Батыр!» [Чжунго цзиншэнь, 1991, 492].

В книге «Душа Китая» говорится о Кабанбае по имени Айцзыбачаер (艾孜巴查爾 – Избасар «Идущий следом»). Батыров с прозвищем Кабанбай известно несколько. Нередко поэтому в исследованиях о батырах с одинаковыми прозвищами и именами подвиги одних лиц приписываются другим. Указание рода исторических лиц является одним из серьезных маркеров для определения личности, но и здесь возникают ошибки. В случае с батырами происходит путаница с племенем *керей* и родом

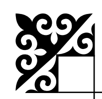


каракерей племени *найман*. Точность принадлежности к роду, конечно, важна еще и в выяснении географического расселения родов. Но в международных отношениях государств это не несет очень большую нагрузку, так как тут важна общая этнонациональная принадлежность.

Наш герой Кабанбай известный под личным именем Ерасыл (Благородный муж), родился в Восточном Казахстане, он принадлежал к феодальной знати, однако не был аристократом. Кабанбай относился к роду каракерей племени найман, часть которого проживала на территории Монголии и Тарбагатая. Этот батыр никогда не выступал против России, не известны также факты о его борьбе за единство китайского государства. Китайским историкам известно, что он сам лично, либо поощрял других изгонять из Прииртышья урянхайцев, подчинившихся династии Цин. Очевидно, китайские ученые сделали такой вывод потому, что он прославился в борьбе против джунгар и Джунгарского ханства, которое было покорено Цинской империей. Но борьба против джунгарских нашествий еще не означала борьбу за интересы Китая и за объединение Китая. Джунгарское ханство являлось самостоятельным государством, территория которого была включена в состав Цинской империи. В процитированном тексте верным является то, что Кабанбай батыр был необычайно популярным в народе. Кроме того, по рекомендации Абылая, он один раз перегнал коней для продажи в урочище Урумчи и среди них – рысаков, предназначенных в дар императору. Однако, отношения этого Кабанбая с цинским правительством не получили своего развития, как, впрочем, и с Россией.

В истории казахов самым популярным был батыр Кабанбай по имени Ерасыл. Есть разные объяснения этого необычного для мусульман имени. Один миф утверждает, что богатырю дали прозвище Кабанбай, так как он голыми руками справился с диким кабаном (кабанами). В другом говорится, что он сражался с джунгарами как свирепый вепрь. Почему бы не предположить, что прозвище дано под влиянием рассказа о борьбе с вепрями бахадура Сиявуша из «Шах-наме» Фирдоуси, а также о подвигах Рустема, необычайно популярных среди народов Центральной Азии.

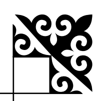
Кабанбай находился в ополчении султана Абылая. Абылай смог возвыситься благодаря своему военному искусству, умению организовать вооруженный отпор врагу. Помогали ему и личные качества: способность реально оценить сторонников и противников, а также ситуацию. При этом он проявлял способность к интригам, коварство и жестокость. Главным в военном деле того времени было сформиро-



вать боеспособный отряд из отчаянных молодцев, подобных Кабан-бай батыру, обеспеченных своими конями и вооружением и могущих привести своих сородичей. Кроме того, в отряды Абылая стекались авантюристы, рыцари-одиночки, беглецы из разных родов. Но костяком отряда были преданные люди из подвластных колен рода *аргын*: *атыгай* и *караул.* Тулентуты же Абылая в разное время составляли 300, максимум – 500 человек. Для крупных военных рейдов следовало привлечь известных старшин-батыров, имеющих твердую опору в своих родах, всегда могущих выставить собственный боеспособный отряд на конях. При этом отряды выполняли наезды также против непокорных правителю казахских родов, для наказания и привлечения новых сторонников. Слава к батырам приходила, когда они выказывали мужество и героизм в борьбе с внешними врагами, составляли со своими отрядами временные народные ополчения. Народные ополчения действовали максимум весну, лето и середину осени, затем они распускались до следующего клича. Отряды батыров были очень мобильными и послушными своему предводителю, защищали интересы своего рода и племени. Хан мог при поддержке уважаемых биев и других старшин призвать под свое знамя наиболее выдающихся батыров. Ханский костяк войск – *тулентуты* – не расформировывался в мирное время. Стержнем военной структуры казахов XVIII в. оставался институт батыров [Кушкумбаев, 1991, 96–97].

Военным навыкам Абылай обучался самостоятельно, при необходимости советуясь с прославленными воинами, к примеру, с Богенбай батыром (1680–1778 гг.). Затем он выдвинулся в предводителя отрядов, сумев привлечь на свою сторону известных и молодых храбрецов. Тот, кто в степи имел под своей командой вооруженный отряд, мог оказывать услугу хану, а наиболее честолюбивые и умные из них – влиять на действия хана внутри страны. Усилившись в качестве старшин, они зачастую оказывали на ханов давление. Абылай постепенно расширил сферу своего влияния, опираясь на легенду о принадлежности к ханскому роду. Хан Абулмамбет, которому он служил, по свидетельству народных преданий и письменных документов, не отличался особенной воинственностью, а его наследник Болат султан якобы был слабого характера и безвольным правителем. Жизненный опыт Абылая, приведший к его возвышению, через 100 лет лучше всех освоили его потомки – хан Кенесары и султан Тезек.

Среди сподвижников Абылая и его боевых союзников в войне против джунгар и маньчжуро-китайских войск в преданиях указаны

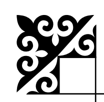


батыры: престарелый Богенбай, Баян, Джанибек, Кабанбай и другие. Их имена увековечены в казахском эпосе, в исторических песнях и одах-восхвалениях. Образы их по требованию этих жанров идеализированы, главным образом, потому, что народ чаял видеть в них своих покровителей. Эта функция оставалась за батырами и после смерти, которую уже несли их души-*аруахи*. К ним казахи часто обращались за поддержкой в тяжелые времена. Шаманы при камланиях в своих заклинаниях также взывали к душам батыров. На востоке Казахстана, в Западной Монголии, Алтае и Тарбагатае шаманы во время камланий часто упоминали Кабанбая батыра. Сородичи Кабанбая искренне верили, что он и в потустороннем мире оберегает их от несчастий. Уже вскоре после смерти батыра его имя стало ураном – боевым кличем его соплеменников. Сам Кабанбай всегда использовал уран «Каптагай». Вышеприведенные факты говорят об огромной популярности батыра, являются доказательством признания его заслуг в мирное и военное время.

Батыры и бии влияли на хозяйственно-экономическую жизнь своих родов, распределяли пастбища и водоемы, определяли маршруты кочевок и несли ответственность за отношения между родами. Они стояли ближе к народу, лучше понимали его насущные интересы и представляли эти интересы перед ханом. Хан мог одержать военную победу, лишь опираясь на отряды батыров. Также он зависел от них при перегоне крупных табунов скота, установлении торговли и дипломатических отношений.

Кабанбай жил приблизительно в 1692–1770 гг. [Қазақстан. Ұлттық энциклопедия, т. 5. 2003, 173]. Его род кочевал на подступах к Китаю в районе гор Барлык Восточного Казахстана, от Урджара до озера Зайсан. Постепенно распространил свои кочевья на территории Тарбагатайского и Алтайского районов СУАР КНР и Кобдоского района в Монголии. Наряду с ними здесь проживали 12 колен *абак-кереев*. Род Кабанбая проживал по ту и эту сторону от озера Алаколь до Иртыша – на главных проходах из Джунгарии в Казахстан. Первые удары джунгарских, а затем маньчжуро-китайских войск обрушивались на них. Благодатный для скотоводов район Барлыка был предметом китайско-российских переговоров почти до конца XIX в. Эти переговоры не оставляют сомнений в том, что он был жизненно важным и традиционным местом обитания племен *керей* и *найман* Среднего жуза.

По преданиям, подтверждаемым и письменными источниками, Кабанбай участвовал во всех известных сражениях между джунга-

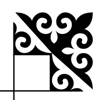


ро-казахскими отрядами на протяжении 1717–1758 гг.: способствовал организации защиты священного для мусульман Туркестана, участвовал в крупных битвах на территории от Иртыша до реки Сарысу, на землях племен Старшего и Среднего жузов. Кабанбай командовал несколькими подразделениями казахского ополчения, или одним его крылом (қол).

В первой половине и середине XVIII в. в Казахстане и в Джунгарии произошли крупные исторические перемены. Джунгарское ханство в 1756–1758 гг. находилось в агонии и окончательно пало в результате междоусобиц и внешних вторжений. После разгрома джунгар маньчжуро-китайские войска двинулись на казахов. *Кереи* и живущие обособленно на территории Старшего жуза *найманы* первыми подверглись нападениям цинских пограничных отрядов. В то же время, через их аулы следовали казахские посольства в Китай и цинские посольства в Казахстан. После установления торговых отношений Цинской империи со Средним и Старшим жузами, по их землям проходил оживленный торговый путь. Старшины, бии и батыры получали свою долю прибыли в торговом обмене и гарантировали безопасность проезда караванов и посольств. Они были в центре политических интриг ханов и султанов. Их роль приобрела особое значение в тайной дипломатии правителей, батыры выступали как советники и послы правителя, как стражники послов и сами доставляли тайные военные и дипломатические послания. Кабанбай был одним из таких батыров.

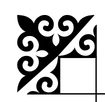
Имя Кабанбая часто упоминается рядом с именем гусеголосого Казбека, поскольку они происходили из одного рода, иногда источники называют их братьями. Казбек являлся мозгом рода, а Кабанбай – его мечом. Казбек би был одним из шести биев, назначенных Тауке ханом для управления союзом родов, управления краем. Власть и прерогативы власти Казбек би были признаны на основании законов, освященных традицией. Политические взгляды Казбека становились руководством к действию для Кабанбая. За идеями и мыслями Казбека би стоял Кабанбай, а действия Кабанбая подкреплялись строго взвешенной позицией бия. Этот тандем был неразрывным на всем протяжении их долгой и славной жизни. Однако их роль не ограничивались лишь интересами рода, эти исторические деятели могли подняться над интересами рода, видеть и понимать интересы всего казахского народа и Казахского ханства.

В 1731 г. Казбек би через своих старшин, сопровождавших в поездке в Орскую крепость правителей Среднего жуза, отправил первое



письмо о желании принять покровительство России. Однако, Абулмамбет и Абылай не сочли нужным информировать об этом русскую сторону. Может быть, потому, что они прибегли к переговорам с русскими в тактических целях. А, кроме того, еще и потому, что Казбек и Кабанбай хотя и были влиятельными и необходимыми им фигурами, но являлись простолюдинами. Внешнеполитические дела в степи являлись прерогативой чингизидов. Сам Казбек в старости говорил, что Абулмамбет и Абылай скрыли его письмо из чувства зависти и с явным намерением не позволять ему иметь самостоятельные связи с русской стороной. Однако присяга ханов Среднего жуза автоматически должна была распространиться на Казбек бия, а, следовательно, и на его батыра Кабанбая. Как бы то ни было, ни Казбек би, ни Кабанбай батыр формально никогда не приносили присяги России. В то же время, они также не были замечены во враждебных действиях против России. Это давало простор и маневренность их отношениям с Джунгарским ханством, а после его уничтожения – с Цинской империей. В 60-х гг., подвергнувшись набегам цинских отрядов, уважаемые старшины не преминули заявить русским посланцам из Омска, что имеют намерение отправить свое посольство в Санкт-Петербург [КРО1, 648–649].

Как свидетельствуют русские источники, Кабанбай вместе с влиятельным Казбек бием осудил Барака султана за убийство хана Младшего жуза Абулхаира в 1748 г. Иначе и быть не могло, так как батыр знал Абулхаира в молодости как предводителя ополчения казахов трех жузов. Эти два пользующихся огромным авторитетом лица отказывались поддерживать борьбу Барака султана с Абулхаиром, несмотря на то, что тот был многолетним правителем их племени *найман* [КРО1, 434–435]. Султана Барака и Казбек би также связывала территориальная близость кочевьев. Возможно, были и другие личные причины для недовольства влиятельных бия и батыра, что особенно остро проявилось у их потомков в 1780 г. Однако, нельзя не признать, что позиция старшин отвечала интересам единства Казахского ханства. Кабанбай как будто не изменил своего отношения к джунгарам, разгромленным маньчжуро-китайскими войсками. Спасаясь от поголовного уничтожения, остатки уцелевших джунгар хлынули в степь. Батыр был среди тех, кто продолжал нападать на джунгар, забирал их скот, а пленных обращал в рабство. На старости лет ему не хватало гибкости Абылая, который, чувствуя приближение с юга новой угрозы, пытался сколотить в 1755–1757 гг. джунгарско-казахское ополчение и остановить продви-

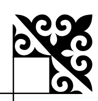


жение цинских войск в Казахстан. Абылай изменил свое отношение к цинской династии под влиянием необратимых обстоятельств – гибели Джунгарского ханства. И в большей степени – в связи с поддержкой цинским императором его честолюбивых планов на воцарение.

В 1757–1758 гг., с усмирением Джунгарии, привлечением на свою сторону казахов цинские манифесты были отправлены и к кыргызам (*бурутам*) [Цин Гаоцзун шилу, цз. 555, 32]. Для похода против Восточного Туркестана необходимы были казахские и кыргызские кони. Лично по приказам императора в конце 1757 – первой половине 1758 гг. шла интенсивная подготовка к натуральному обмену в урочище Урумчи. Однако скот не был пригнан в обещанное время. Император велел оставить товары на месте в ожидании прибытия казахских торговцев. Наконец, некий джунгар Буку-Чаган пригнал 300 коней от имени Кабанбая. Кабанбай был в окружении Абылая заметным человеком. Он проживал в районе, где заканчивались трагические страницы истории джунгар. А кыргызско-цинские отношения установились позже казахско-цинских.

Имя Кабанбая впервые упоминается в императорской грамоте вместе с именами хана Абулмамбета, султанов Абылая и Абулфеиза и адресованной им [ПЧФС, цз. 1, л. 3]. Дата этой грамоты – день гэнсю 3-й луны 25 года правления Цяньлун (21 апреля 1760 г.). Имя казахского батыра Кабанбай записано иероглифами 哈巴木拜 и читается Хабамубай. Впервые имя простолюдина стояло рядом с именами спесивых чингизидов. В то же время, оно ясно показывает, кто был организатором набега на тыва. Нет никаких сомнений, что речь идет о Кабанбае, так как в докладах пограничных чиновников виновником набега указывался подвластный им человек Барак батыр 巴魯克巴圖魯. [ВД, 2015, 125]. Казахские торговцы подтверждали, что он подчиняется Кабанбаю.

В 1760 г. из Китая возвращались казахские послы. От имени хана Абулмамбета – Хутубай и Аталай; султана Абылая – Эласыхул; султана Абулфеиза Бокенай, Бурут; брата Абулфеиза султана Ханбабы – посол Усен [ПЧФС, цз. 3, л. 7–10]. Написание имен Кабанбая батыра и Ханбабы султана несколько сходны, соответственно 哈巴木拜(Хабамубай) и 哈木巴巴 (Ханбаба), поэтому в исследованиях китайских казахов их стали путать. Кроме того, некоторые из них приняли посла Абылая по имени Элэсыхулэ (額勒斯瑚勒) за Кабанбая батыра, так как оно весьма похоже на личное имя Кабанбай батыра – Ерасыл. Поэтому стали выдвигаться утверждения, что батыр Кабанбай нахо-

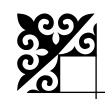


дился в составе посольства казахов, посетил летнюю резиденцию цинских императоров Бишу шаньчжуан в Чэндэ. Однако, последние два иероглифа имени Элэсыхулэ, *хулэ* более похожи на звучание слова qul, что значит *раб*. Это слово-окончание часто встречается в именах мужчин в положительном значении. Например, упомянутый батыр Раимкул (Раб милосердия, значит, «преданный милосердию»), Молдакул (Раб муллы, т. е. «раб учения»), Кудайкул (Раб божий) и т. п. Называться «рабом» в данном случае было большой привилегией [А. Гафуров, 1987, 35–37]. Однако, нам не встречалось утверждение о том, что полное имя Кабанбая звучало как *Ерасылкул*.

Набег казахов в 1759 г. мог быть ответным шагом, так как тувинцы во главе с их предводителем Чадакэ участвовали в казахских походах цинских войск в Прииртышье в 1756–1757 гг. Император Цяньлун был страшно разгневан за дерзкое нападение казахов Призайсанья на новых данников империи и разорение ими аулов (*тыва*) урянхайца Чадакэ, который за два года до этого события стал данником цинского императора. В период господства джунгар урянхайцы выплачивали с каждой кибитки по шесть шкур соболя, затем дань была снижена до четырех шкур. В 1757 г. была достигнута договоренность урянхайцев с цинской администрацией об ежегодной дани в две шкуры соболя. При этом посольство Чадакэ по прибытии в Пекин получало с казны за десять шкур рыси по одному куску атласа, за двадцать шкур шиншиллы – один кусок бязи [Цин Гаоцзун шилу, 552]. Император издал приказ о подготовке войска для выступления против казахов. Цяньлун отправил послом к Абылаю офицера дворцовой гвардии Навана с выражениями угроз и требованием возвратить награбленное [Хафизова, 1977]. С Наваном было отправлено письмо императора на имя Абулмамбета, Абылая и Кабанбая батыра. Абылаю стоило больших усилий предотвратить новое вторжение цинских войск и связать себя некоторыми обязательствами перед цинской династией.

После разорения джунгар и уничтожения их ханства Цинская империя начала строить оборонительные сооружения в верховьях рек Иртыш и Или, ставкой цинского генерал-губернатора была объявлена Кульджа (Или).

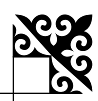
Весной 1762 г. подвластные Казбек би и Кабанбай батыру роды подверглись нападению цинских войск, у них были разорены аулы, угнаны в рабство люди и захвачен весь их скот. Одних коней было около тысячи голов. На летних пастбищах в верховье реки Сирасу (так



в источнике) были убиты пастухи, принадлежавшие Казбек бию и Кабанбаю. Часть людей, имущества и скота было возвращено в результате переговоров посольств Абулмамбета хана и Абылая. *Чурчуты* (маньчжуры) отказались возвратить джунгарских пленных казахским старшинам и строго запретили последним «переходить границы своих кочевий». В одностороннем порядке Цинская империя объявила своей границей территорию на востоке от Иртыша, к югу от реки Аягуз и его притока Чарын, далее по южному берегу озера Балхаш до реки Сарысу. Это была территория, за которую Кабанбай боролся с джунгарами всю свою жизнь. Мог ли батыр согласиться с таким утверждением? Он никогда не соглашался признавать новые границы, установленные Цинской империей в одностороннем порядке.

Вторжения цинских пограничных войск продолжались до 70-х гг. XVIII в., до прихода к власти Абылая. В 1769 или в 1770 гг. Кабанбай батыр умер. Ему не пришлось присутствовать на церемонии поднятия Абылая на белой кошме, но он был свидетелем роста политического влияния султана, которое большей частью стало возможным благодаря установлению тесных связей с Цинской империей. Когда Казбек би произносил слова о зависти ханов, Абулмамбет уже умер, а Абылай решительно стремился занять опустевший трон в обход интересов законных наследников. Би и батыр чувствовали, что тот далеко ушел в своих отношениях с Цинской империей, а также, возможно, им казалось, что их интересы не защищаются султаном достаточно энергично. Но кого поддерживали Казбек би, а, следовательно, и батыр? Кандидатуру законных наследников Абулмамбета – Болата хана или Абулфеиза? По словам би, Абулфеиз «без нево, Казвекбия, совету никаких предприятиев не начинают» [КРО 1, 648]. Кроме того, он утверждал, что никогда прежде правители 10 улусов аргынов, кроме Абулфеиза и сына Семеке – Тауке не избирались «в старшины», что в данном случае надо понимать, как «в главные ханы». В этих словах также явно чувствуется несогласие би на избрание Абылая. Этот вывод находит подтверждение и в казахских жырах. В это время Казбек би перевалило за 90 лет, а Кабанбаю пошел восьмой десяток.

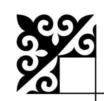
К какой бы ханской партии Казбек би и Кабанбай батыр не примыкали, до конца своей жизни они придерживались политики единства казахских жузов, выступали против раздробленности казахов и междоусобной борьбы казахских правителей. В 1762 г. Абылай и съезд старшин в ставке Казбек би пытались примирить хана Абулмамбета



с его племянником Ишимом, передать священный Туркестан в их совместное правление. Разделение шло на две части: от одних ворот города прилегающими к той стороне городками земли вилайета отошли Абулмамбету, а от других – к Ишиму. Это важное для священного города решение было принято в ауле *каракереев*, подвластных Казбек би, после чего Абулмамбет смог возвратиться в Туркестан и получать свою долю налогов. Кроме того, здесь же обсуждались проблемы предотвращения цинских набегов и дальнейших действий в отношении Китая. Все обсуждаемые при участии наших героев внутриказахские дела оказывали сильное влияние на внешнюю политику ханств, стиснутых между Российской империей и Джунгарскими ханствами, а затем – Российской, Цинской империями и Кокандским ханством.

Географическая близость земель каракереев к новым границам Китая, мнение двух старейшин по казахско-китайским отношениям не могли игнорироваться Абылаем. Те могли просто не пропускать его посольства в Китай, как, например, в 1763 г.

Стратегия Кабанбая батыра (явно согласованная с Казбек би) заключалась в том, чтобы расселить казахов на опустевших джунгарских землях. В 1759 г. Кабанбай через туленгута Раимбека передавал Аблаю: «чтоб он со всем своим улусом прикочевал на Зенгорскую землю на то место, где бывала зенгорского хана Галдан Чирина Урга, яко де оное порозжее, где б де будучи мог он, Аблай, так как Галдан Чирин во все тамошние окружные места повелевать, и через то б де могла их Кайсацкая орда распространиться и прославиться, что де он, Раимбек, по приезду ему Аблаю и объявлял. Только де он Аблай-салтан, на то будто ничего не говорил, кроме того, что разсмеялся» [МОЦА 2, 154]. Сам Кабанбай выступил в Джунгарию с целью захватить в плен своих давних и обессилевших врагов, а также разведать возможности торговли с китайцами. Раимбек ездил к Караталу, чтобы по поручению Абылая доставить четырех скакунов, по его словам, подготовленных в подарок Абулфеизу. На самом деле, эти скакуны предназначались цинскому императору в знак замирения после нескольких стычек с цинскими войсками. Кабанбай, вероятно, был осведомлен об этом, а его приказ (так в источнике! Вероятно, здесь больше по смыслу подходит слово «наказал». – *К.Х.*) Абылаю должен был лечь в основу предстоящих переговоров казахского посольства в Пекине. Тема возвращения старых кочевьев, захваченных в свое время Джунгарским ханством, оставалась актуальной для казахов на

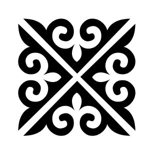


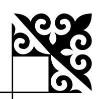
всем протяжении правления императора Цяньлуна (1735–1796 гг.). В этом видится заслуга многих казахских старшин, среди которых первым был батыр Кабанбай.

Что касается скакунов, то именно в это время и о таком количестве подарка говорится в донесении цинского полководца императору Цяньлуну. Кроме того, уже первое казахское посольство на переговорах заявило, что земли Тарбагатая и Или исконно принадлежали им. Они были фактически отвоеваны у джунгар в период их кровавых распрей 1745–1755-х гг., еще до прихода сюда цинских войск.

В народе бытовало мнение, что «среди казахов нет равного батыру *каракерею* Кабанбаю, среди биев нет равного Толе бию из *уйсинов*». В этих словах сказалось уважение к воинским подвигам и огромной физической силе батыра, а также его житейской мудрости. Как историческая личность, он интересен потомкам тем, что участвовал во всех важнейших событиях, имевших решающее значение для судеб страны, мог подняться над родовыми, жузовскими интересами ради общегосударственных. Роль Кабанбая батыра в установлении посольских и торговых связей с соседними странами была весомой, так же, как и его деятельность в деле возвращения и расширения казахских земель в мирное время. Эти малоизвестные страницы жизни еще выше поднимают историческую значимость батыра, который сохранился в народной памяти преимущественно своими воинскими подвигами.

Работа над идентификацией имен казахских батыров и их подвигах может успешно продолжаться при тесном сотрудничестве литературоведов и историков, путем сопоставления материалов *шежире* и батырских песен с фактами исторических источников. В такого рода исследованиях нуждается и китайская историография, несмотря на то, что она источниками не обделена.





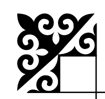
4.4. Институт батыров Цинской империи

Династия Цин искусно использовала противоречия между странами и междоусобицы между вождями племен одной страны, смогла в нужное время привлечь к союзу влиятельных и честолюбивых представителей тюркской и монгольской знати. При действенной помощи ханов, князей и их вассалов она уничтожила одних и умело нейтрализовала других своих неприятелей. Все племена государства составляли, как и в ханствах Центральной Азии, остатки этносов, рассеявшихся после завоеваний Чингисхана. Было много общего в быте и обычаях этих этносов, в их верованиях, а государственные установления имели в основе политические институты Монгольской империи. С дальнейшим расширением владений империи, с завоеванием минского Китая, превалирующими становятся китайские институты управления государством. Медленно, но неуклонно происходит китаизация династии, но она не могла полностью отказаться от традиций тюрко-монгольской политической культуры.

Расцвет Цинской империи приходится на период правления пятого императора, правящего под девизом Цяньлун (1735–1796 гг.). В его время совершено десять крупных походов по всем направлениям света и в результате многолетних завоеваний была создана многонациональная империя. После завершения каждого из походов император лично изучал рапорты об отличившихся своими подвигами участниках и зачастую лично решал вопрос о присвоении наград, титулов и званий. Однако, до покорения джунгаро-монгольских и тюркских народов, присвоение воинам за заслуги звания батыра (батур, батулу) не практиковалось.

Это ярко отражено в списке заслуженных представителей различных этносов в государственной Галерее славы Палаты пурпурного блеска (Цзыгуангэ). Эта палата в центре Пекина представляет собой специально построенное здание в китайском архитектурном стиле, в залах которого вывешивались портреты героев, выставлялись их военная одежда, боевые награды, кольчуги, шлемы и оружие. Посещение района Чжуннаньхай, в котором находились дворцы императорской семьи и Палата, включалось в программу развлечения чужеземных послов. Первые герои Цзыгуангэ появились в связи с завоеванием полиэтнического и поликонфессионального Джунгарского ханства.

Джунгария и Восточный Туркестан были покорены Цинской империей преимущественно конниками маньчжуров, монголов и пред-

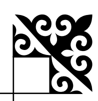


ставителей тюркских народов, когда их политические интересы совпадали. Доля хань в войсках, действовавших в Центральной Азии, составляла незначительное число. Цины мало привлекали ханьцев для проведения боевых действий в условиях степей, пустынь и полупустынь. В основном, те отвечали за снабжение армии продовольствием, его доставку, а также транспортировку пушек для осады городов Восточного Туркестана. Главная историческая роль ханьцев заключалась в закреплении за империей завоеванных территорий путем медленного, но непрекращающегося освоения пригодных для пахоты земель, строительства крепостей и городов, изготовления и поставки промышленных товаров и продуктов земледелия.

Цяньлун приказал католическим миссионерам выгравировать на медных пластинах сцены крупнейших баталий и написать портреты героев. Первая галерея портретов была посвящена пятидесяти героям, участвовавшим в войнах против джунгар и уйгуров. Затем ее дополнили еще пятьюдесятью именами лиц, участвовавших в завоевании Восточного Туркестана (Западного края). Через несколько лет была создана галерея портретов также пятидесяти героев, отличившихся при покорении острова Тайвань.

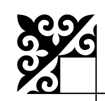
При создании Палаты пурпурного блеска и подготовке ее выставок учитывались примеры увековечения воинских подвигов прошлых эпох. Династия Цин объявила себя правопреемницей этих империй, демонстрировала симпатию к их государственной идеологии и приверженность традиционной китайской внешней политике. Поэтому, при создании Галереи учитывался опыт устройства подобных Галерей славы и других культовых сооружений тех времен. Династии Хань (2 век до н. э. – 2 век н. э.) и Тан (617–908 гг.) расширили территорию китайского государства за счет земель империи Сюнну (гуннов), Тюркских каганатов, но все же, в меньших масштабах, чем это сделали маньчжуры. При Хань была организована выставка портретов героев в Облачной башне (Юньта), а при Тан – в Галерее воскурений (Линяньгэ, иначе говоря, Галерея поднимающегося к верху дыма, или Галерея поднимающегося к Небу дыма жертвенных свечей), возведенной императором Ли Шиминем в 643 г. [ЦХСТ, 55]. Но в каждой из этих башен было помещено не более 24 портретов выдающихся полководцев, т. е. в четыре раза меньше, чем в цинской Палате пурпурного блеска (Цзыгуангэ).

Замысел и думы о Галерее, посвящения в стихотворной форме портретам заслуженных людей, а также всем крупным сражениям



написаны самим императором Цяньлуном. Они вошли в капитальный труд «Циньдин хуанъюй Сиюй тучжи» (Историко-географическое описание Западного края), который является «высочайше утвержденным» после представления его императору и последовавшего его позволения издать этот труд. Причем, Цяньлун не ограничился лишь положительной резолюцией. Император, привычно взявшись за кисть, во все вникал лично. Император традиционно представлялся Сыном Неба, поэтому написанные им вводные четыре главы капитального труда называются «Небесными». Император также принимал деятельное участие в написании всего произведения, главным образом, выводов и заключений его глав и разделов. Во всем содержании сочинения отражаются его взгляды на события и на всех без исключения персонажей. В 1-ю Вводную небесную главу помещены тексты триумфальных стел, воздвигнутых по случаю покорения Джунгарии и Хойбу (Уйгурии, Мусульмании), а также другие разделы с общими сведениями о них. Вторая небесная глава содержит стихотворения Цяньлуна о важных событиях, в том числе, связанных с казахами, о проведении в Запретном городе «Церемонии поднесения трофеев и пленных» после завершения военных кампаний, воспеваниями Храмов предков императора и их деяний. В 3-й главе помещены стихотворения о массовом приезде один за другим послов стран Центральной Азии, их приеме императором в летней резиденции в Чэньдэ, об организованных для них парадах, фейерверках и других увеселениях. Четвертая небесная глава содержит имена 100 отличившихся лиц с эпитафиями и стихотворными посвящениями императора Цяньлуна [ЦХСТ, 42–55]. Она и является главным официальным источником о героях Палаты пурпурного блеска.

Непосредственным толчком к возрождению звания батыра в середине XVIII в., возможно, послужило также то, что ходжи секты белогорцев (Актаглык) братья Бурхан ад-Дин (Болонилу) и Ходжа Джахан (Хоцзичжань), воспользовавшись цинско-джунгарской войной, решили возвратить власть предков в Уйгуристане. Они были освобождены цинами из джунгарского плена и с их помощью выступили против своих отечественных конкурентов – мусульман ордена черногорцев (Каратаглык). Цинское командование по инструкции императора подпитывало надежды ходжей на возможность их правления Кашгарией, в то же время, всемерно стараясь избегать прямых обещаний. В подобную ловушку попали и ойратские князья, перешедшие на службу Цинам, они принимали китайские и маньч-



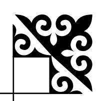
журские титулы, соглашались брать на себя командование подразделениями войск из своих соплеменников. Совершенно очевидно, что как ходжи, так и ойратские князья не предвидели или недооценивали планов династии Цин покончить навсегда с их государственностью.

Вдохновителем идеи восстановления уйгурского государства был младший, более воинственный Ходжа Джахан, которого объявили Батыр ханом. Об этом мы узнаем из Манифеста императора Цяньлуна правителям уйгурских городов, распространенного под названием «О преступлении вождя Хоцзичжана» от 6 марта 1758 г. [ПЧФЧ, 49, 16–18].

По существу, Цяньлун противопоставил Ходжа Джахан Батыр хану не менее шести уйгурских деятелей, которых он включил в Списки Галереи славы после завоевания Восточного Туркестана. Скорее всего, это было сделано больше в политических целях, чтобы закрепить мысль о том, что они поддерживали единство и сплоченность народов китайского государства. На самом деле, Цяньлун понимал, что князья и ходжи выступали против своих конкурентов, но это не означало, что они безоговорочно поддерживали планы цинов и желали бы утраты своей государственности.

В 1756 г. Цяньлун написал «Песню в честь трех батуров». Привожу полный подстрочный перевод этой песни, так как она проясняет многие моменты восстанавливаемого института батыров: «Батулу означает героического воина. В последнее время о них было мало слышно, поскольку мирная жизнь длилось достаточно долго. После опадения иголок сосен и листьев берез суровой зимой, с наступлением весны пышно зеленеют вязы и ивы. Мы несколько раз использовали войска на западных окраинах, (вынудив) враждебных главарей бежать. Непреклонных (шабутукай) в (наших войсках) было много, (из) отважнейших батулу (назовем) троих. Первый среди них – Эна-шэнь. В прошлом году он находился при командующем (цзянцзюне), полководец отправил его на разведку. Он один верхом на коне вторгся в толпу разбойников, (не успевал) отбиться справа, как опасность подступала слева, его смертельно ранили несколько стрел. Видя безвыходность положения, готов был (добровольно) умереть (заколоться ножом), но доставить сведения командиру.

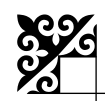
Второй (из батыров) Банинъа, в минуты смертельной опасности, он, подобно стене, со всех сторон надежно защищал командующего, обнаружив врага – отбивал его, а отбивая – убивал, рубил подсту-



павших (к нему) как коноплю. Когда цзянцзюнь выбился из (кольца), Банинъа сказал: «Цинский двор приказал мне тайно отправиться в логово врага, убедившись в смерти цзянцзюня, готов был покончить с собой». Действительно, поступок, достойный похвалы! Два (этих батулу) не раз умирали и вновь оживали.

Зайсан Басан, чувствуя непреклонную волю (наших воинов), держал их у себя несколько месяцев, чтобы при возвращении нашей армии, они могли вернуться в ее ряды. Одного из них зовут Фусир. Цзянцзюнь (перед тем, как покончить с собой), приказал ему передать императору свою печать командующего войсками, однако враги окружали их подобно рою пчел и скоплению муравьев, никак невозможно было выбиться из окружения. Тогда он утопил печать в воде, а сам неизбежно должен был погибнуть в схватке. Илийские ламы спасли его. Поэтому, (на основе вышесказанного), (Мы – император) пожаловали Энашэню звание «Чолекэту батулу», «чолекэту» означает «несгибаемый ни при каких опасностях». Пожаловали Банинъа звание «Куньдур батулу», «куньдур» означает «силу, одолевающую силы десяти тысяч противников». Пожаловали Фусиру звание «Хабутай батулу», для «хабутаев» ничего не стоит поднимать и бросать камни в десятки даней (до 40 кг. – *К.Х.*). Вспоминая былые подвиги в прошлых войнах, нужно ли считать потерянных стрел и наконечников копий? Неожиданно ничтожные клоуны подняли бунт, следовало в зародыше истребить его ростки. В далекой пустыне пожертвовали жизнью двое моих сановников. (Действительно), сидя вдалеке все предусмотреть невозможно. Восхваляю верность людей наших знамен, они не изменили боевым традициям. Они желали навечно водворить спокойствие, достигли Западного моря, и поэтому прогремел наш победный голос!» [ЦХСТ, 216].

В этом своем стихотворении Цяньлун воспевает трех воинов маньчжурских восьмизнаменных войск. Он также вспоминает двух сановников – командующего Западной колонной войск монгола Баньди и его советника – высокообразованного маньчжура Эжунаня (Оужунаня). Оба полководца покончили с собой, чтобы не попасть в плен к ойратам. Император любил беседовать с Эжунанем о стратегии и тактике войны с кочевниками. Он винит себя в том, что не мог предусмотреть того, что все командование его войск в Джунгарии окажется в окружении. Не будем говорить о художественных достоинствах стихотворения на основании его перевода прозой. Оно нам ценно тем, что объясняет почетные звания батыров, которые надо искать

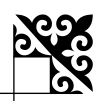


в разных словарях. Нам не известны также специальные исследования о почетных званиях цинских батыров. Нетрудно, однако, понять, что в большинстве их этимология восходит к древнетюркскому языку, некоторые значения сохранились в современном казахском языке. Так как слова в источнике записаны китайскими иероглифами с маньчжурского и монгольского наречий, произношение их искажено. Наиболее распространенным было прозвище «мерген (моэргэн) батыр» – меткий стрелок, «шабутукай» – sabïț твердый, непоколебимый (арабск., древнетюркск. и маньчжурск. языки). В казахском языке «*шабытты*» означает «воодушевленный», вдохновенный»; чжолекэту – jilig (костный мозг в древнетюркск. языке [ДТС, 261], жілікті (каз. язык) буквально означает «имеющий в костях мозг», а в перен. значении – «имеющий стержень, имеющий смысл, содержание». Близок также к значению определения «жилистый» в русском языке. «Көндір» – побудительный залог слова «kőn», означающий «выпрямлять», в переносном значении – «ставить на верный путь» – kőndür [ДТ, 314]. Звание «хабутай», возможно, происходит от второго значения этого слова – одолевать, нападать. Общепринятое его значение «қап (qap)» – сосуд, мех, бурдюк, мешок [ДТ, 420]. Признаюсь, что довольно сложно объяснить значение титулов всех 100 героев, отличившихся в Западном крае.

Первым батыром первого списка из 50 героев с титулом «Таши батулу» (Таш батур, т. е. – Батыр, твердый как камень, непреклонный батыр) стал маньчжур Дуаньцзиб, погибший в 1759 г. при осаде уйгурскими войсками цинского лагеря у реки Карасу в Кашгарии [ЦХСТ, 46]. Он был командиром гарнизона в чине фудутун.

Большое число батыров и титулованных сановников отмечены за героизм, проявленный в сражениях с ойратами в Курмане, Джиргалане, а в Восточном Туркестане – в Кучаре и при реке Карасу близ Кашгара. Отряд под командованием генерала Чжаохоя прорвался до реки Карасу и продержался в осаде уйгуров около трех месяцев. Были награждены и те, кто старался поддерживать связь с окопавшимися в далеком краю войсками, смог пробиться к ним на помощь через враждебное окружение.

Следующую группу героев составляют те, кто руководил и осуществлял операцию по захвату в плен братьев-ходжей, а когда тем удалось скрыться в Бадахшане, требовал их выдачи от правителя этого владения – Султан-шаха. Руководители сопротивления уйгурского народа погибли на чужбине от руки неизвестных людей [Ходжаев,

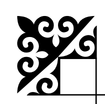


1991, 65–102]. Но Цяньлун продолжал упорно добиваться выдачи тел ходжей, или их отсеченных голов, чтобы удостовериться в их смерти [ВД, 118–1129] и, главное, провести над ними в столице показательный обряд казни. Когда в ходе тайных операций череп младшего ходжи был доставлен в Пекин, император наградил и включил в список пантеона боевой славы несколько человек, в их числе, двух уйгуров: Эмин-Ходжу – в первый список и Сали (Салэй) – во второй список.

Кроме официальных требований, производилась настоящая непрекращающаяся тайная охота за потомками ходжей и их родственниками, в том числе в кыргызских кочевьях и на территории среднеазиатских ханств. По шариату мусульмане не имели права казнить и выдавать потомков пророка в руки их врагов. Хорошо известно, что более ста лет прямые потомки ходжей неоднократно вторгались в Синьцзян и устанавливали здесь свою власть. Цяньлун предвидел это, он хорошо знал своих противников и потому по достоинству отмечал подвиги своих воинов.

Батырские звания присваивались и тем, кто хорошо организовал снабжение войск, охрану обозов и перегон лошадей к готовящимся местам сражений, осуществлял конвой знатных пленных и подвозил послов через враждебные цинам территории.

Весьма колоритной личностью был Аюси, возглавлявший отряд дэрбетов, непримиримых врагов последнего ойратского хана Даваци. Аюси известен как «Хала (Кара) батур», возможно, его знали под этим прозвищем до того, как он прославился в войне с войсками хана Даваци, а официально это почетное звание позже было закреплено указом императора. О нем говорится и в казахских жырах, как о черном калмыцком батыре-великане. Аюси был дерзким человеком, изумительно владел всеми видами холодного оружия и верховой ездой. Его незабываемый облик на стремительно скачущем иноходце жгуче черной масти с копьем наперевес запечатлен итальянским художником Джузеппе Кастильоне (кит. имя – Лан Шинин). По моему мнению, это – лучший образец живописи, принадлежащий кисти придворного художника Цяньлуна. Для Галереи славы Кастильоне написал портрет Аюси в полный рост с энергично поднятой в призыве правой рукой. Судя по всему, этот католический миссионер хорошо понимал замыслы Цяньлуна и старался передать их средствами европейской живописи. Сто героев дополняются этим художником изображением ста коней, образы батыра и его коня неотделимы в тюркском и монгольском героическом эпосе. Так же, как и героиче-

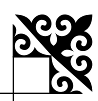


ских личностей периода Троецарствия в Китае (III век), Кастильоне, несомненно, творчески осознанно представил «Сто лошадей» отдельным огромным полотном, которое хранится в Тайбэйском музее Гугун (Тайвань) [Хафизова. ДЦ, 2015, 126–127].

Аюси появился на Иртыше в 1733 г., еще при хане Цэван-Рабдане и был назначен им в управление пастбищами. Совершил какое-то преступление и бежал к цинам. В 1750 г. принят офицером гвардии при Цяньлуне, кроме того, ему выделили пограничные племена чжахацинов, отличающихся своеволием и буйством нравов. Летом 1755 г. возглавляемый Аюси отряд преследовал хана Даваци, отступавшего в Восточный Туркестан через перевал Кетмень (Гэдэншань). Этот отряд разведчиков из 39–40 всадников, по другим сведениям – всего из 24-х человек, обнаружил место, где расположились на привал измученные воины Даваци, при них находились обозы и юрты с семьями. Аюси 23 июня решил ночью внезапно напасть на них. Он застал лагерь врасплох, отступающих ойратов охватила паника. Очевидно, все предположили, что их настигли основные силы цинской армии. Воспользовавшись этим, Аюси захватил в плен 49 зайсанов и тайджи хана Даваци, а также более 5 тысяч его людей. Сам Даваци с двумя тысячами ойратов сумел бежать, но силы его были подорваны. Он все еще надеялся скрыться в Восточном Туркестане и там, собрав войско, продолжить борьбу [см. ж. «Мысль». – 2015. – № 11]. Поражение хана завершило предательство бека Уч-Турфана Хоцзисы (Шараф ад-Дин Юсуфа) – одного из 6 уйгурских героев Цяньлуна в Палате пурпурного блеска. Подвиг Аюси и сегодня используется для патриотического воспитания современных китайских воинов [Чжунго цзиншэнь, 489].

Во втором списке 50 героев первым назван Балу – сын генерала монгола Баньди, командующего Западной колонной войск в 1755 г. Балу воевал на западе, получил наследственный титул «Преданного и храброго князя *гун*».

Вторым из титулованных батыров упоминается «Тэгурдэр батулу по имени Гэньиньда. Он является представителем одного из народов Западного края (Сиюй), служил в чине цаньлинь передового отряда. В своем посвящении к портрету Цяньлун пишет: «Пышно расцветший в каменном звонком (грохочущем) доме (тибетского типа. – *К.Х.*), порожденный Цзиньчуанем (Золотой рекой в провинции Сычуань. – *К.Х.*). Долго служил на западной окраине, был мечом и стрелой, прямо разящим в клюв ойратских варваров и в грудь мусульман-уйгуров. Не было никого, кто бы не бежал в панике перед таким непре-



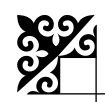
взойденным силачом и героем» [ЦХСТ, 51]. Гэньиньда, очевидно был тибетцем или представителем другого народа в Сычуани, относящегося к юго-западной части Центральной Азии.

Почетный титул «Кашка батыр» 可什克（克什克）巴圖魯 встречается у казахов, джунгар и маньчжуров (возможно, заимствовано последними у монголов). Это звание, вероятно, берет начало от древнетюркского слова qəsh – нефрит, отличающегося своей прочностью и чистотой. В Галерее Пурпурного блеска оно присвоено гвардейцу 3-й степени монголу Ушиэрту (伍什 尔 图 Очирту?), совершившему подвиг в противостоянии численному превосходству *чалмоносцев*, т. е. мусульман. Он прекрасно владел саблей, а свинцовая пуля так и оставалась в его теле не извлеченной. А также Магэ（瑪格）и гвардейцу 3-й степени Дархану (達爾漢) [ЦХСТ, 2002, 52–54]. Магэ бежал от казахов, отличился в войне с Яркендом. Мы можем только гадать, к какому тюркскому народу он относился. Нельзя также исключить, что он был ойратом.

В русских документах говорится о после Галдан-Цэрена в 1741–1742 гг. Кашка (Кошка), это может быть как личным именем, так и почетным званием. Он был хорошо осведомлен о войнах джунгар с Цинами и казахами. При переговорах с начальником Оренбургской комиссии тайным советником И. Неплюевым и с русским послом К. Мюллером, задержанном в Ташкенте, Кашка пытался помешать союзу казахов с русскими, постоянно подчеркивал ненадежность и «ветреность» казахов [КРО 1, 229–232; 242–274]. Джунгарская и русская стороны вели двойную игру, тем не менее, нащупывались пути создания альянса между ними.

Итак, в Галерее славы Палаты пурпурного блеска были помещены портреты тех, кого отличил сам император во время походов в Джунгарию и Восточный Туркестан. Из отличившихся 100 персон, около половины получили звание батыров. Это беспрецедентный случай в военной истории Китая. Всего же в Цинской империи к героическим личностям причислено 280 человек.

Батыры принадлежат к различным социальным слоям. Здесь имеются родовитые князья и религиозные деятели, знать и простолюдины, офицеры и рядовые. Большинство получивших звание батыров являются офицерами дворцовой гвардии, телохранителями императора и его личными курьерами. Шивэи были наиболее доверенными лицами, осуществлявшими личную связь императора с командованием армии, с правителями соседних стран. Среди них

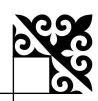


были те, кого можно отнести к нукерам, и те, чьи обязанности были схожи с обязанностями туленгутов и их командиров у ойратов, казахов и других кочевников. Нукер (nükär) – древнетюркское слово, означающее соратник, боевого товарища, телохранитель и верный слуга сюзерена [ДТС, 361]. Известны, к примеру, 7 нукеров хана Цэван-Рабдана, которые вместе с ним разделили изгнание, когда он не желая подчиниться своему дяде – хану Галдану (ум. в 1697 г.), откочевал от него. А затем с их помощью сел на джунгарский трон.

Император Цяньлун лично написал посвящения к каждому портрету Галереи славы Палаты пурпурного блеска. Они не повторяют друг друга и отражают характер и психологические качества каждого персонажа, в них вкратце описывается их подвиг. При этом, они умещаются в определенное количество иероглифов. Стихи написаны одним размером, они состоят из 32 иероглифов и делятся на восемь предложений по четыре иероглифа в каждом.

Некоторым из героев – своим единомышленникам и верным приближенным – Цяньлун посвящал стихи еще до создания Галереи. Среди них – Фу Хэн, член Военного совета, который являлся дядей императора по материнской линии. Фу Хэн возглавляет список героев Палаты пурпурного блеска, в своем посвящении император специально подчеркнул его верховенство над всеми героями. Этот член Военного совета безоговорочно поддержал идею Цяньлуна о военной кампании против Джунгарского ханства и участвовал в разработке стратегических планов по усмирению ойратов. Не все высокопоставленные чиновники одобряли осуществление крупномасштабных военных вторжений в Центральную Азию. Другие – приводили аргументы о нецелесообразности ликвидации ханства, считая, что достаточно посадить на трон верного цинам человека. Отголоском этой идеи является план разделения Джунгарского ханства на четыре владения, но затем его территория была включена в территорию империи и разделена на чжасаки. Кто-то сомневался в возможности реальной колонизации отдаленных земель и даже говорил о бесперспективности этого намерения. Фу Хэн, безусловно, скрупулезно анализировал отношения ойратских вождей с казахами, кыргызами и разрабатывал планы привлечения их отрядов для покорения как Джунгарии, так и Восточного Туркестана.

Портрет Фу Хэна – родовитого маньчжура – по праву занимает первое место. Портрет генерала Баньди, монгола рода борчжигит, был вывешен на третьем месте. Он был назначен командующим во-

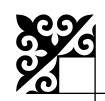


йсками западного крыла маньчжурских войск в 1755 г. После захвата в плен хана Даваци в его ставку в Кульдже были доставлены казахские послы, отправленные к тайджи Амурсане. Намерение этого князя занять джунгарский трон император не поддержал. Чтобы подогреть его рвение в походе против соперника, император пожаловал Амурсане двойной титул князя первой степени, который присваивался членам императорской семьи, его зятьям. Не добившись трона, Амурсана решил бороться дальше и организовал вооруженное сопротивление против цинов. Он внезапно напал и уничтожил командование обеих колонн войск. Имеющий отношение к правящему дому чорос из рода хошут Сарал был захвачен в плен, но сумел бежать. Он в чине фуцзянцзюня был назначен заместителем командующего восточной колонны войск в походе 1755 г. Бежав из плена, он вернулся на службу цинам, удостоился титула храбрейшего князя *бо* второй степени. Портрет Сарала включен седьмым номером в первый список героев.

Генерал Баньди первым докладывал Военному совету о состоянии ойрато-казахских отношений, о стремлении казахов избавиться от ойратского представителя в Ташкенте и возвратить этот город, как и занятые ойратами кочевья в период могущества Джунгарского ханства. Лишь в докладе этого главнокомандующего от 1755 г. упоминается имя казахского посланца Амур (Әмір) батура. Возможно, это не личное имя, а почетное прозвище, подчеркивающее высокий статус батыра. Так могли называть чингизида, известного воинскими подвигами. Как известно, из чингизидов в джунгарские дела более всех был вовлечен султан Абылай и именно он был побратимом и сторонником Амурсаны. Но прямых доказательств того, что Абылай осенью 1755 г. поневоле оказался в ставке генерала Баньди, не обнаружено. Однако исключить этого нельзя, как и того, что послом казахов по имени или с прозвищем Әмір батыр мог быть один из султанов Старшего жуза.

Этническую принадлежность батыров Галереи славы по именам определить достаточно трудно. Казахов среди них, определенно, нет. Возможно, один из героев окажется кыргызом. Большинство героев составляют маньчжуры, на втором месте идут монголы халха и ойраты. Уйгуров среди героев – шесть, хань – 5–6, представителей остальных этносов и того меньше. Не всегда можно определить этническую принадлежность батыров, так как некоторые из них приняли китайские имена.

Большинство старшин и батыров привлекло внимание цинской династии благодаря влиянию среди своих племен, в кочевьях, горо-

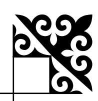


дах и оазисах. На первых порах они были необходимы как вожди и предводители. Со временем цинская династия стремилась ограничить их власть, изолировать их от опасного единства со своими народами, включить чужеземные роды и племена в военные гарнизоны. Династии удалось покончить с вольницей чужеземных предводителей, полностью подчинить их службе государственным интересам. Эволюция государственного управления привела к тому, что главными становились личная преданность императору и безоговорочное послушание вышестоящим.

Тексты эпитафий и посвящений императора помещены над портретами героев, написанными большей частью маслом, акварелью или тушью в европейском стиле. Портреты заказывались придворным художникам, среди которых на добровольной службе состояли католические миссионеры. По мнению китайских специалистов, они «передают китайский дух средствами заморской живописи», старались добиться сходства с оригиналами, воплотить при помощи масляных красок замыслы императора.

Портреты героев написаны по-разному, в половину тела и в полный рост, в парадной и простой повседневной одежде офицеров и чиновников, некоторые – в кольчуге и шлеме, с оружием в руках и без него, верхом на коне и пешими. Портреты отличаются качеством, но, в любом случае, их можно рассматривать как синтез европейской и китайской живописи, поэзии и каллиграфии. В настоящее время из 280 героев Цинской империи сохранилось лишь более 20 портретов. Они рассеяны по всему миру, по одному-двум экземплярам хранятся за пределами Китая: в Берлине и Бремене (Германия), Эрмитаже (Россия), в Англии, США, Франции, Тайване, а также в частных коллекциях. Создаются многочисленные копии портретов. В КНР портреты и их копии также разбросаны по музеям Пекина и других городов Китая [Не Цзунчжэн, 1995]. Некоторые портреты безвозвратно потеряны, делаются попытки восстановления обликов героев из вышеупомянутых 10 батальных сцен. С портретами можно ознакомиться на интернет-сайтах многих стран.

Очевидно, парадный портрет хойтского батыра Амурсаны также был написан в летней резиденции Бишу шаньчжуан для Галереи славы в 1754 г. одним из придворных художников. После его восстания против Цинской империи это стало невозможным, но портрет сохранился и прекрасно передает образ этого монгольского национального героя, о котором слагались легенды.

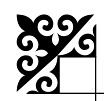


Дж. Кастильоне также написал несколько парадных портретов императора Цяньлуна, его матери, жен и некоторых наложниц. На одном портрете император сидит за столом в павильоне сада в удобном халате, за его спиной видны деревянная решетка и раскинувшиеся бамбуковые ветви. На столе лежит аккуратная стопка бумаг и стоит тушечница. Рядом на отдельном столике поставлена ваза с ромашками (Биография Цяньлуна, цветной вкладыш). Возможно, таким домашним видел императора художник, когда тот писал свои стихи.

Заслуженные люди восхвалялись в империи как в духе конфуцианской морали, так и согласно традициям кочевых тюрко-монгольских и тунгусо-маньчжурских народов. Порой подобно китайским героям, защищавшим некогда Китай от внешних врагов, предков этих самых народов. Грань между теми, кто защищал свой родной край, и теми, кто уже посягал на чужие земли и народы, в имперской пропаганде оставалась зыбкой. Оценка героев была противоречиво, двойные стандарты практикуются и сегодня.

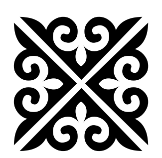
Несколько героев Галереи славы своей деятельностью связаны с Казахстаном и казахами. Цяньлуну не раз докладывали о казахских батырах, сражавшихся с ойратами, а затем – и с его войсками. Он велел илийским властям от его имени направить письма и подарки Кожаберген и Кабанбай батырам. Кожаберген попал в плен, но сумел бежать, угнав почти всех коней, захваченных цинскими пограничными отрядами у казахов. Кабанбай батыр и Барак батыр совершили набег на подчинившиеся цинам местные племена в Верхнем Прииртышье и Алтае. Император безуспешно требовал передать Барака в ставку генерал-губернатора в Или для его сурового наказания.

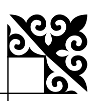
Боевые подвиги прошлых веков в Китае и сегодня активно используются в деле патриотического воспитания молодежи (монголов Убаси, Цэрена). Лояльные к Китаю деятели представляются истинными патриотами, радеющими за единство многонационального государства. Между тем, глубинные причины и мотивы их действий большей частью были вызваны феодальными междоусобицами, борьбой за трон, желанием получить помощь цинской династии. Достаточно было того, что действия представителей народов, вошедших позже в состав Китая, были созвучны интересам империи. Образцом такой литературы является книга «Китайский дух»: монголы, тибетцы и уйгуры, выступившие на стороне Цинов, по мнению авторов этой книги, являются олицетворением китайского духа. Среди тех, кто во-



площает китайский дух, представлен казахский батыр Кабанбай под заголовком: «Жил на окраине, но всем сердцем тянулся к родине», т. е. к Китаю [Чжунго цзиншэнь, 492]. Интерпретация его образа современными китайскими пропагандистами крайне политизирована. Основанием для этого послужило то, что Кабанбай, по сведениям китайских источников, всего лишь не одобрял мнение Абылая предоставить убежище и помощь Амурсане, был против предоставления казахами убежища врагам Цинской империи и поддержки их сопротивления захватчикам. Батыр также начал торговые отношения с Цинами.

Институт батыров не была чужд маньчжурам и раньше. Но правящая династия придала ему невиданный доселе размах, сочетая устные традиции кочевых народов с возможностями достижений китайской цивилизации. Факт возрождения темы геройства (батырства) в Китае в эпохи войн с кочевниками является косвенным свидетельством влияния традиций тюрко-монгольских народов в деле воспевания маньчжуро-цинами воинской доблести и искусства, необыкновенной физической силы.





БИБЛИОГРАФИЯ
Архивы

1. АВП РИ

• ККД, 1759, оп. 122/1 д. 4, л. 450

• ККД, 1764, оп. 122/1, д. 5, л. 2 об./

• ККД, 1768, оп. 122/1, д. 1

• ККД (Средняя орда), 1781–1784, оп. 122/3, д. 2, л. 27

• ККД, 1799–1800, оп. 122/3, д. 1, л. 39–40

2. ГАОО, ф. 366, оп. 1, д. 236. Л. 1–67. Рапорт исправляющего должность Пристава при Киргизской Большой Орды Генерального штаба капитана Гутковского от 11 мая 1850 г.

3. Исторический архив Тайбэйского музея Гугун。 Тайвань (臺北故宮歷史資料室。國立故宮博物院。臺灣).

宮中檔奏摺與軍機處檔摺件

4. ПИА – Первый исторический архив КНР（中国第一歴史檔案館）

• Архив Военного совета (中国第一歴史檔案館藏軍機處上諭檔）

• Копии докладов и распоряжений, исходящих писем Военного совета 軍機處錄副奏摺,

• Архив императорских указов Военного совета (軍機處上諭檔)

• Джунгарский фонд Архива Военного совета軍機處夷使檔

• Казахский фонд Архива Военного совета. 3 тетради. Копии. 軍機處哈薩克檔案三本

• Маньчжурский фонд Архив Военного совета軍機處滿文檔案.

5. ЦГА РК – Центральный Государственный Архив Республики Казахстан

• Ф. 3. Начальник Алатавского округа и киргизов Большой орды.

• Ф. 21. Канцелярия военного губернатора Семиреченской области по Кульджинским делам

• Ф. 44. Семиреченское областное правление

• Ф. 64. Канцелярия Степного генерал-губернатора

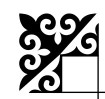
• Ф. 338. Омское областное управление (оп. 1, д. 659 «О происках Китайской империи в казахской степи»).

6. ЦГА РУ – ЦГА Республики Узбекистан

• Фонд И-715. Д. 26, л. 112. Донесение командира Сибирского корпуса генерала от инфантерии А. Дюгамеля Военному министру. Номер 277. 6 марта 1862 г. // Собрания подготовительных материалов к публикации, подготовленных полковником Серебренниковым на тему: «История завоевания Туркестанского края». Оп. 1, 1827–1897 гг.

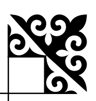
7. ЦГАДА – Центральный Государственный Архив древних актов **(**с 1992 г. – Российский Центральный Государственный Архив древних актов**)**

• Ф. 248. Правительствующий Сенат, оп. 113, д. 383, л. 1039

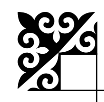


Литература

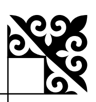
1. Абдиров, 1994 – Абдиров М.Ж. История казачества Казахстана. – Алматы: Казахстан, 1994. – 157 с.
2. Абуев, 2006 – Абуев Кадыржан. Хан Абылай и его время. – Астана: Елорда, 2006. – 304 с.
3. Абылай хан. Энциклопедия: гл. ред. К.К. Абуев. – Кокшетау: Рекламно-издательская компания «Арекет», 2013. – 416 с.
4. Алтан Очир, 1996 – Илийские генерал-губернаторы (Алтан-Оциэр. Циндай Или цзянцзюнь луньгао (奥拉腾奥其尔著清代伊梨将军论稿). Бэйцзин: Жэньминь чубаньшэ, 1996. – 208 с.
5. Алтан-Очир, У Юаньфэн. Цинтин цэфэн Валисултан вэй хасакэ чжунчжан хан шимо (奥拉腾奥其尔。吳元丰。– 清廷冊封瓦里蘇勒坦為哈薩克中帳汗始末。История титулования цинским двором Валисултана ханом Среднего жуза) // ж. Чжунго бяньцзян ши ди яньцзю (中國邊疆史地研究История и география пограничных районов Китая). – Пекин, 1998. – № 3. – С. 52–58.
6. Аполлова, 1978 – Аполлова Н.Г. Хозяйственное освоение Прииртышья в конце XVI–XIX вв. – М.: Наука, 1978. – 371 с.
7. [Асар аль-Футух, рукопись]. – «Следы завоеваний». Сочинение Зийа ад-Дина Мухаммад Имин Садик Кашгари в младенчестве вывезенный в Среднюю Азию из Кашгара. ИВ АН № 45/3 и другие его варианты хранятся в Институте востоковедения Республики Узбекистан. Примечание. Перевод сочинения с персидского языка исполнен замечательным узбекским ученым Рано Пулатовной Джалиловой. Он был подготовлен к печати с Предисловием К.Ш. Хафизовой и дополнен ее комментариями из китайских источников еще в 1992 г. Рукопись монографии до сих пор хранится в Институте востоковедения МОН РК, преобразованного из Института уйгуроведения у М.Х. Абусеитовой. Уже появились публикации людей, не знающих персидский язык, без упоминания имени покойной Р.П. Джалиловой, впервые сделаведшей перевод этого сочинения на русский язык. Замечу, что упомянутая монография является вторым произведением, подготовленным в результате плодотворного сотрудничества узбекских и казахских востоковедов для публикации в Алматы. Первый – «Китайские источники и материалы о Казахстане, Средней Азии и Восточном Туркестане», успешно издан в 1995 г.).



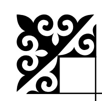
8. Аткинсон, 2006 – Аткинсон Томас Вилан. Восточная и Западная Сибирь // Первые английские путешественники в Казахской степи / Пер. с англ. Д.М. Костиной. – Алматы: Санат, 2006. – С. 61–194.
9. Аткинсон Люси Шеппард, 2006 – Аткинсон Люси. Воспоминания о степях Татарии и их обитателях // Первые английские путешественники в Казахской степи / Пер .с англ. Д.М. Костиной. – Алматы: Санат, 2006. – С. 195–310.
10. Атыгаев Нурлан. Казахское ханство в потоке истории. Очерки. – Алматы: Елтаным, 2015. – 384 с. + 16 стр. илл.
11. Бао Вэньхань, 1997 – Бао Вэньхань. Цин чао фаньбу яолюе габэнь (包文漢。 清朝藩部要略稿本。Рукопись сочинения Ци Юньши «Описание вассальных владений Цинской империи»). – Харбин: Хэйлунцзян цзяоюй чубаньшэ. – 1997. – 485 с.
12. Басханов М.К. Политика Англии в отношении государства Якуб-бека // Из истории международных отношений в Центральной Азии. – Алма-Ата: Гылым, 1990. – С. 100–133.
13. Бекмаханов, 1992 – Бекмаханов Е. Казахстан в 20–40-е годы XIX в. – Алматы: Қазақ университеті, 1992.
14. Валиханов Ч., 1958 − Валиханов Ч.Ч. Избранные произведения / Под ред. Академика АН КазССР А.Х. Маргулана. – Алма-Ата: Художественная литература, 1958. – 643 с.
15. Валиханов. Сочинения − Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. – Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1984–1985.
16. Валиханов. Энциклопедия, 2010 − Валиханов Чокан. Энциклопедия. Посвящается 175-летию со дня рождения. Гл. ред К.К. Абуев. – Кокшетау: Арекет, 2010. – 512 с. + 12 с.
17. Вельяминов-Зернов, 1853 − Вельяминов-Зернов В.В. Исторические известия, о киргиз-кайсаках и сношениях России со Среднею Азиею во времена кончины Абул-Хайр хана (1748–1765). – Т. 1–2. – Уфа: 1853 (отд. отт. из «Оренбургских губернских ведомостей). Т. 1. – С. 92–130.
18. ВД, 2015 − Восточная дипломатия на стыке цивилизаций (конец XIV – 70-е годы XIX вв.). Сборник документов и материалов / Отв. ред. К.Ш. Хафизова, Д.К. Кыдырали. Автор введений, переводов китайских документов, научных комментариев и указателей К.Ш. Хафизова. Другие исполнители: Алтан-Очир (КНР), Линь Шисюань (Тайвань), К.С. Есимова (Казахстан) при участии Джин Нода (Япония). – Астана: Гылым, 2015. – 400 с.



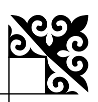
19. Военное дело кочевников, 2013 – Военное дело кочевников Казахстана и сопредельных стран эпохи средневековья и нового времени. Сборник научных статей. – Астана, 2013. – 179 с.
20. Вэй Юань, 1962 − Вэй Юань. Шэнъуцзи (魏源。聖武記Записи о священных войнах). 1-изд. 1842. Изд. Ссылки на изд. Тайбэй, 1962. – Цз. 4.
21. Вяткин, 1998 – Вяткин М.П. Батыр Срым. – Алматы: Санат, 1998. – 343 с.
22. Гафуров Алим. Лев и кипарис. О восточных именах. – М.: Наука ГРВЛ, 1971. – 240 с.
23. Гафуров Алим. Имя и история. Об именах арабов, персов, таджиков и тюрков. – М.: Наука ГРВЛ, 1987. – 98 с.
24. Горячева А.А., Фиршман Л.С. Заря над Семиречьем. – Алма-Ата: Мектеп, 1987. – 192 с.
25. Дай Цин личао шилу (大清理朝實錄Правдивые записи Великой династии Цин). – Токио, 1936.
26. Гаоцзун шилу – Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу (Правдивые записи правления Цяньлун Великой династии Цин大清高宗純皇帝實錄). – Токио, 1936.
27. Жэньцзун шилу – Дай Цин Жэньцзун жуй хуанди шилу (Правдивые записи периода правления Цзяцин大清仁宗睿皇帝實錄). – Токио, 1936.
28. Сюаньцзун шилу – Дай Цин Сюаньцзун чэнь хуанди шилу (Правдивые записи периода правления Даогуан 大清宣成宗皇帝實錄). – Токио, 1936.
29. Вэньцзун шилу – Дай Цин Вэньцзун сянь хуанди шилу (Правдивые записи периода правления Сяньфэн大清文宗顯皇帝實錄). – Токио, 1936.
30. Муцзун шилу – Дай Цин Муцзун и хуанди шилу (Правдивые записи периода правления Тунчжи大清穆宗毅皇帝實錄). – Токио, 1936.
31. ДФ − Древнекитайская философия. Собрание текстов в двух томах. – М.: Изд. социально-экономической литературы «Мысль», 1972–1973.
32. ДТС – Древнетюркский словарь. – Ленинград: Наука. Ленинградское отделение, 1969. – 676 с.
33. Дэн Шаоцинь. Цяньжу во го наньцзянды ди игэ ша э цзяньде (Первый царский шпион в нашей Кашгарии。邓绍钦。潜入我国南疆的第一个沙俄间谍//世界历史1980年4期)// журнал «Шицзе лиши» (Всемирная история), 1980, № 4.



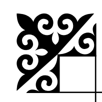
34. Еженхан, 2017 – Бахыт Еженхан. Қожаберген батыр. – Алматы: Арыс, 2017. – 494 бет.
35. Ерофеева, 1997 – Ерофеева И.В. Казахские ханы и ханские династии в XVIII – середине XIX вв. // Культура и история Центральной Азии и Казахстана. Проблемы и перспективы исследования. – Алматы, 1997.
36. Ерофеева, 1999 − Ерофеева И.В. Хан Абулхаир – полководец, правитель и политик. – Алматы: Санат, 1999. – 326 с.
37. Ерофеева, 2013 – Ерофеева И.В. Между всеми старшинами знатнейший. Первый казахский тархан Жанибек Кошкарулы. – Алматы, 2013. – 308 с. +12 с. вкл.
38. Зибберштейн, 1936 – Путевые замечания Омского гарнизонного полка лекаря Зибберштейна. 17 июля – 12 октября 1825 г. Исторический архив. Т. 1. – М. – Л.: Издательство АН СССР, 1936. Т.1 – С. 226–258.
39. Златкин, 1983 – Златкин И.Я. История Джунгарского ханства (1635–1755). 2-е изд. – М.: Наука ГРВЛ. – 1983. – 333 с.
40. История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII – XIX века. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – С. 222–253.
41. Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана, 1987 − Из истории Средней Азии и Восточного Туркестана XV–XIX вв. / Отв. ред. Б.А. Ахмедов. – Ташкент: Изд. «Фан» Узбекской ССР. – 1987. 182 с.
42. ИК в РИ, Т. III – История Казахстана в русских источниках XVI – XX веков. – Т. III. – Журналы и служебные записки дипломата А.И. Тевкелева по истории и этнографии Казахстана (1731–1759 гг.). – Алматы: Дайк-Пресс, 2005. – 484 с.
43. ИК в РИ, Т. IV – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Т. IV. – Первые историко-этнографические описания казахских земель XVIII век. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 368 с. + 8 с. вкл.
44. ИК в РИ, Т. VI − История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Т. VI. – Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям. XVIII–XIX века. – Алматы: Дайк-Пресс, 2007. – 512 с.
45. ИК в РИ, т. VII – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. – Т. VII. – Г.Н. Потанин. Исследования и материалы. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 600 с.



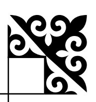
46. ИК в РИ, т. VIII, Ч. 1. – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII, Ч. 1. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах. Составление, предисловие, комментарии и указатели Б.Т. Жанаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 716 с.
47. ИК в РИ, т. VIII, ч. 2 – История Казахстана в русских источниках XVI–XX веков. Т. VIII, ч. 2. О почетнейших и влиятельнейших ордынцах. – Составление, предисловие, комментарии и указатели Б.Т. Жанаева. – Алматы: Дайк-Пресс, 2006. – 962 с.
48. История Казахстана, 2000. − История Казахстана с древнейших времен до наших дней. − Т. III. − Алматы: Атамура, 2000. − 768 с., илл., карты.
49. Казахи. Лик народа, 2001 − Казахи. Лик народа. Составители Д.А. Маргулан, Б. Албани, Д.А. Кунаев, Д. Маргулан. − Алматы, 2001.
50. Қазақстан. Ұлттык энциклопедия (Национальная энциклопедия). Т. 5. − Алматы, 2003. – 719 с.
51. Кыстаубаев, 2010 − Кыстаубаев Б.К. Тайна Чокана Валиханова. − Алматы: Даур, 2010. − 464 с.
52. История Киргизской ССР. Т. 1. − Фрунзе, 1984. − Т.2. − Фрунзе, 1986.
53. Қазақтардың Шыңжаң және моңғол жерлеріне қоныс аудару, 2008 − Қазақтардың Шыңжаң және моңғол жерлеріне қоныс аудару тарихына байланысты қытай мұрағат құжаттары (Китайские архивные материалы по истории переселения казахов в Синьцзян и Монголию). − Алматы, 2008. − 276 бет.
54. Қазақстан Ұлттық энциклопедия Том 8. − Алматы: «Қазақ энциклопедиясының» бас редакциясы, 2006. − 323 бет.
55. Касымбаев Жанузак. Государственные деятели казахских ханств (XVIIIв.). − Алматы: Білім, 1999. − 289 с.
56. Касымбаев Ж. Последний поход хана Кенесары и его гибель. − Алматы: Ана тілі, 2002. − 200 с.
57. Китайские документы и материалы по истории Восточного Туркестана, Средней Азии и Казахстана. XIV−XIX вв. / Отв.ред. Г.С. Садвакасов. – Алматы: Гылым, 1995. – 371 с.
58. Краткая история Синьцзяна. Т. I. 1980 − Краткая история Синьцзяна（新疆简史。第一册）, Т. 1. Отв.ред. Чэнь Хуа. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1980. − 350 с.
59. Краткая история Синьцзяна. Т.II. 1980 − Краткая история Синьцзяна（新疆简史。第二册）, Т. 2. / Отв.ред.Чэнь Хуа. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1980. − 408 с.



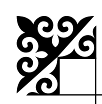
60. Краткий маньчжуро-китайский толковый словарь, 1988 − Краткий маньчжуро-китайский толковый словарь (簡明滿漢辭典）。劉厚生，関可笑，沈微，牛建強，王鈡翰，審訂。洛陽：河南大學出版社, 1988. − 469 с.
61. КРО 1, 1961 − Казахско-русские отношения в XVI−XVIII веках. Сборник документов и материалов. − Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1961. − 743 с.
62. КРО 2, 1964 − Казахско-русские отношения в XVIII-XIX веках. Сборник документов и материалов − Сборник документов и материалов. − Алма-Ата: Издательство Академии наук Казахской ССР, 1964. − 573 с.
63. Кузнецов, 1980 – Кузнецов В.С. Амурсана. − Новосибирск: Изд. «Наука» Сибирское отделение, 1980. – 175 с.
64. Кузнецов, 1983 – Кузнецов В.С. Цинская империя на рубежах Центральной Ази. − Новосибирск: Изд. «Наука» Сибирское отделение, 1983. – 126 с.
65. Кушкумбаев, 2001 − Кушкумбаев А.К. Военное дело казахов в XVII−XVIII вв. − Алматы: Дайк-Пресс, 2001. − 170 с.
66. Кушкумбаев, 2009 − Кушкумбаев А.К. Институт облавных охот и военное дело кочевников Центральной Азии. − Кокшетау, 2009. – 168 с.
67. Кшибеков, 1984 − Кшибеков Д. Кочевое общество: генезис, развитие, упадок. − Алма-Ата: Изд. «Наука» КазССР, 1984. − 233 с.
68. Кыстаубаев, 2010 − Кыстаубаев Б.К. Тайна Чокана Валиханова. − Алматы: Даур, 2010. − 464 с.
69. Лисевич, 1973 − Лисевич И.С. Среднеазиатские влияния в китайской классической литературе // Изучение китайской литературы в СССР /Тексты/: Сб. статей к 60-летию члена корр. Ан СССР Н.Т. Федоренко. / Ред. М.И. Басманов и др. − М., 1973. − С. 11−27.
70. Ли Чуньхуа, 1996 − Ли Чуньхуа. Краткое исследование о зарубежных исследователях Западного края. Переводы и издания. Продолжение (李春华。略论外国探险考察者有关西域著作翻译与出版西域考察与研究续编) / Отв. ред. Су Бай. Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1996. − С. 148−157.
71. Ли Шэн, 1996 − Ли Шэн. Несколько вопросов истории Казахстана//Путешествия и исследования Западного края. Продолжение. (厉声。 哈萨克民族历史发展中的几个问题 //西域考察与研究续编) . / Отв. ред. Су Бай. − Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1996. – С. 61−82.



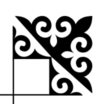
72. Ли Шэн, 2004 – Ли Шэн. Хасакэсытань юй Чжунго Синьцзян гуаньси (15 шицзи- 20 шицзи чжунци). (厲聲。哈薩克特斯坦與中國新疆關係/15世紀-20世紀中期。– 哈爾濱：黑龍江教育出版社). – Харбин: Хэйлунцзян чубаньшэ, 2004. – 415 с.
73. Лин Юнкуан, Ван Си, 1991 – Линь Юнкуан, Ван Си. – Циньдай сибэй миньцзу маои ши (林永匡，王熹編著。清代西北民族貿易史。北京：中央民族學院出版社). – Бэйцзин: Чжунъян миньцзу сюэюань чубаньшэ, 1991. – 573 с.
74. Лю Гэ, Хуан Сяньян, 1988 – Лю Гэ, Хуан Сяньян. Сиюй ши ди лунвэнь цзыляо соин (刘戈，黄咸阳。西域史地论文资料索引。– Библиографический указатель по истории и географии Западного края). – Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1988. – 490 с.
75. Ма Дачжэн, Чэнь Цзундэ, 2006 – Ма Дачжэн, Чэнь Цзундэ. Вэйлате мэнгу шиган (馬大正，成宗德。維拉特蒙古史綱。Очерки истории монголов – ойратов). – Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2006. – 768 с.
76. Ма Маньли, 1994 – Ма Маньли. Оценка зарубежных исследований и путешествий Западного края // Путешествия и исследования Западного края / Отв. ред. Ма Дачжэн, Ван Жун, Ян Лянь. 34 (马曼丽。平外国考察家对西域的考察 //西域考察与研究). – Урумчи: Синьцзян чубаньшэ, 1994. – 25–34 с.
77. Маньчжуры, 1990 – Маньчжуры. Энциклопедический словарь 满族大词典。主編：孫文良) / Отв.ред. Сун Вэньлян. – Шэньян: Ляонин дасюэ чубаньшэ, 1990. – 990 с.
78. Малявкин, 1981 – Малявкин А.Г. Историческая география Центральной Азии (Материалы и исследования). – Новосибирск: Изд. «Наука». Сибирское отделение. – 1981. – 336 с.
79. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. – Т. I. / Отв. ред. В.А. Ромодин (Второе издание). – Бишкек: Кыргызско – Турецкий университет «Манас», 2002. – 315 с.
80. Материалы по истории кыргызов и Кыргызстана. – Т. 2. / Отв. ред. К. Жусаев. Составители К. Жусаев, А. Мокеев, Д. Сапаралиев. – Бишкек: 2003. – 260 с.
81. Махаева, 2006 – Махаева Айткул. Тойшыбек және оның заманы. – Алматы: Баянжүрек, 2006. – 167–184 б.
82. Мелихов Г.В. 1974 – Маньчжуры на Северо-Востоке (XVII в.). – Москва: Наука ГРВЛ. – 1974. – 246 с.
83. Моисеев, 1998 – Моисеев В.М. Россия и Джунгарское ханство в XVII веке (Очерк внешнеполитических отношений). – Барнаул: Алтайский государственный университет. – 1998. – 175 с.



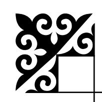
84. МОЦА 1 − Международные отношения в Центральной Азии XVII−XVIII вв. Т. 1. − М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. − 375 с.
85. МОЦА 2 − Международные отношения в Центральной Азии XVII−XVIII вв. Т.2. − М.: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1989. – 340 с.
86. Муканов, 1980 − Муканов Сабит. Промелькнувший метеор. Кн. 1−2. − Алма-Ата: Жазушы, 1980. − 415 с. и 412 с.
87. Не Цзунчжэн, 1999 − Не Цзунчжэн. Циндай гунтин хуйхуа (聂宗正。 清代宫库绘画。Дворцовая живопись периода Цин). − Пекин, 1999. − 298 с.
88. Noda, Onuma, 2010 − Noda Jin and Onuma Takahiro. A Collection of Document from the Kazakh Sultans to the Qing Dynasty. − 2010. − 176 p.
89. Noda, Jin. − The Kazakh Khanates between the Russian and Qing Empires. Central Eurasian International Relations during Eighteen and Nineteen Centuries. − 2015. − Brill Leiden, Boston. − 350 p.
90. НОБ, 1996 – Народно-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова (Сборник документов). Составители: Галиев В.З., Жанаев Б.Т. – Алматы: Гылым, 1996. − 511 с.
91. Нурбек Әбікенұлы. Қазақша-қытайша сөздік. 70 000 сөз. − Алматы: Қайнар университеті. – 1450 бет.
92. Обухов, 2007 – Обухов В.Г. Схватка шести империй. Битва за Синьцзян. − М.: Вече, 2007. – 512 с.
93. Өтениязов, 1995 – Өтениязов С.К. Шоқан өскен орта (Утениязов С.К . Среда, в которой рос Чокан Валиханов), 1995. − Алматы: Қазақстан. – 41 с.
94. Пань Чжипин. Кокандское ханство и Синьцзян в цинскую эпоху (潘志平。− 中亞浩瀚國與清代新疆。- Чжунъя Хаоханьго юй циндай Синьцзян). − Пекин: Чжунго кэсюэюань чубаньшэ, 1991. − 298 с.
95. Пань Чжипин. Кокандское ханство и «западная» политика Цинской империи潘志平。−浩瀚國與西域政治Хаохань го юй Сиюй чжэнчжи). − Улумуци: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2005. − 109.
96. Попов, 1998 – Попов П.С. Китайский философ Мэн-цзы. Репринтное издание. − М.: Восточная литература РАН, 1998. − 278 с.
97. Потанин, 2006 – Потанин Г.Н. Наши сношения с джунгарскими владельцами // История Казахстана в русских источниках XVII–XX веков. – Т. VII. − Алматы: Дайк–Пресс, 2006. – С. 342–410.



98. Путеводитель по ПИА, 1996 – Путеводитель по Первому историческому архиву Китая. Составитель Цинь Гоцзинь（秦国經。中華明清珍檔指南）. – Бэйцзин: Жэньминь чубаньшэ, 1996. – 281 с.
99. Путеводитель ЦГА, 1946 – Путеводитель. Центральный Государственный исторический архив Казахской ССР. Составители: Киреев Ф.Н., Зинин Н.П. / Под ред. Н.Н. Федорова. – Алма-Ата, 1946. – 137 с.
100. Потанин Т.I. 2005 – Путешествие на озеро Зайсан в речную область Черного Иртыша до озера Марка-Куль и горы Сары-Тау летом 1863 г. Карла Струве и Григория Потанина // Г.Н.Потанин. Избранные сочинения в трех томах. Т. 1. – Павлодар, 2005. – С. 297.
101. Путешествия и исследования Западного края / Отв. ред. Ма Дачжэн, Ван Жун, Ян Лянь (西域考察与研究　马大正 / 王嵘 / 杨镰). – Урумчи: Синьцзян чубаньшэ, 1994. – 551 с.
102. Путешествия и исследования Западного края. Продолжение(西域考察与研究续编）/ Отв. ред. Су Бай. – Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1996. – 350 с.
103. РКО, Т. 2. 1990 – Русско-китайские отношения в XVIII веке. Материалы и документы. – Т. 2. 1725–1727. – М., ГРВЛ. – С. 611–656.
104. Семенов Тянь-Шанский, 1947 – Семенов Тянь-Шанский П.П. Путешествие в Тянь-Шань в 1856–1857 гг. – М., 1947. – 277 с.
105. Сергеев, 1983 – Сергеев Александр. Петербургский посол. Исторический роман. – Алма-Ата: Жазушы, 1983. – 295 с.
106. Сибо цзу байке цюаньшу (Сибо. Энциклопедия.錫伯族。百科全書。 主編賀靈，副主編佟可力，佟玉泉）。– Улумуци: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1995. – 564 с.
107. Синьцзян, китайская земля: прошлое и настоящее. Гл. редактор Ли Шэн. – Урумчи: Синьцзянское народное издательство, 2006. – 415 с. (Русская редакция книги «新疆史鉴», изданной в Китае на нескольких языках).
108. Синьцзян цзяньши (新疆簡史。第一冊。主編陳華。Краткая история Синьцзянаю - 1 том, 1980.– 355с.)
109. Синьцзян цзяньши (新疆簡史。第二冊。主編陳華。Краткая история Синьцзяна – 2 том. – Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 1979. – 407с.
110. Синьцзян шилюэ – Циньдин Синьцзян шилюэ (欽定新疆實略。– Высочайше утвержденное описание Новой территории). – Цзюань 12. – Б/м, 1821.
111. Синьцзян гэцзу лиши, вэньхуа цыдянь (新疆各族歷史文化辭典。宇泰山，陳高華，謝方主編История и культура народов



Синьцзяна. Словарь / Отв. ред. Юй Тайшань, Чэнь Гаохуа, Се Фанчжу. При поддержке проф. Виктора Х. Мэйера). − Бэйцзин: Чжунхуа шуцзюй, 1996. − 505 с.+ карты-схемы.
112. Синьцзян лиши цыдянь (新疆歷史辭典。主編紀大椿Историческая энциклопедия Синьцзяна / Отв. ред. Цзи Дачунь). − Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ. − 1996. − 752 с.
113. Сичуй цзунтун шилюе （西陲總統時略。Общее описание западной окраины）, б/м, 1809, цз. 11.
114. Сиюй тунши (西域通史。宇太山主編。История Западного края) / Отв. ред. Юй Тайшань. − Чжэнчжоу: Чжунчжоу гуцзи чубаньшэ, 1996. – С. 463.
115. Сиюй тучжи цзяочжу (西域圖志校注Историко-географическое описание Западного края с комментариями). Тяньчжансы (Глава 4 Небесные славословия). − Урумчи: Синьцзян жэньминь чубаньшэ, 2002. − 612 с.
116. СРЯ, 1983 – Ожегов С.М. Словарь русского языка. − Москва: Русский язык, 1983. − С. 816.
117. Су Бэйхай, 1996 − Су Бэйхай. Хасакэ цзу вэньхуа ши. (苏北海。哈萨克族文化史 . История культуры казахов – 乌鲁木齐: 新疆大学出版社Хасакэ цзу вэньхуа ши). − Урумчи: Синьцзян дасюе чубаньшэ, 1996. − 555 с.
118. Су Бэйхай, 1988 − Су Бэйхай. Сиюй лиши дили. (苏北海。西域历史地理. Историческая география Западного края − 乌鲁木齐: 疆大学出版社）. − Урумчи: Синьцзян дасюе чубаньшэ, 1988. − 417 с.
119. Су Бэйхай, 2017 − Су Бэйхай. – Всеобщая история казахов. Т. 1−2. Гл. ред. Жигер Жанабил. − Алматы, 2017.（苏北海。哈萨克族通史。上。下。阿拉木圖：哈薩克斯坦標準出版社
120. Сулейменов. Басин, 1981 − Сулейменов Б.С., Басин В.Я. Казахстан в составе России в XVIII – начале XX века. − Алма-Ата, 1981. − 217 с.
121. Сусеева Д.А. Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников. Опыт лингвистического описания. − Элиста, 2009. − 422 с.
122. Тезек төре: айтыстар мен жыр өлеңдер. − Тезек төре − ерек төре. Бексултан Нуржекеұлы. − Алматы: Жалын, 1996. – 192 бет.
123. Темиргалиев, 2009 – Темиргалиев Радик. Эпоха последних батыров (1680−1780). − Алматы, 2009. − 290 с.
124. Төле би. Құрастырып, алғы сөзін жазған Сәрсенбі Дәутұлы. -− Алматы: ҚазАқпарат, 2008. − 360 бет.



125. Урашев С.А. Сюк – сын Абылай хана, его переписка с русской администрацией (по материалам лидера партии «Алаш» А.Н. Букейханова) // Материалы Международной научно-практической конференции «Хан Абылай и государственная независимость Казахстана», посвященной 300-летию Абылай хана. 5 октября. Т. 1. – Кокшетау: МОН РК, акимат Акмолинской области, Государственный институт истории, Кокшетауский Государственный университет им. Ш.Ш. Уалиханова, 2013. − С. 95–102. Благодарю профессора за любезное представление рукописи данной статьи.

126. Кәрібаев, 2015 − Үмбетәлі Кәрібаев. Бақтыбай // Шығармалар жинағы. − 2 том. − Алматы, 2015. − 159−177 б.

127. Фу Хэн. Циньдин хуанъюй Сиюй тучжи. − Цзюань 44. − Цзобу хасакэ (傅恒。欽定皇輿西域圖志。卷44左部哈薩克Высочайше утвержденное историко-географическое описание Западного края. − Гл. 44. − Левые – Восточные казахи). – Б/м, 1882.

128. Хан Кенесары // Н. Середа. Бунт киргизского султана Кенесары Касымова и Ахмед Кенесарин. Кенесары и Садык. Подготовлено к переизданию отделением Казахского фонда культуры г. Атырау фирмой «Диалог» г. Уральска, ЗКО, 1992. − 215 с.

129. Хань мань да цыдянь (漢滿大辭典。漢滿對照。安雙成主編。- 瀋陽：遼寧民族出版社 Большой маньчжуро-китайский сопоставительный словарь / Отв. ред. Ань Шуанчэн. − Шэньян: Ляонин миньцзу чубаньшэ, 200. − 1460 с.

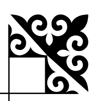
130. Хафизова, 1973 − Хафизова К.Ш. – Некоторые вопросы международных отношений в Центральной Азии // Общество и государство в Китае. III международная конференция ИВ АН СССР. – М.: Наука ГРВЛ, 1973. – Выпуск 2.

131. Хафизова, 1977 − Хафизова К.Ш. Из истории казахско-китайских отношений в 60-х годах XVII века («Урянхайское дело»). − VII-я научная конференция «Общество и государство в Китае». – Ч. 1. – М., 1977. − С. 225−230.

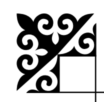
132. Хафизова,1988 − Хафизова К.Ш. Чокан Валиханов о китайских грамотах // Чокан Валиханов и современность. − Алма-Ата: Наука, 1988. − С. 179−185.

133. Хафизова, 1995 − Хафизова К.Ш. Китайская дипломатия в Центральной Азии (XIV−XIX вв.), 1995. − Алматы: Гылым. – 288 с.

134. （哈）哈菲佐娃。克拉拉。十四 - 十九世紀中國在中央中亞細亞的外交。楊恕，王尚達 譯，2003。- 蘭州：蘭州大學出版社。- 266頁



135. Хафизова, 2007 − Хафизова К.Ш. Казахская стратегия Цинской империи. − Алматы: Институт экономических стратегий Центральной Азии, 2007. − 106 с.
136. Хафизова, 2015 − Хафизова К.Ш Диалог цивилизаций на Шелковом пути (исторические сюжеты), 2015. − Астана: Ғылым баспасы. – 415 с.
137. Хафизова, 2017 − Хафизова К.Ш. Кенесары и Китай // Мысль, 2017. − № 5. − С. 39–43.
138. Хафизова, 2018 − Хафизова К.Ш. Су Бэйхай – исследователь истории и культуры казахов // III Аргынбаевские чтения. Материалы. − Алматы, 2018. − С. 37−43.
139. Ходжаев, 1979. − Ходжаев А. Цинская империя, Джунгария и Восточный Туркестан. − М.: Изд. Наука. Главная редакция восточной литературы, 1979. − 128 с.
140. Ходжаев, 2007 − Ходжаев А. Буюк ипак йули. – Тошкент: Давлат илмий нашриёти: Узбекистон миллий энциклопедиясы, 2007. − 280 бет.
141. Христофор Берданес. Киргизская, или казацкая, хорография. − История Казахстана в русских источниках XVI−XX веков. − IV том. Первые историко-этнографические описания казахских земель. − XVIII век. Составитель И.В. Ерофеева. − Дайк-Пресс, 2007. − 336 с.
142. Hummel, 1943 − Hummel Arthur W. Eminent Chinese of Q’ing Period (1644−1912). − USA Government Printing office, 1943. − 1003 p.
143. Хэ Цютао,1881 − Хэ Цютао. Шофан бэйчэн (和秋濤。朔方備稱。Описание северных районов). 1881 г. (Тайбэйское издание напечатано с этого списка). – Цз. 6. − Л. 1 об.
144. Цзи Дачунь, 2010 − Цзи Дачунь. (纪大椿。香妃乾隆容妃的幻影。Сянфэй-фантастическая тень наложницы Цяньлуна Жун-цзи). − Пекин, 2010. – Цзыгуангэ гунчэнь тусян (紫光阁功臣图像。Портреты заслуженных деятелей в Цзыгуангэ) // http;//www.battle-of-guimen com onielist.htm *Примечание.* Чтобы увидеть портреты героев Цзыгуангэ, следует набрать в Интернете слова: Ziguangge congchen wushi tuxiang. Pingdin xiyui houwushi gongchen и другие похожие страницы.
145. ЦИКХ − Цинская империя и казахские ханства. Вторая половина XVIII – первая четверть XIX вв. Составители Хафизова К.Ш., Моисеев В.А. – Ч. 1. − 276 с. Ч. 2. − 277 с., 1989. − Алма-Ата: Наука, 1989.
146. Циндай сицянь Синьцзян чахар мэнгу маньвэнь данъань ибянь (清代西遷新疆察哈爾蒙古滿文檔案譯編。主編：吳元丰，牛



平函，阿爾亞Архивные документы Маньчжурского фонда о переселенных на запад в Синьцзян чахаро-монголах. Переводы на китайский язык. Гл. ред. У Юаньфэн, Ню Пинхань, Аэря. Посвящается 40-летию образования Боротала-Монгольского автономного округа СУАР КНР). − Бэйцзин: ПИА, Научно-исследовательский центр географии и истории границ Китая АОН КНР, Редакционный комитет Боротала монгольского автономного округа СУАР КНР, 1994. – 307 с.

147. Циньдин Синьцзян шилюэ (Высочайше утвержденное описание Синьцзяна) . – Б/м. – 1821

148. Циндай чжун ха гуаньси данъань хуйбянь (清代中哈關係檔案彙編Китайские архивные документы и материалы о китайско-казахских отношениях). – Бэйцзин: Чжунго даньань чубаньшэ. – 2007. – Т. 1. – 649; Т. 2. – 658 с.

149. Цин Шилу Синьцзян цзыляо цзилу. Муцзун шилу (请实录新疆资料辑。穆宗实录。Извлечения из «Шилу» материалов о Синьцзяне. 11 том. − Урумчи: Синьцзян миньцзу яньцзюсо, 1980.

150. /ЦПЧФЧ/ –Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюэ. Цяньбянь.Чжэнбянь. Сюйбянь (欽定評定准格爾方略。前編。政編。續編. Высочайше утвержденные стратегические планы умиротворения джунгар. Начальные записи. Основные записи. Продолжение записей. – Ксилограф. − Б/м, 1771.

151. Цяньлун хуанди цюань чжуань (乾隆皇帝全傳。趙云田，劉風雲，黄愛平，李景屏，郭成康，成宗德 Полная биография императора Цяньлуна. Чжао Юньтан, Лю Фэнюнь, Го Чэнкан, Чэн Цзундэ). – Бэйцзин: Сюэюань чубаньшэ, 2002. − 903 с.

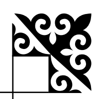
152. Чжунго цзиншэнь (中國精神。The Soul of China。Китайский дух). − Бэйцзин: Хунци чубаньшэ, 1991. − 606 с.

153. Чжун Э гуаньси – Циндай Чжун Э гуаньси данъань шиляо бянь. Ди сань бянь. Шанцэ. (清代中俄關係檔案史料編。第三編。上冊。Сборник архивных исторических материалов о казахско-русских отношениях. − Т. 3. − Ч. 1. 1859−1861 гг. − Пекин, 1979. − 785 с.

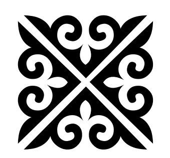
154. Чингисхан. Сокровенное сказание монголов. Великая яса. − Москва: ЭКСМО, 2013. − 480 с., илл.

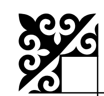
155. Шанышқылы батыр Бердіқожа. – Астана: «Фолиант» баспасы. – 2009. – 284 б.

156. Эпистолярное наследие казахской правящей эдиты. 1675−1821 годов. Т. 1. − Алматы, 2015. − 696 с.+ вкл. 44 с.



157. Эпистолярное наследие казахской правящей элиты 1675−1821 годов. Т. 2. − Алматы, 2015. − 1032 с.+ вкл. 12 с.
158. Юсупов, 2009 – Юсупов Эржан. Подвиг Чокана Валиханова. Открытие Кашгарии. − Санкт-Петербург: Издательско-полиграфическая компания «Коста», 2009. − 64 с., илл.
159. Янушкевич, 1966 – Янушкевич А. Дневники и письма из путешествий по казахским степям (Перевод с польского и предисловие Ф. Стекловой). − Алма-Ата, 1966.
160. http://www.vostlit.info/Texts/Dokumenty/Turk/XVIII/1700-1720/Perepiska_kalmyk/text.htm
161. http://akadmvd.uz/wp-content/uploads/2012-arifdjanov-istor-uzb-ru.pdf

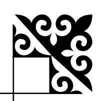




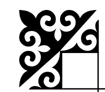
ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1. Офицерские и чиновничьи звания на маньчжурском и китайском языках

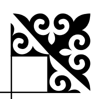
Маньчжурский язык	Китайский язык	Русский язык
Алиха амбань		Глава (президент) приказа (министерства, палаты)
Амбань дачэнь		Сановник, вельможа
Араха хафан вэйгуань		Низший военный чин
Байта - ичихиар амбань	Баньши дачэнь	
Битеши		Писарь
Бошоку (башка)	Линцуй	Низший военный чин
Иейен-и амбань (мейрен-и?)	Линдуй дачэнь?	
Галай да	Ичжан	Командир крыла
Гусай амбань		Командир корпуса восьмизнаменных войск
Гун		Княжеский титул
Демчи (емчи)		Буддийский (лама- лекарь)
Доли хафан	ДАОЮАНЬ	
Елчи	Ши	Посол
Зангин (занги)	Чжанцзинь	Начальник, командир полка, роты
Илхи баярай залан-и цзанги	Фу ху цзюнь цаньлин	
Куаран-и да	Инцзун	
Колдай (голдай)		
	Линдуй дачэнь	
Мейрен-и зангин (чжангин)	Фудутун	Помощник цзянцзюня, помощник корпусного командира, бригадир, полковник
Нируй цзянгин		Командир знамени?

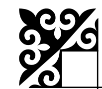


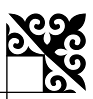
нюру	Ци	(Единица военно-административного деления у маньчжуров)
Оток		(Единица административно-территориального родового деления у монголов)
	Санатэ ямэнь	(Правительствующий – лат.) высший государственный и судебный орган в России
Солоны		Ветвь тунгусского племени
Сула-цзанги	Саньцилан	
Ула бошоку	Ула пицзя	Низший военный чин
Ухери кадалара да	Цзун бин	Командир зеленого знамени
Ухери кадалара амбань	Цзунду	Генерал-губернатор
Хошун		(Монг. «знамя») – единица административно-территориального деления
Хэбэй-амбань	Цанцзань дачэнь	Советник военного губернатора, думный вельможа
	Цань цзань	Ротный командир
Цинь ван		Аристократический титул князя 1-й степени
Цзалан-и цзангин	Цаньлин	
	Цзянцзюнь	Генерал, генерал-губернатор
	Цзюнь ван	Аристократический титул князя 2-й степени
Цяньциньмэй-и хия	Цяньцинмэнь шивэй	Офицер гвардии дворца Цяньцинмэнь Запретного города (Гугун)
	Ямэнь	Приказ, присутствие, учреждение (*военное и гражданское*)

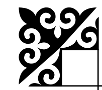


Приложение 2.
Указатель имен



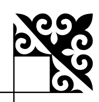


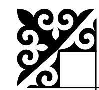


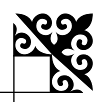


Е

Ж

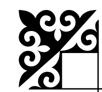


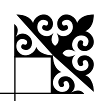


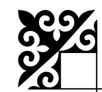


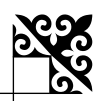
Л

М





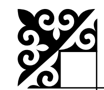


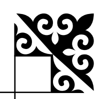


У

Ф

Х

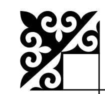




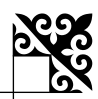
Ш

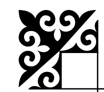
Э

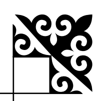
Ю

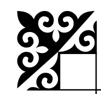


Приложение 3. Географический указатель



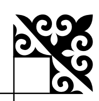


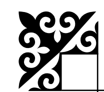


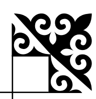


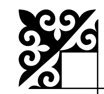
Р

С



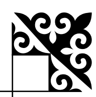






Список сокращений

АВПРИ	Архив внешней политики Российской империи
БС	Бамбуковые страницы
ВД	Восточная дипломатия на стыке цивилизаций
ГАОО	Государственный архив Омской области
ГРВЛ	Главная редакция восточной литературы
ДТС	Древнетюркский словарь
ДЦ	Диалог цивилизаций на Шелковом пути
ДЦШЛ	Дай Цин шилу
ГЧШЛ	Дай Цин Гаоцзун Чуньхуанди шилу
ДЖЖШЛ	Дай Цин Жэньцзун Жуйхуанди шилу
ДФ	Древнекитайская философия
ИАТ	Исторический архив Тайваньского музея Гугун
КРО 1	Казахско-русские отношения в XVI–XVIII вв. Документы и материалы. – Алма-Ата: Наука, 1961
КРО 2	Казахско-русские отношения в XVIII–XIX вв. Документы и материалы. – Алма-Ата: Наука, 1961
ИКвРИ	История Казахстана в русских источниках XVI–XX вв.
НОБ	Народно-освободительная борьба казахского народа под предводительством Кенесары Касымова
ОР НБ РФ	Отдел рукописей Национальной библиотеки Российской Федерации
ПИА КНР	Первый исторический архив КНР
ПЧФЧ	Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе, чжэнбянь
ПЧФС	Циньдин пиндин чжуньгээр фанлюе, сюйбянь
РКО	Русско-китайские отношения
СРЯ	Словарь русского языка
СШЛ	Циньдин Синьцзян шилюе. Б.м., 1821
ЦГА РК	Центральный государственный архив Республики Казахстан
ЦИКХ 1	Цинская империя и казахские ханства. Часть 1
ЦИКХ 2	Цинская империя и казахские ханства. Часть 2
ЦХСТ	Циньдин хуаньюй Сиюй тучжи
ЭНКПЭ 1	Эпистолярное наследие правящей казахской элиты. Кн. 1
ЭНКПЭ 2	Эпистолярное наследие правящей казахской элиты. Кн. 2



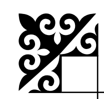
SUMMARY

KLARA KHAFIZOVA
Steppe Rulers and Their Diplomacy in the XVIII-XIX Centuries

In the history of the Kazakh Khanate's diplomacy, there are several personalities whose biographies have most clearly reflected the time when they lived. Information about the lives of such figures helps to understand the diverse and complex system of international relations of the Kazakh Khanates freely stretched between the three centres of world power: the Russian and Qing Empires, and the Islamic world. In the XVIII-XIX centuries, the Islamic world was represented by the Kokand, Bukhara and Khiva khanates, and by Iran and Turkey. Different parts of Kazakhstan were drawn to one of them, depending on their geographic locations and the alignment of the political forces of that time. The destiny of historical figures reflects all interweaving events in the history of the khanates, their delegation of specific representative authorities, and then the ultimate loss of independence. However, this process lasted for a surprisingly long time, almost 200 years, despite the weakness of the Kazakh sovereignty of that period, its economic backwardness, military underdevelopment and the fragmentation of zhuzes, the tribal unions.

Among these personalities, the majority were noble, "white bone", representatives, which is quite natural, since the diplomacy of that time was the privilege of khans and sultans, their closest relatives. The exception is Tole bi Khan from the Senior Zhuz, who actually ruled the clans of the Senior Zhuz, covering himself up as one of Chingisids. In addition to the sultans, among ambassadors, we can see "black bone" batyrs and biys, but most of tehm also belonged to the Kazakh noble class through the kinship with the rulers whom they served. The names of other persons have been mentioned briefly due to the scarcity of materials. The descriptions of the historic figures are mainly associated with their diplomatic activities and the discharge of their embassy missions in Russia and China.

The main personalities are the khans Abulmambet and Abylay, the sultan Abulfaiz and his descendants, the sultans Altynsary, Urus, Sart Yuchin, Kenessary, Xand some batyrs of the Qing Empire.

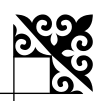


ТҮЙІН

Клара Хафизова
XVIII-XIX ғасырларда дала билеушілері мен олардың дипломатиясы

Хафизова Клара Шайсултанқызының монографиясында Қазақ билеушілерінің үш буынының, оның ішінде Әбілмәмбет пен Абылайханның балалары және немерелерінің ғұмырбаяны арқылы Қазақ хандығының екіжүз жылдық дипломатиялық саясаты қамтылған. Халықаралық қатынастағы қиын жағдайларға қарамастан, әсіресе Ресейдің хандықты ыдырату әрекетінен кейін, олардың қазақ мемлекеттілігін, территориялық біртұтастығы мен ұлттық бірлігін сақтап қалуға деген үздіксіз күресі көрсетілген. Уәли сұлтанның баласы Ғұбайдулла сұлтанның өмірі мен ішкі және сыртқы саясаты зерттеледі. Оған қоса, Цин және Ресей империяларының Ғұбайдулла сұлтан ұстанған саясатқа деген көзқарасы мен қимыл-әрекеттеріне сараптама беріледі. Сонымен қатар еңбекте әйгілі саяси тұлғалардың өмірбаяндарына өзгертілулер енгізіліп, қазақ тарихының жаңа беттері ашылып, жаңа есімдермен толықтырылады. Еңбекте хандықтың дипломатиялық істеріндегі батырлар мен басқа да старшиндардың рөліне үлкен көңіл бөлінген.

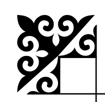
Қазақ хандығының дипломатиялық тарихында бірнеше тұлғалар бар. Олардың ғұмырнамаларында өзі өмір сүрген дәуірі ашылып жазылған. Осындай тұлғалардың өмірі туралы жазбалар бізге Қазақ хандығының көптүрлі және күрделі халықаралық байланыстар жүйесін үш орталық күштер, яғни Ресей, Цинь империясы және Ислам әлемі арасында қалыптасқан ахуалды түсінуге көмектеседі. Ислам әлемін XVIII-XIX ғасырларда Қоқан, Бұхар, Хиуа хандықтары және Иран мен Түркия мемлекеттері таныстырған. Қазақстанның әртүрлі бөліктерін географиялық орналасуы мен қалыптасқан күштің ықпалына қарай әртүрлі жаққа тартып отырды. Тарихи тұлғалардың тағдырында хандықтың барлық шиеленістері, егемендікті сақтау үшін жекелеген құзіретті билік берілгендігі, содан кейін тәуелсіздіктің түпкілікті жоғалуы көрініс табады. Алайда, бұл процесс олардың күш-жігерінің арқасында, қазақ мемлекеттілігінің сол кездегі өзіндік ерекшелігіне, экономикалық артта қалушылығына, әскери әлсіздігіне, державалармен байланыстағы ру-тайпалық одақтар – жүздердің бытыраңқылығына қарамастан, 200 жылға жуық уақытқа созылды.



Қайраткерлердің көпшілігін «ақ сүйектер» құрады, сол себепті, сыртқы байланыстар мен дипломатиялық қатынастарды атқару хандар мен олардың жақын туыстары – сұлтандардың артықшылығына жатты.Шыңғыс тұқымдарының атын жамылып, шын мәнінде Ұлы жүз руларын билеген Төле би ғана ерекше атаққа ие болды. Сұлтан-баһадүрлерге қарамастан, елшілер арасынан «қара сүйектен» шыққан батырлар мен билерді кездестіреміз, дегенменде оларда өз кезегінде қазақ бай-манаптарына жатты, өзі қызмет етуші билеушілердің үйімен туыстық қатынастарда болды.

Монографияда державалардың үш рулық одақтарды (жүздерді) жекелеген хандықтарға бөлу саясатын жүзеге асыру кезеңі, сондай-ақ осы хандықтарды жойғаннан кейін аға ханның (сұлтанның) дәстүрлі институты зерттеледі. Монографияның басты кейіпкерлеріне Әбілмәмбет, Абылай, Уали хан, олардың ұрпақтары және жақын туыстары; Ұрыс, Алтынсары, Жошы сұлтандар, Сарт Ючин, Кенесары, Ғұбайдолла, Тезек, Шоқан Уалиханов, сонымен қатар Төле би, Қабанбай батыр, Қожаберген, Бердіқожа және басқа да көптеген ру басшылары мен старшиндар жатады. Сонымен қатар жоңғар ханы Давашының биографиясы келтірілген.

Ресей, ҚХР, Тайвань (қазақ тарихнамасында бірінші рет) мұрағат құжаттары, сондай-ақ қазақтың тарихи өсиетнамасы – рулық-шежіреден материалдар келтірілген. Оқырмандар қытай құжаттарынан алынған, автордың 1989, 1995, 2015 жылдары аударылып және жекелеген Жинақтарда жарық көрген толық мәтінді қарастыра алады. Монография Қазақстан тарихы мен Орталық Азия өңіріндегі халықаралық қатынастар мәселесімен шұғылданатын ғалымдарға, оқытушылар мен студенттерге арналады.



Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты

Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен құрылған. 2014 жылдың сәуір айында Қазақстан Республикасы Президентінің Жарлығымен Институт Астана қаласына көшірілді. 2018 жылы Институт өзінің 25 жылдық мерейтойын атап өтті.

Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты – Қазақстан Республикасының ішкі және сыртқы саясатының стратегиялық аспектілерін аналитикалық қамтамасыз ету.

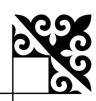
ҚСЗИ кәсіби ғылыми-талдау орталығы болып табылады. 2018 жылдың қорытындысына сәйкес Пенсильвания университетінің «Global Go To Think Tank Index Report» дүниежүзілік зерттеу және талдау орталықтарының негізгі рейтингі бойынша ҚСЗИ әлемнің 8162 «ақыл орталықтары» арасынан 142 орынды иемденіп, рейтингке кірген жалғыз қазақстандық «ақыл орталығы» болды (https://repository.upenn.edu/cgi/ viewcontent.cgi?article=1017&context=think_tanks).

Қазіргі таңда институтта саясаттану, әлеуметтану, мемлекеттік басқару, тарих және экономика секілді салалардың танымал мамандары – ҚР ҰҒА бір мүше-корреспонденті, тоғыз ғылым докторы, бес ғылым кандидаты, үш Ph.D. және он екі ғылым магистрлері қызмет атқарады. ҚСЗИ-дың Алматы қаласында Өкілдігі бар және аймақтарда жаңадан өкілдіктер ашты.

ҚСЗИ өзінің 25 жылдық қызметі барысында институт халықаралық қатынастар, жаһандық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 300-ден астам кітап басып шығарды. Институтта үш журнал басылып шығарылады: «Қоғам және Дәуір» тоқсандық ғылыми-сараптамалық журналы (қазақ тілінде), «Казахстан-Спектр» тоқсандық ғылыми журналы (орыс тілінде) және «Central Asia’s Affairs» тоқсандық сараптамалық журналы (ағылшын тілінде). Үш тілде жүргізіліп отыратын сайты, Facebook және Twitter әлеуметтік желілерінде өз парақшасы бар.

ҚСЗИ жыл сайын халықаралық ғылыми конференциялар, дөңгелек үстелдер, семинарлар, сарапшылар кездесулерін өткізіп тұрады. 2003 жылдан бері Институт Орталық Азия аймағының қауіпсіздігі мен тұрақтылығы мәселелеріне арналған 15 конференция өткізді. 2018 жылдың 15 маусымында Қазақстан Республикасы Президенті жанындағы ҚСЗИ-нің 25 жылдығына арналған «Жаңғыртудың ұлттық стратегиялары: жетістіктері мен келешегі» атты мерейтойлық конференция өтті.

ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстан өңірлерінің және Орталық Азия елдерінің сарапшылары, сонымен қатар, АҚШ, Ауғанстан, Әзербай-



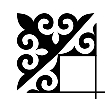
жан, Германия, Грузия, Жапония, Иран, Корея, Қытай, Моңғолия, Пәкістан, Ресей, Түркия, Үндістан, Ұлыбритания, Франция, Швеция және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысады.

ҚСЗИ көп жылдардан бері Қазақстанның жетекші жоғарғы оқу орындарының студенттері, магистранттары мен докторанттары ғылыми- зерттеу, кәсіби және дипломалды тәжірибелер мен тағылымдамалардан өтетін алаң болып келеді.

Институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалған. 2017-2018 жылдары Қазақстан Республикасының Білім және ғылым министрлігі ҚСЗИ үшін докторантура мен магистратураға мақсаттық гранттар бөлді. Қазіргі таңда ҚСЗИ Л.Н. Гумилёв атындағы Еуразия ұлттық университеті мен әл-Фараби атындағы Қазақ ұлттық университеті базасында 6 магистрант және 10 Ph.D. докторант дайындап жатыр.

ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 010000,
Нұр-Сұлтан, Бейбітшілік көшесі, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz, www.kaziss.kz



Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан

Казахстанский институт стратегических исследований (KAZISS) при Президенте Республики Казахстан создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 года. В апреле 2014 года Указом Президента Республики Казахстан КИСИ был передислоцирован в город Астану. В 2018 году Институт отметил свой 25-летний юбилей.

С момента своего возникновения основной задачей Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан является прогнозно-аналитическое обеспечение стратегических аспектов внутренней и внешней политики Республики Казахстан.

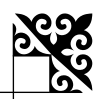
КИСИ является профессиональным научно-аналитическим центром. По итогам 2018 года КИСИ стал единственным казахстанским «мозговым центром», вошедшим в основной рейтинг «Global Go To Think Tank Index Report» Пенсильванского университета, заняв 142 место среди 8162 мозговых центров мира (https://repository.upenn.edu/cgi/ viewcontent.cgi?article=1017&context=think_tanks).

В настоящее время в институте работают один член-корреспондент НАН РК, девять докторов и пять кандидатов наук, три доктора Ph.D, двенадцать магистров – специалисты в области политологии, социологии, государственного управления, истории и экономики. КИСИ имеет Представительство в г. Алматы, а также открывает свои представительства в регионах.

За 25 лет деятельности институтом было издано более 300 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском, а также ведет аккаунты в социальных сетях Facebook и Twitter.

КИСИ ежегодно проводит международные научные конференции, семинары, круглые столы, экспертные встречи. С 2003 года проведено 15 Ежегодных конференций КИСИ по вопросам безопасности и стабильности в Центральной Азии. 15 июня 2018 года состоялась юбилейная конференция «Национальные стратегиии модернизации: достижения и перспективы», посвященная 25-летию КИСИ при Президенте РК.

В научных форумах КИСИ принимают участие эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, а также ученые из Азербайджана, Афганистана, Великобритании, Германии, Грузии, Индии, Ирана, Китая, Республики Корея, Монголии, Пакистана, России, США, Турции, Франции, Швеции, Японии и др.



КИСИ является многолетней базой для прохождения научно-исследовательских, профессиональных, преддипломных практик и стажировок для студентов, магистрантов и докторантов высших учебных заведений страны.

В настоящее время в институте созданы необходимые условия для профессионального и научного роста сотрудников. В 2017 и 2018 годах Министерство образования и науки Республики Казахстан выделило для КИСИ целевые гранты в Ph.D докторантуру и магистратуру. На сегодняшний день КИСИ готовит на базе Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва и Казахского национального университета им. аль-Фараби – 6 магистрантов и 10 докторантов Ph.D.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 010000
Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.
www.kisi.kz, www.kaziss.kz

Монография

Клара Хафизова

Степные властители и их дипломатия XVIII-XIX веках

Редактор-корректор: Е.Дремкова
Дизайн обложки: В. Глухов
Верстка: В. Глухов

Формат 60х90 1/16.
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 30.
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, Нур-Султан, ул. Бейбітшілік, 4

Изготовлено КФ “Кокшетау” ОО КОС
г. Кокшетау, ул. Канай Би, 37.